

Трансформационные революции
в странах Центральной и Юго-Восточной Европы
К 30-летию событий
1989–2019

Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.:
исследования и документы

Редакционная коллегия серии:

К. В. Никифоров (глав. ред.)
А. К. Александрова
В. В. Волобуев
Т. В. Волокитина
А. В. Ганин
Э. Г. Задорожнюк
Е. П. Серапионова
А. С. Стыкалин
А. А. Улунян

Вып. 2

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
К 30-летию событий
1989–2019

Санкт-Петербург
Нестор-История
2021

УДК 94 (367+436)

ББК 63.3(0)6

T654

Авторы:

А. К. Александрова, Т. Г. Биткова, В. В. Волобуев, О. Г. Волотов, С. О. Волотов, Э. Ворачек, А. Б. Едемский, Б. Й. Желицки, Э. Г. Задорожнюк, Ф. Е. Лукьянов, И. М. Мамедов, О. Ю. Михалев, Н. Н. Морозов, О. Б. Неменский, В. В. Никитин, К. В. Никифоров, А. А. Пивоваренко, Н. С. Пилько, И. С. Путинцев, Я. Н. Смирнов, А. С. Стыкалин, В. В. Трухачев, Л. Н. Шанишева, Л. Н. Шишелина

Редакционная коллегия:

К. В. Никифоров (отв. ред.), А. К. Александрова (отв. секр.), Э. Г. Задорожнюк, А. С. Стыкалин

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Н. С. Гусев*
доктор исторических наук *В. А. Зубачевский*

T654 Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

К 30-летию событий. 1989–2019 / отв. ред. К. В. Никифоров. — М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. — 400 с. — (Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследования и документы. Вып. 2).

ISBN 978-5-4469-2004-4

ISSN 2712-8342

DOI 10.31168/2712-8342.2021.2

В книге обосновывается релевантность впервые введенного в научный оборот концепта «трансформационные революции», анализируются ход протекания и достигнутые результаты в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в тридцатилетний период их истории. Характеризуются особенности постсоциалистической трансформации стран региона, их подключения к процессам евроинтеграции. Выделена специфика демократического устройства и рыночной экономики для стран Центральной (Вишеградская четверка) и Юго-Восточной (Балканы) Европы. Особый акцент ставится на проблематике идейно-политических противостояний в них.

ISBN 978-5-4469-2004-4

9 785446 920044

© Коллектив авторов, 2021
© Институт славяноведения РАН, 2021
© Дизайн обложки П. К. Донской, 2021
© Издательство «Нестор-История», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (К. В. Никифоров).....	9
------------------------------------	---

Раздел I

Трансформационные революции в странах Центральной Европы: модели и их реализация

Глава 1. Особенности трансформации на востоке Европы — демократия или национализм (К. В. Никифоров).....	15
Глава 2. Феномен вишеградского взаимодействия в контексте трансформации Центральной Европы (Л. Н. Шишелина).....	23
Глава 3. Будапешт и миграционная политика Брюсселя (2014–2019 гг.) (Б. Й. Желицки).....	33
Глава 4. Венгрия: политика лавирования между ЕС, США, Китаем и Россией (О. Г. Волотов, С. О. Волотов).....	58
Глава 5. Венгрия спустя тридцать лет после «смены системы». Венгерский НЭП Виктора Орбана (Ф. Е. Лукьянов).....	71
Глава 6. От ГДР к восточным федеральным землям Германии: особенности экономической и политической трансформации (1989–2019 гг.) (Л. Н. Шанишева).....	89
Глава 7. Интересы Польши и будущее Европы во взглядах польских крайне правых политиков (О. Б. Неменский).....	102
Глава 8. Партия «Право и справедливость» о европейской политике Польши (О. Ю. Михалев).....	120
Глава 9. Римско-католическая церковь в политической жизни современной Польши (В. В. Волобуев).....	134
Глава 10. Левый спектр чехословацкой политической оппозиции в поисках новых решений. Конец 80-х — начало 90-х гг. XX в. (Э. Ворачек).....	154
Глава 11. Дилеммы чешской политической жизни и их прагматичные решения. 1998–2002 гг. (Э. Г. Задорожнюк).....	179
Глава 12. Памятник маршалу Коневу как жертва чешских противоречий по России (В. В. Трухачев).....	197
Глава 13. Чехословацкая правящая элита в преддверии «бархатной» революции. 1985 г. — ноябрь 1989 г. (В. В. Никитин).....	211

Раздел II
Трансформационные революции в странах Юго-Восточной Европы:
ожидания и итоги

Глава 14. Венгерский фактор и региональные особенности политических процессов в Трансильвании (1989–2000 гг.) (<i>И. С. Путинцев</i>)	225
Глава 15. Особенности внешнеполитического курса Румынии (<i>Т. Г. Биткова</i>)	240
Глава 16. Румыния 30 лет спустя: от тоталитарной диктатуры к параллельному государству? (<i>Н. Н. Морозов</i>)	254
Глава 17. Проблемы и болевые точки венгеро-румынских отношений в условиях «смены систем» и последующего посткоммунистического развития (<i>А. С. Стыкалин</i>)	269
Глава 18. Милован Джилас о «саморазрушении коммунизма» (<i>А. Б. Едемский</i>)	300
Глава 19. Трансформация словенской культурной и политической элиты в 80-е гг. XX в.: от социализма к демократии (<i>Н. С. Пилько</i>)	318
Глава 20. Политика примирения в современной Хорватии: от синкретизма к «легитимному национализму» (<i>А. А. Пивоваренко</i>)	331
Глава 21. Москва и Подгорица в 1997–1999 гг.: поиск взаимопонимания (<i>Я. Н. Смирнов</i>)	352
Глава 22. Интеграционная роль Греции на Балканах: политика и экономика (<i>А. К. Александрова</i>)	360
Глава 23. Политика Турции на Балканах в свете трансформаций в Центральной и Юго-Восточной Европе на рубеже XX–XXI вв. (<i>И. М. Мамедов</i>)	374
Резюме глав	381
Chapters asbtracts	389
Сведения об авторах	396
Summary	398

CONTENTS

Preface (<i>Konstantin V. Nikiforov</i>)	9
--	---

Section I

Transformational revolutions in Central Europe: models and implementations

Chapter 1. Transformation in Eastern Europe – democracy or nationalism (<i>Konstantin V. Nikiforov</i>)	15
Chapter 2. The phenomenon of Visegrad Interaction in the context of Central European transformation (<i>Liubov N. Shishelina</i>)	23
Chapter 3. Budapest and Brussels' migration policy (2014–2019) (<i>Bela Y. Zhelitski</i>)	33
Chapter 4. Hungary: the policy of maneuvering between the EU, USA, China, and Russia (<i>Oleg G. Volotov, Sergei O. Volotov</i>)	58
Chapter 5. Hungary thirty years after the “change of system”. Hungarian “New Economic Policy” of Viktor Orbán (<i>Fedor Y. Lukyanov</i>)	71
Chapter 6. From the GDR to Eastern Federal Lands of Germany: features of economic and political transformation (1989–2019) (<i>Larisa N. Shanshieva</i>)	89
Chapter 7. The interests of Poland and the future of Europe in the views of radical right-wing Polish politicians (<i>Oleg B. Nemensky</i>)	102
Chapter 8. Law and Justice Party on Poland's European policy (<i>Oleg Y. Mikhalev</i>)	120
Chapter 9. Roman Catholic Church in the political life of modern Poland (<i>Vadim V. Volobuev</i>)	134
Chapter 10. Left-wing spectrum of the Czechoslovak political opposition in search of new solutions. The late 1980s to early 1990s (<i>Emil Vorachek</i>)	154
Chapter 11. The dilemmas of Czech political life and their pragmatic solutions. 1998–2002 (<i>Ella G. Zadorozhnyuk</i>)	179
Chapter 12. Monument to Marshal Konev as a victim of Czech contradictions on Russia (<i>Vadim V. Trukhachev</i>)	197
Chapter 13. Czechoslovakian elites before the “velvet” revolution (1985–1989) (<i>Viktor V. Nikitin</i>)	211

Section II
Transformational revolutions in South-Eastern Europe:
expectations and outcomes

Chapter 14. The Hungarian factor and the specific features of Transylvanian politics (1989–2000) (<i>Igor S. Putintsev</i>)	225
Chapter 15. Features of the foreign policy of Romania (<i>Tatiana N. Bitkova</i>)	240
Chapter 16. Romania thirty years later: from a totalitarian dictatorship to a deep state? (<i>Nikolai N. Morozov</i>)	254
Chapter 17. Problems and pressure points in Hungarian-Romanian relations in the context of a “change of systems” and subsequent post-communist development (<i>Aleksandr S. Stykalin</i>)	269
Chapter 18. Milovan Djilas on the self-destruction of Communism (<i>Andrei B. Edemsky</i>)	306
Chapter 19. Transformation of the Slovenian cultural and political elite in the 1980s: from socialism to democracy (<i>Nadezhda S. Pilko</i>)	318
Chapter 20. The politics of reconciliation in contemporary Croatia: from syncretism to “legitimate nationalism” (<i>Aleksandr A. Pivovarenko</i>)	331
Chapter 21. Moscow and Podgorica in 1997–1999: in search of common interests (<i>Yakov N. Smirnov</i>)	352
Chapter 22. The integration role of Greece in the Balkans: politics and economics (<i>Anna K. Aleksandrova</i>)	360
Chapter 23. Turkey’s policy in the Balkans in the light of transformations in South-Eastern Europe in the late twentieth and early twenty-first centuries (<i>Ilgar M. Mamedov</i>)	374
Chapter Abstracts (Russian)	381
Chapter Abstracts (English)	389
Contributors	396
Transformational revolutions... (summary)	398

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую читатель держит в руках, посвящена трансформационным революциям в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Со времени первой волны этих революций прошло 30 лет. В своей коллективной работе сотрудники Института славяноведения РАН и их коллеги пытаются разобраться в том, что произошло за этот период в странах региона, какие еще задачи решены, а какие нет, какие проблемы появились заново уже в процессе трансформации (транзита), какие возникли новые противостояния, вокруг каких вопросов ведутся дискуссии. Причем сотрудники Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения далеко не в первый раз обращаются к проблемам современной трансформации стран региона. Их книжной продукцией были отмечены фактически все прошедшие юбилеи так называемых трансформационных бархатных революций 1989 г., положивших конец социалистическому эксперименту в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и послуживших началом процесса трансформации этих стран¹.

Тем не менее и через тридцать лет в историографии не сложилось даже устойчивого названия для этих революций. Чаще всего их называют «бархатными», подчеркивая обычно ненасильственный характер смены власти. Хотя, как известно, далеко не везде смена власти была мирной. Иногда определяющим становилось то, против чего эти революции были направлены. В частности, их обозначали как антикоммунистические. Авторы коллективной монографии

¹ См., например: Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М.: Наука, 2001; Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.: Новый хронограф, 2003; История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М.: Наука, 2007; Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века — начало XXI столетия). М.: Институт славяноведения РАН, 2008; Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011; Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. М.: СПб.: Нестор-История, 2015.

вводят свое название, в котором главной стала цель этих революций. Отсюда и их обозначение как трансформационных.

Дискуссионным остается еще один вопрос: завершилась ли через 30 лет трансформация в бывших социалистических странах Европы — созданы ли в них демократическое политическое устройство и рыночная экономика. Для стран Центральной Европы ответ, наверное, может быть утвердительным при всем понимании того, что трансформация — это общественный процесс, когда решаются одни проблемы, но появляются другие. Для балканских стран решение основных задач трансформации — еще на повестке дня. Впрочем, в историографии существует и более осторожный взгляд на эту проблему. Бытует мнение, что трансформация не закончена не только на Балканах, но и в Центральной Европе. Так, И. И. Орлик в 2015 г., ссылаясь на мнение многих исследователей, писал, что трансформация общественного строя для стран региона «в определенной для каждой из них мере еще продолжается, переходный период далеко не завершен». И далее: «По мнению квалифицированных экономистов и политологов, переходный постсоциалистический период может занять еще более 20 лет»².

Одной из особенностей трансформации стран региона было ее осуществление параллельно со стремлением многих из них подключиться к процессу евроинтеграции. Движение в этом направлении, «возвращение в Европу» во многом предопределило модель трансформации в странах региона, этот переход «был совершен путем переноса на национальную почву в полном объеме норм и правил ЕС». Таким образом, можно сказать, что, помимо всего прочего, трансформация странами региона осуществлялась через евроинтеграцию. Однако все еще «не получен однозначный ответ на ключевой вопрос о практической целесообразности внешнеполитического выбора постсоциалистических государств в пользу интеграции в европейские и евроатлантические структуры»³. В любом случае результаты реформ и евроинтеграции «оказались далекими от ожидаемых»⁴.

Так, помимо внутренних просчетов этих стран в процессе трансформации, Н. В. Куликова видит также проблемы, возникшие извне, именно от процесса евроинтеграции. Причем внутренние просчеты повысили уязвимость экономики стран региона к внешним шокам. В то же время «глубинные корни как макроэкономических дисбалансов, так и многих других проблем стран ЦВЕ (Центрально-Восточной Европы. — *К.Н.*) лежат в их присоединении к интеграционному объединению государств со значительно более мощной

² Орлик И.И. Глава I. Центрально-Восточная Европа: интеграция и дифференциация // Основные тенденции во взаимоотношениях России и стран Центрально-Восточной Европы. М.: ИЭ РАН, 2015. С. 16.

³ Глинкина С.П., Куликова Н.В. Глава 1. От социализма к капитализму через евроинтеграцию // Постсоциалистический мир: итоги трансформации. В 3 т. СПб.: Алетейя, 2017. Т. 1. Центрально-Восточная Европа. С. 32–34.

⁴ Там же. С. 47.

экономикой»⁵. Масштаб проблем в различных странах оказался различным. В частности, «экономика Польши, слабее других восточноевропейских экономик интегрированная в рынок ЕС и относительно хорошо сбалансированная, достаточно стойко выдерживает внешние удары»⁶.

Совсем не случайно в странах региона получило развитие и такое явление общественной мысли, как евроскептицизм⁷. У «новых европейцев» после первоначальной эйфории наступило заметное разочарование. Ожиданий было гораздо больше. Не мог прийти по нраву командный тон Брюсселя и разросшаяся сверх всякой меры евробюрократия. Заговорили даже о том, что из одной диктатуры страны региона попали в другую⁸.

Распад СССР и Восточного блока породил новую транзитологию (как научная дисциплина транзитология сложилась еще в 1960-х гг. в связи с крушением колониальной системы). Сейчас появилась уже, по мнению известного географа-регионалиста Л. В. Смирнягина, третья транзитология, которая «порождена разочарованием в скорости перемен в течение Перехода. Выяснилось, что имеют место два разных подхода к политической демократии и к рыночной экономике. Они могут противоречить друг другу. Разочарование из-за шоковой терапии подрывает легитимность политической демократизации... Это приводило к установлению кое-где авторитарных режимов»⁹.

Кстати, типологи-географы до сих пор не могут отнести страны региона к определенным устоявшимся типам государства, в лучшем случае они обозначены как транзитные страны (постсоветские и постсоциалистические). Тот же Л. В. Смирнягин в 2014 г. считал, что по завершении транзита они могут разбредиться по разным типам стран. К примеру, Россия попадет в число автохтонных, а потом, возможно, развитых капиталистических стран, Чехия — в число малых привилегированных стран Европы, Болгария — в число отставших капиталистических¹⁰. Предполагал он, однако, что многие из этих стран образуют новые типы¹¹. Нам также представляется, что страны Центральной и Юго-Восточной Европы еще долго сохраняют свое типологическое отличие и друг от друга, и еще больше — от «старой Европы».

⁵ Куликова Н. В. Глава 2. Успехи и проблемы открытой рыночной экономики // Постсоциалистический мир... С. 83–84.

⁶ Там же. С. 84.

⁷ Подробнее см.: Между Москвой и Брюсселем. М.: Институт славяноведения РАН, 2016; Европа. Евразия. XXI век начинается. М.: Институт славяноведения РАН; Полемедиа, 2018.

⁸ См., например: «Из одной диктатуры мы попали в другую...». Тридцать лет после «смены системы». Взгляд из Будапешта. Интервью с Э. Биро // Историческая экспертиза. 2020. № 1. С. 224–239.

⁹ Типология зарубежных стран. Учебно-методическое пособие с текстами В. В. Вольского и лекциями Л. В. Смирнягина. М.: Типография «Пеликан», 2019. С. 297, 299.

¹⁰ Автохтонные, развитые, малые привилегированные, отставшие капиталистические — типы стран.

¹¹ Типология зарубежных стран... С. 304.

В любом случае понятно, что странам региона и через 30 лет не удалось полностью и на равных правах «вернуться в Европу», хотя именно это и заявлялось в качестве главной цели трансформации. Разрыв в развитии со «старыми европейцами» преодолеть так и не удалось. Повторилась ситуация периода между двумя мировыми войнами и периода «социалистического строительства». Сохранился и разрыв между сравнительно развитой Центральной Европой (к ней нужно отнести также Словению) и более отсталыми Балканами. Возможно, он даже увеличился. В то же время искусственное разделение Балкан и сочиненное не столь давно понятие «Западные Балканы» (бывшая Югославия минус Словения и плюс Албания) показало свою бессмысленность.

РАЗДЕЛ I

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ: МОДЕЛИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

Глава 1

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ — ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ НАЦИОНАЛИЗМ

Известный польский диссидент и влиятельный общественный деятель Адам Михник говорил, что национализм — это последняя стадия коммунизма. Эти известные слова обычно расшифровывают так, что в бывших социалистических странах на смену коммунистическому режиму сначала приходит национализм как более примитивная и понятная массам идеология, и лишь затем демократия как гораздо более сложная для восприятия и реализации система взглядов. Правда, иногда происходит обратное. Коммунистические авторитарные лидеры прибегают к национализму как к последнему средству, чтобы сохранить свою власть и не допустить серьезных изменений. Самый яркий пример дает милошевичевская Сербия. Но и в первом, и во втором случае национализм служит препятствием для демократических изменений.

В противоположность таким доминирующим выводам, некоторые исследователи, наоборот, видят в росте национализма во время краха коммунистических режимов положительный аспект. Они считают, что национализм являлся своего рода катализатором изменений в восточноевропейских странах и действовал в них как единственная сила, которая способна объединить и мобилизовать массы на борьбу с тоталитарными институтами. После решения этой задачи националистическая коалиция неизбежно распадалась, между ее частями начиналась политическая конкуренция, которая приводила к функционированию плюралистического общества¹.

Попробуем разобраться в этих проблемах. Известно, что отказ от социалистического развития восточноевропейских стран происходил в виде так называемых бархатных революций 1989 г. Формы этих «революций» могли быть самыми различными — в виде не только мирных манифестаций, но и насильственных переворотов, а также в форме круглых столов ведущих политических сил и при проведении первых после многолетнего перерыва многопартийных выборов². Причем период «бархатных» революций на востоке Европы не огра-

¹ *Tomas R. Srbija pod Miloševićem. Politika devedesetih (Thomas R. Serbia under Milošević. Politics in the 1990s).* Beograd: Samizdat B92, 2002. S. 27.

² См., например: История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М.: Наука, 2007; Революции и реформы в странах Центральной

ничился 1989 г., а растянулся на десять лет, завершившись «октябрьской», или «бульдозерной революцией» в Сербии в 2000 г.

Причем революция в Сербии имела двойственную природу. Только с одной стороны это была последняя из тех «бархатных» революций, которые начались в 1989 г. С другой же — она открыла череду новых революций, названных «цветными». Фактически эти события были вторым изданием «бархатных» революций, они происходили в тех странах, где преобразования оказались недостаточными, половинчатыми и не решили задач первых революций. Новые «цветные» революции были призваны покончить с коррупцией и бюрократическим произволом новых властей, с социальной незащищенностью и вопиющим расслоением, с кичливыми сверхдоходами правящих кланов, часто строящихся по семейному принципу³.

Особенностью «цветных» революций начала XXI в. явилось то, что чаще всего они происходили во время выборов. Отсюда и их другое название — «электоральные революции». В последнее десятилетие прошлого века именно многопартийные выборы были главным завоеванием оппозиции и механизмом смены власти во многих восточноевропейских странах. Попытка пересмотреть или даже ликвидировать это завоевание часто оказывалась последней каплей, переполнявшей чашу терпения.

Другими словами, «цветные» революции начала XXI в. были призваны, во-первых, довести до конца то, что не было доделано «бархатными» революциями. Именно поэтому новые революции и происходили в относительно менее развитых государствах — на Балканах или постсоветском пространстве. Во-вторых, «цветные» революции нацелены на разрешение противоречий, которые появились уже в ходе постсоциалистической трансформации и которые «приобрели устойчивый характер и стали оказывать сдерживающее влияние на дальнейшее развитие»⁴.

Таким образом, как представляется, и первые, и вторые революции — явления одного порядка. Их нужно рассматривать как один процесс. И их, на наш взгляд, можно объединить понятием «трансформационные революции»⁵.

Для полноценного перехода к новому демократическому устройству одного революционного потрясения, особенно в более отсталых странах, часто

и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М.: РОССПЭН, 2011; Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы. М.: РОССПЭН, 2015.

³ *Иноземцев В.* Трудный возраст элиты. Новые «народные революции» кардинально отличаются от событий, имевших место шестнадцать лет назад // Независимая газета. 2005. 6 апреля.

⁴ *Рябов А.* Москва принимает вызов «цветных» революций // Pro et contra. 2005. Т. 9. С. 19–20.

⁵ Устоявшегося названия подобным революциям еще нет. Названия «бархатные» и «цветные» не несут в себе никакой смысловой нагрузки. Иногда определения даются через отрицание, например, «антикоммунистические» (см., например: История антикоммунистических революций конца XX века...). Но куда эти революции ведут, какова их цель при такой дефиниции — непонятно.

бывает недостаточно. И если центральноевропейским Польше, Чехии, Словакии и Венгрии для реализации постсоциалистической трансформации хватило, по-видимому, одного революционного импульса, то Сербии и некоторым постсоветским государствам оказались необходимы новые революционные потрясения.

В частности, в России даже для начала процесса реальной трансформации понадобилось два революционных потрясения. Это, во-первых, Августовский путч 1991 г., в результате поражения которого рухнула коммунистическая монополия на власть; а во-вторых — события октября 1993 г., покончившие с советской организацией власти. И даже эти два импульса не привели к устойчивому развитию. Или на Украине, где вначале не было выраженной «бархатной» революции, но затем произошло два «цветных» переворота — «оранжевая революция» в 2004 г. и так называемый Евромайдан в 2013–2014 гг. И эти два импульса отнюдь не сняли всей остроты общественных противоречий, в чем-то даже добавили сложностей, особенно если речь идет о Евромайдане.

Повторим, что ничего необычного в этом нет. Можно вспомнить, что в свое время для многих государств Западной Европы при утверждении буржуазного строя понадобилась целая серия революций. Самый хрестоматийный пример дает французская история.

Между отмеченными нами двумя типами трансформационных революций — «бархатными» и «цветными» — много общего. Но, прежде всего, это протестное выступление масс на основе соединения демократии и национализма. И нужно понять, как это происходит, какие закономерности мы можем здесь наблюдать.

Нам представляется, что, во-первых, национализм проявляет себя не сразу после краха коммунизма, как можно было понять из приведенной выше цитаты Михника, а после первых демократических изменений, пусть еще робких и неудачных. То есть националисты перехватывали инициативу не у коммунистов, а у демократов. Во-вторых, подобное происходило не только во время последних трансформационных переворотов или сразу после них, но и задолго до «бархатных» и «цветных» революций.

Приведем только два примера из истории Югославии.

Первый — события в Хорватии начала 1970-х гг. Тогда, в ходе обсуждения поправок к конституции в Хорватии возникло «Массовое движение» — «маспок» (сокращенно от хорватского — «масовни покрет»), или «Хорватская весна», по аналогии с Пражской. По всей Республике происходили митинги и манифестации. Началось все с вопросов хорватского языка, хорватской культуры, а кончилось реабилитацией фашистского Независимого государства Хорватии и обвинением федерации в унитаризме, а сербов — в «великосербстве». Появились требования немедленного пересмотра в пользу Хорватии внешнеторговой, валютной и банковской системы Югославии. Началась дискриминация живших в Хорватии сербов в быту, при приеме на работу и т. п.

Националистические силы группировались около «Матицы хорватской» — главной культурно-просветительской организации Республики и Загребского университета. Во главе же движения стояло руководство Союза коммунистов Хорватии. Активное участие в «маспоке» принимал будущий первый президент независимой Хорватии Ф. Туджман. Сам Тито долгое время выжидал, ничего не предпринимал, а потом говорил, что «его обманули». Хорватские националисты, действительно, превозносили его в печати «как хорвата» и устраивали ему пышные встречи. Но когда «маспок» стал приобретать все более националистические и неконтролируемые формы, Тито в декабре 1971 г. вмешался, арестовал зачинщиков движения и сменил руководство Хорватии⁶.

Все это хорошо известно. Но для нас важно подчеркнуть, что начальный демократизм хорватского движения довольно быстро приобрел националистический и антигосударственный характер⁷.

Другой пример дает Сербия, где после смерти Тито развивались процессы, сходные во многом с советской перестройкой. Катализатором деятельности сербских оппозиционных интеллектуалов стало запрещение книги «Шерстяные времена» Гойко Джого в апреле 1981 г. В своих стихах поэт впервые замахнулся на личность самого Тито. Арест Джого вызвал волну протестов сербской интеллигенции, коллективных писем в его защиту и «вечеров солидарности». Эти акции переросли в протест против экономического положения, политического и конституционного устройства, недостатка политических свобод, несвободных СМИ и т. п.

В критике режима и всего коммунистического прошлого и настоящего участвовали ученые-обществоведы, прежде всего, из сотрудничавших ранее с известным общегославским журналом «Праксис», который выходил в свет с 1964 г. по 1975 г. Более активными и здесь стали сербы: философы Любомир Тадич и Михайло Маркович, экономист Коста Михайлович, юристы Воислав Коштуница (впоследствии последний президент Союзной Республики Югославии и премьер-министр Сербии) и Коста Чавошки. Особую роль сыграла в тот период книга сербского историка Веселина Джуретича «Союзники

⁶ Подробнее см.: *Petranović B. Istorija Jugoslavije. 1918–1978.* Beograd: Nolit, 1981. S. 580–582; Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. М.: Наука, 2002. Т. 2. С. 495–496; *Goldstein I. Hrvatska 1918–2008.* Zagreb: Novi Liber, 2008. S. 532–552. См. также: *Руднева И. В.* Хорватское национальное движение: конец 1960-х — начало 1970-х гг. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2014.

⁷ И. Голдштайн пишет, что «в движении доминировали две основные идеи — национальная и либерально-демократическая. У некоторых участников в некоторых обстоятельствах больше проявлялась одна идея, чем другая, чаще всего было что-то смешанное с доминированием национальной» (*Goldstein I. Op. cit. S. 538*). Впрочем, надо сказать, что под демократизацией в Хорватии понимали прежде всего расширение автономных прав хорватского народа. И в этом было отличие Хорватии от Сербии, где речь шла преимущественно о демократизации политической жизни (*Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991. Od zajedništva do razlaza.* Zagreb: Školska knjiga, 2006. S. 379–380).

и югославская военная драма», в которой четники первый раз в научной литературе были показаны как антифашистская сила⁸.

Постепенно рушились основные мифы социалистической Югославии. Партизаны уже не воспринимались как единственная антифашистская сила сопротивления в годы войны, а сама Югославия — как государство, создавшее совершенно иной и более прогрессивный тип социализма. Признавалось, что революция в Югославии свершилась по большевистскому образцу, и даже после 1948 г. с местными действительными или мнимыми сталинистами обращались сталинскими же методами. Чуть позже писатель А. Исакович потребовал такого же пересмотра личности Тито, как это было после смерти Сталина или Мао, а Л. Тадич заявил, что, оспорив догму о непогрешимости своего бывшего верховного авторитета Сталина, Союз коммунистов Югославии сам от этих догм не отшелся, но только их национализировал⁹.

Нельзя сказать, что власти совсем бездействовали. Они пытались остановить начавшиеся процессы, в том числе и привычными методами. В апреле 1984 г. были арестованы 28 сербских интеллектуалов. Шестерых из них позже судили. Но, как и в случае с Джого, практически всех их вскоре выпустили.

Белградская интеллигенция выступала за соблюдение прав человека не только в Сербии, но и во всей Югославии. Центром подобной активности стал Комитет по защите свободы мысли и высказываний во главе со знаменитым писателем Добрицей Чосичем. В Комитет отказались войти представители словенской и хорватской интеллигенции, хотя и были в него приглашены. Тем не менее Комитет протестовал против ареста Алии Изетбеговича и других боснийских мусульман в Сараево, требовал освобождения находившихся в тюрьме Владо Готоваца и других участников массового движения в Хорватии. Комитет также выступал в защиту косовских албанцев, осужденных после событий 1981 г. За 1984–1989 гг. Комитет по защите свободы мысли и высказываний направил более 100 писем, протестуя против попрания в Югославии основных демократических прав¹⁰.

Сразу же после очередных косовских событий сербские власти попытались вновь поднять вопрос об изменениях в конституции¹¹. Однако оппоненты Сербии в югославском руководстве из других республик любую подобную попытку трактовали как возвращение к этатизму, централизму и великосербским популистским идеологиям. Изменения конституции были заблокированы. Хотя именно

⁸ *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb: Golden marketing, 1999. S. 698–700; *Tomas R.* Srbija pod Miloševićem... S. 56–57.

⁹ *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest... S. 698–699.

¹⁰ *Ibid.* S. 339.

¹¹ Попытки пересмотра конституции со стороны Сербии предпринимались в 1975, 1981, 1984 и 1985 гг. См., например: *Димић Љ.* Србија 1804–2004 (суочавање са прошлошћу) // *Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М.* Србија 1804–2004: три виђења или позив на дијалог. Београд: Научна књига, 2005. С. 102.

«политическая система, установленная конституцией 1974 г., делала существовавший кризис более глубоким, тяжелым и безысходным»¹².

Отсутствие правового способа решения проблемы конституции 1974 г. не могло не вызвать постепенной радикализации сербских настроений. Обострилась и давняя борьба в ЦК Союза коммунистов Сербии между так называемыми либералами во главе с И. Стамболичем и сторонниками радикального разрешения существовавших противоречий.

Тогда же, в 1984 г., на политической арене Сербии появился С. Милошевич — главное действующее лицо сербской истории 90-х гг. XX в. «Либералы» среди сербских коммунистов потерпели поражение, а «радикалы» привели Милошевича через несколько лет к руководству партией. Сербский историк Л. Димич считает, что в тот момент, когда тоталитарная модель, включающая идеологический утопизм и неограниченную власть партийной элиты с харизматическими вождями, стала терять свою мощь в Европе, она начала укрепляться в Сербии, до тех пор самой либеральной югославской республике¹³.

Можно сказать, что режим, уже рухнувший в Восточной Европе, в Сербии с приходом к власти Слободана Милошевича пережил второе рождение и вновь основательно утвердился. Любопытно, что «партия, правившая в течение 40 лет, ухитрилась посредством нового, как тогда говорили, «очищенного», руководства стать одновременно и властью, и оппозицией»¹⁴. И именно то, что Милошевич сумел «оседлать» националистическую волну, придало режиму такую устойчивость¹⁵.

Направляемый Милошевичем националистический бум в Сербии подпитывался одновременным ростом национализма в северо-западных республиках — Словении¹⁶ и Хорватии. Это накладывалось на быстрое ухудшение югославской экономики и особенно — на события в Косово, где положение сербского

¹² Там же. С. 100.

¹³ Димич Л. Историја српске државности. Књ. III. Србија у Југославији. Нови Сад: Огранак САНУ; Друштво историчара Јужнобачког и Сремског округа; Беседа, 2001. С. 450–451, 454.

¹⁴ Стоянович Д. Порочный круг сербской оппозиции // Сербия о себе. М.: Европа, 2005. С. 117. Подробнее см.: Јовић Д. Ор. cit. S. 423, 430, 449.

¹⁵ Вспоминаются не потерявшие актуальности слова Слободана Йовановича, давшего оценку более раннему периоду сербской истории: «Сербия не создала интеллектуальную и политическую элиту с современным пониманием нации. Преобладал полунинтеллектуал, который паразитировал на национализме как единственной традиции даже тогда, когда это было уже не так». Цит.: Perović L. Iskustvo sa drugim narodima // Jugoslavija u istorijskoj perspektivi. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2017. S. 207.

¹⁶ По мнению Д. Йовича, словенский национализм был таким же сильным, как сербский. Как и в Сербии, словенское руководство постепенно становилось все более терпимым к своей оппозиции, и, в конце концов, в Республике образовался своего рода всесловенский блок. Как и в Сербии, словенские коммунисты смогли стать одновременно и властью, и оппозицией. См.: Јовић Д. Jugoslavija — država koja je odumrla: uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974–1990). Zagreb: Prometej, 2003. S. 423, 430, 449.

населения постоянно ухудшалось. С целью обратить на себя внимание косовские сербы стали прибегать к коллективным петициям в вышестоящие органы власти и организовывать марши протеста на Белград.

В контексте нашей темы необходимо подчеркнуть, что именно события в Косово в решающей степени повлияли на то, что первоначальный общегославский демократизм сербской оппозиционной интеллигенции постепенно все больше стал заменяться национальными идеями. Если раньше многие из оппозиционеров, включая того же Добрицу Чосича, считали югославскую федерацию лучшим решением сербского вопроса, то теперь она начинала трактоваться ими как, прежде всего, механизм для подавления всего сербского¹⁷. Налицо было проявление отмеченной нами закономерности — замена первоначально демократических устремлений национальными и даже националистическими.

Подобную закономерность можно наблюдать и на пространстве бывшего СССР. Например, в разных советских республиках, в частности в Прибалтике, в конце 1980-х гг. возникли Народные фронты как неформальные объединения совершенно разных сил, противостоявших монопольному положению КПСС. В целом они придерживались демократических убеждений, и их поддерживало не только титульное, но и русскоязычное население. Однако с течением времени и особенно после прихода к власти эти организации или вышедшие из них партии и коалиции заняли радикально национальные или даже националистические позиции. Скажем, хорошо известен тот факт, что многие русские и русскоязычные в Латвии и Эстонии, даже родившиеся в этих республиках, не получили латвийского и эстонского гражданства. Для части населения появился юридический термин «негражданин». Почти невозможно стало получить образование на русском языке, стали закрываться русские театры и т. п.

Совсем другие события и совсем в другое время произошли в 2011–2013 гг. на Болотной площади в Москве. Там состоялись массовые протестные выступления граждан главным образом против фальсификации результатов парламентских, а затем и президентских выборов. Для нас важно то, что постепенно в общедемократическом протестном движении стали выделяться и обособливаться националистические силы. И хотя они составляли явное меньшинство, но отличались гораздо большей сплоченностью и организованностью. Можно предположить, что они вполне могли перехватить инициативу, если бы протестные выступления получили развитие, а не были подавлены властями.

Наконец, можно привести в пример и уже упоминавшийся украинский Евромайдан — политический кризис в этой стране в 2013–2014 гг. Начавшиеся с демократических требований, с выступлений против социальной несправедливости, низкого уровня жизни, разгула коррупции и т. п. протесты довольно быстро радикализировались, и лидерство в них захватили националистические

¹⁷ Павловић С. К. Србија: историја иза имена (*Pavlovitch S. K. Serbia: The History Behind the Name*). Београд: Clio, 2004. С. 218, 227.

и даже крайне националистические силы, восхвалявшие и ведущие свою родословную от приспешников немецких фашистов в годы войны.

Подчеркнем еще раз. Мы видим, что национализм, на самом деле, чаще всего выходит на авансцену при демократических изменениях, когда демократические идеи уже пробивают себе дорогу, но еще не получили должного развития, не победили окончательно и не укоренились. Национализм в этом случае использует новые возможности, появившиеся в том числе и благодаря процессам демократизации. На наш взгляд, это является одной из очевидных закономерностей демократических трансформаций, во время которых всегда существует реальная опасность роста национализма. Специально же разжигать национализм для борьбы с тоталитарными или авторитарными режимами — это всегда игра с огнем. Совсем не факт, что национализм уступит затем завоеванные позиции демократии.

Глава 2

ФЕНОМЕН ВИШЕГРАДСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Анализируя опыт центральноевропейских трансформаций, большинство авторов концентрируется на различных аспектах внутренней политики этих государств: изменениях в политической системе и структуре, реформировании экономики; сравнивается, что было «до» и что стало «после». Эволюция внешней политики анализируется меньше. Считается, что она происходила по большей части под влиянием внешних обстоятельств, приспосабливаясь к изменяющимся международным реальностям. Однако так называемые бархатные революции были не первыми попытками свержения режимов для Венгрии, Чехословакии и Польши, а памятью об их трагическом исходе, ставшем в том числе результатом недостаточного информирования мировой общественности, в этот раз программам региональной и внешней политики уделялось гораздо больше внимания. Новая плеяда оппозиционеров подходила к задуманным реформам комплексно, стараясь предусмотреть последствия неизбежно подступавшей смены элит, политических ориентиров, возможностей. Реформаторы понимали необходимость международного разъяснения своих целей и задач, даже согласования последующих планов со своими потенциальными союзниками¹. Практически параллельно с дискуссией о новом общественном строе и экономическом укладе развивалась дискуссия о региональном устройстве и о внешнеполитическом самоопределении.

Это была, пожалуй, самая деликатная тема, требовавшая удвоенной осторожности. Если реформа экономики, гласность, переход к многопартийности параллельно происходили в СССР, встречая хотя и настороженное, но понимание в горбачевском политбюро, то в сфере внешней политики относительно без опасений можно было говорить лишь в ключе продвижения к нейтралитету. Непросто решался этот вопрос и на региональном уровне. Унаследовав несовершенства послевоенного национально-территориального урегулирования, страны региона подозревали друг друга в попытках в русле новой системной

¹ Выступление Гезы Есенского, одного из основателей Венгерского демократического форума, на памятном собрании в Лакителеке в 1988 г. A lakiteleki találkozó (1987), V. URL: http://archivum.retorki.hu/archivum/audiovizualis_anyagok/lakiteleki-talalkozo-1987 (23.02.2020).

ориентации использовать свои «особые отношения» с западными партнерами для продвижения новых проектов разрешения вопроса, многие десятилетия отягощавшего атмосферу доверия. Особенно напряженными в то время были венгерско-румынские и венгерско-чехословацкие отношения.

«Вишеградское родство» как оппозиционная идея

Однако вопреки этим опасениям, аура «вишеградской солидарности», складывавшейся в регионе с конца 1950-х гг., позволяла центральноевропейской оппозиционной элите, не принявшей коммунистические реалии, совместно думать над очертаниями — хотя в силу обстоятельств и неопределяемого по времени — регионального будущего. Известный центральноевропейский интеллектуал, один из основателей Венгерского демократического форума — которого в равной степени считают своим достоянием и в Венгрии, и в Польше — Чаба Д. Кишш в своей изданной на польском языке книге «Вишеградское родство»² писал, в частности, что Центральная Европа в его представлении — это территория между Германией и Россией, где процессы национального развития «проходили в похожих условиях и одинаковым образом»³. Особая роль в этом процессе принадлежала культуре. Интеллектуалы Чехословакии, Польши, Венгрии следили за происходившими в советское время в этих странах антисистемными протестами, сопереживали друг другу и медленно, но последовательно выстраивали в своих размышлениях очертания региона, основанного на их представлениях об исторической правде и справедливости, экономическом и социальном благополучии. Наиболее известным воплощением регионального антисистемного движения была, конечно же, Хартия 77, возникшая в сравнительно спокойное время, но и события 1956, 1968, 1980 гг. также давали импульс к новым переосмыслениям, анализу ошибок и поиску возможностей.

Специфика региона, полагает Чаба Д. Кишш, кроется в некоей двойственности: с одной стороны, страны ЦЕ стремятся к модернизации, а с другой — пытаются сохранить свою «окраинность», «кресовость», своеобразный провинциализм. Войти в Европу для этих народов можно только осознав себя. Не слиться с ней, а войти со своей спецификой в качестве некоей особой составляющей.

Здесь следует отметить, что самоощущение центральноевропейцев менялось на протяжении десятилетия до революций и в течение трех десятилетий после. «До» в сознании оппозиционных элит наряду с образом крепкой, стремящейся к своему второму шансу Центральной Европы существовали западно-центричные убеждения, которые, однако, носил скорее тактический характер,

² Kiss G. *Csaba. Powinowactwa wyshehradzkie. Wspomnienia, szkice, eseje*. W-wa: Studio Emka, 2016. 242 s.

³ Ibid. S. 184.

рассматривались как необходимый маневр в разрыве с коммунистическим прошлым. «После» был достаточно продолжительный период «евроатлантизации», позволивший этим странам войти в соответствующие сообщества — ЕС и НАТО. На настоящем этапе, по преодолении многих серьезных вызовов, в регионе вновь поднимается идея центральноевропейскости, воплощением которой можно считать высказывание премьер-министра Венгрии Виктора Орбана: «Тридцать лет мы думали, что Европа — наше будущее, теперь мы знаем, что мы — будущее Европы»⁴.

О необходимости развития регионального самосознания размышляли многие центральноевропейские интеллектуалы, ожидавшие возможности воплощения своих идей, особенно с началом горбачевской перестройки. И так случилось, что к концу 1980-х гг. и по экономическим показателям, и в силу схожести критического подхода к реальности — что Чаба Д. Кишш называет «вишеградским родством» — наиболее готовой к воплощению, и к тому же поддержанной Западом оказалась именно вишеградская идея, хотя она была и не единственной.

В условиях окончания послевоенного разделения континента естественным явилось обращение к историческим планам. Поэтому новые проекты с теми или иными нюансами повторяли очертания Австро-Венгерской монархии. Здесь следует заметить, что еще с 1960-х гг.⁵ на границах Австрии, Югославии, Италии и Венгрии — практически в сердце бывшей монархии — сформировалось и заработало Альпийско-Адриатическое рабочее сообщество (ААРС).

На рубеже 1990-х гг. появилось и несколько относительно новых региональных инициатив, которые отличались от исторических моделей. Это, прежде всего, *Центральноевропейская инициатива (ЦЕИ)*, собственно, выросшая из ААРС, а ныне насчитывающая 17 государств куда более широкого ареала. В итоге ЦЕИ превратилась в весьма условную, скорее, формальную трибуну государств Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, замыкающихся на Австрию и Италию. Изначально целью этой структуры было уравнивание германского влияния на континенте.

Перспектива возвращения к очертаниям монархии, распущенной к концу второго десятилетия XX в., могла означать признание неправоты решений держав, принимавших их. А в первый раз решения о территориальном переделе в центре Европы принимались после Первой мировой войны в Версале государствами, к которым теперь стремились центральноевропейцы, — Великобританией, Францией, Италией, США и их союзниками. Необходим был иной вариант. И такой был найден. Им стала *Вишеградская группа*, или *Вишеградская четверка* (В4, V4), — объединение Венгрии, Польши, Словакии и Чехии,

⁴ Orbán Viktor beszéde a XXIX. Bálványosi Nyári Szabadegyetemés Diáktáborban. 2018. Július 28. Tusnádfürdő (Báile Tusnad). URL: <http://www.miniszterelnok.hu/orban-viktor-beszede-a-xxix-balvanyosi-nyari-szabadegyetem-es-diaktaborban/> (25.03.2020).

⁵ Официально учреждено в Венеции 20 ноября 1978 г.

которое в 2021 г. отметит свое 30-летие. Причин ее успешности несколько, среди которых уже упоминавшиеся нами ранее как первостепенные⁶:

— исторический прецедент взаимодействия (историки ссылаются на факт встречи трех центральноевропейских королей еще в XIV в.);

— родственный критический реформаторский и антикоммунистический настрой (именно в этих странах в 1956, 1968 и 1980 гг. произошли восстания против существующей политической системы);

— наиболее высокие в регионе показатели экономического развития.

Центральная Европа в планах рубежа 1980–1990 гг., с одной стороны, превосходила пространство Австро-Венгрии (ЦЕИ), с другой, ее ядро сужалось (В4) и даже смещалось в сторону Польши, в том числе в интересах расширения понятия ЦЕ и на государства Балтии. В пользу такой версии говорят активизировавшиеся в XXI в., особенно во второй декаде, стратегии так называемого *Междуморья* — объединения пространства именно между Германией и Россией, от Балтийского моря до Черного и Адриатики.

Таким образом, сегодня, особенно в свете расширения сотрудничества вишеградских стран с балканскими, можно говорить также и о двух (а с учетом других центральноевропейских планов даже о трех) скоростях формирования Центральной Европы, которое одновременно можно рассматривать как обустройство восточно-центральной части Евросоюза. С точки зрения современной континентальной геополитики правильно будет говорить о Центральной Европе, которая ассоциируется с вишеградскими странами и отчасти — с Прибалтийскими государствами; о Юго-Восточной Европе (в западной политологической трактовке — Западные и Восточные Балканы, разрезавшие на две части бывшую Югославию); о Восточной Европе, включающей государства Восточного партнерства.

Некоторые предварительные итоги взаимодействия

С чем идут к 30-летию своего регионального объединения Венгрия, Польша, Словакия и Чехия? В истории вишеградского взаимодействия, как в любых других взаимоотношениях, были периоды подъема и периоды застоя. Однако сегодня невозможно отрицать, что «Вишеградский союз» — это, пожалуй, наиболее очевидная удача всего переходного периода в этой части Европы, о котором сегодня многие уже говорят как о тренде, а саму Вишеградскую четверку называют не иначе как «маркой» региона и даже «вишеградскими тиграми».

Если поначалу западноевропейские политики относились к встречам лидеров «четверки» подозрительно, то сегодня они уже не могут не принимать позицию Вишеградской четверки или отдельных ее стран как серьезный

⁶ Шишелкина Л. Вишеград в стихии преобразований // Вишеградская Европа. Ежегодное приложение к журналу ИЕ РАН «Современная Европа». 2012. № 4.

аргумент, а в ряде случаев и заимствовать их опыт и идеи. А заслуг у них также немало: на самом раннем этапе своего существования Вишеградская группа уберегла Центральную Европу от погружения в тяжелый конфликт, подобный балканскому. В ходе создания общего экономического пространства и диалога по другим насущным вопросам удалось снять остроту напряженности, связанной с оживлением дискуссии о границах, о положении национальных меньшинств, послевоенных депортациях и других исторических споров.

В целом удалось достичь единства и согласования действий на высоком межправительственном уровне. И этому также способствовала подготовка Венгрии, Польши, Словакии и Чехии к вступлению в НАТО и ЕС, совместный опыт по адаптации к расширенному в 2004 г. общему европейскому пространству. На внутренней периферии ЕС, таким образом, сформировалось целостное пространство общих по отношению к ЕС интересов. Причем формируясь как часть, как замыкающий концентрический круг пространства ЕС, оно одновременно крепло изнутри, сохраняя свою уникальность в отторжении некоторых тенденций конвергенции, не совпадавших с ее собственными представлениями о «возвращении в Европу». Таким образом, Вишеградская четверка рождалась и стабилизировалась в процессе приспособления к двум реальностям: к расширению евроатлантического влияния и внутренним общественно-политическим и экономическим трансформациям.

Сегодня Брюссель делегирует «четверке» часть стратегических направлений своей внешней политики, к которым, в частности, относится Восточное партнерство. После долгих споров и другие европейские страны согласились, что проблеме неконтролируемой миграции надо решать в странах исхода, как это изначально предлагали лидеры Вишеградской четверки. На фоне современных реальных угроз европейской безопасности Вишеградская группа оказалась вполне устойчивым субъектом международных отношений, способным к сплоченным действиям не только на региональном, но и на общеевропейском уровне. Если раньше свое несогласие с некоторыми условиями конвергенции, трактовавшимися как евроскептицизм, демонстрировали отдельные страны, то в условиях кризиса в соседстве как в южном, так и в восточном направлениях тенденция несогласия с Брюсселем расширяется, страны начинают кооперироваться во имя достижения своих целей внутри ЕС. Наблюдая за попеременными попытками Брюсселя давить поочередно то на Будапешт, то на Варшаву, а время от времени также и на Прагу и Братиславу, мы становимся свидетелями укрепления в регионе традиции совместных действий в отстаивании политических интересов.

Каково будущее региона?

Возникал регион на гребне распада одной системы и создания другого, нового миропорядка. В тот момент он еще не был ориентирован на Евроатлантику, в нем, скорее, превалировала центральноевропейская идея. По крайней

мере, вишеградские оппозиционеры мечтали о возвращении преимущественно к довоенному порядку внутри стран и, соответственно, в регионе. С 1980-х гг. он был объединен Хартией 77 и другими диссидентскими движениями, которые мечтали и открыто дискутировали о новом порядке у себя дома, но не могли представить, что им так скоро и внезапно придется воплощать свои мечты на практике. Практически все утверждают, что горбачевская перестройка и распад СССР застали их врасплох.

Наверное, такой же неожиданностью для региональных элит становится новое состояние Европы и ее отношение к центральноевропейскому региону. Да, он многого добился за тридцать лет реформ. Помимо массивной финансовой поддержки Брюсселя ему был обеспечен инновационный прорыв, и он использовал все это, реализовав в полной мере и собственный долго сдерживаемый ранее потенциал развития. Сегодня уже можно слышать в среде западноевропейских политиков и аналитиков призывы к Брюсселю прекратить повышенные либо равновеликие финансовые вложения в эту часть Европы. Пора-де относиться к ней более критично, дабы не растерять свой собственный потенциал и, соответственно, в недалеком будущем — и авторитет. Однако «старая» Европа уже стала в определенной степени заложницей своей экономической стратегии, откуда пути назад нет. И политика поочередных призывов лидеров региона к соответствию общеевропейской планке демократической ответственности уже не помогает. Регион осознал свои возможности и не будет мириться со снижением темпов, а Брюссель ни за что не захочет вновь потерять эту часть Европы, будучи вынужден все больше следовать ее условиям.

А примеров этому уже немало. Достаточно вспомнить, что до сравнительно недавнего времени вишеградские страны поочередно вступали в конфликт с Брюсселем. В канун принятия Лиссабонского договора Вацлав Клаус, президент Чехии, сопротивлялся принятию документа по совершенно конкретным мотивам, опираясь на то, что документ не соответствует конституции страны, а также историческому характеру ее взаимоотношений с непосредственными соседями. Президент Польши Лех Качиньский одновременно задавался вопросом необходимости такого документа в принципе. Т.е. у вишеградских позиций «против» не было единой основы, которая служила бы их сближению.

В 2015 г. ситуация поменялась коренным образом. К оппозиции Венгрии в ее взглядах на европейские традиции и ценности примкнула Польша с правящей партией «Право и справедливость». Мало того, уже намечается договоренность поддерживать позиции друг друга в Брюсселе. Пока рано говорить о будущем и перспективах такого рода альянса двух государств, хотя бы исходя из того, что позиции Виктора Орбана у него на родине гораздо прочнее, нежели у Ярослава Качиньского, поскольку он обладает конституционным большинством, во-первых, а во-вторых, в Венгрии нет столь сильной евроатлантической оппозиции.

Можно вспомнить попытку словацкого премьера Роберта Фицо судиться с Брюсселем по поводу квот на принятие беженцев из Африки и Ближнего

Востока и еще много подобных шагов центральноевропейской элиты, в частности, игнорирование санкций в отношениях с Россией. Здесь лучше, чем на Западе, понимают реальные возможности современной наследницы СССР, не воспринимая ее более как реальную «угрозу с Востока». В Будапеште, Праге, Варшаве и Братиславе, скорее, озабочены снижающимся потенциалом ее инновационно-экономических возможностей, что влечет за собой уменьшение привлекательности как долгосрочного партнера. К тому же к востоку от вишеградского региона и спустя 30 лет не складывается интеграция, не появилось экономически и технологически сильного передового ядра, которое стало бы конкурирующим полюсом, а может всего лишь оставаться потенциальным рынком. Тем не менее и в этих условиях отсутствия альтернативы страны Вишеградской четверки могут вернуть себе часть сознательно делегированного Брюсселю ранее суверенитета, став наследниками британской инициативы возвышения роли национальных государств и парламентов в Европейском союзе. Этому активно способствует внутривластительная ситуация в самих странах, где активными темпами идет возрождение национально-государственной идентичности.

За четверть века во всех странах региона установилась полноценная многопартийная система, устоялись прозрачные демократические выборы. Если на первых выборах еще были предложения выбирать между «старым» и «новым», то за три десятилетия партии, представлявшие коммунистический выбор, в основном ушли в прошлое. Не все политические процессы формирования новых обществ завершены. Сегодня в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии полным ходом идет строительство верхнего этажа системы — национальной идеологии, тесно увязанной с исторической политикой. Процесс также достаточно сложный, поскольку происходит возрождение национального на фоне активной фазы осторожного пересмотра подходов к общим европейским, евроатлантическим ценностям. Происходит формирование новой центральноевропейской ментальности, идентичности. Эта идеология просто новая, или, вернее сказать, новая комбинация регионального с общеевропейским. Здесь уместно вернуться к работе Чабы Д. Кишша, в которой он пишет о том, что «Вишеградская идея прекрасна, поскольку ее подпитывает множество культурных символов, но ей не хватает символов политических»⁷.

Рождение новых символов порой не обходится без острого противостояния в обществе. На смену сносу памятников ушедшей эпохи идет эпоха сооружения новых, однако и новые монументы вызывают бурную дискуссию в обществах. Примером может служить «Крест Качиньского» в Польше или мемориал памяти немецкой оккупации в Будапеште, бюст адмиралу Хорти. Одни памятники приходится уже сейчас переносить с места на место, другие — денно и ночью охранять от попыток осквернения...

Формирование общего сознания народов Центральной Европы — непросто процесс, уже хотя бы в силу существования многочисленных стереотипов

⁷ Kiss G. Csaba. Op. cit. S. 59.

и предубеждений. Так, к примеру, как пишет Чаба Д. Кишш, «если венгры и поляки строят свою идентичность на основе некоего шляхетского этоса, то чехам ближе мещанский, а словакам — крестьянский. Для народов ЦЕ характерно некое пренебрежительное отношение к соседям с востока (хотя это явление, скорее, общеевропейское): немцы с некоторым пренебрежением относятся к чехам, чехи — к словакам, словаки — к украинцам. Подобные предубеждения достаточно прочны, но не вечны. Так, словаки издавна считали венгров братьями по общей родине, но в XIX в., а особенно после образования чехословацкого государства, отношение к венграм изменилось не в лучшую сторону. В Венгрии же традиционно бытовало не очень лестное мнение о чехах, но после 1968 г. оно изменилось»⁸.

Большую лепту в формирование общей региональной идентичности, политического и культурного сплочения вносит созданный в 2000 г. Вишеградский фонд. В 2020 г. исполнится 20 лет, как фонд стал вкладывать общие региональные и внешние привлеченные средства в поддержку регионального образовательного, культурного и научного наследия, в формирование «вишеградской философии», углубление гуманитарных связей между странами Центральной Европы и их соседями. На средства Фонда студенты получают возможность учиться в вузах всех стран региона. Часть средств идет на инновационные проекты. И хотя центральноевропейские университеты существенно уступают вузам США и Западной Европы, тем не менее ряд университетов вишеградских стран на хорошем счету в Европе и в мире. Так, пражский Карлов университет занимает престижное 270-е место (из российских вузов его опережает только МГУ — 250-е место). Будапештский университет — на 458-м месте. В седьмую сотню входят еще два венгерских вуза и словацкий Университет им. Я. А. Коменского на 685-й позиции. К важной региональной тенденции можно причислить вовлечение ученых региона в политически значимые проекты, способствующие историческому примирению и взаимопониманию. Как пример достаточно будет упомянуть проект «Мой герой — твой враг: выслушать, чтобы понять», где с приглашением видных ученых из В4 и студенческой молодежи открыто обсуждаются исторически сложные периоды в отношениях стран региона, ведется дискуссия и разрабатываются планы совместных действий. Спонсируемый Вишеградским фондом с 2011 г. проект закладывает идеологическую основу нового регионального — «вишеградского уровня».

Внешняя политика вишеградских стран

После вступления в ЕС и НАТО самостоятельные внешнеполитические инициативы вишеградцев были существенно ограничены необходимостью согласований своих шагов с Брюсселем. Какими бы свободными в высказываниях,

⁸ Ibid.

а частично и в действиях ни выглядели некоторые вишеградские политики (В. Орбан, Р. Фицо, М. Земан), официальные заявления Вишеградской группы строго соответствуют политической линии ЕС и НАТО. Некоторая свобода действий, инициатива, была предоставлена Вишеградской группе в политике Восточного партнерства как союзу, непосредственно граничащему с восточными соседями ЕС, а также более других ощущающему исходящие из региона перспективы и вызовы одновременно.

Участие вишеградских стран в урегулировании ситуации на Украине свелось в итоге к совершенно конкретным поручениям для каждой страны. Как заявил министр иностранных дел Словакии М. Лайчак, страны ВГ распределили между собой зоны ответственности в содействии украинским реформам. Так, Словакия приняла ответственность за общую и энергетическую безопасность; Чехия — за реформу в строительстве на Украине гражданского общества, реформирование образования и средств массовой информации; Польша — за децентрализацию регионального и муниципального управления и реформу финансового сектора; Венгрия — за поддержку малых и средних предприятий. В этом русле Вишеградская группа и действовала на протяжении 2015 г.

Вишеградская четверка достаточно активно выступает на обеих площадках — и НАТО, и ЕС, продолжает через посредство Вишеградского фонда осуществлять так называемую политику мягкой силы по соседству: и в направлении бывших республик СССР, и в направлении Балкан, финансируя ряд образовательных проектов и программ поддержки гражданских обществ, средств массовой информации в этих странах.

Российское направление во внешнеполитической активности «четверки» все больше характеризуется оглядкой на Брюссель. Несмотря на неприятие «пост-украинских» санкций, ни одна страна В4 не поднимает в Брюсселе голоса за их отмену, принимая ответственность за ряд двусторонних шагов в отношениях с Москвой на себя как выражение национальных геополитических интересов.

Во внешнеполитических курсах самих стран все чаще присутствуют отсылки к «новым европейским ценностям», демократическим и правовым установкам Евросоюза, лояльности евроатлантическому процессу, хотя с учетом ряда кризисных ситуаций последнего времени, вследствие антироссийских санкций и волн мигрантов, очевидно, нарастает и стремление к более самостоятельным решениям. На этом фоне появились более существенные признаки консолидированных действий, в регион вернулось чувство самооценности и традиционных ориентиров.

И в самом деле, вишеградские страны не обязательно должны быть совершенно схожи с теми, с кем находятся в современном альянсе, или радикально отличны от тех, с кем были в прошлом. Такой подход вряд ли может быть корректным, как и порой употребляемый термин «страны догоняющего развития». В современной международной конъюнктуре они, скорее, стремятся занять ту нишу в международных отношениях, которой были лишены многие десятилетия. И спустя тридцать лет реформирования обществ они уже кое-чего достигли в этом направлении.

* * *

Прошедшие со времени революций 30 лет показали, что Вишеградская группа оказалась наиболее успешным проектом центральноевропейских трансформаций. Может быть, помимо перечисленных нами уже выше факторов, в силу родства интересов и схожести задач, а еще почти полного взаимопонимания между политиками первой волны трансформаций, которые находились во главе Венгрии, Польши, Словакии и Чехии на самых важных этапах становления этой структуры. Способствовала этому в определенной мере и «дорожная карта» преобразований, разработанная Евросоюзом. В 2021 г. «четверка» отметит свое тридцатилетие. В исторической перспективе это много. Даже современный Европейский союз одновременно отметит в том же году всего лишь 28-летие. Таким образом, Вишеградская группа не без проблем, но выполнила свою историческую миссию. Она сумела сделать то, чего не удавалось до этого за всю столетнюю историю региона: миф о Центральной Европе она воплотила в жизнь.

Феномен вишеградского объединения в том, что оно осуществило мечты государств-наций о свободе от директив и указаний, как писал другой выдающийся центральноевропейский интеллигент Милан Кундера, «раздающихся из зала»⁹, и от возвышения какого-либо из государств-членов внутри своего союза. Кроме того, «четверка» на волне всеобъемлющей конвергенции, связанной с трансформациями и реформами, сумела сбалансировать этот процесс и тем самым изменила свою роль внутри ЕС.

Опыт стран Центральной Европы, которые в целом успешно провели реформы, начатые тридцать лет назад, и, кроме того, создали «мягкую региональную интеграцию», мог бы быть более пристально изучен в России и в мире. Если принять во внимание растущий авторитет вишеградских стран в Европейском союзе и более удачный опыт общественно-политических и экономических преобразований, нежели в России и во многих бывших союзных республиках, то можно уловить тенденцию к превращению «исторического паррома» во вполне реальный континентальный центр, по весу приближающийся к историческому австро-венгерскому.

⁹ Кундера М. Занавес. СПб.: Азбука-Классика, 2014. С. 45.

Глава 3

БУДАПЕШТ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА БРЮССЕЛЯ (2014–2019 гг.)

В пределах границ Европейского союза (ЕС) отношение к беженцам и мигрантам, прибывающим из-за рубежа, ранее определялось Дублинской системой приема и защиты. Эта модель безупречно функционировала вплоть до 2015 г., когда на союзные государства вдруг хлынула извне небывало мощная волна массовой, никем не контролируемой нелегальной миграции (Европа не знала столь масштабных переселений народов со второй половины 1940-х гг., но тогда речь шла все-таки о контролируемом процессе). Поток в сотни тысяч и даже миллионы беженцев и вынужденных мигрантов из разных регионов мира (по преимуществу мусульманских) беспрепятственно вторгся в пределы Европы. Эти массы с Ближнего Востока, из Юго-Восточной Азии, а также из стран Африки двигались на Европу с намерением обосноваться в пределах ЕС. В этом разноязычном потоке мигрантов были представлены выходцы из разной социальной среды, с неодинаковым культурным багажом и по большей части с исламским религиозным наследием. Страны ЕС, особенно их наиболее развитая в экономическом отношении западная часть — государства с высоким жизненным уровнем и гарантированным социальным обеспечением, политикой «открытых дверей» и заявленным ультралиберальным курсом на мультикультурализм, были для них наиболее привлекательны. Нацеливаясь на проникновение в развитые западные страны, потоки беженцев неизбежно пересекали регион Центральной и Юго-Восточной Европы.

В некоторых странах Запада определенную часть мигрантов даже ожидали в расчете на дешевую рабочую силу. Неолиберальная элита Германии и Франции даже прямо или косвенно приглашала их, тем самым, в соответствии со своей идеологией, демонстрируя миру в условиях современной глобализации свою безграничную открытость, гуманизм и либерализм. Характерно, что вся прибывавшая в Европу людская масса охотно именовалась в западной печати исключительно «беженцами», вопреки тому, что она преимущественно состояла именно из нелегальных *экономических мигрантов*, устремившихся в страны ЕС в поисках лучшей доли. Европа привлекала их прежде всего высокой социальной обеспеченностью.

Однако в европейских столицах вряд ли допускали, что исход приобретет столь грандиозные, невиданные ранее масштабы. Неолиберальное руководство

Евросоюза вплоть до массового проникновения мигрантов в пределы ЕС явно не имело должного представления о масштабах надвигавшихся проблем, связанных с массовой нелегальной миграцией. В начале этого процесса в Брюсселе, где заседала Еврокомиссия (ЕК), еще недооценивались сигналы и предупреждения, подаваемые с окраин Евросоюза, из стран, которые первыми столкнулись со стремительным миграционным наплывом. В столице ЕС, как и прежде, рассчитывали, что на окраинах Союза будут проведены необходимые, привычные процедуры по регистрации и отсеву прибывавших беженцев и мигрантов, однако в условиях столь массового нашествия реализовать это уже было невозможно.

Венгрия, одна из окраинных для Евросоюза стран, вначале пыталась самостоятельно справиться с возросшим миграционным потоком, собирая мигрантов в специальные лагеря для проведения там регистрации и контроля. Однако сдержат напор и остановить прорыв центростремительных масс в условиях глобализации и политики «открытых дверей» со стороны ЕС ей так и не удавалось. Будапешт еще до миграционного пика, наступившего в 2015 г., удостоился порицаний со стороны отдельных ведущих политиков за попытки возвести вдоль южных границ страны преграды на пути потока мигрантов, устремившихся в Европу. Заявив о своей готовности предоставить право на въезд 800 тыс. беженцев, канцлер Германии Ангела Меркель тогда еще не имела реального представления об истинных масштабах надвигавшейся лавины. Иначе она вряд ли предложила бы оказать мигрантам, направлявшимся в западные регионы ЕС, столь щедрый прием. Своим приглашением она придала их устремлениям дополнительный стимул. Анализируя ситуацию, возникшую в связи с этим, один из венгерских обозревателей еще на восходящей волне миграции вполне обоснованно писал, что «панъевропейские власти недооценивают масштаб проблемы». «Брюссель не в состоянии расселить 160 000 беженцев по странам Европы, учитывая, что реальное их количество в десятки, если не в сотни, тысячи раз выше», — подчеркивал он, а также при этом заметил, что «кроме граждан Сирии, в этом общем потоке многие являются выходцами из Ирака, Афганистана, Пакистана, Эритреи и др. стран»¹.

Создается впечатление, что в правящих кругах Брюсселя (ЕК или правительство ЕС), вплоть до массового проникновения нелегальных мигрантов в западные регионы Европы, должным образом еще не осознавали, что в действительности представляют собой эти перемещающиеся массы людей. И в каких пропорциях были представлены в этом едином потоке реальные *беженцы*, которые спасались от войн и преследований, т. е. действительно нуждались в убежище, помощи и поддержке, и, с другой стороны, *нелегальные экономические*

¹ Катона В. Беженцы в Венгрии: страдалцы, расколовшие Европу? // Российский Совет по международным делам (РСМД). 07.09.2015. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bezhentsy-v-vengrii-stradaltsy-raskolovshie-evropu/> (дата обращения: 20.07.2020).

мигранты, прорывавшиеся в Европу в целях более высокого заработка. Хотя средства массовой информации упорно именовали всех «беженцами», на практике евроструктурам пришлось иметь дело с весьма разнородной массой. Таковой стала к 2015 г. новая миграционная реальность, к столкновению с которой ЕС и его чиновничий аппарат, плохо знавшие ее, были явно не готовы; она застала их в полной растерянности. И случилось это вопреки тем представлениям и планам, которые выстраивал при вступлении в должность новый глава ЕК Жан-Клод Юнкер. Выступая перед депутатами Европарламента в Страсбурге 15 июля 2014 г., он с полной ответственностью говорил о *новой миграционной политике*. «Европа должна *лучше управлять миграцией*», — отмечал он. Мы должны «защищать тех, кто в ней нуждается», «иметь дело более *решительно с нелегальной миграцией*», «не в последнюю очередь мы должны *обеспечить защиту границ Европы* (выделено в оригинале. — Б.Ж.)»². Говорил он также о необходимости «предотвратить неконтролируемый приток нелегальных мигрантов», об «усилении пограничного оперативного потенциала», о «наказании торговцев людьми» и пр. Конечно, эти представления главы Еврокомиссии внушали оптимизм. Другой вопрос, что из этого могло реализоваться на практике.

Новое руководство Евросоюза, лишь постфактум столкнувшись с реальной проблемой проникновения в небывалых масштабах в Европу нелегальных мигрантов, должно было задуматься над необходимостью предоставления им хотя бы минимальных условий для пребывания в ЕС. Ведь скопление столь значительной миграционной массы с других континентов можно было сравнить разве что со своеобразным захватом ими территорий. Оно требовало не только строгой фильтрации в интересах обеспечения безопасности европейского населения от террористов, но и минимума обеспечения мигрантов продовольствием, одеждой и т. д. И, конечно, выявления среди них реальных *беженцев*, действительно нуждающихся в опеке и помощи в соответствии с международным законодательством.

Ранее, при значительно меньшей интенсивности и массовости миграции, эти задачи успешно решались в соответствии с Дублинской системой, которая возлагала соответствующие функции на власти тех стран ЕС, чьи границы мигранты первыми пересекали и где они регистрировались. Пройдя регистрацию и подав прошение о получении убежища, они после соответствующего контроля получали либо право на пребывание в стране, либо отказ в приеме. Однако с появлением небывалой по своей массовости нелегальной миграции их потоки бесконтрольно проникали вглубь территории Евросоюза, и система перестала функционировать. Массовый характер и прорывная сила таких миграционных

² Жан-Клод Юнкер: Новое начало для Европы — моя повестка дня для рабочих мест, роста, справедливости и демократических изменений // EC Reporter. 15.04.2014. URL: <https://ru.eureporter.co/politics/2014/07/15/jean-claude-juncker-a-new-start-for-europe-my-agenda-for-jobs-growth-fairness-and-democratic-change/> (дата обращения: 11.04.2020).

волн оказались настолько существенными, что периферийные европейские государства, оказавшиеся на пути их продвижения в 2015–2017 гг., были не в состоянии помешать их дальнейшему неудержимому проникновению в пределы ЕС. Не имея должной поддержки и необходимой помощи от брюссельского центра или НАТО для защиты внешних границ, они в большинстве случаев были неспособны удерживать мигрантов в фильтрационных лагерях. В результате мигранты без должного контроля и фильтрации в массовом порядке проникали в наиболее развитые регионы ЕС. В их числе были нелегалы и радикальные элементы, наводившие террористическими актами страх на европейское население. Определить конкретное число неучтенных нелегалов, проникших в страны ЕС во время их массового вторжения, практически невозможно. Нет и не может быть абсолютно точных, всеохватывающих сведений об их общей численности. Реальными можно считать лишь данные о числе лиц, официально обратившихся к властям той или иной страны ЕС за признанием их *беженцами* либо *легальными мигрантами*. Зафиксированные же обращения могут служить достоверной отправной точкой для анализа лишь этой категории мигрантов, но эти сведения не охватывают остальных, т. е. не зарегистрированных лиц, но любым способом стремившихся остаться в ЕС.

По данным Европейского статистического управления (они стали известны благодаря публикации этих сведений в немецкой газете «*Берлинер моргенпост*»), ежегодная численность беженцев и мигрантов, обратившихся за получением убежища на территории ЕС, росла стремительно и неуклонно. А 2015 г. стал по массовому проникновению мигрантов в Европу самым показательным, тогда численность прибывших за год достигла своего пика — 1 млн 200 тыс. чел.³ Миграционный кризис, как известно, фактически расшатал устои ЕС и со всей неизбежностью привел к падению его бывшего блеска и престижа. Характерно, что среднегодовая численность беженцев и мигрантов, обратившихся к органам власти за регистрацией, некоторое время держалась на отмеченном либо близком к нему уровне и только потом начала медленно сокращаться. В 2018 г. число зарегистрированных сократилось всего на 11%⁴. Но даже при таком малозначительном снижении их общего числа по ЕС в Испанию и Францию мигранты продолжали прибывать.

В общедоступных материалах Интернета можно встретить цифры о том, что из общего числа беженцев, прибывших в страны ЕС, на долю Венгрии в 2013 г. приходилось 5%, а в 2015 г. — уже 13%⁵. Конечно, и в этом случае далеко не все прибывшие обращались за регистрацией, тем более за получением временного убежища. Ежегодно в 2008–2012 гг. регистрировались по 2–3 тыс. чел., но в 2013 г. — уже почти 19 тыс., в 2014 г. — свыше 42 тыс., а в 2015 г. — более 177 тыс.

³ Magyar Nemzet. 26.12.2019.

⁴ Ibid.

⁵ Европейский миграционный кризис // Википедия. Дата обновления: 20.05.2020. URL: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=107152045> (дата обращения: 20.07.2020).

Понятно, что лица, прибывавшие в ЕС нелегально, не могли по закону претендовать на официальный статус *легально пребывающих* и часто отказывались даже от регистрации в органах учета. С другой стороны, часть нелегальных мигрантов, попав под контроль органов власти, как правило, задерживалась ими. В результате значительное число нелегалов, претендовавших на трудоустройство, скапливалось в специальных лагерях, причем зачастую в странах с высокими по меркам ЕС показателями безработицы. Это, прежде всего, Греция, Испания и Италия, т. е. страны, далеко не нуждающиеся в дополнительной рабочей силе. Значительный контингент мигрантов оседал и за пределами ЕС — в странах Балкан и Средиземноморья, ожидавших в перспективе возможности стать членами Евросоюза (Турция, Сербия, Македония, Черногория и др.). В одной лишь Турции, по сообщениям СМИ конца 2019 г. (со ссылкой на заявления турецкого президента Р. Т. Эрдогана), содержались до 3 млн сирийских беженцев, часть которых всегда готова к миграции в страны ЕС.

Вслед за краткой характеристикой миграционных процессов, однозначно ориентированных на страны Евросоюза, целесообразно обратиться к освещению факторов и обстоятельств, которые в 2014–2019 гг. привели если не к конфликту и прямому противостоянию, то к существенным и непреодоленным расхождениям во взглядах, подходах и реальных действиях между Брюсселем и Будапештом в вопросах миграционной политики. Взаимоотношения между ЕК во главе с верховным комиссаром Юнкером и венгерским правительством во главе с премьер-министром Виктором Орбаном не были простыми, временами даже приобретая особую остроту, что обуславливалось принципиальным различием позиций между бюрократией Евросоюза и руководством страны, через которую до определенного времени происходило проникновение мигрантов на территорию ЕС.

Не вызывает сомнения, что в 2014–2019 гг. руководство ЕС проводило подчеркнуто ультралиберальный курс в вопросе приема мигрантов, и эту линию олицетворял, прежде всего, Ж.-К. Юнкер. Среди других руководителей, чья позиция также имела особый вес, следует назвать в первую очередь канцлера ФРГ А. Меркель, которая в тот период еще пользовалась огромным личным влиянием как в ЕС, так и в мировой политике в целом. Соответственно, как заслуги, так и ответственность за принятые решения и просчеты в миграционной политике ЕС необходимо в немалой степени связывать именно с этими лицами.

На высокий и ответственный пост председателя ЕК (правительства ЕС) Юнкер был избран в 2014 г. Надо сказать, что его кандидатура при выдвижении на пост главы европейского правительства вызывала споры в политических кругах Союза. Будучи в прошлом министром финансов, а затем и премьер-министром Люксембурга, он выдвигался от самой многочисленной в ЕС Европейской народной партии. В этой партии против его выдвижения на пост голосовали представители лишь двух стран — членов Союза — Великобритании и Венгрии. Это были британский политический деятель, лидер консервативной

партии, тогдашний премьер-министр Соединенного Королевства Дэвид Кэмерон и венгерский политик, руководитель партии Фидес-ВГП, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан. При этом решающей оказалась поддержка Юнкера от Европейского совета и лично со стороны Меркель, авторитет которой тогда еще был неоспорим. В самом Европейском парламенте голосование за его кандидатуру также нельзя назвать однозначным: его поддержали 422 депутата, а 250 голосовали против него.

На пост председателя ЕК Ж.-К. Юнкер был утвержден Европарламентом 27 июня, а свои обязанности в этой должности он исполнял с 1 ноября 2014 г. по 1 ноября 2019 г. Деятельность его как главы европейского правительства направлялась на укрепление централизаторских устремлений в ЕС (при всей его приверженности идеям неолиберализма), на всемерную поддержку процессов глобализации и сотрудничества с финансово-олигархическими кругами, заинтересованными в распространении и утверждении наднациональной ультралиберальной идеологии. Все это сочеталось со стремлением к дальнейшему урезанию национальных суверенитетов, попытками своеобразного проявления диктата при утверждении наднациональных порядков, на что страны — члены Союза еще не давали мандат всеевропейскому правительству. В среде чиновничьего аппарата определенное хождение получили идеи преобразования ЕС в Соединенные Штаты Европы (СШЕ). К позитивно оцениваемым сторонам деятельности Юнкера в ЕС обычно причисляют его роль в урегулировании финансового кризиса в Греции и всестороннюю поддержку курса на дальнейшее расширение границ Евросоюза.

Забегая вперед, необходимо отметить, однако, что период пребывания Юнкера на посту председателя ЕК (2014–2019 гг.) оказался далеко не самым удачным и результативным (а в чем-то даже и провальным) в истории ЕС. Эти годы были, в частности, отмечены неопределенностью и явными просчетами в миграционной политике, а также и британским Brexit, который в сумме с массовым нелегальным нашествием мигрантов вызвал *реальный кризис* в сообществе, грозивший развалом Евросоюза. Ситуация привела к массовому росту недовольства во многих странах ЕС решением вопроса с мигрантами, а также к затяжному и далеко не типично «английскому» уходу Великобритании из состава Евросоюза. Брюссельская бюрократия во главе с Юнкером, несомненно, и сама переживала нелегкие времена. Но нельзя не отметить, что она даже и не попыталась проанализировать причины произошедшего в свое время отклонения отдельными странами предложенного проекта европейской конституции⁶, не говоря уже о разработке нового, более приемлемого варианта основного закона Союза. Работу в этом направлении явно отложили в долгий ящик. Конечно, у команды Юнкера были другие заботы, ведь со стороны Брюсселя имели место самовольные поползновения на права стран — участниц Союза, причем

⁶ См.: Европа без России. Договор, учреждающий Конституцию для Европы от 20 октября 2004 г. М.: Европа, 2005.

это касалось именно *миграционной политики*. Брюссельские чиновники использовали даже силовые действия, пытаясь диктовать и навязывать тем или иным странам свою волю без предварительного согласования с ними взаимоприемлемой позиции, что плохо сочеталось с принципами современной европейской политической демократии и приводило к росту недовольства и углублению кризисного состояния ЕС. Ниже мы еще вернемся к анализу этих сюжетов.

Страны ЦЮВЕ, вступая в ЕС, вряд ли могли себе представить, что этот еще недавно столь успешно развивавшийся, столь желанный ими союз развитых демократических государств (членами которого они так мечтали стать и долгие годы терпеливо добивались приема, соглашаясь на самые строгие проверки и подчиняясь всем требованиям) к 2015 г. окажется в глубочайшем кризисе, фактически на грани распада. Трудно было ожидать в первые годы XXI в. и того, что такая большая держава, как Великобритания, на новом этапе проявит недовольство состоянием дел в Евросоюзе и вместо дальнейшего участия в его работе будет настоятельно добиваться выхода из него. Страны же восточного региона ЕС, уже принятые и успевшие побывать членами этого сообщества, раньше и не предполагали, что им и впредь придется отстаивать свое равноправие в условиях давления бюрократического аппарата Брюсселя, пытающегося далеко не демократическими методами навязывать свою волю тем, кого по-прежнему считают второсортными членами объединения.

На восточных просторах ЕС одним из ведущих политиков, кто первым решительно и открыто выступил против далеко не оптимальной миграционной политики Брюсселя, явился премьер-министр Венгрии В. Орбан. Будучи убежденным и национально ориентированным консервативным политиком, прагматиком и традиционалистом, он последовательно отстаивал в ЕС интересы Венгрии, а попутно и других стран ЦЮВЕ, добиваясь равного к себе отношения, подходов, прав и условий. У Orbana и его правительства именно в период правления Еврокомиссией Юнкера возникли существенные расхождения и противоречия с позицией Брюсселя как в области текущей политики, так и в принципиальных вопросах долгосрочного значения. Временами это перерастало в прямые столкновения между двумя политиками и стоявшими за ними центрами силы.

Конечно, квинтэссенцией принципиальных расхождений и нараставших прямых разногласий по конкретным вопросам между евроруководством в Брюсселе и венгерским правительством в Будапеште закономерно стал в рассматриваемые годы вопрос о миграции. Венгерский политик считал его самым важным политическим вопросом на длительную перспективу. В одном из своих выступлений для печати В. Орбан подчеркивал: «Мы были первым правительством, которое решительно заявило, что миграцию следует остановить»⁷. Вместе с тем проявились и принципиальные расхождения по более общим вопросам, начиная с толкования таких понятий, как «государственный

⁷ Magyar Idők. 11.01.2019.

суверенитет» и *«равноправие»* стран — членов ЕС в рамках Евросоюза, и заканчивая пониманием *либерализма и глобализации, федерализма и централизации*. Они касались также попыток произвольного расширения Брюсселем своих компетенций и властных полномочий, *наднациональных устремлений* со стороны руководства Еврокомиссии. Так, в частности, Будапешт отверг и не принимал проектов Брюсселя по преобразованию Евросоюза в США. При этом Венгрия вполне довольствовалась передачей структурам Евросоюза лишь той части своего государственного суверенитета, которая произошла со вступлением страны в ЕС. На большее она не давала и не намерена была давать согласие. Будучи последовательным приверженцем и защитником европейских культурно-цивилизационных и традиционных семейных ценностей, В. Орбан в этих вопросах также не спешит признавать и принимать современные неолиберальные позиции и веяния. Когда западная евробюрократия еще в 2011 г., под знаком уступок окрепшим нехристианским общностям (в основном исламистским) пошла на удаление из Лиссабонского договора стран Союза положения о христианстве как важном основополагающем факторе европейской цивилизации, Будапешт отреагировал по-своему. В разработанную и принятую в том же году новую конституцию страны — «Основной закон Венгрии» — были внесены соответствующие положения о национальном характере венгерского государства и защите традиционных европейских ценностей. В преамбуле документа подчеркивалось, что Венгрия является *суверенным демократическим государством*, в котором *источником власти является народ*. При этом давалась ссылка на *роль христианства* как силы, сберегающей венгерскую нацию⁸. Эти принципиальные положения явно не совпадают с наднациональными устремлениями брюссельской бюрократии, направленными на централизацию власти и образование США.

Свои позиционные расхождения с руководством ЕС Будапешт регулярно выражал также в вопросах торгово-экономических отношений с Россией. Правительство Орбана в ЕС, как известно, открыто и последовательно добивалось отмены санкций против РФ. Венгрия в этом отношении оставалась последовательным «возмутителем спокойствия» в сообществе⁹. Часть отмеченных аспектов, конечно, заслужила бы отдельного освещения, но даже в комплексе с проблемами миграции они, безусловно, достойны хотя бы упоминания.

Расхождения же между Будапештом и Брюсселем в вопросах миграционной политики, как было отмечено, уже имеют свою историю. С 2010 г. они умножились, стали более существенными и принципиальными, касаясь как взглядов, подходов и оценок происходящих событий, так и повседневной политической практики, конкретных действий и приемов, использованных в целях решения проблем. Прежде всего, сам рост массовой нелегальной миграции по-разному воспринимался каждой из сторон, причем эти различия позиций стали

⁸ Magyarország Alaptörvénye // Magyar Közlöny. 04.04.2011.

⁹ См.: *Латухина К.* Нить в Европу // Российская газета. 19.09.2018.

особенно ощутимы именно в период руководства Еврокомиссией Ж.-К. Юнкера. Стороны совершенно по-разному отреагировали на массовое вторжение нелегальных мигрантов на территорию Венгрии и ЕС в целом.

В условиях миграционного кризиса, достигшего своего пика в 2015–2017 гг., действия союзного правительства Юнкера отличались в основном растерянностью, неопределенностью и выжиданием. Правительства же стран — членов Союза, расположенных на путях продвижения в пределы ЕС массовых миграционных потоков (среди них Венгрия), не получали от европейских структур не то что помощи для сдерживания напора миграции и защиты своих границ, но даже должной информации или рекомендаций о желательных действиях. На окраинах ЕС, конечно, понимали: руководство Союза, нацеленное на «политику открытых дверей», по-прежнему считает, что периферийные страны проведут необходимую работу по регистрации и фильтрации беженцев и мигрантов. В Брюсселе явно не осознавали, что при столь масштабном проникновении, а по сути, вторжении нелегальных масс реализовать это уже стало невозможным, ведь прежняя система контроля и сдерживания в тех условиях больше не работала.

Сложившееся положение не давало ни уверенности, ни гарантий и тем более не предоставляло защиты местному населению, а потому оно вызывало законное беспокойство, требовало от местных властей принятия срочных мер. В условиях, когда в Брюсселе оказались неспособны достойно оценить ситуацию, правительство В. Орбана при отсутствии реальной поддержки извне решилось на самостоятельные действия по защите южных границ страны, являющихся и рубежами ЕС. Пропустив через территорию страны свыше миллиона мигрантов, прошедших контроль (в кризисном 2015 г. на территории Венгрии находилось более 10 % мигрантов, оказавшихся в пространстве ЕС), венгерское руководство в условиях продолжавшегося неудержимого напора, создававшего немалые проблемы для населения, по собственной инициативе решилось на возведение преград. 24 июня 2015 г. вдоль южных границ страны было установлено техническое ограждение (забор высотой 4 м), способное помешать незаконному проникновению нелегалов и защитить от них население страны¹⁰. Свои действия В. Орбан не согласовал с европравительством.

Решительный поступок венгерского премьер-министра встретили тогда в либеральных кругах Евросоюза с полным непониманием и скрытым возмущением. Проблема массового исхода мигрантов, устремившихся в Европу, еще не вызывала слишком большой обеспокоенности не только брюссельской евробюрократии, но и политических элит и более широкого общественного мнения в западноевропейских странах. Некоторые либеральные европейские политики, озвучив упреки в адрес венгерского лидера, при этом демагогически приглашали не пропущенных Будапештом мигрантов к себе.

¹⁰ Подробнее см.: Европа. Евразия. XXI век начинается / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Исл РАН; ПОЛИМЕДИА, 2018. С. 311–312.

Провозглашенная политика «открытых дверей» под знаком свободного передвижения необходимой рабочей силы означала и массовый приток нелегалов. С последствиями такой политики в западноевропейских столицах тогда еще не вполне считались.

Такая линия практически поощряла неконтролируемый процесс переселения, что в итоге привело к перенасыщению ряда стран ЕС массой нелегальных мигрантов. Венгрия же в этом отношении стала исключением. Конечно, свободная миграция рабочей силы с других континентов при должном контроле, в допустимых масштабах и при приемлемой концентрации, временном и рациональном использовании могла бы принести пользу европейской экономике. Но в этом вопросе ЕК явно оказалась не на высоте своего положения. Неконтролируемый приток мигрантов (в немалой мере нелегальных) из исламского мира Ближнего Востока и Африки, носителей иных культур, устремившихся в Европу «в поисках лучшей доли», породил обилие внутренних проблем для западных стран и способствовал возникновению кризиса, самого глубокого в истории Евросоюза, расшатавшего его устои. Именно на фоне этого кризиса случилось закономерное: Великобритания, одна из ключевых стран Союза, поставила вопрос о выходе из ЕС, тогда как более скромная по своему потенциалу Венгрия устами своего премьер-министра выразила недовольство попытками правящих кругов Брюсселя диктовать членам Союза свою волю. Допустив переполнение пространства ЕС неустроенной разнородной миграционной массой, брюссельское руководство впоследствии пыталось, как известно, решить вопрос о содержании и расселении мигрантов путем их перераспределения между странами Союза в соответствии с обязательной брюссельской квотой. Такой подход чиновничества к решению проблемы, созданной во многом искусственно, вызвал не только неприятие, но и прямое противостояние этому варианту решения миграционной проблемы, особенно со стороны Венгрии, а вслед за ней и некоторых других стран на востоке ЕС. Ведь, по сути, речь шла о политике своеволия и диктата, мало учитывавшей волю населения этих стран и не согласованной должным образом с их правительствами. Попытка навязать волю не встретила особой поддержки и со стороны стран — наследниц бывших колониальных империй, эксплуатировавших в прошлом страны и народы, представители которых сегодня ищут благоустройства в Европе. Хотя можно допустить, что именно бывшие метрополии находились в неоплаченном долгу перед этими народами. У народов и стран восточного региона ЕС такого долга и такой ответственности нет. Однако чиновники в Брюсселе решили иначе, а в результате возникла проблема, которой при своевременной реакции на вызовы, безусловно, можно было избежать. Но после того как пропущенная (отчасти даже приглашенная) в пределы Евросоюза огромная масса мигрантов (в немалой мере нелегалов) открыто потребовала себе места под солнцем Европы, у чиновников ЕС, по сути, и не оставалось другой возможности, как попытаться директивно-силовыми методами, в соответствии с обязательной квотой, распределить наличную миграционную массу между странами Союза.

Первым объявив незаконными эти требования и отвергнув распределительные квоты Брюсселя, политическое руководство Венгрии снова подвергло себя критике со стороны чиновничьего аппарата евроструктур. Однако в этом конфликте Будапешт не остался в одиночестве, его поддержали Братислава, Варшава и Прага. Дело дошло до разбирательства в Европейском суде. И независимо от конечного решения суда следует сказать, что само это противостояние стало явлением беспрецедентным и мало способствовавшим повышению авторитета ЕС, тем более в условиях переживаемого им кризиса. Впрочем, и в бывших метрополиях тех территорий, откуда мигрировали в Европу большие массы населения, позиция стран Вишеградской группы была воспринята с определенным пониманием, судя по откликам некоторых политиков. Однако, в отличие от венгерского премьера В. Орбана, лидеры западноевропейских стран не торопились противопоставить себя Брюсселю, как и не спешили, впрочем, «разобрать» мигрантов на расселение. Они по большей части отделались молчанием и выжидали. Тем не менее брюссельские чиновники не подавали на них в суд по неудовлетворенным квотам. Венгрия же своим активным противостоянием снова «вызвала огонь на себя».

Принимая у себя беженцев и оказывая им реальную помощь во время их пребывания в Венгрии, Будапешт, конечно, имел больше моральных прав отказываться от навязываемой квоты приема и поселения у себя экономических мигрантов, чем страны, некогда владевшие колониями. В связи с этим показательны слова одного из депутатов Европейского парламента Й. Сайера. Он заявил, что «если Бельгия и Франция испытывают угрызения совести за годы колониализма, то это не наша проблема. Венгрия не должна ради этого тратиться на Африку»¹¹. В самой Венгрии действия и позиция В. Орбана в миграционных вопросах встретили поддержку большинства, о чем свидетельствуют результаты новых парламентских выборов, принесших партии Фидес, возглавляемой В. Орбаном, большой успех в 2018 г.

Летом 2018 г., когда пришло время прямого распределения, расселения мигрантов по странам ЕС, но еще продолжались споры между Брюсселем и Будапештом, приобретает актуальность вопрос о принципиальных различиях беженцев и мигрантов, как и о правовом статусе беженца. Тогда в венгерской печати с официальным разъяснением позиции Будапешта по этому вопросу выступил член кабинета министров Г. Гуляш. «Согласно венгерской позиции, — подчеркивал он, — даже у беженцев нет права на то, чтобы выбрать себе страну для проживания где-либо в мире; у них есть право только на то, чтобы в первой надежной стране получить убежище на время, пока они в этом действительно нуждаются. Венгрия в 1990-е годы, во время войны с Югославией, приняла несколько десятков тысяч настоящих беженцев и тем самым показала,

¹¹ Soros György nyilvánosságra hozta a második tervét Európa szétzilálására // Origo. 31.05.2018. URL: <https://www.origo.hu/itthon/20180531-soros-szet-akarja-zilalni-europat.html> (дата обращения: 02.04.2020).

что в качестве первой надежной страны она предоставляет защиту нуждающимся»¹². Массовый наплыв нелегальных экономических мигрантов не всегда позволял отделить беженца от мигранта, который прибыл ради улучшения своего материального положения.

Попытка Брюсселя установить для Венгрии определенную квоту для приема поселенцев из многоликой инородной массы, проникшей в Венгрию, была, как отмечалось, Будапештом отвергнута. Там исходили из того, что сами граждане страны имеют право определить, кого из мигрантов пускать к себе на поселение, а кого нет, с кем коренному населению жить вместе, а кому следует отказать в праве на прием. В Венгрии еще в 2016 г. прошел референдум, на котором большинство жителей страны поддержало позицию премьер-министра В. Орбана, которая явно не совпадала с желанием Брюсселя навязать Венгрии определенное количество мигрантов по квоте.

Опыт бывших колониальных держав (в частности, Франции) вполне определенно показал, к чему приводит бесконтрольное заселение этих стран выходцами из бывших колоний, т. е. инородной в этническом отношении массой, имеющей к тому же, как правило, более высокую рождаемость и существенно отличающийся от европейцев этнический, культурный и религиозный код. Народы и страны Запада уже прошли в своем развитии эту стадию этнического и языкового смешения. Ожидалось, что такой путь окажется плодотворным для сохранения этнического и языкового своеобразия многочисленных народов на основе становления мультикультурализма в западноевропейских обществах. Однако этого не произошло. Напротив, он оказался опасен для малочисленных народов, создал угрозу их исчезновения. Вполне убедительный пример в этом плане — опыт коренного населения США. С учетом негативного исторического опыта вполне естественно, что немногочисленные народы стоят на страже своей идентичности и национальной культуры. Это касается и народов, принимающих инородную массу мигрантов. Ведь неконтролируемый поток переселенцев грозит включением «механизма самоликвидации», а этого в меру своих возможностей народы по понятным причинам не желают допустить. Данное обстоятельство, безусловно, стало одной из решающих причин того, что нации восточной части Евросоюза — среди них венгры — встали на защиту своих национальных интересов и решительно отвергли брюссельские квоты. Несмотря на внешнее давление, они, таким образом, отказались включить механизм самоуничтожения.

Поэтому, когда западноевропейские страны и брюссельское руководство лишь выжидали и молчаливо наблюдали за массовым проникновением мигрантов в Европу, важным сигналом из Будапешта стало решительное заявление В. Орбана, направленное на защиту национальных интересов стран и народов восточного региона Евросоюза. Премьер-министр Венгрии четко и однозначно

¹² *Gulyás G.* Magyarországot meg kell védeni az illegális migrációtól // *Magyar Idők.* 03.06.2018.

заявил, что считает недопустимым превращение стран региона в проходной двор¹³ для мигрантов, оказавшись тем самым в числе первых государственных руководителей, кто не только открыто противопоставил себя либеральному курсу чиновников Брюсселя (лишь наблюдавших за массовым миграционным наплывом), но и поставил в центр внимания европейской общественности острое положение региона. Отмеченная фраза из его заявления, несомненно, обратила на себя внимание и заставила больше считаться с восточным регионом ЕС. Она в какой-то степени повлияла на ситуацию и изменение европейского мышления. На страны Вишеградской четверки стали смотреть более уважительно. Рейтинг региона вырос, с ним стали считаться, хотя и не сразу удалось переубедить руководство Брюсселя в подходе к нелегальным мигрантам и квоте.

Несомненная заслуга Будапешта заключалась в том, что там первыми оценили опасность, осознали угрозы, которые таило в себе массовое проникновение, а тем более поселение значительного числа нелегальных мигрантов на территории страны и сопредельных малых государств. Впервые возведенная В. Орбаном заградительная пограничная конструкция вдоль южных границ Венгрии с Сербией тоже оправдала себя, хотя тогда и не встретила одобрения «старших сестер и братьев» из Берлина и Брюсселя. В итоге забор все же снизил масштабы проникновения мигрантов-нелегалов на территорию Евросоюза.

Западные страны ЕС, только столкнувшись с необходимостью решения проблем неустроенной миграционной массы, начали осознать и оценивать масштабы бедствия того кризисного состояния, в котором они оказались. Канцлер ФРГ А. Меркель, будучи убежденной сторонницей либеральных взглядов и ценностей, только спустя годы и неохотно, но была вынуждена признать, что ошиблась в своих расчетах относительно мигрантов, как и в возможностях мультикультурализма (*Wilkomenkultur*) для Европы. В марте 2018 г. в Берлине она повторно признала, что «беженцам следует оказывать помощь дома или ближе к их родине»¹⁴. А в одном из интервью в ночной передаче немецкой телекомпании «ARD» ей пришлось высказаться и по поводу своих прежних замечаний в адрес Венгрии, руководство которой в 2015 г. подверглось ею порицанию за перекрытие путей продвижения мигрантов через страну. На сей раз она скорректировала свою прежнюю позицию, признательно заявив, что «Венгрия при защите сербско-венгерской границы одновременно защищает и внешние пределы Евросоюза. Защищая же свои внешние границы, она в определенном смысле продлевает работу и для нас»¹⁵. При этом Меркель пошла даже дальше, высказавшись за необходимость «создания подлинной европейской полиции для защиты наших границ». Слова лидера ФРГ в определенном смысле можно считать своеобразным оправданием тех функций, которые выполняет

¹³ *Gerő András. Orbán — Kelet Európa az egyenrangúságért küzd // Hetek. 24.08.2018.*

¹⁴ *Magyar Nemzet. 18.03.2018.*

¹⁵ *Merkel: Magyarország Németországot is védi // Magyar Hírlap. 11.06.2018. URL: https://www.magyarhirlap.hu/kulfold/Merkel_Magyarország_Nemetországot_is_vedi (дата обращения: 02.04.2020).*

Венгрия, защищая свои границы от бесконтрольного проникновения огромной массы мигрантов.

Когда в Брюсселе взялись за распределение мигрантов по странам, навязывая им свои квоты, там одновременно выступили с инициативой: в качестве возможного варианта вернуть в периферийные страны на содержание столько мигрантов, сколько пересекло их границы, вступая в пределы ЕС. Подобные поползновения, впрочем, как и отмеченные попытки Еврокомиссии директивными методами решить проблему чрезмерного скопления мигрантов в некоторых странах Западной Европы, в свою очередь, также вызвали реакцию неприятия со стороны Будапешта. Венгерский лидер В. Орбан, реагируя на эти новые вызовы, назвал подобные поползновения брюссельского чиновничества новой «попыткой советизации». При этом он подчеркнул, что венгры получили всего этого более чем достаточно в прежний период своей истории и впредь не допустят повторения подобной практики даже со стороны Запада.

Назвав массовую миграцию «самым большим и судьбоносным вопросом для Европы на ближайшие 15–20 лет», Орбан обращал внимание на то, что при стремительном росте населения Азии и Африки там не сформировались действенные механизмы, сдерживающие массовый исход населения. Он отметил также, что достигший Европы поток «уже расколол единую европейскую цивилизацию на две части: на западную, с ее уже смешанным населением, которое видит свое будущее в сосуществовании христианства с исламом, и на центральноевропейскую, для которой будущее Европы по-прежнему связывается с цивилизацией христианской»¹⁶.

Будапешт объявил о готовности Венгрии отстаивать суверенитет, национально-культурные традиции и идентичность своего народа. Это означает приверженность традиционным европейским этнокультурным и христианским ценностям. Параллельно с этим в венгерской печати подчеркивалась также готовность Венгрии предоставлять убежище действительно нуждающимся в этом беженцам, тем, кто «попал в беду и оказался в опасной ситуации; но речь сегодня идет о массовой миграции, которая пересекает континенты и приносит с собой разные культуры»¹⁷. При всем этом в сложившихся условиях стало очевидным, что Венгрия не подчинится силовому давлению со стороны неolibерального чиновничества в Брюсселе и не допустит массового заселения страны мигрантами с Ближнего Востока, из Африки и других регионов мира, население которых обладает гораздо более высокой рождаемостью, чем европейцы. К тому же, будучи суверенным государством в составе ЕС, Венгрия, как отмечалось, считает своим законным правом самой определять, кого ей принимать и кому отказывать в приеме на поселение. Она поэтому и отклонила квоты, навязываемые ей ЕК Юнкера. Ведь позиция венгерского политического руководства в этом вопросе встретила полную поддержку со стороны населения, что

¹⁶ Magyar Idők. 01.01.2019.

¹⁷ Magyar Hírlap. 05.04.2019; Magyar Nemzet. 18.04.2019.

показали опросы общественного мнения. А их было проведено несколько, учитывая, что миграция стала самым большим вызовом эпохи, особенно для Евросоюза.

В их ряду первым и самым репрезентативным стал, конечно, опрос населения в рамках ЕС, проведенный в 2017–2018 гг. по заданию ЕК. В 2017 г. он охватил 14, а в 2018 г. уже 21 страну Евросоюза, причем опрошены были более 2 млн чел. Для результатов опроса в целом характерно, что если в 2015 г. лишь 38%, то в 2018 г. уже 58% опрошенных в масштабе всего ЕС считали, что самую большую опасность для Европы представляет нелегальная миграция, а среди прочих опасностей на втором месте упоминался терроризм¹⁸. Опрос, проведенный в Венгрии 12–22 апреля 2017 г., по своим показателям несколько отличался от общеевропейских, но угрозы были обозначены те же: 60% респондентов на первом месте также назвали миграцию, а 47% второе место отдали терроризму. Характерно, что значительная часть (43%) респондентов сделала акцент еще и на важности защиты внешних границ страны. Заслуживает внимания также опрос, проведенный «Евробарометром» по Венгрии (ноябрь 2018 г.), четко показавший, что 52% опрошенных выразили свое недовольство миграционной политикой Евросоюза¹⁹.

В 2017–2018 гг. в Венгрии проводились и независимые контрольные измерения общественного мнения для выяснения истинного положения вещей и реального отношения населения к мигрантам и миграционной политике ЕС. Исследования провел независимый Фонд общественного мнения при солидном историческом журнале «Századok» («Века»). Результаты социологического исследования 2017 г., проведенного на базе опроса свыше 2 тыс. чел., были опубликованы в специальном тематическом номере журнала под названием «Большинство венгров по-прежнему отвергает массовую и бесконтрольную иммиграцию прибывающих извне в Европу», а также в электронном виде. Выяснилось, что нелегальную миграцию 67% респондентов, действительно, считают тревожным и даже жутким явлением, а четыре респондента из десяти (41%) вполне определенно называют ее особенно тяжелой проблемой. Ученые Фонда пришли к заключению, что «венгерское общество отвергает массовое и неконтролируемое проникновение мигрантов».

По результатам данного опроса, 2/3 населения причиной приезда в Европу большинства мигрантов считает социально-экономические обстоятельства. Из каждого десятка прибывших реально лишь трое могут нуждаться в убежище, тогда как большинство мотивирует свой приход сугубо экономическими причинами. Ученые пришли к выводу, что венгерское общество реально оценивает последствия миграции: 87% считает, что миграция — это, скорее, нагрузка для экономики страны, и только 8% допускает, что она может стать стимулом

¹⁸ Navracsics T. Az első jelentős európai parlamenti választás // Magyar Szemle. 2018.1–2. sz., 5–11 o.

¹⁹ Eurobarometer felmérés: az aktuális magyar viselekedés az euróról // Hírek. 08–22.11.2018.

развития. В то же время 72% респондентов отметили, что различия в образовательном уровне могут стать источником конфликта мигрантов с европейцами. Оценивая миграционную политику Брюсселя, граждане выразили свое недовольство теми мерами, которые принимались руководством Союза в этом отношении. Большинство считает миграционную политику ЕС неприемлемой и неудачной, и лишь 21% — допустимой. Характерно также, что 93% опрошенных ожидает от ЕС более эффективных мер по защите населения от угроз, связанных с притоком мигрантов, а 81% полностью отвергает брюссельские принципы распределения мигрантов по странам²⁰.

Второе исследование Фонда проводилось в марте 2018 г. и было посвящено изучению последствий миграции. Из этого массива данных интерес представляет, прежде всего, констатация того факта, что 52% считают миграцию источником преступности. Граждане полагают также, что миграционное давление Брюсселя на Венгрию еще будет расти²¹.

Касаясь проблем миграции и попыток Брюсселя навязать странам ЕС свои квоты, В. Орбан в одном из своих выступлений в феврале 2019 г. обратил внимание на то, что финансово-олигархические круги стремятся сделать Европу местом постоянных миграций, чтобы тем самым реализовать неолиберальную идею этнического смешения коренного населения с мигрантами. «Мы же делаем политику не ради служения модным идеям, а для сохранения венгерского народа, — отмечал В. Орбан. — Европа дожила до того, что мы вынуждены отстаивать свою национальную и христианскую сущность, мы вынуждены защищать свои семьи, общество и свободу»²². Выступая в Будапеште в марте 2019 г. по случаю годовщины венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг., он подчеркивал: «Мы остановили у южных границ Венгрии вторжение мигрантов. Мы сторонники сильной Европы и сильных национальных государств, и мы за таких лидеров во главе Европы, которые не допустят транспортировки сюда этих несчастных, а окажут им помощь на родине... Мы ожидаем также новых инициатив, чтобы остановить упадок и покончить с бредовым сном о Соединенных Штатах Европы, мы за то, чтобы Европа осталась европейской»²³.

Руководство ЕС, несмотря на поучительный опыт прошлого, в 2014–2018 гг. фактически беспрепятственно пустило в Европу массовые потоки нелегальных мигрантов, охотно именуя их «беженцами». Оно оказалось достаточно слабым и беспомощным перед этим нашествием. Как уже отмечалось, правительство ЕС тогда даже не отреагировало должным образом, чтобы хотя бы попытаться минимизировать потоки массового вторжения. (Впрочем, этот небывало масштабный наплыв миграционной волны некоторым показался и не столь уж

²⁰ A magyarok többsége továbbra is elveti az Európába kívülről érkezők tömeges és ellenőrizetlen immigrációját // Századok- Archivum. Aktuális Kutatások. Bp., 2017. 78.sz.

²¹ Ibid.

²² Magyar Nemzet. 11.02.2019, 13.02.2019.

²³ Ibid. 17.03.2019.

стихийным). Не вникая в анализ причин столь грандиозного перемещения людей с других континентов в относительно благополучную Европу, заметим, что одна из них, конечно, лежит на поверхности. Это, несомненно, «арабская весна» и ее последствия: разрушение традиционного общественно-политического и социально-экономического уклада на Ближнем Востоке, вызвавшее потоки беженцев и массовую экономическую миграцию.

Если до массового нашествия мигрантов Дублинская система, как отмечалось, еще позволяла сдерживать их бесконтрольное проникновение в пределы Евросоюза, проводить необходимую фильтрацию от нежелательных элементов, то с наступлением миграционного кризиса 2015 г. положение коренным образом изменилось. Не только Греция, но и другие страны на окраинах ЕС оказались в положении, когда они больше не могли гарантировать надежную защиту внешних рубежей Союза от массового проникновения переселенцев. Однако руководство ЕС должным образом не позаботилось ни о корректировке Дублинской системы, ни о надежной защите внешних границ Союза. Поэтому если в начале массовой миграции (2014–2015 гг.) у чиновников еще был расчет на пограничные государства, то со временем ситуация изменилась. Ответственные евроструктуры уже не могли реализовать прежние свои функции, а миграционные потоки все больше проникали вглубь ЕС, где имела реальная потребность в рабочей силе. Страны же на периферии Союза не нуждались в ней, они сами располагали излишками рабочих рук. Хотя развитые европейские государства даже приняли и трудоустроили какую-то часть пришедших мигрантов, значительные миграционные массы по-прежнему оставались неустroенными.

С массовым скоплением нелегальных мигрантов, переполнивших крупные города Союза, чиновниками в Брюсселе и была предпринята попытка силового распределения их между странами по обязательным квотам, по усмотрению евробюрократии, без предварительного согласования с самими странами. По некоторым данным, чиновники в Брюсселе только за первые два года миграционного кризиса (2015–2016 гг.) предполагали распределить по странам Союза для поселения и устройства порядка 40 000 мигрантов²⁴. К такому приему евроструктуры решили прибегнуть потому, что на первый призыв Брюсселя добровольно разобрать и разместить у себя мигрантов большинство стран — членов Евросоюза не отреагировало так, как ожидалось. Даже западные страны с развитой экономикой воздержались от их массового приема, попытались ограничиться несколькими сотнями беженцев. Не имела особого эффекта и следующая попытка навязать квоты странам ЕС.

Политическое руководство Венгрии не только в числе первых воспротивилось диктату, но и решилось на возведение искусственной преграды перед массовым нашествием. Премьер-министр В. Орбан проведением своей

²⁴ *Serdült V.* Magyarországon is segítene az új migránsalku, de Orbánék nem ezt teszik // Magyar Nemzet. 24.09.2019.

последовательной линии оказался в роли своеобразного «камикадзе», противопоставившего себя требованиям руководства ЕК. Ведь в Будапеште было решено только по собственному усмотрению впускать в страну и предоставлять убежище действительно нуждающимся. Тем самым вопрос о беженцах и мигрантах становился приоритетным правом венгерских властей. Венгрия, как известно, в феврале 2017 г. вместе со Словакией отказала Брюсселю в приеме находившихся в Греции 1200 выходцев из Азии и Африки (это решение затем поддержала и Польша)²⁵. Впрочем, по последующей распределительной квоте на долю Венгрии выпало бы принятие и размещение еще 1294 мигрантов²⁶, но Будапешт отказал Брюсселю и в этом. В ответ на отказ венгерского руководства брюссельские чиновники ответили вызовом в Европейский суд²⁷. Оспорив в суде правомерность самовольного навязывания ему миграционных квот, Будапешт, принципиальная позиция которого встретила поддержку в других столицах на востоке Евросоюза, в итоге был оправдан.

В июне 2017 г. на инициированном судебном разбирательстве в отношении Венгрии и поддержавших ее Словакии, Чехии и Польши прозвучала критика в адрес всей Вишеградской четверки. Позиция обвинения заключалась в том, что названные страны были обязаны сначала выполнить решение ЕК и лишь потом оспаривать его. Этому предшествовали попытки навязать, в частности, в сентябре 2015 г. этой группе стран ЕС прием 120 тыс., а затем еще 98 тыс. «беженцев» из Греции и Италии²⁸. Вишеградская группа отказала им. Ее противостояние Брюсселю в итоге оказалось успешным: процесс был выигран.

В связи с судебным разбирательством заведующий главным отделом Минюста Венгрии М. Фехер, сравнивая подходы стран к миграционной проблеме, в частности, отмечал: «Иск Европейской комиссии является неприемлемым и необоснованным. Он был предъявлен против заинтересованных стран по политическим причинам и даже с нарушением прав, ведь другие страны ЕС тоже не выполнили свои (предъявленные им по квоте. — Б. Ж.) обязательства. Некоторые страны лишь на 1–2 % реализовали предъявленные им требования, однако их не привлекли к суду. Венгерское правительство считает, что требования (Брюсселя) являются необоснованными». По его мнению, страны — члены Союза «имеют право как на отказ, так и на лишь частичное выполнение требований в случае, если они представляют угрозу внутренней безопасности государства и общественному порядку»²⁹. И вот еще одна публичная оценка, высказанная юристом уже после судебного разбирательства. Ее выразил госсекретарь парламента, представитель Минюста Венгрии П. Вёрнер в интервью телеграфному агентству Венгрии. Ситуацию он расценил словами: «Возмутительно, что Брюссель все еще пытается навязать нам поселенческие квоты». Требования

²⁵ Magyar Nemzet. 05.09.2017.

²⁶ Ibid. 24.09.2019.

²⁷ Magyar Nemzet. 15.05.2019.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

ЕК он назвал дискриминационными, подчеркнув, что в ЕС почти нет стран, которые приняли бы столько мигрантов, сколько им выделялось по квотам. Тем не менее, отмечал юрист, чиновники ЕК пытались наказать только тех, кто выразил принципиальную позицию против массового притока мигрантов, усмотрев в ней опасность для своего населения³⁰.

Несомненная заслуга Венгрии и остальных государств, которые противопоставили себя бюрократическому аппарату ЕК во главе с Юнкером, состоит в том, что они снова привлекли к себе внимание и утвердились в качестве сплоченной группы стран, позицией и национально-государственными интересами которых нельзя пренебрегать и с которыми необходимо считаться. С 2018 г. в ЕС начали появляться хотя и не кардинальные, но все же заметные эволюционные сдвиги в отношении к региону в целом. Они проявили себя со стороны как официальных структур, так и влиятельных лиц даже в либерально-олигархических кругах.

Здесь достаточно сослаться хотя бы на изменения позиции канцлера А. Меркель, которая ранее всегда поддерживала официальный курс Брюсселя, но со временем стала проявлять гибкость и восприимчивость в отношении некоторых актуальных вопросов современности (признание важности защиты границ, идеи формирования специальной европейской пограничной полиции и пр.). И в вопросах миграционной политики под влиянием реальности она постепенно осознает неизбежность перемен. По сути, Меркель публично признала тот факт, что идея мультикультурализма в Европе провалилась. В августе 2017 г., когда в Германии скопилось до 500 тыс. неустроенных беженцев, она хотя постфактум, но осознала ошибочность своих прежних подходов к миграции в целом. По существу, это уже было равносильным косвенному, хотя и негромкому, признанию неоправданности прежних упреков в адрес действий того же В. Орбана, благодаря которым в какой-то мере уменьшилось число нелегальных мигрантов, добравшихся до Германии. Об этом А. Меркель 19 марта 2018 г. сама напомнила в Берлине на конференции по мировой политике (Global Solution Summit). И это явилось некоторой поправкой к ее прежней позиции, а по сути, признанием собственных просчетов. Она заявила, что «оказывать помощь мигрантам следует у них на родине или ближе к их дому»³¹.

Подобной эволюции взглядов и попыток публичного признания своих просчетов в миграционной политике не наблюдалось со стороны других видных деятелей Союза, а тем более из уст главного еврокомиссара Юнкера, оставшегося со своей правящей когортой ЕС на неизменных ультралиберальных позициях. Чиновники ЕС, опираясь на поддерживавшую их финансовую олигархию, продолжали нападки на политику В. Орбана в вопросах миграции, пытаясь представить венгерского премьера как противника Евросоюза. В Будапешт то и дело направлялись разные комиссии для проверок, чтобы уличить

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid. 21.03.2019.

правительство Венгрии в предполагаемых нарушениях и заставить его принять их «единственно верную» позицию как в вопросах миграции, так и в вопросах политической демократии. Оказывалось постоянное давление на политический класс Венгрии с позиций ультралиберального глобализма, объединившего брюссельскую союзную бюрократию с командой знаменитого уроженца Венгрии, американского финансиста Дж. Сороса. Объектом нападок, по сути, стали те европейские правительства, которые проявляли больше готовности отстаивать национальный суверенитет своих стран, и, прежде всего, правительство Венгрии³². Все это не прекращалось до конца пребывания Юнкера во главе Еврокомиссии.

Не будет преувеличением сказать, что наиболее принципиальным оппонентом венгерского премьера стал именно Дж. Сорос, отношения с которым переросли даже в личный конфликт. Можно согласиться с исследователем Ф. Лукьяновым в том, что американский миллиардер «сознательно провоцировал конфликт в Евросоюзе вокруг нелегальных мигрантов с Востока ради ослабления конкурента США в лице ЕС»³³. При всем этом меценат Сорос, известный своими благотворительными действиями в поддержку мигрантов, был вхож в структуры ЕС и нашел там взаимопонимание с чиновниками высокого ранга. Поэтому вовсе не удивительно, что в Венгрии на одном из плакатов кануна выборов 2019 г. в Европарламент портреты Сороса и Юнкера были размещены вместе.

В конце мая 2018 г. агентством «Project Syndicate» была распространена статья Сороса, посвященная проблемам экономического кризиса. В ней финансовый олигарх попутно затронул вопрос о своих взаимоотношениях с В. Орбаном. Судя по статье, перепечатанной венгерским экономическим еженедельником «HVG» 30 мая 2018 г. под заглавием «Послание Орбану», миллиардер Сорос, пересмотрев некоторые из своих прежних взглядов, выразил согласие с Орбаном по отдельным аспектам миграционной политики ЕС. Вполне объективно отметив, что Европа с 2018 г. находится в состоянии экономического кризиса, Сорос утверждал, что Евросоюз свернул со своего первоначального пути. По его мнению, миграция, придав экономическому кризису новый толчок, привела к укреплению радикальных сил в Германии и Италии. Затем, обратившись к В. Орбану, миллиардер отмечает, что тот безосновательно обвиняет его в наводнении Европы, и в том числе Венгрии, мигрантами-исламистами. Вслед за этим Дж. Сорос неожиданно заявил, что он сам тоже «противник обязательных квот» и возражает против распределения по ним мигрантов между странами. Эти уточняющие фразы мецената равносильны признанию им своей неправоты перед В. Орбаном. Для решения проблем с миграцией Сорос считает необходимым официально прекратить действие Дублинской системы

³² Magyar Idők. 13.04.2018.

³³ Лукьянов Ф. Е. Виктор Орбан. Штрихи к портрету. Эволюция венгерского политического лидера: от ультралиберализма к евроскептицизму // Европа. Евразия... С. 372–373.

и предлагает теперь добиваться в интересах мигрантов осуществления своего рода «африканского плана Маршалла»³⁴.

В 2018–2019 гг., когда время больше уже не работало на ультралиберальное бюрократическое правление ЕС, чиновники брюссельского центра все еще не сдавали свои старые позиции. Но перемены стали неизбежны, они назрели, причем срочные и кардинальные, на которые руководство Юнкера уже оказалось неспособным. Правда, в Брюсселе никто не напоминал, что именно мягкая и нерешительная ультралиберальная миграционная политика довела Евросоюз до кризисного состояния. Миграционный кризис, проблемы беженцев и трудовых мигрантов в переполненной ими Европе так и не находили удовлетворительного решения. Брюссельское руководство фактически лишь пролонгировало, отодвигало принятие кардинального решения по миграционным вопросам. Лагеря для прибывших мигрантов по возможности располагались на окраинах Союза, а расходы на их содержание оплачивались странами, через которые шел транзит беженцев в пределы ЕС. Так, в 2015 г. одной лишь Турции было выделено до 3 млрд евро за ее услуги по сдерживанию миграционного наплыва в Европу.

Миграционная проблема даже внутри ЕС, так или иначе, не могла быть решена одними брюссельскими квотами. Ведь миграция поддерживалась и получала постоянные подпитки благодаря установившемуся механизму массового нелегального проникновения беженцев в Европу (он включал в себя и контрабандистов, регулярно переправлявших в Европу партии мигрантов на лодках). Существовал и ложный гуманизм меценатов, снабжавших их подачками и бонусами вместо реальной помощи им на родине. Ведь в мире существуют определенные силы, заинтересованные в массовой миграции либо сознательно стремящиеся превратить Европу с ее исторически сложившимися культурно-этническими общностями в континент с разнородным, смешанным в этническом и расовом отношении и при этом безликим и легко управляемым населением. Настало время, которое требует взвешенных и трезвых, реалистических решений, комплексного подхода к этой весьма острой и злободневной проблеме современности.

Таким образом, в рассматриваемые годы миграционная проблема в рамках ЕС, а тем более в глобальном масштабе, так и не нашла приемлемого решения. Едва ли можно говорить о произошедшем переломе или хотя бы существенных сдвигах в ее преодолении. Ведь команде Ж.-К. Юнкера кроме новых приграничных фильтрационных лагерей и брюссельских квот было больше нечего предложить странам Союза в качестве орудия противодействия нелегальной миграции. Выработке единого согласованного подхода с самого начала мешали не только ультралиберальная идеология с присущей ей самоцельной сверхтолерантностью и политика «открытых дверей», но и недостаточная информированность и растерянность брюссельской бюрократии перед массовым вторжением

³⁴ Soros G. Üzenet Orbánnak // HVG. Hétvégi Világgazdaság. 30.05.2018.

нелегальных мигрантов с других континентов. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и то, с какими трудностями сталкивались страны на окраинах ЕС в их попытках самостоятельно, без помощи евроструктур, остановить массовые миграционные притоки.

Венгрия оказалась первой из пограничных стран ЕС, которая попыталась по своему разумению и в меру своих возможностей справиться с грандиозным массовым наплывом незаконной миграции. Собрав мигрантов в лагерях близ границы, власти перекрыли пути их массовому проникновению вглубь страны и в пределы Евросоюза. Когда больше не стало возможностей реализовать контрольные функции и отделять беженцев от экономических мигрантов по Дублинской системе (она уже не работала, хотя с повестки дня официально и не снималась), правительство Орбана, чтобы остановить дальнейшее проникновение в страну мигрантов и обеспечить безопасность для населения (а террористические акты уже давали о себе знать во Франции, Германии, Великобритании и некоторых других странах ЕС), прибегло к самой эффективной мере. Венгерское заградительное сооружение успешно выполнило свою функцию в тех конкретных условиях.

Основная миграционная нагрузка в ЕС ложилась, конечно, на Италию, Испанию, а также на Грецию и Мальту (на две последние страны она в 2018–2019 гг. даже нарастала). Хотя основная масса мигрантов так и не находила в Европе решения своих проблем, к морским берегам этих стран постоянно прибывало пополнение, остановить которое не удавалось. Отсутствие у ЕК продуманного подхода, единых, согласованных с отдельными странами действий, как и слаженного и эффективного механизма выхода из миграционного кризиса не позволило прекратиться потоку мигрантов. Беженцам и переселенцам в лагерях оставалось только ждать возможности для трудоустройства — а это проблема, которую нельзя было решить силами пограничных государств ЕС.

Осенью 2019 г. в широкой европейской печати прошла информация о попытке группы стран ЕС выработать хотя бы временно функционирующую модель для решения проблемы беженцев-мигрантов, высаженных на берега Италии. В сентябре 2019 г. на Мальте встретились представители МВД Франции, Германии и Мальты, чтобы найти какое-то решение относительно будущей судьбы осевших на Мальте 10 тыс. мигрантов. Участники совещания договорились придерживаться известного принципа, по которому окончательное решение по конкретным беженцам будет оставаться за странами, где было зарегистрировано пересечение ими границы ЕС. При этом подозрительных лиц в течение одного месяца следовало возвратить на родину. Представители Франции и Германии договорились о том, чтобы каждая из этих стран приняла у себя по одной четвертой части находившихся на Мальте беженцев и мигрантов. Мальтийское соглашение не стало обязательным для выполнения, а сроки его действия ограничивались шестью месяцами. Частью этого соглашения стала договоренность сторон о приеме портами Италии впредь исключительно лишь кораблей с настоящими беженцами. В начале октября 2019 г. на Мальте

прошло также совещание глав МИД стран ЕС, где было принято решение о том, что к данной системе приема мигрантов могли присоединиться другие страны. Следует, однако, отметить, что совещания на Мальте не привели к перелому ситуации, а в Брюсселе так и не находили решения проблем.

Миграционный кризис в Евросоюзе, хотя и пошел после 2017 г. на убыль, еще не завершился, тогда как сроки пребывания Ж.-К. Юнкера во главе ЕК были ограничены 2019 годом. Период руководства им деятельностью евроструктур вряд ли можно считать удачным в истории ЕС. Особенно в миграционной политике, где его команда не достигла больших результатов в решении проблем миграции. Конечно, из четырех лет кризисного опыта тоже можно извлечь полезные уроки и сделать выводы на будущее. В любом случае опыт взаимоотношений Брюсселя с Будапештом показывает, что венгерское руководство во главе с В. Орбаном, часто подвергаясь критике со стороны либеральных кругов Запада, вместе с тем достойно и успешно отстаивало национально-государственные интересы страны.

Для Венгрии и других стран ЦЮВЕ были принципиально неприемлемы те методы и средства, при помощи которых чиновники Брюсселя пытались диктовать им свою волю. Ведь вопреки интересам населения этих стран мигранты в условиях глобализации беспрепятственно проникали либо даже приглашались в пределы ЕС, что и послужило основой конфликта между позициями ЕК и венгерского политического лидера В. Orbana, считавшего целесообразным сдерживать массовую экономическую миграцию еще на дальних подступах к внешним границам Евросоюза, по возможности не допускать их в пределы ЕС и оказывать помощь нуждающимся на их родине. Венгерский политический класс небезосновательно исходит из того, что в сложившихся условиях за странами, принимающими беженцев или экономических мигрантов, закономерно должно оставаться *право выбора*: кого им принимать, а кому отказывать в приеме. Видимо, этот принцип имел в виду известный историк-ориенталист Дэниел Пайпс (сын видного русиста Ричарда Пайпса), когда в апреле 2019 г. в Будапеште, вслед за докладом по проблемам Ближнего Востока и нынешних миграционных процессов, дал интервью, где заговорил о «венгерской модели», базирующейся «на цивилизационных ценностях»³⁵ и способной помешать массовой миграции. В интервью будапештскому еженедельнику «Хетек» ученый отмечал: «Люди начали просыпаться перед надвигающейся опасностью. А сегодня самую большую опасность (для Европы) представляют именно *миграция и исламизация* (курсив мой. — Б.Ж.). У вас значительное большинство населения понимает это... Я лично полагаю, что Венгрия в этом плане может стать для других образцом для подражания»³⁶. По компетентному мнению ученого, к числу других сил, сдерживающих миграцию, принадлежат греки на Lesbos и испанцы в Марокко.

³⁵ A magyarok mintát adnak Európának // Hetek. 12.04.2019.

³⁶ Ibid.

Возведенное на южных рубежах Венгрии оградительное сооружение, другие предпринятые действия и, в более широком плане, используемые властями страны в миграционной политике приемы, методы и принципы вполне оправдали себя, оказались результативными. Хотя в свое время они и вызвали недовольство и осуждение со стороны либеральных кругов в ЕС, провалы в миграционной политике команды Юнкера в ЕК, очевидно, заставят будущих руководителей Союза задуматься над уроками данного периода и внести неизбежные коррективы в миграционную политику ЕС. Венгрия же остается верной заявленному курсу и своей прежней позиции в этом вопросе.

В связи с непрекращающейся миграцией и затянувшимся миграционным кризисом в Евросоюзе венгерские журналисты в сентябре 2018 г. обратились к Президенту РФ с просьбой высказать свое суждение по этой злободневной для Европы проблеме. В.В. Путин отреагировал кратко, но со знанием дела: «Количество мигрантов все время растет, ситуация меняется только по географии... Если поощрять эту миграцию высокими социальными выплатами, еще какими-то бонусами, то с какой стати этот поток должен остановиться?.. Но это наши коллеги в Европе должны сами решать, что, на их взгляд, наиболее предпочтительно для Европы и для ее развития»³⁷.

Неизменную позицию венгерского правительства по вопросам миграционной политики выразил в 2019 г. спикер кабинета министров И. Холлик, отметивший, что Венгрия охотно поспособствует возвращению на родину мигрантов, но по-прежнему возражает против их распределения по квотам между странами и последующего расселения. Снова подчеркнув, что только в ее компетенцию входит вопрос о том, кого и когда ей следует принимать на заселение, а кому отказывать в этом, он выразил недовольство тем, что «уходящая Еврокомиссия по-прежнему продолжает использовать оставшееся у нее время и тратит ресурсы на то, чтобы силовыми методами навязывать странам свои квоты»³⁸.

Времена, однако, меняются. Есть надежда, что новый состав Еврокомиссии (уже во главе с Урсулой фон дер Ляйен) будет решать проблему беженцев и мигрантов гораздо успешнее своих предшественников и изменит миграционную политику. Она уже заявила о необходимости предстоящей реформы всей миграционной системы ЕС.

Конечно, уходящая неолиберальная комиссия Юнкера как-то решала свои задачи, временами явно для нее непосильные, при этом решала без достаточной информированности о реальной ситуации. Ей приходилось действовать в нестандартных условиях миграционного кризиса, в целях разрешения которого она даже не попыталась сколько-нибудь ощутимо вмешаться в стихийную миграционную практику. Тем более она не задумывалась над необходимостью внести какие-либо весомые коррективы в устаревшие подходы к миграционной политике. Насущные вопросы, вызванные глобальной миграцией, в результате

³⁷ Российская газета. 19.09.2018.

³⁸ *Serdült V.* Op. cit.

не были решены. И в связи с этим вполне закономерен вопрос: насколько обоснован был призыв руководящих структур ООН к поддержке столь малоэффективного, а в итоге провалившегося курса в области миграционной политики? Означает ли все это, что защита внешних границ ЕС по-прежнему будет зависеть лишь от возможностей отдельных национальных государств? Или же ООН, скоординировав усилия со структурами ЕС, всерьез займется безопасностью и развитием тех регионов, откуда идут непрекращающиеся потоки мигрантов в Европу? Иначе миграционная проблема по-прежнему останется нерешенной при любом руководстве ЕС.

Рассчитывать, однако, на благополучный исход решения миграционных проблем при существующих позициях и подходах в руководствах ЕС и ООН в ближайшее время вряд ли возможно. Как на то не без основания обратил внимание главный советник венгерского премьер-министра по вопросам внутренней безопасности Д. Баканди, «миграция страннным образом признается ими основополагающим правом. Следовательно, такой подход позволяет кому того захочется переходить границы без каких-либо санкций, ведь не обязательно соблюдать правила и считаться с желанием живущих там людей»³⁹. Сегодня, в условиях массовой миграции, вряд ли приемлем такой ультралиберальный подход к этому ключевому вопросу, создающему угрозы европейской безопасности. Ведь он противоречит современным тенденциям мирового развития.

³⁹ Magyar Hirlap. 03.06.2018.

Глава 4

ВЕНГРИЯ: ПОЛИТИКА ЛАВИРОВАНИЯ МЕЖДУ ЕС, США, КИТАЕМ И РОССИЕЙ

Венгрия, как и любая другая малая страна, желающая проводить по возможности самостоятельную политику, отстаивать свое право на суверенитет, вынуждена приспосабливаться к требованиям мировых игроков, не переходить установленные ими красные линии, чутко улавливать посылаемые ими сигналы, прислушиваться к мнению соседних стран. Будучи членом Европейского союза и НАТО, Венгрия должна лавировать в рамках этих организаций, а также в отношениях с США, Китаем и Россией.

Еще 9 марта 2015 г. на чрезвычайном совещании с венгерскими послами в зарубежных странах, состоявшемся в Будапеште, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан заявил, что за последние 25 лет все привыкли к тому, что интересы венгерской внешней политики автоматически совпадают с интересами крупных держав, в сферу влияния которых Венгрия входит. Однако в последнее время эта предопределенность претерпела ощутимые изменения: система интересов Венгрии уже не совпадает на 100% с интересами ни Германии, ни США. У страны есть свои собственные национальные интересы, отличные от интересов ведущих стран Запада.

Естественно, их не надо выпячивать или обострять, кричать на всех перекрестках об этих конфликтах, но можно говорить о них за кулисами, памятуя, что основой венгерской внешнеполитической доктрины по-прежнему являются национальные интересы страны. Если же они не совпадают с интересами важных для Венгрии партнеров, то надо добиваться того, чтобы и США, и Германия, а также Россия, Китай и Турция одновременно были заинтересованы в том, чтобы Венгрия была успешной¹.

Самостоятельная позиция, занимаемая в последние годы руководством Венгрии по ключевым вопросам положения дел в Евросоюзе и мире, привела его к открытому конфликту и противостоянию с Еврокомиссией и США. Не последнюю роль в этом сыграло заключение Венгрией соглашения об участии России в строительстве двух новых энергоблоков на АЭС «Пакш», более сдержанная позиция Венгрии в вопросе о санкциях в отношении России и по «делу Скрипалей», прекращение в 2014 г. реверса природного газа на Украину

¹ Népszabadság. 09.03.2015.

(правда, с января 2015 г. Венгрия его возобновила, причем переведя на долгосрочную договорную основу) и другие самостоятельные шаги, предпринимаемые страной как во внутренней политике, так и на международной арене, не совпадающие с линией США и Евросоюза.

Сильным раздражителем для Запада является также проводимая В. Орбаном политика, направленная на ограничение роли иностранного капитала, в первую очередь ТНК, в экономике страны. Особенно задевают интересы ЕС и США успехи Венгрии в вытеснении иностранного банковского капитала.

Припоминают В. Орбану и его речь в студенческом летнем лагере в Тушнадфюрдэ (Бэиле-Тушнад, Секейский край, Румыния) 26 июля 2014 г., в которой он повторно заявил о крахе либерализма, поскольку нынешние либеральные ценности находят свое воплощение в коррупции, сексе и насилии, — впервые он эту идею выдвинул в студенческом летнем лагере в тех же местах, Тушванёше, еще в 2012 г. Следовательно, делает вывод В. Орбан, надо покончить с либеральными принципами и методами организации общества, а также вообще с либеральным пониманием общества. При этом он сослался на пример таких стран, как Сингапур, Китай, Россия и Турция, которые побуждают к поиску других, независимых от Запада форм общественной организации, позволяющих в перспективе повысить конкурентоспособность страны в мире. Демократия не обязательно должна быть либеральной².

Яблоком раздора в отношениях с ЕС стал миграционный кризис, который явился центральной темой и в ходе прошедших 8 апреля 2018 г. выборов в парламент страны. Правящий уже 2 срока подряд (с 2010 по 2014 г. и с 2014 по 2018 г.) правоконсервативный Венгерский гражданский союз (Фидес), традиционно выступающий в блоке с Христианско-демократической народной партией (ХДНП), в процессе предвыборной агитации среди важнейших задач, стоящих перед страной, назвал сохранение суверенитета и недопущение мигрантов на территорию Венгрии.

Активисты Фидеса-ХДНП ссылались на крах политики мультикультурализма в западноевропейских странах. Предвыборная кампания развертывалась на фоне беспрецедентного давления на Венгрию со стороны Евросоюза, который до сих пор пытается всеми правдами и неправдами вынудить ее согласиться на обязательные квоты по приему беженцев из стран Ближнего Востока, Центральной Азии и Африки. Венгрия стойко сопротивлялась и продолжает противостоять этому диктату.

Как заявил В. Орбан, венгерское общество не желает видеть беженцев у себя в стране, оно испытывает страх от перспективы жить вместе с многочисленной мусульманской общиной, поскольку видит, что происходит в Западной Европе, и это ему не нравится³. Негоже, полагает В. Орбан, что кто-то в Брюсселе

² Népszabadság. 26.04.2014.

³ Népszabadság. 03.09.2015.

стремится решить демографические и экономические проблемы западноевропейских стран посредством привлечения мигрантов. Венгрия намерена решать свои проблемы не с помощью мигрантов, а путем проведения собственной политики в области экономики и семьи⁴.

Сенсацией для многих стало решение В. Орбана в 2015 г. соорудить «железный занавес», т. е. забор высотой 4 м вдоль границы Венгрии с Сербией и Хорватией, с тем чтобы воспрепятствовать нелегальному пересечению границы беженцами.

Не приходится удивляться резко негативному отношению Будапешта к инициативам Брюсселя по принятию постоянно действующей программы размещения беженцев, открытию легальных миграционных путей, разработке совместно с африканскими странами экспериментальных миграционных программ, введению так называемых гуманитарных виз, привлечению к рассмотрению визовых решений неправительственных гражданских организаций. Как оценил все это В. Орбан, речь идет о «собрании ужасов для венгерского человека»⁵.

Венгерские аналитики отмечают в связи с этим, что после подписания 7 февраля 1992 г. Маастрихтского договора (что уже означало значительную централизацию в принятии решений в рамках ЕС) брюссельская бюрократия внесла почти 150 поправок в законы, позволяющие ей проводить свои решения квалифицированным большинством голосов, хотя ранее по данным делам требовалось либо единогласное голосование, либо вовсе не было никаких процедурных предписаний по их принятию⁶. Происходит постепенное урезание суверенитета стран — участниц ЕС.

Об этом же говорил и В. Орбан на саммите стран Вишеградской четверки в Варшаве 2 марта 2017 г.: нельзя нарушать баланс между компетенциями национальных государств, с одной стороны, и институтов ЕС — с другой, хотя в последние годы компетенция у национальных государств в некоторых областях по-тихому, украдкой изымалась в пользу ЕК. Но это плохая практика, ее следует прекратить⁷.

Одной из таких уловок является нынешняя попытка ЕК навязать принятие решений по мигрантам квалифицированным большинством голосов, хотя по Маастрихтскому договору это входило в компетенцию стран-участниц, т. е. решения должны были приниматься единогласно, и страны имели право вето.

Принципиальная позиция Венгрии встречает резкий отпор со стороны западноевропейских политиков. Так, президент Франции Эммануэль Макрон на пресс-конференции по итогам саммита ЕС в Зальцбурге 20 сентября 2018 г.

⁴ Magyar Távirati Iroda (MTI). 15.04.2016.

⁵ Orbán Viktor: Az Európai Bizottság javaslata egy horrorgyűjtemény // Magyar Idők. 12.10.2018.

⁶ Lőránt K. A birodalom visszavág // Magyar Hírlap. 09.09.2019.

⁷ Brüsszellel szemben egységesek a V4-ek // Népszava. 03.03.2017.

заявил, что «те страны, кто не хочет больше Фронтекса⁸ или солидарности, могут выйти из Шенгена; те страны, кто не хочет больше Европы, не должны тянуть свои руки к структурным фондам ЕС»⁹. Ясно, что свои предупреждения Э. Макрон адресует в первую очередь Венгрии.

Давление на Венгрию со стороны Евросоюза будет только нарастать. Так, Комитет по надзору за бюджетом Европарламента в связи с якобы высоким уровнем коррупции в Венгрии предлагает применить статью 7 Лиссабонского договора, лишаящую ее права голоса. Со стороны Европарламента прозвучало предложение, чтобы ЕК приостановила дальнейшее финансирование стран, которые не присоединились к Европейской прокуратуре (Венгрия как раз является таковой)¹⁰.

ЕК при обсуждении бюджета на следующий семилетний период (2021–2027 гг.) намеревается предложить, чтобы среди условий выделения странам денежных средств из фондов ЕС были выдвинуты политические требования, в частности независимость судов. Меняется сама философия политики по распределению средств Евросоюза между его членами. Если после расширения ЕС в 2004 г. при выделении средств из его структурных фондов акцент был поставлен на преодолении экономического разрыва между старыми и новыми членами, то теперь определяющими станут те ожидания, которые ЕК возлагает на эти инвестиции.

Еврокомиссия планирует также прекратить автоматическое распределение средств Фонда сплочения, покончить с нынешней практикой, когда во главу угла ставится исключительно объем ВВП на душу населения, в результате чего страны ЦВЕ (Центрально-Восточной Европы. — *Ред.*) всегда получают преимущества. Вместо этого будет применяться разветвленная комплексная система критериев, включающая в себя, в частности, норму безработицы среди молодежи (что благоприятствует в первую очередь странам Южной Европы), образовательное дело, охрану окружающей среды, миграцию, инновацию, результативность борьбы с коррупцией. Большое значение получит и требование соблюдения норм правового государства¹¹.

В любом случае финансовая подпитка стран ЦВЕ со стороны Евросоюза в будущей семилетний бюджетный период 2021–2027 гг. существенно сократится (в отношении Венгрии — почти на 25%)¹². По мнению венгерских аналитиков, Брюссель, по сути, объявил Венгрии войну¹³.

Отношения Венгрии с Евросоюзом серьезно омрачает принятие Европарламентом 12 сентября 2018 г. так называемого Доклада Саргентини, согласно которому в Венгрии существует «опасность тяжелого и систематического

⁸ Агентство Европейского союза по безопасности внешних границ.

⁹ Macron kitenné a Schengeni övezetből Magyarországot // Népszava. 21.09.2018.

¹⁰ Halmai K. Brüsszelben is érzik, valamit tenni kell // Népszava. 26.04.2018.

¹¹ Népszava. 23.04.2018.

¹² Jóval kevesebb pénz érkezik Brüsszelből a következő hét évben // Népszava. 13.05.2019.

¹³ Brüsszeli hadüzenet Magyarországnak // Magyar Idők. 03.05.2018.

нарушения ценностей ЕС», что мотивирует начало процедуры применения в отношении Венгрии статьи 7 Лиссабонского договора, лишаящей ее права голоса и дотаций¹⁴. В практике Европарламента ничего подобного еще не было.

Как отмечает венгерский политолог Давид Медери, в этом тридцатистраничном документе, подготовленном депутатом Европарламента от голландской партии «зеленых» Юдит Саргентини «в духе ненависти и глумления над правом», термин «венгерское правительство» упоминается 20 раз, а слово «Венгрия» — 122 раза, как правило, исключительно в негативном, оскорбительном для венгров свете¹⁵.

Как заметил министр внешнеэкономических и иностранных дел Венгрии Петер Сийярто, из 69 пунктов обвинений, содержащихся в Докладе Саргентини, по 37 пунктам представлены неприкрытые ложь и клевета¹⁶. Венгерский эксперт в области политики безопасности Георг Шпёттле даже пошутил: «Если бы Юдит Саргентини была Пиноккио, ее нос достиг бы Гибралтара — столько лжи наскребла она в свой доклад!»¹⁷.

В Докладе Саргентини Венгрии среди прочего вменяются в вину «усиливающийся в стране антисемитизм, поскольку евреи и их имущество не чувствуют себя в безопасности», недопустимый и «самый грандиозный коррупционный скандал» (уголовное дело в связи со строительством 4-й линии будапештского метро), а также то, что в 26% тендеров на госзакупки принимает участие всего один претендент и по улицам марширует крайне правая «Венгерская гвардия». При этом забывается, что в среднем по ЕС доля тендеров на госзакупки с одним участником составляет 24%, т. е. всего на 2 процентных пункта меньше, чем в Венгрии, а евреи, еврейские школы и другие учреждения на Западе достаточно часто подвергаются вооруженным нападениям¹⁸.

В. Орбан, выступая 12 сентября 2018 г. в Европарламенте, отметил, что Доклад Саргентини «оскорбляет честь Венгрии и венгерского народа, является свидетельством злоупотребления властью, превышения круга своих полномочий, а способ его принятия нарушает принятые процедуры. Поборники миграции угрожают, шантажируют и клеветают на Венгрию и венгерский народ»¹⁹.

Стратегическим партнером Венгрии в Азии на сегодняшний день, бесспорно, является Китай. Отмечая значимость китайской инициативы «Один пояс — один путь», венгерские аналитики напоминают, что этот проект дал Китаю возможность продемонстрировать и укрепить свою ведущую роль в глобальном

¹⁴ Megszavazta az EP a Sargentini-jelentést // MTI. 12.09.2018.

¹⁵ Megyeri D. Hisztérikus hülyeségek háza // Magyar Idők. 01.10.2018.

¹⁶ Szijjártó Péter helyretette a CNN riporterét // Magyar Idők. 04.10.2018.

¹⁷ Spöttle G. Európa sírásói // Magyar Idők. 21.09.2018.

¹⁸ Bayer Zs. Az új fehér könyv // Magyar Idők. 13.09.2018.

¹⁹ Orbán Viktor: Nem engedünk a zsarolásnak // Magyar Idők. 12.09.2018.

мире в противовес США, трубящих отбой, денонсируя соглашения о свободной торговле²⁰.

Разное отношение к инициативе Китая «Один пояс — один путь» Венгрии, ряда других стран ЕС, с одной стороны, и ведущих западноевропейских стран, США, руководства Еврокомиссии — с другой, дают повод говорить о формирующейся новой линии «глобального тектонического разлома» между ними²¹.

В. Орбан в связи с этим в мае 2017 г. на Первом международном форуме в Пекине, посвященном этому китайскому проекту, заявил: старая модель глобализации, основывающаяся на том, что финансы, выгода, технологии концентрируются на Западе и оттуда устремляются в бедные, менее развитые восточные страны, исчерпала себя — Восток подтянулся к Западу. По его словам, мы являемся свидетелями смены эпох: теперь движущей силой мировой экономики является не Запад, а Восток, и особенно Азия. Здесь за последнее десятилетие накоплены большие суммы денег, которые направляются обратно на Запад²².

Ведущие страны ЕС и США не без оснований увидели в китайском проекте «Нового Шелкового пути» угрозу своему доминированию в мире и, в частности, в странах ЦВЕ. Еврокомиссия, США, западноевропейские страны на Первом пекинском форуме были представлены далеко не первыми лицами, которые отказались подписать его итоговый документ, посчитав, что благодаря этому проекту Китай получит преимущества по сравнению с другими участниками, и это будет «улица с односторонним движением».

В. Орбан, лидеры других стран, подписавшие заключительное коммюнике Первого пекинского форума, напротив, поддержали формирование открытой многосторонней торговой системы, основывающейся на общепризнанных правилах, ядром которой могла бы стать уже существующая Всемирная торговая организация. В. Орбан, принимавший самое активное участие в продвижении китайского проекта «Один пояс — один путь», таким образом, снова оказался между двух огней²³.

На Втором международном форуме «Один пояс — один путь», прошедшем в Пекине в конце апреля 2019 г., В. Орбан заявил о решительной поддержке этого проекта. Правительство и венгерский народ, по его словам, холят и лелеют необыкновенную дружбу с Китаем и приветствуют прибывающие оттуда инвестиции; оптимистично настроены они и в отношении китайских высоких технологий²⁴.

²⁰ *Szijiártó P.* Az Egy övezet, egy út stratégia komoly lehetőségeket jelent Európának // MTI. 14.05.2017.

²¹ *Lovas I.* Orbán vezetésével fordul Kelet-Európa az Új Selyemút és Ázsia felé // Magyar Idők. 30.05.2017.

²² *Orbán V.* A Kelet felzárkózott a Nyugat mellé // Magyar Idők. 16.05.2017.

²³ A kormányfő két tűz közé került Kína miatt is // Népszava. 18.05.2017.

²⁴ Orbán Viktor: Magyarország kész az európai-kínai kapcsolatok fejlesztésének előmozdítására // Magyar Hírlap. 26.04.2019.

По мнению П. Сийярто, сотрудничество с китайцами приобретает исключительное значение; в противном случае, если ЕС не сумеет наладить сотрудничество с Китаем, «тогда во многих отраслях промышленности новейшие технологические решения станут для нас недоступными, а это будет означать падение европейской конкурентоспособности»²⁵.

На своей странице в Facebook 28 апреля 2019 г. В. Орбан, подводя итоги Второму форуму в Пекине, восторженно констатировал: зародилось то, чего раньше никогда не было, и это называется Евроазиатское экономическое пространство²⁶.

Таким образом, Венгрия готова форсировать прагматичное сотрудничество с Китаем и очень дорожит тем, что Китай поднял сотрудничество с Венгрией на уровень «всеобъемлющего стратегического партнерства» — самой высокой в Китае категории²⁷.

Для России важно, что нынешнее руководство Венгрии по сравнению с другими странами ЦВЕ более сдержанно и дружелюбно относится к российской политике, воздерживается от резких высказываний в адрес РФ и ее лидера. Более того, В. Орбан последовательно критикует политику ЕС в отношении России, называя ее примитивной, поскольку она базируется на мнимых угрозах безопасности Евросоюза со стороны РФ и сводится исключительно к санкциям.

По его мнению, надо видеть специфику таких стран, как государства Балтии и Польша, которые в силу исторических и географических факторов, действительно, могут испытывать каждодневный страх за свою судьбу из-за близости к ним России. В то время как Венгрия, Словакия, Чехия и Западная Европа такой угрозы со стороны России не ощущают. Было бы правильно, полагает В. Орбан, если бы НАТО и Евросоюз полякам и прибалтам предоставили экстрагарантии их безопасности, одновременно открыв другим членам ЕС путь к развитию торговли и экономического сотрудничества с Россией²⁸.

Правильная политика в отношении России, по мнению В. Orbana, должна основываться на двух столпах:

- Европа должна быть способна обеспечить свою военную безопасность в отношении России даже и без военной силы США, поэтому Венгрия является убежденным приверженцем идеи создания общей европейской армии;
- надо выстраивать как можно более оживленные экономические связи с Россией.

При этом В. Орбан по-прежнему уверен в том, что венгерское правительство в состоянии поддерживать хорошие отношения с Россией на сугубо

²⁵ Képmutató az EU Kína-politikája, az együttműködés összeurópai érdek // MTI. 01.02.2019.

²⁶ Orbán Viktor: Összekötjük Európát Ázsiával // Magyar Hírlap. 28.04.2019.

²⁷ Szijjártó P. Felértékelődik a keleti nyitás stratégia // MTI. 23.05.2017.

²⁸ Orbán Viktor beszéde a XXIX. Bálványosi Nyári Szabadegyetem és Diáktáborban // Magyar Idők. 29.07.2018.

деловых началах и противостоять попыткам политического давления, исходящим из РФ²⁹.

Уместно отметить, что все делегаты от ныне правящего в Венгрии блока Фидес-ХДНП, например, проголосовали за возвращение российской делегации в ПАСЕ³⁰. Если Румыния, сославшись на санкции Запада в отношении России, не разрешила ей поставить по Дунаю военную технику Сербии, то, по данным венгерской оппозиционной прессы, поставка все же была осуществлена — с использованием воздушного пространства Венгрии³¹.

Развитию двусторонних отношений способствуют регулярные ежегодные встречи лидеров России и Венгрии, проходящие с 2013 г. в ходе обмена рабочими визитами. В 2018 г. В. В. Путин и В. Орбан дважды встречались в Москве (в июле и сентябре). В октябре 2019 г. состоялся очередной визит В. В. Путина в Венгрию. Важнейшими темами переговоров стали: участие России в строительстве двух новых энергоблоков на АЭС «Пакш», соглашение по газу и проблематика, касающаяся изменения климата³².

Неуступчивость Венгрии в вопросах ее отношений с Россией, сдержанность и скептицизм по отношению к санкционной политике Запада, направленной против РФ, его попыткам помешать строительству «Северного потока — 2» вызывает сильное раздражение у США. В результате Венгрии приходится лавировать между Россией и США, принимая решения относительно будущих закупок природного газа, участия РФ в сооружении новых энергоблоков на АЭС «Пакш», в других областях.

Так, Будапешт с самого начала заявлял о неэффективности санкций, которые Запад применяет в отношении России. Однако вето на их продление он ни разу не наложил и никогда в одиночку, без поддержки со стороны других стран ЕС, как заверил П. Сийярто, не применит, поскольку единство Евросоюза, солидарность с другими членами ЕС — критически важная составляющая его политики³³.

Выжидательную позицию занимает Будапешт и в вопросе заключения с Россией нового долгосрочного договора на закупку российского природного газа. Срок предыдущего договора — после 20 лет его безукоризненного исполнения российской стороной — в 2015 г. истек. С тех пор стороны ежегодно согласовывают свои обязательства по поставкам российского газа в Венгрию.

²⁹ *Batka Z., Kósa A.* Orbán: Egyszerű a helyzet, magyarok vagyunk, nem balekok // Népszava. 14.02.2019.

³⁰ *Németh Zs.*: A magyar képviselők támogatták Oroszország visszatérését az Európa Tanácsba // MTI. 26.06.2019.

³¹ *Hiába a szankciók, átrepülhetett a fejünk felett egy orosz fegyverszállítmány* // Népszava. 29.07.2019.

³² *Garamvölgyi F.* Megerősítették: már folynak a Putyin-Orbán találkozó előkészületei // Népszava. 16.07.2019.

³³ *Ильина Н.* Мы не будем в одиночку накладывать вето на санкции ЕС // Ведомости. 04.07.2017.

Для Венгрии сотрудничество с Россией в газовом секторе весьма выгодно: во многом благодаря ему страна смогла обеспечить самую низкую в Евросоюзе цену на газ для населения в Будапеште (в Стокгольме, например, она в 8 раз, а в соседних Братиславе и Вене — соответственно в 1,5 и более чем в 2 раза выше, чем в Будапеште)³⁴.

Однако на венгерское правительство сильное давление в вопросе выбора источников импорта природного газа оказывают США, которые настаивают, чтобы Будапешт не заключал нового долгосрочного договора с Москвой. Вместо этого США лоббируют проект румынского черноморского природного газа, в разработке которого намереваются принять участие американская компания ExxonMobil и австрийская OMV. Об этом, в частности, говорил посол США в Венгрии Д. Б. Корнштейн на венгеро-румынских переговорах в июле 2019 г., подчеркивая, что в этом случае на рынке появится новый игрок и в результате удастся ослабить зависимость стран ЦВЕ от России, а заодно усилить их позиции в переговорах с Газпромом по ценам³⁵.

В начале 2018 г. В. Орбан также был склонен предпочесть румынский проект, намереваясь заключить с Румынией долгосрочный, на 15 лет, договор на поставку более 4 млрд куб. м газа в год. В результате Венгрия, по его словам, с 2021–2022 гг. оказалась бы в новом положении, а он — с подобающей скромностью, но счастливо — смог бы заявить, что эпоха российской газовой монополии в Венгрии завершилась. Правда, договор с тех пор так и не удалось заключить; более того, МИД Румынии тут же опроверг это заявление венгерского премьер-министра. И Венгрия снова была вынуждена начать переговоры с Россией.

Тем не менее об особой заинтересованности в румынском проекте В. Орбан снова заявил по итогам встречи в мае 2019 г. с президентом США Дональдом Трампом в Белом доме. Премьер-министр Венгрии попросил тогда Д. Трампа посодействовать, чтобы американская энергетическая компания Exxon как можно скорее начала добычу газа на черноморском месторождении Румынии, поскольку это имеет ключевое значение в деле диверсификации источников снабжения Венгрии газом³⁶.

Официальная позиция правительства Венгрии состоит в том, чтобы закупать газ из как можно большего числа источников, чтобы возможные поставки конкурировали между собой, а Венгрия не была бы связана долгосрочными договорными обязательствами ни с одним из них³⁷. В создавшейся ситуации Венгрия, по мнению ее аналитиков, будет затягивать заключение долгосрочного договора с Россией в надежде на реализацию румынского или других газовых

³⁴ Az Európai Unióban Magyarországon a legolcsóbb a lakossági földgáz // Magyar Hírlap. 09.09.2019.

³⁵ *Garamvölgyi F.* Csak az orosz gáz felé húznak Orbánék // Népszava. 06.07.2019.

³⁶ Szijjártó Péter: Biztosított Magyarország jövő évi gázellátása // Origo. 21.08.2019.

³⁷ A földgáz-üzlet miatt halogathatja Orbán a találkozót Putyinnal // Népszava. 11.07.2019.

проектов, чтобы иметь возможность либо вовсе отказаться от долговременного сотрудничества с РФ, либо усилить свои переговорные позиции с Газпромом.

При этом надо исходить из того, что, как заявил В. Орбан касательно всех этих газовых проектов, венгры не глупцы: они с удовольствием со всеми будут сотрудничать, но ни у кого, ни под каким предлогом или давлением не будут покупать энергоносители по значительно более высокой, чем рыночная, цене³⁸.

Отношения с США до последнего времени складывались у венгерского руководства далеко не просто. Трудно забыть осень 2014 г., когда США решили жестко наказать Венгрию и организовали, используя социальные сети, серию многотысячных выступлений студенчества по всей стране против намерения венгерского правительства ввести налог на пользователей Интернета.

Симптоматично, что и после того, как правительство отказалось от своих планов по введению этого налога, демонстрации не прекратились, а среди лозунгов появились и такие требования, как пересмотр закона о бюджете на 2015 г., устранение усиливающейся после смены общественного строя социальной несправедливости, протесты против «недееспособности государства и системной коррупции»³⁹. Встречались и антироссийские лозунги. Главным требованием митингующих стала отставка правительства, возглавляемого лидером Фидеса В. Орбаном. И это после того, как Фидес в 2014 г. трижды выигрывал проводившиеся в стране выборы: в апреле — парламентские, в мае — в Европарламент, а в октябре — в местные органы самоуправления.

Подобный размах и четкая организованность свидетельствуют о наличии внешнего инициатора и режиссера этих событий, во всяком случае, о причастности к ним США, которые попытались поставить В. Орбана на место, пригрозив ему тем, что в стране может быть реализован известный сценарий «цветных» революций, в том числе и жесткий, по типу украинского Майдана. Неслучайно на этих акциях, как правило, присутствовал временный поверенный в делах США в Венгрии Андре Гудфренд, ранее работавший в Сирии.

Лишь в мае 2019 г. — после многолетнего томительного ожидания — В. Орбан получил приглашение посетить Вашингтон, где был принят президентом США Д. Трампом. Потеплению отношений способствовало обещание Венгрии если уж и покупать природный газ у России, то транзитом через Украину, но не по газопроводу «Северный поток — 2». Второй ключевой уступкой со стороны Венгрии явилось обещание закупать у США оружие⁴⁰.

Не последнюю роль сыграло и то, что Венгрия в апреле 2019 г. согласилась перезаключить Договор с США о сотрудничестве в области обороны (Defense Cooperation Agreement — DCA), предусматривающий более льготный юридический статус для вооруженных формирований США, дислоцированных

³⁸ *Batka Z., Kósa A.* Orbán: Egyszerű a helyzet, magyarok vagyunk, nem balekok // *Népszava*. 14.02.2019.

³⁹ *Népszabadság*. 12.12.2014.

⁴⁰ *Garamvölgyi F., Kósa A.* Dollármilliárdos csomagot visz Orbán Washingtonba // *Népszava*. 03.05.2019.

на территории страны. Как утверждают венгерские оппозиционные СМИ, по сути, это типовой американский текст подобного соглашения, на принятии которого всегда бескомпромиссно настаивают США. Теперь они могут в чрезвычайных ситуациях свободно, без одобрения венгерского парламента, вводить, выводить и перемещать свои войска на территории Венгрии. При этом американские военные не подпадают под венгерское правосудие. Единственное ограничение — это соблюдение США венгерского суверенитета⁴¹, что в нынешних обстоятельствах не может представлять для Вашингтона серьезного препятствия.

Необходимо отметить также, что США требуют от других стран НАТО, чтобы они направляли на военные нужды не менее 2% годового объема их ВВП. В Венгрии этот показатель в 2018 г. составлял 1,4%⁴². Правительство В. Орбана с января 2017 г. приступило к выполнению рассчитанной на 10 лет Программы воссоздания венгерской армии «Зрини 2026», получившей свое название по имени венгерского военного стратега и политика XVII в. Миклоша Зрини. Программа «Зрини 2026» предусматривает доведение этого норматива до 2% к 2024 г. (при благоприятных условиях — может быть, и раньше), т. е. бюджет армии должен возрасти более чем в 2 раза, что было благосклонно принято США и руководством НАТО.

Разработчики Программы исходили из того, что, как сказал В. Орбан, «защита Венгрии — это не задача НАТО или ЕС, а самих венгров: сильная Венгрия немыслима без сильной армии»⁴³. Правда, новый министр обороны Венгрии Тибор Бенкё полагает, что самое главное — это не величина процентов от ВВП, которые страна тратит на оборону, а способность национальной армии гарантировать безопасность Венгрии и венгерского народа⁴⁴.

Для России небезразличен и тот факт, что с октября 2017 г. именно Венгрия стала демонстративно блокировать участие Украины в саммитах НАТО на министерском уровне (на уровне послов, а также в рабочих группах сотрудничество Украины с НАТО продолжается) с тем, чтобы вынудить ее пойти навстречу требованиям Будапешта в вопросе о положении венгерского меньшинства на территории Украины и, в частности, о праве на использование родного для него венгерского языка. Большинство стран НАТО, однако, не приветствуют подобные демарши Венгрии, опасаясь, что это может побудить Украину к возвращению в сферу влияния России.

В декабре 2017 г. и 2018 г. из-за непримиримой позиции Венгрии не состоялись встречи НАТО — Украина на министерском уровне. Послы 11 стран

⁴¹ *László D. Áttörés 2019: elavult szovjet és korszerű amerikai ágyúk csipkézték ki a Bakony lejtőit // Népszava. 12.06.2019.*

⁴² *Benkő Tibor: a magyar gazdaság erősödésével a honvédelemre is több pénz jutott // MTI. 20.01.2019.*

⁴³ *Orbán Viktor: az ország megvédése nem a NATO, nem az EU feladata, hanem a miénk // MTI. 16.05.2018.*

⁴⁴ *Benkő Tibor: a büdzsé fő nyertese a honvédelmi tárca // MTI. 13.07.2018.*

НАТО, реагируя на это, в декабре 2017 г. обратились к правительству Венгрии с письмом, в котором просили не вносить данную распрю в Североатлантический альянс. П. Сийярто в беседе со своими коллегами из Голландии и Норвегии назвал неправильным утверждение, будто бы конфликт Венгрии с Украиной касается только этих двух стран. Ситуация, сложившаяся вокруг отношений между Россией и Украиной, по его мнению, никак не может быть фактором, оправдывающим ущемление прав венгерского меньшинства на Украине, — между этими проблемами нет ничего общего⁴⁵.

15 октября 2018 г. парламентский госсекретарь Министерства внешнеэкономических и иностранных дел Венгрии Левенте Мадяр на закрытой встрече с послами стран НАТО в Будапеште попытался объяснить им венгерскую позицию в отношении Украины и ее попыток насильственной украинизации закарпатских этнических венгров.

Он привел примеры многочисленных антивенгерских акций в Закарпатской области Украины, предпринятых при попустительстве украинских властей: скрытые незаконные съемки спецслужбами Украины принятия венгерского гражданства этническими венграми в Консульстве Венгрии в Берегово, высылку из Украины венгерского консула, размещение на ультрарадикальном интернет-сайте «Миротворец», который курируют силовые ведомства Украины, персональных данных (включая адрес местожительства, номер венгерского паспорта и занимаемую должность) многих сотен закарпатских венгров, получивших второе, помимо украинского, венгерское гражданство (не постеснялись внести туда даже персональные данные венгерского министра внешнеэкономических и иностранных дел П. Сийярто, как будто бы он тоже родился на Украине), угрозы лишения их украинского гражданства и депортации из страны, стягивание подразделений украинской армии к границе с Венгрией⁴⁶.

Однако ни понимания, ни сочувствия, ни тем более поддержки венгерской стороне снискать не удалось. Напротив, шведский посол, например, обвинил Венгрию в ханжестве, поскольку она сама якобы ведет себя не лучше Украины. Итоги подвел новый посол США в Венгрии Д. Б. Корнштейн, который подверг критике как украинскую, так и венгерскую стороны. Создавшееся положение, по его мнению, служит интересам лишь России, которая стремится подорвать интеграцию Украины в структуры ЕС и НАТО. В силу этого он призвал обе стороны как можно скорее договориться по спорным вопросам, в чем американская дипломатия окажет содействие⁴⁷.

В ходе визита госсекретаря США Майка Помпео в Будапешт в феврале 2019 г. венгерскому руководству, по-видимому, удалось убедить его в том, что заключительный документ саммита ЕС — Украина, состоявшегося в июле

⁴⁵ Sziijártó Péter: közös magyar-EU elvárás fogalmazódott meg Ukrajnával szemben // MTI. 08.12.2017.

⁴⁶ *Baranyai G., Borsodi A.* Deportálási lista a kijevi parlamentben // Magyar Idők. 10.10.2018.

⁴⁷ *Kósa A.* Amerikai intőt kapott Kijev és Budapest is // Népszava. 15.10.2018.

2018 г., уже является компромиссом с венгерской стороны. Теперь очередь за Киевом: надо внести необходимые изменения в законы о языке и образовании, ограничивающие использование языков нацменьшинств, что было обещано подписавшим этот документ тогдашним президентом Украины П. Порошенко. Правда, украинской стороной с тех пор ничего из обещанного так и не было сделано⁴⁸.

Таким образом, в конфликте с Украиной Венгрия, по сути, оказалась без действенной поддержки со стороны Евросоюза и НАТО. Более того, нынешние союзники вынуждают ее пойти на уступки, в очередной раз пожертвовать своими национальными интересами ради мнимой евроатлантической солидарности, а в конечном счете в интересах политики ведущих стран Запада. Складывается впечатление, что Россия в этом вопросе пока заняла нейтральную выжидательную позицию.

⁴⁸ Kósa A. Pompeo látogatása után: nagy engedmények Amerikának // Népszava. 13.02.2019.

Глава 5

ВЕНГРИЯ СПУСТЯ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ «СМЕНЫ СИСТЕМЫ». ВЕНГЕРСКИЙ НЭП ВИКТОРА ОРБАНА

Весне 2010 г., когда партия Фидес — Гражданский союз вместе с христианскими демократами во главе со своим 47-летним лидером Виктором Орбаном во второй раз пришла к власти, Венгрия переживала далеко не самые лучшие времена. Спустя 20 лет после начала «смены системы» и через 6 лет после вступления в ЕС страна вновь оказалась в долговой яме, набрав 80 млрд долл. госдолга (80% ВВП), имея массовую безработицу, 10–11% дефицита бюджета и ища спасения в очередном кредите Международного валютного фонда (МВФ) на 25 млрд долл. Картину неблагополучия завершало падение ВВП на 5,2% после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. За 8 лет пребывания у власти леволиберальные правительства фактически довели страну до грани банкротства.

Европа не поможет

Надежды венгров на то, что вступление страны в ЕС в 2004 г. само по себе быстро улучшит жизнь в стране, позволив подняться чуть ли не до уровня Германии или Франции, улетучились довольно скоро. Хотя и с самого начала было понятно, что интеграция с ЕС быстрого процветания не принесет. Слишком уж неравные с жителями Западной Европы условия предложил Брюссель «новоевропейцам», за исключением, пожалуй, лишь Польши. Скажем, венгерский фермер стал получать дотаций в объеме всего лишь 25% от уровня своих западноевропейских коллег и, таким образом, оказался заведомо неконкурентоспособным по сравнению с немецкими или французскими фермерами. Для поддержания у населения иллюзии начала подъема после вступления в ЕС правительство Меддешши — Дюрчяна стало необоснованно поднимать зарплаты в госсекторе, накапливая при этом кредиты и резко увеличивая госдолг страны. К концу правления коалиционного социал-либерального правительства Ференца Дюрчяна (2010 г.) госдолг Венгрии с 10 млрд долл. в 1998 г. увеличился в 8 раз. Безработные составляли 500–600 тыс. чел. Каждый житель Венгрии, включая младенцев и стариков, оказался должен кредиторам по 10 тыс. долл. При этом надо иметь в виду, что практически вся госсобственность, все самые

доходные, бюджетобразующие отрасли к тому времени уже были приватизированы, а доходы от продажи проедены или просто исчезли.

Вскоре после весенних парламентских выборов 2006 г. глава социал-либерального кабинета Ф. Дюрчань, давний оппонент В. Орбана, на одном закрытом партийном совещании признался, что «мы вдали и врем народу денно и ночью». Имелось в виду, что страна катится к банкротству, а мы за счет все новых и новых кредитов изображаем дело так, будто жизнь налаживается... Запись выступления премьера попала в прессу. Последовал взрыв возмущения и уличные беспорядки в Будапеште осенью 2006 г., после которых стало понятно, что это социал-либеральное правительство новые выборы не переживет...

Под знаком «евроскептицизма»

Победа партии Фидес в 2010 г., таким образом, была предопределена. На этот раз демохристианская коалиция в составе партии Фидес — Гражданский союз и Христианско-демократической партии пришла к власти уже не только на волне массового разочарования венгров в «диком капитализме» 1990–2000-х гг., сопровождавшемся тотальной распродажей и «прихватизацией» госсобственности, масштабной коррупцией, огромными долгами государства. Теперь добавилось еще и массовое разочарование венгров в Евросоюзе. Не случайно, что в 2010 г. в парламент Венгрии впервые прошла, причем весьма уверенно, крайне правая партия «Йоббик» (в переводе с венгерского — «партия за лучшую жизнь»), первой поставившая вопрос о выходе страны из ЕС. «Венгрии необходимо выйти из этого блока (ЕС). Все, что нужно Европе, — это наш дешевый труд, наши рынки и место, куда можно было бы сваливать мусор», — заявил вскоре после выборов Габор Вона, на тот момент лидер третьей по численности своих депутатов (47 чел.) парламентской партии «Йоббик».

Победа сил «правого центра» на выборах 2010 г., в самом деле, оказалась просто оглушительной. Команда Виктора Орбана и его союзников впервые за всю историю венгерского парламентаризма набрала две трети всех голосов избирателей и получила в госсобрании (парламенте) конституционное большинство — 262 места депутата из 386. Это дало им право по своему усмотрению и без оглядки на оппозицию не только принимать законы, требующие конституционного большинства, но и вносить поправки в конституцию страны. В результате в 2012 г. парламент Венгрии принимает новую редакцию основного закона страны. В лагере правоцентристов, включая Фидес, еще до победы на выборах возникает следующая система координат и точек отсчета. Согласно ей, левые («социалисты-глобалисты-интернационалисты») и либералы распродали страну местным и зарубежным олигархам, загнали ее в долги, отдав на откуп иностранному капиталу и глобалистским

структурам. Выражения типа «ушли танки, пришли банки» и «страна за время либеральных реформ потеряла свою экономическую независимость» стали после 2010 г. общим местом в риторике венгерских политиков правого толка.

Любопытно, что под влиянием разорительных либеральных реформ молодые венгерские демократы (аббревиатура Фидес в венгерском языке означает «Союз молодых демократов») трансформировались из ультралибералов не только в национальных консерваторов, но отчасти — в христианских социалистов. Что, впрочем, не удивительно, ибо местные социалисты к тому времени стали проводить абсолютно антисоциальную либеральную политику, позабыв о таких аксиомах для идеологии социалистических партий, как защита интересов неимущих, социальная солидарность и так далее. Так что же надо было делать в этих условиях социал-консерваторам, пришедшим к власти? По их представлениям, надо было прежде всего «наводить порядок», т. е. восстанавливать роль и влияние государства в экономике, в том числе путем расширения госсектора для пополнения бюджета, восстанавливать «экономический суверенитет» страны, не допуская вмешательства в национальную экономику Международного валютного фонда и других глобалистских структур, отдавая предпочтение национальному капиталу, усиливать роль церкви в общественной жизни. Другими словами, укреплять, как принято говорить, «суверенную демократию» и «вертикаль власти».

По большому счету в этой системе координат национального консерватизма и берут свое начало все значимые законодательные нововведения в Венгрии последних 10 лет. В том числе и те, которые вызвали критику ЕС и МВФ. К этому надо добавить еще одно немаловажное обстоятельство. Понятие «восстановление суверенитета» для венгерских правых оказалось актуально не только применительно к экономике. Во внешней политике это подразумевает отказ от строительства «супергосударства» ЕС наподобие Соединенных Штатов Европы (СШЕ) путем превращения ЕС из мягкой конфедерации в жесткую федерацию. В личном плане лидер Фидес считался евроскептиком еще до вступления Венгрии в ЕС, полагая, что страна, лишь недавно, после краха коммунизма, восстановившая свой суверенитет, не должна передавать большую его часть наднациональным структурам в Брюссель.

Изначально В. Орбан был и противником мондиалистского проекта превращения ЕС в СШЕ. Со временем эта позиция лишь укрепилась. В 2004 г., когда Венгрия в ряду других стран Центральной и Юго-Восточной Европы присоединилась к ЕС, она вступала туда в первую очередь как в экономическое сообщество, в котором, предположительно, все равны и все имеют одинаковые права и обязанности. Если вспомнить, то изначально объединение так и называлось — Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). Но вот что интересно. С началом приема стран Восточной Европы в ЕС в Брюсселе неожиданно для многих «новоевропейцев» и все более настойчиво заговорили о необходимости преобразования союза в некое подобие федерации типа СШЕ со своей

конституцией, президентом и армией. Общая валюта, визовый, таможенный союз и парламент к тому времени у ЕС уже были.

Вот и получилось, что вступали восточноевропейцы в один союз — экономический, а оказались, по сути, уже как бы в другом, хотя и с тем же названием. Затосковав за время пребывания в соцлагере под эгидой Москвы по национальному суверенитету, страны Центральной и Юго-Восточной Европы в итоге недолго радовались своей полной самостоятельности. С частью суверенитета пришлось расстаться сразу после вступления в ЕС. По мере преобразования ЕС в федерацию Брюссель постоянно ждет и требует от стран Союза все новых и новых уступок части национального суверенитета. А это все меньше нравится и Будапешту, и Праге, и Варшаве, которые вместе с Братиславой входят в так называемую Вишеградскую четверку.

В свое время, в начале 1991 г., вскоре после январских событий в Вильнюсе, Будапешт, Варшава и Прага создали своего рода мини-блок в целях возможного противостояния Москве на случай «закручивания гаек». До противостояния с Москвой дело, к счастью, не дошло, но со временем объединение «младоевропейцев» оказалось востребованным в новых условиях, теперь уже для противостояния Брюсселю. В восточной части ЕС примерно с 2007 г. начинает усиливаться оппозиция централизаторским устремлениям брюссельской бюрократии. Эту группу стран, в первую очередь Венгрию, Польшу, отчасти Чехию и Словакию, нередко связывают с таким появившимся в XXI в. понятием, как «евроскептицизм». Лидерами в этом плане сейчас по праву можно считать Будапешт и Варшаву.

Противостояние восточноевропейских евроскептиков Брюсселю особенно усилилось после того, как по инициативе ультралиберальных политиков из Лиссабонского договора было удалено положение о том, что христианство стало основополагающим элементом европейской цивилизации, а затем европейцам стали навязывать нетрадиционные понятия о семье и браке. На этом фоне, получив конституционное большинство в парламенте, Фидес с партнерами по коалиции первым делом меняют конституцию Венгрии. Акцент был сделан на христианские ценности: признание государствообразующей роли христианства, семейных ценностей, основанных исключительно на союзе между мужчиной и женщиной, защита жизни с момента зачатия без формального запрета аборт. Было внесено также положение, запрещающее превышать госдолг более чем на 50 % ВВП. Все эти новые конституционные положения, казалось бы, вряд ли должны были вызвать массовый протест. Но из Брюсселя то и дело сыплются стрелы критики в адрес Будапешта и лично премьер-министра В. Орбана по части именно этих его законодательных инициатив.

В ответ венгерский премьер любит повторять, что в свое время Будапешт не позволял вмешиваться в свои внутренние дела ни Вене во времена дуалистической Австро-Венгерской монархии, ни Москве — во времена существования «соцлагеря», а теперь не позволит и Брюсселю — во времена «евролагеря».

«Мы вышвырнули МВФ из страны»

Острые дебаты и столкновения между Будапештом, с одной стороны, и Брюсселем с Вашингтоном — с другой, в той же самой парадигме борьбы за суверенитет все последние годы можно было наблюдать и когда дело касалось экономических вопросов. Началось все с того, что вскоре после оглушительной победы на выборах 2010 г. глава нового венгерского правительства объявил о начале «экономической освободительной борьбы». Вскоре на свет появился закон о Национальном банке, который фактически предусматривал его переподчинение от МВФ национальным властям. По закону произошло слияние руководства Нацбанка и Агентства по надзору за финансовыми рынками с тем расчетом, чтобы глава нового ведомства отныне назначался президентом страны, а заместители делегировались правительством. По мнению экспертов, таким образом, в случае крайней необходимости по «плану Б» правительство В. Орбана в любой момент без всякого разрешения МВФ может получить доступ к валютным резервам Нацбанка, а это на тот момент составляло 37 млрд евро.

В результате последовала острая фаза конфликта с МВФ. Началось все с того, что летом 2010 г. тогдашний министр национальной экономики Венгрии Дьёрдь Матольчи, ныне председатель Национального банка Венгрии и правая рука В. Орбана, сделал нашумевшее заявление: «Мы вышвырнули МВФ из Венгрии и выиграла сражение за экономический суверенитет страны».

Другими словами, правительство Орбана не продлило подписанное предыдущим кабинетом соглашение с МВФ и ЕС о кредите на 20 млрд евро, из которых Будапешт в итоге успел отозвать только 14 млрд. Было решено не идти на поводу у международного капитала, выслушивая постоянные ультиматумы и принимая «ценные указания», и дальше решать долговую проблему своими силами и по собственному усмотрению. Несмотря на все трудности, Орбану и его команде со временем все же удалось в итоге стабилизировать ситуацию в экономике и рассчитаться по кредиту с МВФ, после чего представительство этой организации в банковском квартале в самом центре Будапешта было окончательно закрыто.

Налоги Робин Гуда

Вскоре после скоротечного расставания с МВФ последовали три этапа «неортодоксальной экономической политики» нового венгерского правительства, которые также вывели Брюссель и Вашингтон из равновесия. Вслед за банковским налогом на 1 млрд долл., введенным на первом этапе для западных финансовых и страховых учреждений, работавших на венгерском рынке на весьма льготных налоговых условиях, на втором и третьем этапах так называемым налогом Робин Гуда власти Венгрии обложили крупнейшие западные

энергетические, телекоммуникационные и торговые компании в стране. Выступая в парламенте, премьер В. Орбан заявил, что правительство более не может усиливать налоговый пресс на рядовых граждан страны и мелкий бизнес, которые и без того несут серьезную налоговую нагрузку. Поэтому пришло то время, когда дополнительную долю социальной ответственности в решении проблем страны должен взять на себя крупный бизнес. В том числе и крупные компании с участием иностранного капитала, которые долгое время имели в Венгрии большие налоговые льготы. Это был совершенно новый момент в экономической политике правительства. До тех пор венгерские власти предпочитали не трогать эту «священную корову», опасаясь, что она может сменить страну проживания. Да и «разборок» на международном уровне прежние венгерские власти до поры до времени старались избегать. Как говорится, никто не хотел умирать.

Поскольку 70% венгерского ВВП дают крупнейшие компании с участием иностранного капитала, то новые налоги в основном затронули именно их. Свой миллиард долларов в общую антикризисную корзину вслед за банками (70% банковского сектора Венгрии в это время находилось под контролем иностранного капитала) пришлось собрать энергетикам (E.ON, Shell, BP и др.), мобильным операторам и ретейлерам — владельцам крупных торговых сетей (Auchan, IKEA, Metro и т. д.). Больше всего потрудились энергетики. Им в плане своеобразной «продразверстки» на год была поставлена сумма в 70 млрд форинтов, или в 350 млн долл. Немного меньше — 61 млрд форинтов (300 млн долл.) — должны были вносить телекоммуникационные компании. Половина этой суммы — 30 млрд форинтов, или 150 млн долл., — падала на долю сетевых торговцев. В общей сложности это коснулось примерно половины прибылей транснациональных компаний, получаемых из Венгрии. Естественно, без протестов и ропота на новые венгерские налоги не обошлось. Были и серьезные скандалы в отношениях как с Брюсселем, так и с Вашингтоном. Но Будапешт оставался непреклонным и выстоял. Сегодня, после нескольких лет «затягивания поясов», экономика страны демонстрирует уверенный рост в размере от 3 до 5% в год, и это явный успех команды В. Обана и его «вертикали власти»¹.

Один из важнейших элементов венгерского НЭПа — ренационализация стратегических секторов экономики и крупных компаний, проданных иностранному капиталу по бросовым ценам в разгар приватизации 1990-х гг. По сути, речь идет о попытке создать национально ориентированную экономику, в идеале призванную работать в интересах всего населения, а не только «акул капитала». Кое-что в этом плане реально удается сделать. Если взять

¹ Подробнее см.: Лукьянов Ф. Интервью с послом ВР в РФ Дьёрдем Гилианом // Эхо планеты. 2010. № 12. С. 14–17; Лукьянов Ф. Венгерский излом // Эхо планеты. 2012. № 3. С. 13–15; Лукьянов Ф. Ремни опасности // Эхо планеты. 2012. № 19. С. 11–13; Лукьянов Ф. Венгрия против МВФ // Эхо планеты. 2012. № 47. С. 22–23.

сферу энергетики, то Пакшская АЭС, дающая 40 % всей электроэнергии Венгрии, к счастью для венгерского бюджета, не была приватизирована в угаре «перестройки» начала 1990-х гг. В руках государства осталась и компания MVM («Венгерские электрические сети») — крупнейший поставщик и распределитель электроэнергии в стране. А вот газовые сети и вся газовая инфраструктура, когда-то входившая в состав крупнейшей нефтегазовой компании MOL, в свое время были проданы германскому концерну E.on. Так вот газовый сектор экономики правительство В. Орбана первым и возвратило стране, выкупив у немецких владельцев за 1,5 млрд евро. Далее в этом списке последовала крупнейшая нефтяная компания Венгрии — MOL, в свое время приватизированная в пользу ее менеджмента. По некоторым данным, менеджменту компании сегодня принадлежит около 50 % акций. В 2009 г. пакет в 21,2 % акций MOL выкупила у австрийской OMV российская компания «Сургутнефтегаз». В Будапеште сочли такой шаг попыткой недружественного поглощения и всячески стали препятствовать вступлению «Сургута» в законные права. Последовала затяжная позиционная война. В конце концов, в 2011 г., уже при правительстве В. Орбана, «Сургутнефтегаз» согласился продать свой пакет венгерскому государству за 1,88 млрд долл., заработав на продаже порядка 250 млн долл. «Это была тяжелая борьба, — признавался по этому поводу премьер В. Орбан в одном из публичных выступлений. — Ни одна страна не может быть сильной, если она уязвима в части поставок энергоресурсов...».

Собрав крупнейшие энергетические активы страны под крылом государства, правительство В. Орбана, таким образом, заложило серьезный фундамент для развития независимой энергетики — основы национально ориентированной экономики. Хотя страна пока еще не обеспечила себя полностью электроэнергией и вынуждена частично импортировать ее от соседей, в ближайших планах — расширение с помощью России Пакшской АЭС еще на 2 блока, что даст возможность не только полностью обеспечить потребности страны, но и стать экспортером. Однако такая перспектива, судя по всему, не очень радует брюссельскую бюрократию. Иначе трудно объяснить все проволочки и множество формальных согласований (24 толстых тома), инициированных в последние 10 лет комиссиями ЕС в отношении венгерской АЭС. За это время два новых блока уже можно было бы построить и ввести в строй, как это будет в ближайшее время сделано в Беларуси или Турции.

Кое-что удалось сделать правительству В. Орбана в плане борьбы за экономический суверенитет и в банковском секторе, который до 2010 г. на две трети контролировался иностранным капиталом. В 2014 г. государство выкупило крупный «Budapest Bank» у финансового подразделения «General electric capital». Восьмой в рейтинге банков страны «Budapest Bank» стал вторым в новейшей истории национализации банковского сектора. До этого правительство выкупило «МКВ Bank Zrt» у немецкой финансовой организации «Bayern LB». В правительственные планы входило объединить оба банка и создать на этой основе второй по величине банк в стране. Все это делалось под

знаком возвращения Венгрии экономического суверенитета. Согласно комментариям министра экономики Венгрии Михая Варги, речь шла не об искусственном создании нового монстра в банковском бизнесе, а о формировании более работоспособной системы, работающей прежде всего в интересах венгерских собственников.

Вследствие национализации двух этих банков доля государства в банковском секторе Венгрии выросла до 50%. Заявленная правительством цель — достичь уровня 60%. Крупнейшим банком Венгрии остается ОТП-банк (81,4% акций на бирже), который контролирует 25,6% рынка финансовых услуг в стране. 8,57% акций этого банка, в свою очередь, находится во владении компании MOL.

Маленький автогигант Большой Европы

В одном из первых своих программных выступлений вскоре после победы на выборах 2010 г. премьер В. Орбан так обозначил одну из главных задач новой экономической политики своего правительства. Он привел такую аналогию. Гигантский Китай за 30 лет реформ стал промышленной мастерской мира. Наша амбициозная задача, говорил Орбан, чтобы небольшая по территории и населению Венгрия (9 млн чел.) в ближайшие 10–20 лет путем привлечения реально «работающего» производственно-промышленного, а не финансово-спекулятивного капитала стала ориентированной на экспорт промышленной мастерской Европы. Приоритет, таким образом, был обозначен: реальное производство, всемерная поддержка экспорта товаров и услуг. В пользу Венгрии могли быть задействованы стратегически выгодное географическое положение в самом центре Европы, принадлежность страны к огромному рынку ЕС, низкие налоги на прибыль и относительно дешевая квалифицированная рабочая сила.

Прошло без малого 10 лет. Сегодня Венгрия — крупнейший производитель автомобилей в Центральной и Юго-Восточной Европе (400 тыс. авто в год) и крупнейший производитель автомобильных моторов в Европе (2 млн штук в год). При советской власти собственного производства автомобилей в Венгрии не было. Специализацией страны в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) были автобусы «Икарус» (до 15 тыс. штук в год), которыми страна обеспечивала всю Восточную Европу, прежде всего — СССР, поставляя сюда до 7 тыс. машин ежегодно. С потерей российского рынка «Икарус» быстро прекратил свой полет. Завод остановился после нескольких попыток реанимации в составе консорциума французской «Renault» («Рено») и итальянской компании «Ivesco». Теперь по улицам Будапешта и других венгерских городов вальяжно передвигаются автобусы «Мерседес» и «Вольво». Они поделили венгерский автобусный рынок и очень этим довольны. Бывший венгерский собственник «Икаруса» — холдинг «Мюсертехника», который контролирует

местный крупный бизнесмен Габор Селеш, теперь планирует запустить производство электроавтобусов под старым брендом совместно с китайской госкомпанией CRRC, но пока с непонятной перспективой.

По иронии судьбы, будучи когда-то крупнейшим производителем автобусов, Венгрия фактически утратила это производство, но зато стала крупнейшим производителем легковых автомобилей в Центральной и Юго-Восточной Европе. История посткоммунистического венгерского автопрома началась в 1991 г., когда в страну пришел первый крупный иностранный инвестор в этой области — японский концерн «Сузуки». Вложив 1,5 млрд евро в свой завод в г. Эстергоме на Дунае мощностью 200 тыс. машин в год, японцы с тех пор выпустили на своей венгерской площадке уже несколько миллионов автомашин «Сузуки», сотни тысяч мотоциклов, скутеров, квадроциклов и автомобильных моторов, часть из которых поступает отсюда на российский рынок.

Вслед за японцами потянулись в Венгрию немцы, точнее, германский автопром. Первыми из немцев в 1993 г. пришел концерн «Audi», создавший свою базу в придунайском городе Дьёре, недалеко от границы с Австрией. Сначала немцы делали в основном автомобильные моторы, с 1998 г. стали собирать спорткары серии TT. В 2011 г., уже при правительстве В. Орбана, «Audi» за 900 млн евро построил линию по сборке моделей седан Ауди-3, а недавно объявил о новом расширении. Всего за 25 лет немецкий концерн вложил в свое производство в Венгрии около 8 млрд евро. Это крупнейший инвестор и одновременно крупнейший экспортер в стране. Его нынешние венгерские мощности — 160 тыс. авто и 2 млн моторов в год для автомобилей «Ауди», «Фольксваген» и «Порше». По этому показателю завод в Дьёре — крупнейший производитель в мире.

Второй автогигант из Германии — концерн «Mercedes Benz» раздумывал о производстве в Венгрии дольше, но темпы набрал быстрее. Свой первый венгерский завод мощностью 100 тыс. машин в год под г. Кечкеметом, в 100 км к югу от Будапешта, «Mercedes» запустил в 2012 г., вложив в него 800 млн евро. А уже через 5 лет работы немецкий концерн решил строить второй завод на той же площадке мощностью 150 тыс. авто самых разных серий и модификаций. Второй завод за 1 млрд евро должен заработать в 2020 г., обеспечив работой еще 2,5 тыс. чел.

Третий «кит» германского автопрома — компания «БМВ» («BMW») — не строила новых заводов в Европе последние 20 лет. Однако венгерский успех конкурентов из «Ауди» и «Merседеса» сломил и их. В 2018 г. концерн «БМВ» стал строить собственный завод в Венгрии, на площадке в городе Дебрецене, в восточной части страны, относительно недалеко от границы с Украиной. Мощность — 150 тыс. машин, объем инвестиций — 1 млрд евро, число занятых — 1000 чел.

После запуска этого завода «БМВ» и второго завода «Merседес» в Кечкемете общий объем производства автомобилей в Венгрии с нынешних 400 тыс. вырастет до 500–600 тыс. машин в год. Если сегодня венгерский автопром, в котором занято 100 тыс. чел., дает 20% ВВП Венгрии и 40% всего экспорта страны,

объем которого достиг 100 млрд евро, то через год-другой эти цифры составят 30 % и 50 % соответственно.

На сегодняшний день производство и экспорт автомобилей стали гигантским локомотивом для развития всей экономики Венгрии, в значительной мере обеспечивая нынешний рост ВВП на 5 % в год. Это самые высокие показатели в ЕС. По объемам экспорта на душу населения Венгрия, занимая 92-е место в мире по количеству жителей, вышла на 32-е место в мире. Надо иметь в виду, что производство авто тянет за собой развитие многих других секторов экономики: от резинотехнической, стекольной, электротехнической промышленности до производства краски и текстиля. Не проходит буквально и дня, чтобы венгерский МИД, в ведении которого с 2010 г. находится и внешняя торговля, не рапортовал об открытии в стране все новых и новых производств автозапчастей компаний со всего мира. Начиная с Японии, Южной Кореи, Китая и заканчивая компаниями из США и Канады.

Крупнейший инвестор в экономику Венгрии — Германия. Около 6 тыс. германских компаний вложили в свое производство на территории Венгрии десятки миллиардов евро и обеспечивают работой 150 тыс. венгров. Еще один крупный инвестор — США: 1700 американских компаний, от «Дженерал электрик» до «Форда» («Опель») дают работу еще 105 тыс. венгров. Для Японии Венгрия сейчас — основной партнер по инвестициям в Европе. Одних только японских компаний, связанных с автопромом Венгрии, насчитывается 170 штук («Сузуки», «Дензо», «Бриджстоун»). Число занятых — 35 тыс. чел. Венгрия — основной партнер в ЕС и для инвесторов из Южной Кореи. Южнокорейские компании «Самсунг» и «LG» пришли на венгерский рынок одними из первых. В число крупных инвесторов в венгерскую экономику входят также Франция, Голландия, Италия, Китай, активно инвестирующий в Венгрию в последние годы... Растут инвестиции в Венгрию и со стороны России. Общий объем накопленных инвестиций российских компаний, среди которых выделяются такие гиганты, как «Газпром», «Лукойл», «Сбербанк», «Росатом», оценивается в 3–4 млрд долл.

Результаты венгерского НЭПа весьма впечатляющие. С 2010 г. по 2020 г. ВВП вырос почти на 30 %, со 120 млрд до 161 млрд долл., экспорт страны возрос на 47 %, до 104 млрд евро. Темпы экономического роста в 2018–2019 гг. достигли 5 % в год, безработица с 12,5 % в 2010 г. упала до 3,3 % в 2019 г. В стране за 10 лет было создано 800 тыс. новых рабочих мест, причем в инновационных отраслях экономики. Правительство считает, что не за горами нулевая безработица. Во многих отраслях уже сегодня дефицит рабочей силы. И это при том, что в Венгрии нет ни своей нефти, ни газа, ни бескрайних лесов, ни алмазов, ни черных, ни цветных металлов. Природных ресурсов крайне мало, но, оказывается, экономика может быстро расти и без этого. В 2018 г. Венгрия впервые с 1986 г. стала скупать золото в свои золотовалютные резервы. Местный Центробанк, ставший независимым от МВФ, купил сразу 30 т золота на 1,24 млрд долл., увеличив запасы золота сразу в 10 раз. До этого, с начала 1990-х гг., страна только продавала золото, а за это время его цена выросла в 5 раз!

Дабы еще улучшить инвестиционный климат в стране, с 2017 г. правительство Венгрии снизило налог на прибыль компаний до 9%. Это самый низкий уровень в ЕС. До этого самый низкий порог был в Ирландии — 12,5%. В результате все больше и больше иностранных компаний делают Венгрию частью своих международных кооперационных цепочек создания стоимости. От 50 до 80% продукции крупных иностранных компаний, работающих в Венгрии, идет на экспорт. В целом экспорт страны сегодня составляет 85% ВВП.

Выступая в 2019 г. в Токио, министр иностранных дел и внешней торговли Венгрии П. Сийярто так описал на пресс-конференции достижения венгерского НЭПа: «У нас самые низкие налоги на прибыль компаний в Европе. При этом мы поддерживаем должную финансовую и бюджетную дисциплину. ...Мы тем самым доказали, что можно освободиться от старой догмы, согласно которой нужно выбирать между экономическим ростом и поддержанием финансовой дисциплины (таргетированием инфляции), и показали, что обе цели осуществимы одновременно». Венгерский опыт преподнес хороший урок финансовым догматикам.

Конечно, у позитивной картинке венгерского НЭПа есть и своя теневая сторона. Иностранных инвесторов привлекает в Венгрию, прежде всего, относительно дешевая рабочая сила. Если на конвейере в Германии рабочий получает 3–4 тыс. евро в месяц, то в Венгрии пока в лучшем случае — 1000 евро без вычета налогов. Приехав как-то со съемочной группой на завод «Мерседес», автор этих строк был буквально поражен, что рабочие современного завода, выпускающего блестящие «акулы» «Мерседесы», разъезжают по домам после смены на видавших виды «Сузуки» и «Шкодах». Однако ситуация постепенно меняется. На новых производствах растет и зарплата, подтягиваясь к средним европейским стандартам. По данным того же министра иностранных дел Венгрии П. Сийярто, на высокотехнологичных производствах международных компаний, приходящих в страну в последние годы, средняя зарплата брутто уже приблизилась к 1500 евро, что вполне прилично даже по европейским меркам.

Остается, правда, довольно острой проблема внешнего долга, который правительство В. Орбана получило в наследство от социал-либералов. Но и здесь есть позитивные подвижки. В 2010 г. госдолг Венгрии составлял 80% ВВП. В 2018 г. он сократился до 70,8% ВВП. Все равно это весьма серьезная нагрузка на экономику. Достаточно сказать, что почти все налоги, собираемые с населения, идут на погашение процентов по этому долгу.

И самый серьезный вопрос. Сделав большую ставку на германский автопром, Венгрия достигла значительных результатов. Споры нет. Но не сложилась ли при этом страна слишком «много яиц в одну корзину»? Что произойдет, если германский автопром начнет тормозиться, а признаки этого уже есть, или, не дай Бог, попадет под американские санкции, от которых могут не уберечься и страны или производства Евросоюза? Что, если «Ауди» или «БМВ» по каким-то причинам начнут сворачивать свое производство за границей? Ясно одно: серьезных последствий от такой тесной зависимости от зарубежных инвесторов тогда не избежать.

Земля и воля

В 2014 г., спустя 10 лет после вступления в ЕС, Венгрия по договоренности с Брюсселем была вынуждена снять 10-летний мораторий на продажу земли иностранцам, введенный в 2004 г. В ответ венгры получили право работать на законных основаниях в богатых странах Западной Европы. Земля в Венгрии по большей части отличного качества с преобладанием чернозема и потому считается очень привлекательной для зарубежных инвесторов. Особенно если учесть, что ее рыночная стоимость пока очень серьезно отличается от стоимости земли в Западной Европе. Для сравнения: средняя цена гектара пахотной земли в Венгрии — 4,5 тыс. долл. В Польше — 10 тыс., а в Австрии или Голландии — 40–50 тыс. долл. Поэтому угроза массовой скупки венгерской земли иностранцами после снятия моратория была вполне реальной и ощутимой. Кстати, какую-то часть земель через подставных лиц и компании иностранцы все же скупили еще в 1990-е гг.

Надо сказать, что рынок земли в Венгрии открылся еще в 1991 г., в самом начале «смены системы». Демокристиянское правительство Йозефа Анталла приняло решение вернуть конфискованные в ходе коллективизации земли их бывшим собственникам. Часть венгерских крестьян, где это было возможно, получили землю натурой. Часть бывших собственников или их наследников получили денежную компенсацию в виде так называемых компенсационных облигаций. В результате этой реформы 1 млн венгерских граждан стали собственниками пахотных земель в стране. Треть из них были бывшими землевладельцами. Еще одну треть земель распределили между бывшими членами кооперативов, у которых не было земли. В итоге уже в начале 1990-х гг. 85% всей пахотной земли в Венгрии оказалось в частной собственности, 8% осталось в руках государства, а еще 7% — в собственности кооперативов. Средний размер земельных наделов крестьянских хозяйств составил на тот момент 2–3 га.

Однако вскоре многие крестьяне, получив в собственность земельные наделы, но не имея средств на сельхозтехнику для ее обработки, стали продавать свою землю. По словам директора венгерского Института изучения истории «смены системы» Золтана Биро, со временем этот процесс добровольного «раскрестьянивания» приобрел в Венгрии довольно массовый характер, и на сегодняшний день от крестьянства в классическом смысле слова осталось немного. Многие крестьяне, продав свою землю, или ушли в наемные рабочие на крупные сельхозпроизводства, или подались на заработки в города².

До 2010 г. этот процесс распродажи мелких крестьянских наделов носил стихийный характер. Придя к власти, правительство В. Орбана в рамках «экономической освободительной борьбы» перед предстоящим открытием рынка

² Золтан Биро: «Из одной диктатуры мы попали в другую»... Тридцать лет после «смены системы». Взгляд из Будапешта. Беседовал Ф. Е. Лукьянов. URL: https://istorex.ru/Novaya_stranitsa_28 (дата обращения: 01.03.2020).

земли для иностранцев стало негласно стимулировать скупку мелких крестьянских наделов и создание крупных сельхозпроизводств представителями правящей элиты. На сегодняшний день многие крупные землевладения Венгрии сосредоточены в руках членов правящей партии или приближенных к ней лиц. Это своего рода «новое дворянство» Венгрии.

За год до открытия рынка земли для иностранцев парламент Венгрии 21 июня 2013 г. принял новый закон о земле, который, по сути, призван защитить пахотные земли от скупки иностранными владельцами. С 1 мая 2014 г. иностранные граждане, желающие купить более 1 га сельскохозяйственной земли или леса в Венгрии, должны иметь специальное образование в этой области и не менее 3 лет заниматься сельхоздеятельностью. Максимальный размер угодий — 300 га в одни руки. Юридическим лицам (компаниям) из стран ЕС покупка венгерской земли или леса вообще запрещена. Возможна только аренда до 486 га. Есть еще одно условие для иностранцев. Чтобы они могли что-то купить, сначала от этой покупки по каким-либо причинам должны отказать местные, венгерские, граждане. Все эти меры, по замыслу депутатов, должны обезопасить сельхозугодья от скупки по дешевке иностранными спекулянтами. Судя по практике последних лет, такие ограничения на самом деле работают. А чтобы венгерские крестьяне все же не торопились продавать свои земли, правительство пытается всечески субсидировать своих сельхозпроизводителей, в том числе из бюджета Евросоюза.

Сбережение народа и собирание нации

В последние годы лидера Фидес и его команду нередко обвиняют в национализме. Связано это с позицией венгерских правоцентристов в отношении венгерского населения, проживающего в соседних с Венгрией странах. Напомним, что по Трианонскому мирному договору 1920 г., ставшему частью Версальской системы, Венгрия лишилась примерно двух третей своих бывших территорий и трети населения, проживавшего на этих землях. До сих пор, вот уже почти сто лет, глубокая травма Трианона, синдром разделенной нации не изжиты в венгерском национальном сознании. Внимание к соотечественникам, оказавшимся не по своей воле на чужбине, — один из ключевых моментов всей венгерской внешней политики XX в. В политике Фидес это изначально тоже являлось одним из ключевых моментов. В начале XXI в., с расширением ЕС и открытием границ, Венгрия получила уникальный шанс хоть как-то поправить историческую несправедливость в отношении своих зарубежных соотечественников.

Придя к власти в 2010 г., команда Орбана решает раздать всем этническим венграм Карпатского бассейна, а это более 1,5 млн чел. в Закарпатье, Румынии, Словакии, Сербии, венгерские паспорта и тем самым воссоединить их с исторической родиной. По последним данным, около миллиона зарубежных

венгров уже воспользовались этим правом и получили венгерские паспорта, которые дают их обладателям определенные преимущества и льготы при переезде в Венгрию на работу или жительство. В русле всемерной поддержки соотечественников надо рассматривать и порой довольно жесткую реакцию Будапешта на любые ограничения властей Украины или Румынии в отношении венгерского меньшинства, будь то использование родного языка или функционирование национальных школ. Это особенно отчетливо проявилось после недавнего появления на Украине нового закона о языке, который, по сути, лишает национальные меньшинства права учиться на родном языке. Венгрия решила в ответ всячески тормозить евроатлантические устремления Киева, пока закон не изменят.

То, что большинство населения страны поддержало «новый курс» Фидеса и его лидера, показали следующие парламентские выборы 2014 г., на которых партия Орбана практически повторила успех 2010 г., получив 66,83% депутатских мест в парламенте. Левая оппозиция — социалисты и союзники — получили лишь 19%, так и не оправившись от катастрофы 2010 г. Аналогичная ситуация повторилась и на выборах 2018 г., которые прошли под знаком миграционного кризиса в Европе. Фидес в союзе с христианскими демократами вновь получили две трети мест в обновленном парламенте.

Это своего рода исторический рекорд. Ни одна из политических партий посткоммунистической Венгрии еще никогда не выигрывала на выборах и ни один политик после 1990 г. не становился премьер-министром страны три раза подряд. Отсюда можно сделать вывод, что за 30 лет своего развития партия Фидеса из радикальной молодежной организации с расплывчатыми целями выросла в партию, вокруг которой сложился долгосрочный национальный консенсус, консолидирующий венгерское общество. А ее лидер за эти годы из скандального либерала-радикала³ вырос в фигуру национального масштаба. Хочется это кому-то признавать или не хочется. Это, конечно, совсем не означает, что и партию Фидес, и ее лидера совсем не за что критиковать...

С темой собирания нации и раздачи паспортов этническим венграм очень взаимосвязаны тема демографических процессов внутри страны и позиция Будапешта в отношении нелегальных иммигрантов. Напомним, что в 2015 г. наплыв нелегальных мигрантов в страны ЕС из Африки и Азии привел к острому кризису Евросоюза, фактически поставив его на грань развала. Английский Brexit, решение англичан выйти из ЕС, — одно из следствий политики германского канцлера Ангелы Меркель. Германия, как известно, ощущая острый демографический кризис, решила бороться с сокращением собственного населения путем завоза мигрантов из Азии, провозгласив политику «открытых дверей» для всего Евросоюза. Единственным политиком в Европе, кто с самого начала, еще летом 2015 г., резко выступил против бесконтрольной миграции в страны ЕС, был венгерский премьер В. Орбан. С тех пор не проходит и дня,

³ *Lóránt K. A rendszerváltáshoz vezető út. Lakitelek, Antológia Kiadó, 2015.*

чтобы венгерского лидера не атаковали со всех сторон коллеги по ЕС из Западной Европы. На этой же почве у венгерского премьера возник и личный конфликт с миллиардером Дж. Соросом, который когда-то поддержал Орбана в его далекой юности, на заре политической карьеры.

В Центральной и Юго-Восточной Европе у венгерского политика, напротив, больше сторонников. На его стороне лидеры Вишеградской четверки, а также Болгарии, Македонии, Сербии, Словении — все те, кто ежедневно сталкивается с натиском нелегалов. Исход этого противостояния в битве за будущее Европы еще не предрешен. Водораздел проведен. Позиции обозначены. Венгерский референдум 2 октября 2016 г. по поводу обязательных квот ЕС на расселение мигрантов из-за не столь высокой явки избирателей, увы, оказался не вполне удачным для венгерских властей. Тем не менее 85% участников референдума, а это 3,5 млн граждан Венгрии, проголосовали против квот ЕС на расселение иммигрантов. Будапешт считает, что Брюссель отныне не вправе игнорировать мнение почти половины венгерских избирателей. Совершенно очевидно, что относительная неудача с референдумом вряд ли остановит венгерского лидера и его сторонников в борьбе за сохранение христианского характера европейской цивилизации.

В начале 2017 г. венгерский премьер анонсировал, что «год Красного Петуха» пройдет под знаком решительной борьбы с Брюсселем сразу по двум главным направлениям: на «миграционном поле» и на поле отстаивания суверенитета национальных государств, которое будет направлено против централизаторской политики бюрократии ЕС. «Год 2017 будет годом восстания, — заявил В. Орбан в интервью радиостанции Кошут 13 января, — восстания европейских народов против такой политики Брюсселя, которая где открыто, а где тихой сапой забирает себе все больше полномочий у национальных государств»⁴.

Это значит, что уже в самое ближайшее время, не исключено, мы увидим новые, занимательные этапы этой борьбы. Можно ли представить себе, что все усиливающееся противостояние Будапешта и Брюсселя выльется в своего рода *Нунexit* — выход Венгрии из ЕС? Благо прецедент в виде *Вrexit* уже есть. В ближайшие годы — маловероятно. Пока еще Венгрия получает довольно существенные дотации из бюджета ЕС на инфраструктурные проекты, а это порядка 3 млрд евро ежегодно, которые плавно растекаются на подряды западноевропейским фирмам и компаниям, так или иначе аффилированным с правящим слоем страны. Так что разрыва с ЕС пока ждать не приходится.

Но уже очень скоро, начиная с 2021 г., в новом бюджете ЕС расходы на дотации сильно сократятся. Один из крупнейших доноров ЕС — Великобритания, дававшая в бюджет Евросоюза 10 млрд евро в год, в 2020 г., как ожидается, выходит из игры и прекращает платежи. Все это неминуемо скажется на общем состоянии бюджета ЕС. А если при резком снижении финансовых

⁴ Magyar Hírlap. 14.01.2017. 3. old.

дотаций политическое давление на Венгрию не прекратится, то тогда исключать Hunexit нельзя⁵. Тем более что вторая по численности депутатов партия венгерского парламента — «Йоббик» («партия за лучшую Венгрию»), которая считается организацией откровенных евроскептиков, уже открыто ставит вопрос о выходе страны из политических структур ЕС. Сегодня евроскептицизм венгерских политических партий активно питает разочарование большинства простых венгров результатами вступления и пребывания в ЕС.

Что касается вопросов миграции, демографии и сбережения народа, то Венгрия, как и Германия, да и вся Европа, тоже испытывает острый демографический кризис. С 1980 г. по 2010 г. убыль населения в стране составила 1 млн чел., с 10,7 млн до 9,7 млн, а это почти 10%! До недавнего времени рождаемость в Венгрии была одной из самых низких в ЕС (коэффициент воспроизводства — 1,25). В год страна теряет 30 тыс. чел. Это население целого небольшого города. По прогнозам, каждые 20 лет страна будет терять еще почти по миллиону жителей, и к 2100 г., если не произойдет кардинальных перемен в этой сфере, население Венгрии сократится до 6,3 млн чел. Однако в Будапеште считают, что решать проблемы демографии надо внутри страны. Вместо того чтобы завозить в страну мигрантов из Азии и Африки, правительство должно в первую очередь помогать своему народу и всячески стимулировать рождаемость собственного населения.

«Если мы примем иммиграцию как решение демографической проблемы, мы потеряем свое население, — заявил по этому поводу венгерский премьер на недавней международной конференции по демографии, проходившей в Будапеште. — Миграция для нас — это капитуляция, — добавил Орбан. — Мы хотим венгерских детей»⁶.

Судя по социологическим опросам, основная причина падения рождаемости в Венгрии — экономическая (сокращение доходов, невысокий уровень жизни), а потому и решать ее надо экономическими методами, считают в Венгрии. С этой целью наряду с раздачей паспортов этническим венграм весной 2018 г. премьер-министр В. Орбан объявил о новом плане по увеличению рождаемости в стране и выделении с этой целью субсидий для женщин в размере более 31 тыс. евро при рождении детей.

По условиям демографического плана правительства, каждая женщина моложе 40 лет при первом замужестве может получить беспроцентную ссуду от государства в размере 31 417 евро (10 млн венгерских форинтов) для свободного использования. Она может использовать свой «материнский капитал» как захочет. В принципе этих денег достаточно для покупки небольшой квартиры в Будапеште или большой квартиры (дома) в провинции. Для этого ей достаточно заключить с государством своего рода договор на рождение детей. При

⁵ Lóránt K. Az Európai Unió jövője és Magyarország mozgásteret. Budapest, Kairosz Kiadó, 2015.

⁶ Magyar Hírlap. 09.08.2019. 3. old.

рождении первого ребенка выплата такого кредита приостанавливается на три года, появление второго ребенка сокращает размер необходимой для возврата государству суммы до 10 тыс. евро. Рождение третьего ребенка освобождает матерей от выплаты всей суммы кредита.

Кроме того, правительство заложило в бюджет меру по облегчению кредитных программ для многодетных семей при приобретении жилья и возможность получения ипотеки по упрощенной процедуре, а также гарантировало выделение ссуды для многодетных семей, в частности, в дополнение ко всему предусмотрено безвозмездное выделение 12,5 тыс. евро на ипотеку после рождения 3-го ребенка. Семьи с тремя детьми смогут получить ссуду в размере 7,5 тыс. евро при покупке семейных автомобилей — минивэнов. А женщины, родившие четырех и более детей, будут в будущем освобождены от уплаты всех налогов до конца жизни.

Венгерские власти полагают, что такой подход позволит переломить негативную тенденцию в демографии и тогда «импортировать» людей из других стран, как это пытаются делать Германия и многие другие страны Европы сегодня, не потребуется. Судя по первым результатам новой программы, за полтора года коэффициент рождаемости в Венгрии вырос с 1,25 до 1,4 и приблизился к среднеевропейскому уровню в 1,59. Значит, результат уже ощущается.

«Открытие на Восток», или новая восточная политика Венгрии

С новой экономической и внешнеэкономической политикой Фидес после выборов 2010 г. связана и «новая восточная политика» Венгрии в отношении России, стран постсоветского пространства, а также Китая, Вьетнама и других стран Восточной Азии. Она получила официальное название «Открытие на Восток» («Keleti nyitás»). Если до 2010 г. отношения с Россией традиционно считались «территорией» венгерских социалистов, а в политике Фидес по инерции 1990-х гг. России как бы не существовало вообще, то с приходом к власти в 2010 г. ситуация существенно изменилась. На фоне серьезных проблем с ЕС Венгрия В. Орбана стала постепенно поворачиваться к Москве лицом. С этого времени начинаются регулярные контакты В. Орбана с российским лидером В. Путиным. Сегодня такой практики регулярных контактов на высшем уровне у Москвы нет ни с одной другой страной Центральной и Юго-Восточной Европы. Возникают серьезные экономические проекты между Россией и Венгрией в энергетике и транспорте: строительство двух новых блоков венгерской АЭС в Пакше под российский кредит в 10 млрд евро, проекты газопроводов «Южный поток» («Турецкий поток»), реконструкции подвижного состава будапештского метрополитена, военных вертолетов советского производства, крупный контракт по строительству железнодорожных вагонов для Египта и многое, многое другое. Вплоть до новой программы полетов в космос на МКС венгерских космонавтов на российских кораблях «Союз».

На сегодняшний день прагматичные отношения с Москвой имеют для Будапешта и лично В. Орбана особенно большое значение в качестве мощного баланса на фоне его противостояния с Брюсселем, и он, судя по всему, это очень ценит. Для Москвы корректные и прагматичные отношения с Будапештом тоже имеют сейчас особое значение на фоне санкций и политики изоляции со стороны ЕС и США. Правительство Орбана последовательно выступает против санкций в отношении Москвы, от которых очень страдает венгерская экономика. Потери Венгрии от санкций за последние пять лет оцениваются примерно в 5–6 млрд евро. В основном от резкого сокращения экспорта в Россию продукции сельского хозяйства. Венгерскому премьеру принадлежит растиражированная СМИ фраза о том, что для ЕС все эти антироссийские санкции «все равно что выстрел себе в ногу».

Глава 6

От ГДР к восточным федеральным землям Германии: особенности экономической и политической трансформации (1989–2019 гг.)

История трансформационных процессов в бывших социалистических странах Европы содержит богатый опыт экономических реформ, становления новых политических институтов и общественных преобразований в целом. В каждой конкретной стране смена системы в конце 1989 г. — начале 1990 г. и последующее развитие на основе новых принципов имели свои характерные черты, определяемые историческим опытом, уровнем социально-экономического развития, менталитетом населения и рядом других факторов. Везде решалась проблема выбора пути развития на основе широкого обсуждения, а также противостояния основных политических партий и движений. В связи с этим особый интерес представляет практика преобразований в Германской Демократической Республике (ГДР), уникальный опыт добровольного отказа от государственности и последующее развитие Восточной Германии (ВГ) как составной части Федеративной Республики Германия (ФРГ).

Очевидно, что особенности трансформации в ГДР во многом были предопределены ее исторически сложившимся положением — существованием на границе двух военно-политических блоков — Организации Варшавского договора (ОВД) и НАТО, фактором разделенной немецкой нации*. Принципиально важное значение имела принятая в 1949 г. Конституция ФРГ, где закреплялось объединение в рамках федерации 11 германских земель, а в особой — 23-й — статье говорилось о том, что «в остальных частях Германии Основной закон вступит в силу после их присоединения». Что и произошло спустя 41 год, в 1990 г., когда был заключен Договор об объединении ГДР и ФРГ.

Следует отметить, что еще в 50-е годы XX в. политики как ведущих европейских государств, так и СССР не раз поднимали вопрос об объединении разделенной немецкой нации, т. е. об объединении Германии. Однако с течением

* Уместно напомнить, что после окончания Второй мировой войны на территории Германии существовали четыре оккупационные зоны под управлением государств-победителей: Великобритании, США, Франции и Советского Союза. Это было необходимо для решения задач Потсдамской конференции о полной демилитаризации и денацификации Германии. По инициативе западных стран — союзниц 23 мая 1949 г. была создана Федеративная Республика Германия, объединившая три оккупационные зоны. Ответным шагом стало создание 7 октября 1949 г. Германской Демократической Республики на территории, управляемой СССР.

времени ГДР и ФРГ, базирующиеся на разных идеологических и социально-экономических основах, более того, принятые в ООН как самостоятельные государства, все больше отдалялись друг от друга, превращаясь в непримиримых противников.

В течение 40 лет раздельного существования оба государства приобрели совершенно разные характерные черты, достигли разных результатов. Западная Германия заняла лидирующие экономические позиции в Европе, превратилась в развитое социальное государство. Восточная Германия, в свою очередь, также достигла неплохих (хотя и не столь высоких) показателей социально-экономического развития, став своеобразной «витриной» мировой социалистической системы. Вместе с тем, достигнутые успехи и уровень жизни в ГДР явно проигрывали в сравнении с соответствующими показателями в ФРГ, что явилось одной из обоснованных причин недовольства восточных немцев своим положением. К тому же диктат Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), оправданный в определенной степени необходимостью борьбы с внешними угрозами (в том числе с идеологическим влиянием со стороны Запада), постепенно стал вызывать все больше протестных настроений, особенно на фоне политики перестройки в СССР и «бархатных» революций в странах Восточного блока. Неизбежно волна перемен захлестнула и ГДР, но в силу ее исторических и геополитических особенностей там события развивались иначе, чем в других странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ).

От идей демократизации к потере государственности

Мирная революция в ГДР и последовавшая за ней трансформация в ВГ прошли два четко выраженных этапа: 1) период с осени 1989 г. по сентябрь 1990 г., когда после отстранения от власти прежнего руководства страны во главе с Эрихом Хонеккером произошли кардинальные политические изменения и была предпринята попытка реформировать общество на принципах так называемого демократического социализма; 2) период после заключения Договора об объединении Германии, обусловившего демонтаж всех структур прежнего общества и формирование новых политических и социально-экономических институтов, соответствующих конституции ФРГ.

Разумеется, смена системы в ГДР в конце 1989–1990 гг. отличалась своими особенностями и динамикой. Сегодня некоторые факты и обстоятельства того времени забыты или скрыты за общим схематическим взглядом на трансформацию. Как представляется, современный взгляд на политические и социально-экономические процессы конца XX в. позволяет глубже понять суть происшедших в тот период системных изменений и выявить взаимосвязь принятых в 1990 г. решений с современными результатами трансформационного процесса.

Протестные настроения граждан ГДР, подогревавшиеся демократическими переменами в соседних восточноевропейских странах, выражались в основном

в требованиях отстранить от власти старую гвардию руководящей партии — СЕПГ, провести демократические реформы, расширить гражданские свободы, в том числе снять запрет для граждан ГДР на контакты с родственниками, проживающими в ФРГ, отказаться от вседущего контроля над частной жизнью со стороны органов государственной безопасности («Штази»).

В августе — сентябре 1989 г. стали нарастать массовые выступления в крупных городах ГДР, носившие мирный характер и выдвигавшие требования смены власти. Особенно значимой была 70-тысячная демонстрация в Лейпциге, где впервые появились плакаты с надписью «Wir sind ein Volk» («Мы — народ»), олицетворявшие собой желание и стремление восточных немцев к всесторонним демократическим переменам.

В тот период дух свободы и перемен захватил все пространство Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Поэтому факт открытия Венгрией границы с Австрией 11 сентября 1989 г. сыграл своего рода провокативную роль, вызвав массовый отъезд восточных немцев в Венгрию и далее в западном направлении — в Австрию и ФРГ. На границе ГДР и Венгрии скопились сотни желавших выехать за рубеж, венгерское посольство не справлялось с этим потоком, ситуация начала приобретать неконтролируемый характер. С учетом этих обстоятельств власти ГДР приняли решение открыть пограничные пропускные пункты между Восточным и Западным Берлином, что и было сделано незамедлительно пограничниками, в результате чего на запад устремились толпы людей. Берлинская стена была фактически сломлена. Это стало *ключевым событием*, повлиявшим на дальнейший ход мирной революции в ГДР и последующих общественных преобразований.

Как и в других постсоциалистических странах, процесс политической трансформации в ГДР характеризовался созданием новых партий и гражданских движений. Но, в отличие от Польши и Венгрии, существовавшая здесь оппозиция не была хорошо организована и практически не имела на это никаких шансов. Официальные власти использовали все средства для изоляции оппозиционных групп и их лидеров от общества. Можно сказать, что потенциальная политическая контрэлита ГДР до 1989 г. существовала в атомизированном виде. И только на волне многотысячных протестных выступлений оппозиция заявила о себе открыто и очень активно, используя ситуацию для реализации обозначенных политических целей. Благоприятным фактором стала возможность опереться на широкие социальные слои населения, отличавшиеся в тот период политической сверхактивностью. «Это была своего рода компенсирующая деятельность после длительного блокирования политической коммуникации между властью и обществом (со стороны СЕПГ)»¹.

Но упрочению позиций новых политических сил мешали отсутствие единого организационного центра, общей программы действий и не в последнюю

¹ Политические элиты в Центральной и Восточной Европе (проблемы переходного периода) / под ред. Л. Н. Шаншиевой. М.: ИНИОН РАН, 1998. С. 73.

очередь активное вмешательство западногерманских политиков в процессы реформирования восточногерманского общества. Самой распространенной формой внутривнутриполитической жизни стали общественные дискуссии о будущем ВГ, которые проходили на всех уровнях, в том числе и на коммунальном, при участии новых политических образований. Наиболее активно диалоги между представителями разных политических организаций происходили в рамках так называемых круглых столов. В декабре 1989 г. состоялось заседание Центрального круглого стола (ЦКС), временно взявшего на себя функции правительства ГДР. По прошествии трех месяцев стало понятно, что ЦКС не смог выполнить ни правительственных, ни парламентских функций. И хотя он подготовил первые демократические выборы в Народную палату (НП) в условиях кризиса власти, принципиально изменить ситуацию в стране ему не удалось.

Важно отметить, что в тот период руководство ГДР не ставило вопрос об объединении с ФРГ, основной задачей была разработка проекта новой конституции, то есть сохранение государства на новой законодательной основе. Вместе с тем общество в целом раскололось на две группы интересов, которые преследовали разные цели. «Одни силы боролись за обновление ГДР как суверенного немецкого социалистического государства, другие — за объединение Германии... В политическом отношении это была короткая, но довольно результативная фаза демократизации, когда в течение полугода авторитарное восточногерманское государство стало свободным, демократическим, правовым»². Но сохранить его в таком виде не удалось по ряду известных причин.

Первые свободные выборы в Народную палату ГДР 18 марта 1990 г. привели к победе избирательный блок Альянс за Германию, ядро которого составлял Христианско-демократический союз (ХДС), созданный при активном участии ХДС ФРГ. Партия демократического социализма (ПДС), возникшая на основе прекратившей свое существование СЕПГ, на которую возлагали большие надежды сторонники преобразований страны на социалистических основах, получила всего лишь 16,4% голосов. Очевидно, что одной из причин победы христианских демократов на выборах стало не только отрицание прошлого в форме социализма, но и желание восточных немцев «встроиться» в партийную систему ФРГ. Гораздо проще было проголосовать за те партии, которые предлагали парламентаризм по западному образцу. «Безусловно, специфические условия соседства с национальным “старшим братом” придали всем общественным изменениям в ГДР острую, быстро меняющуюся форму, чего не было ни в одной из социалистических стран, поставивших под сомнение само существование социализма»³, — утверждают отечественные исследователи.

² Шанишева Л. Н. Восточная Германия: 30 лет после падения Берлинской стены // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. М.: ИНИОН РАН, 2019. Вып. 54 (70). С. 12.

³ Становление многопартийности в Восточной Европе в 1990-е годы (по материалам Болгарии, Венгрии, Восточной Германии, Польши, России, Словакии и Чехии) / под ред. Ю. И. Грицкого. М.: ИНИОН РАН, 1996. С. 133.

Большинством голосов депутатов нового состава НП было принято решение удалить из всех общественных зданий государственную эмблему ГДР. Это решение распространялось и на все посольства в 140 зарубежных странах. За очень короткий срок — с октября 1989 г. по январь 1990 г. — произошла полная смена политического руководства страны, а затем делегитимация всех государственных институтов, что в конечном счете означало полное разрушение ГДР.

Следующим принципиально важным актом стало решение НП о присоединении к Западной Германии посредством вступления в силу на территории ГДР Конституции ФРГ. Таким образом, на высшем законодательном уровне была обозначена линия на ликвидацию немецкого социалистического государства и его переход под юрисдикцию ФРГ. Разумеется, одного этого решения восточногерманской стороны было недостаточно для окончательного объединения двух государств, требовалось соответствующее подтверждение со стороны Западной Германии. Но ее действия последовали незамедлительно.

Летом 1990 г. правительство ФРГ выступило с предложением заключить валютный, экономический и социальный союз между двумя государствами. Фактически это стало началом поглощения ВГ. На территории ГДР вводилась марка ФРГ, обмен денег производился по курсу 1:1. ГДР получила возможность выхода на европейские и мировые рынки, на ее территории вводилась западногерманская система социального обеспечения и социального страхования, правительство ФРГ выделило из бюджетных средств значительные суммы на пенсии по старости, пособия по безработице, медицинское обслуживание. Для восточных немцев это обеспечивало серьезную финансовую и социальную поддержку, поскольку в тот период практически все институты государственной власти ГДР были парализованы.

Как показывали результаты опросов общественного мнения, проводившихся в ВГ на протяжении 1990 г., среди населения значительно выросла популярность правящей в тот период в ФРГ Христианско-демократической партии и резко снизился рейтинг Социал-демократической партии. Иными словами, значительная часть восточногерманских граждан была очарована перспективой жизни по тем стандартам европейского демократического государства, которые существовали в ФРГ. Политические лидеры из Западной Германии, прежде всего председатель ХДС и канцлер ФРГ Гельмут Коль, умело использовали эти настроения в активной наступательной кампании за германское объединение.

Столь быстрое изменение целей трансформации и настроений в обществе во многом связывалось с состоянием политической элиты, а именно партийно-государственной номенклатуры СЕПГ. Не сумев справиться с кризисом власти, она уступила (за редким исключением) все ведущие позиции в государстве политической и экономической элите Западной Германии. Государственное имущество ГДР было приватизировано и перешло в руки западногерманских предпринимателей, в учебных заведениях и исследовательских институтах практически всех штатных работников уволили и заменили

западными специалистами, была проведена люстрация. Территория ВГ в тот период превращалась в объект «дележки» собственности, ресурсов, возможностей для бизнеса со стороны западногерманских предпринимателей. При этом подобная практика оправдывалась избранной моделью перестройки общества бывшей ГДР. Предполагалось, что такая модель трансформации является универсальной и сможет быстро преобразовать разрушенное хозяйство и социальную сферу за счет финансового и кадрового обеспечения из ФРГ, сделать восточные земли процветающими и успешными. По мере продвижения по этому пути становилось все более ясно, что надежды на быстрый результат не оправдались. Это связывалось с рядом объективных и субъективных факторов. Одной из основных причин явилось упрощенное представление об объединении двух государств с разными политическими и социально-экономическими системами, не уделялось должное внимание принципиальным различиям между двумя государствами, не учитывался фактор общественного сознания, особенностей менталитета восточных и западных немцев.

К тому же прогнозы объединительного процесса строились с учетом высоких экономических показателей и стандартов жизни в ФРГ в тот период, но уже в 1990-х гг. там стали проявляться негативные тенденции в развитии экономики, обострилась конкуренция на рынке труда, возросла безработица и стал снижаться уровень жизни. Благополучное социальное государство сдавало свои позиции. И хотя на начальном этапе объединения в целом царили настроения эйфории, все же некоторые авторитетные политики и политологи предупреждали о грядущих сложностях и негативных последствиях избранной формы объединения. Член фракции СДПГ в бундестаге В. Тирзе выступал с резкой критикой социально-экономического положения в восточных землях, оценив его как «состояние на краю пропасти». По его мнению, реальный шанс конвергенции Запада и Востока на примере Германии, который появился в 1990 г., не был использован. «Концепция выравнивания, — утверждал он, — путем догоняющей модернизации по образцу западногерманского “экономического чуда” практически провалилась. Вместо этого Восток принудили идти по пути даже не столько “догоняющей”, сколько “подражательной модернизации”»⁴.

Опыт показал, что само по себе уничтожение системы директивного планирования на территории бывшей ГДР не привело к установлению рыночных отношений, а создание разного рода партий и движений — к решению вопроса о новых законодательных основах, то есть к принятию новой конституции. Огромное число жителей ВГ оказалось в крайне тяжелом экономическом и психологическом положении, и весь комплекс проблем вызывал в их среде настроения разочарования и фрустрации. Пришло понимание того, что объединение не только не решило в короткие сроки имевшиеся проблемы, но и породило новые.

⁴ См.: *Thierse W. Zukunft Ost: Perspektiven für Ostdeutschland in der Mitte Europas.* Berlin: Rowohlt Berlin Verlag, 2001. S. 37.

Трансформация восточных федеральных земель в условиях объединенной Германии

Договор об объединении ГДР и ФРГ был заключен 31 августа 1990 г. Стало очевидно, что в политическом отношении ГДР утратила свой шанс на проведение демократических преобразований изнутри. Таким образом, очень короткий первый период трансформации восточногерманского государства закончился его окончательным крахом. В результате территория ВГ была включена в виде пяти новых федеральных земель в состав ФРГ. С этого времени начался новый период общественно-политической и экономической трансформации восточногерманского общества, теперь уже в рамках объединенной Германии.

Наиболее длительный и сложный период трансформации пришелся на 1990–2005 гг. Изначально политические и социально-экономические преобразования остатков разрушенных общественных структур бывшей ГДР проходили по имеющимся лекалам и законам ФРГ. На первом этапе представлялось, что процесс будет идти быстро, без особых осложнений. Ведь восточным немцам предстояло лишь «встроиться» в уже действовавшие институты и адаптироваться к новым условиям. Базисные преобразования заключались в переходе от плановой к рыночной экономике преимущественно путем инвестиций и трансфертов за счет финансовых средств ФРГ. В начале 1990-х гг. на эти цели ежегодно выделялось от 130 до 170 млрд немецких марок. Надо признать, что такая помощь направлялась на создание условий для относительно быстрого решения всего комплекса проблем переходного периода. В короткие сроки были проведены приватизация, а также частичная санация предприятий, многие из них преобразовались в общества с ограниченной ответственностью. Причем этот процесс запустили еще до заключения Договора об объединении.

Подобным образом шла и политическая трансформация: после короткого периода активизации вновь созданных на излете ГДР партий и движений четко обозначилась ориентация на западногерманские политические структуры. Последние, с одной стороны, оказывали серьезную поддержку «параллельным» образованиям в ВГ на пути к объединению, с другой — довольно быстро их абсорбировали после объединения. Первые общегерманские коммунальные выборы и выборы в бундестаг 2 декабря 1990 г. продемонстрировали определенные противоречия и восточногерманскую специфику в поведении избирателей: 1) низкую степень партийной привязанности — только 1/5 часть восточных немцев ощущала свою связь с определенной партией; 2) значительную часть электората из разных социальных слоев сумели привлечь ХДС и Свободная демократическая партия (СвДП), в том числе за счет групп населения, традиционно голосовавших за СДПГ; 3) раздробленность партий левой ориентации и даже конкурентные отношения между СДПГ, ПДС, партией «зеленых», а также гражданскими движениями Новый форум и «Союз 90». По сути, в политической жизни объединенной Германии конца 1990-х — начала 2000-х гг. интересы востока отстаивала лишь Партия демократического социализма (ПДС).

Следует подчеркнуть, что сразу же после объединения начал реализовываться масштабный проект под названием «Подъем востока», предполагавший, прежде всего, миллиардные инвестиции на восстановление экономики бывшей ГДР. По оценке Института экономических исследований в г. Галле (IWH), за период 1991–2009 гг. сумма трансфертов составила 1,4 трлн евро. С 1995 г. эффективным финансовым механизмом пополнения бюджета названного проекта стало решение федеральной власти ФРГ заключить с новыми землями Пакт солидарности. Предполагалось, что с 1995 г. по 2004 г. туда будут поступать средства, образующиеся из налога на солидарность в размере 4%, который возлагался на жителей старых земель. По предварительным расчетам, эта сумма, направляемая на стирание социально-экономических различий между западными и восточными федеральными землями, должна была составить 94,5 млрд евро. Однако за десять лет действия Пакта не удалось решить необходимые социально-экономические проблемы, поэтому в 2005 г. был заключен Пакт солидарности II, предусматривавший выделение дополнительных средств в размере 156,5 млрд евро вплоть до 2019 г.⁵

Все сферы жизни в восточных землях на протяжении длительного периода сохраняли свои особые, отличительные черты. Государственный сектор экономики предполагалось реорганизовать путем решения трех основных задач: создания эффективной системы управления, модернизации инфраструктуры, изменения системы социального страхования. Эти решения довольно быстро дали заметные позитивные результаты. Вместе с тем они содержали в себе определенную двойственность. С одной стороны, восточные немцы получили повышение зарплат и лучшие социальные гарантии по сравнению с теми, что имели прежде. С другой — эти показатели и уровень жизни были явно ниже в сравнении с жителями западных земель. Подобная тенденция прослеживалась и при сравнении показателей ВВП на востоке Германии с аналогичными данными новых стран — членов ЕС. Если к 2005 г. в ряде восточноевропейских стран (Польше, Венгрии, Словакии, Чехии, странах Балтии) трансформация завершилась и их приняли в Евросоюз, то Восточная Германия не смогла по своим показателям сравниться с Западной. Хотя в отдельных, наиболее успешно развивающихся восточных федеральных землях уровень социально-экономических показателей превышал показатели трансформировавшихся государств ЦВЕ.

Постоянное сравнение условий и уровня жизни восточных немцев с западногерманскими стандартами стало в определенном смысле «навязчивой» привычкой, приводящей к росту недовольства и разочарования. Хотя она обуславливалась, действительно, большими различиями, сохранявшимися длительное время. Опрос, проведенный в восточных федеральных землях накануне очередных выборов в бундестаг в 2005 г., продемонстрировал социальное и психологическое состояние этой части общества. На вопрос «Удалось ли за 15 лет

⁵ Jahresbericht der Bundesregierung zum Stand der Deutschen Einheit 2018. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie (BMWi), 2018. S. 18.

достичь внутреннего объединения Германии?» 75% опрошенных ответили «частично», 16% — «нет», 8% — «значительно». В целом сложившийся порядок назвали скорее «несправедливым» 72%, скорее «справедливым» — 24%. Вместе с тем 42% сочли, что жизнь на востоке в целом улучшилась, 32% — что стала хуже, 15% — что осталась такой, какой была и до объединения. Ответы респондентов на вопрос «К кому Вы лично себя причисляете — к выигравшим или проигравшим?» распределились по трем группам: 38% — в выигрыше, 11% — в проигрыше, 51% — ни то ни другое⁶.

Разумеется, эти данные давали лишь весьма схематичное представление о происходивших процессах, но все же свидетельствовали о наличии болевых точек во внутригерманских отношениях и незавершенности трансформации бывшей ГДР в соответствии с избранной в 1990 г. моделью.

Узловым вопросом уровня жизни восточных немцев стала проблема отставания их зарплат от зарплат у западных немцев. На протяжении 15 лет этот показатель средней зарплаты на востоке сохранялся с небольшими колебаниями на уровне 75% от показателей на западе. А производительность труда у занятых на востоке была ниже на 30%. В целом больше двух десятилетий сохранялась социальная асимметрия в развитии двух частей Германии. И только к 2018 г. сравнительные показатели приблизились друг к другу, в частности, в среднем зарплату на востоке достигли 98% от аналогичных показателей на западе страны.

Одним из значимых факторов, препятствовавших внутреннему единству, явились глубинные отличия в менталитете граждан старой ФРГ и бывшей ГДР. Помимо «ментальных следов» от социалистического прошлого у восточных немцев сформировалось представление о себе как о «немцах второго сорта». На то были весомые причины: и потеря работы после массового закрытия предприятий, и жесткая конкуренция с западными специалистами, захватившими лидирующие позиции в сферах политики и экономики, и трудности адаптации к новым условиям жизнедеятельности, требовавшие подчас сверхусилий, неоправданно завышенные, несбывшиеся надежды и высокомерное отношение со стороны западных «собратьев». В результате этих обстоятельств в обществе произошло четкое разделение на немцев из восточных новых земель и из старой ФРГ, получивших соответственно определения «осси» и «весси». Затянувшийся период адаптации восточных немцев к требованиям нового общества и их утраченные иллюзии породили ностальгию по социалистическим временам, когда для всех были гарантированы стабильная работа, бесплатное образование, медицинское обслуживание и разного рода социальная поддержка. Эти настроения, названные «остальгия», получили довольно широкое распространение и сформировали определенную субкультуру, выражавшуюся в создании музеев ГДР, организации выставок и продаж предметов быта той эпохи и пр. Предприимчивые люди сумели использовать это явление для

⁶ So denkt der Osten // Stern. Hamburg. 2005. No. 36. S. 38.

создания своеобразного бизнеса, некоторые из них даже получили лицензии на использование конкретных символов эпохи ГДР.

Постепенно стало складываться и новое представление о прошлом, в частности о социалистическом периоде немецкой истории, изменилась парадигма изучения исчезнувшей ГДР. Уместно напомнить, что сразу после объединения отмечался настоящий бум вокруг ВГ: создавались разного рода фонды, проекты, программы по изучению опыта преобразований, адаптации восточногерманского общества к новым условиям, составлялись прогнозы экспертов относительно будущего. При этом научные программы не были скоординированы, носили поверхностный характер, и постепенно терялся интерес к серьезным работам.

Изучение ВГ как самостоятельное направление научных разработок к середине 2000-х гг. практически прекратилось. В этих условиях группа ученых-историков выступила с инициативой сменить парадигму изучения ВГ, сформировав целостный взгляд на характер существовавшего в ГДР общества, последующую трансформацию в виде заимствования успешной модели «Германия». Назрела необходимость выявления глубинных причин фрагментированного развития пяти восточных земель и затяжного срастания востока и запада. Одним из принципиально важных вопросов осмысления, по мнению историков, должен был стать вопрос о том, почему заимствование западногерманской модели не привело к быстрым и успешным преобразованиям, как это представлялось ранее.

На правительственном уровне было принято решение о необходимости исторических исследований периода ГДР в созданном для этого Федеральном фонде осмысления диктатуры СЕПГ (Берлин). Исходным тезисом изучения того периода стало определение типа восточногерманского государства как второй тоталитарной диктатуры (подразумевалось сравнение с немецкой диктатурой периода Третьего рейха). В этом негативном контексте изучались, прежде всего, рассекреченные архивы службы госбезопасности ГДР. Официальная концепция исторических исследований базировалась на идее о пренебрежительном отношении к человеку в период «коммунистической диктатуры». Оказывалось сильное противодействие всяческой «остальгии» и попыткам показать позитивные проявления социальной жизни в тот период.

Большую работу провела созданная тогда же экспертная комиссия историков, получившая название «Осмысление диктатуры СЕПГ», которую возглавил ученый из Потсдама Мартин Забров. К концу 2007 г. комиссия представила доклад об основных результатах работы, куда вошли материалы разного характера: протоколы общественных слушаний, статьи из исторических журналов и периодической печати, мемориальные тексты, информация о музеях и пр. Был подготовлен обобщенный анализ документов, посвященный истории ГДР как части интегрированной немецкой послевоенной истории⁷. В бу-

⁷ Wohin treibt die DDR-Erinnerung? Dokumentation einer Debatte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007.

душем предполагалось определить ее место в общей истории XX в. и значение «восточногерманской истории коммунизма для немецкой и европейской истории». Такой подход должен был помочь «избежать угрозы обособления и провинциализации» в разработке истории ГДР. Подавляющее большинство членов комиссии сходились во мнении, что основной причиной краха ГДР явилась нараставшая «внутренняя эрозия коммунистического проекта». В научном сообществе вызвали критику рекомендации комиссии показать позитивную роль диктаторского режима СЕПГ как фактора стабильности в условиях противостояния с западом. Наряду с этим высказывались соображения о том, что понять действительность периода ГДР невозможно, если упустить особенности повседневной жизни того времени во всем их противоречии. «Важнейшим достижением этого периода является переход к экспертному изучению истории ГДР. Работа с историей ГДР способствовала изменению всей исторической и культурной политики объединенной Германии»⁸.

Инициатива М. Заброва относительно серьезного изучения истории восточногерманского общества вызвала всплеск разного рода изысканий, стали публиковаться многочисленные работы по отдельным аспектам развития: оппозиционным движениям, социальной истории, повседневной жизни, истории культуры. Предпринимались попытки междисциплинарных исследований. Но явным пробелом, на наш взгляд, явилось почти полное отсутствие публикаций, содержащих сравнительный анализ ГДР и других стран ЦВЕ на этапе социалистического развития и последующей трансформации.

По большому счету рекомендации исторической комиссии, вызвавшие шумные дискуссии, так и не были приняты к действию, но дискуссионный характер осмысления истории ГДР сохраняется до сих пор. Стало очевидно, что в этой работе постепенно смещаются некоторые акценты, на первый план выдвигаются те, которые имеют наибольшую актуальность. На ближайшее будущее федеральное правительство ФРГ поставило задачу проработки истории ГДР и СЕПГ с целью корректировки понимания их роли в трансформации общества⁹.

Основные итоги

После 2005 г. наметились тенденции устойчивого роста в восточных федеральных землях Германии, многие проблемы первого этапа трансформации были решены, постепенно показатели доходов и уровня жизни восточных и западных немцев стали приближаться к одинаковым значениям. Однако с приходом к власти ХДС наметились серьезные изменения во внутренней политике,

⁸ Хорольская М.В. Преодоление прошлого и переосмысление истории ГДР в современной Германии // Россия и современный мир. 2019. № 1. С. 138.

⁹ Jahresbericht... S. 9–14.

отход от принципов социального государства. В конце 2000-х гг. была проведена серьезная пенсионная реформа, которая обострила имевшиеся в обществе проблемы и противоречия. К тому же возможности выравнивания уровня жизни восточных и западных немцев сократились вследствие разразившегося мирового финансово-экономического кризиса.

Серьезной причиной отставания восточных земель стала также сложившаяся структура экономики, в которой отсутствовали (за редким исключением) крупные центры экономического развития, где располагались либо филиалы ведущих западногерманских фирм, либо мелкое производство. В результате сегодня на промышленность восточных земель приходится не более 10% экономики всей Германии.

Все четче проявлялась демографическая проблема. После объединения значительная часть молодого и активного населения уезжала на запад в поисках работы и лучшей жизни, восточные земли ежегодно теряли примерно по 50 тыс. чел. Соответственно, в ВГ резко снижалась рождаемость и происходило быстрое старение населения. Таким образом, эти регионы теряли свою инвестиционную привлекательность, резко уменьшалась налоговая база. В целом в период 1989–2018 гг. число жителей на территории бывшей ГДР уменьшилось на 10,9%, в то же время в западных землях рост составил 8,2%, то есть примерно 5 млн чел. По-прежнему ведущие должности в экономике, политике, науке, культуре занимают в основном выходцы из западных земель, и только 1,7% престижных постов смогли занять восточные немцы.

Вместе с тем в 2018 г. обобщающие итоги трансформации ВГ и «срастания» запада и востока были признаны правительством ФРГ успешными, о чем свидетельствовал ежегодный отчет уполномоченного по восточным федеральным землям Кристиана Хирте. Принципиально важным, по его мнению, стало то, что «Восточная Германия вышла из длинной тени ГДР-овского прошлого» при том, что рост экономики там оказался ниже, чем на западе (соотношение 1,9% к 2,3%). Произошли позитивные изменения на рынке труда, прежде всего, снижение безработицы до 7,6% (в 1999 г. этот показатель в ВГ был выше 17%). Хотя фактические зарплаты восточных и западных немцев еще не сравнялись, но по темпам их роста восточные земли опередили западные¹⁰.

Произошли существенные изменения и в отношении к прошлому. Пришло понимание того, что исследование и переосмысление истории ГДР — это общегерманское дело, ориентированное на общее будущее. Тем более что в обществе до сих пор наблюдается высокий уровень недовольства и обеспокоенности населения восточных земель имеющимися проблемами. Можно констатировать, что в политике нынешнего федерального правительства произошло смещение акцентов — теперь речь идет не только о структурных изменениях в экономике, но и о некоторых важных нравственных, идейных аспектах, об укреплении сплоченности и солидарности немецкого общества. Признается, в частности,

¹⁰ Jahresbericht... S. 11, 111–112.

что ранее в ходе объединения страны недостаточно учитывались интересы восточных немцев, их опыт мирной революции 1989 г. и демократических перемен, притязания на равноправное положение в объединенной Германии. Остается актуальной задача проработки и осмысления истории ГДР и СЕПГ с целью корректировки понимания их роли в трансформации общества того периода.

* * *

После мирной революции 1989 г. ГДР оказалась перед дилеммой выбора: либо преобразовать страну с помощью реформ и принятия новой конституции на принципах демократического социализма, либо перейти под юрисдикцию ФРГ и трансформировать восточногерманское общество путем заимствования западногерманских политических и социально-экономических институтов. Предполагалось, что второй вариант может стать *универсальной моделью трансформации* постсоциалистического общества. На практике оказалось, что такой путь содержал в себе непредвиденные сложности и отход от первоначального плана. Завершить трансформацию в ВГ за короткий срок не удалось. Основная причина, на наш взгляд, состояла в том, что в универсальном смысле любая интеграция двух самостоятельных систем, даже если она происходит преимущественно на условиях одной из двух частей, абсолютно определяющей обеспечение ресурсов, ведет к новой системе. В результате срастания двух частей объединенной Германии за 30 лет там сформировалось новое общество, далекое от того, которое рассматривалось изначально как цель трансформации ГДР.

Глава 7

ИНТЕРЕСЫ ПОЛЬШИ И БУДУЩЕЕ ЕВРОПЫ ВО ВЗГЛЯДАХ ПОЛЬСКИХ КРАЙНЕ ПРАВЫХ ПОЛИТИКОВ

Крайне правые партии в Польше, как и во многих других странах Европы, постепенно выходят с обочины общественной жизни, возвращаясь в большую политику. Так, по результатам парламентских выборов 13 октября 2019 г. в Польский сейм прошло объединение нескольких движений крайне правого толка Конфедерация «Свобода и Независимость». Набрав 6,8%, они стали пятой политической силой страны. А в первом туре президентских выборов, состоявшихся 28 июня 2020 г., представитель польских националистов Кшиштоф Босак получил примерно те же 6,75% голосов, заняв уже четвертое место в списке кандидатов. Если учесть, что популярность подобных сил лишь начала нарастать и уже стала общеевропейским трендом, то полученные результаты можно считать серьезной заявкой на дальнейший успех.

Маргинальное состояние крайне правых движений Европы обусловлено исторической травмой, связанной с поражением Третьего рейха и Нюрнбергским процессом, фактически наложившим запрет не только на нацизм, но и на всю старую правоконсервативную традицию европейской политики. Клеймо соучастников преступлений нацизма выводило соответствующие силы из числа допустимых политических взглядов. Однако при этом было очевидно, что объединение всего правого политического поля с весьма оригинальным учением немецкого нацизма носит временный и во многом политтехнологический характер. Обвинения в связях с нацистами служили удобным инструментом для политической борьбы со стороны социал-демократических и либеральных движений. В то же время антисистемность европейских крайне правых сама по себе сделала их вновь актуальными на фоне тяжелых кризисных явлений в западных обществах, все более проявляющихся в начале XXI в.¹

Стоит отметить существенные семантические изменения, произошедшие в европейской политике в связи с популярностью и получением официального статуса идей мультикультурализма и новых ценностей, носящих принципиально антитрадиционный характер. В настоящее время крайне правыми силами в основном исповедуются взгляды, сходные со старыми консервативными

¹ *Неменский О.Б.* Европейские нации и кризис системы международных отношений // Вопросы национализма. 2010. № 4 (4). С. 77–85.

партиями, причем даже наиболее либеральной их частью. Основными положениями, утверждение которых теперь определяет политику крайне правого лагеря, стали защита национального суверенитета, негативное отношение к легализации однополых браков, требование сохранить упоминание о христианстве в своде основных законов. Эти смысловые перемены очень важны для понимания той дистанции, которая разделяет современных крайне правых с теми, кто занимал эту политическую нишу в первой половине XX в. Если судить по современным критериям, то ультраправыми радикалами следует признать и большинство участников антигитлеровской коалиции. Необходимо также учитывать, что представители современных крайне правых течений, участвующих в политической жизни европейских обществ, сами декларируют негативное отношение к старым фашистским режимам. Они возвращаются в большую политику не как их наследники, а как выразители позиций, связанных со спецификой именно современных общественных проблем².

Польской крайне правой политической среде свойственна большая степень идеологического разнообразия и организационной раздробленности, что, в общем-то, можно признать характерным признаком подобных сред в любой другой европейской стране. Основная линия размежевания польских националистов пролегает между организациями, считающими себя наследниками идей двух крупнейших польских политиков первой половины XX в. — Юзефа Пилсудского и Романа Дмовского. Современные «неопилсудчики» представлены правящей с 2015 г. партией «Право и справедливость» (ПиС). Будучи одной из основных политических сил страны, она тем самым выпадает из числа крайне правых движений, однако в своей правоконсервативной политике партия всеми силами стремится не допустить прохождения в парламент кого-либо более правого (или, как это определяют сами политики ПиС, не допустить появления польского «Йоббика», что предполагает отождествление их партии с венгерским Фидесом). В настоящее время все более очевидным становится то, что эта задача останется невыполнимой. Впрочем, однажды политикам ПиС уже удалось нейтрализовать прошедший в парламент аналог «Йоббика» — партию «Лига польских семей». Она была принята в качестве коалиционного партнера в правительство Ярослава Качиньского в 2005–2007 гг., что отвернуло от нее большую часть избирателей и в результате вывело из большой политики.

Наследники идей Дмовского традиционно называются «народовцами», так как этот политик недолго любил слово «националист». Они же — эндеки, что образовано от аббревиатуры ND — «национал-демократы», однако в настоящее время это слово употребляется нечасто и более не в политических текстах, а в аналитической литературе. Неоэндеция представлена многочисленными

² См.: *Неменский О. Б.* Европа стреляет в себя // Литературная газета. 2015. № 50 (6536). (17.12.2015). С. 3. URL: <https://lgz.ru/article/-50-6536-17-12-2015/evropa-strelyaet-v-sebya/> (дата обращения: 30.06.2020).

организациями, периодически вступающими друг с другом в коалиционные объединения.

Помимо собственно народовцев, существуют и многочисленные радикальные группы, выступающие как последователи отколовшихся в 1930-х гг. от эндеков еще более правых движений. Национал-радикальной среде свойственно наибольшее идеологическое разнообразие и наименьшие шансы на выход из маргинала политической жизни. К этой же категории стоит отнести и организации так называемого задружного движения, развивающие учение философа преимущественно довоенного времени Яна Стахнюка (1905–1963 гг.). Среди всех этих организаций есть и весьма близкие по взглядам к старым фашистским и даже нацистским движениям, что делает их постоянным объектом судебных разбирательств и запретов на осуществление деятельности.

Помимо обозначенных лагерей, следует также упомянуть весьма оригинальные по своей идеологии движения, в целом относящиеся к тому же политическому спектру и имеющие ярко выраженный лидерский характер. Это и монархисты Гжегожа Брауна, и палеолибералы Януша Корвина-Микке, и совсем уже маргинальные панслависты с евразийцами. Какую-либо идейную общность эти организации не представляют, однако некоторые из них иногда добиваются успехов на выборах, в том числе в коалиции с народовцами³.

Рост популярности крайне правых политических движений во многом обусловлен воздействием на Польшу общеевропейских проблем и напрямую связан с интеграцией страны в Европейский союз (ЕС)⁴. Насаждение Западом новых антитрадиционных ценностей (права сексуальных и прочих «новых меньшинств», толерантность, открытое общество и т. д.) в весьма консервативном и католическом польском обществе вызывает ответную реакцию. Результаты проведения политики мультикультурализма, отразившиеся на социокультурном облике крупных европейских городов, вызывают у многих опасения и стремление отгородиться национальными границами от направляющих эти процессы наднациональных органов и транснациональных компаний. Конфликтность в отношениях между национальными органами власти и евросоюзными структурами, неизбежная при интеграционных процессах, провоцирует беспокойство за сохранение недавно вновь обретенной государственной независимости. Националисты, выступающие против любых форм ограничения национального суверенитета и за сохранение традиционной культуры, в таких обстоятельствах становятся выразителями довольно распространенных настроений.

³ Подробнее об идеологическом своеобразии каждой из организаций см.: *Неменский О. Б.* Крайне правые в современной Польше // Правый радикализм в Восточной Европе: сборник научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 22–81.

⁴ См. об этом: *Неменский О. Б.* Евроскептицизм с Востока // Агентство политических новостей. 28.06.2007. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=17340> (дата обращения: 30.06.2020); *Он же.* Крайне правые в Центральной Европе: новое пробуждение // Агентство политических новостей. 21.09.2006. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=10409> (дата обращения: 30.16.2020).

Доминирование в Евросоюзе объединенной Германии обусловило пробуждение старых антинемецких настроений, переживаний из-за растущей «немецкой угрозы». В этих условиях оказывается все более востребованной традиция антигерманской мысли, свойственная народовцам. Если для Пилсудского основным источником угроз представлялась Россия, то Дмовский выступал с идеей формирования стабильной этнографической границы на востоке и нормализации отношений с Россией ради противостояния главному, на его взгляд, врагу свободной Польши — Германии⁵. Это расхождение между двумя политиками и их политическими силами сформировалось еще до Первой мировой войны и во многом сохранило свое значение для их последователей по сей день, правда, для «неопилсудчиков» из ПиС место союзной Германии заняли теперь Соединенные Штаты.

Современные польские народовцы также видят основным источником угроз для Польши Берлин и ориентированы на развитие конструктивных отношений с Россией, все более завоевывающей себе международный имидж оплота консервативных ценностей. ЕС нередко описывается ими как Четвертый рейх, на многих уровнях подчинивший себе Польшу. Поднимаются вопросы борьбы с засильем немецкого капитала, необходимость защитить от немецкого реваншизма присоединенные по результатам Второй мировой войны территории, а также выявления деятельности «немецкой пятой колонны» внутри других польских партий.

Антиберлинский настрой дополняется и антибрюссельским, то есть задачами борьбы с европейской бюрократией, чему сопутствует подчеркивание недемократического характера формирования и деятельности общеевропейских органов власти. Правда, отношение к европейской интеграции у разных крайне правых организаций очень различное и варьируется от требований пересмотреть отдельные пункты Лиссабонского договора до призывов к выходу из ЕС. Вместо общеевропейской интеграции все большую популярность приобретают идеи регионального объединения в виде проекта большого Междуморья, то есть региона Центральной Европы «между русскими, немцами и тремя морями» — Балтийским, Черным и Адриатическим. Эта идея, в свое время выдвигавшаяся Пилсудским и теперь активно проводимая партией ПиС, оказалась точкой совпадения интересов представителей всего правого фланга, включая народовцев и национал-радикалов.

Однако в отношении к США взгляды этих сил расходятся. Если ПиС всю политику ориентирует на достижение статуса «главного союзника США в Европе», то для всех более правых организаций Америка предстает, скорее, как лидер процессов глобализации. Этот взгляд стал несколько сложнее в последнее время из-за фигуры Дональда Трампа и перспектив разворота американской политики в антиглобалистском ключе, однако пока что он воспринимается,

⁵ Такой подход Р. Дмовский впервые обосновал в своей книге «Германия, Россия и польский вопрос» (1908), ставшей одним из основных его сочинений.

скорее, как «сбой в программе» и не стал причиной смены всей системы настроений в отношении США.

Как раз при Трампе усилил свое значение фактор отождествления политики Белого дома с интересами Израиля и действием еврейского лобби, традиционно воспринимаемого как важнейшая составляющая наднациональных структур влияния. Принятие закона США о возмещении еврейским организациям имущественных потерь евреев, погибших в Холокосте, через введение весьма оригинального понятия безнаследственной собственности поставило под вопрос огромное количество частной собственности на территории современной Польши⁶. Согласно этому закону польское государство оказывается в больших долгах перед международными еврейскими организациями, что, понятно, способствует росту антиамериканских, антиизраильских и нередко антисемитских настроений. Это также приводит к усилению негативной составляющей в отношении националистов к тому радикально проамериканскому курсу, который проводят правительства Пис. В прицел их критики попадает и Североатлантический альянс, вместо участия в котором Польше предлагается создать свою собственную действительно сильную армию.

Остановимся вначале на взглядах польских национал-радикалов. Наиболее заметная по своей деятельности их часть представлена наследниками раскола в лагере народовцев, произошедшем в 1934 г. Тогда группа радикальных членов «Лагеря Великой Польши» Р. Дмовского обособилась в новую организацию — «Национально-радикальный лагерь» («Obóz Narodowo-Radykalny»). Правда, уже через три месяца он был запрещен властями и в результате вновь раскололся на «ONR-ABC» Хенрика Россмана и «ONR-Falanga» Болеслава Пясецкого, продолжавших свою деятельность подпольно.

Среди современных национал-радикальных организаций особое место занимает «Национальное возрождение Польши» («Narodowe Odrodzenie Polski»), образовавшееся еще в 1981 г. и неизменно возглавляемое Адамом Гмурчиком. В ранний период своей деятельности «Нацвозрождение» смогло привлечь к себе внимание борьбой с социалистическими властями, а потом полностью сконцентрировалось на объединении сторонников против политики ЕС и США. Уже в начале 1990-х гг. партия организовывала демонстрации против курса на объединенную Европу. В ее актуальных «Программных принципах» прописано требование разорвать какие-либо интеграционные связи с ЕС и изгнать с территории польского государства все иностранные войска⁷. Весьма скандальным для современной Польши образом Гмурчик отрицает сам факт ее независимости: «Третья республика — это обычная карикатура на государство, так как решения, которые должна принимать эта структура,

⁶ Justice for Uncompensated Survivors Today (JUST) Act of 2017, вступил в силу 9 мая 2018 г.

⁷ Zasady programowe // Narodowe Odrodzenie Polski. URL: <http://www.nop.org.pl/zasady-programowe/> (дата обращения: 11.10.2019).

на самом деле принимают внешние центры власти (НАТО, Европейский союз и др.)»⁸.

Призыв к выходу Польши из ЕС и НАТО выражен в лозунге «Ни ЕС, ни НАТО! Польша для поляков!». «Национальное возрождение Польши» выступает за «возрождение Европы вольных народов», христианской «Европы национальных государств, ...управляемых в соответствии с интересами своих наций»⁹. Заявляются и антиамериканские позиции. Последние, правда, получают обоснование, главным образом, на основе так называемого антисиионизма и осуждения политики США и Израиля на Ближнем Востоке.

Еще одной весьма заметной по своей деятельности национал-радикальной группой стала организация, напрямую воспроизводящая название межвоенного откола от народовского движения — «Национал-радикальный лагерь» («Obóz Narodowo-Radykalny»). Поначалу, в 1995 г., это была попытка объединения многочисленных региональных ультраправых (и тогда в основном скинхедских) группировок в общую сетевую структуру. Ее полноценное оформление в единую организацию произошло значительно позже — на учредительном съезде 2005 г.¹⁰ В настоящее время «Лагерь» позиционирует себя как широкая платформа крайне правых сил, однако все более эволюционирует к умеренным лозунгам и в сторону традиционных народовцев, с которыми даже организует совместные мероприятия.

В Декларации идей организации «Польша завтрашнего дня»¹¹ говорится о неприятии «любых империализмов», под которые подпадают и ЕС, и НАТО. Вместо них предлагается принцип «добровольного сотрудничества независимых национальных государств». Национал-радикальный лагерь, также как и многие другие националистические организации Польши, призывает делать акцент на развитии отношений преимущественно со странами своего региона: «инициировать реальное сотрудничество между государствами Центрально-Восточной Европы». Идеологи организации заявляют, что «только сильный и независимый блок государств нашего региона будет в состоянии сделать возможным проведение субъектной политики в глобализирующейся реальности». Междуморью отводится мессианская роль по возрождению христианской Европы: «Польша как вечный факел цивилизации, возвращенной на христианстве,

⁸ *Gmurczyk A.* Nowy nacjonalizm — Narodowa Rewolucja XXI wieku // *Nacjonalista*. pl. Dziennik Narodowo-Radykalny. URL: <http://www.nacjonalista.pl/2015/09/23/adam-gmurczyk-nowy-nacjonalizm-narodowa-rewolucja-xxi-wieku/> (дата обращения: 11.10.2019).

⁹ *Nowoczesny nacjonalizm* // *Narodowe Odrodzenie Polski*. URL: <http://www.nop.org.pl/powoczesny-nacjonalizm/> (дата обращения: 11.10.2019).

¹⁰ См. о нем: *Tomasiewicz J.* Ucieczka od wolności? Prawicowy radykalizm na przykładzie Obozu Narodowo-Radykalnego // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Bankowości i Finansów w Bielsku-Białej*. 2010. № 3; *Witczak A. T.* ONR powrót na scenę? Rekonstrukcja radykalnego skrzydła formacji narosowo-katolickiej // *Nacjonalizmy różnych narodów: perspektywa politologiczno-religioznawcza* / red. B. Grott i O. Grott. Kraków, 2012.

¹¹ «Polska Jutra» Deklaracja Ideowa Obozu Narodowo-Radykalnego // *Obóz Narodowo-Radykalny*. URL: <https://www.onr.com.pl/deklaracja-ideowa/> (дата обращения: 11.10.2019).

будет инициатором оживляющего движения, которое из Центрально-Восточной Европы распространится на весь континент»¹².

Еще одно движение, претендующее на продолжение линии довоенного осколка «Национал-радикального лагеря» «RNR-Falanga», так и называется «Фаланга». Его лидеры открыто симпатизируют традиции южноевропейского фашизма, что проявляется в том числе и в стилевых особенностях. На их взгляды также очень сильное влияние оказал русский политический философ Александр Дугин, работы которого они активно переводят и публикуют. Во многом под его влиянием у них возник весьма оригинальный для польской политической мысли запрос на интеграцию с Евразией. Идея большого континентального союза органично дополняет радикальное неприятие политики США и евроатлантизма. Лидер «Фаланги» Бартош Бэкер даже отходит от отождествления Польши с латинской цивилизацией, заявляя, что «Польша не принадлежит ни к Востоку, ни к Западу»¹³. Интеграция с «Евразией... является прекрасной сферой для реализации общих интересов, благодаря которой центр глобальной геополитики вернется на старые земли Европы и Азии, отрывая голову атлантической американской империи». При этом все же основная интеграционная ориентация «Фаланги» — опять же на консолидацию региона Центральной Европы, который, по утверждениям Бэкера, должен объявить о своем нейтралитете. «Я, — заявляет он, — полагаю, что Польша и страны Центральной Европы не должны дать втянуть себя в войны за чужие интересы, для чего и нужно создать центральноевропейское нейтральное пространство»¹⁴.

В 2017 г. был образован так называемый Черный блок — коалиция национал-радикальных организаций «Автономных националистов» Варшавы, «Радикального Юга» и «штурмовцев». Последние являются сильной интеллектуальной группой¹⁵, выпускающей с 2014 г. журнал «Штурм» («ежемесячное национал-радикальное издание»¹⁶). За последние годы «Штурм» стал одним из наиболее заметных националистических изданий. Его статьи также публикуются в специальных тематических сборниках. Обращают на себя внимание довольно оригинальные международные связи «штурмовцев», в число которых входит сотрудничество с украинским «азовским» движением А. Билецкого, носящем открыто неонацистский характер¹⁷. Еще один партнер — молодежное

¹² Ibid.

¹³ «Мы — свидетели военных преступлений украинских войск в Донбассе». Интервью Бартоша Бекера, руководителя польского движения FALANGA // ИА Регнум. 12.10.2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2191569.html> (дата обращения: 11.10.2019).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Manifest // Szturm. Antologia nowoczesnego nacjonalizmu. Warszawa, 2017. S. 9–11. См. электронную версию: <http://www.szturm.com.pl/index.php/miesiecznik/item/10-manifest> (дата обращения: 11.10.2019).

¹⁶ См. сайт журнала: <http://www.szturm.com.pl/> (дата обращения: 11.10.2019).

¹⁷ Об этом движении см.: *Неменский О.Б.* Неонацизм на современной Украине // Вопросы национализма. 2019. № 1 (32). С. 125–142.

крыло немецкой Национал-демократической партии, образованной поначалу в ФРГ во многом из бывших членов НСДАП. Уже 19 марта 2017 г. члены редакции «Штурма» приняли участие в марше в День памяти латышских легионистов в Риге¹⁸. Такие связи очень нетипичны для польских национал-радикальных организаций. Украинские националисты традиционно рассматриваются как враждебные Польше силы, ответственные за Волынскую резню и многие другие беды. Немецкие крайне правые также обыкновенно считаются врагами. Польские народовцы и национал-радикалы почти не сотрудничали с властями Третьего рейха, что сильно отличает их от других подобных организаций этого региона Европы, в том числе латвийских. Впрочем, такие акты сотрудничества, очевидно, не стоит считать формами союзных отношений, так как сами «штурмовцы» пишут об их невозможности: сама «история и география определили, что трудно верить в сближение польских и немецких целей в обозримом будущем»¹⁹.

«Штурмовцы» настроены очень антиамерикански, а, соответственно, и против альянса, который они называют «международным жандармом американского демолиберального империализма»²⁰. «Мы помним о преступных налетах НАТО во время Балканской войны на Афганистан и на Ливию. НАТО не является ничем иным, кроме как очередной организацией, имеющей намерение уничтожить национальные государства и оказывать свое давление на слабые государства». Для обоснования антизападных идей используется традиционная тема обиды Польши на отказ союзников полноценно выполнить свои обязательства в 1939 г.: «Мы помним о предательствах “западных союзников” и знаем, что каждый должен надеяться только на себя»²¹. «Членство в НАТО для нас вредно», а значит, «единственным выходом для нашей страны является строительство собственного оборонного потенциала», — утверждение, довольно типичное для большинства крайне правых организаций.

Единственным способом противостоять враждебному окружению в лице Европы и России «штурмовцами» опять же заявляется интеграция в Центральной Европе: «Важнейшей целью сего дня является активизация сотрудничества центральноевропейских государств, способных сопротивляться как капиталистическому, так и постсоветскому империализму»²². «Именно Цен-

¹⁸ Szturmowcy: Nowa tendencja na polskim prawicowym podwórku. 26.08.2017. URL: <https://stopnacjonalizmowi.wordpress.com/2017/08/26/szturmowcy-nowa-tendencja-na-polskim-prawicowym-podworoku/> (дата обращения: 11.10.2019).

¹⁹ Niezbędnik narodowca. ABC nowoczesnego nacjonalizmu / eds. K. Bonisławski i J. Siemiątkowski. Warszawa: Capital, 2014. S. 132.

²⁰ См. манифест: Antysystemowcy przeciwko NATO // Szturm. URL: <http://www.szturm.com.pl/index.php/oswiadczenia/item/338-antysystemowcy-przeciwko-nato> (дата обращения: 11.10.2019). Это заявление подписано, помимо «штурмовцев», еще представителями целого ряда националистических изданий и организаций радикального толка.

²¹ Ibid.

²² Zawada L. Nowa, Wielka Europa // Szturm. Antologia nowoczesnego nacjonalizmu. Warszawa, 2017. S. 215.

тральная Европа является наиболее традиционным, патриотичным и революционным регионом на всем континенте»²³. На нее возлагается надежда на совершение консервативной революции: «Центральноевропейская революция... должна быть... полноценной: национальной, идентитарной, социальной и христианской революцией»²⁴. «Строительство Великой Центральной Европы»²⁵ и союза Междуморья рассматривается как «ответ на кризис в Европейском союзе»²⁶. При этом «Междуморье должно быть конфедерацией», обладающей совместными вооруженными силами — «легионом Союза государств Междуморья»²⁷.

Польский национализм межвоенного времени был представлен еще одним весьма оригинальным по своей идеологии движением, основателем которого являлся публицист и философ Я. Стахнюк. В 1937 г. он стал выпускать журнал «Задруга», вокруг которого тогда же сформировалось одноименное движение. Панславянские неоязыческие и резко антихристианские идеи Стахнюка были оформлены им в теорию «культурализма» и получили наименование «задругизма», положив начало особой традиции польского национализма²⁸.

На основе этого учения в 1998 г. в Варшаве было образовано Общество традиции и культуры «Никлот» (Stowarzyszenie na rzecz Tradycji i Kultury «Niklot»). Имя князя ободритов Никлота, сопротивлявшегося немцам и католикам в XII в., было выбрано как символ антинемецкой направленности движения, культивирующего дохристианские языческие корни славян. Это общество, согласно его заявлениям, придерживается «метapolитических» форм деятельности, то есть стремится достичь политических целей через неполитическую сферу, в связи с чем в основном занимается культурно-образовательными программами. При этом основное внимание уделяется даже не столько польским, сколько общеславянским и «индоевропейским истокам культуры».

Типологически деятельность задружного движения близка к восточнославянским так называемым родноверцам, но в связи с польской спецификой особое внимание здесь уделяется антинемецкой тематике. Многочисленные обвинения общества «Никлот» и его лидера Томаша Щепаньского в близости нацизму, скорее всего, имеют слабые основания, так как сама его идеология концентрируется не на расовых, а на культурологических вопросах, а сам Стахнюк стал героем польского сопротивления и Варшавского восстания. Как

²³ Ibid. S. 212.

²⁴ Ibid. S. 215.

²⁵ Ibid. S. 213.

²⁶ Szturm. Międzymoże jako alternatywa geopolityczna — przyszłość narodów europejskich // Ibid. S. 165.

²⁷ Ibid. S. 168.

²⁸ Основателем культурализма считается польско-американский философ и социолог Флориан Знанецкий (1882–1958 гг.), и в первую очередь его книга 1919 года издания «Cultural Reality». Однако именно в работах Яна Стахнюка эта теория была существенно переработана и превратилась в основу для политической идеологии.

говорит глава отдела «Никлота» в г. Щецине Иренеуш Вошик: «Мы апеллируем к традиции, а не к радикальным идеологиям. ...Мы не имеем ничего против других рас, религий или сексуальных меньшинств. Мы заботимся о том, чтобы не забывать собственные корни»²⁹. Однако осуждение «иудео-христианской религии» как орудия порабощения «славян-ариев» все же неизбежно вызывает ассоциации задружного движения с традицией немецкого нацизма.

Собственно, политической «задружной» организацией является Националистическое общество «Задруга» (Nacjonalistyczne Stowarzyszenie «Zadruga»), основанное во Вроцлаве Дариушем Петриком в 2006 г. В целом декларируемое задружными организациями радикальное неприятие современной цивилизации, борьба за славянство, которое «во всех аспектах уничтожается глобализацией, капитализмом, либеральной политикой государства, а также еврейским заговором»³⁰, оборачивается радикально антисистемным настроем и в отношении действующего социально-экономического и правового строя, и в отношении к господствующим ценностям. «Никлот» и «Задруга» также известны организацией пикетов и манифестаций против ЕС и военных кампаний НАТО.

Идея славянского единства на польской почве более склонна к поиску дохристианских корней, чем это привычно в России. Однако так же, как и в русской традиции за утверждением славянской взаимности стоит призыв к противостоянию с Западом. Так, с 2004 г. в Польше действует организация «Славянский союз» («Związek Słowiański»), уже в 2006 г. преобразовавшийся в политическую партию. В 2013 г. его же деятели зарегистрировали «Западнославянский союз». Лидер этих организаций Влодзимеж Рынковский подчеркивает враждебность Запада к славянам: «Славянское сообщество является альтернативой Западу, и он, отлично это понимая, делает все возможное для разжигания антагонизма между славянскими народами, сеет между нами рознь и противостояние»³¹. Впрочем, оценка такой организации как радикальной основана, скорее, на ее принципиальном расхождении с принятой политкорректностью, чем на анализе ее идей и форм общественно-политической деятельности.

Основное течение в крайне правой среде современной Польши представлено неонацией, то есть идейными последователями Р. Дмовского. Оно же является наиболее массовым и влиятельным, благодаря чему все более входит в большую политику.

²⁹ Antywalentynki sprawą dla policji? // Gniazdo. Rodzima wiara i kultura. 10.02.2010. URL: <http://gniazdo.rodzimowiercy.pl/tekst.php?tekstid=917> (дата обращения: 11.10.2019).

³⁰ *Wiatrowski L.* Narodowy socjalizm w Polsce po 1989 roku – komunikat z badań // Idee w procesie kształtowania współczesnej rzeczywistości polskiej. Nacjonalizm / eds. E. Maj, M. Mikołajczyk i M. Śliwa. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2010. S. 198.

³¹ «Поляки и русские — славяне, народы единого корня, единой крови». Интервью с Влодзимежем Рынковским, лидером движения Związek Słowiański // ИА Регнум. 13.10.2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2192067.html> (дата обращения: 11.10.2019).

Еще в 1989 г. была официально воссоздана организация «Всепопольской молодежи» («Młodzież Wszepolska»), воспроизводя форму и название самой многочисленной молодежной организации межвоенного времени. Преемственность подчеркивалась и тем, что ее председателем в 1989–1994 гг. был Роман Гертых — внук одного из лидеров «Национальной партии» конца 1930-х гг., а позже известного деятеля лондонской эмиграции Енджея Гертыха. Его сын и отец Романа — Енджей Гертых — в том же году возглавил воссозданную «Национальную партию» («Stronnictwo Narodowe»). В обновленной в 2002 г. «Декларации идей» «Всепопольской молодежи» 1989 г. в качестве важнейшей внешней цели было заявлено противостояние «постоянно присутствующей и по-прежнему актуальной угрозе со стороны Германии»³², что можно считать отличительной чертой всего народовского движения Польши. В 2004 г., в первый день вступления Польши в ЕС, «Всепопольская молодежь» выступила со-организатором Марша независимости. Став ежегодным 11 ноября, он по наши дни является самым массовым националистическим мероприятием страны, в котором теперь принимают участие и лидеры государства из правящей партии ПиС.

Первым крупным объединением народовских партий стала основанная в 2001 г. «Лига польских семей» («Liga Polskich Rodzin»). Ее главой был избран Роман Гертых. На парламентских выборах 2001 г. «Лига» одержала первый успех — преодолела порог и получила 38 депутатских мест в Сейме и два в Сенате. Политиками «Лиги» жестко отвергалась перспектива вступления в ЕС: «Предлагаемые Нации условия вступления в Европейский союз неприемлемы. Мы против вхождения Польши в Европейский союз. ...Развитие Польши может наступить только вне ЕС». Тем не менее на выборах в Европарламент в 2004 г. «Лига» получила почти 16 % голосов (10 депутатов), что стало вторым результатом в стране и вызвало скандал, так как эта партия открыто заявляет о своей евроскептической позиции. На парламентских выборах 2005 г. «Лига» получила почти 8 % голосов (34 депутата в Сейме, а также еще 7 сенаторов) и в результате вошла в правящую коалицию с ПиС и «Самообороной», получив портфели министра образования (Роман Гертых) и министра морского хозяйства (Рафал Вехецкий). Участие в большой политике несколько изменило идейный настрой партии на более умеренный, в связи с чем неприятие ЕС сменилось на противостояние дальнейшим централизаторским процессам в этом объединении. Окончательный разрыв с ПиС во многом связывается с подписанием в 2007 г. президентом Лехом Качиньским Лиссабонского договора. Однако прежний союз и примирительная позиция все же сильно сказались на отношении избирателей к «Лиге», в результате чего она вскоре стала довольно незначительной организацией.

³² Deklaracja ideowa Młodzieży Wszepolskiej // Młodzież Wszepolska. URL: <http://mw.org.pl/about/deklaracja-ideowa/> (дата обращения: 11.10.2019).

Уже в 2007 г. была основана «людовско-народовская»³³ партия «Народно-национальное движение» («Ruch Ludowo-Narodowy», который с 2013 г. стал называться «Национальная лига» — «Liga Narodowa»). По идеологии она позиционировала себя как более народовская, чем «Лига польских семей», и более «людовая», чем партия, представлявшая довольно радикальные позиции на этом поле, — «Самооборона». На выборах 2007 г. она впервые провела в Сейм своих депутатов (трех человек по списку ПиС) и одного сенатора. Современный лидер партии (с 2012 г.) Збигнев Липиньский заявляет довольно радикальные позиции по отношению к единой Европе: «Польша должна выйти из Европейского союза. Иначе мы станем — раньше или позже — немецким уже не Land, а Hinterland³⁴»³⁵. Евросоюз видится опасностью и благодаря той системе, которую он распространяет на Польшу: «Прежде всего, надо изменить строй нашей страны, так как установленная в Польше евросоюзная демократия (аналог так называемой социалистической демократии) служит не польским интересам, а чужим»³⁶.

В 2012 г. была предпринята новая попытка объединения народовских организаций на основе участников Марша независимости. Так возникло «Национальное движение» («Ruch Narodowy»). В числе его учредителей присутствует и по-прежнему очень активная и влиятельная «Всепольская молодежь» и даже «Национально-радикальный лагерь», а также несколько десятков других организаций, в том числе и принципиально неэндецкого толка, как, например, «Никлот». Летом 2013 г. состоялся первый конгресс «Национального движения», а 10 декабря 2014 г. была оформлена новая политическая партия с таким же названием. Лидером партии стал Роберт Винницкий, в 2009–2013 гг. возглавлявший «Всепольскую молодежь». Идеология этого объединения представляет собой «мейнстримный» вариант эндеции. В описании идеологии организации за авторством Винницкого говорится: «Мы верим, что наилучшим ответом на вызовы современности является современная народовская мысль, укорененная в классической политической школе Романа Дмовского и его последователей»³⁷. Идеологическая декларация «Нацдвижения» («Идентичность — Суверенность — Свобода») раскрывает понятие суверенитета с трех сторон — суверенность государства, культуры и экономики³⁸.

³³ То есть пытавшаяся совместить народовские идеи с «людовской» политической традицией, также являющейся очень оригинально польским идейным течением.

³⁴ Внутренние районы страны.

³⁵ Endecja — opozycja systemowa. Rozmowa ze Zbigniewem Lipińskim, prezesem Ruchu Ludowo-Narodowego // Konserwatywizm. pl. 14.04.2012. URL: <https://konserwatywizm.pl/endecja-opozycja-systemowa-rozmowa-ze-zbigniewem-lipinskim-prezesem-ruchu-ludowo-narodowego/> (дата обращения: 11.10.2019).

³⁶ Ibid.

³⁷ Winnicki R. O nas // Ruch Narodowy. URL: <https://ruchnarodowy.net/o-nas/> (дата обращения: 11.10.2019).

³⁸ Deklaracja ideowa Ruchu Narodowego // Ruch Narodowy. URL: <https://ruchnarodowy.net/program/> (дата обращения: 11.10.2019).

В отношении единой Европы «Нацдвижение» уже не выступает за выход Польши из ЕС, присоединяясь к разработанной западноевропейскими крайне правыми доктрине «Европы наций». Заявляется лозунг «Европы для отечеств вместо евроколхоза» и «добровольного сотрудничества вместо брюссельского централизма»³⁹. Под «евроколхозом» подразумевается проект федеративной Европы, ассоциирующийся с новой немецкой империей. «Национальное движение» требует отказаться от Лиссабонского трактата, так как он закладывает принцип неравноправия участников союза. Тем не менее ясной определенности по вопросу о будущем участии Польши в ЕС программа не дает. По отзывам самих участников движения, в нем нет единой позиции по европейской интеграции: «В руководстве есть три группы взглядов на Европейский союз. Одни хотят из него как можно скорее выйти, другие хотят остаться, а еще одни выступают за его распад»⁴⁰.

Среди политиков, действующих на крайне правом поле, но выступающих как основатели своих оригинальных движений, наиболее яркое положение занимает Януш Корвин-Микке. Известный публицист еще с 1960-х гг., он в 1979 г. стал автором либерально-консервативного манифеста «Программы либералов», а в 1990 г. основал еженедельник «Najwyższy CZAS!» (выходил в бумажной версии до 2007 г., а в электронной выходит до сих пор)⁴¹. Он был депутатом Сейма еще первого созыва (1991–1993 гг.) и депутатом Европарламента с 2014 г. Хотя он и считает себя либералом, однако его взгляды очень далеки от современного либерализма и нередко определяются как «палеолиберальные». Он весьма точно воспроизводит позиции либералов примерно середины XIX в., так как убежден в том, что «пик своего цивилизационного развития» Европа прошла именно тогда, а позже была преимущественно деградация⁴². Он подчеркивает свою ретроградность даже в стиле одежды и нередко делает шокирующие заявления, например, выражая сомнение по поводу предоставления права голоса женщинам. Основной акцент делается на отстаивании принципа национального суверенитета и свободного рынка.

Образованная Корвином-Микке еще в 1987 г. партия «Союз реальной политики» («Unia Polityki Realnej»⁴³) в 2012 г. стала одной из учредительниц народовского «Нацдвижения», однако сам он покинул эту организацию еще в 2009 г., образовав новую партию «Конгресс новых правых» («Kongres Nowej Prawicy»). На выборах в Европарламент в 2014 г. она получила 7,15% голосов, проведя четырех депутатов. Двое из них вошли в новую националистическую фракцию «Европа наций и свобод», что позволило ей набрать необходимый

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Krzymowski M. Jesteśmy czarnym snem // Newsweek. 2013. № 10. S. 20.

⁴¹ В настоящее время сетевое издание. URL: <https://nczas.com/> (дата обращения: 11.10.2019).

⁴² Слова автора из введения к кн.: Korwin-Mikke J. Rusofoby w odwrocie. Warszawa, 2009.

⁴³ См. официальный сайт партии: <http://www.uniapolitykirealnej.org.pl/> (дата обращения: 11.10.2019).

минимум участников и впервые официально восстановить самостоятельное присутствие националистических объединений на общеевропейском уровне. Корвин-Микке участвовал в президентских выборах с 1995 г. В 2015 г. он получил 3,26 % голосов, заняв 4-е место.

Основным принципом внешней политики «Конгресс новых правых» объявляет «сохранение собственной суверенности», в связи с чем «последовательно выступает против членства Польши в Европейском союзе и требует ее выхода»⁴⁴. Конгресс отстаивает «модель Европы Отецеств по Шарлю де Голлю», давая ей обоснование именно с точки зрения экономического интереса: «Считаем, что попытки наднациональной регламентации экономики и протекционизм остаются явлениями, угрожающими развитию Польши»⁴⁵. «Конгресс» выступает за ограничение участия Польши в основных процессах современной экономики: «“Конгресс новых правых” всегда смотрел на глобализационные процессы критически и с огромной обеспокоенностью»⁴⁶.

Отношение к Североатлантическому альянсу в «Конгрессе новых правых» в целом позитивное, однако он считается недостаточной гарантией безопасности Польши: «НАТО мы признаем достижением, однако одновременно настаиваем на усилении его двусторонним оборонным договором с США в целях получения реальных гарантий безопасности, которых нынешняя формула членства в Альянсе не дает»⁴⁷. По данной теме «Конгресс» выступает с позиций, близких к правящей ПиС, и сильно расходясь со многими народовцами и национал-радикалами. Общими с ними тем не менее являются требования милитаризации Польши: «Только обладание собственной сильной армией заставит союзников оказать нам эффективную помощь»⁴⁸.

В январе 2015 г. Я. Корвин-Микке с частью деятелей «Конгресса новых правых» основал еще одну партию под названием «KORWiN» — «Koalicja Odnowy Rzeczypospolitej Wolność i Nadzieja» («Коалиция обновления республики “Свобода и надежда”»). На выборах в октябре 2015 г. партия набрала 4,76 % — ей не хватило совсем немного, чтобы создать свою фракцию в Сейме. В программе партии декларируются цели реставрации христианских моральных фундаментов общества⁴⁹. В целом это довольно стандартная консервативная программа с акцентом на экономику, без некоторых крайностей, представленных

⁴⁴ Polityka zagraniczna / Polityczne ABC Nowej Prawicy // Nowa Prawica. URL: <http://knp.org.pl/program/polityczne-abc/#1451304178340-64cf01f4-aa94> (дата обращения: 11.10.2019).

⁴⁵ Unia Europejska / Polityczne ABC Nowej Prawicy // Nowa Prawica. URL: <http://knp.org.pl/program/polityczne-abc/#1451305744687-8bcc0e64-ad6e> (дата обращения: 11.10.2019).

⁴⁶ Globalizacja / Polityczne ABC Nowej Prawicy // Nowa Prawica. URL: <http://knp.org.pl/program/polityczne-abc/#1451304169425-ecace2d6-3d10> (дата обращения: 11.10.2019).

⁴⁷ Polityka zagraniczna / Polityczne ABC Nowej Prawicy // Nowa Prawica. URL: <http://knp.org.pl/program/polityczne-abc/#1451304178340-64cf01f4-aa94> (дата обращения: 11.10.2019).

⁴⁸ NATO / Polityczne ABC Nowej Prawicy // Nowa Prawica. URL: <http://knp.org.pl/program/polityczne-abc/#1451304175635-7e347c60-d3f8> (дата обращения: 11.10.2019).

⁴⁹ См. официальный сайт партии: <https://www.wolnosc.pl/> (дата обращения: 11.10.2019).

в программных текстах других образованных Корвином-Микке организаций. В настоящее время эта партия демонстрирует неплохой рост рейтинга поддержки. Особенно большую популярность она имеет среди молодежи — в возрастной группе до 25 лет за нее голосуют более трети избирателей.

Среди правых организаций, в последние годы все более сближающихся с националистическими, следует в первую очередь отметить польских монархистов. Публицист и режиссер документального кино Гжегож Браун в 2015 г. основал движение «Хвала Богу!» («Szcześć Boże!»). Браун выступил с теорией эволюции польской политической системы от демократии к монархии. Он выступает резко против Евросоюза и наднациональных политических структур.

В декабре 2018 г. произошло новое крупное объединение сил на крайне правом фланге — была образована предвыборная коалиция Конфедерация «Свобода и Независимость» («Konfederacja Wolność i Niepodległość»), которая в июле 2019 г. оформилась в политическую партию. Это первая попытка объединения народовцев с другими крайне правыми — в первую очередь, с движением Корвина-Микке и монархистами Брауна. Название новой партии, употребляемое обычно как «Конфедерация», сами ее участники нередко расшифровывают иначе: «Konfederacja Wolnościowcy i Narodowcy», что подчеркивает факт объединения народовцев и палеолибералов, нередко использующих вместо скомпрометированных западных терминов «либералы» и «либертарианцы» польскоязычный аналог, который можно перевести на русский как «свободовцы». В составе новой партии оказались: широкое объединение народовцев — партия «Национальное движение» под руководством Р. Винницкого, «Коалиция обновления республики “Свобода и надежда”» Я. Корвина-Микке, «Конфедерация Польской короны» Г. Брауна, «Национальная лига» Зб. Липиньского, «Объединение христианских семей» («Zjednoczenie Chrzescianskich Rodzin») под руководством Богуслава Рогальского — попытка возрождения старой «Лиги польских семей» частью ее активистов, а также целый ряд других организаций. На майских выборах 2019 г. в Европарламент новая коалиция не смогла получить проходного балла (набрала 4,5%), что даже нетипично для участия евроскептических движений в таких выборах, однако на польских парламентских выборах 13 октября того же года она достигла большого успеха с 6,8% голосов. Этот успех несколько меньше, чем у «Лиги польских семей» в 2005 г. (почти 8% и в разы больше мест), однако теперь можно говорить о возвращении крайне правых в большую польскую политику.

Правда, объединение является очень широким, идейно разношерстным, и потому перспективы сохранения коалиции многими ставятся под вопрос. Как сказал в комментарии после выборов Я. Корвин-Микке: «Никогда не было сотрудничества между людьми столь разных взглядов: мы, народовцы, консерваторы, монархисты, либертарианцы. Мы играли одной командой, и нам было прекрасно». Однако работа над совместными программными текстами оказалась довольно удачной, и «Конфедерация» постепенно заслуживает доверие избирателей как долгоиграющий политический проект, свидетельством чему

стал успех ее представителя К. Босака на президентских выборах в конце июня 2020 г.

Программа «Конфедерации», представленная 21 сентября 2019 г., имеет существенную социально-экономическую составляющую (например, ликвидация подоходного налога) и делает акцент на защиту семьи, сильную армию вместо военных союзов и экологические вопросы, ограничение миграции из не евросоюзных стран (Украины) и независимую внешнюю политику. Конфедераты не призывают к выходу из ЕС, но выступают резко против «слепой веры в так называемый европейский проект»⁵⁰: «Мы не допустим дальнейшего ущемления нашего суверенитета в пользу Европейского союза. Современная модель его функционирования себя исчерпала. Мы выступаем за добровольное сотрудничество государств Европы вместо нынешнего диктата. Мы отвергаем концепцию постепенного строительства федерального супергосударства, управляемого из Брюсселя»⁵¹. В предвыборной программе К. Босака «Новый порядок. Конституционные тезисы», которая представлена во введении именно как «авторская подборка постулатов, ставших результатом осмысления идей польских патриотов, собравшихся в Конфедерации»⁵², предлагается закрепить в конституции государства примат национального права над международным, в том числе и в выполнении решений международных судебных инстанций (исключение может быть только на основе решения общенационального референдума)⁵³.

Примечательно, что в обеих программах ничего не говорится ни о НАТО, ни о США — формат отношений с ними, очевидно, вызывает споры внутри нового объединения, но при этом и не имеет принципиального значения. Все задачи польского самоопределения в цивилизационном и политическом плане вполне решаемы на основе европейского контекста. Тем не менее вызывает некоторое удивление отсутствие в этих программах обещаний способствовать центральноевропейской консолидации как альтернативе общеевропейской — очевидно, по этому вопросу народовцам не удалось договориться с Корвином-Микке. Основное внимание в обеих программах уделено внутренним польским проблемам, в особенности экономической политике, в которой объединившимся силам удалось достичь гораздо большего взаимопонимания.

Тем не менее центральноевропейский контекст играет огромную роль в становлении новой крайне правой политики в Польше. Во многом это обусловлено

⁵⁰ Polska dla Ciebie. Program Konfederacji Wolność i Niepodległość. Warszawa, 2019 // Oficjalna strona Konfederacji Wolność i Niepodległość. S. 14. URL: <https://konfederacja.net/wp-content/uploads/2019/09/KONFEDERACJA-Program-Wyborczy-Polska-dla-Ciebie.pdf> (дата обращения: 11.10.2019).

⁵¹ Ibid. S. 16.

⁵² Bosak K. Nowy Porzadek. Tezy konstytucyjne. Warszawa, 2020 // Komitet Wyborczy Kandydata na Prezzydenta RP Krzysztofa Bosaka. S. 5. URL: https://bosak2020.pl/wp-content/uploads/Bosak2020_NowyPorzadek.pdf (дата обращения: 11.10.2019).

⁵³ Ibid. S. 17 (Глава «Гарантии польского суверенитета»).

общностью судеб в XX в. и связанных с этим проблем. Вырываясь из «социалистического лагеря», страны этого региона стремились вернуться в ту Европу, которую они помнили по довоенному времени. А в ней была нормой сильная государственная власть, правая политика и господство традиционных ценностей. Эта Европа была очень непохожа на нынешнюю. «Новые европейцы», как их называли в нулевых годах в США, оказались не очень готовы к принятию «новых европейских ценностей», а их кардинальное противоречие с традиционными западно-христианскими устоями европейской культуры пробудило к жизни местный евроскептицизм, новую критику Европы и ее интеграционных проектов. Чешский писатель Милан Кундера еще в начале 1980-х гг. в своей статье «Трагедия Центральной Европы» очень точно описал это противоречие между желанием «вернуться в Европу» после «восточного плена» и тем образом Запада, «которого уже нет, Запада, с которым еще не распрощалась культура». Народы этого региона «пытаются воссоздать прошлое, прошлое, в котором есть культура, прошлое Нового времени. Только в той эпохе, в мире, хранящем культурное измерение, Центральная Европа способна отстоять свою идентичность и восприниматься тем, чем она является»⁵⁴.

По мере распространения в обществе разочарования в современном Западе накапливается реакция, положительной стороной которой стало формирование новой идентичности Центральной Европы. В странах региона стали все больше осознавать и формулировать свои особые интересы. В перспективе европейской регионализации можно сказать, что именно после вступления этих стран в ЕС начался процесс образования собственно Центральной Европы не как «очереди на Запад» прежде очень разделенных друг от друга государств, а как особой общности со своими политическими интересами. Идет процесс формирования региональной идентичности и основанных на ней новых комплексов политических идей. И в авангарде этого движения оказываются политики правого толка — от Пис до ультраправых радикалов.

При этом они оказываются не только в региональном, но и в общеевропейском тренде, находя все больше общего в умонастроениях своих коллег по политическому лагерю на Западе. Центральноевропейский национализм оказывается частью более широкой реакции стран Европы на процессы глобализации. Как пишут польские националисты, сейчас «решается вопрос, будет ли Европа по-прежнему Европой традиции, христианства и национальных государств или же своеобразным хосписом для биологически и ментально стареющих, отдаленных от каких-либо позитивных образцов обществ»⁵⁵.

К настоящему времени сложилась своего рода сумма идей в современной политике, которая объединяет большинство европейских националистов, благодаря чему можно говорить о формировании у них единой идеологии,

⁵⁴ См. многочисленные переиздания и переводы его эссе «Únos západu aneb Tragédie střední Evropy» (1983).

⁵⁵ Niezbędnik narodowca. ABC nowoczesnego nacjonalizmu... S. 261.

требующей межнационального взаимодействия⁵⁶. Это задачи по защите христианских ценностей, противостоянию массовой инокультурной иммиграции, исламизму, глобализму, угрозе демографической катастрофы, негативное отношение к обществу потребления (так называемый антиконсумпционизм), защита жизни на всех ее этапах (запрет аборт и эвтаназии), защита традиционной семьи, противостояние диктату наднациональных структур и давлению США (евроатлантизму), политическому влиянию транснациональных компаний. Старая эпоха классической современной политики с ее преимущественно трехчленным делением политических движений (либерализм — консерватизм — социализм) уходит в прошлое, а на ее место приходит новая шкала более актуальных идейных расхождений — между глобализмом и национализмом. Так, национальные движения вновь, после своего расцвета в XIX в., выходят на первый план политической жизни, и польские крайне правые организации оказываются вполне органичной частью этого общеевропейского процесса.

⁵⁶ См.: *Неменский О.Б.* Европейские крайне правые на фоне миграционной лавины // Вопросы национализма. 2015. № 3 (23). С. 38–45.

Глава 8

ПАРТИЯ «ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ» О ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПОЛЬШИ

Партия «Право и справедливость» (ПиС) образовалась на обломках первой коалиции Избирательная акция «Солидарность», правившей в Польше после победы на выборах 1997 г. К рубежу нового века стало понятно, что коалиция терпит крах и правый фланг польской политической сцены нуждается в серьезном обновлении. Поэтому весной 2001 г. группа политиков во главе с братьями-близнецами Лехом и Ярославом Качиньскими решила распустить созданную ими еще в начале 1990-х гг. партию «Соглашение центра» и сформировать на ее базе новую политическую силу, получившую название «Право и справедливость». В учредительной декларации выбор названия объяснялся тем, что в Польше на втором десятилетии после начала реформ «не хватает права и справедливости... Не хватает права, потому что не все равны по отношению к закону... Не хватает справедливости, потому что граждане не получают от государства того, что им государство должно предоставить: защиту, безопасность, спокойствие и стабильность»¹.

С самого начала основатели ПиС видели ее как партию, объединяющую людей с весьма разными политическими воззрениями: националистическими, консервативными, христианско-демократическими и пр. Я. Качиньский, занявший пост главы правления ПиС (формальным лидером до начала 2003 г. был его брат Лех), подчеркивал, что это не будет христианско-демократическая партия, как «Соглашение центра», хотя сам он разделяет эти идеи. ПиС будет ориентироваться не столько на идеологию, сколько на разрешение актуальных проблем государства и его граждан. К таким проблемам ПиС относил, прежде всего, необходимость укрепления государства, повышение его престижа, избавление от патологий: коррупции в среде политиков и чиновников, сращивания государства с организованной преступностью, преследования частных интересов отдельных лиц, а не всего общества. С этой точки зрения она позиционировала себя как партию «прогосударственную». С другой стороны, ПиС выражала стремление к социальной справедливости и неприязнь к экономическому либерализму и индивидуализму. В социально-экономической сфере позиции

¹ Deklaracja założycielska krajowego komitetu «Prawo i Sprawiedliwość». 26 kwietnia 2001 r. // Polska Scena Polityczna. Warszawa, 2001. № 8 (16–30.04). S. 13.

партии отличались намерением усилить роль государства в экономике, поддержать уязвимые слои населения, увеличить расходы бюджета на поддержку семей, образование, науку, культуру². Таким образом, изначально взгляды ПиС характеризовались своеобразным дуализмом. Ее отношение к вопросам внутренней и внешней политики, религии, истории, культуры позволяло исследователям во всех без исключения классификациях помещать партию на правый фланг политической сцены, придавая ей эпитеты «консервативная», «национально-консервативная» и «национально-католическая». Но в социально-экономических вопросах ее государственный патернализм и акцент на достижение социальной справедливости позволяли говорить, скорее, о сходной повестке с левыми партиями. В условиях начавшегося в первой половине 2000-х гг. кризиса польских левых ПиС сумела перехватить у них поддержку социально незащищенных слоев населения, что стало основой ее последующих электоральных успехов.

Особенности происхождения и мировоззрения ПиС повлияли и на отношение партии к проблемам европейской интеграции и участия в ней Польши, в котором тоже хорошо заметна амбивалентность. Профессор Опольского университета К. Зуба выделяет в ПиС два течения: евроеалистов и евроскептиков. Причины их появления он видит в том, что ПиС создавалась людьми, пришедшими в партию из разных политических группировок. Братья Качиньские и их последователи из «Соглашения центра» с самого начала считали, что альтернативы вступлению Польши в Европейский союз (ЕС) нет, поскольку это единственный способ окончательно порвать с коммунистическим прошлым. Однако политики, пришедшие из Христианского национального объединения (М. Юрек, А. Завиша), выступали против членства Польши в Евросоюзе³. Борьба этих течений шла с переменным успехом в зависимости от складывающейся внутри- и внешнеполитической ситуации. В результате, в целом не подвергая сомнению необходимость участия Польши в европейской интеграции, ПиС постоянно подвергала критике и Евросоюз, и условия членства в нем Польши. Это предопределило довольно сложный и переменчивый характер отношения партии к ЕС.

Свои взгляды на задачи внешней политики Польши ПиС конкретизировала в ходе предвыборной кампании в Сейм, приняв в августе 2001 г. программу партии. Выделенные в ней приоритеты в целом сохраняют свою расстановку вплоть до настоящего времени. Главной задачей внешней политики ПиС провозгласила защиту национальных интересов страны, включая обеспечение быстрого экономического роста и укрепление вооруженных сил. В дальнейшем партию также отличало повышенное внимание к проблемам безопасности

² Partie i koalicje polityczne III Rzeczypospolitej / pod red. K.A. Paszkiewicz. III wyd. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 113–114.

³ Zuba K. Europejska polityka Polski // ETE Working Paper. 2015. T. 1. № 1. Opole, 2015. S. 19.

и обеспечения государственного суверенитета. Поскольку отстаивание суверенитета прямо противоречило планам интеграции в ЕС, что должно было сопровождаться передачей части государственных полномочий на наднациональный уровень, в будущем это неминуемо привело бы к конфликту интересов. Среди основных направлений внешней политики ПиС на первое место поставила укрепление позиций Польши в НАТО и усиление союза с США. Сотрудничество с американцами, воспринимаемыми в качестве главных гарантов безопасности в Европе и мире, должно было дополнительно укрепить безопасность Польши. Американское направление во взглядах ПиС всегда имело преимущество перед взаимодействием с партнерами по ЕС, который партия изначально воспринимала с изрядной долей недоверия.

Стремление к вступлению в Евросоюз было названо вторым приоритетом польской внешней политики. Однако подчеркивалось, что членство не является самоцелью и Польша должна вступать только на условиях, которые обеспечат ей достойное место в ЕС. И главное из них — сохранение сильного национального государства, которое будет способно защитить существование народа и обеспечить его развитие⁴. В ходе предвыборной кампании партия также указывала, что выступает за «англо-датский подход» к интеграции, то есть видит будущее ЕС как союза государств, не одобряя федералистских устремлений. При вступлении ПиС требовала обеспечить дотации для сельского хозяйства, защиту от скупки польских земель иностранцами, переходные периоды для промышленности и сферы услуг и т. д.⁵

В ходе дальнейшего процесса вступления Польши в Евросоюз двойственность отношения ПиС к евроинтеграции стала проявляться все более отчетливо: одобряя курс на обретение членства в целом, партия выражала все большее беспокойство по поводу условий, на которых Польша должна была присоединиться к ЕС. Особенно усилились ее опасения осенью 2002 г., когда переговоры о вступлении завершились, и условия, на которых Польша должна была стать членом ЕС, определились окончательно. В течение октября-ноября Я. Качиньский неоднократно выражал недовольство теми договоренностями, которых удалось достичь правительству Союза демократических левых сил (СДЛС). Он говорил о безоговорочной капитуляции Польши, о том, что ПиС не может поддержать интеграцию в ЕС на выработанных условиях и их нужно изменить, для чего можно даже отложить намеченный срок вступления. В противном случае стране будет грозить тяжелый социально-экономический кризис⁶. Вряд ли лидер ПиС всерьез рассчитывал на то, что ЕС согласится снова сесть за стол переговоров. Но здесь стал обозначаться еще один мотив, формирующий отношение

⁴ Program Prawa i Sprawiedliwości. Warszawa, Sierpień 2001 roku. S. 13–14. URL: <https://www.piotrbabinetz.pl/pdf/programpis2001.pdf> (accessed: 27.09.2019).

⁵ *Bojarowicz T.* Stosunek ugrupowania Prawo i Sprawiedliwość do integracji Polski z Unią Europejską // Polska w dobie przemian. Materiały konferencji naukowej / pod red. A. Kasińskiej-Metryki. Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 2004. S. 306.

⁶ Polska Scena Polityczna. Warszawa, 2002. № 21 (1–15.11). S. 23.

партии к ЕС, — внутривнутриполитическая борьба. Евроинтеграция превратилась в важный вопрос, волнующий всех поляков, поэтому его использование в интересах поднятия политического рейтинга стало удобным средством борьбы с оппонентами. В данном случае решались две задачи: давление на СДЛС, который якобы не смог отстоять интересы страны, и переманивание электората у праворадикальной «Лиги польских семей», которой ее евроскептическая риторика помогла на местных выборах 2002 г. показать хорошие результаты.

То, что Качиньские и их сторонники, действительно, не собирались настаивать на пересмотре условий членства, подтвердили решения партийного конгресса, состоявшегося 18 января 2003 г., на котором обсуждался вопрос о позиции ПиС на предстоящем референдуме о вступлении Польши в Евросоюз. Хотя на конгрессе группа выходцев из Христианско-национального объединения во главе с М. Юреком призывала сказать «нет» евроинтеграции, аргументируя свою позицию ослаблением безопасности Польши из-за ухудшения условий сотрудничества с США и поддержкой ЕС неприемлемых ценностей (гомосексуализма, аборт, признания проституции обычной профессией), основные лидеры партии во главе с Я. Качиньским выступили в поддержку членства. В результате за вступление в ЕС голосовали 237 делегатов, против — только 24⁷. Перевес более чем убедительный.

В принятой конгрессом резолюции отмечалось, что Польша получила хорошие позиции в органах Евросоюза (27 голосов в Совете ЕС и 54 места в Европарламенте), что позволит ей играть одну из ведущих ролей, но условия вступления в сферах финансов и особенно сельского хозяйства заслуживают критичной оценки. Несмотря на это, партия призывает голосовать за членство в ЕС, считая, что это будет способствовать обеспечению безопасности страны и укреплению ее позиций на международной арене. Оставшись за границами ЕС, Польша рискует вернуться в сферу российского влияния, «со всеми цивилизационными и социальными последствиями нахождения на пространстве посткоммунистической периферии». В Евросоюзе Польша должна проводить активную политику защиты собственных интересов: добиваться уважения христианских ценностей и особенностей национальной культуры, противиться федерализации Европы и настаивать на ее видении как союза суверенных государств, связанных узами солидарности и взаимной поддержки⁸.

Впоследствии тема европейской солидарности заняла в идеологии ПиС важное место. В принятой в июне 2004 г. к выборам в Европарламент программе европейской политики партии под говорящим названием «Европа солидарных народов» солидарность определялась так, что «государства более богатые и развитые должны быть ответственными за развитие и благополучие более слабых государств... Этот принцип особенно важен в контексте принятия в ЕС

⁷ *Bojarowicz T.* Op. cit. S. 307.

⁸ *Polska polityka europejska. Uchwała nr V 2003 Kongresu założycielskiego «Prawa i Sprawiedliwość» // Międzynarodowy Przegląd Polityczny. Warszawa, 2003. № 1. S. 109–113.*

новых членов из Центрально-Восточной Европы». Фактически это означало, что Пис видит роль Польши в Евросоюзе следующим образом: страна отстаивает в ЕС свои национальные интересы, но другие государства должны руководствоваться не собственными целями, а принципами солидарности, помогая Польше в решении ее экономических проблем. Однако руководителей Пис такая двойственность стандартов ничуть не смущала: они заявляли, что для объединенной Европы важно ликвидировать экономическую пропасть на континенте, которая возникла вследствие ялтинского раздела (когда страны Запада в 1945 г. согласились на переход восточной части Европы в советскую сферу влияния). Следовательно, Польша для исправления исторической несправедливости имеет право требовать от Запада «мощной поддержки нашего развития»⁹. Как мы увидим далее, желание получать у ЕС блага и как можно меньше давать взамен продолжало сохраняться у политиков Пис и после изменения экономического положения Польши в лучшую сторону, что стало очевидным следствием ориентации на следование национальным интересам и одностороннее понимание европейской солидарности.

Выраженное Пис намерение активно влиять на дальнейшее развитие Евросоюза отнюдь не случайно. Процесс вступления Польши в ЕС пришелся на время, когда велись ожесточенные споры о будущем Европы, сопровождавшие разработку Конституционного договора (часто в обиходе именуемого Европейской конституцией). Текст документа был представлен председателем Европейского конвента В. Жискаром д'Эстеном на саммите в Салониках 20 июня 2003 г., и последующие месяцы польская политическая элита обсуждала, какую позицию должна занять страна по отношению к договору. Главным пунктом, не устроившим польский политический класс в целом, вне зависимости от взглядов и партийной принадлежности, было предложение заменить существовавшую систему голосования в Совете ЕС (принятую на саммите в Ницце в конце 2000 г., которая давала Польше 27 голосов — всего на 2 меньше, чем Германии) на систему двойного большинства (за принятие решения должны проголосовать свыше 50% государств, представляющих не менее 60% населения ЕС). 18 сентября при обсуждении договора в Сейме один из лидеров либеральной «Гражданской платформы» Я. М. Рокита, требуя от правительства защищать прежнюю систему голосования, выдвинул звучный лозунг «Ницца или смерть». Эти слова встретили неоднозначную реакцию (система голосования в Совете ЕС — не та ценность, за которую надо умирать), но, в сущности, все были согласны, что нововведение выгодно лишь крупным государствам и уменьшает возможность Польши влиять на принятие решений в ЕС. Сейм обязал правительство не соглашаться на реформу ниццкой системы, включая возможность применения права вето. Прижатый к стенке премьер Л. Миллер на саммите в Брюсселе в середине декабря 2003 г. занял твердую позицию, что

⁹ Europa Solidarnych Narodów. Program polityki europejskiej Prawa i Sprawiedliwości [Official Site]. URL: <http://old.pis.org.pl/article.php?id=3331> (accessed: 30.09.2019).

привело к ожидаемому провалу переговоров — проект Конституционного договора не был подписан¹⁰.

Однако у ПиС имелся еще целый список претензий к договору, наиболее полно изложенный в упомянутой программе «Европа солидарных народов», из-за которых партия определяла его как «вредный для Польши и процесса европейской интеграции». Удаление из текста преамбулы формулы, апеллирующей к христианскому наследию европейской цивилизации, ПиС считала «актом идеологической экспансии противников христианства и традиционных ценностей», который «наносит удар по самим основам европейской культуры». Партия возражала против усиления позиций крупнейших государств и расширения компетенции институтов Евросоюза, что может стать угрозой для суверенитета государств-членов. Особенно ей не нравилось укрепление общей внешней политики ЕС, где вводилась возможность принятия решений большинством голосов, но также вызывало неприятие вмешательство ЕС в вопросы экономической политики, что представляло угрозу «экономической свободе в Польше», в вопросы культуры и образования. Кроме того, неприемлемой объявлялась ситуация, в которой европейское право ставится над польской конституцией, и ПиС требовала убрать из текста договора соответствующие положения. Общий вывод по Конституционному договору был следующим: он значительно ухудшает условия пребывания Польши в Евросоюзе, поэтому партия не может его одобрить и требует вынесения вопроса о его принятии на референдум¹¹.

Впрочем, к лету 2004 г. политические силы, выступавшие в Польше против Конституционного договора, остались в меньшинстве. Под давлением зарубежных партнеров, прежде всего Германии, польское правительство вынуждено было пойти на уступки. Оно, правда, добилось внесения корректив в принцип двойного большинства (он теперь формулировался как 55 % стран и 65 % населения) и на саммите ЕС в марте 2004 г. согласилось пойти на компромисс. Значительная часть депутатов Сейма поддержали это решение, придя к выводу, что умирать за Ниццу не стоит¹². В результате, как известно, Европейский совет 18 июня 2004 г. утвердил Конституционный договор, но тот так и не вступил в силу, поскольку был отклонен референдумами во Франции и Нидерландах в конце мая — начале июня 2005 г.

Сопrotивление принятию Конституционного договора наложило заметный отпечаток на имидж ПиС, поэтому, когда партия одержала победу на выборах 2005 г. и получила возможность сформировать правительство, она и внутри страны, и за ее пределами однозначно воспринималась как сила евроскептическая. Дополнительные краски к этому имиджу добавило то обстоятельство, что

¹⁰ Подробнее см.: *Bielawska A.* «Nica albo śmierć», czyli polski dyskurs polityczny na temat Traktatu ustanawiającego Konstytucję dla Europy i jego wpływ na stosunki polsko-niemieckie // *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne*. Poznań, 2012. № 2. S. 238–247.

¹¹ *Europa Solidarnych Narodów...*

¹² *Bielawska A.* Op. cit. S. 247–251.

ПиС не удалось заключить коалиционное соглашение с проевропейской «Гражданской платформой», что считалось накануне выборов вопросом почти решенным. Ей пришлось идти на союз с националистической «Лигой польских семей» и популистской «Самообороной», стоявших на откровенно антиевропейских позициях. Деятельность правого правительства не давала повода сомневаться в его отношении к ЕС. За два года пребывания ПиС у власти (2005–2007 гг.) Польша показала, что предпочитает ориентироваться на США, а не на европейских партнеров, ухудшились ее отношения с Германией, которую ПиС подозревала в имущественных претензиях к Польше и едва ли не желании пересмотреть итоги Второй мировой войны. В институтах ЕС страна отстаивала только собственные интересы, прежде всего финансовые, даже если они шли вразрез с общеевропейскими.

Но самое крупное столкновение с партнерами по ЕС произошло у правительства ПиС по поводу попытки принятия нового договора о евроинтеграции, казалось бы, похороненного референдумами во Франции и Нидерландах. Германия, получившая председательство в Евросоюзе в первой половине 2007 г., поставила своей главной целью принятие нового договора (он получил название Договор о реформе), который провел бы в жизнь положения европейской конституции. Одним из пунктов была отмена ниццкой системы и ее замена на двойное большинство. И президент Л. Качиньский, и премьер Я. Качиньский, и другие ведущие политики ПиС стали утверждать, что никакой новый договор Европе не нужен, так как имеющейся базы вполне достаточно для успешного функционирования Евросоюза. Однако в этом мнении Польша осталась в одиночестве, более того, ее позиция была воспринята как сопротивление дальнейшему углублению европейской интеграции и приданию ЕС большей эффективности. Когда выяснилось, что принятие нового договора неизбежно, Польша сделала еще одну отчаянную попытку предотвратить усиление позиции Германии, что делалось неминуемым с переходом на систему двойного большинства. Она предложила использовать разработанную учеными Ягеллонского университета в Кракове систему квадратного корня, в соответствии с которой государство получало количество голосов в Совете ЕС, вычисляемое в зависимости от квадратного корня из численности его населения. Этот способ голосования ослаблял позиции крупных стран, но зато был на руку средним государствам, таким как Польша. Впрочем, все усилия польской дипломатии найти союзников успехом не увенчались. Запоздалая инициатива квадратного корня была воспринята как анахроничская и антиевропейская. Оставшемуся в одиночестве на саммите в Брюсселе в июне 2007 г. президенту Л. Качиньскому пришлось уступить. Единственное, чего удалось добиться, — это возможность применения ниццкой системы до 2014 г.¹³

¹³ *Kuźniar R.* Droga do wolności. Polityka zagraniczna III Rzeczypospolitej. Warszawa: SCHOLAR, 2008. S. 282–283.

После проигранных парламентских выборов осени 2007 г. ПиС ушла в оппозицию, где, по наблюдению К. Зубы, ее критичное отношение к европейской интеграции только усилилось: «Программа 2011 г. приняла уже выраженный евроскептический характер — в ней указывалось гораздо чаще на угрозы, вытекающие из польского членства, чем на преимущества, причем последние ограничивались исключительно финансовыми вопросами»¹⁴. Особых оснований для роста евроскептицизма, казалось бы, не наблюдалось. Во второй половине 2000-х гг. Польша как раз начала ощущать практические выгоды от членства в ЕС, выражавшиеся в стремительном росте экономики и уровня жизни. Даже несмотря на разразившийся в конце 2008 г. серьезный финансово-экономический кризис, страна сохранила высокие темпы прироста ВВП, лишь в кризисные годы опускавшиеся ниже 3%. Благодаря этому Польша смогла заметно сократить отставание от переживающей затяжной кризис Южной Европы, обогнать Грецию и вплотную приблизиться к Португалии. Если к моменту вступления в ЕС показатели ВВП на душу населения в Польше составляли лишь около 50% от среднего значения по Евросоюзу, то в настоящее время страна имеет уже 70% от средневропейского уровня, рассчитывая в 2020 г. достичь отметки в 75%¹⁵. Одна из причин столь впечатляющих успехов — трансферты из бюджета ЕС. По объему полученной финансовой помощи в 2004–2018 гг. Польша находится на первом месте среди всех стран — членов Евросоюза. За это время она получила из фондов ЕС 159,4 млрд евро, сама выплатив при этом 52 млрд. Таким образом, за 15 лет дотации из европейского бюджета составили 107,4 млрд евро. При финансовом содействии ЕС было построено или модернизировано 15,5 тыс. км автомобильных дорог различного значения, 4,5 тыс. км железнодорожных путей, 7,5 тыс. км водопроводной сети. Кроме того, получили поддержку почти 60 тыс. бизнес-проектов, прошли переподготовку 22 тыс. учителей, оказана помощь 2,7 млн безработных и т. д.¹⁶

Большинство поляков понимают, каким благом для страны стало ее пребывание в Евросоюзе, поэтому их отношение к членству в ЕС неизменно остается положительным, причем доля сторонников Союза неуклонно растет. Если поначалу многие испытывали опасения, то за пятнадцать лет Польша с 90% высказывающихся за членство в ЕС превратилась в одну из наиболее проевропейских стран. Представление о степени поддержки членства в Евросоюзе дает следующая таблица (с. 128).

Разумеется, в ПиС не могут отрицать тех выгод, которые страна получила от членства в ЕС, и не видеть широкой поддержки евроинтеграции в польском обществе. Тем не менее можно утверждать, что крен партии в сторону евроскептицизма был обусловлен внутривнутриполитическими обстоятельствами. С уходом

¹⁴ Zuba K. Op. cit. S. 20.

¹⁵ 15 lat w Unii Europejskiej. Bilans członkostwa // Ministerstwo Inwestycji i Rozwoju. [Official Site]. URL: <https://www.gov.pl/web/inwestycje-rozwoj/15-lat-w-unii-europejskiej-bilans-czlonkostwa> (accessed: 08.10.2019).

¹⁶ Ibid.

Отношение граждан Польши к членству в ЕС, %¹⁷

Отношение к ЕС	2004	2009	2014	2019
Решительно поддерживаю	28	50	47	59
Скорее поддерживаю	35	35	39	32
Скорее против	16	7	6	4
Решительно против	13	2	3	1
Не определился	8	6	5	4

с политической сцены после проигранных выборов 2007 г. «Лиги польских семей» ПиС осталась единственной партией, позволяющей себе системную критику ЕС. Все попытки организации ей на правом фланге альтернативы не получили успеха — возникавшие группировки не становились прочными образованиями, не пользовались поддержкой избирателей и быстро поглощались ПиС. Для удержания своих позиций партии Я. Качиньского нужно было сохранить поддержку правого электората, который, в целом поддерживая пребывание Польши в ЕС, выражал обеспокоенность возможностью распространения идей, подрывающих традиционные ценности (разрешение аборт, эвтаназии, гомосексуальных браков и пр.). ПиС, делающая в своей идеологии ставку на защиту национальных и религиозных ценностей, стала рупором подобных настроений.¹⁷

Еще одной причиной дрейфа ПиС в сторону евроскептицизма стало ее противостояние с «Гражданской платформой», которое последние полтора десятилетия определяет политическую жизнь в Польше. Роли двух партий распределились совершенно четко: если «Платформа», находясь у власти, поддерживала либеральные идеи, видела основных партнеров в ЕС и Германии, а ее лидер Д. Туск смог занять высокий пост в Евросоюзе, будучи в конце 2014 г. избранным на должность председателя Европейского совета, то ПиС, оппонируя ей, должна была критиковать и ее политику на европейском направлении.

В программе, подготовленной ПиС к парламентским выборам 2015 г., «Гражданская платформа» обвинялась в том, что ее внешняя политика подчинила интересы страны интересам ЕС или более сильных соседей (т. е. Германии), что она ведет к размыванию функций государства и его институтов, что это ослабляет позиции Польши на международной арене. «Ошибочная политика правительства лагеря, — отмечалось в документе, — привела к ситуации, в которой сокращаются наши возможности влияния не только в мире или Европе, но даже в нашем ближайшем регионе и непосредственном соседстве. Польша стала пассивным наблюдателем и комментатором геополитических процессов, а не их соучастником, вовлеченным в процесс принятия решений... Отсюда

¹⁷ Источник: Poparcie dla członkostwa Polski w Unii Europejskiej i zainteresowanie wyborami do Parlamentu Europejskiego. Komunikat z badań CBOS 63/2019 // Centrum Badań Opinii Społecznej (CBOS). [Official Site]. URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2019/K_063_19.PDF (дата обращения: 08.06.2019).

первой и принципиальной целью внешней политики Польши будет возвращение субъектности нашего государства в международной политике и сфере безопасности». В своей европейской политике ПиС обещала добиваться следующих целей: порвать с политикой клиентелизма в отношении других государств, защищать польские стратегические интересы, а также национальную идентичность, традиции, культуру, образ жизни от «рискованных культурных элементов». Партия заявляла о намерении сохранить злотый в качестве национальной валюты, защищать интересы польской промышленности и изменить принципы оборота земель в пользу строгой защиты польской собственности. По мнению ПиС, «ответ на проблемы европейской интеграции не усиление интеграции или централизации, а расширение свободы и солидарности в Европе»¹⁸.

Неудивительно, что партия, пришедшая под такими лозунгами к власти осенью 2015 г., изначально была обречена на конфликты с руководством Евросоюза. А начатые ею преобразования в сфере судопроизводства и контроля над СМИ вызвали обвинения со стороны как Брюсселя, так и отдельных членов ЕС в нарушении европейских демократических норм¹⁹. Принятый правительством закон о реформе Конституционного суда получил отрицательный отзыв со стороны Венецианской комиссии Совета Европы, заявившей, что они ставят под угрозу «не только верховенство права, но также работу демократической системы»²⁰. В опубликованном в сентябре 2017 г. докладе фонда им. С. Батория делается вывод, что «Польша в настоящее время имеет наихудшие в истории отношения с Европейской комиссией и Европейским парламентом». Уже через три месяца после прихода ПиС к власти, в январе 2016 г., Европейская комиссия (ЕК) приняла беспрецедентное решение о возбуждении процедуры контроля над состоянием соблюдения правовых норм в Польше. В июне того же года она высказала негативное мнение о состоянии законности и демократии. Объяснения польского правительства были признаны неудовлетворительными, поэтому от него потребовали выполнения требований ЕК в течение трех месяцев. Срок впоследствии продлевался. Одновременно с этим Европарламент неоднократно (четырежды только за 2016 г.) обсуждал ситуацию в Польше и большинством голосов принял резолюцию, требовавшую ввести санкции в случае невыполнения требований ЕК²¹. Летом

¹⁸ Zdrowie. Praca. Rodzina. Program Prawa i Sprawiedliwości 2014. S. 149, 157–158. [Official Site]. URL: <http://pis.org.pl/dokumenty> (accessed: 07.10.2019).

¹⁹ Подробнее об авторитарных тенденциях в политике ПиС после 2015 г. см.: Глухова А. В., Савенков Р. В. Новый авторитаризм в польском облачении // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 181–191; Яжборовская И. С. Польша 2015–2016 гг. Хроника неоавторитарного реванша // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 49–65.

²⁰ Венецианская комиссия: Реформа КС Польши — угроза демократии // DW. 11.03.2016. URL: <https://www.dw.com/ru/> (дата обращения: 08.10.2019).

²¹ W zwarciu. Polityka europejska rządu PiS. Raport Fundacji im. Stefana Batorego. Warszawa, wrzesień 2017. S. 13–14. [Official Site]. URL: http://www.batory.org.pl/upload/files/pdf/W_%20zwarciu_%20-%20polityka_%20europejska_%20rządu_%20PiS_raport_%20Fundacji_%20Batorego.pdf (accessed: 09.10.2019).

2017 г. ЕК после принятия закона о Верховном суде запустила санкционную процедуру, ведущую к лишению Польши права голоса в Совете ЕС²². В ответ политики ПиС в своих выступлениях стали использовать откровенно анти-европейскую риторику. Польша оказалась фактически в состоянии холодной войны с Брюсселем, а в стране начались разговоры о возможностях Polexit (по аналогии с Brexit)²³.

Оппозиционные польские партии пытаются давить на тему отношений с ЕС, пользуясь его популярностью среди соотечественников, однако это не помогает им обойти ПиС. Если на парламентских выборах 2015 г. партия Я. Качиньского получила 37,5% голосов, позволивших ей сформировать правительство, то на выборах в Европарламент в мае 2019 г. она набрала более 45,3%, показав тем самым наивысший результат, достигавшийся какой-либо из партий III Речи Посполитой. При этом противники ПиС объединились под символическим названием «Европейская коалиция» с главным лозунгом восстановления позиций Польши в ЕС. Однако использование европейской карты не помогло оппозиции одержать победу, следствием чего стал развал коалиции вскоре после выборов. Парламентские выборы 13 октября 2019 г. подтвердили прочность позиций ПиС. Получив более 43,5% голосов, партия вновь имеет возможность формировать однопартийное правительство.

Причина успехов ПиС, критикующей ЕС, но не призывающей к выходу из него, кроется в том, что значительная часть польского общества далеко не всегда разделяет транслируемые Евросоюзом ценности, придерживаясь более консервативных установок. Оно опасается, что новые ценности, навязываемые ЕС взамен традиционных, уничтожат сложившиеся общественные структуры, в том числе семью. ЕС обвиняется в пропаганде сексуальных девиаций, в первую очередь гомосексуализма. Многим полякам кажется неприемлемой возможность легализации в Польше разрешенных в Западной Европе аборт, а также практики клонирования людей и эвтаназии, к чему та склонна относиться все более терпимо. Эти «моральные отклонения» противопоставляются христианским ценностям, которые пока еще сильны в Польше. Значительная часть польского общества с опасением относится к ограничению государственного суверенитета, которое вытекает из членства в ЕС, и подозревает Брюссель в попытке навязывания собственных интересов подобно тому, как ранее свои условия Польше диктовала Москва. Можно утверждать, что немалая часть польского общества, не разделяя ценностей ЕС, поддерживает его только потому, что связывает с ним надежды на экономическое благополучие. Но когда ЕС начнет что-то требовать взамен, не исключено, что его поддержка резко снизится.

²² ЕС запустил санкционную процедуру против Польши // RBC. 2017. 29.07. [Official Site]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/07/2017/597c81099a7947d69dcf7e57> (дата обращения: 08.10.2019).

²³ См., например: *Ostrowski M. Polexit // Polityka. Warszawa, 2016. № 19 (5.05–10.05). S. 12–14.*

Ярким примером тому стала проблема принятия беженцев с Ближнего Востока. Летом 2015 г. на фоне миграционного кризиса ЕК выступила с планом расселения беженцев в странах ЕС по квотам, что вызвало резкую критику со стороны ряда государств Центральной Европы, в том числе Польши. Я. Качиньский даже позволил себе не вполне корректные высказывания о том, что беженцы несут с собой болезни, из-за которых его политические оппоненты попытались возбудить дело о разжигании национальной и расовой ненависти. Сформированное ПиС правительство отказалось принимать мигрантов по квотам и сформулировало концепцию «эластичной солидарности», согласно которой прием беженцев должен осуществляться с учетом экономического развития государств и состояния их рынка труда²⁴.

Польское общество полностью солидаризировалось с позицией правительства: за предоставление убежища беженцам из стран, охваченных вооруженными конфликтами, выступила лишь треть поляков, причем только 4 % соглашались на их постоянное проживание в стране²⁵. Как изменится поддержка поляками членства в ЕС после того, как сократится поток денежных средств из европейского бюджета и стране самой придется вкладывать в него, а также нести на себе бремя возникающих перед Евросоюзом вызовов, довольно трудно предположить.

Еще одна проблема, с которой Польше предстоит столкнуться в обозримой перспективе в отношениях с Брюсселем, — переход на евро. Вступая в ЕС, Польша согласилась с тем, что в будущем примет единую европейскую валюту, однако сроки перехода не были оговорены, так как зависели от множества политических и экономических факторов. Финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. заставил распространиться с планами быстрого введения евро, поскольку показал, что страны, отказавшиеся от национальной валюты, оказались в крайне уязвимом положении, лишившись важнейшего инструмента макроэкономического регулирования. Переход на евро был отложен до более спокойных времен, а приход к власти ПиС и вовсе передвинул вопрос в крайне неопределенное будущее. Партия, отстаивающая суверенитет страны, не торопится передать Брюсселю рычаги финансовой политики, даже несмотря на то, что это ведет к ряду экономических издержек (затраты на обмен валют, разница в колебаниях валютных курсов, более высокие процентные ставки и пр.). Поляков пугает не только угроза утраты валютной самостоятельности, но и возможность резкого роста цен, который пережили соседи по региону, перешедшие на евро. Однако проблему так или иначе придется решать, если Польша не хочет оказаться на обочине европейской интеграции.

²⁴ О миграционной политике правительства ПиС подробнее см.: *Adamczyk A.* Kryzys migracyjny w Europie a polska polityka imigracyjna // *Studia Migracyjne — Przegląd Polonijny*. Kraków, 2017. Vol. 43. № 1. S. 307–331.

²⁵ Stosunek do przyjmowania uchodźców. Komunikat z badań CBOS 163/2017 // Centrum Badań Opinii Społecznej (CBOS). [Official Site]. URL: http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2017/K_163_17.PDF (accessed: 02.10.2019).

Постоянная критика польским правительством ЕС и его ставка на сопротивление всем нововведениям, ущемляющим государственный суверенитет, не могла не вызвать ответной реакции со стороны европейских партнеров. Те в очередной раз начали обсуждение концепции «Европы разных скоростей», в которой государства, желающие углубления интеграции, могли бы двигаться вперед, не дожидаясь остальных. В частности, такое мнение высказывалось на встрече лидеров Германии, Франции, Италии и Испании в марте 2017 г. в Версале. Однако эту идею правительство ПиС восприняло крайне негативно. Комментируя новости из Версаля, польские министры в один голос утверждали, что «Польша не согласится на какое-либо деление ЕС, которое могло бы привести к дезинтеграции общего рынка, Шенгенской зоны, а тем самым к дезинтеграции или разделу самого Евросоюза»²⁶.

Результатом четырех лет пребывания ПиС у власти стала утрата позиций, завоеванных Польшей в Европе в предыдущий период. Публицист М. Бронятовский отмечает: «Польша, которая до октября 2015 г. играла в Брюсселе роль более важную, чем позволяла ее реальная демографическая и экономическая мощь, была за эти четыре года практически отстранена от возможности влияния на принятие решений в ЕС и от доступа к высшим постам, а теперь еще может серьезно пострадать при разделе фондов в новом многолетнем бюджете Евросоюза». К крупнейшим поражениям Польши за это время он относит: начало ЕК процедуры лишения Польши права голоса в Европейском совете из-за нарушения демократических норм; продление в марте 2017 г. полномочий Д. Туска на посту председателя Европейского совета вопреки мнению правительства ПиС; отсутствие у Польши после майских 2019 г. выборов в Европарламент заметных постов в европейских властных институтах (как успех ПиС преподносит избрание на пост еврокомиссара по сельскому хозяйству Януша Войцеховского, но это вряд ли можно сравнить с теми должностями, что ранее были у представителей Польши); принятие положения, что так называемые делегированные работники (например, водители-дальнобойщики) должны получать при работе в странах Западной Европы зарплату, равную оплате труда местных рабочих, что бьет по интересам польских транспортных компаний; неспособность помешать строительству газопровода «Северный поток — 2»; сокращение дотаций для Польши в новом бюджете ЕС²⁷.

Однако ПиС не подвергает сомнению необходимость продолжения прежней политики в отношении ЕС. В своей программе, подготовленной к выборам 13 октября 2019 г., партия заявляет, что полученная ею поддержка избирателей на майских выборах в Европарламент наглядно свидетельствует о правильности ее курса. Она обещает и далее противостоять невыгодным для Польши

²⁶ W zwraciu. Polityka europejska rządu PiS... S. 17–18.

²⁷ Broniatowski M. Polska ma w Unii gorszą pozycję niż miała cztery lata temu, kiedy władzę objął PiS [OPINIA] // Onet Wiadomości. 11.10.2019. [Official Site]. URL: <https://wiadomosci.onet.pl/tylko-w-onecie/podsumowanie-rzadow-pis-polska-w-unii-europejskiej/h430f43> (accessed: 12.10.2019).

решениям в миграционной, сельскохозяйственной, энергетической, социальной сферах. Она отрицает как федералистские, так и дезинтеграционные (аналогичные «Европе разных скоростей») проекты. Она выступает за расширение бюджета ЕС, поскольку только в этом случае политика сплочения и сельскохозяйственная политика будут опираться на принципы справедливости, равенства и помощи слабейшим регионам. ПиС хочет сильной Европы и намерена бороться с кризисными явлениями в ЕС, но тот должен вернуться к своим истокам и стать союзом суверенных государств, отбросив федералистские устремления, поскольку именно в них кроются причины охватившего Европу кризиса²⁸.

При всех издержках европейской политики ПиС трудно спорить с тем, что в настоящее время взгляды партии на линию поведения Польши в отношении Евросоюза наиболее близки польским избирателям, и это является одним из факторов, которые позволяют партии удерживаться у власти.

²⁸ Polski model państwa dobrobytu. Program Prawa i Sprawiedliwości 2019. S. 183–184. URL: <http://pis.org.pl/dokumenty> (accessed: 10.10.2019).

Глава 9

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШИ

Отношения с римско-католической церковью — важный фактор политической жизни в Польше. Из 13 праздничных выходных в стране 9 имеют религиозный характер. Ежегодно государственные органы помогают организовывать паломничества, а в школах, больницах и органах власти висят распятия (нередко — также и портреты Иоанна Павла II). Церковь обладает привилегиями в области налогообложения. Ежегодно государство перечисляет на ее нужды от 1 до 5 млрд злотых.

Церковные иерархи регулярно обращаются к парламентариям по поводу защиты христианских ценностей в области семейного права, эвтаназии, искусственного оплодотворения и аборт. Епископат и отдельные его представители не боятся высказываться по политическим вопросам.

Такое положение дел имеет исторические предпосылки. Фундаментальная роль католической церкви в сохранении национальной традиции, когда Польша была лишена независимости, превратили поляков в один из наиболее религиозных народов Европы. С этим вынуждены были считаться даже руководившие страной коммунисты, так и не сумевшие построить епископат в бюрократическую номенклатуру, как это произошло в СССР и в государствах советского блока. А после избрания в 1978 г. римским папой архиепископа краковского Кароля Войтылы клир и вовсе превратился в неуязвимого оппонента правящего в ПНР режима. Появление независимого профсоюза «Солидарность» и последующий крах социализма во всеобщем мнении напрямую проистекали из этой роли польского духовенства.

В мае 1989 г., сразу после переговоров за круглым столом представителей властей и оппозиции, правительство М. Раковского подписало с епископатом соглашение, по условиям которого церковь обрела юридическое лицо, а духовенство получило доступ к общегосударственным СМИ, в тюрьмы, больницы, воинские части и школы. В учебные программы со следующего года возвращались факультативные уроки Закона Божьего. Тогда же Варшава установила дипломатические отношения с Апостольской столицей. Однако конкордат был заключен лишь в 1993 г., а ратифицирован и того позже — в 1998 г. Препятствием служила деятельность левых, опасавшихся клерикализации общества. В частности, они выступали против государственного финансирования

учителей Закона Божьего в школах и субсидирования церкви из бюджета (что оговаривалось в конкордате).

Достигнутая в мае 1989 г. свобода вероисповедания привела к возрождению старых организаций католиков-мирян, распущенных после войны, и появлению новых. Самой динамично развивающейся оказалась структура, созданная в Торуни монахом-редемптористом Т. Рыдзыком. Ее ядром стала радиостанция «Радио Мария», созданная в 1991 г. Затем к радиостанции добавились газета «Наш дзенник» и телеканал «Трвам». Медийный концерн отца Рыдзыка охватил своим вещанием всю страну и стал серьезным фактором как религиозной, так и политической жизни, объединяя миллионы приверженцев традиционных ценностей и противников либерализма. Особенно большой популярности Т. Рыдзык добился среди пенсионеров, чей характерный головной убор — мохеровый берет — превратился в неформальное обозначение всех слушателей «Радио Мария». В своих передачах и статьях Т. Рыдзык и его сотрудники обличают секс-меньшинства и бесконтрольную рыночную экономику, выступают с критикой круглого стола 1989 г. за его «половинчатость», разоблачают «козни» левых и левоцентристских сил по всей Европе и допускают антисемитские выпады. Несмотря на холодное отношение к своей деятельности со стороны некоторых церковных иерархов, отец Т. Рыдзык пользуется поддержкой немалой части клира, а также Ватикана.

Противоположный фланг занимает, например, краковский еженедельник «Тыгодник повшехный», который ратует за «открытый католицизм», толерантность и приспособление католической морали к требованиям времени (в частности, в вопросе контрацепции). Большой резонанс вызвал запрет на общение со СМИ, который дважды (в 2011 и 2017 гг.) налагался главой ордена марианов на ксендза А. Бонецкого — многолетнего редактора польской версии «Оссерваторе романо» и «Тыгодника повшехного». Вина Бонецкого заключалась в публичной защите музыканта Адама «Нергала» Дарского, обвиненного в оскорблении чувств верующих и в сочувственных высказываниях о самосожжении П. Щенсного, совершенном в знак протеста против линии партии «Право и справедливость» (ПиС), которая пришла к власти в октябре 2015 г.

Серьезным вызовом для духовенства и католиков-мирян явился закон о люстрации и архивные разыскания сотрудников Института национальной памяти, созданного для изучения польской истории периода ПНР и фашистской оккупации. Клир всегда оказывал поддержку тем политикам, которые выступали за повсеместную люстрацию и полноценный расчет с коммунистическим прошлым. Однако жертвами такого подхода внезапно оказались сами священники и монахи, немалая часть которых сотрудничала в том или ином виде со спецслужбами социалистической Польши. В числе тех, кого обвинили по закону о люстрации, оказался, например, заместитель секретаря епископата Е. Домбровский, опекун польских паломников в Риме К. Хеймо и даже первый капеллан «Солидарности» Г. Янковский. В свою очередь, методика работников

Института национальной памяти вызвала обвинения в предвзятости и политической ангажированности со стороны двух доминиканцев, некогда вовлеченных в диссидентскую деятельность, — Л. Вишневого и Я. Салия.

Заклучение конкордата и запрет абортв

Епископат играл роль посредника в переговорах за круглым столом и оказался в гуще политической борьбы на первых свободных выборах главы государства в ноябре — декабре 1990 г. Во второй тур тогда наряду с лидером «Солидарности» Л. Валенсой неожиданно прошел миллионер-реэмигрант из Канады С. Тыминьский. Поскольку Валенса выступал с христианских и патриотических позиций, Тыминьский попытался заручиться поддержкой левых и левоцентристов. В частности, он выступил против запрета абортв, на чем настаивал «лагерь Солидарности» при поддержке духовенства и римского папы Иоанна Павла II¹. Победил Валенса, однако в нижней палате парламента по-прежнему сидело немало представителей старой системы, почему законопроект о запрете абортв, уже одобренный Сенатом, был отклонен Сеймом в мае 1991 г.

Дискуссия об абортвх являлась частью более широкого вопроса о месте церкви в условиях изменившегося строя. В мае 1991 г. на страницах либеральной «Газеты выборчей» нобелевский лауреат Ч. Милош категорически высказался за то, чтобы церковь и впредь была отделена от государства, а вопрос абортв оставался личным делом граждан². Опасения насчет клерикализации высказывали даже католические деятели. Например, профессор Люблинского католического университета и близкий знакомый Иоанна Павла II С. Свежавский в марте 1992 г. дал интервью леволиберальному журналу «Политика», обратив внимание на невосприимчивость польской церкви к реформам, инициированным на Втором Ватиканском соборе³. Епископат же в заявлении от 2 мая 1991 г. обвинил польские СМИ в антицерковной кампании, развязанной в стиле минувшей эпохи.

Непосредственным участником этой дискуссии стал и римский папа Иоанн Павел II как уроженец Польши, к тому же сохранивший польский паспорт после избрания на Святой престол. Совершая в июне 1991 г. очередной визит на родину, он уподобил абортв Холокосту и вслед за польским епископатом напомнил о судьбе келецких иерархов, пострадавших от коммунистического режима, — намек был вполне прозрачный⁴. Журналисты же, в точности повторяя приемы времен ПНР, скрупулезно подсчитали, сколько потеряла экономика страны от отсутствия на рабочих местах верующих, ушедших слушать

¹ Dudek A. Historia polityczna Polski 1989–2012. Kraków: Znak, 2013. S. 136.

² Moskwa J. Droga Karola Wojtyły. T. III. W trzecie tysiąclecie. Warszawa: Świat Książki, 2011. S. 71–72.

³ Ibid. S. 179–180.

⁴ Ibid. S. 65.

папские мессы⁵. Вдобавок правительство либерала Я. Белецкого попросило гостя отказаться от планов отдохнуть несколько дней в Татрах, чтобы не отягощать бюджет страны и не дразнить прессу⁶. Еще раньше, 5 февраля, телевидение отказалось вести прямую трансляцию приема новоизбранного президента Валенсы у римского папы, ограничившись кратким сообщением о нем в вечерних новостях. И лишь спустя пять дней, в воскресенье 10 февраля, после сигналов из Ватикана и президентского дворца по телевидению показали полную запись аудиенции (причем позаимствованную у итальянских коллег)⁷.

Досада от таких шагов его соотечественников не отпускала Иоанна Павла II несколько лет, усугубив донимавшее понтифика беспокойство по поводу пути, которым пошла свободная Польша. Посткоммунисты, которые вновь начали приобретать вес на волне экономических трудностей, переживаемых тогда населением, активно поднимали вопросы обязательности церковного брака и уроков Закона Божьего, пересмотра закона об абортах, сокращения финансирования церкви и приходских священников. Правда, за исключением сатирического журнала «Не», возглавляемого бывшим пресс-секретарем В. Ярузельского Е. Урбаном, резко антицерковные публикации были редки, но епископат старательно собирал их и отправлял римскому папе, нагнетая атмосферу. Иерархи и сами не отличались умеренностью. Вкупе с рядом сотрудников Люблинского католического университета они требовали уголовной ответственности за аборт как за убийство! Один из епископов сравнил разгоревшуюся борьбу с войной в Югославии⁸. Впрочем, и в самом епископате случались идейные расхождения. К примеру, тарновский владыка Ю. Жичинский или вспомогательный епископ краковского митрополита Т. Перонек часто говорили вещи, близкие взглядам либеральных СМИ, в то время как пшемысльский архиепископ Ю. Михалик ратовал за создание католической партии.

«Это правда, что сегодня в Польше СМИ определенной идеологической ориентации пытаются представить римского папу в негативном свете, — поделился в 1993 г. своими мыслями Иоанн Павел II с итальянским журналистом польского происхождения Я. Гавроньским в интервью “Ла Стампе”. — С другой стороны, следует заметить, что эта стратегия польских СМИ не отражает мнения всего католического народа. Нужно понять, откуда происходит столь критический настрой. По-моему, у его истоков стоит ошибочное понимание вхождения в Европу... Естественно, я не против так называемого вхождения Польши в Европу, но не согласен делать из этого что-то вроде фетиша, ложного фетиша. Согласно сторонникам этой концепции, вхождение Польши в Европу должно означать внедрение навязанной пропагандой ультралиберальной,

⁵ *Moskwa J.* Op. cit. S. 58–59.

⁶ *Weigel G.* Świadek nadziei. Biografia papieża Jana Pawła II. Kraków: Znak, 2000. S. 815.

⁷ *Moskwa J.* Op. cit. S. 50–51.

⁸ *Ibid.* S. 149, 177, 181, 182.

потребительской, лишенной всех ценностей системы... На самом деле, Польше нет нужды входить в Европу, поскольку она — ее часть, находится в самом ее центре. Польше следует передать Европе свои ценности, а не слепо приспосабливаться к западным нормам, перенимая худшие из них»⁹.

Под ценностями Иоанн Павел II понимал христианские заповеди. Когда 11 июля 1993 г. правительство возглавила католичка Х. Сухоцкая, его тревога немного остыла. Сразу активизировалась подготовка конкордата, который и был подписан 28 июля 1993 г. Еще раньше, в начале января 1993 г., правительство утвердило и закон об абортах, согласно которому делать их отныне позволялось лишь в случае опасности для жизни матери, тяжелых патологий плода или если беременность наступила вследствие изнасилования. Однако сообщение об этом в вечерних теленовостях было подано в весьма критичном духе, да еще с рядом неточностей, которые потом еще долго циркулировали в Польше, несмотря на публикацию полного текста договора.

«Церковь не перестала быть предметом пререканий, как и ее Основатель, — сказал Иоанн Павел II 15 января 1993 г. в речи перед польскими епископами. — Не только при атеистической диктатуре, но и сегодня учение церкви и ее участие в общественной жизни вызывает сопротивление определенных кругов... Свобода, понимаемая как произвол, свобода, оторванная от правды и блага, от Божьих заветов, становится опасной и ведет к порабощению... Свобода — это не моральный релятивизм, а ясные и прозрачные критерии морали. Поляки должны быть внутренне сильны, чтобы сопротивляться деморализации, которая катится на нас с разных сторон под видом современных трендов и освобождения. Так называемое “вхождение в Европу” не может вестись путем отказа от совести во имя превратно понятых плюрализма и толерантности. Это означало бы добровольное подчинение тоталитарному порабощению, тем более опасному, что добровольному»¹⁰. Речь понтифика не допускала разночтений: церковь — это моральный ориентир для всех, она должна давать оценку поступкам людей и организаций, но не участвовать в политической деятельности. При этом ей следует стоять на страже жизни (то есть бороться против аборт) и помогать малоимущим.

Кроме вопроса аборт тяжелой проблемой для польской церкви и римского папы стал конфликт вокруг женского кармелитского монастыря возле бывшего концлагеря Аушвиц. Монахини получили право основать там обитель еще в 1985 г. Однако это сразу вызвало обвинение со стороны мировой еврейской общности в стремлении «крестить Холокост». В 1987 г. в ходе переговоров в Женеве представителей Ватикана с деятелями международных еврейских организаций было решено, что возле территории концлагеря

⁹ Цит. по: *Moskwa J.* Op. cit. S. 70–71.

¹⁰ Речь Иоанна Павла II перед польским епископатом 15 января 1993 г. URL: http://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/pl/speeches/1993/january/documents/hf_jp-ii_spe_19930115_polonia-ad-limina.html (дата обращения: 21.02.2020).

появится межрелигиозный центр, а кармелитки переберутся в другое место. Но воплощение этого проекта затягивалось. 14 июля 1989 г. раввин из США А. Вайс с группой единомышленников, одетых в лагерные робы, пытался силой выгнать монахинь из Аушвица, а через два дня прибил к дверям резиденции краковского митрополита заявление: «...Перестаньте молиться за евреев, погибших в Шоа, дайте упокоиться им с миром как евреям». В ответ краковский архиепископ Ф. Махарский, к возмущению как евреев, так и многих католиков, отказался вносить свой вклад в строительство межрелигиозного центра. Масла в огонь подлило и неловкое высказывание примаса (главы) католической церкви в Польше Ю. Глемпа, который заявил 26 августа того же года: «Мы кое в чем виноваты перед евреями, но сегодня хотелось бы сказать: возлюбленные евреи, не обращайтесь к нам с позиции народа, стоящего выше всех остальных, и не ставьте нам условий, которые невозможно выполнить... Ваша сила в средствах массовой информации, которые во многих странах принадлежат вам. Пускай же они не служат разжиганию полонофобии». Эти слова вызвали бурю в обществе¹¹.

1993 г. значительно исправил подмоченную такими поступками репутацию церкви. Приближались памятные мероприятия в честь 50-летия восстания в Варшавском гетто, и некоторые еврейские структуры угрожали бойкотировать годовщину, если не будет положен конец спорам вокруг кармелитского монастыря в Аушвице-Бжезинке.

6 апреля понтифик сделал заявление по поводу юбилея восстания, призвав христиан и евреев отринуть взаимные предубеждения¹². 9 апреля римский папа обратился с отеческим вразумлением к кармелиткам, напомнив им о словах святой Терезы из Лизьё «быть любовью в сердце церкви». Именно во исполнение данного наказа, убеждал понтифик, и следует оставить здание бывшего австрийского театра, в котором предполагалось разместить монастырь. Монахини подчинились, но не успокоились. Спустя какое-то время возле бывшего концлагеря появились кармелитские кресты, что вызвало новые затяжные препирательства с евреями¹³.

Возвращение левых к власти

В сентябре 1993 г. убедительную победу на парламентских выборах одержали посткоммунисты (Союз демократических левых сил и Польская крестьянская партия), сформировавшие правительство во главе с В. Павляком. Новый

¹¹ Weigel G. Op. cit. S. 847; *Lecomte B. Pasterz*. Kraków: Znak, 2006. S. 382–383.

¹² Обращение Иоанна Павла II 6 апреля 1993 г. в честь 50-й годовщины восстания в Варшавском гетто. URL: http://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/en/messages/pont_messages/1993/documents/hf_jp-ii_mes_19930406_ebri-polacchi.html (дата обращения: 05.09.2018).

¹³ Weigel G. Op. cit. S. 848; *Moskwa J.* Op. cit. S. 131–132.

премьер 19 мая 1994 г. пообещал римскому папе ратифицировать конкордат, но не смог преодолеть сопротивление Сейма, как и президент Валенса. Левые образовали парламентскую комиссию, чтобы изучить вопрос, не противоречит ли конкордат польскому законодательству. Глава государства, со своей стороны, обратился в Конституционный суд, чтобы тот рассмотрел вопрос уже о самой комиссии — имел ли право Сейм ее создавать?¹⁴ Вопрос опять утонул в бесконечных разбирательствах.

Неутешительные для «лагеря Солидарности» результаты выборов заставили римского папу подозревать, будто к власти вернулись марксисты, которые опять развернули гонения на верующих, как во времена ПНР. Об этом он заявил 22 мая 1995 г. во время краткого визита в силезский город Сочув. Иоанн Павел II призывал земляков встать на защиту свободы совести, а точнее, свободы религии¹⁵. Источником столь искаженной информации, несомненно, являлись епископат и «Радио Мария». Понтифик еще укрепился в своем мнении, когда в ноябре 1995 г. победу на президентских выборах одержал представитель левых сил А. Квасьневский, одолевший вождя антикоммунистической революции Л. Валенсу, которого активно поддерживало духовенство. Новый президент так и не дождался поздравительной телеграммы из Ватикана в отличие от своего предшественника, получившего ее в первый же день. «Апостольская столица не комментирует выборы в других странах», — заявил пресс-секретарь Святого престола Х. Наварро-Вальс, отвечая на вопрос журналиста.

Новый президент демонстрировал добрые намерения. Говорил, что ратифицирует конкордат сразу после того, как Сейм утвердит новую конституцию. Но в то же время отозвал из нижней палаты парламента проект договора с Апостольской столицей, внесенный Валенсой, и отменил президентское вето на изменение закона об абортах. Как следствие, уже 30 июня 1996 г. Сейм опять частично легализовал аборты, позволив прерывать беременность женщинам, которые находились в стесненных материальных условиях. Сенат наложил свое вето, но нижняя палата преодолела его. Епископат громко выражал свое возмущение. В итоге 27 мая 1997 г., за четыре дня до начала шестого паломничества римского папы в Польшу, Конституционный суд признал поправку незаконной. Ранее, в апреле, парламент утвердил новую конституцию. Она сохранила положения конституции 1952 г. о светском характере государства. Однако в ней содержался конкордат 1993 г., который обязывал государство датировать католические учебные заведения, выделять средства на уроки Закона Божьего и школьные реколлекции. В положение о СМИ был введен пункт об уважении христианских ценностей.

¹⁴ *Moskwa*. J. Op. cit. S. 273.

¹⁵ Проповедь Иоанна Павла II во время мессы на холме Каплицувка в Сочувце 22.05.1995 // Интегрированная база папских текстов *ZiBaTePa*. [Official Site]. URL: <http://www.nauczaniejp2.pl/dokumenty/wyswietl/id/644> (дата обращения: 21.02.2020).

Таким образом, именно в период нахождения у власти левых определились основы функционирования церкви в Третьей республике. Причем были учтены все главные требования клира. Это говорило о весе духовенства и верующих, что подтвердила очередная апостольская поездка понтифика. Правительство левых во главе с В. Цимошевичем отнеслось к знаменитому земляку с такой предупредительностью, которой Иоанн Павел II не встретил со стороны «лагеря Солидарности» в 1991 г.

Однако политические симпатии наместника святого Петра все равно принадлежали правым как более идеологически близким. В июне 1996 г. оппозиция образовала политический блок «Предвыборная акция Солидарность». В ноябре более десяти тысяч сторонников «Солидарности» слетелись в Рим на празднование восемнадцатой годовщины понтификата Иоанна Павла II. 11 ноября, в День независимости, они стройными рядами ступили под своды базилики святого Петра. Их приветствовал архиепископ Т. Гоцловский — главный капеллан польских рабочих. «Солидарность — это не пустой лозунг и потому, борясь за права человека, всегда будет защищать тех, кому грозит опасность», — провозгласил он, имея в виду закон об абортax¹⁶.

На парламентских выборах в сентябре 1997 г. «Предвыборная акция Солидарность» одержала победу, сформировав коалиционное правящее правительство во главе с Е. Бузек. Однако развить успех не удалось: на президентских выборах 2000 г. Квасьневский успешно переизбрался, несмотря на то, что телевидение распространило незадолго перед выборами видеозапись трехлетней давности, на которой руководитель контрразведки, выходя из вертолета, шутливо перекрестил встречающих по образцу Иоанна Павла II, а затем, подбадриваемый Квасьневским (который вышел вслед за ним), еще и поцеловал землю, повторив традиционный жест римского папы в его путешествиях.

В 1998 г. отмечалось двадцатилетие понтификата Иоанна Павла II. В Рим принять участие в торжественной мессе съехался почти весь польский епископат, большое количество священников, а также верхушка политического бомонда: президент Квасьневский, премьер Бузек, председатели обеих палат парламента, депутаты, главы воеводств, мэры Варшавы и Кракова. В 18 часов 44 минуты, когда кардинал-протодьякон двадцать лет назад огласил имя нового понтифика, над площадью Святого Петра разлился звон «Сигизмунда» — главного колокола на Вавельском соборе Кракова, откуда телемост вел прямую трансляцию¹⁷. Все это являлось красноречивым свидетельством веса понтифика, а равно и римско-католической церкви, в общественной жизни Польши.

Однако сам римский папа считал, что влияние церкви недостаточно. 11 июня 1999 г., закрывая в Варшаве Второй пленарный синод польских епископов, он призвал активно нести в массы слово Божие, не ограничиваясь

¹⁶ *Moskwa J.* Op. cit. S. 289.

¹⁷ *Ibid.* T. IV. Do Domu Ojca. Ostatniadekada. Warszawa: Świat Książki, 2011. S. 38–40.

частной жизнью паствы. По мнению римского папы, воспринимать церковь как обычное учреждение, а веру — как вопрос личных убеждений нельзя, так как это означало бы возвращение во времена ПНР¹⁸.

В том же духе высказывались и участники Второго синода епископов Европы, собравшиеся 1 октября 1999 г. Иерархи (и понтифик в том числе) с горечью отмечали, что победа духа над материей, свершившаяся в 1989 г., в значительной мере растрчена. Диктатуры уступили место мафиям, а экономики стран Центральной и Юго-Восточной Европы так и не сравнялись с западными. Зато они разделили с ними общую беду — растущую безработицу. Вместо единения налицо всплеск национализма и государственного эгоизма. Причина же этого заключалась, по их мнению, в том, что «бархатные» революции не помогли преодолеть порочную версию гуманизма, при которой пунктом отсчета является человек, а не Бог. Радикальный либерализм в этом смысле ничем не лучше марксизма, как указывал, например, архиепископ Мадрида А. М. Роуко Варела. Епископ А. Носсоль из Польши, развивая эту логику, взялся отстаивать право церкви вмешиваться в политику, чтобы не оставлять ее на откуп посткоммунистам¹⁹.

К большому сожалению церковных кругов Польши, правящая коалиция скоро распалась, вновь уступив место левым. Это произошло в 2001 г. Таким образом, исчезли благоприятные условия для воплощения в жизнь всех этих призывов. Но и сама правоцентристская коалиция, хоть и опиралась на авторитет духовенства, не была склонна к клерикализации: в ее составе имелось немало либералов (например, заместитель председателя Сейма Д. Туск), а премьер принадлежал к лютеранской церкви и не слишком прислушивался к голосу католического клира. Нельзя забывать также, что президент и крупнейшая оппозиционная партия относились к левому флангу и могли серьезно затормозить любые инициативы по сближению власти и церкви.

В январе 2001 г. Д. Туск вместе с двумя единомышленниками основал либеральную партию «Гражданская платформа» (ГП). Впрочем, это был особый польский либерализм, с налетом традиционализма. Так, в противность типичным либералам, ГП выступила против абортот и эвтаназии, а в программу 2011 г. еще и включила пункт о защите христиан в других странах (очевидное следствие «арабской весны» и вызванных ею межконфессиональных конфликтов).

В мае 2001 г. развалилась «Предвыборная акция Солидарность». Часть ее членов перешла в ГП, но основная масса составила костяк новой партии ПиС, основанной братьями Лехом и Ярославом Качиньскими (первый — министр юстиции в правительстве Бузека, второй — влиятельный депутат нижней

¹⁸ Проповедь Иоанна Павла II в базилике Святейшего Сердца Иисуса 11.06.1999. URL: http://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/pl/homilies/1999/documents/hf_jp-ii_hom_19990611_warsaw-synod.html (дата обращения: 21.02.2020).

¹⁹ *Moskwa*. J. Op. cit. T. IV. S. 87–91.

палаты парламента). Таким образом, «лагерь Солидарности» окончательно распался на два крупных течения: либеральное и традиционалистское. Первое, связанное, прежде всего, с именем Д. Туска, дистанцировалось от церкви и выступало за открытость границ, всемерную интеграцию с Евросоюзом, свободу частной жизни и урезание социальных программ в пользу наращивания темпов экономического развития. Второе же, сформированное вокруг братьев Качиньских, плотно сотрудничало с епископатом, ратовало за широкую помощь малоимущим, негативно относилось к секс-меньшинствам и делало ставку на союз с США для повышения роли Польши в Европе.

Премьерство Бузека характеризовалось охлаждением отношений с Россией, и римский папа невольно приложил к этому руку, посетив в июне 2001 г. Украину. Московский патриархат отнесся к визиту крайне негативно, видя в нем новый (после легализации униатов в 1990 г.) этап наступления католичества на каноническую территорию Русской православной церкви. Отношения еще более ухудшились в феврале 2002 г., когда Иоанн Павел II утвердил четыре новые церковные провинции: в Москве, Саратове, Иркутске и Новосибирске. На этот раз к реакции патриархии присоединился и российский МИД: в апреле того же года без объяснения причин из страны выдворили иркутского епископа Е. Мазура (польского гражданина).

Евроинтеграция

«Я глубоко убежден, что если бы не Ты, мир был бы другим, а Лех Валенса не стал бы Лехом Валенсой», — написал бывший лидер «Солидарности» в 2000 г., поздравляя Иоанна Павла II с восьмидесятилетием²⁰. Мнение спорное, но то, что понтификат К. Войтылы вознес Польшу на глобальный уровень, несомненно. Польские артисты и ученые на аудиенциях римского папы, польские флаги на папских литургиях, польские статьи на страницах итальянской прессы — все это стало обыденностью за те двадцать семь лет, что Иоанн Павел II руководил римско-католической церковью. Имена польских подвижников Фаустины Ковальской, Рафаила Калиновского и брата Альберта Хмельевского узнал весь католический мир, а польские политики стали завсегдатаями ватиканских мероприятий.

На рубеже тысячелетий, когда Иоанн Павел II отмечал великий юбилей, польская нота звучала в ряду самых громких. На специальной сессии синода европейских епископов в 1999 г. одним из трех его вице-председателей был краковский архиепископ Ф. Махарский, а одним из двух специальных секретарей — люблинский владыка Ю. Жижинский. И это не считая самой польской делегации во главе с примасом Глемпом и того факта, что председателем синода также был поляк (римский папа). Не терялись поляки и в скопище

²⁰ Ibid. S. 200.

католиков-мирян. На юбилей апостольства светских лиц в конце ноября 2000 г. прибыло немало земляков Войтылы, в том числе бывшие премьеры Мазовецкий и Сухоцкая, а также глава польского Центробанка Х. Гронкевич-Вальц, которая в 1995 г. при поддержке нескольких католических движений неудачно боролась за кресло президента²¹. Польские иерархи теперь принадлежали к числу самых влиятельных деятелей церкви, к полякам обращались за мнением касательно того или иного решения понтифика. День рождения Иоанна Павла II в 2000 г. и последующие месяцы превратились в подлинные дни Польши в Риме: выступления фольклорных ансамблей на площади Святого Петра, массовое паломничество поляков во главе с политической верхушкой, телемосты с Вадовицами и Краковом, наконец, интервью режиссера К. Занусси (снявшего целых три фильма о Войтыле) газете «Коррьера делла Сера»²². Весь католический мир теперь обращал взор на Польшу, когда туда прибывал Иоанн Павел II. Все это еще раз демонстрирует, почему даже декларативные атеисты в Польше должны были принимать во внимание позицию духовенства.

Впрочем, не стоит и преувеличивать влияние клира. В 2009 г., то есть всего через четыре года после общенациональной скорби по Войтыле, 58 % опрошенных граждан Польши заявили, что не существует незыблемых понятий добра и зла, все зависит от конкретных обстоятельств, а значит, допустимы контрацепция, внебрачный секс, эвтаназия и аборт²³. В 2002 г. главный редактор журнала «Не» Е. Урбан, желчный ненавистник церкви, сподобился даже на демонстративное высмеивание Иоанна Павла II, назвав его «седовласым божком», «затухающим старцем» и «ватиканским Брежневым». Возмущенная общественность привлекла его к суду, но в защиту Урбана выступили «Репортеры без границ» и Международный институт прессы в Вене. Дело затянулось до апреля 2005 г., когда журналиста, явно под впечатлением недавней кончины Войтылы, все-таки признали виновным, хотя даже приглашенный судом эксперт церковного права выступал с иным мнением.

В сентябре 2001 г., за неделю до парламентских выборов, с амвонов звучало послание епископата, в котором только «самые ограниченные люди» (по выражению М. Раковского) не распознали бы рекомендации не голосовать за партию Квасьневского²⁴. Это отобрало у посткоммунистов несколько процентов, но не более. Они опять пришли победителями и сформировали правительство во главе с Л. Миллером.

Новый премьер-министр прибыл в Ватикан уже в начале января 2002 г. На папской аудиенции он подчеркнул свои заслуги в деле ратификации конкордата и всячески убеждал понтифика, что прежние разногласия, вызванные этим документом, канули в Лету. Ведущий польских теленовостей, рассказывая

²¹ Ibid. S. 223.

²² Ibid. S. 200.

²³ *Лькошина Л. С.* «Польско-польская война». Политическая жизнь современной Польши. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 174.

²⁴ Там же. С. 58.

о встрече, напирал на то, что очередное паломничество римского папы на родину состоится в 2003 г., как раз перед референдумом о вступлении Польши в ЕС. Дело в том, что против вхождения Польши в евроструктуры по разным поводам выступала немалая часть духовенства, зато активным поборником евроинтеграции был как раз Иоанн Павел II. Поэтому левые, которые ранее активно противодействовали налаживанию отношений с Ватиканом, блокируя запрет абортот и включение уроков Закона Божьего в школьную программу, обратились к авторитету римского папы.

Через неделю после разговора с Миллером Иоанн Павел II на встрече с дипломатическим корпусом похвалил введение единой европейской валюты и курс на расширение ЕС, но огорчился, что среди партнеров, которые, по мысли Европейского совета, должны были обсудить Лаакенскую декларацию о будущем ЕС (принятую 15 декабря 2001 г.), не были упомянуты сообщества верующих. Ранее Святой престол раскритиковал Хартию Евросоюза об основных правах, упрекнув ее авторов в умолчании о роли церквей и иных религиозных объединений. Не нравилась римскому папе и семейная политика ЕС (однополовые браки, абортот, манипуляции с эмбрионами)²⁵.

19 мая 2003 г. Иоанн Павел II дал специальную аудиенцию соотечественникам. «Не будет единства Европы, пока она не станет общей духом, — повторил он слова, сказанные еще в 1997 г. в Гнезно. — Этот прочнейший фундамент единства давало Европе и укрепляло в веках христианство со своим Евангелием, со своим пониманием человека и вкладом в историю народов. Это не присвоение истории. История Европы — огромная река со многими притоками. Ее богатство зиждется на разнообразии традиций. Основа европейского самосознания строится на христианстве... Мне известно, что есть много противников интеграции. Я ценю их заботу о сохранении культурной и религиозной самостоятельности нашего народа. Разделяю их беспокойство за экономический расклад, в котором Польша, разоренная годами грабительского хозяйствования минувшей эпохи, представляется страной с большими ресурсами, но с малыми возможностями. Должен, однако, подчеркнуть, что Польша всегда была важной частью этого сообщества, которое, правда, испытывает разного рода кризисы, но которое составляет единую семью народов, опирающуюся на общую христианскую традицию... Европе нужна Польша. Церковь в Европе взывает польской приверженности вере. А Польше нужна Европа»²⁶.

Референдум, состоявшийся 7–8 июня 2003 г., принес успех: более 77% проголосовавших высказались за вступление в ЕС (при явке 58,85%). Тем не менее сами поляки не испытывали эмоционального подъема от такого достижения. Прошедшие 13 июня 2004 г. первые в их стране выборы в Европарламент

²⁵ *Moskwa J.* Op. cit. T. IV. S. 304–306.

²⁶ Речь Иоанна Павла II 19 мая 2003 г. на церемонии канонизации Ю.С. Пельчара и У. Ледуховской. URL: http://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/pl/speeches/2003/may/documents/hf_jp-ii_spe_20030519_pelczar-ledochowska.html (дата обращения: 21.02.2020).

удивили самой низкой явкой среди всех членов ЕС — всего 20%. Причем второе место на выборах, вслед за либеральной партией ГП, заняли евроскептики из националистической «Лиги польских семей», а третьей пришла ПиС, основатели которой, хоть и поддержали членство в ЕС, ориентировались на взгляды все того же Иоанна Павла II и принципиально расходились с евробюрократией по поводу основ европейского единства.

Бывший президент Франции В. Жискард д'Эстен, возглавлявший комиссию по подготовке европейской конституции, полагал недопустимым включать в проект какие-либо упоминания о религии (хотя сам был верным католиком). Того же мнения держался и действующий глава Французского государства Ж. Ширак. Оба они представляли правый фланг, но в данном случае оказались в одной лодке с социалистами и другими западноевропейскими левыми²⁷. В Польше расклад был иной. Здесь находившиеся у власти посткоммунисты предпочитали не спорить с римским папой относительно принципов европейского единства. Квасьневский в мае 2003 г. даже прибыл с массами паломников в Рим на очередной день рождения Иоанна Павла II.

Польша с самого начала показала, что не будет смотреть в рот большим державам в ЕС. Поляки выступали за сохранение принципа «одна страна — один комиссар» в отношении формирования Еврокомиссии и, с подачи римского папы, настаивали на включении в преамбулу конституции ЕС упоминания о христианских корнях европейской культуры. Это требование не прошло, однако после провала голосования по конституции во Франции и Нидерландах в мае — июне 2005 г. вопрос отпал сам собой.

«Польско-польская война»: либералы против традиционалистов

2005 г. оказался во многом переломным для истории Третьей республики. 2 апреля скончался Иоанн Павел II, что вызвало новое усиление его культа и укрепление позиций церкви. Осенью состоялись парламентские и президентские выборы, оказавшиеся триумфом партии ПиС — наиболее близкой епископату политической силы. Правительство возглавил католический активист К. Марцинкевич, главой государства стал Л. Качиньский.

В ходе предвыборной кампании ПиС начала раскручивать образ «солидарной Польши», противостоящей Польше либеральной. Солидарность в данном случае отсылала не к одноименному профсоюзу, а к учению Иоанна Павла II. Беря на вооружение это понятие, лидеры ПиС тем самым выступали с программой помощи малоимущим, которую так и не воплотили левые. Недоверие к иммигрантам из исламских стран, категорическое неприятие абортов, эвтаназии, однополых браков и гомосексуализма, стремление сохранить национальные

²⁷ Weigel G. Kres i początek. Papież Jan Paweł II — zwycięstwo wolności, ostatnie lata, dziedzictwo. Kraków: Znak, 2012. S. 361–362.

границы в Европейском союзе и постулат «солидарности» (т.е. бескорыстной помощи ближнему) — все это Качиньские почерпнули из наследия папы-поляка.

Опора на социальное учение церкви позволила ПиС заручиться поддержкой клира, что сыграло немалую роль в итогах выборов на фоне падения жизненного уровня и растущей безработицы: значительную часть прихожан составляли пенсионеры, болезненно переживавшие последствия экономической политики прежних правительств, особенно ввиду коррупционных скандалов.

Новый президент, Л. Качиньский, вместе со своим братом, лидером победившей партии, объявил курс на «моральную революцию» и построение Четвертой республики. Третья, т.е. посткоммунистическая республика, по мнению братьев, не оправдала ожиданий: вместо подлинной демократии и очищения от пережитков прошлого в ней произошел сплав бывшей правящей элиты с той частью «лагеря Солидарности», что исповедовала левые идеи, в результате чего возник единый «салон», который и руководил Польшей, игнорируя нужды малоимущих, причем опорой ему служили по большей части бывшие партократы, получившие «золотые парашюты» и обратившиеся в бизнесменов (что в целом соответствовало действительности). Отсюда, по утверждению Качиньских, происходили кумовство и коррупция, справиться с которыми ответственные органы не могли и не хотели, потому что были укомплектованы теми же сотрудниками, которые работали в них и при социализме. Лекарство от этого братья Качиньские усматривали в повсеместной люстрации, беспощадной борьбе со взяточничеством и пропаганде социального учения церкви²⁸.

Поначалу верхушка ПиС думала составить коалицию с ГП, но переговоры, проведенные в курии гданьского епископа, ничего не дали — Д. Туск отказался участвовать в построении Четвертой республики. В итоге ПиС образовала коалицию с «Лигой польских семей» и популистской «Самообороной», а когда через год союз дал трещину, стороны подписали «стабилизационный пакт» в эфире католического телеканала «Трвам»²⁹.

Торжество братьев Качиньских, впрочем, было недолгим. В ноябре 2007 г. коалиция распалась. Внеочередные выборы дали преимущество уже ГП. Кресло премьера занял Д. Туск, а ПиС превратилась в главную оппозиционную партию. В стране разгорелась настоящая «польско-польская война» между правоцентристами: ГП тяготела к дальнейшей евроинтеграции, снижению давления на бизнес и нормализации обстановки в стране после лихорадки «моральной революции», ПиС же и президент Л. Качиньский при поддержке духовенства без остановки атаковали правительство. Одновременно Качиньские не устали ссылаться на покойного понтифика. Например, в интервью польскому

²⁸ Лыкошина Л. С. Указ. соч. С. 143–144; Mazur K. Jarosław Kaczyński — ostatni rewolucjonista III RP. 18.01.2016. URL: <https://klubjagiellonski.pl/2016/01/18/jaroslaw-kaczynski-ostatni-rewolucjonista-iii-rp/> (accessed: 18.01.2020).

²⁹ Dudek A. Op. cit. S. 554.

еженедельнику «Факт» от 2 апреля 2010 г. Л. Качиньский заявил: «Европа должна помнить о великом послании Святого Отца, говорившего, что мир меняется, равно как и взгляды, но основой нашей цивилизации неизменно остаются Христос и десять заповедей. Это наши корни, и нам не следует от них отрекаться»³⁰. А его брат Ярослав в ноябре 2015 г., выступая на телеканале «Трвам», и вовсе сказал без обиняков: «В Польше не существует системы ценностей, которая соперничала бы с учением церкви. И мы либо поддерживаем это учение, либо впадаем в нигилизм...»³¹. Я. Качиньский уверен, что Иоанн Павел II не был доволен Третьей республикой. В Польше, по словам Я. Качиньского, «политика скачет от зондажа к зондажу, доминирует пропаганда, властный интерес, сиюминутные выгоды». Поэтому, выступая на пресс-конференции в Закопанах в апреле 2014 г., лидер ПиС призвал вспомнить знаменитые слова Иоанна Павла II, сказанные в 1979 г., — о том, что «Святой дух должен снова сойти и обновить землю»³².

Духовенство также выказывало явную неприязнь к правительству либералов, иногда доходя до крайностей. Особенно в этом усердствовало «Радио Мария» и его основатель, отец Т. Рыдзык. К примеру, в 2011 г. на семинаре по использованию геотермальных вод, организованном Европарламентом, приглашенный туда Рыдзык обрушился на польские власти за прекращение датирования созданного им фонда, заявив в запальчивости, что страной правят неполяки — пусть не по крови, но по духу. Годом ранее грянул скандал в люблинской епархии, где один из ксендзов превратил амвон в политическую трибуну и заклеил в проповеди и коммунистов, и либералов. За это он на полгода был лишен возможности читать проповеди, что вызвало большой резонанс и ожесточенную дискуссию в прессе³³. Люблинский священник оказался далеко не одинок в своем начинании. Например, еще в 1997 г. той же каре подвергли важную фигуру в новейшей истории Польши — первого капеллана «Солидарности» Г. Янковского, который оказался ярким антисемитом и врагом либерализма, а еще и активным противником вхождения Польши в ЕС. Священник основал фонд имени себя, председателем которого сделал лидера националистической организации «Всепольская молодежь» М. Ольховика. В 2009 г. фонд,

³⁰ Lech Kaczyński: Jan Paweł II był darem Boga dla Polski // Интернет-страница президента Польши. [Official Site]. URL: <http://www.prezydent.pl/archiwum-lecha-kaczynskiego/wypowiedzi-prezydenta/wywiady-krajowe/art,548,lech-kaczynski-jan-pawel-ii-był-darem-od-boga-dla-polski.html> (accessed: 21.02.2020).

³¹ Jarosław Kaczyński w Telewizji Trwam: Albo Kościół, albo nihilizm. Nie ma innego systemu wartości (22.10.2015). URL: <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/1,143907,19065875,jaroslaw-kaczynski-w-telewizji-trwam-albo-kosciol-albo-nihilizm.html> (accessed: 21.02.2020).

³² Kaczyński w Zakopanem: «Unia energetyczna to mrzonka» (25.04.2015). URL: <https://www.radiokrakow.pl/wiadomosci/krakow/kaczynski-w-zakopanem-unia-energetyczna-to-mrzonka/> (accessed: 21.02.2020).

³³ Лыкошина Л. С. Указ. соч. С. 181, 184–185.

и без того не раз оказывавшийся в центре скандалов, обанкротился, а гданьский митрополит запретил ксендзу заниматься коммерцией.

Когда же в апреле 2010 г. Л. Качиньский с супругой погибли в авиакатастрофе у Смоленска, духовенство настояло, чтобы президентская чета упокоилась в Вавельском соборе Кракова, среди королей и величайших поэтов Польши. Такое соседство далеко не всем пришлось по вкусу — многие увидели в этом попытку клира поднять рейтинг ПиС. Например, режиссер А. Вайда обратился с открытым письмом к архиепископу Кракова С. Дзивишу с призывом не погребать Качиньского на Вавеле. Однако погибший президент и его супруга все равно нашли пристанище именно там, причем их погребение прошло с почестями, напоминавшими похороны Ю. Пилсудского. В лояльной ПиС прессе повелось говорить о Л. Качиньском как о «павшем» на посту. Многие сторонники ПиС даже заподозрили премьера Д. Туска в тайном сговоре с российскими властями для устранения президента. Перед зданием резиденции главы государства (чье кресло занял член ГП Б. Коморовский) радикалы установили «Смоленский крест», возле которого проходили ежедневные митинги. Лишь спустя много месяцев крест удалось убрать, для чего пришлось пустить в дело полицию.

Смоленская трагедия явилась водоразделом в истории современной Польши. Она тенью легла на внутривнутриполитическое соперничество, придав оттенок истерии межпартийной борьбе. ПиС использовала гибель Л. Качиньского для поддержания своего образа главного защитника национальных интересов страны, при этом норовя изобразить своих противников предателями и агентами влияния России и Германии. Широкое хождение получило высказывание Я. Качиньского о Польше как о «российско-германском кондоминиуме», в который страна, по его словам, превратилась под властью ГП. Не отставала и радикальная часть клира, не скупившаяся на эпитеты в отношении Туска и Коморовского. В стране заговорили даже о появлении «смоленской секты» — группы одиозных приверженцев ПиС, слепо верящих в теорию заговора.

В августе 2012 г. Польшу посетил патриарх всея Руси Кирилл, подписавший в Королевском замке Варшавы совместное обращение польского и российского епископатов с призывом к примирению двух народов. Это беспрецедентное событие широко освещалось в польской прессе, уверенной, что оно не могло произойти без одобрения Кремля, хотя российские власти и воздержались от комментариев (зато сановного гостя принял президент Б. Коморовский). Прелюдией к нему послужил визит в Польшу представителей РПЦ, в том числе монахов из Осташковского монастыря (где в 1940 г. содержалась часть пленных поляков, расстрелянных в Катыни), совершенный в конце сентября 2009 г. по приглашению местного епископата. Православная сторона тогда выступила с инициативой совместного обращения к папствам, напомнив о письме, которое в ноябре 1965 г. польские иерархи отправили немецким, написав им: «Мы прощаем вас и сами просим прощения». Переломным этот визит не стал, обозначив, скорее, общую обеспокоенность двух церквей судьбой

христиан в мире и конкретно на Ближнем Востоке, где вследствие свержения американо-британскими силами иракского диктатора С. Хусейна и прокатившейся по ряду стран «арабской весны» произошла эскалация межконфессиональных конфликтов.

Ситуация на Ближнем Востоке и наплыв иммигрантов в Европу неожиданно сыграли на руку ПиС, которая в 2015 г. одержала двойную победу, проведя своего кандидата в президенты (А. Дуду) и получив возможность сформировать правительство без участия других политических сил. В отличие от ГП, склонной принять квоты ЕС на размещение иммигрантов, ПиС выступила категорически против этого. В ход шли самые разные аргументы. К примеру, в сентябре 2015 г. Я. Качиньский заявил в Сейме, что иммигранты могут принести шариат на польские земли³⁴, а спустя месяц в одном из интервью даже принялся пугать соотечественников болезнями, которые якобы разносят беженцы из стран Ближнего Востока³⁵. В стремлении не допустить распространения ислама в Европе он шел вслед за Иоанном Павлом II, который считал христианство залогом европейского единства и старательно умалчивал об арабском влиянии на европейскую культуру³⁶.

Клир оказался мощным подспорьем для ПиС в его вторичном походе во власть. К примеру, во время блокады оппозицией парламентской трибуны в знак протеста против ограничения работы прессы в Сейме, происходившей с 16 декабря 2016 г. по 12 января 2017 г., ряд епископов выступили с осуждением этих действий (что было явным вмешательством иерархов в политику). В свою очередь, ПиС пошла навстречу требованиям духовенства и попыталась в сентябре — октябре 2017 г. ввести полный запрет аборт в стране (правда, неудачно).

19 октября 2017 г. в центре Варшавы совершил акт саможжения 54-летний П. Щенсны. Это имя, никому еще вчера не известное, сразу же превратилось в символ протеста. Перед своим самоубийством Щенсны разослал в СМИ и разбросал вокруг себя листовки с манифестом, в котором объяснял мотивы такого поступка. По словам Щенсного, ПиС последовательно уничтожала гражданские свободы, навязывала людям «смоленскую религию» и сеяла ненависть ко всем несогласным, а другого способа открыть людям глаза и заставить их действовать, кроме столь показательной акции, протестующий не видел.

Саможжение Щенсного оказалось сильным моральным ударом по престижу ПиС, так как сразу вызвало ассоциации с аналогичными акциями

³⁴ Kaczyński przeciwny przyjęciu imigrantów. Ostrzega przed szariatem: Czy tego chcecie? (16.09.2015). URL: <http://wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/500599,sejm-kaczynski-przeciw-przyjeciu-imigrantow.html> (accessed: 21.02.2020).

³⁵ Kto przesadził? Kaczyński: Imigranci mogą przynieść nieznane choroby. Celiński: To język nazizmu! Mówiło się, że Żydki mają tyfus (13.10.2015). URL: <http://wpolityce.pl/polityka/268356-kto-przesadzil-kaczynski-imigranci-moga-przyniesc-nieznane-choroby-celinski-to-jezyk-nazizmu-mowilo-sie-ze-zydki-maja-tyfus> (accessed: 21.02.2020).

³⁶ *Leszczyńska K.* Cztery wizje Europy. Kraków: Nomos, 2009. S. 93.

протеста при власти коммунистов. Уже в день трагедии на площади, где он совершил самоубийство, прошел стихийный митинг. 2 ноября, в День всех усопших верных, на месте гибели Щенсного известные деятели культуры организовали встречу в его честь. Панихиду по нему отслужили известные своими либеральными взглядами священники — епископ Т. Перонек и ксендз А. Бонецкий. Оба в прошлом были близки Иоанну Павлу II, что имело огромное значение в глазах поляков.

Одним из центров противостояния властей и оппозиции стал Гданьск, где решался сложнейший вопрос, связанный с увековечиванием памяти скончавшегося в 2010 г. бывшего капеллана «Солидарности» Г. Янковского. В декабре 2018 г. возобновились обвинения против покойного священника в педофилии. Вскоре появились подозрения и в том, что один из героев антикоммунистической революции долгое время сотрудничал со спецслужбами ПНР. Городское самоуправление Гданьска в марте 2019 г. постановило убрать возведенный семью годами ранее памятник Янковскому и переименовать сквер, названный в его честь.

Скандал вокруг памяти Янковского наслои́лся на волну разоблачений священников-педофилов в польской церкви, что не только роняло ее престиж, но и наносило опосредованный удар по Пис как партии, наиболее близкой епископату. Первая громкая отставка, вызванная этим, случилась еще в марте 2002 г., когда сложил полномочия познанский митрополит Ю. Паэцц. Свою роль тогда сыграла пресса, причем разной идейной окраски: с разоблачениями архиепископа выступила как либеральная «Газета выборча», так и консервативная «Жечьпосполита», позднее ставшая рупором Пис³⁷. После этого на протяжении ряда лет были предъявлены еще несколько аналогичных обвинений, как правило, рядовым священникам. В 2013 г. под ударом оказался нунций в Доминиканской республике епископ Ю. Весоловский (уроженец Польши), уличенный не только в педофилии, но и в хранении на компьютере огромной коллекции детской порнографии³⁸. Этот иерарх был снят со своей должности и умер накануне церковного суда.

Однако лишь в 2018 г. поднялась настоящая кампания против злоупотреблений в польской церкви. В сентябре на кинофестивале в Гдыне был показан художественный фильм В. Смажовского «Клир», в саркастическом духе изобразивший жизнь польского духовенства. В премьерные выходные фильм посмотрело более 900 000 зрителей, что является лучшим результатом в истории польского кино.

7 октября, после полуторалетней работы, фонд жертв педофилии «Не бойтесь» представил интерактивную карту всех известных ему случаев растления

³⁷ *Moskwa J.* Op. cit. T. IV. S. 279–281.

³⁸ Ponad 100 tys. plików z pornografią dziecięcą w komputerach abp. Wesolowskiego (26.09.2014). URL: <https://wiadomosci.wp.pl/ponad-100-tys-plikow-z-pornografia-dziecieca-w-komputerach-abp-wesolowskiego-6027651083318401a> (accessed: 20.02.2020).

духовными особами малолетних в Польше (таковых набралось 266). 14 марта 2019 г. Конференция польского епископата опубликовала доклад обо всех случаях обращений к ней по поводу педофилии священников, включая и непроверенные³⁹. Эффект разорвавшейся бомбы вызвал фильм тележурналиста Т. Секельского «Только никому не говори», снятый на собственные средства и размещенный на сайте YouTube 11 мая 2019 г.⁴⁰ Он стал самым популярным интернет-фильмом в Польше в 2019 г. Хотя несколько епископов отказались давать интервью в ходе съемки, сразу после его появления о фильме с признательностью и пониманием отозвались примас римско-католической церкви в Польше митрополит В. Поляк и председатель Конференции польского епископата митрополит С. Гондецкий⁴¹. В деревне Лихень Старый, местонахождении крупнейшей базилики в стране, демонтировали памятник, изображавший Иоанна Павла II вместе с ксендзом Э. Макульским, одним из героев фильма, а сам священник был немедленно отстранен от духовной работы. Был опорочен скончавшийся за несколько месяцев до этого духовник Л. Валенсы Ф. Цебуля. Лишились сана и попали под суд ряд священников. В июне оппозиционная «Газета выборча» обвинила двадцать одного польского епископа в укрывательстве случаев педофилии среди подотчетных им священников⁴². Правящая партия, с одной стороны, взялась оградить клир от огульных обвинений, с другой же — уже через неделю после обнаружения фильма провела в Сейме закон, ужесточивший наказания для педофилов⁴³.

Какова же роль духовенства в современной Польше? Об этом кратко и емко сказано в книге социолога И. Кшеминьского, изданной в 2013 г.: «...Из союзника модернизации, демократизации и защиты прав человека [церковь] превратилась в необычайно острого критика “европейской порчи”, а права человека, которые ранее воплощала, переделала ныне в католический кодекс морали из минувшей, дособорной эпохи»⁴⁴.

³⁹ Opracowanie dot. zgłoszeń przypadków wykorzystania seksualnego małoletnich (14.03.2019). URL: <https://episkopat.pl/opracowanie-dot-zgloszen-przypadkow-wykorzystania-seksualnego-maloletnich/> (accessed: 20.02.2020).

⁴⁰ Фильм «Tylko nie mów nikomu» (с русскими субтитрами). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BrUvQ3W3nV4&t=1276s> (дата обращения: 20.02.2020).

⁴¹ Oświadczenie abpa Stanisława Gądeckiego po publikacji filmu Sekielskiego (11.05.2019). URL: <https://wiadomosci.onet.pl/kraj/oswiadczenie-abpa-stanislaw-gadeckiego-po-publicacji-filmu-sekielskiego/r9l8zfb> (accessed: 20.02.2020).

⁴² *Wójcik M.* Biskupi, którzy kryli księży pedofilów [RAPORT] (11.06.2019). URL: <https://wyborcza.pl/duzyformat/7,127290,24884600,biskupi-ktorzy-kryli-ksiezy-pedofilow-raport.html> (accessed: 20.02.2020).

⁴³ *Sobczak K., Matlacz A.* Sejm ekspresowo uchwalił dużą nowelizację kodeksu karnego (19.05.2019). URL: <https://www.prawo.pl/prawnicy-sady/zmiany-w-kodeksie-karnym-sejm-uchwalil-ustawe,416181.html> (accessed: 20.02.2020).

⁴⁴ *Krzemiński I.* Solidarność. Niespełniony projekt polskiej demokracji. Gdańsk: Europejskie Centrum Solidarności, 2013. S. 332.

Исключительно моральному весу Иоанна Павла II можно приписать запрет абортов в Польше. Без него в этой католической стране женщины столь же свободно избавлялись бы от плода, как и в других европейских государствах. Впрочем, насколько этот запрет действенен, показывают данные польской демографии: последние тридцать лет население практически не растет, а значит, поляки относятся к заветам своего великого земляка столь же беззаботно, как и католики в других развитых странах. Учение Иоанна Павла II соблюдается не более, чем кодекс строителя коммунизма в советском обществе. Однако это не мешает римско-католической церкви играть в Польше такую значительную роль, какую она, пожалуй, не играет ни в одной другой европейской стране.

Глава 10

ЛЕВЫЙ СПЕКТР ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ПОИСКАХ НОВЫХ РЕШЕНИЙ. КОНЕЦ 80-х — НАЧАЛО 90-х гг. XX в.

С момента краха в Чехословакии коммунистического режима прошло уже три десятилетия. За это время увидели свет многочисленные публикации, разного рода исследования, посвященные переломным историческим событиям. Их анализом, помимо историков, конечно же, занимались как государственные, так и частные СМИ, не говоря уже о политических деятелях. И сегодня можно услышать о них самые разнообразные суждения, при этом СМИ практически в один голос вещают о проходившей в то время беспощадной борьбе против тоталитаризма и участниках «бархатной» революции.

Тем не менее объективный анализ политического развития в 1989 г., а также воспоминания его участников позволяют составить не черно-белую, а несколько иную картину событий того времени. Внимание в главе концентрируется на тех акторах, которые пытались внести свой посильный вклад в грядущие в стране преобразования в русле реформы «реального социализма». Они понимали, что в ходе трансформаций режима, отягощенного множеством исторических проблем и случаев несправедливости, включая преступления, может произойти отрицание и того позитивного, что создалось в стране в период после 1948 г. К ним, помимо «серой зоны», можно отнести значительную часть представителей интеллигенции в рядах как коммунистической партии, так и некоммунистической оппозиции.

История этого течения вплоть до сегодняшнего дня практически не изучалась. Именно поэтому, благодаря СМИ, в стране продолжается формирование общественного мнения о победителях в «бархатной» революции, якобы сыгравших в событиях тридцатилетней давности исключительную и решающую роль.

В статье предпринята попытка проанализировать структуры левого спектра политической оппозиции, формировавшиеся в конце 1980-х — начале 1990-х гг., включавшие течения как внутри, так и вне Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ). В связи с этим можно привести следующее мнение: «В историческом процессе можно выделить различные длительные периоды, когда на первый план выходит одна из сил — левая или правая... Так, во Франции в течение ряда лет после окончания Второй мировой войны правые настолько скомпрометировали себя режимом Петена, что открыто поддерживать их практически не представлялось возможным. В аналогичной ситуации

оказались представители демократических левых сил в посткоммунистических странах после падения коммунизма. Нельзя назвать справедливым утверждение, что дифференциация по линии левые-правые в значительной степени минимизируется либо же вовсе исчезает»¹.

Кто такие левые?

Имеются различные взгляды относительно того, какие силы следует считать аутентичным левым движением. Единственными представителями аутентичных и последовательно левых сил в Чехословакии незадолго до первых свободных выборов в июне 1990 г. являлись, по утверждению журнала «Polarita», левые политические движения, возникшие до ноября 1989 г. вне рядов КПЧ в качестве независимых структур, т. е. «Левая альтернатива», Чехословацкое объединение анархистов и Клуб за социалистическую перестройку — «Возрождение».

Конечно, возможности и влияние левой оппозиции в период острого кризиса и распада бюрократической социалистической системы не следует переоценивать. Нужно сказать, что ее представляли не слишком многочисленные группы, в основном интеллигенция, отличавшаяся, в свою очередь, значительной гетерогенностью. Для граждан, принимавших участие в стотысячных демонстрациях в ноябрьские дни 1989 г., термины «левые» или «коммунисты-реформаторы» являлись в значительной степени скомпрометировавшими себя, оказавшимися в одночасье в тени гражданских движений во главе с Гражданским форумом (ГФ). Прежде всего, термин «левые» ассоциировался большей частью общества с павшим режимом. Следовательно, не оформившиеся в организационном плане гетерогенные представители левых сил не могли сыграть сколько-либо значимую роль, более того, они проигрывали и борьбу за время. В ходе распада системы, которая позиционировала себя левой и социалистической, представители ее определенной части — оппозиционные левые группы — интегрировались в структуры гражданской оппозиции (например, «Возрождение», обновлявшаяся социал-демократия и др.), представляя собой своеобразные «сводные движения»².

¹ Velký sociologický slovník. Praha: Univerzita Karlova, 1996. D. 1. S. 569. См. также: Schmidt M. G. Wörterbuch zur Politik. Stuttgart: Kröner Verl., 1995. S. 564–565.

² «Сводное движение — движение, представлявшее практически всю посткоммунистическую оппозицию, ставившую цель отстранения от власти коммунистической партии. В мировоззренческом плане оно являлось весьма гетерогенным и могло иметь различную внутреннюю структуру: от широкой коалиции политических партий вплоть до внутренне структурированного движения. Один из его примеров — Солидарность, изначально “неполитическое” профсоюзное движение». См: Cotta M. Building New Party Systems After the Dictatorship. The East European Cases in Comparative Perspective. Цит. по: Dostal R. Komparace formování systémů politických stran Česka a Polska (1989–1998) // Politologický časopis. 1999. № 3. S. 290.

Кризис режима нормализации, КПЧ и общества

Институциональный кризис коснулся партии в целом, а не только ее отдельных представителей. Говоря об институциональном кризисе, следует иметь в виду тотальный коллапс этой политической партии: ее принципов организации и способов функционирования, в том числе и номенклатуры, которая преследовала исключительно свои собственные цели, как, впрочем, и любая другая группа интересов. На более низких иерархических ступенях этот коллапс проявился в снижении активности, неспособности принимать какие-либо рациональные решения, поскольку приказы «сверху» уже не поступали. Внутренние экономические проблемы, нарастание кризисных явлений в соседних государствах советского блока, декларировавшееся преобразование КПСС и нежелание советских лидеров перестройки выразить свое отношение к событиям 1968 г. со ссылкой на тезис о невмешательстве во внутренние дела другого государства, а также международная обстановка, которая характеризовалась неуступчивостью Запада и ослаблением советского блока, — все эти факторы молниеносно подрывали квазистабильность чехословацкого «режима нормализации». Между ранее монолитными нормализаторами развернулась ожесточенная борьба за новый раздел властных позиций. Уже с начала 1980-х гг. в руководстве КПЧ, а также на других партийных уровнях (в основном на высших постах) выкристаллизовывались три течения.

Первое — прагматичное, олицетворявшееся в первую очередь председателем федерального правительства Любомиром Штроугалом. К этому течению относились в основном «квалифицированные профессионалы и технократы министерств, государственного и хозяйственного аппарата, крупных предприятий, высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов. Прагматики выступали прежде всего за проведение реформы, которая могла бы предотвратить экономический коллапс и угрожающее обострение социальных проблем; она могла бы привести к экономическому росту, повышению уровня жизни и стабилизации режима»³. Учитывая укоренившуюся «догматическо-идеологическую основу» «режима нормализации», которая во многом напоминала 1950-е гг., они вынуждены были действовать предельно осторожно, поскольку консерваторы в любой момент могли обвинить их в стремлении привнести в социалистическое общество капиталистические элементы и пр. В сложившейся ситуации интеллектуальный потенциал «прагматиков» не мог реализоваться в полной мере, поскольку, по сравнению с остальными течениями, их влияние оставалось крайне незначительным. К тому же их отличала значительная идейная дифференцированность. Верхушка менеджмента крупных хозяйственных комплексов не строила иллюзий о реальном состоянии общества и экономики. Нужно отметить, что именно руководители крупных

³ Prokš P. Konec jednoho experimentu. Krize a pád totalitního režimu v Československu 1968–1989. Praha: N&H, 1993. S. 53.

предприятий, а отнюдь не правительство или ЦК КПЧ, контролировали чехословацкую так называемую плановую экономику.

Второе течение — бюрократы-нормализаторы, представленные президентом ЧССР, а до 1987 г. — Генеральным секретарем ЦК КПЧ Густавом Гусаком. «Это течение, — пишет П. Прокш, — состояло в основном из номенклатурных деятелей партийного аппарата, начиная от высших и заканчивая местными органами коммунистической партии, которым именно нормализация, а также политические чистки открыли путь к карьере. Они отчаянно сражались за власть, не допуская каких-либо изменений, которые могли бы для них представлять угрозу»⁴. Они опирались на свой манифест — «Уроки кризисного развития»*, а также на законность и неизменность результатов нормализаторских проверок. Это были представители «другого класса», сумевшие воспользоваться моментом и занять позиции, которые, судя по их интеллектуальному потенциалу, они могли бы обеспечить себе лишь в исключительных случаях. Любая ревизия нормализаторских оценок 1968 г. представляла непосредственную угрозу их положению. «Разумеется, — продолжает этот автор, — это было для них неприемлемо. Для сохранения своих позиций они всегда поддерживали именно те течения, которые гарантировали им преимущество. Сила их состояла в том, что они владели организационной структурой коммунистической партии и имели решающее слово при принятии тех или иных постановлений КПЧ»⁵.

Третье течение — консерваторы во главе с Василем Биляком. Их ядро составляли в основном коммунисты-догматики из рядов партийных функционеров старшего возраста, в том числе даже участники событий февраля 1948 г. В подавляющем большинстве они стояли на пороге ухода из активной политической жизни, что, разумеется, сказывалось и на постепенном снижении их влияния. Всю свою жизнь они руководствовались канонизированной советской идеологией. Какое-либо отклонение квалифицировалось ими как «ревизионизм», нарушение «ленинских принципов» и «угроза социализму», а то и «контрреволюция». Разумеется, в 1989 г. они все еще продолжали оказывать значительное влияние на СМИ, культуру, систему образования и воспитания молодежи. *Экзистенциальный страх*, господствовавший в принявшем решении партийном аппарате, мешал ему предпринимать какие-либо шаги или подвергать что-либо сомнению. Этот страх, конечно же, являлся одним из мощнейших инструментов власти чехословацкого посттоталитарного режима.

В Чехословакии, где в руководящих органах — партийных, государственных или хозяйственных — с начала 1970-х гг. сформировался некий «другой класс» специалистов (о нем говорилось выше), которые оказались

⁴ Ibid.

* Имеется в виду принятый на пленуме ЦК КПЧ в декабре 1970 г. манифест консервативных сил в партии под названием «Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ».

⁵ Ibid. S. 54.

«наверху» в результате нормализационных чисток (то есть люди, родившиеся в 1940-х гг., а в конце 1960-х гг. — шестидесятники), назревала *смена поколений*.

Властные посты часто стремились занять потомки нормализаторов, которые по сравнению со своими родителями оказались более прагматичными. Речь шла о членах КПЧ младшего и среднего возраста, которые пока что занимали преимущественно низшие посты в партийных и государственных органах или же в хозяйственных структурах. «В начале нормализации многие из них делали карьеру в аппарате Социалистического союза молодежи, другие связали свои жизненные перспективы с режимом нормализации и относительно быстро поднялись по лестнице коммунистической номенклатуры на самые различные посты»⁶, — констатирует П. Прокш.

Эти представители, можно сказать, «союзнического направления», в отличие от своих родителей, получили не только более качественное образование, но зачастую уже успели познакомиться с западным миром. Они не собирались мириться с текущим второразрядным положением. К этой категории относились первый секретарь Городского комитета КПЧ (ГК КПЧ) в Праге Мирослав Штепан, председатель ЦК ССМ М. Дочкал, а также Васил Могорита, постноярбский лидер коммунистов (до 1991 г.).

Советский Союз и Чехословакия: последний звонок

Основные векторы новой советской внешней политики в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) на завершающем этапе существования блока сателлитов обобщил Михаил Горбачев на одной из последних встреч лидеров стран Варшавского договора в июле 1989 г. в Бухаресте, вскоре после выступления перед Европейским советом в Страсбурге. По его мнению, новая модель социалистического содружества должна базироваться на «единстве в многообразии», поэтому «каждая страна будет свободно проводить свою политику с использованием опыта остальных»⁷. Это выступление явилось кульминационным моментом советской внешней политики по отношению к своим союзникам в ЦЮВЕ. Встреча проходила в достаточно драматичной обстановке. По воспоминаниям ее участника Йозефа Ленарта, Николае Чаушеску выступил здесь с неожиданно «яркой защитой тезиса о единстве социалистических стран... Горькую исповедь Чаушеску я воспринял как последний звонок»⁸. Тогда самого Ленарта вывело из себя нежелание советской делегации детально обсудить ключевые вопросы совместных

⁶ Ibid.

⁷ Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989. № 14 (1 августа). С. 36.

⁸ Интервью Й. Ленарта пражскому корреспонденту московской газеты «Правда» // Rudé právo. 19.03.1993.

акций, поскольку, как утверждали ее члены, М. Горбачев торопился домой; Й. Ленарт же спустя годы расценил это как «своего рода предостерегающий сигнал».

Решение советского руководства не вмешиваться в дела других стран, включая союзников, поддерживал весь мир, в том числе и ряд представителей стран ЦЮВЕ. Эмигрант Зденек Млынарж, бывший однокурсник Горбачева в годы учебы в МГУ, ставший секретарем ЦК КПЧ в период Пражской весны, а позже — одним из инициаторов Хартии 77, видел эту проблему несколько по-иному. «Все же, — утверждал он, — одно дело невмешательство, а совершенно иное — открытая критика и стремление исправить ошибки своих предшественников»⁹. Млынарж высказал также мнение, что и в последние годы СССР мог бы проводить более продуманную политику в отношении восточноевропейских государств при условии его реабилитации в глазах хотя бы части их общественности. Однако долгожданные слова, касавшиеся, в первую очередь, осуждения вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г., прозвучали слишком поздно, когда граждане уже вышли на улицы. Млынарж придерживался следующей точки зрения: если бы советские представители предприняли некоторые шаги раньше, а Чехословакия приступила бы к реформированию, развитие в этих странах могло бы пойти по иному сценарию, а стихийности и непредсказуемости удалось бы избежать. Такой вариант развития позволил бы, по мнению Млынаржа, упрочить авторитет Советского Союза и просоциалистических сил внутри него.

Однако Москва не оказывала давления на руководство Якеша, не только отдавая тем самым сроки падения режима, но и способствуя своим псевдонейтралитетом эскалации конфликта, что вело к преждевременному форсированию темпов преобразований. Бывший советник последнего доноябрьского премьер-министра Л. Адамеца Оскар Крейчи оценивает эти итоги предельно критически. «Объединение Германии, — подчеркивает он, — демонстрирует, что свои дипломатические поражения Москва оправдывала и даже презентовала их как свою победу. Одновременно имело место некое отчаянное соперничество в доказательствах личной преданности Соединенным Штатам. Конечно, самой яркой чертой советской внешней политики по отношению к Восточной Европе являлся в 1989 г. изоляционизм — концентрация на углублявшихся внутренних проблемах, а также отказ от активного определения и отстаивания национальных интересов на международной арене»¹⁰.

⁹ Интервью З. Млынаржа // Литературная газета. 18.04.1990.

¹⁰ *Krejčí O. Proč to prasklo? Moskva a «sametová revoluce»*. D. 2 // Tvorba. 1991. Č. 2. S. 7. М. Горбачев в изданных в Германии воспоминаниях не представил более конкретных объяснений. В опубликованных беседах со З. Млынаржем он также избежал ответа на этот вопрос. См.: *Gorbačov M., Mlynář M. Reformátoři nebývají šťastní. Dialog o «perestrojce», Pražském jaru a socialismu*. Praha: Victoria Publishing, 1995.

Как ни парадоксально, все это привело в Чехословакии к отчаянным попыткам догматического руководства КПЧ во главе с Якешем упрочить свои пошатнувшиеся позиции. Оно продолжало проводить политику твердой руки как в отношении оппозиции, так и реформаторских сил в самой партии.

Институтов, которые во второй половине 1980-х гг. распространяли в Чехословакии информацию о развитии событий в Советском Союзе, было предостаточно. На вилле «Тереза», где в межвоенный период некоторое время работало представительство СССР, размещалось агентство «Новости». Оно передавало информацию по многим каналам, включая советскую прессу, в том числе журнал «Спутник», продажу которого в ГДР к тому времени уже запретили. Виллу посещали многие представители левых сил, в основном из окружения главы кабинета министров, например, Яромир Седлак, бывший ранее советником председателя правительства Л. Штроугала. Но даже здесь советские представители толком не знали, что у них дома, в Советском Союзе, происходит¹¹. Важно отметить, что СССР как социалистической сверхдержавы в 1989 г. уже не существовало. «Это государство оказалось неспособным определять и отстаивать свои внешнеполитические интересы. Это также означало, что любые попытки и намерения проводить реформы в Праге с опорой на реформистов в Москве равнялись самоубийству»¹², — констатировал О. Крейчи.

Динамика общественного мнения во второй половине 1980-х гг.

«Большинство населения, — писал чешский историк М. Отагал, — теряло веру в способность режима обеспечить качественное и, в первую очередь, количественное удовлетворение потребностей населения. Свою роль сыграл и углублявшийся разрыв между производительностью экономики в капиталистических странах и в странах советского блока, включая Чехословакию; его все в большей степени ощущали на себе граждане. Они уже не сравнивали свое положение с Первой республикой или с периодом 20-30-летней давности. В жизнь вступало новое поколение, которое не знало прошлое по собственному опыту, а официальная пропаганда уже попросту не работала»¹³.

Граждане стали сопоставлять свое социальное положение с развитыми странами, в первую очередь соседними; при этом они могли опереться и на личный опыт, поскольку получили возможность посещать западные страны, а в приграничных районах без проблем слушать радио, прежде всего, западногерманское, а также принимать австрийские телепередачи, не говоря уже об экспансии зарубежных видеокассет и пр. Они стали терять веру в возможность позитивного

¹¹ Беседа автора статьи с М. Гроссманом. 06.02.2018 // Soukromá sbírka Emila Voráčka.

¹² Krejčí O. Sametová revoluce. Praha: Professional Publishing, 2014. S. 31.

¹³ Otáhal M. Opozice, moc společnost 1969/1989. Praha: Historia nova, Maxdorf, 1995. S. 55.

развития чехословацкой экономики, которая, по их мнению, погрязла в «массштабных и долгосрочных проблемах».

Согласно проведенному в 1988 г. опросу, так полагали 70 % респондентов, 18 % опрошенных считали эти проблемы незначительными, а 1 % — указали на их отсутствие¹⁴.

«Режим нормализации» перестал выполнять главное условие некоего негласного, принятого большей частью граждан «общественного договора», предполагавшего обеспечение неуклонного роста жизненного уровня в стране. Население стало терять заинтересованность в режиме, о чем свидетельствуют результаты опросов общественного мнения о руководящей роли КПЧ. В итоге формировалось открытое критическое отношение к политической системе ЧССР: почти половина респондентов не считала ее демократической. В течение длительного времени нарастало недовольство и ведущей ролью партии. Если в 1986 г. ведущую роль КПЧ считали важной 67 % респондентов, а 23 % высказывали противоположную оценку, то в июне 1989 г. положительно ответил 41 % респондентов, а отрицательно — 37 %¹⁵.

На этот же вопрос граждане давали ответ и в конце ноября — начале декабря 1989 г. (уже в принципиально иной атмосфере, когда они могли беспрепятственно выражать свое мнение). Тогда ведущую роль КПЧ оценили позитивно только 14 %, а негативно — целых 82 % респондентов. Чешский исследователь М. Ванек пришел к следующему выводу: «Данные за четыре года до “бархатной” революции подтвердили всеобщее недовольство граждан КПЧ и отход от нее»¹⁶.

Иным было отношение населения к социализму, которое выглядело не столь драматично. В проведенных в ноябре — декабре 1989 г. исследованиях гражданам задавались вопросы об их представлениях относительно дальнейшего развития Чехословакии (таблица). Большинство респондентов предпочитало социализм (разумеется, в опросах этот термин не уточнялся), поскольку, с их точки зрения, он лучше обеспечивал социальные гарантии. Некоторые же отдавали предпочтение капиталистической системе по той причине, что она гарантировала гражданские свободы. Нельзя точно сказать, что именно граждане в тот момент подразумевали под традиционными терминами «социализм» или «капитализм», но все же результаты опросов указывали на их дифференцированную притягательность.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ См. некоторые итоги опросов общественного мнения, проведенные Институтом изучения общественного мнения при Федеральном статистическом управлении в Праге: *Tajný podkladový materiál pro 10. Zasedání ÚV KSČ v říjnu 1988*. S. 22; см. также: *Národní archiv* (далее NA). Praha. F. Archiv Ústředního výboru Komunistické strany Československa. Fond 01/1. Sv. 358. A. j. 204. Цит. по: *Otáhal M.* Op. cit. S. 55.

¹⁶ См.: *Vaněk M.* *Veřejné mínění o socialismu před 17. listopadem 1989. Analýza výsledků výzkumů veřejného mínění prováděných ÚVVM od roku 1972 do roku 1989.* Historia Nova sv. 5. Praha: Maxdorf, 1994.

Представления о развитии общества (в %) ¹⁸

Наше общество должно развиваться	23–24.11.1989	9–12.12.1989
По социалистическому пути	45	41
По капиталистическому пути	3	3
Нечто среднее между ними	47	52
Не определились с ответами	5	4

Проведенный опрос демонстрирует происходивший в обществе мировоззренческий сдвиг. К сожалению, в дальнейшем подобного рода исследования с аналогичными вопросами не проводились. Несмотря на значительные сомнения в том, каким, собственно, себе представляли граждане социализм или капитализм, можно сказать, что понятие «социализм» наряду с идеей о возможной функциональности третьего пути глубоко укоренилось в сознании граждан.

Выводы приведенного исследования, а также опубликованные по этой теме работы вовсе не свидетельствуют, что само понятие «социализм» в ходе исторического развития Чехословакии либо же непосредственно накануне ноября 1989 г. совершенно дискредитировало себя. «Как видно, — утверждают чешские авторы, — капитализм не привлекал наших граждан. Наиболее популярным явился компромиссный вариант — так называемый третий путь (хотя неизвестно, что под ним граждане в первые недели “бархатной” революции подразумевали). Этот вариант поддерживался главным образом молодежью — 59%» ¹⁸.

Скорость перемен в первые посленоябрьские дни демонстрируют и итоги опроса общественного мнения, проведенного 11 декабря 1989 г. На вопрос «С кем вы связываете надежды на будущее?» респонденты отвечали:

- 1) Гражданский форум — 80 %;
- 2) Аграрная партия — 50 %;
- 3) Чехословацкая социал-демократическая партия — 49 %;
- ...
- 5) Чехословацкая социалистическая партия — 47 %;
- 6) Чехословацкая народная партия — 45 %;
- 7) Демократический форум коммунистов — 32 %;
- ...
- 10) Коммунистическая партия Чехословакии — 16 %.

Процент поддержки КПЧ определял и ее избирательный потенциал на первых свободных выборах в июне 1990 г., когда партия получила 13,4 % голосов электората.

¹⁷ *Slejška D., Herzmann Z. a kol. Sondy do veřejného mínění (Jaro 1968, Podzim 1989). Praha: Svoboda, 1989. S. 51.*

¹⁸ *Ibid.*

Острый кризис и падение режима

Руководство КПЧ регистрировало признаки нарастания кризисных моментов, но особо на них не реагировало. Секретарь по идеологии ЦК КПЧ Ян Фойтик представил составленный в критическом ключе доклад о работе международной конференции, посвященной вопросам развития социализма, которая состоялась в Москве 4–6 октября 1988 г. Главная цель форума определялась как «настоятельность создания новой концепции теории социализма». Данный этап назывался «предкризисным состоянием во всех сферах общественной жизни», преодолеть которое нужно было не только «косметическими поправками»¹⁹.

В критическом 1989 г. якешевское руководство продолжало проводить импровизационную политику с единственной целью: оставаться как можно более продолжительное время у власти (можно сравнить эту ситуацию с развитием событий в Венгрии, Польше, а с другой стороны – в ГДР, Румынии, Болгарии). Следовательно, оно пыталось разрешить назревшие проблемы своими методами (идеологическими и силовыми, в частности, ростом полицейских репрессий). Власти однозначно демонстрировали свою неспособность урегулировать конфликт²⁰. Даже антипартийные выступления многочисленных групп населения не стали достаточным импульсом ни для проведения коренных изменений в руководстве, ни для принятия энергичных мер. Таким образом, вплоть «до последнего момента» ближайшее окружение Якеша даже не допускало мысли о том, что партия теряет поддержку населения, оторвалась от рабочего класса (посещение первым секретарем ГК КПЧ Мирославом Штепаном ЧКД спустя несколько дней после 17 ноября 1989 г., где его освистали; однако своим чванством Штепан только углублял пропасть между КПЧ и становившейся все более критически настроенной общественностью).

Позднее, в дни революционной недели после 17 ноября, консервативное руководство полностью пошло на поводу событий, стихийно отступая и не располагая необходимыми концепциями. Оппозиция, которая только тогда стала понимать, какой ей противостоит противник (которого, впрочем, все еще поддерживала значительная часть партии, органов безопасности, народная милиция), вводила «руководство партии» в стрессовое состояние, вплоть до апатии. Однако для более критически настроенной части партии поведение руководства не являлось столь неожиданным. Настоятельность процессов демократизации и экономической реформы уже в течение длительного времени выглядела более чем очевидной. В то же время консервативное руководство партии, а с 1987 г. и команда Якеша всячески демонстрировали, что настоящая перестройка не входит в их планы (разумеется, рядовые члены не знали о реформах, которые готовились определенными группами в ЦК). Критически настроенную

¹⁹ NA. Praha. F. ÚV KSČ. Předsednictvo ÚV KSČ. 22.11.1988.

²⁰ *Beyme K.* Systemwechsel in Osteuropa. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1994. S. 67–69.

часть коммунистов не устраивала реакция партии на события в Польше, в частности на выборы в Сейм, на развитие ситуации в Венгрии, на ее оценки позиции руководства СЕПГ во главе с Эрихом Хоннекером в ГДР, на ее отношение к активизации оппозиционной деятельности, на влияние диссидентов (особенно после публикации воззвания «Несколько слов»), а также на методы ее борьбы с оппозицией.

В целом, как отмечал политический советник председателя правительства Л. Адамеца О. Крейчи, «весной 1989 г. борьба велась не за то, удастся ли удержаться бюрократическому социализму, а за то, как он уйдет со сцены: либо в море крови, либо в результате соглашения за круглым столом»²¹.

Коллапс режима бюрократического социализма в Чехословакии в 1989 г. являлся составной частью более масштабного геополитического процесса, который развивался уже в течение ряда лет. Надежды на обновление социализма после подавления Пражской весны и с учетом последующего развития в 1970-е гг. потерпели крах. В отличие от 1968 г. теперь коммунистическая партия была выхолощена нормализаторами, которые в ходе борьбы против ревизионизма создали единственную идейную программу, когда «любая попытка открыть дискуссию приравнивалась к предательству партийной линии. Поэтому 1989 г. отличался от 1968 г., помимо прочего, еще и тем, что в КПЧ не имелось какой-либо организованной группы реформаторов, хотя в ней и доминировали массовые реформаторские взгляды и настроения»²².

Остается вопрос, который нуждается в дальнейшей разработке: почему критически настроенная и выступавшая за проведение реформ часть членов партии не выступила в качестве реальной внутренней политической силы, способной трансформировать государственную партию в партию? Возникает еще один вопрос: были ли вообще у них шансы на какой-либо успех в условиях усиливавшегося давления гражданской оппозиции? Проведем сравнение: в странах ЦЮВЕ в относительно сопоставимых условиях ни одна партийная реформаторская оппозиция не имела успеха в «первом круге». Саму неспособность коммунистов-реформаторов выступить в качестве мощного течения, определявшего дальнейшее развитие партии, нельзя объяснить исключительно партийными и административными методами устрашения. Причины коренятся в общем глубоком кризисе позднего реального социализма, а также коммунистической партии как таковой, начиная с подавления реформаторского движения в 1968 г.

Критические дискуссии как внутри партии, так и в целом в обществе не вылились ни в активные движения (как это было в СССР), ни в партийные платформы. Для развития в этом направлении требовалось определенное время. Следует отметить скудость идеологических программ, малочисленность отдельных направлений, которые на рубеже 1989–1990 гг. откололись от КПЧ,

²¹ *Krejčí O. Sametová revoluce... S. 22.*

²² *Ibid. S. 26.*

хаотичность и лихорадочность их поисков. С другой стороны, бывшая оппозиция, ГФ, выступала с простыми и доходчивыми аргументами, которые на первых свободных выборах показали в первую очередь, против кого голосовали граждане (антикоммунистический референдум). Все это свидетельствует о скованности общества панцирем «режима нормализации».

Ориентированным на реформы коммунистам не удалось организовать на конкретной партийной платформе. Можно лишь предположить, что большая их часть заняла оппортунистическую позицию, ожидая, что реформы, а также перемены в руководстве, которые они с восторгом приветствовали бы, проведет кто-то другой, возможно, даже по инициативе Горбачева. Однако такого их количества для реализации реформ, естественно, было недостаточно. В итоге получилось так, что «реформы» проводились другими «действующими лицами», причем, с точки зрения этого поколения, уже раз и навсегда.

Левые в Чешских землях накануне и в ходе ноября 1989 г.

Клуб за социалистическую перестройку — «Возрождение»

В клуб «Возрождение» вошли в основном члены КПЧ, исключенные из партии в ходе проводившихся после Пражской весны чисток или же покинувшие ее ряды по собственной инициативе. Они подчеркивали необходимость реализации ограниченной реформы (то есть реформы внутри системы) с акцентом на горбачевские нововведения. Тем самым с самого начала они стали «бельмом в глазах» догматиков в руководстве КПЧ. Представители клуба «Возрождение» настаивали на проведении политических и экономических преобразований, которые вели бы к отставке стареющего руководства партии; они признавали идеи перестройки и гласность. Эти идеи нельзя было квалифицировать как «правый уклон» или «оппортунизм» некой маргинальной группы. Члены клуба, несмотря на свою немногочисленность (около 120 подписавшихся и примерно несколько сотен сторонников накануне ноября 1989 г.), проживали в самых различных районах страны и поддерживали связи с группами диссидентов²³.

О клубе «Возрождение» общественность знала относительно мало, поэтому, в отличие от Хартии 77, данная структура в официальных СМИ в то время практически не упоминалась. Критиков же Хартии 77 было предостаточно, а лучшей рекламы для себя они и желать не могли. Кроме того, Хартии 77 уделяли внимание в своих регулярных передачах такие радиостанции, как «Голос Америки» и «Свободная Европа», которые более уже не глушились.

Клуб «Возрождение» влился в оппозиционное движение, предложив программу под названием «За дальнейшее развитие чехословацкого социализма»,

²³ *Grzymala-Busse A. Reform Efforts in the Czech and Slovak Communist Parties and Their Successors. 1988–1993 // East European Politics and Societies (EEPS). 1998. Vol. 12. № 3. S. 446.*

с которой выступил в декабре 1988 г. Авторы документа попытались изложить свой взгляд на развитие чехословацкого общества, начиная со Второй мировой войны. Они сконцентрировали внимание на таких ключевых сферах, как политическая и экономическая системы, наука, культура, образование, религия, международные отношения, включая положение ЧССР в мире, Европе, а также в социалистическом содружестве. Документ предлагался в качестве «программных тезисов чехословацкой политики в период социалистической перестройки». Содержавшиеся в нем принципы, по мнению авторов, «связывались с демократической и гуманистической трактовкой социализма, имеющей в нашей стране давние традиции; они поддерживаются большинством граждан и соответствуют принципам проходивших в СССР и в других социалистических странах реформ». Авторы рассматривали эту модель только как «одну из возможных альтернатив содержания, форм и путей социалистического развития в нашей стране. Одни его положения были схожи, другие же отличались от поддерживавшихся КПЧ принципов. Вместе с тем она включала предложения и других независимых гражданских инициатив, если они оказывались полезными для решения выдвигающихся задач»²⁴.

Представления о социализме в трактовке клуба «Возрождение» изложил его подготовительный комитет в своей декларации. «Мы, — говорилось в документе, — являемся гражданами, убежденными в гуманных, нравственных и социальных ценностях социалистического общественного устройства. Мы считаем, что для него характерными являются в первую очередь демократическое самоуправление свободных людей, эффективная плюралистическая экономика, освобожденный от эксплуатации и от прочих чуждых несправедливостей труд, гражданское равенство и справедливость, набор социальных гарантий, гарантия правового государства, развитие образования и культуры, комплекс человеческой деятельности с природой как основой жизни, как и развитие духовных ценностей, а также национальных и интернациональных традиций»²⁵.

Радикальные левые

Влияние отдельных групп радикальной части левых нельзя назвать значительным ни накануне ноября 1989 г., ни после него. Все радикальные левые группы насчитывали несколько десятков активных членов, в лучшем же случае — сотен²⁶. Однако, несмотря на немногочисленность, они сумели активизи-

²⁴ Programový návrh Klubu za socialistickou přestavbu Obroda. Za další rozvoj československého socialismu. S. 36 // Archiv Ústavu soudobých dějin AVČR. Praha. Sbírnka Obroda. Bez sign.

²⁵ Программная декларация Подготовительного комитета Клуба за социалистическую перестройку — «Возрождение» // *Задорожник Э.Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1988 г.). М.: Индрик, 2008. С. 410–411.

²⁶ *Votava V.* Radikální levice v Československu // *Dialog sever-jih, východ-západ.* 1993. Č. 1. S. 25.

ровать более широкий круг своих сторонников, «их обширный радиус действий, динамизм и гибкость, опиравшиеся исключительно на самоотверженность добровольных активистов, поразительно контрастируют с окостенелостью классических политических партий левого спектра. Хорошо известно, с каким трудом этим партиям удавалось активизировать свою членскую базу, не говоря уже об их неспособности увлечь за собой общественность за пределами этих рамок»²⁷. До ноября 1989 г. радикальные левые, в отличие от коммунистов-реформаторов и членов партии, развивали активную деятельность, в первую очередь, в организации экологических акций, в которых они принимали участие вместе с анархистами (например, движение «Дети земли»). Другие же их группы выступали непосредственно в качестве составной части анархистского движения (Animal S. O. S., «Инициативы в поддержку прав животных» и пр.). Попытки преодолеть раздробленность радикальных групп привели еще до ноября 1989 г. к созданию объединивших их структур: «Левая альтернатива», Движение за демократический и самоуправленческий социализм, Чехословацкое анархистское объединение (ЧАО). Однако перманентная мировоззренческая дифференциация, царившая в среде этих малочисленных групп, а также напряженная атмосфера не могли не вылиться в личные споры и конфликты.

Реформаторские течения внутри коммунистической партии и их судьбы

Следует поддержать вывод Анны Гржимала-Буссе о том, что в 1980-е гг. реформаторские шаги в рамках КПЧ практически не находили отклика ни в партийных органах, ни тем более в обществе. Преобладало представление, что «КПЧ являлась стагнирующей, не поддававшейся реформированию структурой, реальным представителем догматизма после Пражской весны 1968 г. и последовавших за нею партийных чисток»²⁸. Однако этот же автор подчеркивает, что, несмотря на неутешительное состояние государственной партии, все же в 1980-е гг. предпринимался ряд попыток, ориентированных, в частности, и на ее реформирование.

Реформаторские течения внутри КПЧ, если условно их так называть, поскольку их реальное влияние на аппарат и руководство партии было предельно слабым, скорее, практически ничтожным, являли собой «островки», состоявшие из отдельных небольших групп. Их контакты, связи, сотрудничество, совместные дискуссии, за исключением тех, которые проходили в Праге, поначалу не отличались активностью и регулярностью²⁹.

Однако это не означало, что здесь не велась работа, в том числе дискуссии. Важным их генератором стал Дом политического просвещения ГК КПЧ в Праге, где были организованы краткосрочные курсы для технических кадров среднего звена. На рубеже 1988–1989 гг. здесь образовалась «дискуссионная

²⁷ Ibid. S. 24.

²⁸ Grzymala-Busse A. Op. cit. S. 441.

²⁹ Ibid. S. 442.

группа» в составе примерно 30 чел., преимущественно из представителей молодого поколения, рабочие собрания которых проходили в Слушковицах. В них принимал участие и психолог, который рассказывал о правилах ведения диалога, а также другие специалисты³⁰, в том числе Йозеф Геллер. Такого рода деятельность можно назвать попытками формального модерирования событий в ожидании будущих преобразований, которые следовало проводить под контролем сверху.

Институт прогнозирования Чехословацкой академии наук

На начальном этапе «бархатной» революции важную роль в планировании грядущих преобразований сыграли сотрудники Института прогнозирования Чехословацкой академии наук (ЧСАН). Его основатель, директор Вальтер Комарек, поддерживал контакты с советской стороной как в Москве, так и в посольстве СССР в Праге. Один из представителей перестройки, академик Олег Богомолов, директор Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, регулярно приезжал в Чехословакию на отдых, часто останавливаясь в Праге в правительственной вилле. В 1989 г. стажировку в Институте прогнозирования ЧСАН проходил Владлен Кривошеев, который до 1968 г. работал в журнале «Проблемы мира и социализма» в Праге, после чего вернулся в Москву; позднее Богомолов пригласил его на работу в свой институт.

Не следует забывать, что до занятия Л. Адамецом поста председателя правительства кадровые перестановки в стране — вплоть до уровня советников премьер-министра — контролировались Москвой. Местом контактов являлся, естественно, и журнал «Проблемы мира и социализма»³¹. Заместитель его главного редактора — Александр Бычков — работал в журнале еще в 1960-е гг., позднее в течение длительного времени он находился в США, а в 1985 г. снова вернулся в Чехословакию.

К сожалению, вплоть до настоящего времени мы не располагаем документами о деятельности советского посольства в ЧССР на рубеже 1989–1990 гг. Все же, по ряду свидетельств, его сотрудники непосредственно после 17 ноября получили распоряжение примерно в течение недели не покидать посольство, чтобы не оказывать влияния на происходившие события³².

В январе 1988 г., в «неделю Палаха», после жесткого выступления подразделений госбезопасности против демонстрантов на Вацлавской площади в Праге некоторые члены партии написали протестные письма, адресованные непосредственно Генеральному секретарю ЦК КПЧ М. Якешу. В числе их авторов можно назвать Милослава Рансдорфа, научного сотрудника Института прогнозирования ЧСАН, который принимал участие и в подготовке петиции, подписанной рядом научных сотрудников. Рансдорф отправил и «перестроечное

³⁰ Из беседы автора с М. Гроссманом. 06.02.2018 // Soukromá sbírka Emila Voráčka.

³¹ См. интервью М. Гроссмана и В. Шилгана: Проблемы мира и социализма. 1990. № 2.

³² Беседа автора с М. Гроссманом. 06.02.2017 // Soukromá sbírka E. Voráčka.

письмо» Л. Адамецу, в котором говорилось о настоятельности «конституционных изменений и ликвидации 4-й статьи»³³. В передаче письма ему оказывал содействие сокурсник по Вечернему университету марксизма-ленинизма Мариан Чалфа, занимавший в то время пост министра юстиции. Примерно через неделю после отправки письма Рансдорф получил благодарность от председателя правительства за участие во всенародной дискуссии о конституции.

Отдельные ориентированные на реформы члены партии осознавали свою раздробленность, неспособность действовать единым фронтом. Поэтому они активно выступали, используя любые возможности: дискуссии на рабочих местах, в системе партийного просвещения и других структурах, в частности в Союзе чехословацко-советской дружбы, а также во время политзанятий в Чехословацкой социалистической партии³⁴. Интерес к этой работе был огромным, однако ее итоги, кроме бурных обсуждений, нельзя назвать удовлетворительными.

Партийное руководство готовило проект новой конституции, а также экономических реформ, начало которых планировалось на январь 1990 г. Однако подготовка к ним велась в условиях строжайшей секретности, включая масштабы реформ и их ключевые направления. «Конечно, — пишет М. Рансдорф, — общественность не знала ни о готовившейся экономической реформе, ни о проекте конституции, которая гарантировала политические и гражданские свободы, включая соблюдение венских конвенций по правам человека. Фактически же Чалфа, скорее, тормозил не только принятие этих документов, но и отмену 4-й статьи Конституции ЧССР»³⁵.

Эти не ставшие достоянием граждан материалы, естественно, не могли получить какой-либо резонанс в становившемся все более критически настроенном обществе, в котором поднимались голоса сопротивления, хотя и казавшиеся количественно слабыми. Руководство же партии, напротив, продолжало эскалацию преследований единственного потенциального партнера коммунистов-реформаторов — клуба «Возрождение». Поворотным моментом развития некоммунистической оппозиции явились встреча Вацлава Гавела и Александра Дубчека весной 1989 г., а также жесткие действия органов безопасности против клуба «Возрождение» в июле 1989 г.

Следует отметить, что в своей биографии Рансдорф вспоминает о циркулировавшем летом 1989 г. в ЦК КПЧ документе, в котором содержалось предложение о проведении «совместных действий гражданских инициатив в конце 1989 г., которые должны были завершиться передачей власти, о чем в советских академических кругах велась речь еще в 1986 г.»³⁶.

³³ *Ransdorf M. Nový dějinný prostor. 1999. Rukopis. S. 1 // Soukromá sbírka Emila Voráčka.*

³⁴ Личные свидетельства автора статьи.

³⁵ *Ransdorf M. Nový dějinný prostor... S. 2.* Проект конституции опубликовали уже после 17 ноября 1989 г. в совершенно иной атмосфере, когда требования внесения изменений в основной закон страны можно было формулировать более комплексно.

³⁶ *Ibid.* Информацию об этом материале сложно подтвердить или опровергнуть; дальнейшее изучение фондов архива ЦК КПЧ может пролить свет на указанную ситуацию.

Общество Богумира Шмерала

Раньше других (в пределах Праги) появился дискуссионный клуб — неформальное объединение граждан левых взглядов, в основном коммунистов. Летом 1989 г. его участники приняли решение учредить Общество Богумира Шмерала. Ранее догматики-коммунисты планировали основать Общество Клемента Готвальда³⁷, однако их инициатива поддержки не получила. В то же время предложение создать ядро для реформирования партии с опорой на идеи и наследие Б. Шмерала, выдающегося представителя чешской социал-демократии в период существования Австро-Венгрии, основателя КПЧ, было принято. В это ядро вошли некоторые сотрудники Городской политической школы (ГПШ) КПЧ в Праге (Прага — Карлин), Кабинета политического просвещения, М. Рансдорф из Института прогнозирования ЧСАН, представители других исследовательских учреждений вне партии, а также узкий круг других симпатизировавших заявленным Обществом целям общественных деятелей, прежде всего интеллектуалов всех профессий, особенно из среды интеллигенции³⁸. Общество базировалось на неформальной основе, его численность к осени достигла более сотни человек, связанных, в первую очередь, личными отношениями.

Помещение для заседаний предоставило ГПШ в Карлине; в течение 1989 г. здесь проходили дискуссии, в которых принимали участие и другие заинтересованные лица. Радим Валенчик привлек группу из Высшей школы экономики, в том числе Мирослава Шевчика и др. М. Рансдорф в этих дискуссиях выступал с рядом концепций и предложений, выдвигая, в частности, требования отмены результатов партийных чисток 1970 г., учреждения «оппозиции в рамках партии», сотрудничества с клубом «Возрождение».

Один из лидеров Общества, Мирослав Гроссман, бывший руководитель Кабинета политического просвещения (заместитель главного редактора издательства «Свобода»), установил контакты с несколькими первичными организациями Праги 1, где размещалось большинство таких учреждений, как, например, ЧСАН, философский факультет Карлова университета, другие учреждения, а также редакции известных периодических изданий, радио, телевидения и др.³⁹ В период до ноября, как удалось установить, Общество не издало ни одного документа, в котором можно было публично заявить о себе как о реформаторах. Оно не предало гласности свою позицию по ряду проблем, которые волновали общество. Осенью 1989 г. Общество готовилось к официальному учреждению, готовя базовые программные документы, в разработке которых

Бывший министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе в своих мемуарах утверждает, что освобождение Центральной Европы готовилось им, начиная с 1986 г.: «Систему демонтировали изнутри. Извне не получалось, поскольку система умела бороться, но не защищаться...». Рассуждения Э. Шеварднадзе о загнивании системы см.: Problems of Communism. 1991. № 6. S. 54.

³⁷ Воспоминания Иржи Малински. 20.12.2017 // Soukromá sbírka Emila Voráčka.

³⁸ Bude DFK novou politickou stranou? // Průboj. 03.01.1990. S. 1–2.

³⁹ Ransdorf M. Nový dějinný prostor... S. 83.

принимал участие М. Рансдорф в соавторстве, главным образом, с Р. Пржеватилом, М. Гроссманом, П. Смутны и др.

14 ноября 1989 г. руководство приняло решение о трансформации Общества в течение двухнедельного срока в официальную партийную платформу. О неформальном влиянии, или, скорее, о личных контактах, свидетельствует то, что некоторых его членов, в том числе и М. Рансдорфа, вечером 18 ноября 1989 г. пригласили в Драматический театр на совещание, где был основан ГФ⁴⁰.

Примечательно, что первое официальное выступление Общества состоялось позже, в период, когда его критическая позиция стала восприниматься уже по-другому. 13 ноября его представители забронировали зал в Доме политического просвещения ГК КПЧ для первого заседания, намеченного на 27 ноября⁴¹, т.е. незадолго до Дня прав человека, 10 декабря, когда ожидалось выступление оппозиции. С точки зрения коммунистов-реформаторов, это явилось «фатальной ошибкой». Позже Рансдорф в своих воспоминаниях писал, что в напряженные дни после 17 ноября стало понятно, что «КПЧ вообще не имеет какого-либо кризисного или любого другого сценария. Власть из здания ЦК нереально быстро выскользнула, застав врасплох даже оппозицию»⁴².

Можно утверждать, что шаги партийного руководства в этот момент, а позднее — его бездействие в кульминационной точке кризиса привели к нагнетанию критической массы протестовавших и блокировке всех попыток честных членов партии, направленных на преобразование партии и общества.

Демократический форум коммунистов

События 17 ноября 1989 г. заставили членов Общества активизировать свою деятельность. В первую неделю «бархатной» революции, когда на Вацлавской площади число демонстрантов ежедневно составляло не менее 50 тыс. чел., члены Общества инициировали дискуссию, стараясь оценить сложившуюся ситуацию, готовили программные обращения. Руководство же КПЧ в это время продолжало хранить молчание. Члены Общества Шмералья собрались 27 ноября, чтобы договориться о переименовании общества в Демократический форум коммунистов (ДФК), который должен был функционировать в рамках коммунистической партии.

На встрече было принято программное заявление ДФК и тезисы его программы⁴³. В заявлении говорилось: «Симпатии к идеям социализма глубоко и всесторонне укоренились в чехословацком обществе. Однако сталинская система принесла горькие разочарования и масштабные потери. Попытки провести коренные преобразования в 1968 г., утверждавшие единство социализма

⁴⁰ Среди них был и М. Рансдорф. Беседа Э. Ворачека с М. Рансдорфом в 2013 г. // Soukromá sbírka E. Voráčka.

⁴¹ *Ransdorf M. Nový dějinný prostor...* S. 1.

⁴² *Ransdorf M. «...není všem dnům konec».* Praha: Ottovo nakladatelství, 2006. S. 83–84.

⁴³ Programové teze Demokratického fóra komunistů, Praha. 27.11.1999. Originál, 6 stran // Soukromá sbírka E. Voráčka.

и демократии, вызвали новые надежды на возрождение КПЧ и общества, которое оказывало партии огромную поддержку. Но трагическая интервенция армий стран Варшавского договора и последовавшая так называемая нормализация нанесла подобного рода планам тяжелый удар. КПЧ исключила из своих рядов тысячи граждан, поддержавших процесс возрождения. Бескомпромиссное установление монополии на власть снова надолго оторвало народ и партию от привилегированного руководства. Ложью и запугиванием оно заставило замолчать большую часть членов партии и общества». «Мы, — говорится в документе, — осознаем, что среди членов партии есть немало авторитетных и честных людей, которые не поддались политической и моральной коррупции, сохранили демократизм, неоднократно выражая свое критическое отношение к политике партии. Однако их большинство не нашло в себе мужество открыто выступить с протестом против диктата, лжи и лицемерия. Это честные рабочие, аграрии, специалисты, работники всех профессий. Без их таланта и жертвенности чехословацкое общество не может обойтись. Мы руководствуемся стремлением найти платформу для их возрожденческой инициативы, выступаем за свободную и не обремененную старыми предрассудками дискуссию в период перед съездом КПЧ. Мы ожидаем, что разработанная нами платформа поможет нам разорвать с теми, кто своими поступками и действиями скомпрометировал в глазах общественности КПЧ»⁴⁴.

В этот период ряды КПЧ покидали сотни тысяч членов, остальные же десятки тысяч занимались поисками путей преобразований в контексте социально справедливого общества. Первую декларацию ДФК поддержали тысячи человек. Данные, которые приводит А. Гжимала, едва ли можно считать завышенными: она называет цифру порядка 10–60 тыс. чел., хотя более реальными все же, думается, являются средние значения. Они в определенной степени отражают состояние интеллектуального потенциала незначительного числа членов КПЧ и беспартийных, критически настроенных граждан левой ориентации, которые считали возможным развитие после 17 ноября в социалистической или социал-демократической парадигме. Сторонники ДФК в ряде городов страны давали о себе знать; в Словакии их количество было более низким с учетом сложившейся там несколько иной ситуации. К числу первоначальных целей этой структуры, получивших отражение в программном обращении, относились ревизия и переоценка 1968 г., а также отмена «Уроков кризисного развития». Вместе с тем выдвигались требования о преобразовании партии по образцу реформировавшихся коммунистических партий в Польше и Венгрии. В середине декабря 1989 г. ДФК выступил с предложением прямых выборов президента. 14 декабря состоялась демонстрация перед зданием ЦК КПЧ и редакцией газеты «Руде право». ДФК, в соответствии с первоначальными планами, намеревался действовать в качестве фракции в рамках КПЧ, однако спустя две недели

⁴⁴ Prohlášení demokratického fóra komunistů, 19.11.1999. Контактный адрес был такой: Prognostický ústav ČSAV. M. Ransdorf. Рандсдорф был и автором этой программы.

эти представления претерпели коренные изменения. Так, Рудольф Пржевра-тил и другие его единомышленники выступали за деятельность вне рамок пар-тии. Рансдорф же, напротив, отстаивал точку зрения, согласно которой ДФК должен остаться в КПЧ и «внести свой вклад в ее преобразование, стать, на-сколько это возможно, двигателем этого процесса»⁴⁵. Что касается анализа кон-цепций гражданского общества, то многие программные тезисы ДФК базиро-вались на идеях главным образом Антонио Грамши⁴⁶.

Программные тезисы ДФК содержали философско-политические идеи М. Рансдорфа в первую очередь в таких разделах, как «Социализм и совре-менная цивилизация», «Социализм и новая общественная реальность». В эко-номическом разделе развивалась концепция чехословацкой экономической реформы, планируемой в 1990-е гг., разрабатывавшаяся в Институте прогнози-рования ЧСАН. В ноябрьские дни 1989 г. ДФК акцентировал внимание на не-обходимости модернизации КПЧ⁴⁷.

«Съезд безысходности». Внеочередной съезд КПЧ 19–20 декабря 1989 г.

О своей позиции представители ДФК попытались заявить и на внеочеред-ном съезде КПЧ, который состоялся 19–20 декабря 1989 г. с участием 1530 из-бранных делегатов⁴⁸. Подготовка съезда велась деятелями Социалистического союза молодежи (ССМ), прежде всего, Василем Могоритой и Широки-м.

В качестве наблюдателей в съезде принимали участие 50 представителей ДФК⁴⁹. В ходе работы съезда было выпущено несколько номеров информаци-онного бюллетеня ДФК. Следует подчеркнуть, что его представители не распо-лагали возможностями презентации своих взглядов с трибуны съезда, посколь-ку его делегаты подвергали их обструкции, обвиняя в ходе бурных дискуссий в раскольничестве. Однако ДФК, несмотря на игнорирование со стороны пре-зидиума съезда, пользовался симпатиями ряда делегатов, которые с интере-сом относились к его пресс-конференциям. На съезде ДФК требовал для себя статуса фракции, а для организаций — статуса первичных партийных органи-заций с небольшим аппаратом сотрудников, журналом, частью финансовых средств партии. Однако ни одно из этих требований не было выполнено. ДФК вел безуспешную борьбу на съезде, ему сложно было сломить недопонимание,

⁴⁵ *Ransdorf M. Nový dějinný prostor... S. 2.*

⁴⁶ *Programové teze DFK 1989 // Soukromá sbírka Emila Voráčka.*

⁴⁷ *S čím jde DFK na mimořádný sjezd KSČ, 18.12.1989. Originál // Soukromá sbírka Emila Voráčka; см. также: Převrátil R. DFK: jak dál? // Rudé právo. 05.01.1990.*

⁴⁸ Количество представителей ДФК в составе 50 чел. в статусе гостей было согласовано с организаторами съезда. Несмотря на это, делегации ДФК с трудом удавалось пройти в зда-ние из-за недружественного отношения к ним контролеров на входе.

⁴⁹ *Zpravodaj Demokratického fóra komunistů. 21.12.1989. № 4 (sjezdový).* В острой дискус-сии на внеочередном съезде КПЧ М. Рансдорф отстаивал идею учреждения новой левой политической партии. Трудно сказать, когда он изменил свое мнение и решил продолжать деятельность в рамках КПЧ. Атмосфера на съезде была накалена до предела, поэтому слож-но сказать, когда именно произошел сдвиг в его взглядах.

поскольку кроме единственного выступления его представителя, никто больше слова не получил. ДФК выразил свое недовольство итогами съезда.

Следует отметить, что взгляды отдельных членов ДФК, которые принимали участие в последнем съезде КПЧ в декабре 1989 г., отличались значительной дифференцированностью. После съезда ДФК принял решение приступить к созданию новых организаций в регионах⁵⁰. Однако эти шаги стали предприниматься лишь после решающих событий 17 ноября, когда взрыв гражданского недовольства свел на нет реформаторские планы ДФК, а динамика общественных и политических преобразований стала набирать совершенно иные темпы и ориентацию. Многие члены партии, включая некоторых ее основателей, рассматривали ДФК как своеобразный трамплин, которым можно воспользоваться, чтобы выйти из рядов КПЧ, «очистившись» тем самым в глазах критически настроенной демократической общественности. Некоторые из них сетовали на медленные темпы постноябрьского обновления КПЧ и поэтому инициировали создание других политических субъектов. Сам же ДФК в начале января 1990 г. стал распадаться, его влияние стремительно снижалось, а сторонники переходили в другие отколовшиеся от коммунистической партии структуры.

В такой обстановке более 2500 сторонников и активистов из ЧР собрались 6 января 1990 г. в Праге для обсуждения итогов внеочередного съезда КПЧ и дальнейшей судьбы ДФК в период после 17 ноября 1989 г. Во встрече, проходившей в предельно напряженной атмосфере, приняли участие представители КПЧ и клуба «Возрождение»⁵¹. Из членов Координационного комитета ДФК особую активность проявляли Рудольф Пржевратил, Яромир Седлак, Павел Смутны, Милан Маршалек, Й. Мачнер и Ладислав Зволски⁵².

26 января 1990 г. после длительных колебаний Координационный центр принял решение о трансформации ДФК в самостоятельную левую политическую партию⁵³. Помимо этого, сформировалось несколько групп, которые также разрабатывали свои программы социалистической ориентации. По мнению членов партии, «именно ДФК являлся структурой, предпринимавшей усилия по превращению трансформировавшейся из КПЧ Коммунистической партии Чехии и Моравии (КПЧМ) в массовую партию»⁵⁴.

Разочарование в неудачном старте стало причиной дальнейшей дифференциации ДФК. Раньше других от него откололась группа, получившая название «Независимые левые», затем Чехословацкий демократический форум. Тем не менее самая большая часть, в первую очередь члены партии вне Праги, продолжала оставаться в рядах коммунистической партии.

⁵⁰ Prohlášení DFK k mimořádnému sjezdu KSČ. Praha. 21.12.1989.

⁵¹ Dengler R. DFK na rozcestí? Dokumenty k diskusi: Prohlášení k mítinku DF(K) // Rudé právo. Praha. 08.01.1990.

⁵² Седлак Яромир в конце 1980-х гг. был советником главы кабинета Л. Штроугала, а позднее — Л. Адамеца.

⁵³ Jak dál // Lidová demokracie. Praha. 27.01.1990.

⁵⁴ Беседа автора с М. Гроссманом. 06.02.2017 // Soukromá sbírka E. Voráčka.

Итоги встречи были изложены в резолюции, которую представил В. Кайсер. Он, в частности, отметил, что «с самого начала деятельность ДФК сопровождала значительная идейная неоднородность его сторонников... Первое идейное течение выступало за полную независимость от КПЧ и последующую трансформацию ДФК в современную левую партию. Идею создания самостоятельной политической партии поддерживали представители ДФК из Годонины, Пршерова, Усти над Лабой, а также часть пражских членов. Мы ожидали, что разрешение создавшейся кризисной ситуации произойдет на 3-м общегосударственном собрании ДФК в Праге 6 января. Руководство ДФК реагировало на сложившееся положение в значительной мере двойственно... Эта амбивалентность закончилась в итоге провалом собрания. Под громкие возгласы несогласия подавляющее большинство участников покинуло зал... Если оценивать деятельность ДФК с временной дистанции, можно сказать, что он сыграл важную роль в борьбе за ликвидацию монопольного положения КПЧ на начальном этапе чехословацкой революции, снискав за это признательность»⁵⁵.

Независимые левые и Чехословацкий демократический форум

Первой отколовшейся от ДФК группой стала партия «Независимые левые» (НЛ), название которой в значительной степени инспирировалось британской Независимой рабочей партией (Independent Labour Party). НЛ выступила с обращением 6 января 1990 г., т. е. в тот же вечер, когда провалом закончилось заседание сторонников ДФК в Праге⁵⁶. В состав Подготовительного комитета вошли как недавние члены КПЧ — Вера Беранова, Ярослав Травничек, Любомир Покорны, Владимир Кайсер, Олдржих Ледл, Петр Плеснивы, Эмил Ворачек, так и члены партии, которые были исключены из ее рядов в начале нормализации, — Ярослав Рек и др.

Подготовительный комитет поручил В. Кайсеру официально объявить о создании партии. Благодаря пониманию представителей ДФК это выступление было включено в повестку дня первым пунктом. Обращение НЛ от 6 января 1990 г. вызвало значительный интерес участников встречи, которые тут же разобрали все копии текстов⁵⁷.

НЛ заявила о поддержке идей Пражской весны 1968 г. и необходимости проведения «политики повседневности». «Мы, — говорилось в документе, — решительно отвергаем неосталинистский тип социализма, который был построен как в нашей стране, так и в других странах Восточной Европы. Мы хотим продолжать процесс строительства социализма с человеческим лицом, который в 1968 г. провозгласило наше общество и который был насильственно

⁵⁵ *Kaiser V. Stanovisko Nezávislé levice k DFK. Strojopis // Soukromá sbírka E. Voráčka.*

⁵⁶ *Prohlášení přípravného výboru «Strany nezávislé levice».* Praha. 06.01.1989.

⁵⁷ *Kaiser V. Na dvou židlích se sedět nedá. ... K 3. celostátnímu shromáždění DFK v Praze 6. ledna 1990. Strojopis // Soukromá sbírka E. Voráčka.*

прерван военной интервенцией стран Варшавского договора в августе того же года»⁵⁸.

Заявление призывало к сотрудничеству левых сил: «Мы хотели бы сотрудничать со всеми прогрессивными партиями и инициативами, с идейным движением “Возрождение”, с обновленной Чехословацкой социал-демократической партией, а в случае полной реконструкции — и с реформировавшейся партией чехословацких коммунистов»⁵⁹. Документ отличался широтой взглядов, наполненных, скорее, идеалистическим энтузиазмом, нежели практическим подходом к деятельности вновь создававшейся партии.

Выступивший в дискуссии Э. Ворачек подчеркнул, что НЛ должна стать партией «демократии повседневности» (Д. Лукач), ориентироваться на «неполитическую политику» (Томаш Гарриг Масарик), стремиться в своей деятельности «к формированию социально справедливого общества для всех». Он также акцентировал внимание на необходимости баланса «экономических, социальных, экологических интересов; значимости развития стиля жизни в соответствии с ее условиями»⁶⁰.

Первое заседание, на котором присутствовавшие ознакомились с проектом программы НЛ, состоялось 17 января 1990 г. на философском факультете Карлова университета в Праге. В течение нескольких недель удалось создать сеть партийных организаций практически во всех краях, а также привлечь сторонников из Словакии (Братислава). Особую активность проявлял, прежде всего, региональный центр в Усти-над-Лабой во главе с В. Кайсером, а также в Брно.

Программа и другие материалы новой партии наряду с дискуссиями об общественных переменах обсуждались на общегосударственном совещании (в присутствии представителей Чешских земель) 3 февраля 1990 г. Программа и устав были приняты на учредительном съезде НЛ 24 февраля 1990 г. в Праге при участии 120 делегатов, представлявших отдельные региональные центры страны⁶¹. НЛ планировала установить тесное сотрудничество с клубом «Возрождение».

НЛ, не принимавшая участия в парламентских выборах в июне 1990 г., готовилась к коммунальным выборам осенью 1990 г., обосновывая свою позицию намерением уделить в своей программе внимание, в первую очередь, «политике повседневности». Однако подобная тактика оказалась ошибочной. То, что НЛ не стала участвовать в парламентских выборах (даже ценой минимального количества голосов), оказало негативное влияние на уровень доверия к ней как сторонников, так и потенциальных приверженцев. Она получила всего 4343 голоса; позднее многие ее члены вошли в состав Демократической партии труда,

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Z pracovního návrhu programového prohlášení NL. 12.01.1990. С резолюцией съезда предполагалось ознакомить участников собрания.

⁶¹ Учредительный съезд состоялся в здании Научно-технического общества.

а некоторые перешли в Чехословацкую социал-демократическую партию⁶². Важно отметить, что НЛ поддерживало значительное количество бывших членов КПЧ, часть которых входила в состав Подготовительного комитета (Олдржих Ледл), а также беспартийных.

Создание еще одной структуры — Чехословацкого демократического форума (ЧСДФ) — произошло с некоторым опозданием, однако в этом случае можно говорить о более влиятельной организации, состоявшей в основном из бывших членов партии. В качестве объединяющего начала выступил И. Кофранек, в руководство вошел также Павел Смутны.

Группа планировала стать «конструктивной оппозицией», которая должна была оказывать воздействие на КПЧ извне. 20 февраля 1990 г., после более чем 30-дневных переговоров, руководство ДФК во главе с И. Кофранеком представило платформу новой политической партии — ЧСДФ, который принял участие в парламентских выборах в июне 1990 г.⁶³ ЧСДФ образовался непосредственно из группы ДФК (коммунистов), которая проводила свою работу вне КПЧ. Из ЧСДФ ее члены переходили и в ряды ЧСДП.

* * *

Царившую в стране в период с января по июнь 1990 г. (парламентские выборы) атмосферу вполне обоснованно можно назвать лихорадочно-сумбурной. Ее отличительной чертой явилась эскалация критического отношения ко всему, что связывалось с предшествовавшим развитием Чехословакии, т. е. с «реальным социализмом». Перед представителями структур левого толка стояла сложнейшая задача по возрождению и утверждению на политической сцене страны субъектов левого спектра. Уже в первые после ноября 1989 г. дни члены КПЧ стали в массовом порядке выходить из ее рядов. Появились малочисленные левые субъекты, на количественный рост которых трудно было рассчитывать в будущем. Свою роль здесь играл и такой фактор, как угроза потери рабочих мест, что вынуждало бывших членов КПЧ выходить из только что созданных ими левых структур. На многие возникавшие в этот период в обществе вопросы, в частности, о советском «псевдонейтралитете», они не находили адекватных и объективных ответов.

Вместе с тем обсуждались и такие практические проблемы, как, скажем, разработка предвыборных материалов, особенности парламентских выборов, приобретавших характер антикоммунистического референдума. Следует отметить, что эта часть политического спектра страны, включая возродившуюся Чехословацкую социал-демократическую партию (ЧСДП), проиграла выборы, а представители социал-демократической ориентации, вышедшие из диссидентской среды, принимали в них участие в качестве кандидатов от ГФ.

⁶² В документах НЛ можно встретить имена первого заместителя председателя правительства и министра финансов П. Мертлика в правительстве М. Земана, а также И. Пароубека, принимавшего участие в учредительном съезде НЛ в феврале 1990 г.

⁶³ Не имело успеха, хотя и получило около 100 тыс. голосов.

В ситуации тотального дефицита времени у левых сил отсутствовали возможности для концептуальных разработок предстоявшей системной трансформации. Нельзя не учитывать и давление победившего в июне 1990 г. на выборах ГФ, который форсировал проведение преобразований в стране. К этому следует добавить и то, что уже осенью 1990 г. стал распадаться и сам ГФ. Левые силы вели сложную борьбу за доверие общества. Этот процесс длился несколько лет, когда появился спрос на сильных лидеров левых субъектов политической жизни, которые в этот период прилагали максимум усилий по привлечению на свою сторону граждан. Они решительно дистанцировались от бывшего режима, подвергая его критике, пытались предложить свое видение перспектив развития государства. Они предлагали такую модель трансформации, которая гарантировала социальную и экономическую стабильность и принципиально отличалась от варианта «шоковой терапии», предложенного «отцом» польской экономической реформы Л. Бальцеровичем⁶⁴.

После неудачных для левых сил парламентских выборов часть возникших непосредственно после 17 ноября 1989 г. структур исчезла с политической сцены страны. В то же время появились новые субъекты, в ряду которых можно назвать Демократическую партию труда, а также партию «Левый блок». В левой части политического спектра доноябрьской оппозиции успех более всего сопутствовал Чехословацкой (Чешской) социал-демократической партии, одним из лидеров которой стал энергичный и многообещающий политик Милош Земан, бывший сотрудник академического Института прогнозирования. Осенью 1994 г. чешский социолог И. Вечерник весьма скептически оценивал вероятность левого поворота в стране: «Чешское общество также не может обладать иммунитетом в отношении “левого” поворота, что подтверждают наши довоенные и послевоенные традиции, однако сегодня такой поворот не представляется возможным»⁶⁵. Несколько иную, более оптимистичную, точку зрения высказывал депутат от ЧСДП юрист З. Йичинский⁶⁶.

В заключение уместно привести следующие слова М. Рансдорфа: «Главным недостатком левых сил является отсутствие у них соответствующих эпохе организационных форм... В большинстве случаев проблему формирования левых субъектов после ноября 1989 г. решить не удалось, а попытки подобного рода зачастую осложняли жизнь представителям левого спектра политического ландшафта страны»⁶⁷.

Перевод с чешского языка Э.Г. Задорожнюк.

⁶⁴ Juchler J. Osteuropa im Umbruch. Politische, wirtschaftliche und gesellschaftliche Entwicklungen 1989–1993. Gesamtüberblick und Fallstudien. Zürich: Seismo Verlag, 1994. S. 50–86.

⁶⁵ Večerník J. Opravdu není levicová orientace u nás aktuální? // Lidové noviny. 13.10.1994. S. 8.

⁶⁶ Jičínský Z. Možnosti a problémy levice // Právo. 17.03.1995. S. 18.

⁶⁷ Ransdorf M. Nejsm člověk od víry // Naše pravda. 1993. Č. 36. S. 3.

Глава 11

ДИЛЕММЫ ЧЕШСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И ИХ ПРАГМАТИЧНЫЕ РЕШЕНИЯ. 1998–2002 гг.

В конце 1997 г. — начале 1998 г., спустя всего полтора года после очередных, вторых по счету в образовавшейся независимой Чешской Республике (ЧР), выборов в Палату депутатов (ПД) — нижнюю палату парламента (31 мая — 1 июня 1996 г.), страна погрузилась в политический кризис. Его спровоцировали представители Гражданской демократической партии (ГДП), которая входила в правящую тройственную коалицию с Христианско-демократической партией — Чехословацкой народной партией (ХДС-ЧНП) и Гражданским демократическим альянсом (ГДА). Заместитель председателя ГДП, министр финансов ЧР И. Пилип и бывший диссидент гражданский демократ Я. Румл инициировали так называемое дистанционное сараевское покушение на премьер-министра и лидера ГДП, потребовав отставки В. Клауса, находившегося в это время в столице Боснии и Герцеговины. Нужно отметить, что председатель коалиционной ХДС-ЧНП Й. Лукс, который, как предполагалось, координировал свои действия с «заговорщиками», тут же объявил о выходе своей партии из правящей коалиции¹. «Покушение» получило поначалу оценку неудавшегося, но все же премьер-министр вынужден был покинуть свой пост с сохранявшейся надеждой остаться во главе переформатированного кабинета. Однако президент В. Гавел отставку принял, назначив так называемое правительство технократов во главе с беспартийным Й. Тошовским, и объявил о своем решении провести внеочередные выборы в нижнюю палату парламента Чешской Республики (ЧР) летом 1998 г. Палата депутатов выразила доверие кабинету Тошовского в соотношении 123 голоса к 71.

«Покушавшиеся» партии руководствовались установкой: правому правительству — да, Клаусу — нет, но ее неуместность обнаружилась сразу же, более того, стал серьезно маргинализироваться правый сектор страны. Политическая жизнь резко усложнилась, а левые силы не могли воспользоваться новыми шансами. Клаус не собирался сдаваться, избрав полем сражений острые

¹ Подробнее см.: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории / отв. ред. В. В. Марфина. В двух книгах. Кн. 2. М.: Наука, 2005. С. 347–348; см. также: *Přeja P. Stranický systém České republiky. Politické strany a jejich vývoj 1989–1998.* Brno: Centrum pro stadium demokracie a kultury, 2005; *Kopeček L. Éra nevinnosti. Česká politika. 1989–1997.* Brno: Barrister & Principal, 2010.

идеологические состязания именно с ними. Чешский электорат относился и к правым, и к левым не без скепсиса, все пристальнее всматриваясь в сбои в реальной экономической политике первых.

В целом же «сараевское покушение» явилось, помимо прочего, детектором надвигавшегося кризиса, который выразился в ухудшении ряда экономических показателей; за этим наблюдалось и постепенное снижение политических предпочтений избирателей. Реформаторские инициативы угасали вследствие неспособности правительства реагировать на новые общественные вызовы. Правые, включая часть ГДП, связывали это с неудачной политикой Клауса, но виноват был не он один.

Одним из поводов для его отставки называлось непрозрачное финансирование ГДП, причиной же стало снижение трансформационных темпов, за что ответственность следовало возлагать не только на Клауса. Но использовать это в качестве аргумента путчисты не могли, поскольку в сложившуюся ситуацию внесли свой вклад и они сами, причем многие из них еще более существенный, чем Клаус. Поэтому под лозунгом поиска нового политического стиля и средств «честного» финансирования указанные партии инициировали попытку возрождения правой политики под новым соусом, не ожидая крушения. С тем большим ожесточением они опровергали критику их политики слева, надеясь на свою победу и без Клауса. На наш взгляд, именно с этого времени обвинения в коррупции стали дежурным блюдом в ходе любых политических дискуссий, хотя чешские политики — и правые, и левые — отличались в этом плане некоторой осмотрительностью.

Тем временем страна готовилась к «радостному», по уверению правых сил, или же неизбежному, по реакции сил левых, событию — вхождению в НАТО. В целом политическая элита одобрила его абсолютным большинством: с соотношением голосов 154 к 38 депутаты после двухдневных прений поддержали 15 апреля 1998 г. вступление в военно-политический блок². Рядовые чехи такого оптимизма особо не разделяли, но признавали, что излишне жаркие баталии партий вряд ли уместны перед предстоящим событием. Ведь возникли задачи оживления экономики, но без свертывания мер социальной политики.

Как раз в ходе решения указанных двух стратегических задач 19–20 июня 1998 г. в стране прошли внеочередные выборы в ПД. Явка на них достигла трех четвертей всего электората — почти как в революционные времена. Чешская социал-демократическая партия (ЧСДП) получила наибольшее число голосов — 32,3%, ГДП — 27,7, КПЧМ — 11, ХДС-ЧНП — 9 и Союз Свободы (СС), праволиберальная партия, созданная в январе 1998 г. Я. Румлом, ставшим ее лидером, — 8,6%. «Сараевское покушение» обернулось гибелью для единства

² Parlament České republiky. Poslanecká sněmovna (далее — PČR. PS) 1996–1998. Stenografický zápis 24. schůze. 15 dubna 1998. Vládní návrh, kterým se předkládá Parlamentu České republiky k vyslovení souhlasu přístup České republiky k Severoatlantické smlouvě, sjednané ve Washingtonu dne 4. dubna 1949 /sněmovní tisk 384/ — druhé čtení [Official Site]. URL: psp.cz/eknih/1996ps/stenprot/024schuz/s024044.htm (accessed: 22.02.2019).

правых сил: ГДП не могла простить «раскольников» с близкими установками, но и левые в отношениях с ними проявляли осмотрительность. Вместе с тем возможное единство левых подрывала крайне идеологизированная Богуминская резолюция, категорически запрещающая союз одной партии левой ориентации с другой, — ей не исполнилось и трех лет. На этом запрете социал-демократы надеялись получить и удержать немало голосов: громко провозглашаемые проклятия «коммунистическому прошлому» свои дивиденды все еще приносили.

Итак, не оказалось мира под оливами — ни у правых, ни у левых. Ситуация складывалась таким образом, что волей-неволей приходилось договариваться тем крупным партиям, которые находились в непримиримом идеологическом противостоянии. Нужны были новые и необычные политические действия, о чем говорили не только политические аналитики и журналисты, но и рядовые избиратели.

На этом фоне в 1998 г. в политической истории ЧР произошло и было зафиксировано в документах знаковое событие — переход от сложившегося в стране в первой половине 1990-х гг. конфронтационно-конфликтного стиля политики к стилю прагматично-консенсусному; вплоть до сегодняшнего дня оно вызывает неоднозначное к себе отношение и полярные оценки. Проявление второго стиля заключается в том, что две крупнейшие политические партии, составлявшие становой хребет политической системы ЧР — левоцентристская ЧСДП и правоцентристская ГДП — по итогам парламентских выборов 1998 г. хотя и выступили в ранге победителей, но контроля в палате депутатов за большинством не получили. Это, собственно, и заставило их искать новые формы сосуществования в политическом ландшафте ЧР — страны всего лишь с пятилетней историей самостоятельного существования, но с многолетними традициями парламентаризма.

Социал-демократы, получившие в нижней палате парламента 74 мандата, по поручению президента В. Гавела приступили к формированию нового коалиционного правительства. Перед ними вырисовывались два варианта: коалиция с оппозиционными правыми мини-партиями или же «большая коалиция» — с оппозиционными же гражданскими демократами, которые обладали 63 мандатами. Третий вариант — союз с коммунистами, имевшими в ПД 24 мандата, из-за Богуминской резолюции даже не рассматривался.

Первый вариант оказался провальным, поскольку политические субъекты, занявшие последние места, — ХДС-ЧНП с 20 голосами и новый СС с 19 мандатами — по разным причинам отказались от сотрудничества с социал-демократами. Сформировать так называемую большую коалицию с гражданскими демократами социал-демократам поначалу тоже не удалось (а ведь подобного рода коалиция между социал-демократами и христианскими демократами имела место в соседней Германии, продемонстрировав свою продуктивность) — в первую очередь, из-за непримиримости идеологических позиций. Тем самым стране грозила ситуация острейшего политического кризиса, который в преддверии вхождения в НАТО в 1999 г., а затем и в ЕС в 2004 г. во что

бы то ни стало нужно было купировать, не допуская дестабилизации политической обстановки.

Пытаясь найти выход, ЧСДП и ГДП пошли, казалось бы, на беспрецедентный, учитывая их идейные разногласия, шаг³. 9 июля 1998 г. лидеры двух партий подписали документ о создании стабильного политического пространства в Чешской Республике, который вошел в чешский политический дискурс под названием «Оппозиционный договор»⁴. Именно с момента его подписания и можно говорить о введении в действие в ЧР нового политического механизма, благодаря которому принципиально изменился стиль политической жизни страны. При этом механизма, основанного не на устных договоренностях, а подтвержденного документально, механизма, ориентированного в сложившейся ситуации на прагматично-консенсусный стиль решений, свойственный чешской, а ранее чехословацкой политической элите и несколько подзабытый в бурные постреволюционные годы.

Стараясь сохранить статус экономически достаточно благополучной страны Европы, данная элита одним из основных своих «козырей» считала (и считает) сохранение политической стабильности в стране. Если пользоваться спортивными терминами, «клинчи» или «паты» между мощнейшими политическими партиями, в первую очередь ГДП и ЧСДП, а также блоками в правительстве могут в принципе привести к экономической нестабильности и даже к общественным возмущениям. В этом нет ничего удивительного, поскольку ЧР находится в самом сердце Европы и способна выступать в качестве своеобразного барометра возможных изменений на континенте и даже в мире. Излишние турбулентности поэтому не нужны ни левым, ни правым, тем более что и те и другие в год 10-летней годовщины «бархатной» революции готовились к вхождению в НАТО.

Суть Оппозиционного договора (далее — Договор) заключалась в том, что он давал право социал-демократам сформировать не «разношерстное» коалиционное, а однопартийное левоцентристское правительство меньшинства и проводить курс на дальнейшие преобразования в стране при пассивной поддержке гражданских демократов. В свою очередь, гражданские демократы, не меняя свои программно-идеологические постулаты, получали возможность занимать высшие государственные посты в ПД и Сенате в обмен на отказ от участия в голосовании о вотуме доверия социал-демократическому правительству.

³ См.: *Holub P.* Miloš a Václav proti všem. 07.07.1998. URL: <https://www.respekt.cz/tydenik/1998/28/milos-a-vaclav-proti-vsem?issuelid=485> (accessed: 11.06.2019).

⁴ Smlouva o vytvoření stabilního politického prostředí v České republice uzavřená mezi Českou stranou sociálně demokratickou a Občanskou demokratickou stranou. Praha, 9.7.1998; см. также: *Шимов Я.В.* «Оппозиционный договор» между Чешской социал-демократической партией и Гражданской демократической партией и его роль в новейшей политической истории Чехии (1998–2002 годы) // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых / отв. ред. С.И. Данченко. Выпуск первый. М.: Институт славяноведения РАН, 2003. С. 193–205; *Kopeček L.* Deformace demokracie? Opoziční smlouva a česká politika 1998–2002. Brno: Barrister & Principal, 2015.

Документ этот небольшой, но крайне емкий, в отличие от деклараций старых и новых партий любой направленности. В преамбуле текст немногим более чем двухстраничного Договора адресовался к 1989 г., когда политические силы Чехословакии признавали необходимость единства действий. Тем самым подчеркивалась и уникальность политической ситуации, аналогичной той, которая сложилась почти десять лет тому назад.

С акцентом на консенсусе в рамках Договора ЧСДП и ГДП обязались уважать право победившей партии формировать правительство и формализовать процесс реализации этого уважения (например, они получили возможность покидать зал при голосовании о доверии), а побежденной партии — находиться в оппозиции правительству, но занимать при этом посты председателей двух палат парламента ЧР и ведущих контрольных органов. ГДП предписывалось не инициировать в ходе избирательного периода в ПД голосование о недоверии правительству и не поддерживать такого рода голосование; относительно ряда политических процедур в пунктах Договора упоминался и срок в 12 месяцев. Говорилось в Договоре также о таком проекте конституции и соответствующих законов, которые усилили бы значение двух соперничавших политических партий.

Заключительные пункты Договора, концентрируясь на прагматизме, предписывали проводить консультации о способах решения внешнеполитических и внутриполитических вопросов до их обсуждения в парламенте, исходя из установки на стабильность, процветание и положение ЧР в мире. Предполагалось также не принимать участия в переговорах и соглашениях с третьими партиями, которые вели бы к ослаблению позиций сторон Договора.

В результате достигнутых договоренностей премьер-министром стал социал-демократ М. Земан, но сначала председателями ПД и Сената были утверждены гражданские демократы — В. Клаус и Л. Бенешова. На базе Договора ЧСДП и ГДП как ведущим, хотя и конфликтующим политическим силам, предстояло в 1998–2002 гг. решать сложнейшие внутривнутриполитические и внешнеполитические вопросы. Договор явился средством деблокирования политической системы Чехии, которое не допустило изменения принципов парламентской демократии и ввело новые формы представительства политических партий в парламенте — даже при том, что в 1998 г. кабинет министров располагал менее широкой опорой в парламенте по сравнению с правительством Клауса в 1996–1997 гг. (74 и 99 депутатов)⁵.

Все же Договор отнюдь не встретил единодушной поддержки уже на стадиях обсуждения, «меньшим злом» его считали не все политики. В этом плане характерны прения в ходе слушаний в нижней палате парламента, явно направленные на то, чтобы избиратель их услышал. Их стенограммы позволяют пристальнее охарактеризовать и параметры Договора, и особенности его рецепции основными политическими силами страны, а главное — зримо увидеть момент

⁵ Чехия и Словакия в XX веке... С. 356.

перехода от одного стиля принятия политических решений, конфронтационно-конфликтного, к другому — прагматично-консенсусному.

Характерно, что даже на сессии ПД 17 июля 1998 г., рассматривавшей вопрос об избрании ее председателя, обсуждались не столько претендовавшие на этот пост две кандидатуры В. Клауса (ГДП) и С. Волака (СС), сколько заключенный между гражданскими демократами и ЧСДП Договор. При этом прогнозировалось, что занятие этого поста Клаусом не будет беспроблемным, поскольку его оппоненты еще по правящей коалиции 1996–1997 гг. готовились к серьезным политическим сражениям за сохранение своих позиций.

Заседание, проходившее под председательством М. Земана, фиксирует полярные оценки кандидатуры В. Клауса. Его сторонниками выступили, конечно же, подписавшие Оппозиционный договор ЧСДП и ГДП, а непримиримыми противниками — ХДС-ЧНП и СС; своеобразную центристскую позицию занимали депутаты от КПЧМ.

Одним из первых слово взял В. Млынарж, председатель фракции СС и министр ЧР в прежнем кабинете Й. Тошовского. Он утверждал, что Клаус «представляет политическую партию, которая перед парламентскими выборами мобилизовалась против левых сил, чтобы затем с ними же объединиться; партию, которая обещала, что никогда не поддержит левое правительство, а после выборов реализовала именно это; партию, которая обещала сформировать правое правительство, но после воспрепятствовала его появлению»⁶. Подобная риторика, конечно, впечатление производила, но, пожалуй, только риторика, поскольку аргументы выступавшего обнаруживались с трудом.

Далее от характеристики кандидатуры на пост председателя оратор перешел к обсуждению отнюдь не входившего в повестку дня заключенного ГДП и ЧСДП Оппозиционного договора. Млынарж пытался уверить парламентариев, что документ подрывает, собственно, сам принцип оппозиции и знаменует крах устоев чешской политики. «Возможно, — утверждал он, — для аналитиков это и является нестандартным политическим новшеством... но, по сути, речь идет о картельном сговоре двух партий, которые делят политическую власть в стране». Радовать, по его словам, «это может только экстремистов... его положения снижают качество демократии». Почему и каких «экстремистов» — на этот вопрос выступавший ответа тоже не дал, тем более что его пламенную речь прервал председательствующий Земан, который напомнил: в повестку дня включен вопрос не о Договоре, а об избрании председателя ПД.

Все же Млынарж завершил свое выступление столь же патетично, как и начинал его: «Голосовать за общего кандидата ГДП и социал-демократов, то есть Вацлава Клауса, — это означает голосовать за одноцветное левое правительство,

⁶ PČR PS 1998-2002. Stenografický zápis 1. schůze. 17 července 1998. Návrh na volbu předsedy Poslanecké sněmovny [Official Site]. URL: <https://www.psp.cz/eknih/1998ps/stenprot/001schuz/s001009.htm> (accessed: 05.03.2019).

целенаправленное разделение власти между сильными партиями, за превращение лжи в политике в норму, за нестабильность в этой стране»⁷.

Краткое слово взял И. Пейн, депутат от ГДП, обвинив предшествовавшего оратора в негативизме и короткой памяти. Он напомнил, обращаясь к фактам, не очень-то благоприятным для первого выступавшего. «Примерно в январе прошлого года, — уточнил он, — возникло правительство Тошовского, которое коллега Млынарж весьма активно готовил в рыбном ресторане и в других местах, правительство, в которое сам он с радостью вошел, оговорив для себя в нем место, — и с кем, будьте любезны ответить, заключило это правительство договор, чтобы оно могло функционировать? Кто поддержал это правительство, кто сделал возможным его существование, ответьте, коллеги? Ведь тогда это ложью не называлось?»⁸.

Заместитель председателя партии СС П. Матею заявил, что политик в статусе председателя ПД должен быть определенным образцом для остальных, то есть, согласно Максу Веберу, «стать идеальным типом политического лидерства». Клаус же, по его убеждению, вместо того чтобы ставить преграду левым, прокладывает путь к их почти неограниченной власти⁹.

В свою очередь, И. Пейн, ссылаясь опять-таки на казус правительства Тошовского, подчеркнул в ответ: «Мы заключили договор, чтобы дать возможность правительству функционировать подобно тому, как это произошло в январе прошлого года, а также подобно тому, как это было в 1996 г. после выборов [в ПД]. Но все же различие заключается в том, что в Договоре четко оговорено, что проходящие в настоящий момент выборы председателя парламента не обязывают нас к тому, чтобы мы поддерживали правительственные проекты»¹⁰. Новизна документа, которую уловили и многие политики, идентифицировалась при этом достаточно четко.

М. Рансдорф, депутат от КПЧМ, отметил, что не будет выступать защитником Договора, но не станет присоединяться и к ламентациям его противников. В адрес же Млынаржа он назидательно заметил: «Демократия неделима. И нельзя добиваться демократии лишь для себя, нужно также признавать право на демократию для других»¹¹. Так уж получилось, что основам демократии наставлял ее яростных приверженцев именно коммунист, аргументы которого прозвучали достаточно убедительно.

Кандидат на пост председателя С. Волак, депутат от фракции СС, вернулся к фиксации все той же противоположности: «Правительство опирается на Договор, обещающий, с одной стороны, стабильность, а с другой — предвещающий жесткую оппозицию»¹². В этом, по его словам, скрывалось непреодолимое

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. s001010.htm

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. s001011.htm

¹¹ Ibid. s001010.htm

¹² Ibid. s001011.htm

противоречие. По его мнению, кандидатура Клауса поддержки более половины ПД получить не должна. Правда, и этот представитель партии СС на свою победу особо не надеялся, если учесть, что известным политическим деятелем он не являлся.

В. Тлусты, депутат от ГДП, заметил, что тон обсуждения, который задали дискуссионты от СС и ХДС-ЧНП, — «попытка дискредитации не только кандидата ГДП на пост председателя Палаты депутатов, но еще и самого акта избрания... Ничего подобного после 1989 г. не было»¹³. Подчеркивалось, что именно представители СС — Млынарж и Матею вместе со своими соратниками из ХДС-ЧНП — заблокировали после выборов 1998 г. возможность формирования правой коалиции. Получалось, что конфронтация между либерально-консервативной ГДП и немногим более либеральным СС, с одной стороны, и, скорее, консервативной ХДС-ЧНП — с другой, характеризовалась как гораздо более ожесточенная, чем союз с «левыми» социал-демократами.

Точки над «i» расставил Клаус, который в заключение заявил: «Нас многое разделяет. В первую очередь, взгляд на мир и воззрения на пути к самому наилучшему управлению общественными делами. Но нас что-то должно и объединять. Нас должно бы объединять уважение к мандату, который мы получили от избирателей. Нас должна бы объединять ответственность по отношению к их доверию и добрая воля вносить вклад в процветание нашей страны»¹⁴. Заключение отличалось не только ораторским блеском, но и убедительностью приводимых аргументов политика, немало сделавшего для достижения стабильности в стране.

Такого рода аргументы и были приняты большинством депутатов, как показали итоги голосования: из 198 присутствовавших в нем участвовали 176 депутатов. За Клауса проголосовали 137, а за его оппонента С. Волака — всего 39 депутатов¹⁵.

22 июля 1998 г., то есть через несколько дней после подписания Оппозиционного договора и назначения главы ПД, президент В. Гавел утвердил однопартийный кабинет меньшинства во главе с М. Земаном. Слушания по вопросу о вотуме доверия ему в ходе 3-й сессии ПД заняли два дня — 18 и 19 августа 1998 г., оказавшись не менее острыми, чем дебаты в связи с избранием ее председателя. Разумеется, всех интересовало, как же выстроится дуэт между этими яркими политическими оппонентами; в итоге оказалось, что общий язык ими был найден.

В своем выступлении 18 августа 1998 г. перед депутатами — транслируя его через них чешским избирателям — премьер-министр Земан сконцентрировал внимание на положениях правительственной программы, сохранившей социал-демократический оттенок. Он, в частности, подчеркнул: «У нынешнего

¹³ Ibid. s001012.htm

¹⁴ Ibid. s001014. htm

¹⁵ Ibid.

правительства нет иных амбиций, кроме того, чтобы в период его пребывания у власти сделать все, чтобы общество стало более свободным, более образованным и более солидарным по сравнению с днем сегодняшним»¹⁶. При этом исходная ситуация, по его словам, радостной отнюдь не являлась. Подкрепляя эту констатацию экономическими выкладками, он разъяснял присутствовавшим: если темпы роста ВВП в 1997 г. составляли 1 %, то в странах ЕС — 2,5 %; в первом же квартале 1998 г. они снизились и равнялись –1 %. «Это не у нас, — продолжал Земан, — а у ушедшего правительства Тошовского государственный бюджет, по прогнозам, в этом году завершится с дефицитом в пределах 20 млрд крон, а система общественных финансов — даже с дефицитом в 40 млрд крон». Но и прогнозы на 2000 г. выглядели в его интерпретации не слишком оптимистично. Могли бы прозвучать слова: таковы итоги правления гражданских демократов с их апологией всевластия рынка. Но они лишь подразумевались в заключительных положениях речи премьер-министра: «Расхождение между нами и членами ЕС, куда мы стремимся войти, начинает увеличиваться вместо того, чтобы уменьшаться»¹⁷. Цель же нового правительства формулировалась его главой следующим образом: «Передать к концу мандата своему преемнику Чешскую Республику в гораздо лучшем положении, чем то, которое оно унаследовало»¹⁸.

Критически комментируя в своем новом статусе председателя нижней палаты парламента его выступление, В. Клаус отметил, что социалистические позиции чешских социал-демократов всем давно и хорошо известны, опять же корректно не развивая эту тему: Договор есть Договор. И все же, остановившись на мотивах, которые сподвигли ГДП как идеологически непримиримого соперника социал-демократов поддержать программу правительства, он подчеркнул: «ГДП решила занять толерантную позицию по отношению к правительству меньшинства, вовсе не надеясь на то, что ЧСДП по волшебной палочке изменится и будет проводить политику в русле приемлемой для гражданских демократов программы... ГДП будет толерантно относиться к правительству ЧСДП вовсе не благодаря ее политике, а вопреки этой политике»¹⁹. «Идея толерантного отношения к правительству меньшинства ЧСДП, — продолжал он, — не является и не являлась для ГДП призом или исполнением желания, а остается горькой необходимостью»²⁰. Клаус утверждал, что «правительство нам предназначили избиратели, а мы попытаемся вносить коррективы в принимаемые им решения. ГДП своим отсутствием во время голосования дает правительству социал-демократов возможность для работы. Однако ГДП останется верной

¹⁶ PČR PS 1998–2002. Stenografický zápis 3. schůze, 18. srpna 1998. Žádost vlády České republiky o vyslovení důvěry [Official Site]. URL: <https://www.psp.cz/eknih/1998ps/stenprot/003schuz/s003005.htm> (accessed: 08.10.2019).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. s003007.htm

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

своим программным принципам, станет последовательной оппозицией и будет — а это непреложный закон — предлагать гражданам возможности изменений, возможность отхода от социалистического курса, возможность возврата к ценностям либерализма и консерватизма, к ценностям, вершиной которых является свобода человека. Это, несомненно, иная мечта, чем та, которой грезит социал-демократическое правительство»²¹.

Вместе с тем глава ПД не мог не отметить плюсов Оппозиционного договора, стабилизировавшего политическую жизнь страны, выводя ее из клинча противостояния партий-победителей. Главный плюс, по его словам, заключался в том, что Договор «ставит социал-демократическое правительство перед жесткими рамками, которые не позволят ему начать возвратное движение в направлении к социализму, этатизму, ограничению свободы граждан, то есть к тому, что могло бы произойти, если бы сформировалось левоцентристское правительство большинства»²². По всей видимости, имелся в виду мифический союз социал-демократов с коммунистами, к которому первые не стремились и без «подсказки» гражданских демократов.

Ранее уже отметившийся в качестве принципиального (на словах) оратора В. Млынарж (СС) утверждал, что можно согласиться с положениями правительственной программы о борьбе с коррупционным экономическим капиталом, усилении правового правосознания, создании более благоприятных условий для развития гражданского общества, с заявлениями о необходимости вхождения в ЕС и НАТО. Все же он подчеркнул, что «большинство других разделов программы правительства не дает оснований для оптимизма»²³, не говоря по своей привычке о таких разделах ничего конкретного.

М. Гребеничек — депутат от КПЧМ — обратил внимание на «концептуальное изменение подхода к проблемам экономической, социальной и культурной политики со стороны государства». По его убеждению, наметился уход от ориентации на групповые ценности к частичному пересмотру интересов большинства граждан и интересов государства в целом. Все же, в конце концов, «должен будет произойти поворот от недооценки роли государства и общественного сектора, от игнорирования социальных аспектов к переоценке роли рынка и к поиску подлинного баланса через согласование всех этих составляющих»²⁴. Однако, по его словам, из программы не следует, что должно произойти приближение к гражданскому обществу равных возможностей.

Й. Лукс (ХДС-ЧНП) поддержал пять направлений правительственной программы, представленной Земаном: борьбу против экономического криминала; территориальное самоуправление; государственное управление; оживление экономического роста; гармонизацию законодательной базы с ЕС, НАТО,

²¹ Ibid. s003008. htm

²² Ibid. s003007.htm

²³ Ibid. s003008.htm

²⁴ Ibid. s003009.htm

а также с Европейской социальной хартией. Правительство Й. Тошовского, по его мнению, «приняло стратегию вхождения в ЕС, стартовые показатели и вектор решения задач»²⁵. Все же, считая ожидания экономического роста нереальными, ХДС-ЧНП не утверждала, что «представленная программа является коммунистической или возвратом к коммунизму», не являлась она и «национальной трагедией». Исходя из этого, партия заявляла, что видит себя в роли «конструктивной оппозиции»²⁶. Со стороны других выступавших правительственная программа называлась «рецептом, многократно испробованным в истории, но всегда с одним и тем же катастрофическим результатом» и т. д., и т. п.

В. Тлусты (ГДП), как председатель фракции ГДП, ответил на вопрос, почему гражданские демократы не будут участвовать в голосовании о доверии правительству и «стерпят» правительство ЧСДП. Доводом, на его взгляд, являлась не программа правительства как таковая, а результаты состоявшихся выборов и уважительное отношение к политическим реалиям²⁷.

Й. Янечек (ХДС-ЧНП) заявил, что хотя ЧСДП выиграла выборы, но левые в целом их проиграли. У левых оказалось 98, а у правых — 102 мандата, что давало полное право представителям правого крыла сформировать свое правительство. Конечно, ГДП обещает, что будет толерантно относиться к правительству социал-демократов и не допустит его падения, но вместе с тем намерена жестко его критиковать в течение всего четырехлетнего электорального цикла. Оценивая подобную позицию как «коллораборационизм», он назвал сложившееся положение «моделью неевропейского правительства и нераспускаемого парламента, моделью доноябрьского периода. Это противоречащая демократии модель»²⁸. Возможно, данная констатация оппонента и была положительно воспринята частью парламентариев, но все же в центре их внимания находились не столько острые реплики и не такие яркие обличения, сколько обоснование конкретных шагов по выходу из кризисной ситуации.

Ф. Пейржил (ГДП) отметил, что правительственная программа реализует атрибуты социал-демократии в нестандартном формате, оценивающим нынешнее состояние страны как «опустошенный магазин». У программы правительства есть проблема — «отсутствие конкретики и обещание всего всем, но без рецепта, откуда взять для всего средства»²⁹.

Депутату от КПЧМ С. Рецману позитив представленного на обсуждение документа виделся в том, что правительство готово налаживать сотрудничество со всеми парламентскими партиями, в том числе и с оппозиционной КПЧМ. «Ведь за последние восемь лет, — сказал он, — все происходило с точностью до наоборот; со стороны правительства проводилась политика изоляции Коммунистической партии и ее фракции в парламенте». Помимо прочего,

²⁵ Ibid. s003011.htm

²⁶ Ibid. s003012.htm

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. s003016.htm

²⁹ Ibid. s003022.htm

он привел показатели задолженности страны: внешний долг за последние 8 лет увеличился по сравнению с 1989 г. и в 1993 г. возрос почти в три раза; в пересчете на 1 жителя страны — с 8 тыс. до 70 тыс. крон³⁰.

К. Сегорж (ГДП) поддержал положения программы в сфере внешней политики, в том числе стремление к сближению ЧР со странами ЕС. «Поэтому, — подчеркнул он, — я буду с уважением относиться к Договору двух самых сильных политических партий и во время голосования не буду присутствовать в Палате депутатов»³¹. Он отметил необходимость уважительного отношения к итогам выборов в ПД, следуя предшествовавшему выступлению своего однопартийца В. Тлустого.

Слушания в ПД продолжились 19 августа. Во взвешенном выступлении депутат от ЧСДП И. Пейн напомнил о решении избирателей считать самой сильной партией социал-демократов. «Знаю, — подчеркнул он, — что существуют мастера риторики, которые могут и эти числа переиначить на другой результат и даже сумеют убедить в том, что избиратели хотели чего-то другого»³². Но, по сути, электорат «дал знать, что хочет перемен, и эта перемена произошла. Я руководствуюсь принципом, что в демократическом государстве следует уважать результаты выборов»³³.

Депутат от СС П. Матею упорно отрицал правительственную программу как «попытку возврата к социалистическому перераспределению и всемогущему государству в руках одной партии», а свою партию назвал «аутентичной и реалистичной оппозицией»³⁴. В том же духе выступил и М. Калоусек (ХДС-ЧНП), заявив, что программа кабинета содержит ряд «социалистических перегибов, которые могут стать реальностью». Заявленный же уход политиков из фракции ГДП перед голосованием о доверии правительству, по его словам, «явно сделает невозможным совместное предотвращение подобных перегибов»³⁵.

Прения на двухдневной сессии еще раз продемонстрировали жесткую дифференциацию политических сил в нижней палате чешского парламента. Непримиримыми противниками правительственной программы выступили, можно сказать, две дважды оппозиционные партии, грозившие отказать в вотуме доверия правительству меньшинства М. Земана, даже вопреки гражданским демократам, зарезервировавшим по Договору за собой ряд преференций. Интересную позицию заняла фракция коммунистов. Депутат В. Филипп аргументировал ее так: «Для КПЧМ представленная сегодня правительственная программа, а также сформированное правительство является весьма положительным

³⁰ Ibid. s003023.htm

³¹ Ibid. s003025.htm

³² Ibid. s003026.htm

³³ Ibid.

³⁴ Ibid. s003029.htm

³⁵ Ibid. s003030.htm

шагом... Он свидетельствует о стремлении, по крайней мере, хотя бы немного изменить [сложившийся в стране] политический стиль»³⁶.

В целом выступавшие от КПЧМ депутаты вели прения в конструктивном ключе, подвергали критике отдельные части программы, но в итоге заняли сдержанную позицию, объявив о решении своей фракции воздержаться при голосовании о вотуме доверия. Эта сверхсмотрительная позиция КПЧМ внесла новый оттенок в прагматично-консенсусный стиль политики ЧР, сделав коммунистов в дальнейшем своеобразными «делателями королей»: их голос оказывался решающим при избрании и президентов, и премьер-министров страны, даже если он звучал приглушенно.

Таким образом, благодаря не только Оппозиционному договору, но и фракции коммунистов левоцентристское правительство М. Земана могло рассчитывать на положительное решение вопроса о получении вотума доверия. Действительно, 19 августа голоса присутствовавших на заседании нижней палаты парламента 136 депутатов распределились следующим образом: «за» — 73 депутата (все от ЧСДП) при требовавшихся 69 голосах, «против» — 39 (ХДС-ЧНП с 20 и СС с 19 мандатами), воздержались 24 депутата (все от КПЧМ с 63 депутатами). Депутатская фракция гражданских демократов в составе тоже 63 чел., согласно положениям Оппозиционного договора, в полном составе покинула зал перед голосованием. Тем самым назначенное 22 июля Гавелом правительство получило вотум доверия и могло приступить к работе. Помимо прочего, был взят и один из серьезных барьеров на пути вступления ЧР в НАТО, а также продемонстрирована готовность взять второй барьер при вхождении страны в ЕС.

Позднее, уже в статусе президента страны, В. Клаус в интервью еженедельнику «Еуро» 29 мая 2006 г.³⁷ отмечал, что он был активным сторонником проведения выборов в 1996, 1998 и, наконец, 2002 г., заботясь об интересах ГДП как опытного политического актора. Вследствие этого не следует ни недооценивать, ни переоценивать, а тем более — демонизировать Договор. По мнению Клауса, он являл собой всего лишь политический документ, который в политических реалиях всего мира постоянно заключается в других странах. «При этом, — отметил он, — забывается, что первый Оппозиционный договор был заключен еще в 1996 г. Участником заключения обоих Договоров являлся и я, когда тянул за один конец веревки, а двумя годами позже — за другой. Коалиция тогда получила на выборах 99 мандатов, и мы с Милошем Земаном заключали Оппозиционный договор в присутствии Вацлава Гавела, который его фактически и продиктовал. Земан тогда получил пост председателя Палаты депутатов, и мне непонятно, почему об этом забыли не только в 1998 г., но и сегодня. Различные заключалось только в одном: в 1996 г. Оппозиционный договор составлялся

³⁶ Ibid. s003063.htm

³⁷ *Páral P., Lékó I.* Rozhovor prezidenta republiky Václava Klause pro týdeník Euro. Rozhovor. 29.05.2006 [Official Site]. URL: <https://www.klaus.cz/clanky/823> (accessed: 12.02.2020).

по инициативе президента [Гавела], а во втором случае — без его участия. Других различий между ними вообще никаких не было. Поношение второго события и замалчивание первого — это своего рода печальная история»³⁸. Остается заметить, что данное высказывание лишь подтверждает отмеченную нами установку на прагматично-консенсусный стиль политики в целом. В соответствии с суждениями Клауса, он наметился еще до 1998 г. и не исчез после года 2002 с учетом фактора самых жестких идеологических баталий.

Все же, как упоминалось ранее, уже с самого начала действия положений Договора стало нарастать отчуждение между политической элитой и гражданским обществом, которое начало воспринимать партии как структуры, заинтересованные в разделе властных полномочий и лоббировании интересов отдельных групп правящей элиты (крупного бизнеса, чиновничества и т. п.) и не выполнявшие изначальную функцию политических партий — представительства и защиты интересов широких социальных слоев³⁹. «Оседлать» подобного рода настроения недовольства стремились две относительно небольшие оппозиционные партии, активность которых уже не ограничивалась только парламентскими дебатами: с осени 1999 г. они стали организаторами антиправительственных акций. Внутриполитические турбулентности сдерживались фактором внешнеполитическим: практически все партии демонстрировали редкое единение в связи с прямо-таки вожделенным вхождением в НАТО, благотворность которого последовательно отрицалась, пожалуй, только коммунистами. Но угроза маргинализации правых партий побуждала их лидеров и идеологов, в первую очередь ХДС-ЧНП и СС, выполнять обещанное: всеми силами торпедировать реализацию положений как Оппозиционного договора, так и правительственной программы.

В этих условиях партиям — соперникам и соратникам поневоле — приходилось искать новые компромиссные решения, которые носили чаще всего эвентуальный характер. Ведь именно для этого чешская политическая элита левой и правой ориентации совместно изобрела некое ноу-хау — технологию урегулирования политических кризисов и конфликтов на основе именно договоренностей прагматически-консенсусного характера. Это позволяло избегать резких реверсов в осуществлении политического курса, которыми характеризовалась внутренняя политика практически всех других стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Можно утверждать, что на это время чешская политическая система вошла в некую гавань спокойствия, а выглядевшие как дилеммы политические позиции партий разрешались в духе прагматизма — через компромиссы и консенсус. Если посмотреть на СМИ, контролировавшие (хотя бы косвенно) ЧСДП и ГДП, или на прения в парламенте, трудно избавиться от ощущения продолжавшейся между ними непримиримой войны. Однако на уровне политических

³⁸ Ibid.

³⁹ Чехия и Словакия в XX веке... С. 357.

решений это впечатление исчезает: они как раз отличались взвешенностью и конструктивностью, что способствовало в том числе и повышению экономического благосостояния граждан страны — довольно успешной динамике в рамках уже не только региона.

Таким образом, с опорой на Оппозиционный договор удавалось разрешать политические кризисы, хотя партиям соратникам/соперникам пришлось 26 января 2000 г. подписать еще один новаторский документ — так называемый Патент толерантности; его можно трактовать, говоря образно, как своеобразные строительные леса при возведении стабильного политического дома в стране. Казалось, что в Договоре все было предусмотрено, но понадобилась еще одна пристройка.

По объему Патент был примерно в 10 раз больше Договора. В нем доминировали положения в основном прагматического характера, которые позволяли сохранить стабильность, крайне необходимую для выполнения всех предъявленных Евросоюзом условий для вхождения ЧР в эту структуру. Он предполагал, в отличие от Договора, голосование ГДП вместе с правящей партией при принятии государственного бюджета, предоставляя ей взамен некоторые избирательные преференции. Намеченные задачи пришлось решать уже новому правительству во главе с социал-демократом В. Шпидлой — но с признанием установки на «взаимную терпимость» двух партий. Он как бы продублировал Оппозиционный договор — документ, предотвративший политический кризис в ЧР накануне вступления страны в НАТО в 1999 г.

Оценивая подписанный с социал-демократами новый документ, Клаус 28 января 2000 г. в статье «Преобразования политической сцены» писал, что Патент станет мишенью негативных эмоций, а не предметной критики, иррациональных реакций, а не стремления понять суть дела. «Вспомним, — подчеркнул он, — свидетелями чего в течение последних десяти лет мы являлись и что мы вынуждены были выслушивать. Раздавались слова о выжженной земле, о глупом капризе, о сбросе правительства во Влтаву»⁴⁰.

Конечно, продолжал он, нельзя создать некую стерильную идиллию, отменить значимость политической борьбы, соперничества, конкуренции, разнообразия. Однако необходимо отличать предметный политический конфликт от непримиримости или враждебности, которые считаются признаками политической незрелости. «Только сейчас — в ходе последнего, столь сложного периода — произошло нечто такое, что нас в конце концов может приблизить к нормальным отношениям взаимной конкуренции», — подчеркнул председатель ПД. Ведь различия программ и даже стилей и форм не обязательно превращают идейных противников во врагов, как это в прошлом часто происходило. «Коалиция между нами, — продолжал он, — по-видимому, невозможна, но возможен серьезный диалог. А для него сегодня мы заложили солидный

⁴⁰ Klaus V. Proměny politické scény. Články a eseje. 28.01.2000 [Official Site]. URL: <https://www.klaus.cz/clanky/2042> (accessed: 13.11.2019).

фундамент. Благодаря этому враждебность может превратиться в конкуренцию. Это станет прекрасным примером для других политиков и политических субъектов, и мы были бы очень рады, если бы они тоже эти позиции признали»⁴¹.

Критически настроенные аналитики делали ставки на то, кто в большей мере выиграл от подписания Договора и Патента, отдавая предпочтение ЧСДП. Но при этом подчеркивалось, что данные документы не посягали на процедуру демократических выборов в ПД, которые состоялись 14–15 июня 2002 г. Формальным победителем во второй раз подряд стала ЧСДП (30,2% голосов и 70 мандатов). ГДП заняла второе место, добившись поддержки 24,47% голосов электората (58 мандатов)⁴². После обнародования официальных результатов голосования президент Гавел — согласно конституционной процедуре — поручил формирование нового кабинета лидеру ЧСДП В. Шпидле, сменившему на этом посту Земана. Следует подчеркнуть, что новое руководство социал-демократов выступило категорически против любого сотрудничества с гражданскими демократами, впрочем, как и они тоже. Оппозиционный договор и Патент толерантности приказали долго жить, и казалось, что в бурной, насыщенной политическими кризисами, отставками правительств, внеочередными выборами и т. д., и т. п. действительности они уже никогда не смогут возродиться.

Все же ситуация с ними оказалась не такой уж простой. Как продемонстрировали выборы 2002 г., наступил не столько конец, сколько приостановка чешского варианта прагматично-консенсусной политики, которую можно трактовать как средство стабильного избегания нестабильностей — при нагнетании кажущихся взаимно уничтожающимися идейных сражений. При этом, если посмотреть на ее аналоги в прошлом (скажем, те же «петки» в межвоенный период), а также в современности (в частности, с 2017 г., когда в Чехии функционирует правительство явного меньшинства), то соответствующему стилю политических решений можно придать и более расширительное толкование.

Постоянный мониторинг динамики изменений в чешской партийно-политической структуре как вчера (на переломе столетий), так и сегодня (в первой четверти века XXI) — задача сложная для понимания истории страны, избегающей жестких реверсов во внутри- и внешнеполитической жизни. При этом образцы политики после выборов 2017 г. по своей сложности превосходят аналоги и 1998 г., и 2000 г.

Но вот квазипарадокс: практически 20 лет спустя после подписания Оппозиционного договора появилось Коалиционное соглашение от 10 июля 2018 г. между ЧСДП (едва ли не по роману Дюма «Десять лет спустя») и — на этот раз — движением «Акция недовольных граждан — 2011» (АНГ). Вслед за этим

⁴¹ Ibid.

⁴² Подробнее см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / отв. ред. К. В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 427–428.

был подписан Патент толерантности номер 2 от 16 июля 2018 г. между АНГ и КПЧМ. Нужно подчеркнуть, что он заключался уже не между равномогущими, хотя и с разнородными идеологическими предпочтениями, партиями, а между еще более идеологически отдаленными, можно сказать, полярными, политическими акторами.

Детальный сопоставительный анализ двух пар документов — тема отдельного исследования. Задача статьи — показать, что именно прагматично-консенсусная политика выступала ранее и выступает сегодня маркером существенных характеристик политических процессов в современной ЧР. Такая политика появилась до 1998 г., и даже до появления независимой ЧР, и, по всей видимости, примет новые формы в будущем. По крайней мере, сохранится главная ее черта — ориентация на прагматичные решения и умелое следование достигнутым договоренностям в ходе политического процесса. В целом Оппозиционный договор можно трактовать как своеобразный «пропуск» в НАТО, а Патент толерантности — соответственно, в ЕС.

Как указывалось, «победительницей» в рассмотренных электоральных циклах стала ЧСДП, но истинной победой, на наш взгляд, явилась стабилизация политической жизни ЧР благодаря действию механизмов, детерминировавших заключение Оппозиционного договора и Патента толерантности, которые позволили стране перейти от конфронтационности к прагматичному (консенсусному) преодолению нестабильностей.

Следует также отметить, что такого рода политика выдержала испытание временем и в настоящий момент вызывает определенную зависть со стороны стран — соседей Чехии, ближних и дальних. Это неудивительно: страну потрясли и потрясают, казалось бы, всеразрушающие идеологические сражения и политические баталии, а она отличается высокими темпами экономического роста и растущими показателями человеческого потенциала.

Президенты постоянно подвергаются угрозам некоего аналога импичмента (казусы Клауса в 2003 г. и Земана — уже в 2019 г.), а их общеевропейский авторитет не снижался. Месяцами (и даже годом — без 100 дней) не утверждалось правительство, но оно тем не менее продолжало работать с постоянными успехами. Массовые демонстрации проходили регулярно, включая собравшие четверть миллиона участников митинги летом и осенью 2019 г., но установка на то, что власть меняется в ходе демократических выборов, а не под давлением улицы, сомнению большинством рядовых чехов не подвергалась.

Один из результатов как Договора 1998 г., так и Патента 2000 г. — консолидация «обманутых» политических микросубъектов, существованию которых, по их утверждениям, угрожала монополия на власть двух мощных партий. Можно было бы говорить и об отчуждении между политической элитой и гражданским обществом, которое воспринимало указанные партии как структуры, заинтересованные в разделе властных полномочий и лоббировании интересов отдельных групп. Но у подписантов Договора звучал убедительный аргумент: у общества не отнимался шанс отдать предпочтение на выборах какой-то одной

партии, а в условиях политического клинча предоставлялась возможность следить за деятельностью одной партии критическими глазами другой, побуждать обеих к прагматическим решениям в интересах всех граждан страны. Нужно отметить: Оппозиционный договор не признавали панацеей все те же граждане, но его, по крайней мере, «терпели» как неизбежное лекарство от ненужных клинчей. Отсюда злостный и порой даже злобно-агрессивный характер выступлений проигравших и маргинализирующихся политических субъектов, в основном представителей правого спектра.

Оппозиционные силы при этом не ограничились парламентскими стенами, и уже осенью 1999 г. недовольство вылилось в протестные акции⁴³. Любопытна оценка, которую спустя 20 лет дал одной из них чешский президент М. Земан. 19 июня 2019 г., поздравляя с днем рождения В. Клауса, он вспомнил, что когда в 1999 г. состоялась демонстрация под лозунгом «Спасибо, уходите», правительство, поддерживаемое гражданскими демократами, все же устояло. «Мы, — подчеркнул Земан, — оба тогда сказали: “Спасибо, не уйдем” и свое слово сдержали. Организаторы же демонстрации утверждали тогда: через год мы придем снова, и нас будет уже не 20, а 200 тысяч. Они пришли, и их там было, действительно, двести, но не тысяч, а только двести человек»⁴⁴.

Уже в 2002 г. пришло время списания в архив как Договора, так и Патента — но не зафиксированного этими документами стиля политики. Именно этому стилю было суждено проявить себя снова и снова, причем наиболее зримо в модифицированном варианте на новом витке чешской политической истории, в 2017 г., когда в стране долго формировалось правительство еще более явного, чем в 1998 г., меньшинства.

Как уже отмечалось, «победительницей» в электоральных циклах 1998–2006 гг. становилась ЧСДП. Однако истинной победой, на наш взгляд, явилась стабилизация политической жизни ЧР благодаря действию политических механизмов, которые позволили стране перейти от конфронтационности к прагматичной консенсусности в ходе преодоления нестабильностей. Трудно не согласиться, что похожая ситуация сложилась и в 2017 г., когда таким «победителем» выступило движение АНГ.

Итак, завершившие четырехлетний электоральный цикл выборы 2002 г. ознаменовали не столько конец, сколько приостановку чешского стиля политических решений, которому можно предписать и более расширительное толкование: его следует трактовать как специфическую черту политической истории государства, расположенного в самом центре Европы — экономически благополучного и крайне политически турбулентного, даже создающего впечатление полностью непримиримой конфликтности.

⁴³ Подробнее см.: Чехия и Словакия в XX веке... С. 357–359.

⁴⁴ Tlaku ulice neustoupím, vzkázal Zeman Klausovi a daroval mu dýmku. 19.06.2019 [Official Site]. URL: <https://cz.sputniknews.com/ceskarepublika/2019061910179537-tlaku-ulice-neustoupim-vzkazal-zeman-klausovi-a-daroval-mu-dymku/> (accessed: 27.10.2019).

Глава 12

ПАМЯТНИК МАРШАЛУ КОНЕВУ КАК ЖЕРТВА ЧЕШСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ ПО РОССИИ

Памятник как символ освобождения Праги от нацизма

Памятник дважды Герою Советского Союза, герою Чехословакии маршалу Ивану Степановичу Коневу работы чешского скульптора Зденека Крыбуса стоял в Праге с 9 мая 1980 г. по 3 апреля 2020 г. Его открыли по случаю 35-й годовщины Великой Победы и освобождения города от нацистов. Тем самым чехи воздали ему должное как командующему 1-го Украинского фронта, войска которого в мае 1945 г. в результате кровопролитных боев сумели не только выбить из города крупную группировку войск, но и спасти чехословацкую столицу от разрушения. По данным Минобороны России, удалось установить имена 384 красноармейцев, погибших при освобождении города. Имена еще 77 отдавших жизнь за Прагу воинов-освободителей пока неизвестны¹.

Всего в Пражской наступательной операции погибли порядка 12 тыс., а в боях за освобождение Чехословакии — почти 140 тыс. советских воинов. Потому по всей Чехии имеются воинские захоронения красноармейцев, а во многих городах в их честь установлены монументы и памятные знаки. На сегодняшний день на чешской территории находится 4224 памятника или захоронения красноармейцев². Наиболее известные из них — мемориал на Ольшанском кладбище в Праге и памятник воинам-освободителям в Брно. И, разумеется, в это число входил и памятник Коневу в районе Прага 6, недалеко от здания посольства России. Именно он стал объектом политических споров внутри Чехии, которые могут иметь неприятные последствия для российско-чешских отношений.

¹ Список военнослужащих Советской армии, погибших на территории Чехословацкой Республики во время Великой Отечественной войны. Первая книга // Обобщенный банк данных «Мемориал» — создан по инициативе Министерства обороны Российской Федерации в 2007 г. [Official Site]. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=66740639&page=2&p=2> (дата обращения: 24.01.2020).

² Přesun Koněvové sochy podle Petříčka neporuší smlouvu s Ruském // Denik.cz. 18.09.2019. URL: https://www.denik.cz/z_domova/presun-konevovy-sochy-podle-petricka-neporusi-smlouvu-s-ruskem-20190918.html (accessed: 24.01.2020).

Как судьбу «бронзового» Конева вручили чехам

После «бархатной» революции 1989 г. Чехия (до 1993 г. — Чехословакия/Чехо-Словакия) активно начала бороться с наследием социализма. И уже в начале 1990-х гг. возникла необходимость в правовом регулировании ухода за памятниками и могилами красноармейцев на чешской территории. Вопрос об охране памятников и воинских захоронений затрагивал еще договор об основе взаимоотношений между Россией и Чехией, подписанный в 1993 г. В нем говорилось: «Договаривающиеся стороны будут оказывать взаимное содействие в деле сохранения и изучения культурного и художественного наследия своих стран, включая охрану памятников истории и культуры»³.

Спустя два года его дополнил договор об охране воинских захоронений, где отмечалось: «Российские военные захоронения — места на территории Чешской Республики, где захоронены российские граждане и граждане бывшего СССР, которые погибли в результате войн, ...включая индивидуальные и братские могилы, кладбища или участки кладбищ, памятники и мемориалы, установленные на этих местах; договаривающиеся стороны обеспечивают сохранность военных захоронений на территориях своих государств и их содержание в надлежащем виде. При обеспечении сохранности, содержании и обустройстве новых военных захоронений договаривающиеся стороны будут действовать в соответствии со своим национальным законодательством, а также с учетом национальных, религиозных и иных традиций своих государств»⁴.

В то же время из документов не следует, какие именно памятники подпадают под действие договора, и российские дипломаты в 1990-е гг. не настояли на создании подобного перечня. Определять его предстояло чешским властям по собственному усмотрению. В 2004 г. они приняли закон «О воинских захоронениях и памятных местах», в котором, в частности, отмечалось: «Воинскими захоронениями следует считать и... памятники..., напоминающие о войнах и людях, ставших жертвами военных конфликтов»⁵. Согласно документу, собственником таких памятников является собственник земли, на которой стоит монумент. Это или частные лица, или соответствующий муниципалитет. Но основная ответственность за их сохранность возлагается на министерство обороны Чехии⁶.

³ Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Чешской Республикой 26 августа 1993 г. // Техэксперт. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Official Site]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901898022> (дата обращения: 24.01.2020).

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Чешской Республики о взаимном содержании военных захоронений // Техэксперт. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Official Site]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901783313> (дата обращения: 24.01.2020).

⁵ Zákon č. 122/2004 Sb., o válečných hrobech a pietních místech // Zákony pro lidi. cz. [Official Site]. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2004-122> (accessed: 24.09.2019).

⁶ Ibid.

Что касается сноса или переноса памятника, то в законе ясно сказано: «Снос или перемещение памятника производится... только на основе письменного согласия министерства обороны»⁷. При этом на сайте министерства обороны Чехии четко прописано, что данный монумент не является воинским захоронением и не подпадает под действие вышеозначенного закона⁸... Тем самым в чешском законодательстве появилась лазейка, позволяющая распоряжаться судьбой памятника маршалу Коневу (и рядом других монументов) местным органам власти. Так что статуи и знаки, не имеющие «охранной грамоты» от военного ведомства, в любой момент могли бы пасть жертвой политических игр не на национальном и даже не на региональном, а на местном уровне.

«Точечная» борьба с советскими памятниками

В отличие от соседней Польши, где снос памятников стал государственной политикой, в Чехии борьба с наследием эпохи социализма не обернулась массовым демонтажем монументов красноармейцам. Однако отдельные громкие случаи имели место. Более других на шумела история с «Розовым танком». Еще в 1991 г. памятник советским танкистам — освободителям в пражском районе Смихов в виде танка, стоявший там с лета 1945 г., покрасили розовой краской и убрали с постамента. Его сочли напоминанием о вводе советских войск в Чехословакию летом 1968 г. Все попытки России очистить танк и вернуть на прежнее место окончились ничем. Он так и стоит в военно-техническом музее в Лешанах, в 30 км к югу от Праги⁹.

Жаркие споры закипели и вокруг установленного еще в 1955 г. памятника воинам-освободителям в Брно, который точно подпадает под действие закона 2004 г. С 2007 г. вандалы постоянно сбивали с него изваяние пятиконечной звезды и серпа с молотом, но по требованию Генерального консульства РФ возвращали их на место. В 2010 г. власти попытались снять с него серп и молот, оставив только звезду. Вице-мэр города Мартин Андер прямо объяснил это тем, что серп и молот напоминает чехам об установлении не без помощи СССР власти Компартии в 1948 г., а также о подавлении советскими войсками 20 лет спустя попыток реформирования чехословацкого социализма в ходе Пражской весны¹⁰.

⁷ Ibid.

⁸ Praha 6 — № военного захоронения: CZE0006-41772 // Ministerstvo obrány ČR [Official Site]. URL: <http://www.evidencevh.army.cz/Evidence/detail-hrobu-cimista?id=CZE0006-41772> (дата обращения: 24.09.2019).

⁹ Zpět zelenou. Rusové sbírají na růžový tank z Prahy // Tyden.cz. 24.10.2011. URL: https://www.tyden.cz/rubriky/zahranici/rusko-a-okoli/zpet-zelenou-rusove-sbiraji-na-ruzovy-tank-z-prahy_215557.html (accessed: 24.01.2020).

¹⁰ Чехия хочет избавиться от советских символов... // NewsRu.com. 22.01.2010. URL: <https://www.newsru.com/world/22jan2010/brno.html> (дата обращения: 24.01.2020).

По словам Андера, чехи порой забывают, в честь чего стоит та или иная статуя. «Люди забывают, что он призван вовсе не напоминать о коммунистическом прошлом, а отдавать должное освободителям города Брно. А бесконечные дебаты вокруг серпа и молота рождают совсем другие мысли. Для чехов это неприятно, ибо вызывает в памяти 1948 и 1968 годы»¹¹. После этого монумент отправили на реставрацию, которая обошлась городскому бюджету в 45 млн крон (примерно 1,8 млн евро). Существовали опасения, что памятник не вернут на прежнее место или же с него снимут серп и молот. Но в октябре 2013 г. монумент благополучно вернулся на прежнее место в первоизданном виде¹².

Гораздо меньше повезло памятной доске на одной из главных достопримечательностей Праги — ратуше на Староместской площади. На ней высечены слова о благодарности Красной армии и лично маршалу Коневу, освободившим Прагу. В апреле 2017 г. власти Праги под предлогом реставрации ее сняли и впоследствии отказались вернуть на место на основании указанных на ней якобы «исторически неточных данных»¹³. Вопрос о том, является ли неточностью дата 9 мая, или упоминание о немецкой оккупации, или же слова о «стремительном ударе доблестной Красной армии», так и остался без ответа. Можно только предположить, что раздражение вызвала именно последняя формулировка.

Акция прошла уже после ухудшения отношений России и Запада в 2014 г., в канун парламентских и президентских выборов в Чехии 2017–2018 гг. Так что действия пражских чиновников, вероятно, объясняются текущей политической конъюнктурой. Данный эпизод показал, что сохранение памяти о красноармейцах, погибших в 1945 г. в боях за освобождение Праги, во многом зависит от степени ангажированности чиновников регионального и местного уровня. Правовые возможности российской стороны повлиять на развитие событий оказались крайне ограниченными. Заключенные еще в 1990-е гг. двусторонние договоры отнюдь не всегда спасают ситуацию.

«Бронзовый» Конев ждал своей очереди

Вопрос о будущем памятника маршалу Коневу в районе Прага 6 (Бубенеч) неоднократно вставал на повестку дня чешской политики. В 1990-е гг., несмотря на неоднократные осквернения, его не тронули. Однако уже в 2007–2008 гг.

¹¹ Там же.

¹² В Брно вернулся символ мужества // Московская правда. 30.10.2013. URL: http://a.mospravda.ru/culture_spectacles/article/v_bрно_vernoysya_simvol_myjstva/ (дата обращения: 24.01.2020).

¹³ На Староместской ратуше больше не будет мемориальной доски в честь освобождения Праги Красной армией // 420ON.cz. 19.07.2017. URL: <https://420on.cz/news/people/54484-na-staromestskoy-ratushe-bolshe-ne-budet-memorialnoy-doski-v-chest-osvobozhdeniya-pragi-krasnoy-armiei> (дата обращения: 24.01.2020).

возникла опасность демонтажа статуи. В тот момент российско-чешские отношения осложнялись желанием руководства Чехии разместить на своей территории элементы системы противоракетной обороны (ПРО) США. Оппозиционер премьер-министра Мирослава (Мирека) Тополанека по Гражданской демократической партии (ГДП), тогдашний руководитель района Прага 6 Томаш Халу-па взял право решать судьбу монумента на себя. «Мы, — сказал он, — намереваемся облагородить зеленую зону нашего района. На месте сквера возникнет Парк деятелей, в котором будут размещены статуи исторических личностей со всего мира... Многие государства посылают их в дар Праге... В Парке деятелей будет стоять и памятник маршалу Коневу»¹⁴.

В то время подобная инициатива не получила развития. Противники сноса памятника организовали сбор подписей в его защиту, местные коммунисты постоянно приходили к статуе, стремясь подчеркнуть ту положительную роль, которую советский маршал сыграл в истории страны. Мэр Праги Павел Бем возложил к нему цветы. Защитников «бронзового» Конева поддержал и второй президент Чехии Вацлав Клаус, приславший им приветственное письмо. Спустя четыре года местная русскоязычная газета «Пражский экспресс» организовала возложение цветов к монументу по случаю 115-й годовщины со дня рождения маршала¹⁵.

После ухудшения отношений России и Запада в 2014 г. вопрос о судьбе статуи встал с новой силой. В апреле 2015 г. группа активистов потребовала убрать монумент, ссылаясь на то, что маршал Конев участвовал в подавлении антисоветского восстания в Венгрии 1956 г. и строительстве Берлинской стены пять лет спустя. У памятника немедленно нашлись и защитники, потребовавшие оставить статую в покое. Глава района Прага 6 Ондржей Коларж предложил компромисс: монумент останется на месте, а возле него появится доска, рассказывающая о «неблаговидной» стороне биографии маршала. Тогда он произнес: «Демонтировать монумент было бы неверным решением... Лучше водрузить рядом с ним табличку, повествующую о том, что маршал делал помимо того, что освобождал Прагу»¹⁶.

В 2018 г., в рамках подготовки к 50-летней годовщине ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию, такая табличка появилась, хотя посольство России немедленно выразило протест. На ней, помимо рассказа о событиях в Венгрии и ГДР, говорится о том, что Конев имел отношение и к событиям

¹⁴ Власти Праги намереваются перенести памятник маршалу Ивану Коневу // Радио Свобода. 05.05.2008. URL: <https://www.svoboda.org/a/446315.html> (дата обращения: 24.01.2020).

¹⁵ Цветы для маршала Конева // Пражский экспресс. 15.12.2012. URL: <https://www.prague-express.cz/news-main/24645-2012-12-14-09-05-19.html> (дата обращения: 24.01.2020).

¹⁶ Socha maršála Koněva zřejmě přežije, kontroverzi vyřeší tabulka // ČT24.cz. 19.04.2015. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/domaci/1519968-socha-marsala-koneva-zrejme-prezije-kontroverzi-vyresi-tabulka> (accessed: 24.01.2020).

1968 г. в Чехословакии¹⁷. Подобное упоминание сделали, несмотря на разъяснения чешских историков о том, что к тому времени Конев вышел на пенсию и с подавлением Пражской весны никак связан не был¹⁸. 22 августа 2019 г. вандалы осквернили монумент, а глава района Коларж отказался его очищать и высказался за демонтаж, попутно нелестно отозвавшись об активистах, попытавшихся очистить памятник. «Это были, — заявил он, — какие-то пророссийские “тролли”, выполнявшие волю посольства России... Не понимаю, почему мы должны полировать коленки маршала. Стоимость его очистки, начиная с 2015 года, превысила миллион крон»¹⁹.

С подачи Коларжа 11 сентября 2019 г. совет района Праги 6 выступил за перенос памятника Коневу в другое место и строительство на его месте монумента неким освободителям Праги. «Принято решение о переносе памятника в достойное место, в один из музеев, и проведении конкурса на создание нового памятника героям — освободителям Праги в 1945 году... Мы хотим поговорить с русскими и предложить им переместить памятник Коневу в музей или на территорию посольства... Совет района Прага 6 с уважением относится к потерям, которые понесла Красная армия во время освобождения Европы от нацизма... Но нужно добавить, что Красная армия принесла и террор. Конкретно в районе Прага 6 посадили наших соседей»²⁰. В итоге 3 апреля 2020 г. памятник демонтировали.

Район Прага 6 как «цитадель» антироссийских партий

То, что депутаты района Прага 6 приняли подобное решение, стало возможным благодаря электоральным особенностям чешской столицы. За перенос памятника проголосовали 33 из 45 депутатов, представляющих четыре партии: либерально-консервативные, проевропейские партии «Традиция, Ответственность, Процветание 09» (ТОП 09) и «Старосты и независимые» (СТИН), евроскептическую ГДП и консервативный проевропейский

¹⁷ Okupant, či osvoboditel? Pomník Koněva doplní vysvětlující tabulka v červnu // Deník.cz. 30.01.2018. URL: https://prazsky.denik.cz/zpravy_region/okupant-ci-osvoboditel-pomnik-koneva-doplni-vysvetlujici-tabulka-v-cervnu-20180130.html (accessed: 24.01.2020).

¹⁸ Historik: Koněv přiletěl nečekaně, sondoval situaci v ČSSR. Jeho zprávy ale o invazi nerozhodly // Aktualne.cz. 21.08.2018. URL: <https://zpravy.aktualne.cz/domaci/historik-konev-priletel-necekane-sondoval-situaci-v-cssr-jeh/r-daca44c0a51111e889f40cc47ab5f122/?redirected=1535111306> (accessed: 24.01.2020).

¹⁹ Starosta: Sochu vyčistili ruští trollové. RozhodneoKoněvovireferendum? // Deník.cz. 28.08.2019. URL: https://prazsky.denik.cz/zpravy_region/konev-socha-starosta-kola-rusti-trollove-referendum-praha6-historie-20190828.html (accessed: 24.01.2020).

²⁰ Praha 6 schválila odstranění Koněva, nahradí ho památník hrdinů // iDNES.cz. 12.09.2019. URL: https://www.idnes.cz/praha/zpravy/socha-koneva-v-zastupitelstvo-prahy-6-premisteni-pomniku.A190910_085328_praha-zpravy_rsr (accessed: 24.01.2020).

Христианско-демократический союз — Чехословацкая народная партия (ХДС-ЧНП)²¹. На общенациональном уровне именно они выступают за усиление давления на Россию и сохранение антироссийских санкций Евросоюза. Причем глава района Прага 6 Коларж принадлежит к наиболее радикальной из них — ТОП 09, единственной партии, настаивающей на вмешательстве в российскую политическую жизнь с целью смены власти в Кремле²².

На парламентских выборах 2017 г. четыре означенные партии получили в сумме 27,61% голосов избирателей. Однако в Праге сумма поданных за них бюллетеней оказалась существенно выше — 38,67%, причем результат однопартийцев Коларжа из ТОП 09 в столице более чем вдвое превысил общенациональный (12,64% против 5,31%)²³. Та же картина наблюдалась и на президентских выборах в январе 2018 г. Во втором туре поддержанный всеми четырьмя антироссийскими партиями Иржи Драгош получил в Праге 68,75% — самый высокий результат в целом в Чехии. Победивший же Милош Земан, заручившийся поддержкой 51,36% сограждан, в Праге набрал лишь немногим более 31%²⁴.

Что касается района Прага 6, то в нем общий результат четырех партий составил 44,39%, причем ТОП 09 набрала 16,33%, продемонстрировав один из самых лучших итогов и по городу, и по стране²⁵. А во втором туре президентских выборов Драгош получил свыше 73% голосов, в то время как Земан довольствовался неполными 27%²⁶. Таким образом, в данном районе антироссийские партии и кандидаты даже популярнее, чем по столице в целом. Поэтому преобладание в муниципальном совете Праги 6 представителей антироссийских партий кажется вполне естественным. И то, что они проголосовали за перенос монумента советскому военачальнику, закономерно. В то же время вероятность принятия подобного решения в других регионах страны значительно ниже, ибо расклад политических сил там иной.

²¹ Facka osvoboditelům! // HaloNoviny. 12.09.2019. URL: <http://www.halonoviny.cz/articles/view/51955751> (accessed: 24.01.2020).

²² Трухачев В. В. «Российский» раскол Чехии // Перспективы. Электронный журнал. 2018. №3. С. 100–113. URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/701/3_2018_7_000.pdf (дата обращения: 24.01.2020).

²³ Volby do Poslanecké sněmovny Parlamentu České republiky konané ve dnech 20.10.–21.10.2017 // Volby.cz. [Official Site]. URL: <https://www.volby.cz/pls/ps2017/ps61?xjazyk=CZ&xv=2> (accessed: 24.01.2020).

²⁴ Volba prezidenta republiky konaná ve dnech 12.01.–13.01.2018. Výsledky hlasování za územní celky — výběr územní úrovně // Volby.cz. [Official Site]. URL: <https://volby.cz/pls/prez2018/pe3?xjazyk=CZ> (accessed: 24.01.2020).

²⁵ Konečné výsledky voleb 2017: obec Praha 6 // Info.cz. Parlamentní volby 2017 [Official Site]. URL: <https://www.info.cz/volby-2017/vysledky-voleb/obec-praha-6/?kraj=1&okres=CZ0100&obec=500178> (accessed: 24.01.2020).

²⁶ Volba prezidenta republiky konaná ve dnech 12.01.–13.01.2018. Výsledky hlasování za územní celky. Kraj: Hlavní město Praha. Obec: Praha 6 // Volby.cz. [Official Site]. URL: <https://volby.cz/pls/prez2018/pe311?xjazyk=CZ&xnumnuts=1100&xobec=500178> (accessed: 24.01.2020).

Кроме того, интересна и сама личность главы района Коларжа, на политические взгляды которого мог повлиять его отец — посол Чехии в России в 2011–2012 гг. Петр Коларж. Диссидент времен социализма, он постоянно в крайне резких тонах высказывался о России. Так, по его мнению, противники размещения ПРО США на чешской территории были «полезными русским идиотами, действовавшими на “российские деньги”»²⁷. Крайне пренебрежительно отзывался он и о самой России, которую считает одной из главных угроз. «Хотя русские, — утверждал он, — внешне похожи на нас, они совершенно иные... В отличие от развитой Европы, в России господствует иная философия: отдельно взятая личность ничего не значит, все подчиняется поддержке государя... И она постоянно проверяет на прочность цивилизованный мир, выясняя, как же далеко она может зайти в своих имперских устремлениях»²⁸. Так что вполне логично, что именно его сын, получив в руки определенные административные рычаги, сыграл самую активную роль в демонтаже памятника советскому маршалу.

Ретивые и «мягкие» противники монумента

Действия властей Праги 6 вызвали живую реакцию в чешской политической элите. Ожидаемо поддержал действия младшего соратника основатель партии ТОП 09, бывший глава МИД Чехии Карел Шварценберг. По его мнению, Коневу в Праге не место вследствие его послевоенной биографии. «Если бы памятник был там со времен войны, никто бы сегодня не возражал. Но он был построен в неудачное время нормализации²⁹... Я думаю, что сопротивление Коневу было подкреплено информацией о том, что он подавил восстание в Венгрии... Это было ужасно. Поэтому я считаю памятник Конева сомнительным»³⁰.

Руководство ХДС-ЧНП относительно переноса памятника и поддержки данного решения со стороны своих муниципальных депутатов не сказало ничего. А вот заместитель руководителя партии СТИН Петр Газдик предпочел уйти от ответа на вопрос, поддерживает ли он подобное решение. Однако из его слов,

²⁷ Rusové nás už jednou rozložili. Kvůli radaru, říká diplomat Kolář // SeznamZpravy.cz. 22.01.2017. URL: <https://www.seznamzpravy.cz/clanek/i-my-se-snazime-ovlivnovat-volby-v-rusku-rika-diplomat-kolar-12273> (accessed: 24.01.2020).

²⁸ «Vymytí idioti», rozčiloval se exvelvyslanec Kolář... // ParlamentníListy.cz. 27.11.2015. URL: <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/-Vymyti-idioti-rozciloval-se-exvelvyslanec-Kolar-nad-radikalizovanymi-muslimy-v-Evrope-A-Roucek-vedle-dodal-Pred-triceti-lety-jsem-v-Anglii-navstivil-mesitu-a-410234> (accessed: 24.01.2020).

²⁹ Так в Чехии и Словакии называют период позднего социализма 1969–1989 гг. (прим. авт.).

³⁰ Schwarzenberg: Zeman se chová jak Ludvík XIV // TOP 09. 23.09.2019 [Official Site]. URL: <https://www.top09.cz/co-delame/medialni-vystupy/schwarzenberg-zeman-se-chova-jak-ludvik-xiv-26305.html> (accessed: 24.01.2020).

скорее, следует, что перенос памятника — внутреннее дело Чехии, и он как минимум не имеет ничего против подобного развития событий. «Маршал Конев оставил как позитивный, так и негативный след в истории... Мы — независимое государство, не сателлит России»³¹, — заявил он.

Лидер ГДП Петр Фиала не исключил проведение в этой связи районного референдума, но выступил против того, чтобы Россия громко высказывалась по данному вопросу. «Это, — подчеркнул он, — суверенное право нашего народа решать, кому ставить памятники, а кому нет»³². Его заместитель евродепутат Ян Заградил предложил решить вопрос с помощью переноса памятника на землю, принадлежащую министерству обороны. «Району Прага 6, — сказал он, — не следует заниматься темой, которая вызывает шквал эмоций в обществе... Министерство обороны должно договориться с районными властями о перемещении статуи на принадлежащую ему территорию»³³.

Представители Пиратской партии в районе Прага 6 не стали защищать памятник, однако призвали провести референдум о его судьбе в день общенациональных парламентских выборов. «Кроме участия в освобождении части Чехословакии, за Коневым значатся кровавое подавление восстания в Венгрии, строительство Берлинской стены... А также захват жителей Праги русского происхождения бойцами СМЕРШ... Мы предложили бы провести референдум по вопросу о будущем статуи на площади Интербригады. Это... законное средство, когда жители Праги 6 могут сами выбрать, рядом с чем они хотят жить»³⁴, — заявляют «пираты». Данное заявление разместили на официальном сайте партии. Очевидно, ее руководство с ним согласно.

Как видно из заявлений представителей проатлантических и проевропейских оппозиционных партий, они не возражают против идеи переноса памятника в другое место. Однако за однозначный демонтаж выступили только однопартийцы главы Праги 6, представители одной из наиболее антироссийских партий ТОП 09. Большинство же других партий выступали с оговорками, подчеркивая противоречивую роль маршала Конева в истории, хотя напоминание о событиях эпохи социализма явно перевешивало рассказ о его роли в освобождении Праги.

³¹ Gazdík: At' mladí volí od 16 let, brání to extremismu. Čapí hnízdo? Šaroch mluvil jinak, asi ho osvětil Duch svatý // ParlamentníListy.cz. 18.09.2019. URL: <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/rozhovory/Gazdik-At-mladi-voli-od-16-let-brani-to-extremismu-Capi-hnizdo-Saroch-mluvil-jinak-asi-ho-osvivil-Duch-svaty-596366> (accessed: 24.01.2020).

³² Komentář ruského ministra ke Koněvovi byl zbytečný a urážlivý, řekl Hamáček // iDNES.cz. 08.09.2019. URL: https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/hamacek-komentar-rusko-ministr-zbytecny-urazlivy.A190908_160429_domaci_zaz (accessed: 24.01.2020).

³³ Zahradil k soše Koněva: Mám řešení. Vládo, konej! // ParlamentníListy.cz. 07.09.2019. URL: <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Zahradil-k-bose-Koneva-Mam-reseni-Vlado-konej-595151> (accessed: 24.01.2020).

³⁴ At' o soše Koněva rozhodnou sami Pražané v referendu, navrhuje Piráti z Prahy 6 // Pirátská strana. 27.08.2019 [Official Site]. URL: <https://praha.pirati.cz/at-lide-o-konevovi-rozhodnou-v-referendu.html> (accessed: 24.01.2020).

В то же время тема оказалась не самой удобной даже для большинства политиков, настроенных антироссийски. И они склонялись в сторону половинчатого решения в виде переноса на земли Минобороны или референдума, а то и вовсе делали акцент не на судьбе монумента, а на невмешательстве в нее извне, из России. Однако последовательными, на уровне партии, сторонниками народовластия показали себя только «пираты». Точку зрения остальных трех партий можно расценить как «согласие на перенос с некоторыми оговорками».

Безоговорочные защитники Конева

Помимо желающих убрать статую маршала Конева с привычного места, в Чехии нашлись и защитники памятника. Наиболее последовательно это делала Коммунистическая партия Чехии и Моравии (КПЧМ), принявшая на уровне руководства специальное заявление по этому поводу. По ее мнению, данное решение следует рассматривать в свете ориентации чешской внешней политики на Евросоюз и США, а также стремлении очернить годы социализма. «Речь, — говорится в документе, — идет о насаждении ненависти к периоду правления коммунистов, о так называемом приравнивании коммунизма к нацизму... Кроме того, дело касается разжигания ненависти к России... Мы осуждаем... решение совета района Прага 6... Переписывание истории не способствует спокойствию в обществе. Оно... имеет цель еще больше укрепить экономические и военные связи со странами ЕС и США»³⁵.

Крайнее недовольство действиями районных властей Праги 6 высказал и один из руководителей крайне правой партии «Свобода и прямая демократия» (СПД), руководитель ее фракции в парламенте Чехии Радим Фиала. «Руководство Праги 6... намеренно искажает историю и оскорбляет память победителей над фашизмом. Оно создало ситуацию, которая поощряет вандалов. Ради создания образа России как врага уничтожают память о том, кто не дал нашей стране раствориться в империи Гитлера... Это оскорбление огромных жертв, которые понес тогда русский народ... Конев был солдатом, который освободил Освенцим, взял Берлин и освободил Прагу»³⁶, — утверждал он.

Сторонники сохранения статуи на прежнем месте неоднократно приходили к ней. Среди ее активных защитников были не только коммунисты и националисты, но и, к примеру, депутат парламента от социал-демократов Ярослав Фолдына. «30 лет, — подчеркнул он, — памятник никому не мешал, и вот

³⁵ Nesouhlasíme s prepisováním historie // Komunistická strana Čech a Moravy. 30.08.2019 [Official Site]. URL: <https://www.kscm.cz/cs/aktualne/stanoviska/nesouhlasime-s-prepisovanim-historie> (accessed: 24.01.2020).

³⁶ Radim Fiala: Vedení a starosta Prahy 6 zakrývají sochu maršála Koněva, aby ji údajně chránili proti vandalismu // Svoboda a přímá demokracie [Official Site]. URL: <https://www.spd.cz/novinky/5949-radim-fiala-vedeni-a-starosta-prahy-6-zakryvaji-sochu-marsala-koneva-aby-ji-udajne-chranili-proti-vandalismu> (accessed: 24.01.2020).

во главе района встал почти карикатурный персонаж. Маршал Конев символизирует освобождение Чехословакии и наше сегодняшнее право свободно выражать свое мнение»³⁷. Приходил защищать памятник и пресс-секретарь президента Чехии Иржи Овчачек, отметивший следующее: «У нас есть разные мнения, мы голосуем за разные партии. Но нас объединяет одно. Мы отвергаем переписывание истории и людей, которые растаптывают демократические ценности»³⁸.

Однако самую известную акцию в защиту «бронзового маршала» провели не политики. Мужчина средних лет после решения властей района Прага 6 специально приехал в Прагу с севера Чехии и приковал себя к памятнику. Свой поступок он объяснил следующим образом: «Я не пророссийский активист, но я и не антироссийский. Ситуация с переносом памятника касается меня лично. Можно по-разному относиться к Коневу, но именно советские солдаты освободили Прагу от фашизма»³⁹. Как видно, судьба статуи не оставила равнодушными не только политиков, но и некоторых простых граждан. И среди них нашлись те, кто решительно возражает против действий районных властей.

Таким образом, у переноса памятника Коневу в районе Прага 6 имелись не только однозначные сторонники, но и горячие противники, готовые защищать его даже ценой своего здоровья. Желание перенести монумент пробудили и в народе, и в ряде представителей политической элиты воспоминание о том неопценимом вкладе, который Красная армия и лично маршал Конев внесли в освобождение чехов от нацизма. И, как видно, среди тех, кто не желает убирать статую, имеются не только коммунисты, которые по понятным причинам отстаивают добрую память об эпохе социализма. Просто среди чехов нашлись те, для кого память об освобождении 1945 г. не была перекрыта событиями 1968 г. и иными издержками эпохи социализма.

Молчание премьера, колебания президента и социал-демократов

Несмотря на то, что тема судьбы памятника Коневу вызвала огромный интерес и в Чехии, и за ее пределами, премьер-министр Андрей Бабиш не сказал по ней ничего. Промолчали и другие руководители возглавляемой им партии «Акция недовольных граждан» (АНГ), в том числе и министр обороны Любомир Метнар, чье ведомство прямо отвечает за сохранность воинских захоронений.

³⁷ Koněv zůstal po protest opět bez plachty, radnice odveze lešení // iDNES.cz. 02.09.2019. URL: https://www.idnes.cz/praha/zpravy/pomnik-marsala-koneva-protestni-akce-proti-zakryti.A190902_121522_praha-zpravy_rsr (accessed: 24.01.2020).

³⁸ Ibid.

³⁹ Трухачев В. Прага неблагодарная: опасность сноса памятника Коневу не оценили вовремя // EADaily.com. 21.09.2019. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/09/21/praga-neblagodarная-opasnost-snosa-pamyatnika-konevu-ne-ocenili-vovremya> (дата обращения: 24.01.2020).

В итоге ситуацию комментировал глава отделения партии в районе Прага 6 Мартин Полах. И он выступил против переноса статуи: «Я за сохранение существующего положения вещей. Поскольку памятник дополнила разъяснительная табличка, мы выступаем против переноса статуи маршала Конева»⁴⁰.

В отличие от партнеров по правящей коалиции, Чешская социал-демократическая партия (ЧСДП) обозначила свою позицию. О ней заявил ее руководитель, министр внутренних дел Ян Гамачек, раскритиковавший власти района Прага 6: «Конев... не был олицетворением большевистского террора, нет смысла разрушать памятник ему. Во время Второй мировой войны он был очевидцем нацистских ужасов, видя, что немцы совершали в своей стране, освободил Освенцим. Он и его войска были преисполнены желанием покончить с нацистским режимом, с ним они вошли в Прагу... Жаль, что местная власть вместо того, чтобы заниматься непосредственно делами своего района, обратилась к спорам по поводу памятника генералу Второй мировой войны»⁴¹.

В то же время, в отличие от коммунистов и крайне правых, социал-демократы оказались готовы пойти на компромисс с властями района Прага 6. Так, тот же Гамачек согласился с идеей Пиратской партии о проведении референдума по поводу судьбы статуи. А его коллега по партии, глава МИД Чехии Томаш Петржичек считает, что решением вопроса мог бы стать перенос памятника в какое-либо достойное место (какое именно — он не уточнил). «Если мы, — отметил он, — найдем достойное место для памятника, то не нарушим свои обязательства, вытекающие из двустороннего договора»⁴². Тем самым социал-демократов можно назвать «противниками переноса с оговорками». Решение районных властей им не нравится, но, если отменить его нельзя, — надо искать для монумента новое место.

Примерно о том же говорил и президент Чехии Милош Земан. С одной стороны, он резко осудил перенос памятника Коневу: «Те, кто борется со скульптурами, трусливы, поскольку статуя не может защитить себя. Я бы рекомендовал оставить статую. Маршал Конев не только освободил Прагу, но и освободил Освенцим... Это наш позор, потому что каким бы ни был Конев, памятник являлся символом тех советских воинов, которые погибли при освобождении Праги, их было около 13 тысяч»⁴³. С другой стороны, он тоже допустил пере-

⁴⁰ Šest zastupitelských klubů Prahy 6 ve čtvrtek zasedne k jedinámu stolu, aby vyřešili v yhrocenou situaci kolem sochy marsala Koněva // SeznamZpravy.cz. 11.09.2019. URL: <https://www.seznamzpravy.cz/clanek/referendum-tabule-nebo-premisteni-politici-hledaji-reseni-v-boji-o-sochu-koneva-78697> (accessed: 24.01.2020).

⁴¹ Jan Hamáček: Třetí světová válka o maršála Koněva // Česká strana sociálně demokratická. 04.09.2019 [Official Site]. URL: <https://www.cssd.cz/media/cssd-v-mediich/jan-hamacek-treti-svetova-valka-o-marsala-koneva/> (accessed: 24.01.2020).

⁴² Komentář ruského ministra ke Koněvovi...; Трухачев В. Прага благодарная...

⁴³ Трухачев В. Прага благодарная...; Президент Чехии назвал позором ситуацию с памятником маршалу Коневу // РИА Новости. 12.09.2019 [Official Site]. URL: <https://ria.ru/20190912/1558635596.html> (дата обращения: 24.01.2020).

установку статуи в другом достойном месте. «Меня, — заметил он, — заинтересовала идея, ...что на территории района Прага 6 есть объекты Минобороны, и было бы хорошо, если бы армия памятник (Коневу) перевезла в парк одного из таких объектов. А почему бы и нет?»⁴⁴.

Получается, что руководство чешского государства является противником войны с историей. Ни президент, ни партии правящей коалиции не поддерживают постановление властей района Прага 6 о переносе памятника советскому маршалу. Однако слишком далеко заходить в противостоянии желающим убрать «бронзового» Конева они не собирались. Да и особыми полномочиями на этот счет не располагают. И президент Земан, и социал-демократы, и премьер Бабиш (своим молчанием), и министр обороны Метнар старались погасить конфликт, разгоревшийся не только в политической элите, но и в чешском обществе. Но в то же время они пытаются сделать так, чтобы Чехия не нарушала свои обязательства по договорам с Россией.

Раскол в Чехии и неприятный осадок для двусторонних отношений

Вопрос о судьбе маршала Конева крайне чувствительно воспринимается в России, учитывая, что в боях за освобождение Праги и Чехословакии погибли многие тысячи красноармейцев и что в ряде других бывших социалистических стран подобного рода памятникам объявлена война. РФ приняла меры по охране воинских захоронений, подписав с Чехией соответствующие соглашения. Однако российским ответственным лицам не удалось добиться того, чтобы статуя полководца Победы попала под его действие, а также под действие соответствующего чешского закона. В результате у России почти не осталось юридических возможностей повлиять на ситуацию с «бронзовым» Коневым, и она оказалась в руках чешских политиков.

Несмотря на снос монумента, следует подчеркнуть, что государственное руководство Чехии (в отличие от Польши и стран Прибалтики) не занимается целенаправленной борьбой с монументами воинам-освободителям. Памятники и воинские захоронения содержатся в целом в надлежащем состоянии. Однако влиять на их судьбу могут и местные власти. А среди них нередко попадаются ярые противники России, занимающиеся в том числе сведением с ней исторических счетов. Особенно много их в Праге, где имело место несколько случаев демонтажа памятников и табличек, увековечивших память погибших в боях за город красноармейцев. Это лишний раз доказали действия властей района Прага 6 по демонтажу памятника Коневу. И высшие руководители страны не располагают полномочиями, чтобы отменить подобные решения.

⁴⁴ Там же.

Однако убрать монумент по-тихому не удалось. Среди чешских политиков, да и в обществе вспыхнули ожесточенные споры о правильности подобных действий. И они во многом стали отражением противоречий, которые имеются в отношении к России у различных чешских политических сил. Так, перенос Конева затеяли и горячо поддержали в наиболее антироссийской либерально-консервативной партии ТОП 09, которая всегда отличалась резкой антироссийской риторикой. Голосовали за него представители и трех других партий, последовательно поддерживающих антироссийские санкции ЕС.

В то же время напомнили о себе и силы, критикующие антироссийскую политику Запада. Именно коммунисты и крайне правые выступили безоговорочными противниками действий властей района Прага 6. Со своей стороны, расколотые по российскому вопросу партии допускают компромиссные варианты (референдум, перенос в другое достойное место) или же просто отмалчиваются. Причем партии правящей коалиции не согласны с переносом, однако для того, чтобы не нагнетать страсти, предпочитают искать точки соприкосновения со сторонниками переноса. Так же ведет себя и президент Земан.

Потому вполне закономерно, что памятник Коневу покинул площадь Интербригад. В то же время руководство Чехии с большой долей вероятности постарается найти статуе новое достойное место, для чего будет консультироваться с представителями России. Так или иначе, но данная история отрицательно скажется на российско-чешских отношениях, ибо даже при наличии законных оснований на снос речь идет о неблагодарности к памяти полководца и павших красноармейцев, погибших при освобождении Праги. Но в то же время страсти вокруг Конева показали, что в Чехии осталось немало людей, которые свято хранят память об освободителях своей земли. И это создает определенный противовес тем, кто ведет к безвозвратному ухудшению отношений между двумя государствами.

Глава 13

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА В ПРЕДДВЕРИИ «БАРХАТНОЙ» РЕВОЛЮЦИИ. 1985 г. — НОЯБРЬ 1989 г.

После прихода к власти в марте 1985 г. М. С. Горбачева в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) началась эпоха серьезных перемен, которые в итоге привели к взлому всей социалистической системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ). Началась перестройка экономического механизма, которая в 1985–1986 гг. имела сугубо хозяйственные, преимущественно технические параметры (к примеру, введение хозрасчета, повышение производительности труда, рост ВВП). Она плавно в 1987–1988 гг. перешла к эпохе гласности в связи с тем, что стала очевидной необходимостью увязать ее с процессом определенной демократизации советского общества¹.

Процесс перестройки оказал существенное влияние и на страны ЦЮВЕ². На первом этапе причиной послужил тот немаловажный факт, что хозяйственная часть перестройки предполагала установление прямых контактов советских предприятий с экономическими субъектами других стран региона. Другими словами, предыдущая схема государственно-правовых механизмов внешнеэкономической деятельности СССР (осуществление внешней торговли посредством заключения межправительственных и межгосударственных двусторонних или многосторонних соглашений, договоров и конвенций) была нарушена. Ее должны были заменить прямые контакты между производителями стран ЦЮВЕ. Этот факт подталкивал другие страны — члены Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) к проведению своих «перестроек», в том числе документально оформленных. Так, например, в первом, основном варианте «Комплексного документа по перестройке экономического механизма ЧССР», принятого кабинетом министров страны 19 февраля 1987 г., в шестом пункте («Внедрение [Чехословакии] в международное разделение труда», т.е. включение Чехословакии во внешнюю торговлю стран — участниц СЭВ) намечались две основополагающие задачи: во-первых, «управление внешними экономическими

¹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 402–490; Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг.: курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 29–116.

² Мусатов В.Л. Политика М. С. Горбачева и демократические революции рубежа 1980–1990-х годов в Восточной Европе // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М.: РОССПЭН, 2011. С. 79–90.

отношениями», и во-вторых, «интеграционное действие [внешнеэкономического] механизма, поддержка установления прямых связей и создание совместных предприятий, постепенное сближение экономических систем социалистических стран»³. Таким образом, Чехословакия, с одной стороны, вооружилась основными принципами перестройки. С другой стороны, здесь были задействованы некоторые национальные, чехословацкие подходы, традиционные для проведения реформ центрально-плановой экономики в этой стране.

Важно понимать, что экономику Чехословакии 1950-х гг. нужно сравнивать не с Польшей, Венгрией или Румынией, а с ее западными соседями — Австрией и Германией, так как накануне Второй мировой войны у них наблюдался одинаковый уровень экономического развития. Однако уже во второй половине 1950-х гг. отмечался факт недостаточного роста чехословацкой экономики. В связи с этим в 1957 г. ЦК КПЧ принял постановление о повышении эффективности чехословацкого народного хозяйства, на основе которого была разработана реформа экономического управления. Ее неправильная реализация, однако, привела к отрицательным последствиям⁴. В 1965–1966 гг. имела место подготовка ко второй реформе управления чехословацкими экономическими процессами, в ходе которой обсуждались и ее политические аспекты. Она в итоге привела к известным событиям Пражской весны⁵.

В эпоху «режима нормализации» осуществлялось постепенное усовершенствование экономической системы, однако страны СЭВ пришли к выводу, что реформирование отдельно взятых механизмов управления плановой экономикой не в состоянии изменить общей картины. И тогда было принято решение начать реализацию третьей попытки реформирования социализма. Об этом, в частности, заявил премьер-министр ЧССР Л. Штроугал на встрече с председателем Совета министров СССР Н. И. Рыжковым 16 ноября 1987 г. в Москве⁶. «В СССР первый этап перестройки завершен и идет переход ко второму, — отмечал чехословацкий политик. — В ЧССР первый этап все еще рассматривается с точки зрения разработки комплексного к ней подхода. Все началось с экономических аспектов, теперь же вводим в действие и политические подходы перестройки — демократизацию. Это нелегко. Некоторые задачи,

³ Slovenský národný archív (SNA). Fond Úrad vlády Slovenskej socialistickej republiky/Slovenskej republiky 1981–1992 (F. ÚV SSR/SR). Zasadnutia vlády Československej socialistickej republiky (ZV ČSSR). Škatuľa č. (Šk.) 487. Č.j. 1782/87–40. Usnesení č. 40. Program zpracování Komplexního dokumentu pro přebudování hospodářského mechanismu ČSSR. Časový postup prací na Komplexním dokumentu pro přestavbu hospodářského mechanismu ČSSR. S. 10.

⁴ Подробнее см.: *Londák M.* Ekonomické reformy v Československu v 50. a 60. letech 20. století a slovenská ekonomika. Bratislava: Prodama, spol. s r. o., 2010. S. 61–205.

⁵ Подробнее см.: *Londák M.* Rok 1968 a ekonomická realita Slovenska. Bratislava: Prodama s r. o., 2007. S. 7–142.

⁶ SNA. F. ÚV SSR/SR. ZV ČSSR. Šk. 503. Č.j. 975/87-taj. Usnesení č. 1. Výsledky pracovní návštěvy předsedy vlády ČSSR v SSSR. Záznám z vystoupení předsedy vlády ČSSR s. L. Štrougala na pracovním setkání předsedů vlád ČSSR a SSSR (Moskva 16. listopadu 1987). K č.j. 02084/87-11. S. 2.

поставленные на мартовском пленарном заседании ЦК КПЧ, в ЧССР уже осуществлены. Принципы нашей реформы известны в СССР и похожи на ваши. Спрашивают нас, не копируем ли машинально вашу перестройку. Нет, хотя мы и взяли ваши основные принципы, у нас используется наш личный опыт, из которого мы исходим»⁷.

Как выглядела динамика реализации перестройки в ЧССР? В конце 1986 г. — начале 1987 г. Президиум (Политбюро) ЦК КПЧ и Правительство ЧССР приняли решение о проведении в жизнь перестройки экономического механизма в стране. Затем началась подготовка к выполнению постановления Президиума ЦК КПЧ «Принципы перестройки экономического механизма», в связи с чем чехословацким кабинетом министров была разработана предметная программа по претворению в жизнь вышеупомянутого «Комплексного документа по перестройке экономического механизма в ЧССР». Речь шла о первом варианте реформирования плановой экономики в стране. Нужно отметить, что эта первая версия готовилась без какой-либо детализации перестройки отдельных отраслей и секторов национального хозяйства. Ее главная цель — создание «общей унифицированной основы для определения конкретных решений на следующем этапе работы, чтобы второй вариант “Комплексного документа” (из трех в итоге принятых Правительством ЧССР. — *В.Н.*) содержал эту спецификацию в полном объеме»⁸. Для обеспечения эффективной координации работы над «Комплексным документом» кабинет министров ЧССР предусматривал решение по реализации перестройки в два этапа: координация ее осуществления на уровне отдельных отраслей централизованной системы, и только затем их взаимосвязь со спецификой отдельных секторов народного хозяйства⁹. Данный первый вариант реформирования директивно-плановой модели социализма был принят на заседании правительства ЧССР 19 февраля 1987 г.

Для разработки второй и третьей версий «Комплексного документа» необходима была, прежде всего, информация о ходе советской перестройки, в связи с чем состоялся рабочий визит вице-премьера Кабинета министров ЧССР Л. Герле в Москву 2–4 февраля 1987 г. В его ходе проводились консультации чехословацкого политика не только с заместителями председателя Совета министров СССР И. С. Силаевым и В. М. Каменцевым, но и в управлении делами Совета министров СССР (А. И. Милуков), в Госплане (С. С. Радугин), во Внешнеэкономической комиссии Совета министров СССР (В. С. Гринев), в Институте экономики АН СССР (член-корр. Л. И. Абалкин) и Институте проблем управления АН СССР (академик С. В. Емельянов).

В проведенных переговорах с членами Совета министров СССР и сотрудниками АН СССР Герле, получив достаточно подробную информацию

⁷ Ibid. S. 3.

⁸ Ibid. Šk. 487. Č.j. 1782/87-40. Usnesení č. 40. Program zpracování Komplexního dokumentu pro přebudování hospodářského mechanismu ČSSR. Důvodová zpráva. S. 2.

⁹ Ibid. S. 3.

о реформировании советского народного хозяйства, составил для чехословацкого правительства аналитическую записку «Выводы по перестройке экономического механизма СССР». В ней отмечались как причины перестройки, так и темпы ее реализации на первом (1986 г. — начало 1987 г.) этапе. В конце 1970-х — начале 1980-х гг., как писал Герле, в экономике СССР стали проявляться негативные явления (низкий рост национального дохода, снижение эффективности как производства, так и деятельности основных фондов), что отразилось и на сотрудничестве с социалистическими государствами. Замедление связывалось с несоответствием экономического механизма новым условиям. Методы управления, основанные на централизации и детальном директивном планировании, полностью себя исчерпали. Централизация средств, генерируемых в корпоративной сфере, и их последующее перераспределение по критериям, отличным от экономической эффективности, блокировали стимулирование проведения высококвалифицированной работы¹⁰.

Поэтому, как указывалось далее в документе, на основе анализа ситуации была «проведена экспериментальная проверка новых методов управления, направленных на укрепление связи между фактическими результатами заводов и их прибылью для расширения их самостоятельности и ответственности и укрепления экономической функции центра управления. В машиностроении это был в основном эксперимент полного хозрасчета и самофинансирования на Сумском заводе и на ВАЗ в Тольятти. Другие 26 министерств проверили другой вариант нового экономического механизма в рамках так называемого большого экономического эксперимента»¹¹.

Экономические эксперименты, проведенные в первой половине 1980-х гг., продемонстрировали ряд перспективных положительных результатов (обеспечение повышения производительности труда, повышение дисциплины экономических контрактов, улучшение поставок товаров для внутреннего рынка), что нашло отражение в новом росте национального дохода.

Такой итог, как констатировалось в документе, привел к переходу от экономических экспериментов (проверка определенных факторов элементов системы) к комплексной перестройке всего механизма в рамках народного хозяйства в целом. С 1 января 1987 г. 12 министерств (7 общесоюзных, 5 республиканских) были переведены на условия полного хозрасчета, самофинансирования и самокупаемости. На тот момент новый экономический механизм характеризовался тем, что оценка деятельности советских заводов сводилась к 6 важнейшим показателям: прибыль, производство основной номенклатуры товаров, производительность труда, ввод новых мощностей, реализация задач в сфере

¹⁰ Ibid. Č.j. 4830/87-11. Usnesení č. 65. Zpráva o výsledcích pracovní cesty místopředsedy vlády ČSSR L. Gerleho do Moskvy uskutočněné ve dnech 2.–4. února 1987. Příloha č. IV. Poznátky z představby hospodářského mechanismu SSSR. S. 1–2.

¹¹ Ibid. S. 2.

производственных инноваций, достижение показателя объема производства по хозяйственным договорам¹².

На основе собранной Герле информации Правительство ЧССР подготовило и в октябре — ноябре 1987 г. приняло второй и третий варианты «Комплексного документа по перестройке экономического механизма в ЧССР»¹³, реализация которых продолжалась вплоть до «бархатной» революции в ноябре 1989 г.

Таким образом, можно сделать заключение о заинтересованности части чехословацкой правящей элиты в проведении в стране экономической составляющей перестройки. Вместе с тем в 1987—1988 гг. совершенно по-другому обстояли дела с подходами к оценке советской перестройки в политической сфере.

Опасаясь потерять власть, чехословацкие коммунисты как в Президиуме ЦК КПЧ, так и в Правительстве ЧССР последовательно отвергали, в частности, гласность; особую их тревогу вызывали возможные изменения подхода СССР к оценке Пражской весны 1968 г. Для этого имелись весьма веские основания, поскольку в августе 1989 г. польский Сейм осудил военное вторжение в Чехословакию, а руководство Венгерской социалистической рабочей партии дистанцировалось от участия Венгрии в военной интервенции в 1968 г. Более того, председатели Палаты народов и Палаты наций Федерального собрания ЧССР даже расценивали эти шаги как вмешательство во внутренние дела Чехословакии¹⁴.

Данная перспектива серьезно беспокоила и других представителей правящей элиты ЧССР. Например, член ЦК КПЧ В. Биляк в беседе с Генеральным секретарем ЦК Социалистической единой партии Германии Э. Хонеккером 24 ноября 1988 г. в Берлине не скрывал своего неприятия политики Горбачева. Он, в частности, заметил: «Если они (советские лидеры. — В.Н.) думают, что им нужно пересмотреть прошлое, то пусть они это делают, но не вовлекают в этот процесс другие [коммунистические] партии. КПЧ не может копировать это...»¹⁵. А член Президиума ЦК КПЧ Я. Фойтик на собрании работников чехословацких СМИ 6 апреля 1989 г. заявил о недопустимости «самоубийства социализма», для чего надлежит остановить «поток яда», истекавшего из Венгрии, Польши и СССР. Без специального на то разрешения или без соответствующих комментариев запрещалась перепечатка материалов из таких

¹² Ibid. S. 2–3.

¹³ Ibid. Šk. 498. Č.j. 20045/87-40/I. Usnesení vlády ČSSR ze dne 22. října 1987 č. 282 o návrhu Komplexního dokumentu pro přestavbu hospodářského mechanismu ČSSR (II. verze). S. 1; Ibid. Šk. 500. Č.j. 20045/87-40. Usnesení vlády ČSSR ze dne 21. listopadu 1987 č. 318 o návrhu Komplexního dokumentu pro přestavbu hospodářského mechanismu ČSSR (III. verze). S. 1.

¹⁴ *Barmovský M.* Vedenie KSČ a KSS — od nástupu M. Gorbačova po November 1989 // November 1989 na Slovensku. Súvislosti, predpoklady a dôsledky. Bratislava: Nadácia Milana Šimečka, 1999. S. 37.

¹⁵ *Tůma O.* «Žijeme ve velmi složité době». Záznam z rozhovoru E. Honeckera a V. Biřaka 24.11.1988 // Soudobé dějiny. 1995. Roč. II. Č. 2–3. S. 366.

советских периодических изданий, как «Огонек», «Московские новости», «Литературная газета» или «Советская культура»¹⁶. Таким образом, в 1989 г. чехословацкой цензуре подвергались даже советские СМИ.

Видимо, поэтому в первой половине апреля 1989 г. в аналитическом материале заместителя директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (ИЭМСС) В.М. Шаститко «Записка к визиту г. Якеша в Москву», положенном на стол секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева, о возможном визите чехословацкого лидера в СССР говорилось следующее: в условиях, в которых Чехословакия оказалась в 1989 г., «следует ожидать использования визита для отвращения чехословацкого населения от Советского Союза, поскольку традиционный протокол встреч лидеров социалистических стран содержит обязательную формулировку “взаимопонимания”».

В записке особенно подчеркивался факт взаимосвязи между чехословацким населением и демократической составляющей советской перестройки. «Сейчас, — читаем в документе, — рост симпатий к СССР оказался в прямой зависимости от роста напряженности в чехословацком обществе. Пример реальной демократизации жизни в нашей стране беспрецедентно высоко поднял в глазах чехов и словаков авторитет советского лидера. А это очень мешает тем в чехословацком руководстве, кто толкает ЧССР на изоляцию». Важно подчеркнуть, что авторитет Горбачева в чехословацком обществе был проиллюстрирован на примере возгласов из толпы «Горбачев все видит! Горбачев все знает!» во время разгона чехословацкими властями демонстраций в январе 1989 г. в Праге¹⁷.

В документе содержатся весьма нелицеприятные для коммунистической верхушки ЧССР того периода выводы и предложения относительно возможного визита Якеша в Москву. «Учитывая, — отмечалось в документе, — что М. Якеш как лидер полностью утратил авторитет не только в обществе, но и в самой партии, и поскольку нет видимых надежд на то, что М. Якеш способен в ответ на наши побуждения возглавить реальную перестройку, в наших интересах *максимально принизить значение предстоящего визита* (курсив мой. — В.Н.). И продемонстрировать это отказом от традиционного набора протокольных мероприятий, дав очень короткое сообщение в прессе о том, что состоялся рабочий визит, не сопровождая его ни фотографиями, ни телерепортажами»¹⁸.

Следует отметить, что в 1989 г. во многих документах ИЭМСС содержится весьма критический взгляд на чехословацкую правящую элиту. В то же время советские дипломаты в Праге анализировали происходившие в конце 1980-х гг. события в ЧССР с прежних идеологических позиций. Например, участники Хартии 77 характеризовались ими как «антисоциалистический элемент», а их

¹⁶ Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы. М.: РОССПЭН, 2015. С. 664.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 664–665.

печатные издания как «подрывные материалы». Сотрудники посольства СССР в Праге указывали также на попытки западных государств и чехословацких эмигрантов дестабилизировать ситуацию в Чехословакии. «По-прежнему, — подчеркивали они, — направляющая и координирующая роль в античехословацкой деятельности принадлежала западным подрывным центрам политической эмиграции и спецслужбам противника. В последние месяцы отмечено усиление с их стороны моральной и материальной поддержки внутренней оппозиции»¹⁹.

В рассматриваемый в статье период М. С. Горбачев разделял, скорее, взгляды советских дипломатов, нежели экономической группы, близкой к позициям А. Н. Яковлева. Советский лидер, во всяком случае, формально, продолжал поддерживать официальную коммунистическую власть в Чехословакии. К началу «бархатной» революции в Чехословакии ни о каком изменении его отношения к деятелям Пражской весны не было и речи²⁰.

Между тем приближался ноябрь 1989 г. 17 ноября 1989 г., в день 50-летия расстрела демонстрации пражских студентов гитлеровцами, на улицах столицы собралось около 25 тыс. чел. Они открыто выражали свое недовольство «режимом нормализации». Демонстранты провозглашали требования свободы и демократии, выдвигали лозунги политического характера, в частности, звучали призывы к отмене всевластия одной партии и проведению свободных выборов.

Направившись в сторону Вацлавской площади, к студентам стали присоединяться многие жители чехословацкой столицы. На Национальной улице около 50 тыс. манифестантов были остановлены полицейскими кордонами, приступившими к их разгону. Часть участников колонны по требованию органов правопорядка разошлась, а остальные (около двух тысяч), заблокированные органами госбезопасности, подверглись жестокому избиению. Многие из них получили ранения, некоторые — тяжелые.

В этой ситуации правящая элита в ЦК КПЧ, а также в федеральном и словацком правительствах оставалась по большому счету на консервативных позициях, трактуя действия манифестантов через призму борьбы за власть лично В. Гавела и представителей антинормализационного движения в целом. При этом большую тревогу в связи с динамично развивавшимися событиями высказывали представители словацкой политической элиты. Так, на чрезвычайном заседании Правительства Словацкой Социалистической Республики (ССР) 20 ноября 1989 г. министр внутренних дел и окружающей среды ССР Ш. Лазар пришел к следующим умозаключениям: «Насколько мне известно...,

¹⁹ Там же. С. 647.

²⁰ Подробнее см.: *Ворачек Э. М.* Горбачев и Г. Гусак — деятели сумерек реального социализма. Реалии взаимоотношений Советского Союза и Чехословакии // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности (конец 60-х — 80-е гг. XX в.). М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 405–431; *Zadorožňuk E. G.* Gustáv Husák a Michail Gorbačov od apríla do apríla (1987–1988) // Gustáv Husák. Moc politiky. Politik moci. Bratislava: VEDA, 2013. S. 914–934.

вся ситуация, связанная со встречей пражских театралов и студентов ДАМУ*, организована Гавелом. Гавел – дирижер, который объединяет все эти группы, он такой духовный отец и буквально, когда возникла такая ситуация, что некоторые [из студентов] высказались за необходимость проведения диалога с правительством, Гавел четко сформулировал вопрос так, что никакой диалог с правительством не нужен, необходимо только показать свою силу. То есть они идут к противостоянию, и некоторые наши товарищи из федерального министерства внутренних дел оценивают эти действия как попытку государственного переворота; переворота под тем давлением, какое имело место в Германской Демократической Республике»²¹.

И далее в своем выступлении Лазар еще раз коснулся будущего президента Чехословакии. «Лично я думаю..., что вся эта ситуация возникла потому, что... в предыдущий период мы не приняли достаточно эффективных мер. Мы выпустили Гавела, зная, чем он занимается; Гавел был нами освобожден условно-досрочно, но он продолжал предпринимать антигосударственные действия, а теперь он даже организует собрание, которое мы называем конфронтационным», — заявил он. Словацкий министр внутренних дел даже предложил на следующий день, 21 ноября 1989 г., созвать 100 тыс. рабочих на «Малоостранскую или другую площадь, куда пришла бы милиция, чтобы они потребовали ответа как от тех, кто спровоцировал данную ситуацию, так и от тех студентов, которые туда ходят. Поскольку правда такова, что в настоящее время манифестанты не хотят вести переговоры ни о чем другом, только выдвигают политические требования, ожидая от нас уступок»²².

Следует особо подчеркнуть, что на этом фоне диссонансом выглядели заявления части депутатов Федерального собрания ЧССР от КПЧ и КПС. На первом его заседании 29 ноября 1989 г., т.е. уже после выступления студентов 17 ноября, некоторые коммунистические депутаты поддержали требования плюрализма, развития демократии, реальной перестройки социалистического устройства в стране. Так, словацкий депутат-коммунист А. Блажей заявил о возникновении реальной ситуации для создания политического плюрализма в Чехословакии, призвав своих коллег оценить ее «без эмоций, без иллюзий, с ясной головой и полной гражданской ответственностью». Таким образом, в отличие от Лазара, он принципиально по-другому оценивал кризисную ситуацию в стране.

По его убеждению, «этот объективный факт поставил Федеральное собрание в принципиально новые, качественно иные условия, чем имелись раньше. Функция Федерального собрания в политической системе существенно возрастает, как и его компетенция; данный же законодательный орган, как

* Театральный факультет Академии музыкальных искусств в Праге.

²¹ SNA. F. ÚV SSR/SR. Zasadnutia vlády Slovenskej Socialistickej Republiky/Slovenskej Republiky 1981–1992. Šk. 802. Diskusia na mimoriadnom zasadnutí vlády SSR 20. novembra 1989. S. 7.

²² Ibid. S. 9–10.

инициативный орган, как контрольный орган за деятельностью правительства ЧССР и центральных органов и учреждений в нашем государстве желательно видеть в новом качестве. Многие из нас не готовы к этим новым условиям. Нет времени учиться. Нет быстрых курсов... настоящей социалистической демократии... Каждый шаг политика будет подвергаться критике, демократическому контролю общественности, контролю как средств массовой информации, так и отдельных журналистов, комментаторов, публицистов. Мы не привыкли ко многим из этих вещей. Мы не должны нервничать, мы не должны поддаваться демагогии и эмоциям»²³.

Самое важное в его выступлении — это появившаяся уже тогда критика собственных подходов, которые привели к сложившейся в стране ситуации. «Я, — продолжал депутат, — должен подчеркнуть, что политики в новых условиях не имеют права совершать, по крайней мере, принципиальные ошибки. В прошлом многие ошибки и просчеты совершались не преднамеренно, не умышленно, они стали результатом методов, форм, являющихся продуктом всей политической, социальной и административно-директивной системы управления. Мы, коммунистические депутаты, должны сначала публично заявить, что это были наши собственные ошибки и заблуждения... наше неправильное толкование социализма, наше ненадлежащее понимание руководящей роли партии, которую мы даже законодательно закрепили в 1960 году в новой конституции»²⁴.

Депутат Я. Пекаржова в своем выступлении затронула еще один важный момент. Отметив тот факт, что «разносторонность точек зрения, прозвучавших в последних днях, невозможно не заметить», она обратила внимание на то, что «многие призывы и требования, которые перед нами ставит Гражданский форум, это — призывы и требования не только Компартии, но и всего «Национального фронта»*. Они нам настойчиво и энергично напоминают о том, что мы остановились на пути к их осуществлению, что нам не хватило необходимой решительности для их реализации»²⁵.

Еще один депутат-коммунист И. Йирасек отметил необходимость «серьезно относиться к призывам сотен тысяч людей на публичных демонстрациях в городах по поводу изменения нынешней политической практики», назвав их «борцами за лучший социализм», хотя и обратил внимание на тот факт, что

²³ Federálne zhromaždenie 1986–1990. Stenoprotokol ze schůze č. 16, 29.11.1989. URL: <http://www.nrsr.sk/dl/Browser/Document?documentId=60847> (accessed: 21.02.2020).

²⁴ Ibid.

* «Национальный фронт» — объединение политических партий и движений, которые баллотировались в Федеральное собрание ЧССР. В него входили такие политические субъекты, как Компартия Чехословакии, Чехословацкая социалистическая партия, Чехословацкая народная партия, Партия свободы (Словакия), Партия словацкого возрождения, «Красный крест», Союз социалистической молодежи, Союз чехословацко-советской дружбы и т. д. Возглавлял «Национальный фронт» с января 1971 по декабрь 1987 г. Густав Гусак, а затем, в эпоху перестройки и «бархатной» революции, — Милош Якеш (вплоть до декабря 1989 г.).

²⁵ Ibid. URL: <http://www.nrsr.sk/dl/Browser/Document?documentId=60848> (accessed: 21.02.2020).

в данном общественном движении имеются определенные «антисоциалистические силы», желающие прийти к власти. Затем он перешел к ошибкам и просчетам самой Компартии. «Жизнь, — по его утверждению, — показала, что закрепление ведущей роли коммунистической партии в конституции явилось ошибкой... Вместо политической работы, использования убедительных аргументов в политической борьбе, подбора людей для краткосрочных и долгосрочных целей партийной политики были выбраны административные методы работы. В последнее время вместо аргументов использовались даже силовые средства»²⁶. Он также считал возможным пригласить представителей Гражданского форума (ГФ) и митингующих студентов в качестве экспертов при разработке новых законов.

Депутат Х. Навратова согласилась с сожалением Я. Пекаржовой по поводу того, что депутатам текущего созыва не удалось реализовать требования студентов. «Мне трудно, — заявила она, — высказываться и по той причине, что мы должны научиться вести разговор немного по-другому, избавиться от того, что будет говорить только одна сторона. Я много думала о воспитании не только детей, но и наших будущих учителей. Разве это не просто монолог, всегда ли мы хотели услышать другую сторону и другие мнения? Поэтому позвольте мне сказать, что я, действительно, горжусь тем, что у нас появилась зрелая, политически продвинутая молодежь, однако мне очень жаль, что именно им пришлось открыть нам глаза»²⁷.

Подобного рода выступления можно дополнить перечнем высказываний и других депутатов-коммунистов. В этом плане особый интерес представляет выступление чехословацкого коммуниста Б. Хнёупека, бывшего министра иностранных дел ЧССР (1971–1988 гг.). «Причины (“бархатной” революции. — В.Н.) заключаются в непоследовательной, наполовину реализованной политической перестройке. Причины кроются в провале деятельности ведущих структур, которые должны были возглавить перестройку. Общество ведь с нетерпением ожидает разумных, прогрессивных шагов, особенно в ключевой сфере, направленной на создание истинной и полной демократии. К сожалению, этого не произошло. Они произошли только частично и непоследовательно, только половинчатой реализацией мер. Именно поэтому программы неформальных структур, таких как Гражданский форум, привлекали и интересовали массы, обеспокоенные медленным темпом реформ»²⁸, — констатировал он.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать несколько заключений. Во-первых, перестройка, начавшаяся в СССР в 1985 г., оказала существенное влияние на страны ЦЮВЕ, в том числе и на ЧССР, так как предполагалось установление прямых контактов советских предприятий с экономическими

²⁶ Ibid. URL: <http://www.nrsr.sk/dl/Browser/Document?documentId=60850> (accessed: 21.02.2020).

²⁷ Ibid. URL: <http://www.nrsr.sk/dl/Browser/Document?documentId=60852> (accessed: 21.02.2020).

²⁸ Ibid.

субъектами других стран. В связи с этим нельзя не напомнить следующее: исторически сложилось так, что Чехословакии пришлось пройти три этапа реформирования социалистической системы (конец 1950-х гг., Пражская весна и конец 1980-х гг.).

Во-вторых, на основе архивных документов можно выделить этапы динамики реализации перестройки в ЧССР. Сначала решение об ее осуществлении было принято на заседании Политбюро ЦК КПЧ, затем правительство ЧССР разработало и представило первый вариант «Комплексного документа по перестройке экономического механизма в ЧССР». Позже для разработки второй и третьей его версий изучался советский опыт перестройки, о котором сообщали чехословацким представителям сотрудники Совета министров СССР и Академии наук СССР. Совершенно по-другому обстояли дела с реализацией политической части перестройки. В этом направлении наблюдались определенные противоречия. Перестройка, несомненно, ориентировалась на проведение в той или иной форме демократизации общества, что неизбежно вело к трансформации политической системы ЧССР. В то же время правящая чехословацкая элита в своем большинстве не хотела идти на кардинальную ее модификацию, что привело к неприятию чехословацкой перестройки, в частности, со стороны А. Н. Яковлева. Круги, группировавшиеся вокруг него, особенно сотрудники ИЭМСС АН СССР, весьма скептически относившиеся к авторам чехословацкой перестройки, попытались, в частности, принизить значение визита М. Якеша в СССР.

В-третьих, приведенный в статье новый материал подтверждает сложившееся в отечественной историографии утверждение о происходившей в рядах чехословацкой правящей элиты в канун «бархатной» революции дифференциации на консервативную и прагматическую составляющие²⁹.

Наконец, в-четвертых, на материале стенограмм заседаний депутатов федерального парламента — ФС ЧССР — примерно такую же демаркационную линию можно провести и в среде чехословацких парламентариев накануне «бархатной» революции в Чехословакии.

²⁹ Подробнее см.: *Задорожник Э.Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1989 г.). М.: Индрик, 2008. С. 242–245.

РАЗДЕЛ II

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ОЖИДАНИЯ И ИТОГИ

Глава 14

ВЕНГЕРСКИЙ ФАКТОР И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ТРАНСИЛЬВАНИИ (1989–2000 гг.)

Для внутриполитических процессов в Румынии на разных этапах ее истории были характерны ярко выраженные региональные особенности. В наибольшей степени они традиционно проявляются в Трансильвании в силу ее многонационального состава, географической обособленности и позднего вхождения в состав единого государства.

Термин «Трансильвания» в современности может использоваться в двух значениях, имеющих различные географические рамки. В первом случае им обозначают земли исторической Трансильвании в границах средневекового княжества, во втором — всю территорию Румынии к западу от Карпатских гор, включая румынские части Баната, Кришаны и Марамуреша. В настоящей работе данный термин используется во втором значении, поскольку оно учитывает современные реалии и используется в фундаментальных трудах по истории региона, в том числе ретроспективно¹.

В данных географических рамках Трансильвания составляет 42 % территории Румынии, на которой проживает треть населения страны, в том числе практически все представители венгерского и немецкого национальных меньшинств. В 1992 г. венгры составляли 20,8 % жителей региона (1,6 млн чел.), немцы — 1,4 % (109 тыс. чел.), к 2011 г. их доля в населении сократилась соответственно до 17,9 % и 0,5 %. Уровень урбанизации в Трансильвании немного превышает средний по стране; в регионе расположены 9 из 20 крупнейших городов Румынии.

Исторически Трансильвания сыграла важную роль в складывании румынского национального самосознания и национальной идеи. В соответствии с традиционными историографическими представлениями румыны, как и венгры, считают себя потомками «коренных» жителей региона, освоивших его задолго до народов-соседей. Представители Арделянской школы, стоявшей у истоков современной румынской историографии, во второй половине XVIII в. — начале XIX в. развили тезисы о римском происхождении восточнороманского

¹ Istoria Transilvaniei. În 3 vol. Vol. I: Până la 1541 / Coord.: I.-A. Pop, T. Năgler. Cluj-Napoca: Academia Română, Centrul de Studii Transilvane; Deva: Editura Episcopiei Devei și Hunedoarei, 2016. P. 9, 11.

населения и непрерывности (континуитете) его проживания на землях к северу от Дуная. Их целью было получение равных прав с тремя «политическими нациями» Трансильвании — венграми, секеями* и саксами**. Арделянская школа, в которой преобладали деятели греко-католической (униатской) церкви, отошла от традиций средневекового летописания и способствовала появлению и развитию либеральных идей — вначале в культурной и церковной сфере, педагогике, и постепенно также в политической области². По выражению современного румынского историка Л. Бойи, представители Арделянской школы «пробили брешь» в идеологии, основанной на православном единстве, и открыли путь для переориентации румынской культуры на Запад³.

Революции 1848–1849 г. имели на территории региона исключительно сложный и противоречивый характер. В среде политически активной части трансильванских румын преобладало стремление не допустить унии Трансильвании с Венгрией, провозглашенной венгерскими революционерами. Поражение Венгерской революции приостановило реализацию данной идеи, но впоследствии в рамках австро-венгерского компромисса 1867 г. Трансильвания была подчинена Венгрии. В условиях дуализма наблюдалась тенденция к усилению конфронтации венгерских и румынских культурных обществ Трансильвании, нарастанию их политизации⁴. Румынское население, несмотря на численное преобладание, являлось преимущественно крестьянским и не играло серьезной роли в управлении регионом. В конфессиональном отношении немногим более половины трансильванских румын были православными, оставшаяся часть — униатами. (Конфессиональное разнообразие усиливало этническую специфику региона: среди венгров приблизительно в равной пропорции были представлены католики и кальвинисты, трансильванские саксы являлись преимущественно лютеранами, а банатские швабы — католиками). Венгерское и немецкое население доминировало в городах, составляло основу администрации, аристократии, интеллигенции, буржуазии, рабочего класса. Небольшая прослойка румынского населения городов подвергалась геттоизации и мадьяризации⁵.

* Секеи — проживающий в горных районах Восточной Трансильвании венгероязычный субэтнос с ярко выраженным культурным своеобразием (прим. ред.).

** Саксы — потомки переселенцев из германских земель, компактно проживавшие со Средних веков в Юго-Восточной Трансильвании и обладавшие до 1870-х гг. своей автономией (прим. ред.).

² *Istoria Transilvaniei. În 3 vol. Vol. III: De la 1711 până la 1918 / Coord.: I.-A. Pop, T. Năgler, A. Magyari. Cluj-Napoca: Academia Română, Centrul de Studii Transilvane; Deva: Editura Episcopiei Devei și Hunedoarei*, 2016. P. 139, 143–144.

³ *Boia L. Istorie și mit în conștiința românească*. București: Humanitas, 2011. P. 69.

⁴ Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. / под ред. Л. А. Кирилиной, А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой (отв. ред.). М.: Индрик, 2018. С. 199.

⁵ *Livezeanu I. Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building and Ethnic Struggle, 1918–1930*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000. P. 153.

Об отношении правящих кругов Венгрии к другим народам, в том числе трансильванским румынам, свидетельствует, в частности, заявление главы венгерской делегации на Парижской мирной конференции в 1920 г. А. Г. Аппоньи о том, что они «находятся на более низком уровне развития» и «к передаче национальной гегемонии представителям низшей цивилизации нельзя относиться безразлично». Данную точку зрения он пытался аргументировать утверждением, что доля грамотного населения у венгров составляет 80 %, в то время как у трансильванских румын — 33 %⁶.

По окончании Первой мировой войны объединение Трансильвании с Румынией 1 декабря 1918 г. было провозглашено специально созванным Великим национальным собранием в Алба-Юлии, в состав которого входили исключительно румыны⁷. В межвоенный период дискриминация румын Трансильвании сменилась притеснениями в адрес венгерского меньшинства⁸. При этом регион стал играть немаловажную роль в политической жизни страны. При ведущей роли Национальной партии, существовавшей в Трансильвании с 1881 г., в середине 1920-х гг. была создана Национал-царанистская партия, ставшая одной из двух главных политических сил страны. Лидеры данной партии (А. Вайда-Воевод, Ю. Маниу) входили в число наиболее влиятельных политических лидеров Румынии межвоенного периода, особенно на рубеже 1920-х — 1930-х гг. Отказ Румынской коммунистической партии признать создание «Великой Румынии» и, в частности, присоединение этнически венгерских районов Трансильвании стал одной из главных причин маргинализации компартии в общественной жизни страны.

Раздел Трансильвании в соответствии с Венским арбитражем в августе 1940 г. и передача Венгрии ее северной части со смешанным населением дополнительно обострили румыно-венгерские противоречия. Несмотря на то, что обе страны стали сателлитами гитлеровской Германии, отношения между ними были настолько плохими, что в середине 1942 г. дело едва не дошло до открытого конфликта⁹. Стремление вернуть Северную Трансильванию явилось одним из главных факторов, способствовавших приходу к власти левых сил и закреплению Румынии в орбите советского влияния. С опорой на поддержку СССР трансильванский вопрос в конечном счете окончательно разрешили в пользу Бухареста, несмотря на попытки Венгрии добиться частичного исправления границы¹⁰.

⁶ Цит. по: *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 171.

⁷ *Scurtu I., Buzatu Gh.* Istoria românilor în secolul XX. București: Paideia, 1999. P. 35.

⁸ *Тыкалин А. С.* Территориальный спор двух дунайских государств и советско-германское противостояние в регионе. К истории раздела Трансильвании в августе 1940 г. // Вестник МГИМО-Университета. 2009. Спец. выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. С. 293.

⁹ *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М.: Наука, 1976. С. 357.

¹⁰ Среди различных вариантов, предлагавшихся Венгрии, были присоединение территорий площадью 22 тыс. км², 11,3 тыс. км² и 4 тыс. км² (при общей площади региона

и поддержку данной идеи со стороны США, Великобритании и Франции на начальном этапе мирных переговоров¹¹.

На первом этапе существования в Румынии социалистического строя, особенно в 1950-е гг., в сфере межнациональных отношений в Трансильвании применялись новые, достаточно гибкие принципы, что было вызвано как идеологическими установками в духе интернационализма, так и стремлением устранить поле для противоречий между Румынией и Венгрией, ставших союзниками СССР. В течение некоторого времени сохранялся также многонациональный состав верхушки правящей партии как наследие коминтерновского периода: в частности, в состав высшего руководства страны входил трансильванский венгр В. Лука, занимавший должности вице-премьера и министра финансов. В 1952–1968 гг. в разных границах и под разными названиями в восточных районах Трансильвании существовала венгерская автономия, статус которой закреплялся в конституции 1952 г. под влиянием Советского Союза¹². При существовавшем государственном строе у венгерской автономии не было реальной самостоятельности в политической и экономической сфере, однако в то же время в ней обеспечивалось формирование этнически венгерской правящей элиты, использование родного языка и реализация особых прав в сфере культуры¹³.

С конца 1950-х гг. элементы автономии поэтапно урезались Бухарестом в силу комплекса причин: недоверия к венгерскому меньшинству под влиянием событий 1956 г. в Венгрии, укрепления самостоятельности румынского руководства в отношениях с СССР, усиления его этнической однородности. С приходом к власти Н. Чаушеску, апеллировавшего к румынскому национализму, окончательно закрепилась линия на румынизацию районов Трансильвании с этнической спецификой. В рамках данной политики была ликвидирована венгерская автономия и принимались целенаправленные меры по изменению национального состава городов за счет внутренней миграции¹⁴. Символом политики Н. Чаушеску в национальном вопросе стало переименование Клужа в Клуж-Напоку в 1974 г.: к названию исторической столицы Трансильвании,

100 тыс. км²). См.: *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М.: Индрик, 2008. С. 211; Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов / отв. ред. Т. М. Исламов. М.: РОССПЭН, 2000. С. 379, 391, 399, 407–408.

¹¹ См.: *Исламов Т. М., Покивайлова Т. А.* Указ. соч. С. 206–215; Трансильванский вопрос... С. 324–330, 376–378.

¹² *Bottoni S.* Transilvania roşie. Comunismul român şi problema naţională 1944–1965. Cluj-Napoca: Editura Institutului pentru Studiarea Problemelor Minorităţilor Naţionale; Kriterion, 2010. P. 99–100.

¹³ *László M., Novak Z. C.* Provocarea libertăţii. Târgu Mureş, 16–21 martie 1990. Cluj-Napoca: Editura Institutului pentru Studiarea Problemelor Minorităţilor Naţionale, 2016. P. 17.

¹⁴ *Ibid.* P. 20–21.

имеющему венгерские корни, было добавлено название древнеримского населенного пункта.

В социалистический период Трансильвания стала значительно менее этнически и культурно разнородным регионом также вследствие массовой эмиграции немецкого и еврейского населения, которой способствовали соглашения Румынии с ФРГ и Израилем о выплатах за каждого эмигранта. В результате многоэтапного исхода немцев в течение XX в., продолжавшегося и в 1990-е гг., доля немецкого населения в регионе упала до 0,5%, в то время как на рубеже XIX–XX вв. достигала 12%¹⁵. Объявление униатской церкви вне закона в 1948 г. фактически разрушило униатскую общину, насчитывавшую ранее свыше 40% этнически румынского населения региона. Политические перемены после 1989 г. не восстановили прежнего положения дел, и в конфессиональной жизни трансильванских румын Румынская православная церковь сохранила абсолютное преобладание, утвердившееся в середине XX в.

Усиление дискриминации в отношении венгерского меньшинства наряду с тяжелым экономическим кризисом в 1980-е гг., вызванным решением Н. Чаушеску о досрочной выплате внешнего долга, привели к массовому недовольству венгерского населения. В конце 1980-х гг. начался его миграционный отток, продолжившийся и после смены режима: до 1989 г. в Венгрию выехали легальным и нелегальным способами свыше 42 тыс. трансильванских венгров, а всего в 1987–1991 гг. страну покинули, по оценкам, около 97 тыс. чел.¹⁶ Первым очагом протестных выступлений в декабре 1989 г., приведших в итоге к свержению Н. Чаушеску, стала Тимишоара, жители которой выступили против выселения и перевода в другой приход протестантского священника венгерского происхождения Л. Тёкеша. Около четверти всех погибших в столкновениях при смене власти в Румынии пришлось на трансильванские города Тимишоара, Сибиу, Брашов (более 250 чел.)¹⁷.

Свержение Н. Чаушеску породило определенные ожидания в среде трансильванских венгров: они надеялись на пересмотр государственного курса на унификацию и ассимиляцию, восстановление нарушенных прав и свобод, в том числе права на автономию. Однако после недолгого периода эйфории противоречия по некоторым вопросам обнажились еще больше, чем ранее. Остро встал, в частности, вопрос о восстановлении отдельного обучения в школах в городах и районах со смешанным этническим составом населения. Проводником данной политики стал заместитель министра образования А. Палфалви, венгр по национальности. В некоторых городах венграм удалось добиться разделения школ (Тимишоара, Клуж), в других — нет (Сату-Маре, Арад,

¹⁵ Istoria Transilvaniei... Vol. III. P. 496.

¹⁶ Kiss T. *Perspectivă administrativă? O analiză comparativă a discursului demografic maghiar din România*. Cluj-Napoca: Editura Institutului pentru Studiarea Problemelor Minorităților Naționale; Kriterion, 2009. P. 200–201.

¹⁷ *Iliescu I. Fragmente de viață și de istoria trăită*. București: Litera Internațional, 2011. P. 126.

Тыргу-Муреш)¹⁸. Иногда попытки восстановления венгерских школ в том виде, как они существовали до Н. Чаушеску, предполагали перемещение школьников-румын для обучения в другие здания, что спровоцировало резкую реакцию¹⁹.

В наиболее острой форме ухудшение межэтнических отношений проявилось в марте 1990 г. По итогам массовых столкновений в Тыргу-Муреше пять человек погибли, 278 были ранены (в их числе известный венгерский писатель А. Шюто, получивший тяжелые увечья и потерявший глаз)²⁰. Следует отметить, что особенностью ситуации в Тыргу-Муреше была практически равная доля венгров и румын в населении города, что являлось следствием целенаправленной политики властей по наращиванию численности румын в предыдущий период.

Партийно-политический ландшафт Трансильвании после 1989 г. имел ярко выраженную специфику. Помимо партий общенационального значения, в регионе с самого начала приобрели значительное влияние политические силы, выражавшие интересы, с одной стороны, венгров, а с другой — румынских националистов.

Выразителем интересов венгерского меньшинства стал Демократический союз венгров Румынии (ДСВР), возникший непосредственно после смены власти в декабре 1989 г. ДСВР формально не позиционирует себя как партия и объединяет в рамках своей деятельности венгров, придерживающихся разных политических взглядов, а также общественные объединения, сформированные по культурному, религиозному, профессиональному принципу и т. п. Первоначально ДСВР стоял на весьма умеренной платформе: в его временной программе, принятой в январе 1990 г., говорилось о необходимости создать институциональные рамки для защиты интересов венгерского меньшинства, обеспечить возможности по использованию родного языка, продвижению национальной культуры и сохранению этнической идентичности²¹. Первый лидер ДСВР Г. Домокош (1990–1993 гг.) последовательно придерживался умеренных взглядов и отвергал давление как инструмент достижения политических целей. Являясь членом руководящего совета правящего Фронта национального спасения и имея личные связи с президентом И. Илиеску, он рассчитывал убедить власть учесть интересы венгерского меньшинства²². На парламентских

¹⁸ *Toró T.* Hungarian Minority Politics in Post-Socialist Romania: Interests, Strategies, and Discourses // *Acta Univ. Sapientiae, European and Regional Studies*. 2016. No 10. P. 86.

¹⁹ *Gallagher T.* Modern Romania: The End of Communism, the Failure of Democratic Reform, and the Theft of a Nation. New York: New York University Press, 2005. P. 77.

²⁰ *Muntean C.* Urmele măcelului dintre români și maghiari, neșterse până astăzi. Tîrgu-Mureș, 29 de ani de la “Martie Negru” // *Evz.ro*. 19.03.2019. URL: <https://evz.ro/tirgu-mures-martie-negru.html> (accessed: 11.07.2020).

²¹ *Structuri politice în Europa Centrală și de Sud-Est (1918–2001)*. În 2 vol. Vol. II. România / Coord.: I. Scurtu. București: Editura Fundației Culturale Române, 2003. P. 176.

²² *Toró T.* Op. cit. P. 85–86, 96.

выборах в мае 1990 г. ДСВР получил наибольшее количество голосов в своей истории (1 млн чел., 7,2% от общего количества).

Усиление политической активности венгерского меньшинства, создание его общественно-политических структур спровоцировало реакцию румынских националистов. В марте 1990 г. на базе общественной организации «Румынский очаг» была создана праворадикальная Партия национального единства румын Трансильвании. На выборах в мае 1990 г. она прошла в парламент, получив немногим более 2% голосов, и заявила о себе как одна из ведущих сил в трансильванских уездах Клуж и Муреш. В уезде Муреш, где межэтническая обстановка была наиболее сложной, партия получила 34,4% голосов. После прохождения в парламент она в июне 1990 г. исключила упоминание Трансильвании из своего названия²³, позиционируя себя отныне как сила общенационального значения. Однако ее основной электоральной опорой осталась Трансильвания, а центральным вопросом политической повестки — венгерский вопрос²⁴, в отношении которого руководство партии придерживалось радикальных, шовинистических взглядов²⁵.

После событий в Тыргу-Муреше и в условиях обострения внутривнутриполитической борьбы власти страны, ранее демонстрировавшие внимание к интересам национальных меньшинств, ужесточили свою линию. Так, И. Илиеску дезавуировал согласие на использование термина «коллективные права меньшинств», который с подачи ДСВР обсуждался на совещании высшего руководства страны и политических партий 1 февраля 1990 г. и не вызвал возражений и замечаний²⁶. По утверждению румынского президента, участники совещания якобы не были знакомы с международно-правовой терминологией и не поняли смысл данного термина. Сам термин, с точки зрения И. Илиеску, являлся «псевдоправовым», а его использование на практике привело бы к наделению венгров специальными привилегиями и созданию венгерского «государства в государстве»²⁷. Министр иностранных дел А. Нэстасе в августе 1990 г. опубликовал статью, посвященную трансильванскому вопросу. В ней говорилось, что Трансильвания «по праву никогда не принадлежала» Венгрии²⁸, тем самым законность венгерской власти в регионе отрицалась даже применительно к периоду до 1918 г. В ответ на заявления Будапешта о необходимости признания

²³ Preda C. Partide, voturi și mandate la alegerile din România (1990–2012) // Studia Politica: Romanian Political Science Review. 2013. Vol. XIII. No 1. P. 100.

²⁴ Gallagher T. Vatra Românească and Resurgent Nationalism in Romania // Ethnic and Racial Studies. 1992. Vol. 15. No 4. P. 582.

²⁵ Shafir M. The Mind of Romania's Political Right // The Radical Right in Central and Eastern Europe since 1989 / ed. by S.P. Ramet. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1999. P. 216.

²⁶ Iliescu I. Op. cit. P. 91.

²⁷ Ibid.

²⁸ Năstase A. România după Malta. 875 de zile la Externe. În 10 vol. Vol. 1. 28 iunie — 31 octombrie 1990. București: Fundația Europeană Titulescu, 2006. P. 241.

Румынии многонациональным государством говорилось, что «на территории Румынии не существует никакой иной нации, кроме румынской, а [есть] только национальные меньшинства, рассеянные на всем пространстве страны»²⁹.

Взгляды румынской политической элиты нашли отражение в новой конституции, вступившей в силу в декабре 1991 г. Румыния объявлялась национальным государством, подтверждался его унитарный характер (ст. 1). Единственным официальным языком являлся румынский (ст. 13). Фиксировалось, что данные положения конституции не могут быть изменены ни при каких обстоятельствах (ст. 148). К прохождению государственной гражданской и военной службы допускались лица, имеющие только румынское гражданство (ст. 16). Подчеркивалось, что основу государства составляет единство румынского народа (ст. 4), верность по отношению к стране объявлялась священной (ст. 50). В конституции упоминались государственные гарантии прав национальных меньшинств на сохранение, развитие и выражение этнической, культурной, языковой и религиозной идентичности, однако в то же время оговаривалось, что принимаемые в данных целях меры не могут ставить в неравное положение других румынских граждан (ст. 6). Неоднозначно воспринимались венгерским населением гимн и национальный праздник страны, утвержденные конституцией. Гимн «Пробудись, румын!», сочиненный во время революции 1848–1849 гг. в Трансильвании, был фактически (иносказательно) направлен против венгерских властей региона, которые выступали в роли чужеземных угнетателей. Национальный день, празднуемый в Румынии 1 декабря, установлен в честь решения Великого национального собрания в Алба-Юлии об объединении Трансильвании с Румынией в 1918 г.

Неудивительно, что единственными уездами Румынии, в которых большинство населения проголосовало на референдуме против принятия конституции, стали преимущественно венгерские по этническому составу Харгита и Ковасна. При этом ДСВР, негативно оценивая проект конституции, не призвал своих избирателей к протестному голосованию и заявил об их праве голосовать по собственному усмотрению. Двое представителей ДСВР подписали протокол, подтверждающий законность процедуры по вступлению конституции в силу, в то время как третий представитель, К. Кирай, единственный из членов соответствующего комитета Учредительного собрания, проигнорировал подписание данного документа.

Несмотря на бескомпромиссную приверженность властей страны идее национального унитарного государства, в тяжелых условиях начала 1990-х гг. они все же проявляли определенную гибкость в национальной политике. Сказывалось неустойчивое внутривластное положение, шаткость позиций новой власти и нежелание спровоцировать обострение межэтнической обстановки, которое на примере соседней Югославии могло грозить интернационализацией конфликта в отсутствие внешних гарантий безопасности после роспуска Организации Варшавского договора (ОВД). Так, проявлением гибкости

²⁹ Ibid. P. 243–244.

со стороны новой власти стало назначение венгров-префектов в уезды Харгита и Ковасна (в 1992–1993 гг. практиковалось также назначение одновременно двух префектов в один уезд — венгра и румына). В некоторых городах были восстановлены венгерские школы. Конституцией гарантировалось право представителей национальных меньшинств на получение образования и участие в судебных процессах на родном языке, а также на использование своего языка в общении с местной администрацией в районах с существенной долей меньшинств в населении. Однако принятие соответствующих законов впоследствии столкнулось с немалыми сложностями.

Главной уступкой руководства страны было согласие допустить ДСВР к участию в национальных и местных выборах на равных правах с политическими партиями. Закон о парламентских и президентских выборах, принятый в марте 1990 г., предусматривал, что «организации национальных меньшинств, созданные в соответствии с законом, представленные во Временном совете национального единства, рассматриваются в качестве политических сил, если выдвигают списки кандидатов [для участия в выборах] со стороны соответствующих меньшинств»³⁰. Принятый в ноябре 1991 г. закон о местных выборах содержал положение, что «в рамках настоящего закона легально созданные организации национальных меньшинств считаются приравненными к партиям и политическим объединениям»³¹. Указанные нормы не фиксировались конституционно: следовательно, их можно отменить голосованием в парламенте или судебным решением, однако на практике государственная политика по данному вопросу не изменилась в течение последних 30 лет.

Выборы 1992 г. показали существенный рост влияния крайне правой Партии национального единства румын (ПНЕР). В феврале 1992 г. кандидат от ПНЕР Г. Фунар был избран мэром Клуж-Напоки, что стало для него трамплином в большую политику. На президентских выборах в сентябре 1992 г. он занял третье место, получив 10,9% голосов. В Трансильвании Г. Фунару удалось заручиться поддержкой 20,7% избирателей, причем в четырех уездах его результат составил 31–34% (Бистрица-Нэсэуд, Муреш, Алба, Клуж). На проходивших одновременно парламентских выборах ПНЕР получила около 8% голосов и с учетом отсутствия у правящих социал-демократов парламентского большинства стала играть важную роль в румынской политике, войдя в состав так называемого красного четырехугольника — неформального большинства, в январе 1995 г. оформленного официально. Следует отметить, что в отличие от другой националистической партии, прошедшей в парламент («Великой Румынии»), взаимоотношения между властями и ПНЕР складывались весьма непростыми вследствие ее стремления получить реальные властные полномочия

³⁰ Decret-Lege nr. 92 din 14 martie 1990 pentru alegerea parlamentului și a Președintelui României. URL: <http://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocumentAfis/891> (accessed: 04.05.2020).

³¹ Lege nr. 70 din 26 noiembrie 1991 privind alegerile locale. URL: <http://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocumentAfis/1549> (accessed: 04.05.2020).

и гарантировать самостоятельное решение вопросов на местах³². Властям пришлось считаться с мнением националистов. В 1993 г. прекратилась особая практика назначения префектов в уезды Харгита и Ковасна. В 1995 г. принимается закон об образовании, противоречивший интересам национальных меньшинств: устанавливалось обязательное изучение в школах румынского языка и литературы, а также истории и географии на румынском языке, высшее образование в государственных вузах было доступным на языках меньшинств только по медицинским, педагогическим и творческим специальностям³³. В 1994 г. по настоянию ПНЕР ее представители получили четыре министерских поста.

В октябре 1992 г. Г. Фунар был избран лидером ПНЕР, отстранив от руководства основателя партии Р. Чонтя, который ранее проиграл выборы мэра Тыргу-Муреша кандидату от ДСВР. На посту мэра Клужа Г. Фунар постоянно находился в центре общественного внимания как в пределах своего города, так и всей страны. Он обвинял ДСВР в ирредентизме и подрывной деятельности, требовал его запрета и призывал провести обмен населением с Венгрией³⁴, что фактически означало бы выселение из страны венгерского меньшинства. В нарушение закона и решений правительства Г. Фунар запретил установку в городе двуязычных указателей³⁵, боролся с венгерскими топографическими названиями, вывесками и плакатами, пытался запретить использование венгерской символики и проведение публичных манифестаций по случаю национального праздника венгров (15 марта)³⁶, который воспринимается румынами неоднозначно вследствие другого отношения к начальным событиям революции 1848 г. Явно избыточные формы имело окрашивание общественного пространства в цвета румынского флага (вплоть до детских площадок и скамеек). На въезде в город размещалось приветствие на восьми языках, но не на венгерском. В то же время город оставался главным в Трансильвании центром деятельности ДСВР, в котором базировались его руководящие органы и проводились партийные мероприятия общенационального масштаба.

Игнорирование интересов венгерского меньшинства способствовало росту протестных настроений внутри ДСВР. Умеренная политика руководства вызывала критику и дискуссии. В мае 1991 г. Г. Домокош был переизбран главой ДСВР с минимальным преимуществом³⁷, при этом его соперник Г. Сёч стал

³² *Gallagher T.* Modern Romania... P. 120–121.

³³ *Lege nr. 84 din 24 iulie 1995. Legea învățământului.* URL: http://www.cdep.ro/pls/legis/legis_pck.htm_act_text?id=15840 (accessed: 19.07.2020).

³⁴ *Brubaker R., Feischmidt M., Fox J., Grancea L.* Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in Transylvanian Town. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006. P. 136–137.

³⁵ *Kiss T., Toró T., Székely I. G.* Unequal Compromise: An Institutional Analysis of Ethnic Claim-Making and Bargaining // *Unequal Accommodation of Minority Rights: Hungarians in Transylvania* / ed. by T. Kiss et al. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 145.

³⁶ *Brubaker R., Feischmidt M., Fox J., Grancea L.* Op. cit. P. 127.

³⁷ *Chiru M., Gherghina S.* Keeping the Doors Closed: Leadership Selection in Post-Communist Romania // *East European Politics and Societies.* 2012. Vol. 26. No 3. P. 524.

заместителем председателя союза, а в составе президиума большинство получили сторонники более жесткой линии³⁸. Пик их влияния пришелся на 1991–1993 гг.³⁹, что совпало с подъемом влияния ПНЕР и Г. Фунара и свидетельствовало о сохранении напряженной обстановки в регионе. В октябре 1992 г. руководство ДСВР в ответ на действия Г. Фунара приняло Клужскую декларацию, в соответствии с которой венгры наряду с румынами определялись как государствообразующая нация, предлагалось признать Румынию многонациональным государством и дать венгерской общине автономию (без уточнения, имеется ли в виду территориальная автономия)⁴⁰.

Вопрос об автономии в случае населенных венграми районов Трансильвании представляет особую сложность. Для региона исторически характерна этническая чересполосица, что всегда осложняло задачу провести границу по национальному признаку. По данным переписи 2002 г., 31 % венгров проживали в уездах, где составляли большинство населения (Харгита и Ковасна), около 40 % — в уездах, в которых доля меньшинств составляла от 20 до 40 % (Бихор, Муреш, Сату-Маре, Сэлаж), и 12 % — в уездах с долей меньшинств в населении от 10 до 20 % (Арад, Клуж). В восьми трансильванских уездах, в которых венгры составляли менее 10 % населения, проживало 16 % от всего количества венгерского населения страны⁴¹. С учетом данных обстоятельств ДСВР в начале 1990-х гг. не спешил выдвигать требование автономии, опасаясь, что его реализация могла бы привести к отказу в коллективных правах венграм, проживающим за пределами ее предполагаемых границ⁴². В 1993 г. чаша весов в руководстве ДСВР вновь склонилась в пользу умеренных сил: на очередном съезде не были подтверждены постулаты Клужской декларации, а преемником Г. Домокоша стал осторожный политик Б. Марко, оставшийся главой ДСВР до 2011 г. Однако в условиях нахождения у власти блока социал-демократов и националистов лидеры венгерского меньшинства вскоре вновь ужесточили свою позицию. В марте 1995 г. съезд ДСВР в Клуже включил требование автономии в политическую программу союза в следующей формулировке: «Автономия местных администраций, обладающих специальным статусом, предоставляется тем административно-территориальным объединениям, в которых значительную долю жителей составляют национальные меньшинства, а население подтверждает данный статус путем референдума»⁴³.

³⁸ *Toró T.* Op. cit. P. 96.

³⁹ *Ibid.*

⁴⁰ *Bugajski J.* Ethnic Politics in Eastern Europe. A Guide to Nationality Policies, Organizations, and Parties. Armonk, London: M. E. Sharpe, 1994. P. 220.

⁴¹ *Réka H.* Uniunea Democrată Maghiară din România la alegerile parlamentare din 1990–2004 // *Romanian Political Science Review*. 2005. Vol. V. No 1. P. 167–168.

⁴² *Bugajski J.* Op. cit. P. 218.

⁴³ Цит. по: *Stan V.* Tratatul româno-ungur și problematica drepturilor colective // *Altera*. 1995. An. I. No 3. P. 53.

Вследствие того, что венгры и румынские националисты играли в Трансильвании повышенную роль в политике, ее электоральный пейзаж существенно отличался от других регионов страны. Как венгры, так и румынские националисты могли рассчитывать приблизительно на 20 % голосов в регионе; таким образом, на долю всех остальных политических сил приходилось не более 60 % голосов. В отдельных уездах, городах и районах политика на местном уровне полностью находилась под контролем региональных политических сил. Так, по итогам местных выборов 1992 г. кандидаты от ДСВР были избраны мэрами 131 населенного пункта, а представители ПНЕР — 96. В 1996 г. количество мэров, избранных от ДСВР, увеличилось до 139, а от ПНЕР — до 147⁴⁴.

Еще одной отличительной особенностью политической борьбы в Трансильвании являлся относительно высокий уровень поддержки праволиберальных сил, которые в 1990-е гг. были объединены в Демократическую конвенцию Румынии. В марте 1990 г., «по горячим следам» декабрьских событий 1989 г., в Тимишоаре праволиберальными активистами была принята прокламация, содержащая ряд политических тезисов, в том числе требование люстрации в отношении бывших партийных деятелей и работников органов государственной безопасности. Данные требования активно использовались правой оппозицией в борьбе с властью, находившейся в руках представителей бывшей партийной номенклатуры во главе с президентом И. Илиеску. Высокая популярность правой оппозиции в Трансильвании проявилась на выборах 1992 г., когда И. Илиеску, в целом по стране победивший с большим отрывом (61,4 % голосов во втором туре), не получил большинства в 10 из 16 трансильванских уездов. Данная ситуация более не наблюдалась ни в одном другом районе страны, даже в Бухаресте, традиционно бывшем оплотом праволиберальных сил. На проходивших одновременно парламентских выборах правящие левые силы получили около 28 % голосов в целом по стране и лишь 12 % — в Трансильвании, причем в уездах Муреш и Клуж, где наиболее высок был градус межэтнических противоречий, их результат составил 4–7 %⁴⁵.

В реалиях румынской политики 1990-х гг. правонационалистические силы Трансильвании рассматривались, скорее, как попутчики власти, а ДСВР приемыкал к праволиберальному лагерю. Вместе с тем в обоих случаях участники сохраняли субъектность, особый политический образ и были весьма проблемными партнерами для более крупных партий. Так, находившиеся у власти до 1996 г. левые силы считали сотрудничество с праворадикальными партиями опасным для отношений с Западом, в связи с чем первоначально не оформляли официально парламентскую коалицию с их участием⁴⁶. С целью вынудить власти пойти на уступки по данному вопросу националисты из ПНЕР

⁴⁴ Preda C. Op. cit. P. 100, 104–105.

⁴⁵ Gallagher T. Modern Romania... P. 106.

⁴⁶ Roper S.D. Romania: The Unfinished Revolution. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 2000. P. 76.

использовали давление, в том числе угрозы заблокировать принятие закона о приватизации⁴⁷. В свою очередь, праволиберальные силы выступили резко против Клужской декларации ДСВР⁴⁸, заняв ту же позицию, что и власть. Кандидаты от ДСВР также не вошли в общие списки Демократической конвенции Румынии на выборах 1992 г., в отличие от других ее участников. Когда съезд ДСВР поддержал требование автономии в марте 1995 г., Демократическая конвенция вычеркнула его из рядов своих участников.

Формальным поводом для распада коалиции между правящими социал-демократами и националистами из ПНЕР стало заключение в Тимишоаре базового договора между Румынией и Венгрией в сентябре 1996 г., в ответ на что Г. Фунар объявил в Клуже траур. Реальной же причиной разлада стало желание «младших партнеров» по коалиции отмежеваться от ответственности за негативные процессы в социально-экономической сфере незадолго до президентских и парламентских выборов 1996 г. Это, впрочем, не оказало существенного влияния на итоги выборов: уровень поддержки ПНЕР сократился вдвое. В борьбе за места в парламенте партия получила немногим более 4 % голосов, а Г. Фунар набрал лишь 3,2 % голосов в качестве кандидата в президенты и вскоре потерял должность партийного лидера.

Выборы 1996 г. существенно изменили расклад сил в румынской политике. Лидер праволиберальной оппозиции Э. Константинуеску стал президентом, а в парламенте сформировалось большинство при ведущей роли Демократической конвенции Румынии. ДСВР впервые вошел в состав правящей коалиции и правительства, получив две министерские должности и посты префектов уездов Харгита и Сату-Маре. В целом он заметно снизил масштаб своих политических требований, сохранив ключевые программные установки, скорее, «для внутреннего пользования» в рамках партийных мероприятий, а не в процессе взаимодействия с партнерами по коалиции.

В центре внимания руководства ДСВР оказались прагматические задачи: восстановление Венгерского государственного университета (существовавшего до 1959 г.), модификация законов об образовании и государственной службе и др. Данные задачи удалось решить лишь частично. Новая редакция закона об образовании допускала создание государственных мультикультурных университетов с преподаванием на различных языках, однако на практике этого не произошло. Поправки к закону о государственной службе предусматривали использование языков меньшинств при взаимодействии с администрацией в населенных пунктах, где они составляют более 20 % населения, но практическая реализация данных положений затягивалась в течение пяти лет⁴⁹. Мэр

⁴⁷ *Gallagher T.* Modern Romania... P. 121.

⁴⁸ *Bugajski J.* Op. cit. P. 220.

⁴⁹ *Bakó R.K.* Comunicare sau izolare? Cultura dialogului etnic în Secuime // O evaluare a politicilor de producere a bilingvismului / ed.: I. Horváth, E.M. Tódor. Cluj-Napoca: Editura Limes – Institutul pentru Studiarea Problemelor Minorităților Naționale, 2008. P. 163.

Клуца Г. Фунар, сохранявший власть в городе до 2004 г., на протяжении многих лет успешно саботировал ряд решений центральных властей.

Членство ДСВР в правящей коалиции способствовало, наряду с социально-экономическим кризисом и непопулярной реакцией властей на бомбардировки Югославии, росту популярности праворадикальных сил. В результате внутреннего раскола в ПНЕР после отстранения от руководства Г. Фунара главным центром притяжения крайне правых избирателей стала партия «Великая Румыния» под руководством К. В. Тудора. Разделяя антивенгерские взгляды Г. Фунара (и приняв его в свои ряды), данная партия, впрочем, не ставила их во главу угла, делая акцент на социально-экономической повестке и активно используя антиглобалистскую, антицыганскую и антисемитскую риторику. В отличие от ПНЕР, уровень поддержки «Великой Румынии» был относительно равномерно распределен по стране.

Уровень общественной поддержки «Великой Румынии» достиг пика в 2000 г., когда К. В. Тудор прошел во второй тур президентских выборов, а партия стала крупнейшей оппозиционной силой в парламенте. Результаты выборов 2000 г. ярко отражали особенности электорального ландшафта Трансильвании. Так, в первом туре президентских выборов И. Илиеску, набравший 36,4% голосов в целом по стране, в Трансильвании получил лишь 21,9% и не имел ни в одном уезде региона даже относительного большинства. За националиста К. В. Тудора проголосовали 29,0% проживающих в регионе избирателей, за праволиберальных политиков Т. Столожана и М. Исэреску — суммарно 21,3% (в целом данные показатели соответствовали средним по стране). Кандидат от ДСВР Д. Фрунда заручился поддержкой 17,7% населения Трансильвании. Во втором туре, когда все политические силы страны объединились против кандидата от «Великой Румынии», К. В. Тудор получил 33,2% голосов в целом по стране, в том числе в Трансильвании — 37,3%. В семи трансильванских уездах уровень его поддержки превысил 40%, а уезд Бистрица-Нэсэуд стал единственным в стране, где он получил поддержку большинства избирателей.

Относительный успех К. В. Тудора и «Великой Румынии» на выборах 2000 г. дал ДСВР повод для активизации политического сотрудничества с И. Илиеску и социал-демократами, отношения с которыми ранее были сложными. На протяжении всего периода нахождения у власти социал-демократического правительства меньшинства во главе с А. Нэстасе (2000–2004 гг.) ДСВР оказывала ему политическую поддержку, впервые показав на практике пример «всеядности» в отношениях с ведущими партиями в Бухаресте. Данная тактика впоследствии позволила ДСВР в той или иной форме находиться у власти до 2012 г. (с кратким перерывом), однако при этом вызвала рост критических настроений в отношении партии-монополиста среди венгерских избирателей. Как отмечал И. Илиеску, привилегированное положение в итоге получило не венгерское меньшинство, а его политические лидеры⁵⁰. Это способствовало попыткам со-

⁵⁰ *Iliescu I. Op. cit. P. 362.*

здания альтернативных венгерских партий в 2000-е гг. и активизации «автономистской» повестки в общественно-политической деятельности венгерского населения с конца 2000-х гг.

Что касается крайне правых сил, то в 2000-е гг. они постепенно сошли с политической сцены в силу комплекса причин, а их электорат стал голосовать за основные румынские партии. Националистическая повестка, однако, не исчезла. В последние годы она периодически проявляется в открытых формах как у левых, так и у правых сил, примером чему служат антивенгерские выпады премьер-министра М. Тудосе в 2018 г. и президента К. Йоханниса в апреле 2020 г.

В заключение можно сделать вывод, что Трансильвания, исторически отличавшаяся повышенным этническим, религиозным, культурным многообразием, в значительной мере сохранила специфику развития общественно-политических процессов. Не обладая особым статусом и постепенно утратив многие элементы многообразия, она по-прежнему имеет особый облик не только в этнокультурном смысле, но и в политическом. Данный образ многосоставен и противоречив. В регионе нет венгерской автономии, но есть сильная венгерская партия. Повышенное влияние в 1990-е гг. имели как крайне правые националисты, так и праволиберальные силы. Как румынские, так и венгерские политические силы периодически то ужесточали свою позицию по национальному вопросу, то шли на компромиссы в отдельных случаях. Однако по главной для венгерского меньшинства проблеме — вопросу об автономии — перспективы компромисса не существует, в силу чего неудовлетворенность существующим положением сохраняется.

Глава 15

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА Румынии

Официальный дискурс румынского руководства стабильно сохраняет прозападные контуры на протяжении всего посткоммунистического периода. Еще до вступления в НАТО и ЕС Румыния стремилась придерживаться евроатлантического курса, несмотря на то, что в моменты обострения международных отношений иногда возникали ситуации, когда тактически ей не были выгодны действия Североатлантического альянса. Сегодня Румыния слывет одной из наиболее «пронатовских» стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), и не только в декларациях. В стране размещены и обустроиваются несколько военно-воздушных и одна военно-морская база НАТО, а на одной из этих баз — Девеселу — в мае 2016 г. введен в строй первый в ЦЮВЕ комплекс противоракетной обороны (ПРО) Соединенных Штатов Америки. Комплекс приспособлен для пуска не только противоракет, но и ударных ракет большой дальности, что в России вызывает опасения и негативные оценки.

Комментарии в румынской прессе по поводу подписания в 2011 г. соглашения о размещении в стране американской системы ПРО сводились к рассуждениям о том, что теперь Румыния наконец покинет опасную «серую зону» между Россией и НАТО, которая не гарантировала ей полной безопасности в случае возникновения какого-либо конфликта.

Путь в евроатлантические структуры вместе с тем не стал для Румынии гладким. Она вступила в НАТО (2004 г.) и Евросоюз (2007 г.) позже многих стран ЦЮВЕ. Среди главных причин такой отсрочки зарубежные аналитики называли неудовлетворительное экономическое положение, эндемическую коррупцию и проблемы законодательного порядка, с чем в общем соглашалась и румынская официальная пресса. Но некоторые румынские комментаторы при этом полагали, что сыграл свою роль и недостаточно твердый курс самой румынской администрации в 1990-е гг.: и президент Ион Илиеску, а в определенной мере и его преемник Эмиль Константинуеску, заявляя о своих евроатлантических амбициях, неоднократно склонялись в то же время к российской позиции по ряду вопросов.

Действительно, румынская внешняя политика в 1990-е гг. при всем заявленном евроатлантизме придерживалась в известной мере принципа балансирования. Но надо учесть, что президент И. Илиеску, слышавший за рубежом

либеральным коммунистом во времена Николае Чаушеску и установивший к тому же достаточно тесные личные контакты с Горбачевым и его окружением, в первые годы своего правления (1990–1996 гг.) делал подобные заявления, возможно, из осторожности.

Хотя следующий президент, представитель либерального крыла еще только формировавшейся новой политической элиты, Эмиль КонстантINESКУ (1996–2000 гг.), продолжил с большей последовательностью прозападный курс своего предшественника, но содержание и его высказываний иногда давало повод для упреков в некоторой неопределенности формулировок. КонстантINESКУ пытался активно продвигать на международной арене идею регионального лидерства Румынии, которого, впрочем, ей не удалось достичь до сих пор.

Во второй половине 1990-х гг. румынское руководство питало большие надежды, что страну пригласят в НАТО в 1997 г. вместе с Польшей, Венгрией и Чехией, вступление которых в Альянс состоялось в 1999 г., но этого не произошло. Румынские СМИ тогда транслировали не только сожаление, но и обиду. Позже эксперты выражали мнение, что и в 2002 г., когда в НАТО пригласили Латвию, Литву, Эстонию, Словению и Словакию, дверь в Альянс по-прежнему осталась бы закрытой перед Румынией, не случись трагедия 11 сентября 2001 г. Румыния была востребована благодаря своему геостратегическому положению, оказавшись в фокусе инициатив по предотвращению глобального терроризма.

Не последним фактором, повлиявшим на успех интеграции Румынии в западные военно-политические и экономические структуры, оказалась гибкая политика И. Илиеску в отношениях с российскими партнерами. Взаимоотношения Румынии и России на протяжении 1990-х гг. осложнялись поиском компромиссов в ходе переговоров о базовом политическом договоре, который был заключен лишь в 2003 г.

Румыния добивалась включения в его текст формулировок из своего договора с Украиной, где косвенно осуждался пакт Молотова — Риббентропа. Российская сторона не соглашалась на эту уступку. Другим камнем преткновения было требование возвратить в полном объеме золотой запас страны, отправленный на сохранение в Российскую империю накануне Октябрьской революции.

Румынии все же пришлось пойти на уступки в обоих вопросах. Причина заключалась в том, что базовый договор с Россией был необходим ей, ибо наличие основных договоров со странами-соседями было просто условием вступления в НАТО.

Правда, доверие западных политиков к Румынии возросло еще до подписания российско-румынского договора, в период косовского кризиса 1999 г. Официальный Бухарест, как известно, поддержал бомбардировки Югославии и даже предоставил в распоряжение НАТО свое воздушное пространство. Это произошло, невзирая на критику независимой прессы, напоминавшей о том, что румыны ни разу не воевали против сербов за всю многовековую историю их соседства, а также протесты части оппозиционных партий. Правда, в целом оппозиция все же поддержала сдержанную декларацию по поводу событий

в Югославии, и она была утверждена большинством голосов в парламенте. Но пресса бурлила, война в Югославии оставалась темой ее первых страниц. Сторонники пронаатовской позиции утверждали, что как бы аморально ни выглядели бомбардировки, национальный интерес Румынии — в поддержке Запада любой ценой.

В экономическом плане бомбардировки Югославии имели крайне негативное воздействие на экономику придунайских территорий, не говоря о том, что между Румынией и Югославией существовал базовый договор о дружбе. Конфликт в Югославии болезненно воспринимался в Румынии и в связи с внутренними межэтническими проблемами, в первую очередь постоянными трениями с представителями венгерского национального меньшинства в Трансильвании. Противники натовской операции считали, что в случае обострения взаимоотношений с венграми не исключены подобные действия НАТО и в отношении Бухареста.

Когда косовский конфликт пошел на спад, румынское руководство не пожалело, что действовало вопреки большей части общественного мнения внутри страны. Несмотря на низкие экономические показатели, в 2000 г. Румыния все же смогла начать переговоры о вступлении в ЕС. Однако обстоятельства ее включения в переговорный процесс не внушали оптимизма экспертам-скептикам. «Румыния вступает в Европу через заднюю дверь», — писал один из них.

Включение Румынии в переговорный процесс по вступлению в ЕС создало новые параметры в ее отношениях с НАТО и США. С одной стороны, продолжались переговоры и консультации по поводу вхождения Румынии в НАТО, с другой — румынские политики, ощущая себя причастными к Евросоюзу, должны были учитывать противоречия внутри НАТО между США и рядом европейских государств. После начала переговоров с ЕС Румыния, действительно, вынуждена была больше ориентироваться на интересы и позиции ЕС в противовес политике НАТО и ее неформального лидера — США.

И вот в 2004 г. Румынию, наконец, принимают в НАТО. Надо подчеркнуть, что именно администрации «пророссийского», как полагали некоторые эксперты-западники, президента И. Илиеску, снова занявшего президентское кресло в 2000 г., удалось подготовить страну к этому событию. Именно на ее долю выпало в 2003 г., несмотря на, казалось бы, непреодолимые трудности, подписание базового договора с Россией.

Нельзя не отметить, что с 2005 г. внешняя политика Румынии, продолжая евроатлантический курс, приобретает черты некоторой вычурности и, можно сказать, театральности. Острота высказываний, кажущаяся необдуманность и парадоксальность суждений были отличительной чертой риторики следующего президента, Траяна Бэеску (2004–2014 гг.), и не только внутри страны, но и за рубежом. Яркая антироссийская образность, заявления о срочной необходимости вхождения Республики Молдова в объединенную Румынию сочетались с непримиримостью и резкостью в отдельных эпизодах отношений и с западными партнерами. Едва ли будет преувеличением сказать, что «Траян

Бэеску сформулировал свою неконформистскую и популистскую риторику, прежде чем она стала глобальной модой»¹.

В глазах оппозиции президент Бэеску слыл абсолютным «американистом», что соответствовало действительности. Именно Бэеску ратовал за размещение в Румынии не только натовских баз, но и американской системы ПРО. Одних комментаторов радовало заявление госсекретаря США Хиллари Клинтон о том, что после подписания в 2011 г. соглашения по ПРО Румыния стала «ключевым игроком» на восточном фланге НАТО. Но другие эксперты задавали вопрос: насколько необходима и не избыточна ли такая мера и против кого на самом деле направлен сей «щит»? Разве не достаточно просто членства в НАТО? Разве не достаточно, что несколько десятков румынских солдат погибли в Ираке и Афганистане? Приводился аргумент, что Чехия отказалась от подобного предложения американской стороны. Бэеску обвиняли в том, что его поведение лишено чувства собственного достоинства, он пресмыкается перед американцами.

При этом высказывания Т. Бэеску зачастую отражали его заносчивость в общении с европейскими партнерами, определенную неполиткорректность, что, однако, не мешало продвижению Румынии в европейские структуры. 1 января 2007 г., несмотря на многие несоответствия стандартам ЕС, она была принята в Евросоюз. Правда, в стране, благодаря иностранным вливаниям, к этому моменту наблюдался некоторый экономический рост. И все же ничего, кроме геополитики, эксперты как внутри страны, так и за рубежом не видели в этом событии. Румыния в момент вступления в ЕС обязалась достигнуть всех европейских стандартов в течение 3 лет. Поэтому был установлен режим внешнего контроля Евросоюза для мониторинга степени реализации реформ — «Механизм сотрудничества и проверки» (MCV), который действует до сих пор.

Разразившийся весной 2014 г. украинский кризис вызвал беспокойство не только со стороны румынской правящей элиты, но и в обществе в целом. Евроатлантическая составляющая внешней политики еще более усилилась. В отличие от натовских бомбардировок Югославии 1999 г., разделивших румынское общество на два противостоящих лагеря, события в Украине оправдывали лишь представители некоторых маргинальных националистических групп. Но общество в целом выражало тревогу и было настроено резко критично в отношении действий России, еще более усилились антироссийские настроения, и прежде достаточно распространенные.

С началом украинского кризиса активизировались контакты румынских официальных лиц со структурами Североатлантического альянса, а также главами и представителями военных ведомств стран — членов НАТО. Как

¹ Sela V. Corespondență de la Washington. Cum este văzută în SUA întâlnirea Iohannis-Trump // Radio Europa Libera România. 19.08.2019 [Official Site]. URL: <https://romania.europalibera.org/a/corespondent-%C4%83-de-la-washington-cum-este-vazuta-%C3%AEen-sua-intalnirea-iohannis-trump/30117242.html> (accessed: 13.01.2020).

сообщали информационные агентства, Румыния, наряду с Польшей и странами Прибалтики, обратилась к НАТО и США с просьбой усилить военное присутствие на своей территории и начала переброску своих войск к восточным границам. Высший совет по обороне дал согласие на присутствие на территории страны боевых самолетов Североатлантического альянса.

Резкая критика Москвы сочеталась с моральной поддержкой Киева. Хотя на протяжении многих лет отмечалось не очень дружественное отношение Румынии к своему северо-восточному соседу, все же обстоятельства продиктовали иное поведение, к тому же в стратегии, принятой Бухарестом на украинском направлении, всегда имела определенная двойственность. С одной стороны, Бухарест симпатизировал прозападной ориентации части политического истеблишмента Киева и расценивал Украину как своеобразный буфер между Румынией и Россией, а с другой — в основе румынской стратегии лежали территориальные претензии: правые румынские политики не скрывали желания вернуть так называемые исторические территории — украинскую часть Южной Бессарабии и Северную Буковину.

Есть и другая сторона этой заинтересованности: молдавское направление внешнеполитической деятельности Бухареста. Максимальное сближение с Молдавией, полагают в Румынии, не будет достигнуто без поддержки украинских властей.

Сегодняшний президент Клаус Йоханнис, вступивший в должность в декабре 2014 г., а в ноябре 2019 г. переизбранный на новый срок, в отличие от предшественника сдержан, дипломатичен и в высшей степени осторожен в публичных высказываниях. Суть же внешней политики Румынии остается прежней. В своих первых интервью Йоханнис заявил о безоговорочной приверженности Румынии политике и действиям НАТО. Что касается российско-румынских отношений, он подчеркнул необходимость, несмотря ни на что, стремиться к диалогу с Россией.

Гибкость и обтекаемость формулировок, так свойственная К. Йоханнису, наиболее очевидно отражает методы румынской внешнеполитической деятельности, сложившиеся в давние времена. Они неизменно характеризовали внешнюю политику Дунайских княжеств, а затем Королевства Румыния, и сегодня их можно рассматривать как укоренившуюся традицию в искусстве дипломатии, в полной мере отразившуюся и во внешней политике Н. Чаушеску, и в деятельности первого президента посткоммунистической Румынии И. Илиеску. А если вспомнить еще и период правления Георгиу-Дежа, то можно поразиться, как искусно проводился курс на отдаление Румынии от Москвы, чему способствовал и вывод советских войск с территории страны в 1958 г., и это все несмотря на то, что Москва вовсе не собиралась отпускать своего идеологического партнера в свободное плавание.

В истории достаточно много событий и эпизодов, свидетельствующих о том, что благодаря умелому лавированию в сложных обстоятельствах Румыния могла использовать в своих интересах даже негативные для себя моменты.

Хрестоматийным в этом смысле стало максимальное расширение страны в результате Первой мировой войны. Можно напомнить также, что Румыния, участвуя в гитлеровской оккупации Советского Союза, после Сталинградской битвы активно искала возможности быстрее выхода из союза с Германией, ведя через своих представителей за рубежом переговоры с американцами и англичанами. Молниеносное присоединение к антигитлеровской коалиции в 1944 г. позволило ей, как известно, вернуть Трансильванию. Исследователи обычно связывают это умение с наследием дипломатии Византийской империи. Сегодня осторожность и двойственность присутствуют даже в документе «Военная доктрина Румынии», где в разделе «Стратегические концепции» первую позицию занимает «концепция постепенной и гибкой реакции»².

Вместе с тем в условиях ярко выраженного «американизма» традиционная амбивалентность методологии внешнеполитической деятельности сегодня уступает, по мнению эксперта И. Путинцева, более четким и однозначным приоритетам: «Усиление ориентации на США и отход румынской дипломатии от исторически характерной для нее гибкости свидетельствуют об эволюции внешнеполитической традиции страны, формировании ее нового образа в международных отношениях»³.

Хотелось бы отметить в связи с этим заключением, что атлантическая ориентация Румынии хотя и кажется абсолютом ее внешнеполитических приоритетов, но отнюдь не исключает конъюнктурной гибкости румынских политиков, относящихся к любой ситуации системно, с учетом многих обстоятельств. Об этом, в частности, свидетельствует выступление Йоханниса на совместной пресс-конференции в Вашингтоне по итогам встречи с Дональдом Трампом 9 июня 2017 г. Румынский президент ожидаемо подтвердил твердую поддержку инициатив США в рамках Североатлантического альянса, но очень прозрачно дал понять, что диссонансы во взаимоотношениях США и Европы оценивает с позиций еврозащитника. «Румыния является государством — членом ЕС, и я думаю, что в ваших интересах, господин президент, иметь сильный Европейский союз в качестве партнера. Это жизненно важно для всех нас... НАТО и Европейский союз не должны конкурировать, но должны работать вместе, чтобы добиться синергетического эффекта»⁴, — подчеркнул он.

² Военная доктрина Румынии. Ч. 1 // Factmil [Official Site]. URL: http://factmil.com/publ/strana/rumunija/voennaja_doktrina_rumynii_ch1/100-1-0-114 (дата обращения: 10.12.2019).

³ Путинцев И. Внешняя политика Румынии после вступления в НАТО и ЕС // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 11. С. 66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-66-75.

⁴ Declarația de presă comună a Președintelui României, domnul Klaus Iohannis, cu Președintele Statelor Unite ale Americii, domnul Donald Trump // Președintele României [Official Site]. 09.05.2017. URL: <http://www.presidency.ro/ro/media/politica-externa/declaratia-de-pres-a-comuna-a-presedintelui-romaniei-domnul-klaus-iohannis-cu-presedintele-statelor-unite-ale-americii-domnul-donald-trump> (accessed: 03.07.2018).

Гибкость Йоханниса в полной мере проявилась во время на шумевшей истории с переносом посольства США из Тель-Авива в Иерусалим в марте 2018 г., вызвавшим крайнюю озабоченность многих государств. В мае 2018 г. всем странам — участницам Евросоюза было предложено подписать резолюцию, осуждающую перенос посольства США в Иерусалим, но Румыния вместе с Чехией и Венгрией ее заблокировала. В марте 2019 г. румынское правительство официально объявило о намерении перенести свое посольство в Иерусалим при том, что президент Йоханнис был однозначно против. Эта ситуация уже не первого противостояния президента, с одной стороны, и правительства и парламента — с другой, была разрешена в пользу Йоханниса, обладающего конституционными прерогативами во внешней политике. Таким образом, Румыния не стала, в отличие от Чехии, поддерживать инициативу Трампа, опасную для перспектив урегулирования палестино-израильского конфликта.

В декабре 2019 г. министр иностранных дел Румынии Богдан Ауреску официально объявил, что Румыния, уважая документы Совета Безопасности и Генеральной ассамблеи ООН, не собирается переносить свое посольство из Тель-Авива в Иерусалим, хотя ситуацию внутреннего противостояния «разрешить было непросто»⁵. Именно дискуссия вокруг переезда посольства в Израиле стоила Румынии возможности занять место непостоянного члена в Совете Безопасности ООН, с сожалением констатировал министр.

20 августа 2019 г. состоялся второй визит Йоханниса в США. В ходе переговоров румынский президент заявил о готовности разместить больше американских военных на территории своей страны, на что получил согласие Трампа. Традиционно обсуждались «вопросы безопасности» в Черном море и меры по «укреплению восточного фланга НАТО», выражалась озабоченность Румынии «хрупкостью границ» и необходимостью наращивания военного присутствия на восточных рубежах Альянса.

При этом на протяжении всего своего президентства Йоханнис не устает повторять о необходимости «диалога с Россией», что уже стало почти неизменным атрибутом его риторики.

Стремясь, как и Польша, к лидерству на региональном пространстве, Румыния в 2014 г. стала организатором так называемой Бухарестской инициативы — 9 («В9»), объявленной как платформа для углубления диалога и сотрудничества между девятью странами восточного фланга Североатлантического альянса. В России этот проект оценили однозначно негативно.

В 2015 г. Румыния активно включилась в региональный проект «Троеморе», главным инициатором которого стала Польша. В проект вошли двенадцать стран, находящихся в пространстве между Балтийским, Черным

⁵ Bogdan Aurescu despre discuțiile privind mutarea ambasadei din Israel: Ne-au costat candidatura de membru nepermanent în Consiliul de Securitate al ONU // HotNews. 17.12.2019 [Official Site]. URL: <https://www.hotnews.ro/stiri-esential-23556320-bogdan-aurescu-despre-discutiile-privind-mutarea-ambasadei-din-israel-costat-candidatura-membru-nepermanent-consiliul-securitate-onu.htm> (accessed: 10.02.2020).

и Адриатическим морями. Содержанием проекта было объявлено экономическое сотрудничество. В российских откликах на это событие отмечается, что очевидна и политическая составляющая проекта, которая выражается в создании единой восточноевропейской коалиции в Европейском союзе. Создание проекта является, с этой точки зрения, признаком роста недовольства восточноевропейских стран в отношении политики Европейского союза. Другие эксперты полагают, что суть этого неформального объединения, в первую очередь, состоит в том, чтобы ослабить зависимость Европы от российского газа.

Третья встреча стран «Троеморья» прошла 17–18 сентября 2018 г. в Бухаресте, и ей придавалось в Румынии особое значение. Именно на Бухарестском форуме проект начал принимать осязаемые формы, комментировали румынские аналитики.

Хотя страны-участницы, каждая по-своему, заинтересованы в проекте, однако имеются и некоторые несовпадения в оценках его перспектив. У Румынии же нет никаких сомнений в необходимости и плодотворности «Троеморья». Здесь она полностью солидаризируется с Польшей, подписав с ней в 2015 г. План совместных действий на 2015–2020 гг., что, как полагали эксперты, подняло отношения двух стран до уровня стратегического партнерства.

Преобладающее большинство политических аналитиков, в первую очередь близких к властным кругам, поддерживает не только отдельные инициативы такого рода, но прозападный курс страны в целом. Хотелось бы отметить, что среди них есть не только западники, но и традиционалисты, в том числе озабоченные возрождением «Великой Румынии» в границах межвоенного периода и полагающие, что присутствие их страны в системе евроатлантических организаций благоприятно повлияет на процесс интеграции с Республикой Молдова.

Что касается членства в Евросоюзе, Румыния чувствует себя ущемленной из-за того, что до сих пор не присоединена к Шенгенской зоне. Актуальной остается ситуация, сложившаяся в результате массовой выдачи «этническим румынам» Молдавии и Украины румынских паспортов. В этой сфере к тому же комфортно чувствует себя коррупция: желающие иметь такой паспорт, в этом можно убедиться благодаря Интернету, могут получить необходимые документы, не имея на то необходимых оснований. Несколько стран Евросоюза прямо заявляют о недопустимости бесконтрольной и массовой раздачи румынских паспортов и блокируют, в том числе и по этой причине, присоединение Румынии к Шенгенской зоне.

Предметом обеспокоенности в румынских общественно-политических изданиях в 2018 г. стали инициативы Евросоюза в отношении Венгрии и Польши, руководства которых обвинялись в авторитаризме. Речь шла о возможном лишении этих стран права голоса на европейских форумах и сокращении их финансирования по общеевропейским программам.

Негативный резонанс в ЕС имела в 2018 г. отставка с поста главного прокурора Национального антикоррупционного управления Лауры Кёвешешу под

нажимом коррупционных сил из правящей Социал-демократической партии (СДП), которой удалось позже внести поправки в Уголовный кодекс для смягчения ответственности за коррупцию. Президент К. Йоханнис всеми доступными средствами противостоял этим действиям, но Лауру Кёвешу отстоять не смог. Согласно мнению Венецианской комиссии Совета Европы, многие из предложенных социал-демократическим правительством поправок к Уголовному кодексу и Кодексу уголовной процедуры в Румынии серьезно подрывают эффективность судебной системы в борьбе с коррупцией.

Особое беспокойство в этой ситуации вызывало то, что, в отличие от Польши и Венгрии, условием вступления Румынии в ЕС в 2007 г. было принятие режима внешнего контроля для мониторинга степени реализации реформ. Поскольку мониторинг «Механизм сотрудничества и проверки» продолжал действовать, процедуру лишения Румынии голоса в Европейском совете можно было провести быстро.

Живой отклик в румынских СМИ вызвали перипетии внутривнутриполитических дебатов внутри Евросоюза, касающиеся места стран ЦЮВЕ внутри этой организации. Как известно, канцлер Германии Ангела Меркель пыталась претворить в жизнь доктрину «Европы двух скоростей», которая подразумевает продолжение интеграции «ядра Евросоюза» в рамках еврозоны, независимо от позиции других государств-членов, в него не входящих. Поскольку «младоевропейцы» в это «ядро» не входят, эта инициатива вызывает с их стороны отторжение. К. Йоханнис, поддерживая своих коллег из стран ЦЮВЕ, позицию свою выражает, как всегда, в корректной форме, осторожно заявляя, что «многоскоростная Европа» может привести к распаду ЕС.

Зависимость Румынии от евроатлантических партнеров смягчает ее взаимоотношения с соседними государствами — Венгрией, Молдавией, Украиной. Отношения с Украиной, как и с Венгрией, хотя и осложнены территориальными претензиями, но это не столь очевидно сегодня. С Венгрией взаимоотношения на официальном уровне находятся в рамках Договора о взаимопонимании, сотрудничестве и добрососедстве 1996 г., но они отягощены постоянной озабоченностью Будапешта положением венгерского меньшинства в Трансильвании. Вопрос о создании венгерской автономии в Трансильвании является болевой точкой румыно-венгерских отношений, осложняющей текущие взаимоотношения двух стран-соседей, хотя обе формально являются стратегическими партнерами, будучи членами НАТО.

Отношения с «румынизирующейся» Республикой Молдова в Румынии называют особо доверительными и братскими, но они нестабильны по причине нестабильности внутривнутриполитической жизни Молдавии, где сталкиваются почти на равных прорумынские и прозападные силы, с одной стороны, и пророссийские — с другой.

И здесь рисуется мрачный образ России, препятствующей в глазах румынских политиков приднестровскому урегулированию и оказывающей сильное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в Республике Молдова. Еще более

зловещим образом внешнеполитические амбиции России предстали, по их мнению, после присоединения Крыма и донбасских событий. Как полагают многие румынские аналитики, достижение Россией своих амбициозных внешнеполитических целей в ближнем зарубежье, включая в первую очередь Украину, распространяется и на Республику Молдова, что напрямую затрагивает национальные интересы и безопасность самой Румынии.

Постоянно осложняют российско-румынские отношения разнообразные неловкости в контактах. Последний инцидент имел место в ноябре 2019 г., когда российское посольство в своем аккаунте на «Фейсбуке» прокомментировало выступление хранительницы румынской короны, принцессы Маргареты, на приеме в честь дипкорпуса 21 ноября. В комментарии было отмечено, что в своей речи «местоблюстительница короны решила примерить на себя “мантию геополитического стратега”, пекущегося о безопасности и благополучии не только своего государства, но и как минимум половины Евразии и всего евроатлантического пространства». Выводы принцессы Маргареты, с точки зрения российского диппредставительства, «оказались до боли примитивны и узнаваемы»⁶.

Что вызвало подобные комментарии? Ничего более резкого, чем обычно можно встретить в румынских СМИ, в выступлении принцессы не было. Пакт Молотова — Риббентропа был назван ею «одиозным договором, подписанным смертоубийственными диктатурами XX в.». Кризис в Украине 2014 г. и военный конфликт в Грузии 2008 г. названы «нападениями» России. Военная операция в Сирии в 2015 г. определялась как «российская военная интервенция на Ближнем Востоке». Все эти события спикер расценила как угрозу безопасности Румынии, находящейся на «южном фланге» НАТО⁷.

После комментариев на «Фейсбуке» посла РФ Валерия Кузьмина вызвали в румынский МИД. Затем последовали возмущенные отклики в прессе и социальных сетях, в которых подчеркивалось, что была грубо нарушена практика дипломатического этикета, проявилось отсутствие элементарной культуры со стороны представителей посольства, тем более что принцесса не является лицом, представляющим официальные властные структуры.

Такого рода частные, казалось бы, события и примеры отражают на самом деле суть и тональность сегодняшних российско-румынских отношений. Об этом достаточно взвешенно высказался один из ведущих румынских политических аналитиков Арманд Гошу: «Ничего не было построено за последние

⁶ Посла РФ вызвали в румынский МИД из-за комментария в социальной сети // ТАСС. 26.11.2019 [Official Site]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7206081> (дата обращения: 12.02.2020).

⁷ Discursul Majestății Sale Margareta Custodele Coroanei la Seara regală a Corpului Diplomatic. Sala Tronului, Palatul Regal, 21 noiembrie 2019 // Familia Regală a României. 21.11.2019 [Official Site]. URL: <https://familiaregala.ro/conferinte/articol/discursul-majestatii-sale-margareta-custodele-coroanei-la-seara-regala-a-corpului-diplomatic-sala-tronului-palatul-regal-21-noiembrie-2019> (accessed: 29.01.2020).

30 лет. Это огромный двор, по которому гуляет ветер». Причем после 2016 г., со сменой посла, Москва, по наблюдению Гошу, совсем заморозила отношения с Бухарестом: «От отношений с Румынией Россия ничего не хочет. Румыния также ничего не хочет от отношений с Россией. Если России надо решить какие-то вопросы, касающиеся Румынии, она их обсудит с партнерами Бухареста — с Вашингтоном, Лондоном или Берлином, а те обратятся к Румынии от имени России. Москва не считает Бухарест действительным собеседником. Чтобы говорить напрямую, должен быть минимум доверия. Однако построение минимального уровня доверия может быть только долгосрочной целью»⁸.

Подводя итоги пятилетнего президентства К. Йоханниса, следует подчеркнуть, что общая евроатлантическая направленность румынской политики несколько не изменилась. Избегая по возможности острых углов, Румыния продолжает встраиваться в западный мир. Однако в восприятии некоторых прозападных аналитиков страна многого не смогла достичь в этом направлении.

Крайне критическая позиция в отношении результатов внешнеполитической деятельности администрации Йоханниса выражена, в частности, политологом Дорином Попеску, который считает, что румынская политика сегодня отличается большей замкнутостью, изолированностью, чем это было пять лет назад, она имеет ограниченные ресурсы, не отличается способностью к опережающей и выверенной политической игре. Одним из очевидных свидетельств этого является, по его мнению, проигрыш в соревновании с Эстонией за получение места непостоянного члена в Совете Безопасности ООН.

Внешняя политика Румынии в этот период кажется Д. Попеску плоской, скучной, чрезмерно сдержанной, неактивной, с редкими яркими выступлениями. В картине отсутствуют взаимосвязанные инициативы, которые могли бы настроить общее перспективное видение.

Румыния, полагает Д. Попеску, не укрепила своего места в ЕС и НАТО: «Нам не удалось повысить ценность европейской политики в ее восточном соседстве и/или в расширенном Черноморском регионе, мы не стали катализатором европейской политики в этом регионе, мы не преодолели барьеры, которые оставляют нас у ворот Шенгенской зоны, и мы не создали надежной перспективы для введения евро. Поэтому, что естественно, Комиссия оставляет нас в одиночестве в рамках “Механизма сотрудничества и проверки” (MCV), обещая Болгарии вывести ее из этой программы, но оставляя ее для Румынии»⁹.

⁸ De ce atacă Ambasada Rusiei Casa Regală? E o provocare, Iohannis trebuie sa iasă din paradigma serviciilor, care a dus politica externă în șanț // DW. 28.11.2019 [Official Site]. URL: <https://www.dw.com/ro/de-ce-atacă-ambasada-rusiei-casa-regală-e-o-provocare-iohannis-trebuie-sa-iasă-din-paradigma-serviciilor-care-a-dus-politica-externă-în-șanț/a-51457673> (accessed: 29.01.2020).

⁹ Popescu D. Klaus Iohannis, la final de mandat prezidențial: Bilanț și proiecții în politica externă a României // Ziare.com. 02.11.2019 [Official Site]. URL: <http://www.ziare.com/alegeri/>

Автор напоминает, что в течение рассматриваемого периода Румыния вместе с Польшей и Венгрией стала излюбленным предметом дискуссий в Европейском парламенте по вопросу о деградации демократии, свобод и верховенства закона, систематически формируя представление о себе как о стране, которую надо проверять относительно системных возможностей соответствия нормативным принципам Евросоюза. Согласно его выводу, «мы все еще систематически занимаем низкие места во всех качественных иерархиях Союза, нас воспринимают как периферийное государство в конструкции Европейского союза»¹⁰.

Что касается Республики Молдова, сокрушается Д. Попеску, Румыния де-факто не создала многовекторных отношений стратегического партнерства с ней. Даже если цель Бухареста состоит только в том, чтобы поддержать ее европейский путь, эволюция Кишинева подтверждает, что эта цель румынской внешней политики (а также и Брюсселя) кажется все более отдаленной на фоне постоянного скольжения Молдовы в «серое пространство» между Европой и Российской Федерацией.

Знания и опыт Румынии в отношении Республики Молдова более не нужны никому ни в Европе, ни за океаном, продолжает Д. Попеску. Сценарии изменений для Республики Молдова рассматриваются мировыми игроками в значительной степени без предварительной консультации или участия Бухареста. Здесь автор имеет в виду, в первую очередь, Приднестровье. Как известно, в 2000-е гг. в конфликтную ситуацию в Приднестровье включились силы глобального уровня. Однако и переговоры в формате «5 + 2» (Молдавия, Приднестровье — стороны конфликта, Россия, Украина — страны-гаранты, ОБСЕ — посредник, Евросоюз и США — наблюдатели) до сих пор не дали удовлетворительных результатов.

Согласно комментариям в СМИ, во время своего визита в Москву 14–15 февраля 2005 г. Траян Бэеску добивался от Владимира Путина включения Румынии в формат переговоров по разрешению приднестровского конфликта. Однако прямые заявления, равно как и косвенные намеки на желание включиться в этот договорный процесс, не находят понимания в России. Запад в этой ситуации также не выступает в качестве адвоката Румынии.

Румыния, по мнению Д. Попеску, потеряла способность находить полезные для себя и Европы геополитические решения и перспективы на региональном уровне. Если Польша все еще генерирует геополитические инициативы и формулы, такие как «Троеморье» или Восточное партнерство, то у Румынии, по-видимому, остается лишь способность быстро объединяться с инициативами других*. Что касается идеи расширенного Черноморского региона — «золотой

alegeri-prezidentiale-2019/klaus-iohannis-la-final-de-mandat-prezidential-bilant-si-proiectii-in-politica-externa-a-romaniei-1583697 (accessed: 09.02.2020).

¹⁰ Ibid.

* Автор не упоминает проект 2014 г. «Бухарестская инициатива — 9» («В9»), который, по мнению многих в Румынии, свидетельствует об активной роли Румынии как регионального игрока.

ниши Румынии в геополитической плоскости», то она продвигается как в Евросоюзе, так и на региональном уровне не последовательно, «с рудиментарными инструментами с точки зрения воздействия и доверия»¹¹. Румыния упустила даже возможность использовать в собственных интересах свое председательство в Совете Европейского союза в 2019 г., заключает Д. Попеску. Автор, по-видимому, имеет в виду тот факт, что румынские политики надеялись: председательство в Совете Европейского союза поможет снять режим «Механизма сотрудничества и проверки».

Абсолютно противоположная точка зрения на результаты румынской внешней политики при президентстве Йоханниса выражена в редакционной статье информационного портала Ziare.com. Главная мысль авторов сводится к тому, что именно Йоханнис сделал все возможное, чтобы Румыния выглядела «нормальной страной» в глазах международной общественности. Хотя в статье нет ссылок на предыдущего президента Траяна Бэеску, но по смыслу невольно возникает противопоставление между неполиткорректной, популистской, но яркой риторикой Бэеску и сдержанными, выверенными выступлениями Йоханниса. «В течение своего первого президентского срока Клаус Йоханнис сделал Румынию высоко ценимой и уважаемой в ЕС и НАТО, он удержал Румынию на прозападном направлении, несмотря на попытки лидеров СДП столкнуть страну с этой траектории»¹².

Авторы редакционной статьи видят личную заслугу президента в том, что безопасность страны повысилась благодаря военному присутствию США в Румынии. В статье подчеркивается, что президент является решительным сторонником стратегического партнерства между Румынией и США. Его укрепление, расширение и динамизация относятся к числу важнейших приоритетов для Йоханниса. Авторы обращают внимание на то, что Йоханнис был единственным румынским президентом, дважды принятым в Белом доме в течение одного мандата американского президента. Заслуга Йоханниса и в том, что он добавил к этому партнерству новое измерение энергетической безопасности и содействия стратегическим экономическим инвестициям.

Диапазон внешних связей Клауса Йоханниса шире, нежели теплые приемы со стороны Ангелы Меркель или визит в Бухарест Эммануэля Макрона, подчеркивается в статье. «Президент Клаус Йоханнис защищает интересы румын, которые хотят, чтобы их страна, благодаря уважению и высокой оценке со стороны партнеров, была на самом видном месте среди европейских государств. Это в полной мере выражалось на саммите ЕС в Сибиу, когда Йоханнис практически привел Европу в Румынию на самой важной встрече глав государств и правительств ЕС»¹³.

¹¹ Ibid.

¹² Ce înseamnă România normală în politica externă / Publicitate electorală // Ziare.com. 26.09.2019 [Official Site]. URL: <http://www.ziare.com/alegeri/alegeri-prezidentiale-2019/ce-inseamna-romania-normala-in-politica-externa-1578906> (accessed: 21.01.2020).

¹³ Ibid.

Приведенные здесь прямо противоположные оценки результатов внешней политики администрации Йоханниса отражают заботы о максимальном встраивании Румынии в западный мир. Евроатлантизм внешнеполитической деятельности румынских властей в целом поддерживается и общественным мнением, но тем не менее некоторая часть политиков, интеллектуальной элиты и рядовых граждан имеет определенные сомнения на этот счет. Наличие критического отношения к евроструктурам показывают социологические опросы. Как отмечал военный эксперт, генерал в отставке Василе Роман, Европейский союз в сознании румын «больше не представляет собой политико-административную структуру, способную решить их проблемы...»¹⁴. У части румын даже есть ощущение, что их страна — это «просто бизнес для некоторых европейских стран»¹⁵.

Крайне отрицательное отношение к прозападному курсу румынской внешней политики выражают некоторые националистические круги, в частности, не очень многочисленная, но чрезвычайно активная в публичном пространстве группировка «Новые правые», которой в 2015 г. удалось зарегистрироваться в качестве политической партии. «Новые правые», объявляющие себя наследниками «Железной гвардии» рубежа 1930-х — 1940-х гг. и организующие в разных частях страны марши с националистическими, антиевропейскими и антиглобалистскими лозунгами, выступают против США и Евросоюза, против включения Румынии в Шенгенскую зону, ибо последнее, в их представлении, помешает сконцентрироваться на главной цели — объединении с Республикой Молдова.

Хотя подобные выступления в СМИ и научно-политических изданиях нечасты, они отражают сомнения в стратегии максимальной ориентации на западный мир, как бы обтекаемо ни звучали политические декларации в устах нынешнего румынского президента. Надо отметить, что такие настроения существуют с традиционно укоренившимися в румынском обществе антирусскими и антироссийскими представлениями. Сомнения в правильности евроатлантического выбора обычно не предполагают альтернативы пророссийской.

¹⁴ Roman V. România se îndepărtează de Uniunea Europeană // Qmagazine. 19.10.2017 [Official Site]. URL: <https://www.qmagazine.ro/romanii-se-indeparteaza-de-uniunea-europeana/> (accessed: 12.11.2018).

¹⁵ Ibid.

Глава 16

Румыния 30 лет спустя: от тоталитарной диктатуры к параллельному государству?

Когда солнечным днем 22 декабря 1989 г. по Бухаресту разнеслась весть о бегстве Чаушеску, город охватила настоящая эйфория.

По улицам мчались самосвалы, переполненные повстанцами, которые размахивали флагами и выкрикивали лозунги. Ликовавшие румыны обнимались и целовались, даже пытались танцевать. Легковые машины ехали с протяжными гудками, а смеющиеся водители в знак победы показывали из окна два поднятых пальца — V (Victoria).

Официанты выносили из ресторанов ящики с минеральной водой и ставили на тротуар, продавщицы в булочных раздавали горячие батоны, не требуя денег, таксисты везли пассажиров бесплатно, а в больницах доноры, спешившие отдать кровь раненым революционерам, ссорились из-за места в очереди. Это были самые чистые и счастливые минуты в жизни многих румын!

Вакуум власти

«За последние 20 лет мы разучились радоваться свободе, — сказал мне на диктофон 22 декабря в студии телевидения румынский диссидент, поэт Мирча Динеску. — Происходящее сейчас — это безумие, вулкан, бред свободы. Через несколько дней мы успокоимся, похороним наших героев и будем строить новую жизнь».

Между тем отнюдь не все румыны тогда безоглядно предавались «бреду свободы», многие хладнокровно прикидывали, как лучше использовать открывающиеся возможности.

Вечером того же дня в здании ЦК РКП собрались все, кто рассчитывал получить роль в новом спектакле на румынской сцене. В разных кабинетах предпринимались лихорадочные попытки сформировать будущее правительство страны. Там были как революционеры с городских баррикад, так и члены бывшей коммунистической номенклатуры (Илие Вердец, Константин Дэскэлеску, Юлиан Влад). Газета «Румыния либерэ» приводила тогда отчаянно-курьезные слова одного из участников: «Я работал в милиции, предлагаю назначить меня министром внутренних дел!».

Таким образом, борьба за место у стола на празднике будущей румынской демократии началась всего через несколько часов после бегства диктатора, если не еще раньше.

Румыния как добыча

В 1970-е гг. известный румынский писатель Марин Преда опубликовал автобиографический роман под названием «Жизнь как добыча» («Viața sa o pradă», 1977). Именно так — как некий охотничий трофей! — рассматривали оставшуюся без хозяина Румынию практически все участники политического процесса в стране после краха диктатуры Чаушеску, несмотря на каскады высокопарной патриотической риторики.

Этот подход оставался неизменным на протяжении всех истекших с тех пор трех десятилетий, сохраняется он и сегодня. Об этом свидетельствует, например, название сборника статей, который вышел в начале 2020 г. в яском издательстве «Polirrom» — «Победители и побежденные» («Revoluția din 1989. Învinși și învingători»), координаторы Аннели Уте Габаньи, Александру Мурару, Андрей Мурару, Даниел Шандру).

Название можно толковать по-разному. Координаторы, судя по их call for papers, исходят из идеи, что в результате декабрьских событий 1989 г. в стране бывшие коммунисты победили румынский народ. С другой стороны, румынский народ вряд ли могли представлять появившиеся вдруг ниоткуда на политической сцене цэрэнисты и либералы, гордо именовавшие свои партии «историческими».

В реальности постреволюционная Румыния превратилась для всех политиков в арену борьбы за власть со всеми вытекающими из этой власти выгодами. Другими словами, личный интерес решительно возобладал над общественным или государственным, а привычка стыдливо прятать этот личный интерес в условиях свободы вдруг куда-то исчезла.

В результате три последние десятилетия в Румынии выглядят как перманентная гражданская война, или, как ее называют современные публицисты, «румыно-румынская война». Впрочем, может быть, именно такова суть современного политического процесса, который в Румынии зачастую приобретал почти гротескные черты.

Партии

1. После декабрьской революции 1989 г. в Румынии возникли три основные политические силы. Это, прежде всего, — Фронт национального спасения (ФНС, FSN), который Ион Илиеску назвал «эманацией революции», так как он был образован частью лидеров декабрьских событий.

Это — так называемые исторические партии, действовавшие в Румынии до установления в стране коммунистического режима и восстановленные после декабря 1989 г., — Национал-либеральная партия (НЛП, PNL), Национал-цэрэнистская партия (НЦП, PNT), Румынская социал-демократическая партия (РСДП, PSDR). В них вошли как приехавшие из заграницы эмигранты, так и остававшиеся в Румынии бывшие члены молодежных организаций этих партий.

Это, наконец, — Демократический союз венгров Румынии (ДСВР, UDMR), а также другие созданные на месте политические партии, которые, как правило, носили конъюнктурный характер и не играли значительной роли в политической жизни страны.

2. ФНС во главе с Илиеску, получивший на волне декабрьской революции преобладающее влияние в стране, без труда выиграл майские выборы 1990 г.

В 1992 г., однако, ФНС раскололся на Демократический фронт национального спасения (ДФНС, FDSN) во главе с Илиеску, который принято называть «консервативным», и ФНС во главе с Петре Романом, считающийся «реформистским».

В 1993 г. ДФСН, «проглотив» ряд мелких партий, сменил название на Партию социальной демократии Румынии (ПСДР, PSDR), а в 2001 г., после поглощения «исторической» РСДП стал называться Социал-демократической партией (СДП, PSD), как сегодня.

3. В этом же 1993 г. ФНС, «проглотив» ряд мелких партий, стал называться Демократической партией (ДП, PD).

В 2007 г. ДП объединилась с Либерально-демократической партией (ЛДП, PLD) во главе с Теодором Столожаном, отколовшейся в 2006 г. от НЛП, став Демократической либеральной партией (ДЛП, PDL), а в 2014 г. влилась в НЛП, растворившись в этой партии, которая сохранила свое «историческое» название. Таким образом, часть первоначального ФНС сегодня находится в составе НЛП. Другими словами, бывшая левоцентристская партия, называвшая себя социал-демократической, идеологически развернулась, став правоцентристской. Этот разворот стал очевиден, когда ДП в 1996–2000 гг. встала у власти вместе с правой Демократической конвенцией Румынии, а также в 2001 г., когда ее лидером стал Траян Бэеску.

4. Восстановленная в Румынии в 1990 г. НЛП пережила первый раскол в этом же году, когда от нее отпочковалась партия НЛП — молодое крыло, которая, сменив ряд названий, в 1998 г. вернулась в НЛП. В 2006 г. из НЛП выходит Столожан и создает ЛДП, которая в 2007 г. объединяется с ДП, образовав ДЛП. В 2014 г. из НЛП выходит Кэлин Попеску-Тэричану и создает Либерально-реформистскую партию (ЛРП, PLR), которая в 2015 г. вместе с Консервативной партией образует Альянс либералов и демократов (АЛДЕ, ALDE). В 2014 г. НЛП поглотила ДЛП, сохранив свое название. Другими словами, в НЛП перешла часть ФНС и вернулись либералы-рenegаты из бывшей ЛДП (Столожана). Некоторые обозреватели считают, что речь идет о перерождении НЛП, так как фактически власть в новой «исторической» партии оказалась у ДЛП во главе с Бэеску.

5. В 2014 г. Попеску-Тэричану выходит из НЛП и учреждает эфемерную ЛРП, которая в 2015 г. объединяется с Консервативной партией, образовав АЛДЕ. Это — партия лидера Попеску-Тэричану. В 2016–2019 гг. АЛДЕ входил в правящую коалицию.

6. Восстановленная в Румынии в 1990 г. НЦП, позднее Национал-цэрэнистская, христианская и демократическая партия (НЦХДП, PNȚCD), формально значительной роли не играла и в настоящее время практически исчезла с румынской политической сцены. Зато она сумела стать связующим элементом при формировании в 1991 г. политического и предвыборного альянса Демократическая конвенция Румынии (ДКР, CDR), направленного против ФНС. В рамках ДКР эта партия играла доминирующую роль.

В 1995 г. ДКР заключила соглашение о сотрудничестве с Социал-демократическим союзом (СДС, USD), в который входили ДП и РСДП, а затем привлекла к партнерству и ДСВР, заложив таким образом основы будущего парламентского большинства. В 1996 г. ДКР уверенно выиграла парламентские, местные и президентские выборы, впервые после 1989 г. отодвинув от кормила власти в Румынии левые силы (ПСДР). Получение в результате серии выборов правоцентристскими силами подавляющего большинства вселяло надежды на успех их правления, однако объективные экономические трудности и, главным образом, распри внутри коалиции привели к фактическому провалу, и в 2000 г. ДКР развалилась.

7. «Историческая» РСДП была восстановлена в Румынии в 1990 г. и вошла в парламент. В 1992 г. вступила в ДКР, из которой позднее вышла. В 1995 г. составила предвыборный альянс (СДС) с ДП. В 2001 г. была поглощена ПДСР, новая партия стала называться СДП, как сегодня.

8. Учрежденная в день казни Чаушеску 25 декабря 1989 г. «этническая партия» ДСВР представляет венгерское меньшинство — крупнейшее национальное меньшинство в Румынии (6,1% населения страны согласно переписи 2011 г.). ДСВР представлена в парламенте Румынии, где вступает в любые альянсы и коалиции с единственной целью — защищать интересы проживающих в Румынии этнических венгров и добиваться местной автономии в рамках румынского государства.

9. Партия «ПРО-Румыния» (PRO România) учреждена в 2017 г. бывшим премьер-министром Виктором Понтой, который вышел из СДП в результате разногласий с партийным руководством. По сути, это фракция «инакомыслящих» социал-демократов, которая состоит большей частью из бывших членов СДП.

10. Партия «Великая Румыния» (România Mare) основана в 1991 г. писателями Корнелиу Вадимом Тудором и Эудженом Барбу на основе одноименного еженедельника. «Великая Румыния» — националистическая и евроскептическая, антисистемная и популистская партия, которая превозносила Чаушеску и привлекала в свои ряды бывших сотрудников Секуритате. Несмотря на скандальную репутацию, «Великая Румыния» пользовалась существенной поддержкой в румынском обществе. Талантливый и темпераментный литератор Корнелиу Вадим Тудор, которого называли «румынским Ле Пенем», регулярно выступал с оскорбительными нападками на оппонентов, неоднократно

привлекался к суду за расистские и антисемитские высказывания. На президентских выборах 2000 г. он, однако, набрал около 20 % голосов и вышел во второй тур, где уступил Иону Илиеску. «Великая Румыния» — типичная партия своего лидера, которым бессменно был Корнелиу Вадим Тудор и со смертью которого в 2015 г. она практически сошла с политической арены.

11. Партия «Союз за спасение Румынии» (ССР, USR) учреждена в 2015 г. и по результатам парламентских выборов в 2016 г. стала третьей политической силой страны. В прессе загадочный успех едва появившейся на свет «из пробирки» партии объясняется тем, что она представляет интересы либо глобальных политических игроков типа Джорджа Сороса (ее нередко сравнивают с «La République en marche» Эммануэля Макрона), либо молодого поколения сотрудников румынских спецслужб.

12. «Партия Свобода, Единство и Солидарность — ПЛЮС» (ПЕСС, PLUS) создана в 2018 г. бывшим премьер-министром Дачианом Чолошем, который возглавил кабинет технократов после отставки правительства Понты в результате пожара в 2015 г. в бухарестском ночном клубе «Colectiv», где погибли 64 чел. В прессе характеризуется примерно так же, как и USR. Обе партии выступали альянсом (Альянс 2020 — ССР — ПЕСС) на выборах в Европарламент в мае 2019 г.

13. Партия «Народное движение» (ПНД, PMP) создана в 2014 г. сторонниками президента Траяна Бэеску, которые в 2014 г. вышли из ДЛП. Фактически это «карманная» партия Бэеску, который сейчас является ее почетным председателем.

14. Гуманистическая партия Румынии (ГПР, PUR) была учреждена в 1991 г. предпринимателем Даном Войкулеску. С 2005 г. переименована в Консервативную партию (КП, PC). Когда в 2015 г. она объединилась с ЛРП, образовав АЛДЕ, группа членов во главе с Марией Грапини, не согласившись с этим решением, учредила новую Партию гуманистической власти (социал-либеральную) (ПГВСЛ, PPU social-liberal).

Были и остаются мелкие партии с эфемерным существованием, главная задача которых, по сути, — обеспечить «прибавочную стоимость» крупным партиям для получения парламентского большинства, — Альянс за Румынию (АзР, ArR), Национальный союз за прогресс Румынии (НСПР, UNPR), Румынская экологическая партия (РЭП, PER), Партия единства румынского народа (ПЕРН, PUNR), «Либеральные правые» (Dreapta liberală), «Альтернатива за национальное достоинство» (АНД, ADN), «Румынская нация» (Națiunea Română), «Новая Румыния» (Noua Românie) и другие.

Альянсы

1. В 1991 г. многочисленные политические партии, гражданские движения и ассоциации образовали ДКР — политический и предвыборный альянс оппозиции, который противостоял доминировавшему на политической сцене ФНС.

2. В 1996 г. РСДП, вышедшая из ДКР, вступила в предвыборный союз с ДП, образовав Социал-демократический союз (СДС, USD). (Легко спутать с одноименным союзом, который создали в 2014 г. СДП, НСПР и КП).

3. В 2003 г. ДП и НЛП образовали предвыборный альянс «Справедливость и правда» (Dreptate și Adevăr — DA), направленный против СДП. Прекратил существование в 2007 г.

4. В 2008 г. ДЛП с одной стороны и СДП + КП — с другой, которые набрали на парламентских выборах практически одинаковое количество голосов, заключили соглашение о сотрудничестве «Партнерство для Румынии» и сформировали правящую коалицию. Союз распался менее чем через год, так как из кабинета вышли социал-демократы.

5. В 2011 г. НЛП (Крин Антонеску) и СДП (Виктор Понта) образовали политический, парламентский и предвыборный Социально-либеральный союз (СЛС, USL), направленный против президента Бэеску. Альянс противоположных идеологически партий комментаторы назвали «чудовищной коалицией» по образцу союза между румынскими консерваторами и либералами в 1866 г. с целью устранения правителя Александру Иоана Кузы. Это был самый крупный политический альянс с начала 2000-х гг. (на местных и парламентских выборах 2012 г. он получил 60 % голосов). Правительство СЛС просуществовало два года — в 2014 г. либералы вышли из кабинета, и союз распался.

6. После парламентских выборов в 2016 г. СДП и АЛДЕ (Попеску-Тэричану) заключили соглашение о партнерстве и образовали правящую коалицию. В августе 2019 г. коалиция распалась в результате выхода из нее АЛДЕ.

Подводя черту, можно сказать, что на протяжении истекших трех десятилетий СДП и оппозиция (включая независимых) статистически провели у власти примерно одинаковое время (СДП на 3-4 года больше).

Такие подсчеты, однако, затруднены тем, что кабинеты нередко имели смешанную партийно-идеологическую конфигурацию или возглавлялись так называемыми независимыми политиками. В определенные периоды было в принципе неясно, какую политическую окраску имеет правительство.

Кстати, в Румынии нередко говорят, что в стране нет либерального, демократического или цэрэнистского электората, а есть только избиратели СДП и анти-СДП (ДСВР является особым случаем).

Президенты

1. После декабрьской революции 1989 г. у Фронта национального спасения и его лидера Иона Илиеску в Румынии не было достойных соперников, так что его дважды подряд (в 1990 и 1992 гг.) избирали президентом практически «по умолчанию». Общее впечатление сводится к тому, что Илиеску, подобно английской королеве или Франсуа Миттерану, «правил, но не управлял» (в

1990–1996 гг.). Другими словами, ограничивался благодушными призывами, закрывая глаза на зачастую неблагоприятные дела, которые творили другие лидеры социал-демократов и местные «бароны», фактически самоустраняясь. Некоторые комментаторы, характеризуя место Илиеску в политической жизни, не без иронии употребляли выражение «Иисус среди разбойников».

2. Политический износ сделал свое дело, и в 1996 г. президентом стал лидер оппозиционной Демократической конвенции (ДКР) Эмиль Константинуеску (1996–2000 гг.). Университетский профессор геологии не был, по сути, готов к исполнению этой роли, ничем особенным не отличился и в результате признал, что «был побежден системой». Константинуеску принадлежат исполненные глубокого смысла слова: «Мы выиграли выборы, но не взяли власть».

3. Поэтому следующий 4-летний промежуток (2000–2004 гг.) вновь президентствовал Илиеску. С 2003 г. продолжительность мандата румынского президента составляет 5 лет, а парламента — 4 года (до этого сроки были одинаковыми).

4. В 2004 г., когда Илиеску уже не имел права баллотироваться, победу на выборах одержал Траян Бэеску, представлявший альянс «Справедливость и правда» (ДА). Он провел во дворце Котрочень (бухарестская резиденция главы государства) два мандата — целых десять лет (2004–2014 гг.).

Авторитарный Бэеску стал «президентом-игроком». Очевидным образом он обладал призыванием к политической деятельности — некоторые комментаторы, вспоминая Аристотеля, называли его «политическим животным». Умело взбаламутив стоячие воды румынской политики, Бэеску оседлал страну. Его упрекали в превышении полномочий, но зато он реально управлял Румынией, и существующий сегодня в стране режим был во многом сформирован в годы президентства Бэеску. Именно личность «президента-игрока» стала в этот период полюсом, вокруг которого размежевались политические партии.

Этот бурный стиль дважды ставил его на грань импичмента. В 2007 г. Бэеску был отрешен от должности парламентом, однако по итогам референдума в этом же году вернулся в президентское кресло, а на выборах 2009 г. получил второй мандат. В 2012 г. парламент вновь лишил его должности, и снова был проведен референдум, большинство участников которого на этот раз высказалось за отставку президента. Конституционный суд, однако, признал народную консультацию несостоявшейся из-за отсутствия кворума (приняли участие 46,24% зарегистрированных избирателей вместо необходимых 50% + 1), и Бэеску вернулся в Котрочень до конца мандата. В Румынии существует мнение, согласно которому результаты выборов и референдума были фальсифицированы под воздействием «внешнего фактора».

5. В 2014 г. президентом был избран этнический немец, мэр Сибиу Клаус Йоханнис (НЛП). Ему пришлось сосуществовать с социал-демократическим парламентским большинством и правительством, с которыми он ведет непримиримую войну (президент даже принял участие в антиправительственной манифестации, хотя статус главы государства требует равноудаленности от всех

партий). Пресса упрекает Йоханниса в бездеятельности, его первое президентство выглядело достаточно бесцветно, тем не менее в ноябре 2019 г. он был переизбран главой государства на второй срок.

Политическая карусель

В результате всех этих головокружительных расколов и слияний за прошедшие три десятилетия политики смешались друг с другом, а идеологическая окраска партий утратила отчетливость, так что левых в сегодняшней Румынии трудно отличить от правых. Один из видных политиков откровенно сказал как-то автору этих строк: «Сегодня лучше не иметь определенной идеологии и программы, потому что это сужает возможность маневра и уменьшает избирательную базу».

Появилось множество мелких партий, созданных либо под того или иного лидера, либо из политтехнологических соображений — уводить электорат, играть роль «джокеров» при создании коалиций, обеспечивать лидерам места в структурах власти. Возникали противоестественные политические коалиции, альянсы, комбинации, оправдываемые замысловатыми политическими расчетами, использованием одномоментных ситуаций, в которых личные интересы тесно переплетались с групповыми. Ничто не ново под луной: еще в 1907 г. классик румынской литературы Ион Лука Караджале писал: «Политические партии в европейском смысле слова, то есть — основанные на традиции, на старых или новых классовых интересах и, соответственно, на программах принципов и идей, не существуют в Румынии».

Один советский историк заметил, что деятельность каждого политика можно условно разделить на две части: одна посвящена тому, что он хочет осуществить в стране, другая — сохранению собственной позиции в государственной иерархии, так как в противном случае он ничего не сможет реализовать. У румынских политиков в этом уравнении произошел решительный перекосяк: впечатление таково, особенно если судить по результатам социально-экономического развития Румынии за прошедшие 30 лет, что их деятельность посвящена политической борьбе полностью. «В 2015 г. Румыния — это мафиозное государство, где несколько кланов с корнями в Секуритате и в номенклатуре делят между собой ресурсы страны при соучастии ряда международных трестов», — утверждал политолог и писатель Стелиан Тэнасе¹.

Возникло понятие «политического трасеизма» («трасеистками» в Румынии называют секс-работниц, которые ждут клиентов на обочинах автотрасс), относящееся к политикам, которые легко переходят из одной партии в другую, невзирая на политические цвета, в зависимости от получаемых выгод.

¹ Tanase S. Un cacapitalism romanesc. 15 mai 2015. URL: <https://www.stelian-tanase.ro/cacapitalism-de-ocazie/> (accessed: 29.09.2019).

Вся эта политическая карусель происходит на глазах румынского общества, в котором вместе с желанной свободой утвердилась атмосфера всеобщего недоверия и раскола, возобладал циничный принцип «каждый за себя». Примечательно, что в своем последнем романе («Самый любимый из землян», 1980 г.) уже упоминавшийся Марин Преда называл наступившие времена (в произведении — 1950-е гг.) «эрой негодяев». Трудно сказать, конечно, идет ли речь о реальной деградации социально-политических нравов в стране или же об эволюции взглядов автора на жизнь под влиянием конфликта с властями, либо просто возраста.

Единственной целью политиков стало выиграть выборы, сформировать кабинет министров, получить власть. Важен стал только результат, то есть — победа. Реальное содержание из политики было практически выхолощено, социально-экономические вопросы — отодвинуты на второй план. Политика приобрела сугубо технический характер, свелась к калейдоскопу альянсов между партиями без идентичности, к политической комбинаторике. В результате центральное место в этих бесконечных больших маневрах заняли политтехнологии и политтехнологи. Цель и средства слились воедино — как в экономике, где торговля взяла верх над производством.

Один из выводов, который можно сделать из этой ситуации, заключается в том, что традиционные политические этикетки устарели, больше не отвечают реальности, потеряли свое значение для анализа. Необходимы новая теория, терминология, аппарат, которые исходили бы из новой реальности, необходимы новые основоположники.

О методе

Исследование бурных событий, подобных декабрьской революции 1989 г. в Румынии, сталкивается с особыми трудностями. Главная из них — нехватка достоверных источников.

Ведь документы, не говоря уже о свидетельствах очевидцев, могут раскрывать, но могут и скрывать истинный характер событий. Они могут отсутствовать, могут быть неполными или пустыми, могут, наконец, быть лживыми, созданными специально, чтобы фальсифицировать события, замести следы. Румынские историки, например, знают, что существуют две разные стенограммы заседания Политисполкома ЦК РКП под председательством Чаушеску от 17 декабря 1989 г.

Мотивации решений и поступков участников событий определяются множеством противоречивых, зачастую случайных факторов, резкими поворотами кризисной ситуации. Среди этих мотиваций — и вмешательство внешних сил, и материальные интересы, и политические амбиции, и личные комплексы, и всевозможные страсти, и попросту авантюризм. Многие из этих мотиваций — запутанные, чисто человеческие, даже абсурдные, и уже через несколько лет после событий становятся непонятными для большинства исследователей. Многие решения и поступки просто не оставляют следов, а только имеют

последствия, которые остаются без объяснения. В результате написание истории «такой, какой она была», становится, по сути, невыполнимой задачей.

«Текущая жизнь чувствительно отличается и в любом случае значительно сложнее, чем то, что вытекает из официальных документов», — отмечал историк Лучиан Бойя, называя документы «бледными отблесками когда-то живых миров»².

Решения и поступки участников событий определяются также атмосферой эпохи, витающими в воздухе идеями, чувствами, представлениями — ментально-идеологическим контекстом. Когда-то мотивы этих решений были, может быть, объяснимы, но атмосфера событий с каждым днем растворяется, пережившие их люди уходят, и тогда, по выражению Н. Ульянова, «нерв событий, ясный для современников, но необычайно затемненный историками», теряет, а их смысл тонет в искусственных построениях исследователей, которым недоступен «дух эпохи»³.

Историк-медиевист, сейчас президент Румынской академии Иоан Аурел Поп спросил однажды выдающегося, ныне покойного историка, академика Флорина Константиniu: «Что такое прошлое?» «И он сказал мне без колебаний: прошлое — это жизнь, живая и полная жизнь для тех, кто его пережил, то есть — это настоящее, — рассказывает Иоан Аурел Поп. — Мы ошибаемся, когда трактуем его как прошлое и не переносимся в миры, которые восстанавливаем, чтобы стать современниками с теми, о ком пишем»⁴.

В Румынии до сих пор задаются риторическим вопросом: «Когда мы будем знать правду о декабрьских событиях 1989 г.?» Пока историки обычно отвечали на него в традиционном духе, — что, мол, мы будем знать все о румынской революции, когда нам станут доступны факты и источники, позволяющие строго восстановить декабрьские события. Сегодня же велик соблазн сказать, что по мере удаления от событий мы будем знать все меньше и меньше, так что вскоре от них останется просто этикетка, смысл которой будет определять правящий политический режим. Другими словами, прав был Джордж Оруэлл, написавший: «Нет ничего более непредсказуемого, чем прошлое».

Теория конспирации?

В Румынии существует твердая убежденность, что результаты выборов в стране подтасовываются, а также некая фатальная примиренность с этой

² *Boia L.* Jocul cu trecutul: Istoria intre adevar si fictiune. București: Editura Humanitas, 2013. P. 133.

³ *Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма. М.: Индрик, 1996. С. 37.

⁴ *Pop I.-A.* Florin Constantiniu, contemporanul nostru perpetuu si irevocabil // In memoriam. Acad. Florin Constantiniu. Smerenie. Pasiune. Credinta, Editura Enciclopedica. București, 2013. P. 541.

ситуацией. Главный аргумент гласит, что подсчетом голосов на румынских выборах занимается Служба спецсвязи с собственным софтом.

Бывший директор Румынской службы информации (РСИ) Вирджил Мэгуряну в интервью радио «Свободная Европа» однозначно утверждал, что румынские спецслужбы могут влиять на результаты выборов в стране. «Могут влиять и даже решающим образом, поскольку определенные части избирательного процесса процеживаются и через этот фильтр, — сказал он. — У нас говорят..., что Служба спецсвязи отвечает за окончательные результаты голосования и т.д. Я не хочу вникать в детали, но повсюду в мире, не только у нас, спецслужбы имеют большое пространство для маневра в отношении результатов голосования». «Есть также лидеры общественного мнения в политическом или экономическом мире, и спецслужбы обладают хорошими возможностями влиять на них и побуждать их склонить чашу весов», — добавил Мэгуряну⁵.

Если верить СМИ, спецслужбы вообще играют весьма активную роль в румынской политике. Главная заслуга в этом принадлежит будто бы Бэеску, в период президентства которого были расширены их полномочия и увеличены бюджеты. Под предлогом интересов национальной безопасности был дан «зеленый свет» повсеместной слежке и прослушке. Спецслужбам разрешили заниматься бизнесом и открывать собственные фирмы, внедрялись агенты в администрацию, юстицию, прессу.

Громкий скандал разразился в 2019 г. вокруг более 60 секретных протоколов о сотрудничестве, которые РСИ заключила с различными органами власти, главным образом судебной. Практика заключения таких документов подверглась жесткой критике, так как, согласно местным обозревателям, на основе этих протоколов офицеры РСИ влияли на независимое правосудие, обслуживая определенные политические интересы. Председатель Национального союза судей Румынии Дана Гырбован назвала эти протоколы «самой большой угрозой в адрес независимости юстиции в посткоммунистический период: секретное вмешательство спецслужб в акт правосудия».

Любопытными замечаниями о роли Секуритате в Румынии поделился известный журналист, до недавнего времени европарламентарий Траян Унгуряну. «Этот клуб, — писал он, — время от времени меняет адрес и вывеску у входа, но продолжает доминировать. Эта жуткая инерция заставляет задуматься. Является она плодом лишь прямого гнета коммунистического военно-политического корпуса или также результатом “коллорабационизма”, в котором знаменитая способность румын к биологическому выживанию играет значительную роль?»⁶.

⁵ *Magureanu V.* Sunt absolut convins că și azi informațiile ajung la fel de repede la Moscova ca pe vremea lui Ceaușescu, interview Europa libera. URL: <https://romania.europalibera.org/a/m%C4%83gureanu-sunt-absolut-convins-c%C4%83-%C8%99i-azi-informa%C8%99iile-ajung-la-fel-de-repede-la-moscova-ca-pe-vremea-lui-ceau%C8%99escu/30162395.html> (accessed: 05.10.2019).

⁶ *Ungureanu T.* Secu — Cornu — Corfu (istoria Romaniei trece in soapta) // Revista «22» [Official Site]. URL: <https://revista22.ro/opinii/traian-ungureanu/secu-cornu-corfu-istoria-romaniei-trece-in-soapta> (accessed: 16.09.2019).

«Румынское население видело в Секуритате не инородное тело или оккупанта, а хозяина, местного руководителя, — продолжает автор. — Эта идея имеет богатую историческую традицию. Она ведет к фигурам боярина, префекта, полицейского, примаря (мэра), которые могут делать почти все, что хотят, в обществе, которое глубоко убеждено, что именно таково предназначение власти».

«Поэтому проблема Секуритате в Румынии неразрешима, — заключает Унгуриану. — Она носит органический характер, является, скорее, частью румынского мира, в котором не подавляет противоположных ценностей, воспоминаний, устремлений».

Вот почему в Румынии не вызвало особенно большого удивления, когда стало известно, что информаторами Секуритате были такие столпы либерализма, как Дан Амедео Лэзэреску и Мирча Ионеску-Кинтус. Более того, не стало шоком, когда Апелляционный суд в сентябре 2019 г. констатировал, что информатором Секуритате являлся экс-президент Траян Бэеску, который осудил коммунизм и открыл доступ к архивам Секуритате.

«Я вхожу в число тех, кто ни секунды не верит в существование правового государства, демократии в Румынии, — писал влиятельный публицист Ион Кристою. — Многие не верят в это и знают, что факты, представленные как победа демократии, в реальности всего лишь результат закулисных интриг, вмешательства спецслужб в политику»⁷.

Есть ли в Румынии параллельное государство (deep state)?

«Почти бесполезно голосовать, поскольку они в совершенстве научились менять результат выборов как непосредственно, так и путем жалкого трасеизма, который мы наблюдаем сегодня, — сказал в ходе президентской кампании 2019 г. один из кандидатов, актер Мирча Дьякону. — Они формируют другое большинство. Мы все говорим об этом подземном, оккультном государстве, это государство существует и сегодня, оно функционирует безупречно с протоколами, с невероятными злоупотреблениями»⁸.

Формально в Румынии действует традиционная политическая схема (партии — парламент — правительство — президент), однако практически все убеждены, что она представляет собой лишь ширму, за которой скрывается подлинный механизм власти.

В стране действует параллельное государство, которое «незаконно осуществляет государственные полномочия, подменяя власть, избранную

⁷ Cristoiu I. Cine i-a copt-o lui Traian Băescu? Nu cumva Marele Licurici?! URL: <https://www.cristoiublog.ro/cine-i-a-copt-o-lui-traian-basescu-nu-cumva-marele-licurici/> (accessed: 08.10.2019).

⁸ MEDIAFAX.ro. 21.09.2019. URL: <https://www.mediafax.ro/politic/mircea-diaconu-si-a-depus-candidatura-in-lipsa-lui-tariceanu-si-ponta-actorul-a-tinut-un-discurs-despre-statul-paralel-18408388> (accessed: 25.09.2019).

демократическим путем», — заявил бывший лидер СДП Ливиу Драгня, ныне отбывающий 3,5-летний срок в тюрьме по обвинению в коррупции. По его словам, «параллельное государство составляют люди из спецслужб, часть прокуроров, часть судей», а одним из «главных его клиентов» является президент Клаус Йоханнис.

«В Румынии нет ни оккультных, ни подпольных сил и, конечно, нет параллельного государства», — сухо ответил Йоханнис. «Это выражение придумали люди, которые не в ладах с правосудием», — добавила представитель главы государства по печати Мэдэлина Добровольски⁹.

Меня давно занимают отношения между формальной и неформальной властью, комментировал политолог и писатель Стелиан Тэнасе. Это — «пьеса, где на афише значатся одни имена, а на сцену выходят другие актеры», это — «театр китайских теней», «кадриль, в которой дамы постоянно меняют кавалеров». «Политические драмы разыгрываются не в парламенте, не на съездах. Там только спектакль для публики. Реальная власть совсем в другом месте. Все решается за кулисами»¹⁰.

Экс-президент Траян Бэеску говорил о «секте национальной безопасности», в которой РСИ — «мозг», а Национальное управление по борьбе с коррупцией — «исполнитель». Публицист Ион Кристою ввел в оборот термин «бином», означающий альянс между РСИ и Национальным управлением по борьбе с коррупцией, который, по его словам, является настоящим хозяином страны.

«В Румынии власть находится в двух местах: в контроле над спецслужбами и в контроле над правящей партией со всеми сетями экономических и других интересов, которые предполагают эти структуры, — утверждал Траян Унгуряну. — Власть идет за людьми, которые контролируют эти структуры, независимо от должностей, которые они занимают».

В начале 1990-х гг. на бухарестском фестивале документального кино был показан вне конкурса короткометражный фильм «Хочу мою порцию правды», который остался тогда практически незамеченным. «Некая структура управляет из-за кулис Румынией, — говорил за кадром голос диктора. — Это не партия или не только одна партия. Структура состоит из людей, связанных между собой густой паутиной отношений, которые ведут во все терминалы власти. Эти люди находятся среди нас всегда».

«В Румынии как будто несколько партий, — писал бывший премьер Раду Василе в книге “Гонка по встречной полосе” (2002 г.). — В реальности есть лишь одна партия — партия структур, а под структурами мы понимаем социальные матрицы, состоящие из бывших сотрудников Секуритате и кадровых работников аппарата компартии. Эти матрицы, настоящие рычаги власти в организме

⁹ MEDIAFAX.ro. 18.04.2016. URL: <https://www.mediafax.ro/politic/traian-basescu-in-romania-se-instaleaza-la-putere-o-secta-a-securitatii-nationale-corupta-15263367> (accessed: 20.09.2019).

¹⁰ *Tanase S.* Soferul pe bancheta din spate. URL: <https://www.stelian-tanase.ro/soferul-de-pe-bancheta-din-spate/> (accessed: 02.10.2019).

общества, проникли повсюду — в СМИ, в мир бизнеса, в частную и государственную банковскую сеть и, естественно, во все партии»¹¹.

«Политик, который хочет иметь хоть какую-то свободу действий, не только вынужден подчиниться давлению структур, но более того — должен стать их частью». Эта книга, писал скончавшийся в 2013 г. Р. Василе, — «попытка описать румынский политический феномен на протяжении короткого интервала времени», «показать, что подлинная власть (в Румынии) принадлежит структурам».

Сухой остаток

Прощаясь в 1989 г. с режимом Чаушеску, румыны свято верили, что их ждет светлое будущее. Реальность оказалась иной. В клубе западных стран Румыния оказалась «бедным родственником», внутреннюю жизнь захлестнула коррупция и политиканство. Хотя у кормила власти за прошедшие годы побывали и левые, и правые, никто из политиков не внушил доверия румынам. Об этом красноречиво свидетельствует традиционно низкая явка на выборах всех уровней и растущая эмиграция. Очевидно, что интересы политиков и избирателей расходятся все сильнее, ожидания румын от будущего становятся все более пессимистическими. Таков пока неутешительный итог развития Румынии в течение трех десятилетий, прошедших после самого кровопролитного в Европе расставания с тоталитаризмом.

Когда отмечалось 10-летие декабрьской революции 1989 г., Мирча Дьякону сказал: «22 декабря 1989 г. все румыны обнимались на улицах, и жизнь нам казалась понятной и ясной. Сегодня же мы дезориентированы, охвачены усталостью и грустью. И все же румынам есть, что праздновать. Это — то состояние души, которое мы пережили 22 декабря 1989 г. и которое останется с нами навсегда». Достаточно слабое утешение!

В результате отношение к основополагающему событию в истории современной Румынии — декабрьской революции 1989 г. — меняется. Громогласные требования рассказать «правду о революции» уже мало кого обманывают: все понимают, что важна не правда, а группировка, которой ты принадлежишь или которую поддерживаешь. Поэтому споры о революции перекочевали из академических сфер в кабинеты прокуратуры и в залы суда: ряду ее лидеров, в том числе 90-летнему экс-президенту И. Илиеску, предъявлено обвинение в преступлении против человечности.

Меняется отношение даже к Николае Чаушеску. Так, в одном из опросов общественного мнения (провела 13–21 ноября 2018 г. среди 1400 лиц старше 18 лет компания ST & Research по заказу Университетского фонда Черного

¹¹ Vasile R. Cursa pe contrasens. Amintirile unui prim-ministru. București: Editura Humanitas, 2002. P. 26, 28, 242.

моря) респонденты назвали бывшего лидера румынской компартии, расстрелянного по приговору революционного суда, «крупнейшим историческим деятелем в новой и новейшей истории Румынии».

На могиле Чаушеску на бухарестском кладбище Генча по памятным датам лежат живые цветы и горят свечи. Ностальгия по «золотой эпохе»? «Я здесь не потому, что тоскую о прошлом, — сказала автору этих строк женщина, которая пришла сюда в день святого Николая, — а потому что мне невыносимо настоящее».

Глава 17

ПРОБЛЕМЫ И БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ ВЕНГЕРО-РУМЫНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ «СМЕНЫ СИСТЕМ» И ПОСЛЕДУЮЩЕГО ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

История теснейших венгерско-румынских многосторонних контактов восходит к раннему Средневековью, что предопределяет и глубину исторических корней национально-территориальных споров, существующих между соседними странами — Венгрией и Румынией. Ареалы проживания венгров и румын никогда не были отделены друг от друга «китайской стеной», на протяжении столетий этим двум народам (очень разным по языку, культурным традициям и приверженным разным религиям) приходилось выстраивать свои непростые отношения, пребывая в близком соседстве друг с другом. Территорией их совместного проживания была и остается Трансильвания — обширная историческая область современной Румынии, которая, начиная с эпохи св. Стефана (Иштвана), т. е. с рубежа X–XI вв., относилась к числу земель «венгерской короны», а в эпоху австро-венгерского дуализма (1867–1918 гг.) находилась под юрисдикцией Будапешта как интегральная составная часть венгерской половины Габсбургской монархии — при смешанном составе населения и очень непростом характере взаимоотношений между тремя основными этносами — румынами, венграми, немцами. Венгры и румыны тесно соприкасались, проживая рядом и на примыкающих к исторической Трансильвании с юга, запада и севера землях современной Румынии, таких как Банат, Кришана (по венгерской терминологии Парциум) и Марамуреш.

Трансильванская земля в XX в. не раз становилась объектом острого соперничества Румынии и Венгрии, переходила из рук в руки не только по итогам мировых войн, но и в ходе самих этих войн (достаточно вспомнить о втором венском арбитраже августа 1940 г.)¹. Каждый из таких переходов сопровождался последующей дискриминацией немалой части населения, приводя также к новым и новым массовым миграциям. Вследствие пережитого исторического

¹ См.: *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946. М.: Индрик, 2008; *Стыкалин А.С.* Территориальный спор двух дунайских государств и советско-германское противостояние в регионе. К истории раздела Трансильвании в августе 1940 г. // «Завтра может быть уже поздно...»: Вестник МГИМО-Университета. 2009. Спец. выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. С. 291–298.

опыта² в сознании как венгерского, так и румынского населения Трансильвании глубоко укоренилось недружественное или, по крайней мере, очень настороженное отношение к представителям другой, живущей рядом нации. Именно трансильванский вопрос, принимая разные обличья и разное звучание, оставался и продолжает по сей день оставаться главным камнем преткновения при выстраивании венгерско-румынских межгосударственных и межэтнических отношений.

Переход двух соседних стран, членов СЭВ и Организации Варшавского договора (ОВД) — Венгрии и Румынии — от коммунистического режима к иным формам правления характеризовался принципиальными отличиями. В первом случае он носил мирный, эволюционный, хотя и небезболезненный характер, тогда как во втором сопровождался драматическими кровавыми эксцессами декабрьской революции 1989 г., жертвами которых стали более тысячи человек.

Приход к власти М. С. Горбачева и его команды застал Румынию в положении углублявшегося экономического кризиса. Как известно, внешнеполитическая линия Румынии уже с начала 1960-х гг. отклонялась по многим пунктам (включая вопросы экономической интеграции социалистических стран) от общей линии Восточного блока³, а события 1968 г. вокруг Чехословакии стали для ее лидера Н. Чаушеску наилучшим поводом продемонстрировать (уже не в первый раз) как Западу, так и собственному общественному мнению независимость перед Москвой. Тактика имела временный успех: благодаря осуществлению коллективной акции пяти стран ОВД от 21 августа 1968 г. он заработал немалый капитал как во внутривнутриполитическом плане (укрепив режим своей личной власти), так и во внешнеполитическом (так, в августе 1969 г. Бухарест посетил совсем недавно приступивший к своим обязанностям президент США Р. Никсон⁴). Впоследствии этот капитал был всецело растрочен. Постепенное ужесточение внутренней политики Румынии, усиление культа личности Чаушеску, растущая неплатежеспособность по полученным кредитам, жесткие

² Первые масштабные венгеро-румынские межэтнические конфликты произошли во время революции 1848–1849 гг. в габсбургских землях. См.: *Виноградов В.Н.* Трансильванская трагедия // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2001. С. 422–448; *Коллин А.И., Стыкалин А.С.* «Пребывание наших войск в Германштадте и Кронштадте теперь более, чем когда-либо необходимо». Межэтнические распри в Трансильвании в условиях венгерской революции 1848–1849 гг. и российское военное присутствие в Дунайских княжествах // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VI. К 150-летию образования Австро-Венгерской империи / отв. ред. И.В. Крючков, О.В. Павленко. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. С. 149–178.

³ Из литературы: *Покивайлова Т.А.* От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура / отв. ред. Т.В. Волокитина. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 177–206.

⁴ До этого американские президенты не удостаивали приездом даже нейтральной титовской Югославии, а в СССР побывал лишь Ф. Рузвельт в Ялте в 1945 г.

преследования оппозиционно настроенной интеллигенции (вопреки подписанной в том числе и Румынией Хельсинкской декларации 1975 г.) — все это нанесло в 1970-е гг. сильнейший удар по международной репутации Чаушеску⁵. Соответственно, все меньше готовности проявлялось на Западе и в вопросах оказания Румынии экономической помощи.

В 1970-е гг. на развитии румынской экономики крайне негативно сказался всемирный «нефтяной» кризис, вызванный арабо-израильской войной 1973 г., сильно повлиявшей на состояние рынка нефти⁶. На рубеже 1970-х — 1980-х гг. трудности еще более усугубляются в связи с новым повышением мировых цен на нефть вследствие революции 1979 г. в такой важной нефтедобывающей стране, как Иран. Усиливается зависимость Румынии от поставок энергоносителей из СССР (и — шире — заинтересованность в многостороннем сотрудничестве в рамках СЭВ), и в этих условиях Чаушеску не хотел, да и не мог педалировать разногласия с СССР и его союзниками, отказавшись, в частности, от публичного осуждения советского военного вмешательства в Афганистане. Крайне беспокоила его и ситуация начала 1980-х гг. в Польше, ведь эта ключевая страна советской сферы влияния переживала системный сбой, который мог негативно сказаться на функционировании других компонентов той же системы социализма, включая Румынию⁷. Демонстрировать на этом фоне и далее свой особый внешнеполитический курс было все более затруднительно.

Тем не менее по мере дальнейшего ухудшения экономического положения в стране⁸ и усиления угрожающих режиму внешних вызовов Чаушеску в интересах выживания своего режима должен был все активнее разыгрывать националистическую карту. Избранный курс на сокращение любой ценой внешнего долга призван был возыметь политико-пропагандистский эффект, внушив подданным уверенность в жизнеспособности румынской модели социализма,

⁵ Даже во Франции, где традиционно рассматривали Румынию как ключевое звено своей восточноевропейской политики, к концу 1970-х гг. налаживают не менее тесные связи с соседней Венгрией, лидер которой Я. Кадар (находившийся в очень сложных отношениях с Чаушеску) снискал не меньший, чем Чаушеску, а даже больший международный авторитет, но не независимой внешней политикой, а попытками проведения экономических реформ. Особенно сильно подорвали репутацию режима Чаушеску раскрытые факты подготовленных румынской Секуритате террористических акций против эмигрировавших во Францию оппонентов режима.

⁶ До 25% доходов в госбюджет Румынии приносил экспорт продукции традиционно развитой нефтехимической отрасли, а потому зависимость румынской экономики от конъюнктуры цен на нефть была очень велика.

⁷ См.: *Стыкалин А. С.* Польский кризис 1980–1981 гг. и ситуация в Румынии // *Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности.* Кн. II. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 5–18.

⁸ В октябре 1981 г. некоторые продукты и предметы первой необходимости стали распространяться по карточкам (пропаганда коммунистического режима объясняла это стремлением к более рациональному распределению).

оптимальности избранного пути, а иностранных экономических партнеров убедив в надежности внешнеторговых операций с Румынией. Вводятся строгие меры по экономии электроэнергии, налаживается контроль за потреблением, происходят отказ от финансирования ряда жизненно важных проектов на местах, сокращение социальных программ. Пустеют полки магазинов, людям приходится туже затягивать пояса, но делать это на фоне строительной гигантомании, приобретшей в 1980-е гг. поистине чудовищные формы: сносятся целые районы исторической застройки Бухареста (сыграло на руку и землетрясение 4 марта 1977 г.). На их месте начинает возводиться множество так и недостроенных в эпоху Чаушеску гигантских зданий, призванных символизировать имперскую мощь новой социалистической Румынии, пытавшейся даже в этих непростых условиях проводить свою особую внешнеполитическую линию⁹, развивать отношения с самым широким кругом стран на всех континентах, и при этом афишировавшей свою преемственность с государственными традициями даков и древних римлян. К концу 1980-х гг. в стране сложилось положение, которое в марте 1989 г. с острым сарказмом прокомментировал в интервью французской газете крупный поэт Мирча Динеску, — Румыния стала поистине уникальной страной, где даже желающий повеситься от безнадежности существования не может этого сделать, потому что в магазинах нет ни веревок, ни мыла¹⁰.

Румынская модель социализма чем далее, тем более характеризовалась усилением режима личной власти диктатора. Элита, опасаясь потерять льготы, упражнялась в славословии, демонстрации лояльности вождю, все более терявшему адекватное представление о реальности. В начавшейся в СССР перестройке Чаушеску увидел большую угрозу для себя, не скрывая от М. С. Горбачева своего отрицательного отношения к развитию событий в СССР и странах Восточного блока. Особенно напугала румынского лидера фактическая утрата коммунистами власти в Польше вследствие демократического волеизъявления населения летом 1989 г.¹¹ К этому времени политическим наблюдателям во всем мире стало очевидно, что смена режима в Румынии может принять чрезвычайно острые формы.

В отличие от Румынии, в кадаровской Венгрии сложились внутренние предпосылки для более плавной «смены систем». С конца 1970-х гг. эта страна также вступила в полосу экономической стагнации, углублявшейся вследствие

⁹ Например, участие в Олимпийских играх 1984 г., которые бойкотировали другие союзники СССР.

¹⁰ Режим Чаушеску глазами румынского поэта (весна 1989 г.) // Уроки истории XX в. [Сайт общества «Международный Мемориал»]. 17.12.2014. URL: <https://urokiistorii.ru/article/52338> (дата обращения: 28.05.2020).

¹¹ См.: *Стыкалин А. С.* «Все соцстраны должны решительно выступить единым фронтом». Как ревнитель национального суверенитета Чаушеску превратился в сторонника «доктрины Брежнева» // Там же. 19.08.2019. URL: <https://urokiistorii.ru/article/56052> (дата обращения: 28.05.2020).

непосильного внешнего долга. Во второй половине 1970-х гг., под влиянием Хельсинкской декларации 1975 г., в Венгрии возникает правозащитное диссидентское движение и связанный с ним самиздат. Сначала польские события 1980–1981 гг., а затем и начало перестройки в СССР придали новые ориентиры сторонникам далекоидущих (не ограничивавшихся сугубо экономической сферой) системных реформ внутри правящего коммунистического истеблишмента, активизировались и внепартийные оппозиционные движения¹². Начиная с 1987 г. узкие полулегальные интеллигентские сообщества оппозиционной направленности конституируются в более широкие общественные движения со своими печатными форумами — консервативный Венгерский демократический форум (ВДФ), либеральный Союз свободных демократов (ССД), поначалу либеральный Союз молодых демократов (Фидес)¹³. В них участвовали и выходцы из Трансильвании, покинувшие в разные годы Румынию в результате преследований режима Чаушеску — Г. М. Тамаш и др.¹⁴

Там, где дело касалось усиления национализма в Румынии и участвовавших на этом фоне фактов ограничения венгерского языка в культурно-образовательной сфере, венгерский лидер Янош Кадар, на узких партийных форумах выступавший начиная еще с 1960-х гг. с критикой «извращений» в соседней стране «ленинской национальной политики», был в то же время предельно осторожен, не желая «выносить сор из избы». Дорожа своей международной репутацией коммуниста, лишённого национальной ограниченности, он очень не хотел возникновения публичной межпартийной полемики по вопросу о положении венгров в Румынии и призывал редакторов и журналистов к сдержанности, убеждая их в том, что постановка венгерской прессой этого вопроса не будет поддержана ни Москвой¹⁵, ни в других социалистических странах, осо-

¹² См.: *Стыкалин А. С.* Польский кризис 1980–1981 гг. и активизация оппозиционного движения в Венгрии // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х — 80-е гг. XX в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 114–143.

¹³ См. программные документы венгерской оппозиции: *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX в.* Т. II. Вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов / отв. ред. Ю. С. Новопашин. СПб.: Алетей, 2013.

¹⁴ В свою очередь, в менее развитом румынском диссидентском движении довольно активную роль играли трансильванские венгры, особенно в Клуже.

¹⁵ Летом 1978 г. на встрече с Л. И. Брежневым Я. Кадар не в первый раз затронул вопрос о притеснениях трансильванских венгров, ограниченных в возможностях использования венгерского языка и культуры в публичной сфере. Брежнев в ответ на это предложил ему договариваться непосредственно с румынами, исходя из того, что СССР очень не заинтересован в ссоре между союзниками по национально-территориальным вопросам, но предпочтет устраниваться, заняв равноудаленную позицию. О попытках Кадара заручиться посредничеством Москвы в решении этого вопроса и позиции руководства СССР см.: *Földes Gy.* Magyarország, Románia és a nemzeti kérdés, 1956–1989. Budapest: Napvilág Kiadó, 2007. С другой стороны, в Москве однозначно воспринимали венгров как своих идеологических союзников, когда ставилась задача дать отпор румынским концепциям, обосновывавшим,

бенно в соседних Чехословакии и Югославии, где в исторической памяти еще жив был страх перед венгерским ирредентизмом времен режима Хорти. Кадар, чья молодость пришлась как раз на то время, когда Венгрия находилась во враждебном окружении стран Малой Антанты, стремившейся воспрепятствовать пересмотру границ, установленных по Трианонскому мирному договору 1920 г., не уставал повторять в более узком партийном кругу, что Венгрии никак нельзя допустить блокировки на антивенгерской платформе соседних государств. И, соответственно, старался по возможности не касаться в публичных выступлениях положения венгерской диаспоры в соседних странах¹⁶. Однако такой подход находил все меньшее понимание венгерского (особенно интеллигентского) общественного мнения, которое внимательно наблюдало за ситуацией в Румынии, отслеживая факты дискриминации венгров в культурно-образовательной сфере. В условиях, когда легальная пресса редко решалась затрагивать эти проблемы (только в выступлениях самых авторитетных деятелей культуры, вроде писателя Дюлы Ийеша, которым при относительно либеральной культурной политике кадаровской Венгрии было многое позволено¹⁷), рупором национальных чаяний трансильванских венгров и информатором о них широкой общественности становится активизировавшийся в 1980-е гг. венгерский самиздат, причем не только консервативно-националистической, но и либеральной направленности¹⁸.

Понимая, что власти не заинтересованы целиком отдавать эту тему на откуп внесистемной диссидентской прессе, которая тем самым может приобрести еще больший политический вес и укрепить влияние оппозиции, идеологи Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) Д. Ацел, И. Пожгаи и др. с начала 1980-х гг. все чаще выступают с критикой национализма в социалистических странах, и если даже объект критики прямо не назывался, мишень легко угадывалась. Писатели же так называемого народно-национального направления, позиционировавшие себя продолжателями определенных традиций в венгерской национальной культуре, касаются тех же проблем все более открыто в литературно-общественной периодике, называя вещи своими

в частности, историческое право Румынии на Бессарабию. Это явствует из директив для советских историков, командированных в Бухарест для участия во Всемирном конгрессе историков в августе 1980 г. См. документ посольства СССР в Румынии (январь 1980 г.): Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Chișinău). F. 51. In. 54. D. 7. L. 13–19.

¹⁶ Его позиция на протяжении всего периода пребывания во главе партии подробно, на основе архивных материалов, рассмотрена в монографии: *Földes Gy.* Op. cit.

¹⁷ Д. Ийеш впервые публично выступил с критикой национальной политики в Румынии еще в 1963 г. на пресс-конференции в Париже, что создало проблемы в отношениях Венгрии с Румынией и поддержки Кадара не получило. Однако начиная с конца 1960-х гг. его выступления не вызвали возражений в верхах, считавших целесообразным не только донести до Бухареста официальную позицию, но и продемонстрировать более широкое общественное мнение. В 1978 г. одно из выступлений Д. Ийеша вызвало бурю в партийно-идеологических структурах румынской компартии и дипломатические демарши.

¹⁸ Речь идет в том числе о возникших в 1981 г. журналах «Beszélő», «Hirmondó» и др.

именами и осуждая не какой-то абстрактный, а именно румынский национализм, приводя при этом конкретные факты ущемления гражданских прав трансильванских венгров¹⁹. Это вызывает отповедь со стороны агитпропа Чаушеску. Начиная с 1981 г., руководство румынской компартии адресует ВСРП ряд писем протеста против вмешательства во внутренние дела Румынии, указывая на те или иные публикации будапештской прессы. Зачатки открытой межпартийной дискуссии фактически относятся к первой половине 1980-х гг.

С середины 1980-х гг., после прихода к руководству СССР М. С. Горбачева и с началом перестройки, венгерским властям в условиях активизации собственных внесистемных общественных движений стало трудно контролировать прессу, все чаще затрагивавшую такую большую тему, как усугублявшееся положение венгров в Румынии. Власти и ранее ничего не могли поделать, когда к ней обращались крупные деятели культуры. Теперь же были прорваны все шлюзы, прежде сдерживавшие публичную критику румынской политики.

Недовольство венгерского общества позицией собственных властей, демонстрировавших, как считалось, некоторое равнодушие или, по крайней мере, недостаточное внимание к положению венгров в Румынии (а также в Чехословакии), лишь способствовало зарождению в 1980-е гг. организованной политической оппозиции, проведению первых ее совещаний (в Моноре в 1985 г. и др.), формированию ее структур. О необходимости защиты прав венгров в соседних странах упоминалось едва ли не во всех программных заявлениях оппозиции, эту проблему ставил во главу угла созданный в 1987 г. ВДФ, преобразованный в течение нескольких лет из общественной организации в партию консервативно-националистической ориентации, одержавшую победу на первых свободных парламентских выборах посткоммунистической эпохи весной 1990 г. (его лидер Йозеф Анталл стал первым премьер-министром посткоммунистической Венгрии)²⁰. Важно заметить, что интерес к положению венгров в соседних странах был одним из цементирующих, консолидирующих оппозицию факторов, по крайней мере, вплоть до 1989 г., когда уже развернулась открытая политическая борьба за власть, правящая партия раскололась и пошло размежевание по целому ряду принципиальных вопросов будущего развития страны, начался процесс кристаллизации партий либеральной и консервативно-националистической ориентации. Для последних проблема положения венгерской диаспоры всегда продолжала оставаться одной из базовых в политической повестке, причем Кадар и его окружение постоянно упрекались в недостаточном внимании к нуждам румынских венгров в условиях, когда режим

¹⁹ С конца 1970-х гг. в Румынии было предпринято новое наступление на позиции венгерских школ, а затем на венгероязычные СМИ. К 1985 г. закрылся ряд теле- и радиостудий, рассчитанных на венгероязычную аудиторию. Радиовещание на венгерском языке, по сути, свелось к 30 минутам в сутки.

²⁰ Программные заявления венгерской оппозиции и другие документы, связанные с ее деятельностью, см.: *Анатомия конфликтов...* Т. II. Ряд документов специально посвящен положению венгерского меньшинства в Румынии: Там же. С. 239–240, 252–256.

Чаушеску становился все более одиозным. Однако с резкой критикой национальной политики Чаушеску в конце 1980-х гг. охотно выступали, делая несколько иные, прежде всего, правозащитные акценты, и политики последовательно либеральной ориентации.

Между тем усиление в идеологической политике режима Чаушеску в 1980-е гг. все более воинствующего национализма не могло не сказаться как на положении трансильванских венгров, так и на состоянии венгеро-румынских отношений. Трансильванию захлестывают шумные националистические кампании. Так, главный город этой исторической провинции Клуж (привычный венгерскому уху как Коложвар), один из традиционных центров не только румынской, но и венгерской высокой культуры, был переименован в Клуж-Напоку, дабы подчеркнуть преемственность римским традициям и континуитет проживания на одной и той же территории романоязычного населения в течение двух тысяч лет со времен городского поселения Напока на месте сегодняшнего Клужа. В 1980 г. с огромной помпой было отмечено 2050-летие создания Дакского государства, занимавшего в том числе и территорию современной Трансильвании. Широко отмечались очередные годовщины (особенно бурно праздновался 1 декабря 1988 г. 70-летний юбилей) декларации в Алба-Юлии о воссоединении Трансильвании с Королевством Румыния. Все эти шумные кампании приобретали плохо скрытый антивенгерский оттенок, сопровождалась публичными заявлениями, по меньшей мере умаляющими вклад венгров в культуру этого края. При этом в Бухаресте, как и в Будапеште, существовало все-таки осознание того, что нельзя доводить дело до слишком резкого обострения отношений с ближайшими соседями, ибо это может негативно сказаться на всей системе международных, в том числе экономических связей с Румынией. Проявлялась склонность к определенным компромиссам по частным вопросам, и вместе с тем каждая из сторон хотела проявить принципиальность в главном. Лидеры румынской компартии, исходя из своей концепции Румынии как национального государства и сформированной в ней единой нации, включающей в себя всех разноязыких граждан²¹, настаивали на том, что забота о положении венгерского национального меньшинства — это исключительно их прерогатива. В свою очередь, правящая элита Венгрии (но особенно общественное мнение страны) отстаивала свое право заботиться о положении венгерской диаспоры в других странах и реагировать на разного рода ущемления.

Крупный скандал в двусторонних отношениях разыгрался в 1986 г. с выходом в Венгрии трехтомной «Истории Трансильвании», которая тут же начинает переводиться на иностранные языки для изданий, рассчитанных на западного читателя²². Главным редактором и руководителем проекта был академик Бела

²¹ Возникла даже одиозная формула «румыны венгерской национальности», ставшая предметом постоянных насмешек не только в Будапеште, но и в Трансильвании.

²² См. исправленное и дополненное англоязычное издание: *History of Transylvania*. Vol. 1–3 / gen. ed. B. Köpeczi. New York: Columbia University Press, 2002.

Кёпеци, долгое время министр культуры Венгрии, и, таким образом, речь шла о проекте, всецело поддержанном партийно-государственным руководством, что только усилило негодование в Бухаресте. Устойчивые и принципиальные расхождения в трактовке ключевых проблем истории Трансильвании в румынской и венгерской историографии (а каждый из двух народов считает, и по праву, эту область средоточием своих важных государственных и культурных традиций) делали очень затруднительной и едва ли возможной выработку общего взгляда на историю этого края. Но научной дискуссии в принципе не получилось, ибо после ряда директивных публикаций в центральной румынской прессе спор был сразу же переведен из научной в политическую плоскость²³, что сильно лихорадило двусторонние отношения. Фактически начиная с этого времени, они вступают в полосу открытых, публичных и все более яростных дискуссий, за которыми непосредственно стояли партийно-идеологические структуры обеих партий.

Дело еще более усугубилось, когда в 1987–1988 гг. в Румынии была разработана программа укрупнения (так называемой систематизации) сельских населенных пунктов. В соответствии с ней предполагалось в ближайшие годы разрушить большое количество якобы бесперспективных деревень не только венгерских, но и румынских, а также немецких, но едва ли не в первую очередь именно венгерских, особенно в так называемой Земле секеев на востоке Трансильвании, где отличавшееся ярко выраженным своеобразием венгероязычное население проживало компактно. Это вызвало резкие возражения и в среде румынских либеральных диссидентов²⁴, в Венгрии же породило настоящий шквал эмоций.

²³ Румынские историки, связанные с агитпропом Чаушеску, обвиняли книгу в сознательном принижении роли румынского этноса в истории Трансильвании, в высокомерной пропаганде соседями-венграми своей цивилизующей миссии в Дунайско-Карпатском регионе, в то время как румыны являются здесь автохтонной нацией и проживали еще до прихода венгров. Выход книги спровоцировал начало «войн исторической памяти» между двумя соседними социалистическими странами, ведь противоречия и разногласия, которые ранее удавалось скрывать (во всяком случае, не выплескивать в СМИ), оказываются в центре открытой полемики.

²⁴ См. открытое письмо выдающейся диссидентки, профессора филологии Клужского университета Дойны Корни в адрес Чаушеску (сентябрь 1988 г.): *Анатомия конфликтов...* Т. II. С. 476–484. «В стране, где даже покойники на кладбище не могут быть спокойны за свои места, уповать, что их не станут каждый год уплотнять и “реорганизовывать”, можете себе представить, что живых преследуют и держат под контролем несколько строже», — саркастически говорил поэт Мирча Динеску французскому корреспонденту в марте 1989 г. (Там же. С. 495–496). Далее он продолжал: «Живя рядом с румынами, венгры и немцы сохранили собственные нравы, колорит, и именно гармоничное сочетание разных структур, наклонностей и темпераментов придает особый аромат заветному европейскому ядрышку, расположенному между Дунаем и Карпатами. Опустошение венгерских и саксонских деревень, массовый отъезд евреев представляются мне столь же пагубными для сохранения матрицы этой страны, как и опустошение румынских сел и эмиграция румын» (Там же. С. 498).

В этой стране к лету 1988 г. оппозиционные выступления приобретают массовый характер, их местом становятся уже не только интеллигентские собрания, но и городские площади. 15 июня, в день 30-летия вынесения смертного приговора выдающемуся деятелю революции 1956 г., бывшему премьер-министру Имре Надю, была разогнана массовая демонстрация с требованием реабилитации И. Надя и других осужденных за причастность к восстанию 1956 г. Силовые меры против демократической оппозиции применялись и позже. Наряду с требованиями пересмотра официального отношения к событиям 1956 г. важнейшим фактором сплочения оппозиционных сил продолжало оставаться недовольство общественного мнения национальной политикой режима Чаушеску. Когда далекоидущие планы ликвидации в горных районах Трансильвании «бесперспективных» венгерских деревень стали достоянием гласности, дело не ограничилось сбором писем протеста. 27 июня 1988 г. на митинг в Будапеште вышли более 50 тыс. чел. Общественное мнение (в том числе и внутри правящей партии) критиковало нового лидера ВСРП К. Гроса, за месяц до этого сменившего в этой роли Я. Кадара, за недостаточную активность в защите прав румынских венгров. Это дало повод некоторым оппонентам Гроса в партийном руководстве (М. Сюрешу, И. Пожгаи) активизировать борьбу за власть²⁵.

В Москве с учетом сложных отношений реформаторской команды Горбачева с Чаушеску, не принявшим перестройку²⁶, выражали все больше понимания венгерской позиции, но по большому счету не отказывались от принципа равноудаленности в подходе к спору двух братских партий по национальным вопросам, предлагали активизировать усилия в целях расширения диалога непосредственно с румынской стороной. Но состоявшаяся 28 августа 1988 г. встреча лидеров Венгрии и Румынии в румынском Араде оказалась безрезультатной, никакого прорыва не произошло. Любые официальные протесты Будапешта в связи с планами сноса венгерских деревень в Трансильвании воспринимались как вмешательство во внутренние дела и получали отпор. В этих условиях венгерская сторона (не только оппозиционные, но теперь уже и проправительственные организации) апеллирует к мировому общественному мнению, призывая его повлиять на Чаушеску, международная репутация которого была

²⁵ Проблемы отношений с Румынией в свете планов «систематизации» венгерских деревень в Трансильвании стали предметом обсуждения в ходе встреч М. С. Горбачева и людей его команды (в частности, В. В. Загладина) с венгерскими коммунистическими политиками К. Гросом, Д. Ацелом, Д. Хорном и др. летом — осенью 1988 г. См.: Там же. С. 211–367. Вскоре после массового митинга 27 июня Грос поехал в Москву. См. запись его беседы с Горбачевым от 5 июля: Там же. С. 263–268.

²⁶ О своих отношениях с Чаушеску, в том числе о последней встрече с ним 4 декабря 1989 г., М. С. Горбачев впоследствии подробно вспоминал. См.: *Горбачев М. С. Жизнь и реформы*. Т. 2. М.: Новости, 1995. (Проблемам отношений с Румынией посвящена в этой книге отдельная глава: Николае Чаушеску: падение самодержца. С. 390–404). См. из литературы: *Мустатов В. Л. Советско-румынские отношения в период кризиса и краха режима Чаушеску // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя* / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: РОССПЭН, 2011. С. 191–211.

к этому времени безнадежно испорчена. Опасаясь главным образом экономических санкций Запада, однозначно поддержавшего в этом споре венгерскую позицию, Бухарест несколько притормозил осуществление программы «систематизации» бесперспективных сел.

В том же 1988 г. в связи с 70-летием Чаушеску Москва наградила его орденом Ленина. Это вызвало настоящее возмущение венгерского общественного мнения и большое недоумение партийной элиты ВСРП. «Понятная сдержанность советских товарищей, например, в освещении конфликта между Венгрией и Румынией, воспринимается как нежелание занять определенную позицию. А это трактуется как стремление поддержать румын. У нас... никак не могли понять, почему Н. Чаушеску получил такую высокую советскую награду. Прямо скажу, (в Венгрии) с тревогой ожидают визита Н. Чаушеску в Советский Союз, понимая, что румынский лидер будет использовать этот визит для подкрепления своей позиции, в частности, в дискуссии с Венгрией», — говорил 8 сентября 1988 г. в Международном отделе ЦК КПСС статс-секретарь МИД ВНР, будущий премьер-министр (в 1994–1998 гг. от социалистической партии) Д. Хорн²⁷.

Неспособность К. Гроса отстоять в переговорах с Чаушеску свою позицию и убедить Москву соответствующим образом повлиять на румынского лидера вела к резкому падению его авторитета. На этом фоне в начале 1989 г. под давлением оппозиционных общественных движений была пересмотрена (в радиовыступлении склонного к популизму члена Политбюро ЦК ВСРП И. Пожгаи) официальная оценка событий 1956 г. как контрреволюции, что окончательно делигитимизировало коммунистический режим в глазах сотен тысяч венгров. Через считанные недели Госсобрание вносит коррективы в законодательство, по сути, легализующие многопартийность.

Попытки властей установить контроль над гражданским обществом оказывались явно неудачными. С каждым месяцем расширявшая поле своей активности сеть оппозиционных движений, в конце концов, обеспечила плавную смену общественной системы в Венгрии. В течение нескольких месяцев 1989 г. проходили переговоры представителей власти и оппозиции за круглым столом, приведшие к соглашению о свободных выборах и далекоидущих конституционных изменениях. 23 октября 1989 г. Венгрия провозглашается парламентской республикой с четырехгодичным выборным циклом, после чего быстро формируется многопартийная система. Наряду с партиями, образованными на основе общественных движений конца 1980-х гг., на политической арене вновь заявили о себе и некоторые «исторические» партии, прекратившие свое существование с установлением в стране в конце 1940-х гг. коммунистической диктатуры. В руководстве ВСРП углубляется раскол между противниками радикальных перемен во главе с К. Гросом и реформаторским крылом (М. Немет, Р. Ньерш,

²⁷ Анатолия конфликтов... Т. II. С. 290. Поездка Чаушеску в СССР состоялась 4–6 октября 1988 г. Что касается награждения его орденом Ленина, то отмена этого указа Президиума Верховного Совета СССР состоялась в январе 1990 г., вскоре после румынской революции.

И. Пожгаи и др.). Осенью 1989 г. партия раскалывается на две, возникшая на руинах правящей ВСРП Венгерская социалистическая партия декларирует свою приверженность европейским социал-демократическим ценностям. Весной 1990 г. в стране прошли первые с ноября 1945 г. свободные выборы, подготовленные длительным, растянувшимся примерно на полтора года процессом плюрализации политической жизни, консолидацией новой, многопартийной системы, пришедшей на смену коммунистическому правлению. Они принесли успех консервативной партии ВДФ и привели к формированию коалиционного правоцентристского правительства Й. Анталла. В тот же год из страны по согласованию с СССР были выведены советские войска. Относительно благополучный режим Я. Кадара, в 1970-е гг. игравший роль своего рода витрины соцсодружества, должен был неминуемо разделить судьбу других коммунистических режимов региона.

В течение 1989 г. отношения Венгрии и Румынии развивались и далее по наклонной плоскости, достигнув к концу года своей предельно низкой за весь послевоенный период отметки. Показательно, что ни одна из левых партий Венгрии (правопреемниц расколовшейся в октябре 1989 г. ВСРП) не направила своих представителей на состоявшийся в конце ноября последний (как оказалось) съезд румынской компартии, выступивший с очередным антиперестроечным манифестом. Неудивительно, что с первых часов декабрьской революции с румынской стороны предпринимаются попытки возложить главную ответственность за происходившее на происки соседнего государства²⁸. Основанием для таких утверждений явилась роль протестантского священника Ласло Тёкеша в протестных акциях середины декабря в Тимишоаре, откуда они потом распространились по всей Румынии.

Бесславное падение режима Чаушеску, обозначив вступление венгерско-румынских отношений в новый этап своего развития, не могло снять остроты десятилетиями накапливавшихся проблем, сразу создать почву для разрешения споров по национальным вопросам. Начать выстраивать политику с чистого листа было едва ли возможно, ведь потенциал конфликтности, накопленный ранее, унаследовался новой эпохой, когда с крахом коммунистических режимов, падением Берлинской стены и упразднением Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений обновленные элиты обеих стран (Румынии и Венгрии) взяли курс на интеграцию в европейские, а затем и в евроатлантические структуры.

Падение режима Чаушеску и смена власти в Румынии сопровождалась проявлениями доброй воли с обеих сторон, поскольку и в Будапеште, и в Бухаресте вполне осознавали бесперспективность продолжения конфронтационности. Уже в первых декларациях Фронта национального спасения (ФНС)

²⁸ См. запись беседы заместителя министра иностранных дел СССР И.П. Абоимова с послом СРР в СССР И. Букуром о положении в Румынии от 20 декабря 1989 г.: Там же. С. 530–532.

во главе с Ионом Илиеску (структуры, легитимизированной декабрьской революцией 1989 г.) и нового правительства во главе с Петре Романом говорилось о готовности новой Румынии установить нормальные добрососедские отношения с Венгрией, как и с другими странами²⁹. Венгерская сторона тоже предприняла дружественный жест, сразу поддержав новую румынскую власть. Дюла Хорн был первым главой МИД иностранного государства, который уже 29 декабря 1989 г. посетил Бухарест и лично познакомился с новыми румынскими лидерами, заверив их в полной поддержке Будапештом перемен, происходивших в Румынии. Приезд Хорна сам по себе явился свидетельством того, что румынское направление считалось одним из приоритетных во внешней политике Венгрии, и венгерское правительство, пока еще находившееся под контролем коммунистов-реформаторов, проявило полную готовность к преодолению препятствий, возникших в двусторонних отношениях.

Новая румынская власть осознавала значимость проблемы венгерского национального меньшинства как весьма существенной для реформирования Румынии на демократических и плюралистических основах: ее разрешение в полном соответствии с международными нормами должно было стать одним из гарантов внутривнутриполитической стабильности. Одним из первых программных документов новой власти стала Декларация ФНС о правах национальных меньшинств от 5 января 1990 г. Она признавала за всеми гражданами Румынии, независимо от их национальности, личные права и свободы — и это стало важной концептуальной основой новой политики.

В новом руководстве Румынии не было коренных расхождений относительно необходимости глубинных преобразований, базирующихся на отказе от государственной монополии на основные средства производства, переходе к рыночной экономике и оживлении мелкого предпринимательства в городе и на селе. Вместе с тем румынская внутривнутриполитическая жизнь стала в первые же месяцы после падения режима Чаушеску ареной острой борьбы между разными вышедшими на поверхность силами, ужесточился конфликт между посткоммунистами во главе с И. Илиеску, заботившимися о сохранении у власти некомпрометированной части прежней элиты, и антикоммунистами разных направлений, стремившимися полностью оттеснить старую элиту от управления страной. Образовавшийся антикоммунистический лагерь оказался весьма разношерстным. В нем были представлены многочисленные партии, возникшие в условиях наступившей политической свободы как грибы после дождя. К созданию некоторых из них были причастны участники декабрьской революции, затем порвавшие с ФНС и с Илиеску. Предпринимается попытка восстановления так называемых исторических партий (национально-либеральной,

²⁹ «Важно внятно сказать в Бухаресте, от каких стереотипов мы отказываемся...» Визит Э. А. Шеварднадзе в Румынию в январе 1990 г. глазами его спичрайтера // *Revista de istorie a Moldovei*. 2016. № 4. С. 122–135.

национально-крестьянской и др.), партий с большой исторической традицией, задававших тон в румынской политике до конца 1940-х гг. и затем распущенных волей коммунистических властей.

В числе воссозданных в Румынии в начале 1990 г. «исторических партий» был Демократический союз венгров Румынии (ДСВР), распущенный в 1953 г.: он оказался среди самых первых зарегистрированных партий новой Румынии и сразу же включился в активную политическую деятельность. Харизматическим лидером радикального крыла этой партии и — шире — венгерского национального движения Румынии, в отличие от других венгерских политиков Трансильвании менее склонным идти на компромисс с государственной властью, стал и на протяжении последующих десятилетий продолжал оставаться священник (позже кальвинистский епископ) из Тимишоары Ласло Тёкеш, герой декабрьской революции 1989 г., человек не только весьма популярный в среде трансильванских венгров, но и установивший уже в 1990 г. непосредственные связи с политическими кругами Венгрии, прежде всего националистическими. Именно в окружении Тёкеша уже в начале 1990-х гг. инициируется выдвижение такого требования, как восстановление венгерской территориальной автономии в Восточной Трансильвании, созданной в 1952 г. по настоянию Москвы, но упраздненной в 1968 г. в процессе административно-территориальной реорганизации. Тогда это удалось относительно легко осуществить на фоне национально-патриотического подъема в румынском обществе, связанного с особой позицией Румынии в условиях чехословацкого кризиса³⁰.

Важно иметь в виду, что на политической арене Румынии с первых месяцев после декабрьской революции пытались утвердиться различные и в том числе весьма радикальные силы, склонные к популизму и демагогии, что вело не только к спровоцированным ими острым уличным столкновениям социально-политического характера (протестные выступления шахтеров³¹), но и к обострениям на почве межнациональных отношений. Так, 20 марта 1990 г. вследствие подстрекательств радикалов произошел венгерско-румынский конфликт в трансильванском городе Тыргу-Муреше (венг. Марошвашархей), едва не закончившийся кровопролитием и потребовавший для своего разрешения оперативного вмешательства внутренних войск.

В мае 1990 г., в очень непростой политической обстановке, на фоне резко усилившихся протестных выступлений социально незащищенных слоев населения, состоялись первые за много десятилетий свободные (и, по сути, самые свободные и демократические за всю предшествующую историю Румынии) президентские и парламентские выборы на многопартийной основе.

³⁰ Сам факт предоставления венграм в прошлом территориальной автономии в составе Румынии прочно закрепился в памяти как венгерского сообщества в Румынии, так и политической элиты самой Венгрии, и по сей день в спорах о возможности предоставления автономии румынским венграм на этот факт ссылаются как на прецедент.

³¹ В 1990–1991 гг. они были использованы и Илиеску для того, чтобы запугать оппонентов, выступавших с планами шоковой экономической терапии.

Уверенного успеха добились Ион Илиеску, ставший президентом страны, и стоявший за ним ФНС, продолжавший трансформироваться в союз политических сил левоцентристской ориентации, отсекая от себя правых и праволиберальных политиков. Хотя завершение предвыборной кампании не снизило политической остроты в стране, причем противоборство разных партий и далее сопровождалось социальными протестами (особенно шахтерскими), И. Илиеску оставался у власти до выборов 1996 г.³²

ДСВР успешно выступил на майских выборах 1990 г. Хорошо консолидированная венгерская партия оказалась второй (!) по числу голосов, получив 29 мест (из 396) в палате депутатов и 12 (из 119) в сенате. Большое количество трансильванских венгерских политиков, войдя в парламент, стали успешно отстаивать интересы своих соплеменников в экономике, культуре и других сферах общественной жизни. ДСВР сразу сделал выбор в пользу конструктивной оппозиции действующей власти, сблизившись с рядом других оппозиционных партий. Тон в партии задавали лица, отстаивавшие интересы крепнущего в Трансильвании венгерского предпринимательского слоя, требовавшего скорейшей денационализации собственности и создания более благоприятных условий для частного бизнеса. Успех венгров на выборах 1990 г., в свою очередь, усилил в Трансильвании позиции румынских национальных радикалов, призвавших сторонников консолидироваться в целях противодействия попыткам венгров укрепить свое положение в крае за счет титульного этноса страны. Это проявилось в начале 1990-х гг. на муниципальных выборах в Клуже и других городах и уездах, где немалых успехов добиваются представители национально-радикальной партии «Великая Румыния» («România Mare»), что затруднило межнациональный диалог.

Надо сказать, что относительный успех ДСВР на выборах 1990 г. в Румынии был с воодушевлением воспринят в Будапеште, где определенные политические круги питали надежды на то, что эту партию удастся сделать проводником влияния венгерской политической элиты. Однако если это отчасти и удалось, то только применительно к наиболее радикальной части венгерского политического спектра Румынии, позже, в 2000-е гг., представленного образованными к тому времени двумя другими венгерскими политическими партиями. Основная масса политиков, представлявших ДСВР, не пошла по пути конфронтации с властями своей страны. Эти люди опасались действовать под диктовку Будапешта, хорошо понимая, что превращение в проводников влияния другого государства подрвет их позиции в румынском обществе. В связи с этим важно также заметить, что события в Тыргу-Муреше способствовали сохранению взаимного недоверия не только на общественном, но и на межгосударственном

³² О внутриполитической ситуации в Румынии и противоборстве разных политических сил см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / отв. ред. К. В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 219–254.

уровне, поскольку в Венгрии их считали следствием хаоса в соседней стране и результатом провокации распоясавшихся после падения диктатуры румынских националистов, тогда как в Румынии по традиции усматривали в событиях «венгерскую руку».

Необходимо учитывать и ситуацию в Венгрии на рубеже 1980-х — 1990-х гг. После полной отмены в стране цензуры в 1988 г. и активизации в 1989–1990 гг. на политической арене праворадикальных сил, выскивавших корни всех или многих пережитых венгерской нацией в XX в. проблем именно в Трианонском мирном договоре 1920 г., распространяются публичные (включая прессу) призывы к пересмотру трианонских, и в том числе венгеро-румынских границ. Это вызывало огромное раздражение не только Чаушеску и его окружения, но и посткоммунистического румынского правительства. Сильное правонационалистическое крыло в венгерском оппозиционном движении с самого начала декларирует своей целью отстаивание прав венгров именно как нации, ущемленной Трианонским мирным договором. Правоконсервативная партия ВДФ во главе с Й. Анталлом еще в 1987 г., в бытность свою влиятельнейшей оппозиционной организацией правого спектра, навела на резкость проблему венгерской диаспоры в соседних странах и много делала для привлечения к ней внимания общественного мнения, в том числе международного. Став по итогам свободных выборов весны 1990 г. главной партией новой правительственной коалиции, она продолжала придавать приоритетное значение этой теме, причем не только на практике, но и в концептуальном плане, что нашло отражение в ее программных декларациях и установочных статьях в прессе. Сформулированная еще в эпоху Кадара концепция культурной политики, рассматривавшая культуру венгров Румынии в качестве неотъемлемой и органической части единой венгерской культуры, существующей поверх государственных границ, получает дальнейшее развитие (речь заходила теперь уже не просто о единой культуре, но о национальном единстве поверх границ). При этом новая линия на более активное сотрудничество с соотечественниками в соседних странах противопоставляется псевдоравнодушию прежних, коммунистических властей к положению венгерской диаспоры. В Румынии же, где по-прежнему последовательно отстаивали исключительное право Бухареста заниматься вопросами нацменьшинств, проживающих в пределах страны, это вызывало нервную реакцию. Там с подозрением ожидали от консервативного венгерского правительства усилий по вовлечению возникших в новой, более свободной атмосфере общественных и культурных организаций румынских венгров в сферу влияния Будапешта. Противоречия между этими двумя подходами, таким образом, сохранялись.

Атмосфера взаимного недоверия, проявлявшаяся на переговорах венгерских и румынских представителей в начале 1990-х гг., усугублялась и в силу того, что новое румынское руководство во главе с Илиеску, хотя и не отклонялось от общей линии стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) на ликвидацию СЭВ и ОВД, вместе с тем воспринималось в Будапеште (после

прихода там к власти в мае 1990 г. правой коалиции) как явно посткоммунистическое, узурпировавшее власть в атмосфере, не благоприятствовавшей проведению свободных выборов, и стремившееся сохранить наследие коммунистического режима в той мере, в какой это было возможно, очистив «румынский коммунизм» лишь от наиболее одиозных крайностей и сделав его политику менее волюнтаристской и более реалистичной. Тот факт, что Румыния первой из стран ЦЮВЕ пошла уже в апреле 1991 г. на заключение договора о дружбе и сотрудничестве с СССР (через несколько месяцев утратившего силу с его распадом), стал для венгерских правых лишним аргументом в пользу неизменности прокоммунистической сути лиц, находившихся в Бухаресте у власти, независимо от смены команд.

Тем не менее румынское направление представлялось значимым для венгерской внешней политики как в силу соседства Румынии, потребности в развитии тесных экономических связей с ней, так и из-за проживания в этой стране большой венгерской диаспоры. 8 ноября 1991 г. делегация ФНС была принята в Будапеште премьером Й. Анталлом, который заверил ее в готовности развить с Румынией добрососедские отношения и активное экономическое сотрудничество. Отмечалось, что Венгрия менее чем какая-либо другая страна заинтересована в изолированности Румынии от происходящих в мире благотворных процессов. К этому времени на первый план в двусторонних отношениях выходит выработка базового венгерско-румынского договора.

Как раз перед этим, в 1991 г., была принята новая Конституция Румынии, определившая и правовое положение национальных меньшинств, проживающих в стране. Согласно ст. 6 конституции за всеми лицами, принадлежащими к зарегистрированным национальным меньшинствам, включая венгров (самого значительного в стране национального меньшинства), признавались права на сохранение, развитие и выражение своей этнической, языковой, культурной и конфессиональной идентичности. В случае дискриминации они получили возможность апеллировать к международным соглашениям по правам человека (ст. 20). Конституция также законодательно закрепила право венгров на получение образования на родном языке (ст. 32), использование родного языка в суде. Политическим организациям национальных меньшинств гарантировалось представительство в парламенте страны. Правда, в отличие от более мелких национальных меньшинств, применительно к венграм это положение конституции давало тот минимум, которым никто не собирался ограничиваться. Венгерская партия (ДСВР) могла в силу своей численности и влияния рассчитывать на гораздо большее — создание сильной парламентской партии и даже приобщение к власти.

В последующие годы конституция корректировалась. В частности, в 2003 г. в главный закон страны был внесен ряд поправок, одобренных на референдуме. Согласно одной из них этническим меньшинствам предоставили право на использование национального языка в административных органах (ст. 120 и ст. 128).

В конституции были сформулированы лишь основополагающие принципы, определяющие права национальных меньшинств. Гарантом эффективной национальной политики становилось совершенствование законодательства в этой области. Проработка нормативно-правовых актов, касающихся прав национальных меньшинств, продолжалась и в дальнейшем. Особенно следует выделить принятый в 2001 г. важный закон о местном публичном управлении, гарантирующий использование языка национального меньшинства в качестве официального в тех административных образованиях, где представители данного меньшинства составляют более 20% населения.

При этом важно заметить, что власти новой, посткоммунистической Румынии, как и их предшественники, представлявшие межвоенную королевскую и послевоенную коммунистическую формы правления, совсем не были готовы идти по пути не только федерализации, но и автономизации страны. Они опасались, что при наличии в самой Венгрии ревизионистских, ирредентистских настроений в отношении Трансильвании и существовании давних венгеро-румынских разногласий по национально-территориальным вопросам путь к автономизации Румынии в условиях присутствия в стране большого венгерского национального меньшинства³³ со своей давней традицией государственности

³³ Демографические изменения последних десятилетий (низкая рождаемость в венгерских семьях, румынизация смешанных семей) и особенно миграционные процессы (эмиграция многих этнических венгров из Румынии) привели к уменьшению количества венгров в Румынии. Если перепись 1976 г. дала сведения об 1 млн 600 тыс. венгров в Румынии, то согласно переписи, прошедшей в октябре 2011 г., в стране проживали 1 млн 227 тыс. венгров, что составляло 6,5% населения страны. Из 41 уезда (рум. жудеца) только в двух секейских уездах, расположенных в самом центре страны, в Восточной Трансильвании (Харгита и Ковасна), этнические венгры преобладают, насчитывая соответственно 85,2% и 73,7% населения. Речь идет о секеях, сохраняющих определенное культурное своеобразие в рамках венгерского этноса. Эти уезды образуют так называемый Секейский (рум. Секуйский) край. Значительна доля венгерского населения также и в уезде Муреш с городом Тыргу-Муреш (38,1%). Помимо этого, венгры проживают в северо-западных районах страны, в крае, который называют Кришана (в венгерской традиции принято называть Парциум). Речь идет об уездах Сату-Маре (34,7%), Бихор (25,3%) и Сэлаж (23,3%). Административный центр уезда Бихор, 180-тысячный город Орадя-Маре (по-венгерски: Надъварад), расположенный на реке Сомеш всего в 6 км от румыно-венгерской границы, играет ключевую роль в осуществлении румыно-венгерских экономических связей. Надо сказать, что он является одним из самых экономически преуспевающих городов современной Румынии, с мизерной, по румынским меркам, безработицей. Венгерская интеллектуальная и культурная элита Трансильвании сосредоточена отчасти в Тыргу-Муреше, но прежде всего в 400-тысячном городе Клуж-Напока (венг. Коложвар), одном из крупнейших и важнейших городов Румынии. Здесь находится и элитарная, по мнению зарубежных наблюдателей, вполне отвечающая европейским стандартам система высшего образования на венгерском языке, легитимизированная соответствующим законом 1999 г., вызвавшим позитивный отклик в Венгрии (обучение происходит, прежде всего, в рамках крупнейшего и одного из лучших в стране Клужского университета, основанного еще в 1872 г. властями венгерской половины монархии Габсбургов). При этом венгры составляют сегодня не более 17% населения Клужа. Такое дисперсное расселение крайне затрудняет создание единого венгерского

может привести к непредсказуемым последствиям, угрожающим территориальной целостности. За национальными меньшинствами не было признано право на самоопределение, поскольку оно могло бы действовать в ущерб румынской государственности. В первой же статье конституции Румыния провозглашается единым и неделимым национальным государством. Данное концептуальное положение по определению пресекает все разговоры о федерализации или автономизации страны, оно дает правовые основания органам государственной власти отказывать в рассмотрении любых проектов о предоставлении территориальной автономии тем или иным областям страны, где компактно проживают венгры. Тезис об унитарности румынского государства, нашедший отражение не только в конституции 1991 г., но и в других законодательных актах, стал и до сих пор остается камнем преткновения, который стоит на пути осуществления венгерских требований о предоставлении автономии тем районам Восточной Трансильвании, где компактно проживающее венгерское население составляет большинство.

В январе 1992 г. эксперты двух соседних стран приступили к проработке положений базового венгеро-румынского договора. При этом венгерская сторона делала главный упор на взаимовыгодность тесных экономических связей, а также большую открытость границ. Если первое не вызывало возражений румынской стороны, всегда уделявшей значительное внимание экономическому сотрудничеству двух стран (в том числе предоставлению венгерскому бизнесу возможностей для сбыта продукции в Румынии), то вопрос об открытости границ не получал столь однозначной поддержки в Бухаресте, где опасались, что через «открытые границы» хлынет, сметая все шлюзы, и пропаганда ирредентистского содержания, направленная в конечном итоге на нарушение целостности румынского государства.

При том, что между правительствами и политическими элитами двух стран существовали серьезные разногласия по поводу статуса национальных меньшинств, обеспечения более тесных связей с Венгрией румынских (прежде всего, трансильванских) венгров, Будапешт и Бухарест выражали готовность и здесь найти взаимоприемлемое решение. Знаком такой готовности послужило подписание обеими странами в Страсбурге в начале 1995 г. рамочного общеевропейского соглашения о защите прав национальных меньшинств. Следует подчеркнуть, что с приходом к власти в 1994 г. в Венгрии социалистов, которые не уделяли в своих декларациях такого же внимания зарубежным венграм и единству венгерской нации и культуры поверх границ, как правые партии, межгосударственные отношения активизируются. В 1994–1995 гг. первые лица двух государств, президент И. Илиеску и премьер-министр Д. Хорн (оба в прошлом реформаторски настроенные коммунистические функционеры, разделявшие достаточно близкие политические принципы) неоднократно встречались, обсуждая широкий круг

административно-территориального образования, делает его, по сути, невозможным за пределами Секейского края.

вопросов и, прежде всего, вопросы экономического сближения и сотрудничества двух стран. Надо в связи с этим еще раз заметить, что в приверженности лидеров обеих стран курсу на европейскую интеграцию с самого начала не было расхождений между политическими элитами Венгрии и Румынии, независимо от смены в них правительств. Приход к власти в Венгрии в 1994 г. в коалиции с либералами правительства социалистов (по сути, наследников реформаторского крыла кадаровской ВСРП) несколько не изменил проевропейского вектора венгерской внешней политики. Что касается Румынии, то она официально направила заявку на вступление в ЕС в июне 1995 г. После этого соответствующими комиссиями ежегодно проводились мониторинги, с тем чтобы оценить состояние страны с точки зрения готовности к членству в ЕС. Предъявлялись отдельные претензии, касавшиеся защиты прав детей, положения цыганского меньшинства. Там, где дело касалось положения венгерского меньшинства, комиссия не высказывала каких-либо значительных претензий.

Если на интеграционном пути Румынии в ЕС и в 1990-е, и в 2000-е гг. превалявали экономические соображения, то в процессе сближения с НАТО на первый план выдвигался политический момент. В январе 1994 г. Румыния присоединилась к натовской программе «Партнерство ради мира». Чтобы быстрее соответствовать критериям, необходимым для вступления в НАТО, в стране была проведена реформа по модернизации армии. Однако перспективы вступления Румынии в НАТО в это время все еще выглядели весьма неопределенными.

Несколько быстрее шел процесс вовлечения в НАТО Венгрии. Официальное заявление об этом было сделано еще летом 1990 г., вскоре после свободных парламентских выборов. В 1994 г. был решен вопрос об ассоциированном членстве Венгрии в НАТО. Во время боснийского кризиса Будапешт стал местом проведения совещания этого альянса, для участия в миротворческой миссии НАТО в Боснии Венгрия выделила более 400 солдат. Решение о принятии Венгрии в полноправные члены НАТО было принято в декабре 1997 г. после поддержки членства страны в НАТО на референдуме, проведенном леволиберальным правительством Д. Хорна, которое весной 1998 г. сменил правый кабинет В. Орбана, еще более последовательно проводивший евроатлантический курс. Официальное вступление Венгрии в НАТО состоялось 12 марта 1999 г. вместе с Чехией и Польшей. И в том же месяце Венгрия предоставляет свои аэродромы войскам НАТО в ходе нападения на Сербию. Вступление Венгрии в Евросоюз в качестве полноправного члена состоялось 21 мая 2004 г. — к этому времени (с 2002 г.) страну снова возглавило правительство с преобладанием социалистов (премьер-министр П. Меддешши). Позже, при премьер-социалисте Ф. Дюрчане, страна вошла и в Шенгенскую зону.

Договор о взаимопонимании, сотрудничестве и добрососедстве между Венгрией и Румынией был подписан в Тимишоаре 16 сентября 1996 г. Готовность к диалогу возобладали — при том, что на заседаниях парламентской ассамблеи Совета Европы венгерские и румынские депутаты нередко вели дискуссии

по вопросам, касающимся прав нацменьшинств. Это несколько затянуло подписание договора. Для румынской стороны было принципиально важно, чтобы в договоре не нашли отражения положения о коллективных правах и праве на национальную территориальную автономию, которые могли быть использованы не в интересах территориальной целостности Румынии.

В подписанном договоре стороны подтвердили неприкосновенность границ и уважение территориальной целостности друг друга, а также отсутствие каких-либо территориальных споров. Самая большая по объему статья документа (ст. 15) посвящена положению национальных меньшинств в двух государствах, и в этом смысле венгеро-румынский договор стал не только феноменом международного права, но и источником внутреннего права. Согласно тексту договора, за представителями меньшинств закреплялось право на создание культурных, образовательных и религиозных институтов, которые могут обращаться за государственной и частной поддержкой, право на использование родного языка, на участие в политической и экономической жизни своей страны и на поддержание контактов с гражданами других государств и международными неправительственными организациями. Стороны приняли на себя обязательства руководствоваться положениями международных документов, посвященных защите прав меньшинств, однако по требованию румынской стороны была сделана оговорка, согласно которой данные документы не накладывают ни на кого обязательства по созданию территориальной автономии на национальной основе. Правительство Д. Хорна пошло на это в интересах налаживания добрососедства и сотрудничества с Румынией, что вызвало достаточно резкую критику со стороны правонационалистических сил в Венгрии вплоть до обвинений в забвении национально-государственных интересов.

Таким образом, договор не касался и по возможности обходил стороной наиболее важные с точки зрения части общественного мнения Венгрии и в то же время болезненные для Румынии вопросы (о коллективных правах венгерского меньшинства; об автономии уездов Секейского края, а также других районов Румынии, где компактно проживали венгры; о возврате конфискованной румынскими властями после 1945 г. венгерской собственности, в том числе церковного имущества). И это вполне объяснимо. На момент подготовки договора (середина 1990-х гг.) главной целью, с которой он заключался, было не урегулирование всех существующих разногласий между сторонами (это едва ли могло быть достигнуто по причине слишком существенных различий по вопросу о праве трансильванских венгров на автономию, о чем речь еще пойдет ниже), а создание некоей основы, нормативно-правовой базы для дальнейшего диалога, а также демонстрация готовности к сотрудничеству, что было особенно важно для двух стран, в равной мере стремившихся к вступлению в евроатлантические структуры. Со дня подписания договора прошло более 20 лет, а те вопросы, которые стороны обошли в документе, так и остались неразрешенными либо не до конца разрешенными, причем наибольшие споры вызывает вопрос о венгерской автономии. Но даже если проблемы венгров, проживающих

в Трансильвании, и не нашли идеального, удовлетворяющего все стороны решения, они все же были взяты властями под контроль.

В ноябре 1996 г. в Румынии на очередных выборах пришла к власти коалиция либеральных сил и «исторических партий», президентом страны стал единый кандидат сплотившейся пестрой политической оппозиции профессор Бухарестского университета Эмиль Константинуеску, последовательно позиционировавший себя как сторонник интеграции Румынии в европейские структуры³⁴. Начиная с предвыборной кампании, он подвергал резкой критике посткоммунистов во главе с Илиеску на предшествовавшем этапе как за авторитарные проявления во внутренней политике, так и за недостаточно радикальные экономические реформы, не способствовавшие выходу страны из кризисного положения. Акцент в критике делался на том, что проводимая политика не только ставила Румынию в сильную зависимость от иностранных кредиторов, но и мало приближала ее к тем принятым в европейских структурах стандартам (как в области экономики, так и в социальной сфере, в соблюдении прав человека и т. д.), которые являлись обязательными для страны, претендующей на вступление в ЕС.

При формировании нового румынского правительства осенью 1996 г. в него впервые вошли два представителя ДСВР, что способствовало интенсификации двусторонних отношений. Вскоре после этого, в 1997 г., двусторонний договор был ратифицирован парламентами как Венгрии, так и Румынии, что открыло перспективы более активного сотрудничества двух соседних стран. Со своей стороны, Венгрия (в том числе на уровне дипломатических представителей в странах ЕС) полностью поддержала проевропейские устремления Румынии и выразила готовность оказать ей содействие в деле европейской интеграции. Имея определенные претензии к румынской политике в отношении национальных меньшинств (критикуя ее, прежде всего, за неготовность предоставить этническим венграм право на автономию), венгерская сторона в то же время никогда не пыталась ставить никаких препятствий на пути продвижения соседней страны в Европу. Это объяснялось целым рядом факторов: заинтересованностью в тесном экономическом сотрудничестве и товарообмене с Румынией как прежде всего поставщиком некоторых видов сырья для венгерской промышленности и рынком сбыта произведенных товаров; нежеланием (по сути, даже стратегической незаинтересованностью) быть окраинной, пограничной страной в ЕС. Для Венгрии было также важно, чтобы существовала политическая и экономическая стабильность в соседней стране, тем более что там проживает большая венгерская диаспора³⁵.

³⁴ На заседании Совета Европы, состоявшемся в Хельсинки в декабре 1999 г., был дан старт переговорам о вступлении Румынии в ЕС.

³⁵ Весной 1998 г. социалисты на парламентских выборах в Венгрии уступили, хотя и незначительно, правой партии Фидес во главе с сильным и харизматичным лидером 35-летним Виктором Орбаном, восходящей звездой венгерской политики. Возглавивший правительство Орбан хотя и не пересмотрел установок на интеграцию не только Венгрии, но и соседней Румынии в Европу, вместе с тем занял гораздо более жесткую в сравнении

Между тем Румыния оказывается в конце 1990-х гг. перед лицом трудностей и неудач, сказавшихся на положении и настроениях и миноритарного венгерского населения. Неспособность представить наполненную реальным содержанием программу глубоких экономических реформ приводит к урезанию вливаний Международного валютного фонда. К середине 1999 г. внешний долг Румынии составил 7 млрд долл. Жесткие и совершенно непопулярные меры, принятые правительством Р. Василе, попытки проведения реформ в духе шоковой терапии привели к мощным социальным выступлениям — протестам шахтеров, двинувшихся на Бухарест в целях свержения власти (конфликт был урегулирован с немалым трудом не без участия внутренних войск и огромных кордонов полиции). В конце 2000 г. состоялись новые парламентские и президентские выборы. К власти вернулся И. Илиеску, причем главным его конкурентом оказался очень правый политик В. Тудор, набравший более 30 % голосов. Стоявшая за ним националистическая партия «România Mare», которая, в частности, в Трансильвании, во многом строила свою предвыборную кампанию на критике уступок венграм и их расширяющимся требованиям, оказалась второй по числу полученных мест в парламенте (более 120). Однако и ДСВР сохранил свое влияние, получив около 40 мест в парламенте.

Интеграция в НАТО и ЕС продолжала и далее оставаться внешнеполитическим приоритетом для Румынии. В силу военно-стратегической значимости страны для западного блока процессу вступления Румынии в НАТО были заданы высокие темпы — она вошла в альянс в 2004 г. Что касается вступления в ЕС, то соответствующие переговоры начались в феврале 2000 г. Страну посетил ряд экспертных комиссий, которые изучали в том числе и положение дел в области межнациональных отношений. Одна из них, побывавшая в Румынии в 2001 г., констатировала значительный прогресс после 1989 г. в этой сфере, в том числе отмечалось широкое использование в стране языков национальностей и, в первую очередь, венгерского. В 2003 г. Европейская комиссия отметила большие успехи, достигнутые в гармонизации законодательства в области защиты прав человека, включая национальные права. В 2004 г. было также констатировано соответствие Румынии европейским стандартам и с точки зрения функционирования рыночной экономики. 1 января 2007 г. Румыния стала полноправным членом ЕС. Едва ли не единственным вопросом, в котором она открыто дистанцируется от магистральной внешнеполитической линии Запада, остается вопрос о признании независимости Косово. Как считает официальный Бухарест, признание Косово может создать прецедент для замораживания других неразрешенных конфликтов, прежде всего на постсоветском пространстве. Не менее важно и то, что это могло бы, по оценкам румынских

с социалистами позицию в поддержке автономистских требований радикально настроенного спектра венгерских политических сил в румынской Трансильвании. Это вызвало достаточно нервную реакцию в Румынии, где находившиеся у власти либеральные и проевропейские силы не могли наладить с новым венгерским правительством столь же продуктивного диалога, который наблюдался в бытность премьер-министром социалиста Д. Хорна.

экспертов, дать повод правым политикам Венгрии вновь поставить вопрос о несправедливости границ в регионе, установленных в соответствии с Трианонским мирным договором 1920 г. и подтвержденных в 1947 г.

Состоявшаяся интеграция как Венгрии, так и Румынии в европейские структуры положила начало новому этапу в развитии отношений между ними, происходящих уже в рамках евроструктур. Его содержанием стало успешное и всестороннее экономическое сотрудничество³⁶ при сохранении сложностей в межгосударственных взаимоотношениях, в основе которых лежат опять-таки коренные различия подходов к проблемам венгерской диаспоры в Румынии и к вопросу об автономии.

5 декабря 2004 г. в Венгрии состоялся инициированный правой оппозицией во главе с лидером партии Фидес В. Орбаном референдум по вопросу о предоставлении венгерского гражданства (и, соответственно, права на двойное гражданство) этническим венграм, живущим за рубежом. Формально инициатором проведения референдума выступила общественная организация, занимающаяся поддержанием связей с соотечественниками за рубежом, — Всемирный союз венгров. Поскольку инициатива касалась, прежде всего, судьбы большой венгерской диаспоры в соседних с Венгрией странах, на территориях, отторгнутых от венгерского государства по Трианонскому мирному договору, кампания по подготовке референдума вызвала крайне негативный отклик в этих странах, особенно в Румынии и Словакии, где рассматривали происходящее как очевидный симптом возрождения венгерского политического ирредентизма. Премьер-министр социалист Ф. Дюрчань призвал соотечественников сказать на референдуме «нет», мотивируя это не только нежелательными осложнениями отношений с соседями, но и тем, что возможный наплыв в Венгрию сотен тысяч получивших гражданство соплеменников создаст непомерный груз для национальной экономики. Его поддержали в этом и проевропейски ориентированные политические силы либерального спектра. В. Орбан и партия Фидес, стоявшие за организацией референдума, обвинялись социалистами и либералами в стремлении укрепить свои внутривнутриполитические позиции, сыграв на дешевом популизме. В конце концов, референдум оказался безрезультатным ввиду низкой явки граждан (менее 40%), причем из участвовавших в нем количество выступивших «за» лишь немногим превысило количество высказавшихся «против»³⁷. Не добившимся успеха на референдуме правым силам удалось,

³⁶ Румыния занимает одно из первых мест по объему товарооборота среди внешнеторговых партнеров Венгрии, а Венгрия, соответственно, — Румынии. В экономической жизни Румынии обладают сильными позициями все титаны венгерского бизнеса — энергетическая компания MOL, банк OTP, фармацевтическая фирма «Гедон Рихтер» и др. Велико присутствие мелкого и среднего венгерского бизнеса в районах с компактным проживанием венгров в Румынии. Налаживается сотрудничество в области транспорта, дорожного строительства, что, в свою очередь, активизирует не только экономические связи, но и туризм, культурный обмен, гуманитарные, научные связи.

³⁷ По положению, референдум мог считаться состоявшимся, если бы инициативу поддержало 25% граждан, имеющих право голоса.

однако, удержать вопрос в повестке дня венгерской политики. В соответствии с модифицированным электоральным законодательством в парламентских выборах 2010 г., принесших убедительный успех партии Фидес, могли участвовать этнические венгры, проживающие за пределами страны, при наличии полученного ими от официальных структур Венгрии вместо венгерского паспорта особого удостоверения, подтверждающего их национальную идентичность.

Неоднократно предпринимавшиеся в конце 2000-х гг., уже после вхождения Румынии в ЕС, попытки более радикального крыла венгерского национального движения во главе с Л. Тёкешем (избранным депутатом Европарламента от Венгрии) поставить перед румынским правительством вопрос об автономии двух восточнотрансильванских уездов оказывались безрезультатными из-за противодействия практически всей румынской политической элиты (при относительной пассивности наиболее интегрированных в нее венгерских политиков из ДСВР). При этом одна сторона ссылалась на имевшийся в совсем недавней румынской истории прецедент с существованием Венгерской автономной области в Восточной Трансильвании (1952–1968 гг.), тогда как другая упорно указывала на противоречие самой идеи автономии какой бы то ни было части Румынии принципам, закрепленным в конституции страны. Не удовлетворенные таким положением дел политически активные венгры Секейского края пошли на экстраординарный шаг: в сентябре 2009 г. в регионе прошел съезд представителей местных органов власти, где было провозглашено создание территориальной автономии и утверждена символика нового образования (герб, гимн и флаг).

Правительство Румынии не признало самопровозглашенной автономии, сочтя акцию явно фрондерской. ДСВР, обладавший довольно сильными позициями в парламенте, предпочел избрать компромиссную линию, что позволило ему сохранить свое влияние в румынском истеблишменте. По итогам новых выборов, вскоре состоявшихся, партия сумела не в первый раз войти в правящую коалицию. Две другие официально зарегистрированные (непарламентские) венгерские партии, привлекавшие более радикально настроенный политический элемент, встали на сторону инициаторов Секейской автономии. В ее защиту выступил и официальный Будапешт, поднимался даже вопрос об открытии ее представительства в Брюсселе. Показательно, что этот шаг был предпринят не уделявшей всегда большое внимание проблемам венгерской диаспоры правая партия Фидес, а находившейся в то время пока еще у власти социалистической партией. Она, в отличие от венгерских правых, никогда искусственно не будировала вопрос о положении венгров в Трансильвании, но и не желала идти наперекор общественному мнению в условиях глубокого экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., и острого недовольства населения Венгрии своим положением.

В апреле 2010 г. на выборах в венгерский парламент уверенную победу одержала правая партия Фидес, сформировавшая правительство во главе с В. Орбаном, уже занимавшим пост премьер-министра в 1998–2002 гг. (с его

деятельностью был связан памятный обеим сторонам конфликт 2001 г. с предоставлением госструктурам Венгрии права раздавать трансильванским венграм особые удостоверения этнических венгров, что воспринималось в Бухаресте как явное вмешательство во внутренние дела). Первый же закон, принятый вновь избранным парламентом, предоставлял возможность получения венгерского гражданства всеми этническими венграми, живущими в соседних с Венгрией государствах. Следующим шагом правительства явилось издание так называемой Прокламации о национальной кооперации, в соответствии с которой предполагалось создать Систему национальной взаимопомощи с целью активизировать связи венгров, живущих в разных странах. Наконец, новое правительство провозгласило 4 июня, день подписания в 1920 г. Трианонского мирного договора, Днем национального единства, национальным праздником в ряду других — 15 марта (день начала революции 1848 г.) и 23 октября (день начала революции 1956 г.).

Таким образом, после прихода к власти партии Фидес во главе с В. Орбаном венгерское правительство стало последовательно рассматривать проблему обеспечения прав венгероязычного населения Румынии (и других соседних стран) как одно из приоритетных направлений своей внешней политики. Можно говорить и о том, что к 2010 г. в Будапеште разочаровались в осторожной политике руководства ДСВР и выработали новую линию действий. Первым шагом стало продвижение лиц, тесно связанных с венгерской партией Фидес, на руководящие должности в ДСВР. Так, на выборах председателя партии в феврале 2011 г. Будапешт выдвинул своего кандидата, который, однако, набрал лишь 47 из 536 возможных голосов. В то же самое время со стороны политиков Венгрии, в том числе в стенах парламента и в прессе, все громче стала раздаваться публичная критика руководства союза, которому давали понять, что в Будапеште ждут от него более наступательной политики³⁸.

Предупреждение из Будапешта воспринято не было, и ДСВР продолжал и далее придерживаться своего прежнего курса на сотрудничество с крупными румынскими партиями в расчете на то, что именно такая позиция (тем более в условиях нового экономического кризиса и неизбежного урезания затрат на социальные нужды) лучше защитит интересы простых представителей венгерской диаспоры в Румынии. Сыграло свою роль и предположение, что при проведении прежней линии ДСВР сохранит свой статус если не арбитра, то довольно сильного игрока во внутриполитической жизни Румынии, блокирующегося на политической арене то с одной, то с другой партией в интересах более сильного присутствия в реальной политике. Соответственно, позиция правительства Венгрии ужесточилась: в мае 2011 г. ДСВР был лишен прежних своих полномочий выдавать гражданам Румынии венгерской национальности

³⁸ Во избежание обострения межгосударственных отношений и свертывания выгодных для Венгрии программ экономического сотрудничества с Румынией такие высказывания звучали, как правило, из уст активистов Фидеса и его партнеров по коалиции неформально.

удостоверения этнических венгров, предоставлявшие им, в частности, право на трудоустройство и получение образования в Венгрии. Более того, ДСВР обвинили в нецелевом расходовании бюджетных средств, поступающих из Будапешта. Объем финансовой помощи, направляемой в Трансильванию через ДСВР, был сокращен. Параллельно с усилением давления на руководство ДСВР венгерские власти активизировали поддержку двух других венгерских партий Румынии — Венгерской гражданской партии и Трансильванской венгерской народной партии. Эти две партии объединили политиков, склонных более твердо отстаивать интересы венгерской диаспоры (в том виде, как они их понимали). Ближайшей тактической целью венгерского правительства, осуществившего (даже в условиях непреодоленного экономического кризиса в стране) финансовые вливания в эти новые «венгерские проекты», было потеснить ДСВР в борьбе за голоса этнических венгров Румынии и в конечном счете не допустить вхождения этой партии в парламент. Предполагалось, что в условиях избирательной системы, существовавшей в Румынии, сделать это будет не так уж сложно: планка для прохождения в законодательный орган страны составляет 5%, а на парламентских выборах ДСВР традиционно получал лишь 6–7% от общего количества голосов (что, в принципе, соответствовало доле венгров в составе населения страны). В Будапеште ожидали, что, когда позиции ДСВР будут ослаблены, а его связи с крупными румынскими партиями порваны, произойдет радикализация требований венгерской общины.

Однако будапештские стратеги явно просчитались в своих ожиданиях. Результаты последующих парламентских выборов в Румынии показали, что столь грубая линия правительства Орбана, явно демонстрировавшая его стремление к вмешательству во внутренние дела соседней Румынии, не имеет шансов на успех. Во-первых, между партиями, фактически созданными при будапештской подпитке для того, чтобы они составили конкуренцию ДСВР, развернулась настоящая борьба. Две политические силы, образованные в противовес ДСВР, не смогли объединиться в коалицию из-за личных амбиций их лидеров. Во-вторых, большинство самих избирателей подтвердили свою приверженность привычной им партии с более умеренной программой: ДСВР, доказавший свою способность влиять на распределение бюджетных средств и достаточно эффективно представлять интересы этнических венгров в органах государственной власти, сохранил парламентское представительство.

Новые осложнения в венгерско-румынских отношениях в связи с положением и правами венгерского национального меньшинства в Трансильвании возникли в 2013 г. с началом так называемой войны флагов. 2 февраля 2013 г. глава уезда Ковасна потребовал, чтобы из здания администрации г. Сфынту-Георге, большинство населения которого составляли этнические венгры (секеи), был вынесен особый секейский флаг, символизирующий национальную идентичность секеев как части венгерского этноса. Значительная часть трансильванских венгров (не только в этом уезде) восприняла это требование как неприемлемое и оскорбительное, а в Венгрии местные власти стали демонстративно

вывешивать секейские флаги на зданиях муниципалитетов. Это было воспринято в Румынии как вмешательство во внутренние дела, между официальными лицами двух стран в результате начался обмен взаимными нападками. Проблему усугубило выступление венгерского посла в Бухаресте, который, явно превысив свои полномочия, связал вопрос об исторической символике Секейского края с проблемой территориальной автономии. В интервью румынскому телевидению он заявил, что предоставление автономии соответствующим уездам стало бы «нормальным и логичным» решением проблемы (причем венгерский МИД не дезавуировал данное заявление). Конфликт удалось урегулировать в ходе встреч министров иностранных дел двух стран: опять-таки возобладала заинтересованность обеих сторон в тесном венгерско-румынском экономическом сотрудничестве, которое воспринималось как двигатель для поддержания тесных отношений по самому широкому спектру (включая туризм, транспорт, культурные связи)³⁹. Примерно к 2014 г., осознав, что избранная тактика, делавшая ставку на раскол и радикализацию венгерского движения Трансильвании, не приводит к желаемым результатам, правительство Венгрии скорректировало свой курс в отношении ДСВР, перестав отказывать этой партии в поддержке⁴⁰, но продолжая содействовать и другим венгерским партиям Румынии. Сохраняется по сей день общая установка Будапешта: использовать в качестве инструмента своей политики на румынском направлении венгерские политические и общественные организации, имеющиеся в соседней стране, причем этот курс подвергается некоторым корректировкам в зависимости от достигаемых результатов.

Неоднократно посещая Румынию и выступая с разрешения ее властей перед венгероязычной публикой (в частности, в ходе предвыборных кампаний ДСВР), В. Орбан не раз обозначал свою позицию: если в Румынии находится у власти «соответствующее политическое руководство», с которым венгерское правительство может успешно развивать экономическое, внешнеторговое, культурное сотрудничество, от этого получают выгоду прежде всего этнические венгры Румынии. При расширяющемся многогранном сотрудничестве двух стран в последние годы не обходилось и без скандалов в двусторонних отношениях. Часть из них была связана с исторической политикой: венгерская дипломатия в соответствии с указаниями своего МИДа демонстративно не приняла участие в церемониях по случаю государственного праздника Румынии 1 декабря, и в том числе в 2018 г., когда в стране широко отмечалось 100-летие присоединения Трансильвании к Румынии. Реагируя на претензии

³⁹ А несколько позже, в 2014 г., избрание президентом Румынии такого осторожного политика, как К. Йоханнис, только усилило значимость прагматического начала в развитии отношений двух соседних государств.

⁴⁰ И это даже несмотря на тесные связи ряда политиков этой партии с румынскими социалистами, в свою очередь, поддерживающими стабильные и умеренно дружеские отношения с венгерскими социалистами, заклятыми врагами В. Орбана на политической арене Венгрии.

румынской стороны, увидевшей в этом недружественное отношение к своему стратегическому партнеру⁴¹, не соответствующее духу европейских ценностей XXI в., Орбан заявлял, что искренность и откровенность в отношениях с ближайшим соседом — наилучшая позиция, когда дело касается столь деликатных, чувствительных проблем исторической памяти: румыны должны, наконец, понять, что нам, венграм, действительно нечего праздновать в этот день, вот мы и не празднуем.

Конфликтная ситуация возникла и в январе 2018 г., когда три венгерские партии Румынии выступили с общей декларацией, обозначившей их консолидированную позицию в вопросе о венгерской автономии в Трансильвании. В ней отмечалось, что в течение 100 лет, прошедших после Унии Трансильвании с Румынией, заключенной 1 декабря 1918 г., трансильванские венгры оставались сильным и развитым национальным сообществом, которому зачастую приходилось сохранять свою идентичность и культурное наследие (причем в различные исторические периоды) в условиях мощного ассимиляторского давления различных румынских правительств. Хотя это и отнимало немало сил, у венгерского сообщества Трансильвании сохранились ресурсы для экономического и культурного прогресса. Как отмечалось далее, сохраняет свою значимость задача создания политических, юридических и административных рамок, необходимых для защиты фундаментальных прав трансильванских венгров. Эти рамки, как подчеркивали инициаторы декларации, немыслимы без определенных форм автономии для венгерского сообщества Трансильвании. На основе векового опыта проживания венгров в румынском государстве представители венгерских организаций сохранили убеждение в том, что сбережение национальной идентичности венгров Трансильвании, развитие венгерской культуры и существование трансильванских венгров как миноритарного, но при этом значительного национального сообщества, обладающего всей полнотой прав, могут быть обеспечены только посредством институтов автономии. В венгерской автономии, по мнению авторов документа, должно быть заинтересовано и румынское большинство, для которого остается приоритетной задачей обеспечение прогресса и процветания всего государства.

Инициаторы документа предложили именно в год 100-летия Декларации в Алба-Юлии от 1 декабря 1918 г. об объединении Трансильвании с Румынией, в соответствии с которой народам Трансильвании предоставлялось право на «полную национальную свободу» и самоуправление, открыть новую страницу в истории взаимоотношений румын и венгров. В интересах развития страны

⁴¹ 29 ноября 2002 г. премьер-министры Венгрии и Румынии П. Меддешши и А. Нэстасе подписали в Бухаресте договор о стратегическом партнерстве двух стран. Участие венгерского премьер-министра социалиста Меддешши впервые за всю историю двусторонних отношений в национальных празднествах по случаю государственного праздника Румынии 1 декабря (день воссоединения Трансильвании с Румынией в 1918 г.) явилось невиданным доселе жестом доброй воли с венгерской стороны, демонстрацией готовности к далекоидущему партнерству и сотрудничеству.

и общего будущего двух народов они предложили вместе найти решение проблем, стоящих перед венгерским национальным сообществом Румынии. Цели трансильванских венгров, как отмечалось, нисколько не ущемляют права румын, а с другой стороны, любые усилия венгерской общины будут результативны лишь при поддержке мажоритарного населения. Далее излагалась конкретная программа, в ее основу были положены принцип административной автономии для тех районов страны, где венгры составляют большинство населения, и принцип культурной автономии для всего венгерского населения. Более конкретно, в документе содержалось требование территориальной автономии для Секейского края в его исторических границах. При этом признавалось, что для этого будут нужны как определенные изменения в румынском законодательстве, так и реформы на местном уровне исполнительной власти в сфере образования, культуры и т. д., поскольку изменения затронут разные стороны деятельности административного аппарата. В пределах автономии должно быть обеспечено равноправие венгерского языка с румынским. По мнению инициаторов документа, должна быть расширена сфера применения венгерского языка и в регионе Парциум (Кришана), где также проживает большое венгерское сообщество. Речь идет, прежде всего, о праве на культурную автономию, которое предполагает самоуправление в сфере образования, информации и т. д., что существенно важно для сохранения и развития национальной идентичности и культуры. Право на культурную автономию было названо одним из фундаментальных прав любого национального сообщества. Признание его в законодательном порядке и создание соответствующей институциональной системы объявлялось единственным долгосрочным решением, которое может обеспечить венгерскому национальному сообществу, проживающему в качестве меньшинства во многих районах Трансильвании, возможности для сохранения национальной идентичности и для процветания на своей родной земле. Документ завершался заверением, что соответствующие предложения о венгерской автономии в Трансильвании будут вынесены на обсуждение и в парламенте. Комментируя на пресс-конференции обнародованную декларацию, лидер ДСВР Х. Келемен заявил, что осуществление на практике принципа автономии — ключ к сохранению национальной идентичности трансильванских венгров и защите языка.

Скандал возник в связи со слишком эмоциональным, не очень осторожным и продуманным высказыванием тогдашнего премьер-министра Румынии М. Тудосе, воспринятым в соседней Венгрии как прямая угроза в адрес политически активных представителей венгерского национального сообщества Румынии. Вечером 10 января М. Тудосе заявил, что как лицо, отвечающее за целостность страны, он никогда не допустит того, чтобы так называемый секуйский флаг развевался над государственными учреждениями этого края, и чрезмерное упорство лиц, стремящихся к подрыву румынской государственности, может привести в конце концов и к тому, что рядом с «секуйским флагом» будет болтаться кто-то из злостных нарушителей конституции страны. Неудачное, недипломатичное высказывание главы румынского правительства вызвало

крайне негативную реакцию в Будапеште, где не удовлетворились объяснениями типа того, что речь идет не более чем о неудачном словоупотреблении, ибо в реальности встает вопрос, могут ли чувствовать себя в физической безопасности румынские венгры, отстаивающие свои законные права. Дискуссия о предоставлении автономии уездам, где венгероязычное население составляет большинство, по мнению министра иностранных дел Венгрии П. Сийярто, вполне легитимна, тем более что с такой инициативой выступили партии, легально действующие на территории Румынии, и эту дискуссию необходимо продолжать в цивилизованных формах. В сложившихся условиях Тудосе не был склонен извиняться. Он написал в «Фейсбуке», что не намерен вести дискуссию по вопросу об автономии какой-либо части Румынии, поскольку сама постановка этого вопроса противоречит конституции, гарантирующей целостность румынского государства. Премьер упирал на то, что любые дискуссии об автономии «секуйских уездов» с самого начала противоправны и, более того, провокационны, ибо направлены на дестабилизацию положения в стране, на подрыв единства Румынии в год 100-летия объединения. В свою очередь, румынский МИД в официальном заявлении сделал акцент на том, что премьер-министр обратил внимание как центральных, так и местных властей страны на необходимость соблюдения конституции. Было выражено сожаление по поводу жестов неуважения к румынской государственности на фоне тех принятых правительством мер, которые способствуют реальному повышению уровня жизни венгерского меньшинства. Как бы то ни было, возникший неприятный инцидент повлиял наряду с другими факторами на отставку не всегда проявлявшего должную политическую гибкость премьер-министра Тудосе.

Таким образом, успешное и поступательное развитие двусторонних экономических отношений не исключает возникновения конфликтных ситуаций, вполне объяснимых кардинальным различием подходов к вопросам исторической памяти об общем прошлом венгров и румын. В повестке дня не только внутривластной жизни Румынии, но и румыно-венгерских межгосударственных отношений сохраняется в качестве нерешенного, периодически приобретающего при этом и политическую остроту, и традиционный вопрос о статусе венгерского национального меньшинства в Трансильвании, праве Секейского края на политическую автономию. Его решению в соответствии с венгерскими представлениями препятствует последовательная позиция официального Бухареста, не допускающего создания почвы для каких-либо центробежных тенденций, угрожающих целостности страны.

Однако прагматические моменты, и, прежде всего, взаимная заинтересованность в дальнейшем развитии тесного экономического сотрудничества, являются фактором, способствующим преодолению возникающих конфликтов. В Брюсселе никогда не переоценивали потенциала конфликтности в венгеро-румынских отношениях, исходя как из общности интересов двух элит в деле европейской интеграции, так и из очевидной заинтересованности обеих сторон в прочных экономических связях и политическом партнерстве.

Глава 18

МИЛОВАН ДЖИЛАС

О «САМОРАЗРУШЕНИИ КОММУНИЗМА»

Конец 1980-х гг. стал новым запоминающимся выражением удивительной жизни М. Джиласа, самого известного в мире оппонента коммунистической власти в странах мирового социализма. Постепенно копившийся трансформационный потенциал, связанный с углублением югославского кризиса, нарастающей деградацией посттитовского режима и движением к демократизации политической системы СФРЮ, вместе с влияниями советской перестройки, отразился и на отношении югославских властей к некогда «диссиденту № 1» в коммунистическом мире. 20 января 1987 г. Джилас получил паспорт, что фактически означало возможность новых поездок за границу. Он был лишен их с 1970 г., когда власти забрали его прежний паспорт после длительного пребывания в Великобритании и США в конце 1968 г. — начале 1969 г., итогом которого стала публикация в Лондоне книги «Несовершенное общество».

Весной 1987 г. Джилас провел несколько недель в Англии у сына Алексы — известного югославского диссидента, окончившего к тому времени Лондонскую школу экономики и политических исследований. Алекса, помимо научной работы в области социологии и политологии и чтения лекций, с конца 1970-х гг. активно занимался правозащитной деятельностью, которую власти СФРЮ оценивали как антиюгославскую.

Возвращение возможности путешествовать давало Джиласу шанс живого общения с западными советологами, которые, в свою очередь, по-прежнему сохраняли интерес к его аналитическим оценкам происходивших в социалистическом мире процессов. Через год, в феврале 1988 г., Милован Джилас вместе с супругой Штефанией побывал в США: неделю в столице и неделю в Бостоне — в Гарвардском университете, где в Центре русских исследований Алекса работал над монографией о национализме на Балканах¹.

Комментарии Джиласа о событиях в коммунистическом мире, особенно о советской перестройке, оценки ее главных акторов, прежде всего, его взгляд на действия советского лидера М. С. Горбачева, высказанные им в пространной беседе с директором радиостанции «Свободная Европа» Г. Урбаном, вызвали на Западе огромный интерес и получили широкое распространение. Объемный

¹ A Visiting Dissident // The New York Times. 20.01.1988. P. 6.

итоговый материал был опубликован в октябре 1988 г. в лондонском журнале «Encounter» — издании левых интеллектуалов, в разгар холодной войны попавшем под контроль американских спецслужб. Текст публикации был повторен целым рядом зарубежных общественно-политических и литературных изданий на разных языках, в том числе и на русском². Его отдельные фрагменты увидели свет в многотиражной газете «The New York Times» в декабре того же года³.

В оценках перестроечных процессов в СССР югославский мыслитель выразил свое давнее восприятие ленинизма как основы, на которой вырос сталинизм. Этот давний тезис Джиласа явился той теоретической базой, из которой он исходил в своих предположениях относительно ограниченности реформистского потенциала Горбачева. Джилас, рассуждая о феномене перестройки, сделал акцент на том, что в Кремле только «сравнительно недавно» — и гораздо позже, чем в Югославии, Польше, Венгрии, Чехословакии, Китае, — осознали, что коммунизм «не работает» ни на уровне экономики, ни на уровне удовлетворения основных потребностей и свобод человека. С учетом быстрого технического развития государств Запада и азиатских стран на побережье Тихого океана, по мнению Джиласа, следовало признать, что «коммунизм — это реликт XIX века и рецепт для несчастий». Усилия советского руководства во главе с Горбачевым он назвал попыткой подняться до «уровня современного мира» при естественном для любого политика «повсюду и во все времена» желании «сохранить свою кормушку», однако вынужденного осознать, что удержать власть в своих руках невозможно, если не принять современные реалии. Джилас также обратил внимание на ограниченный характер предпринимаемых советскими лидерами действий, так как их «вызов... брошен лишь методам правления коммунистов, а не существу и характеру самого правления». Состояние дел в социалистическом мире Джилас описал следующим образом: «От Белграда до Пекина кризис идет бесперывно. Каждая коммунистическая страна страдает от дефектов, внутренне присущих системе. Большинство из них пытается исправить положение посредством фрагментарной экономической и социальной инженерии. Те, кто предлагал более сильнодействующие средства, — венгры в 1956 г., чехи и словаки в 1968 г. — были безжалостно раздавлены». «Возвышение Михаила Горбачева, — считал Джилас, — доказывает то, что некоторые из нас давно ожидали: ряд укоренившихся компартий, особенно югославская и советская, имеют достаточно внутренних ресурсов, чтобы сбросить сталинистскую скорлупу и начать сначала... Горбачев пытается подлить воды в это окаменевшее растение и оживить его».

Наряду с этим Джилас предостерегал от «вульгарной критики коммунистического мышления», допуская, что «во времена холодной войны» такая

² Урбан Дж., Джилас М. Между революцией и контрреволюцией // Проблемы Восточной Европы (New York). 1989. № 23-24. С. 40–111.

³ Urban G. Milovan Djilas on Gorbachev's Future // The New York Times. 03.12.1988. P. 27.

критика была полезной. «Было бы ребячеством, — настаивал он, — сегодня говорить “все коммунисты одним миром мазаны” или “коммунист остается коммунистом”». Он призывал отказаться от такого рода ложной риторики, «непосредственно играющей на руку “старой гвардии” коммунистов», выделяя, таким образом, в компартиях и «молодые фракции». Вместе с тем, по его мнению, отказ от прежних установок не должен был означать «ослабления критики коммунизма как дефектной или попросту невыносимой общественной системы». Джилас предлагал продолжать относиться к ней «с серьезностью и с пониманием, которых она заслуживает», так как при коммунистическом режиме приходится жить миллионам людей. Вместе с тем Джилас считал необходимым предложить этим миллионам «интеллектуальную, взвешенную, хорошо аргументированную и реальную альтернативу». Он был глубоко убежден, что «антикоммунизм голливудского образца этого не сделает. Слишком много было лозунгов и слишком мало зрелого отношения к социальной и интеллектуальной истории марксизма и ленинизма»⁴.

Для Джиласа не было сомнений, что новый курс Горбачева — это «конечная фаза сталинистской модели коммунизма, и можно с уверенностью сказать — советской модели коммунизма, ибо (кроме нескольких лет в 1920-е гг.) другой не существовало». Но, по его мнению, это не означало, что «догматизм и ленинизм» отомрут сами собой: «В Югославии и в Венгрии сталинистская модель умерла уже сколько-то лет назад, но пережитки прошлого живучи. Однопартийный режим и полицейский контроль находятся, увы, в добром здравии»⁵.

Следует обратить внимание на довольно сдержанное отношение Джиласа к процессам смены режимов в восточноевропейских странах советского блока, постепенно нараставшим с весны 1989 г. В «Краткой хронологии жизни и деятельности М. Джиласа», написанной его сыном Алексой, о событиях 1989 г. даже не упоминается, а акцент поставлен на возвращении в Югославию литературно-художественных произведений отца. Действительно, считая себя больше писателем, чем оппозиционным политиком или публицистом-диссидентом, Джилас в значительно большей степени заботился именно о том, чтобы его литературные труды прочитали на родине. В 1989 г. уже не было ни недостатка в издательствах, желавших их опубликовать, ни воли коммунистической власти Югославии заблокировать публикацию книг Милована Джиласа. Весной 1989 г. тиражом в 5 тыс. экземпляров вышел «белградский» вариант изданной на сербо-хорватском языке в 1982 г. в Лондоне книги «Темница и идея». В условиях начавшейся трансформации коммунистических режимов весьма современно звучала ее третья часть «Оба — и Платон, и Маркс — и правы и не правы»⁶.

Весьма уже солидный возраст Джиласа (12 июня 1989 г. ему исполнилось 78 лет) объясняет его относительную пассивность в комментировании для

⁴ Урбан Дж., Джилас М. Между революцией... С. 42–43, 46–47.

⁵ Там же. С. 67.

⁶ Dilas M. Tamnica i ideja. Beograd: Trag, 1989. S. 45–57.

СМИ начавшихся весной 1989 г. трансформационных событий в Польше⁷, несмотря на то, что именно тогда в югославском обществе вновь проснулся интерес к личности мыслителя и его оценкам происходящего в Восточной Европе. Не следует исключать и того, что сам Милован Джилас все же в большей мере, чем проблемами разваливающегося мирового коммунизма, занимался задачей своего позиционирования в общественном мнении собственной страны. В начале июня были опубликованы его ответы на вопросы трудового коллектива газеты «Борба»⁸, в которой выходили в последние месяцы 1953 г. статьи Джиласа, попавшие под критику Тито и остальных членов югославского руководства (весной 1989 г. их также опубликовали в белградской и титоградской печати).

Наряду с перечисленными объяснениями имеется и еще одно. Осенью 1956 г. Джилас опубликовал в США статью «Буря в Восточной Европе», появление которой в считанные дни стоило ему свободы⁹. В этом материале Джилас изящно подметил основные тенденции, характерные для развития коммунистических режимов в странах Восточной Европы до 1956 г.¹⁰ Он выделил три фазы эволюции коммунистического мира: югославскую, польскую (как он считал, во многом сходную с югославской) и венгерскую, отличающуюся от первых двух. Изучая процессы, развивавшиеся в рамках трех указанных фаз — в Югославии в конце 1940-х — начале 1950-х гг., в Польше летом — осенью 1956 г. и в Венгрии в октябре — начале ноября 1956 г., — Джилас считал их взаимоувязанными с ситуацией в Советском Союзе, от контроля которого данные страны (как и все государства советского блока) стремились освободиться. Югославию он назвал первым примером успешной борьбы за независимость от советского диктата, итогом которой стал переход страны на позиции национал-коммунизма. Вместе с тем автор обратил внимание на ограниченный характер успеха югославского руководства в его противостоянии с Москвой.

События в Польше лета 1956 г. Джилас выделил как особый этап в движении коммунистического лагеря к развалу в ситуации регионального доминирования Москвы над подчиненными ей режимами. А происходившее в Венгрии он назвал именно «революцией», с которой, по его мнению, «началась новая глава мировой истории». Отличие польского сценария от венгерского состояло в том, что события в Польше содействовали «стремлению коммунистических партий, особенно восточноевропейских, к равенству с Москвой», тогда как венгерская революция «одним могучим ударом поставила на повестку проблемы свободы и коммунизма, замену коммунистической системы новым социальным устройством». Еще тогда, осенью 1956 г., Джилас считал, что «венгерское

⁷ См. один из редких комментариев для польской печати: Nie istnieje zadna szansa na powrot stalinizmu. Ozywczy Wiatr. Z Milovanem Dzilasem rozmawia Grzegorz Latuszynski // *Polityka*. 01.07.1989. No 26 (1678). S. 11.

⁸ О својим идејама и заблудама // Борба. 02.06.1989. С. 6.

⁹ Подробнее см.: *Ковачевић К.* Милован Ђилас и Мађарска криза 1956. Године // Историјски записи / Историјски институт Црне Горе. 2012. број 1-2. С. 115–126.

¹⁰ *Djilas M.* Storm in Eastern Europe // *New Leader*. November 1956. Vol. 39. P. 3–6.

восстание» есть явление, «равное... по своему значению Великой французской революции или революции русской»¹¹. События в Польше и Венгрии выдвинули на первый план ряд новых проблем, основными из которых были перспективы дальнейшего развития национал-коммунизма и вопрос о замене коммунизма иным устройством. В основе решения обеих этих задач лежало «право народа, до сих пор находившегося под коммунистической властью, избрать свой собственный некоммунистический путь развития». Джилас также указал и на третью проблему, увязанную с первыми двумя, — она касалась возможности прогнозирования будущей политики (не только внешней, но и внутренней) советского руководства. Именно этот вопрос определил в конце 1980-х гг. уже описанный выше интерес Джиласа к деятельности Горбачева и советской перестройке.

Итак, рассуждая еще осенью 1956 г. о национал-коммунизме в его югославском и польском форматах, Джилас полагал, что он является лишь первой, начальной стадией трансформации коммунистических режимов в странах Восточной Европы в свободную демократию. Мыслитель обращал внимание на недостаточный трансформационный потенциал национал-коммунизма, считая, что, ограничив влияние Москвы или даже порвав с ней, национально-коммунистический режим окажется способен «построить, по существу, такой же коммунистический строй, только делая это способами и темпами, которые более соответствуют нуждам своего народа». Джилас предостерегал от «большой ошибки» считать югославский вариант универсальным для всех стран региона. Его ограниченность как опыта и примера заключается в том, что в Югославии в 1948–1949 гг. сопротивление Москве оказало исключительно руководство Коммунистической партии Югославии (КПЮ), стимулировавшее как вовлечение в события народных масс, так и сам процесс противостояния советскому давлению «под руководством и контролем сверху», в то время как народ всего лишь поддержал это сопротивление, «извлекая из него определенные выгоды». Джилас обратил внимание, что после достижения независимости от Москвы продолжения движения к политической свободе в стране не произошло. И, таким образом, революционное прошлое Югославии времен Второй мировой войны, ставшее значительным преимуществом в ее борьбе за независимость от Москвы, превратилось в сдерживающий фактор¹².

Особенностью очерченной Джиласом в статье «Буря в Восточной Европе» схемы трансформации Восточной Европы было то, что «Москва подавила венгерскую революцию по соображениям не только внешнеполитического, но и внутрисполитического порядка». Между внутренней ситуацией в самом СССР и событиями в Восточной Европе имела постоянная и существенная зависимость. Джилас считал, что в 1948 г. «югославский бунт» показал «реальное отношение Москвы к коммунистическим странам Восточной Европы», а события

¹¹ Ibid. P. 3.

¹² Ibid. P. 4.

в Венгрии сыграли главную роль в разоблачении внутреннего устройства СССР как «тоталитарного господства нового класса эксплуататоров — партийной бюрократии». Победа «сил свободы и демократии в Восточной Европе» привела бы к тому, что советская система вскоре была бы отброшена к своим национальным границам, в пределах которых «ее граждане должны были бы задуматься о своем положении». При таком сценарии оказалась бы неизбежной последующая фрагментация советского правящего класса на отдельные группы, сил которых по отдельности окажется недостаточно «для проведения чистки в своем собственном закрытом пространстве». В этих условиях «власти в СССР вынужденно обратятся за поддержкой к обществу», что приведет к «зарождению новых процессов и в самом Советском Союзе». Именно тогда, в статье «Буря в Восточной Европе», Джилас заявил, что «впервые за всю историю советской власти перед некоммунистическим миром открывается возможность оказания реального и положительного влияния на дальнейшее развитие событий в СССР»¹³. Советское вмешательство в Венгрии в ноябре 1956 г. «лишь замедлило, но не остановило назревшие перемены в Советском Союзе». Автором был сформулирован вывод о кризисе «не только в отношениях между СССР и его соседями, но и во всей коммунистической системе», а также о национал-коммунизме как продукте этого кризиса, как лишь этапе «в эволюции и отмирании современного коммунизма». Движущей силой такого процесса Джилас называл «борьбу народов Восточной Европы за их независимость», выражая уверенность, что эту борьбу «невозможно остановить, а только с большим трудом можно задержать». Мыслитель считал события в Восточной Европе и СССР взаимосвязанными, выработав следующую формулу: «Если московский империализм потерпит поражение и его престижу в военной сфере будет нанесен урон, то и в самом СССР с неизбежностью произойдут серьезные перемены». Несмотря на происходящую в разных формах вынужденную мимикрию коммунизма, он «по своей сути остается тем же самым, сохраняя общность исторического происхождения и его последующей судьбы». Джилас выдвинул тезис, который стал прообразом «теории домино» для Восточной Европы, подтвержденной в 1989–1991 гг.: «Процессы в одной коммунистической стране неизбежно имеют влияние на все остальные коммунистические страны, оказываясь зависимыми друг от друга, как любые процессы внутри единого живого, хотя и зараженного, организма». По мнению автора, «это подтверждалось ходом событий с конца 1940-х гг., когда сначала югославский режим, отделившись от Москвы, взял на вооружение национал-коммунизм, вызвав кризис советского империализма», а затем «венгерская революция» стала началом конца коммунизма вообще¹⁴. В ноябре 1956 г., не удержавшись от пророческих предсказаний и предположив (как оказалось через 12 лет, в случае Чехословакии ошибочно, но верно в случае Польши 1980 г.), что в будущем советские

¹³ Ibid. P. 6.

¹⁴ Ibid.

интервенции вряд ли повторятся, Джилас, имея в виду события в Венгрии, уверенно заявил: «Революция проложила новый путь, по которому раньше или позже пойдут и другие коммунистические страны... Рана, которую венгерская революция нанесла коммунизму, уже никогда не закроется».

Несмотря на то, что текст эссе «Буря в Восточной Европе» не был лишен других пропагандистских штампов и заканчивался утверждением, что коммунизм «вступает в период бурных и непреодолимых трудностей, а народы Европы — в полосу новых боев за свободу и независимость»¹⁵, он позволял до определенной степени структурировать процессы, протекавшие в социалистическом мире после описанных событий. Разумеется, нет смысла делать из Джиласа пророка, предсказавшего стремительное падение коммунистических режимов, и тем не менее эссе, несмотря на вполне возможные дополнения при переводе на английский перед публикацией в Нью-Йорке, в определенной степени объясняет и достаточно последовательную сдержанность Джиласа в комментировании событий второй половины 1989 г.

Разработанной осенью 1956 г. схемы Джилас продолжал придерживаться и весной 1968 г., когда после посещения бурлившей реформистскими идеями Праги в Белград для встречи с ним приехал знаменитый и мистически загадочный американский журналист, член редакции газеты «The New York Times» Гарри Шварц¹⁶. Интервенция в Чехословакию войск ряда стран ОВД в конце лета 1968 г. и критическое отношение к этому югославского руководства дали возможность Миловану Джиласу совершить продолжительную поездку в Великобританию и США. В Лондоне осенью того же года в ряде интервью и статей для западной прессы он продолжил анализ советской системы. Он подтвердил свой вывод 1956 г. о тесной взаимозависимости развития СССР и стран региона. Вместе с тем основной акцент был сделан на советском империализме и отказе руководства КПСС и СССР от коммунистической идеологии¹⁷. Поездка помогла Джиласу выверить и уточнить прежние обобщения, сформулированные ранее в книге «Новый класс»¹⁸ (1957 г.) и в следующей аналитической работе «Несовершенное общество», получившей меньшую известность.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ *Schwartz H.* Milovan Djilas and East Europe's Three Revolutions // *The New York Times*. 18.03.1968. P. 44. Г. Шварц писал о реакции Джиласа на события в Венгрии осенью 1956 г. еще тогда же. См.: *Schwartz H.* Ex-aide Assails Tito on Hungary; Djilas Foresees End of Red System as a Result of the Rebellion in Budapest // *The New York Times*. 15.11.1956. P. 18.

¹⁷ *Milovan Djilas in London* // *The Times*. 05.10.1968. P. 4; *Djilas M.* Russian revolution degenerates into imperialism // *The Times*. 10.10.1968. P. 11; *The Fear Of Liberty* // *The Times*. 10.10.1968. P. 11; АВП РФ. Ф. 144. Оп. 29. Пк. 68. Д. 6. Л. 44–45. Посольство СССР в Италии. Г. Рим. 18.X.1968 г. Аннотация интервью М. Джиласа газете «Аванти»; *Handler M. S.* Djilas, in Interview Here, Asserts Soviet Now Follows Czarist Imperialist Ambitions // *The New York Times*. 27.11.1968. P. 10; *Mr Djilas on the 'decadence of communism' in Russia* // *The Times*. 28.11.1968. P. 8.

¹⁸ Перевод книги на русский в СССР был сделан в начале 1990-х гг. См.: *Джилас М.* Новый класс // *Лицо тоталитаризма*. М.: Новости, 1992. С. 159–360.

Стиль этой книги и использованные в ней подходы свидетельствовали об отказе автора от рассмотрения коммунистической системы с позиций марксизма и применении методов критического позитивизма. Во введении Джилас отмечал: «Человеческий род ничего не потеряет из-за катаклизма коммунизма, несмотря на то, что этот катаклизм покажется разбросанным отрядам правоверных коммунистов окончательным крушением мира. Не пропадут и сами коммунисты, ибо, хотя не получилось создать общество по прорицаниям учителей коммунизма, коммунисты как отдельные индивиды, а частью и как движение, не пропадут, но изменятся сами и приспособятся к тому обществу, каким оно может и чем должно быть». «Так случилось, — считал Джилас, — что коммунисты сами виноваты в собственных несчастьях именно потому, что тупо шли к придуманному обществу, уверовав в то, что могут изменить природу человека. И их идеи, и они сами неумолимо уничтожались безмерностью и безумием совершаемого ими насилия»¹⁹. Книга «Несовершенное общество» после выхода из печати была немедленно запрещена в титовской Югославии. Зарубежные печатные издания, упоминавшие ее в рецензиях, рекламе и т. д., также были запрещены²⁰.

Джилас не только сдержанно, но порой и с горьким юмором реагировал на события весны — лета 1989 г. в Восточной Европе. Историк-славист Е. А. Бондарева, готовившая в то время ряд материалов об авторе «Нового класса» для советских литературных журналов, обратила внимание на «весьма своеобразное скептическое отношение Джиласа к проходившей в целом ряде социалистических стран кампании массовой политической реабилитации», отметив, что он «со свойственными ему склонностью к парадоксам и философским сарказмом усматривал в ней нечто “гротескное”, попытку “посмертного перемещения несчастных погибших на более высокое небо по сравнению с тем, на котором они находятся»», что было, по его мнению, «остатком прежних полумистических идеологических культов»²¹.

Интерес к происходящему в Советском Союзе в Джиласе поддерживали события 1989 г. в Польше и Венгрии. Летом 1989 г. он готовил текст выступления «Социализм и “реальный социализм”» на конференции о будущем социализма (в Мадриде, 27–29 сентября 1989 г.) — Милован Джилас по-прежнему оставался одним из серьезных аналитиков эпохи. Он полагал, что «общественно-политическая формация того типа, которая в Советском Союзе и восточноевропейских государствах была установлена при Ленине и Сталине, неудержимо идет к распаду и преобразованию в новую формацию». Это преобразование «будет

¹⁹ *Djilas M. Nesavršeno društvo. I dalje od “nove klase”*. London: Naša rec, 1970. S. 20.

²⁰ *Trevisan D. Yugoslavia bans latest book by Djilas // The Times. 24.10.1969. P. 7; Trevisan D. Yugoslavia bans latest book by Djilas // The Times. 24.10.1969. P. 7; Trevisan D. Times again banned for Djilas article // The Times. 19.01.1970. P. 5; Djilas cry of ‘I am alone’ // The Times. 21.01.1970. P. 6.*

²¹ *Бондарева Е. Возвращение Джиласа // Слово. Литературно-художественный журнал. Октябрь 1989 г. № 11. С. 61–62.*

различным от государства к государству и по темпу, и по формам». Изменения в Советском Союзе будут «продолжаться дольше и приобретут более драматические и трагические формы. Но общая тенденция у всех одна — политический и экономический плюрализм, в том числе и в тех странах, где еще сохраняется тоталитаризм (как, например, в Румынии)». Оценивая историю прошедших десятилетий, Джилас пришел к выводу о верности проводившейся Западом с конца 1940-х гг. политики «сдерживания» Советского Союза. Оправданной он считал и «политику президента Рейгана» начала 1980-х гг., отметив, что оба этих курса «и сегодня, когда холодная война приближается к завершению, сохраняют свою ценность». Но в то же время «в условиях происходящих в советском блоке неудержимых перемен» Джилас говорил о необходимости использовать новые подходы к взаимодействию с коммунистическими режимами. Для этого он ввел в оборот новый термин — «политика сопровождения», имея в виду «аналитическое сопровождение каждого шага советского руководства», равно как и всех новых политических и общественных движений в странах Восточной Европы. Но главный акцент Джилас делал на событиях в Советском Союзе, утверждая, что «Россия всегда будет великой державой и сверхдержавой». Вместе с тем он полагал, что изменение коммунистического режима в СССР может проходить «в непредсказуемых формах, возможны застои и повторения проявлений экспансии», и неразумно было бы, даже при уменьшении числа поводов для военного противостояния, «вести себя так, как будто его причины исчезли навсегда». Мыслитель также считал «нереальной и вредной политику, которая стремилась бы либо через кредиты, либо путем концессий и давления отделить Советский Союз от его восточноевропейских союзников». Подобные действия (Джилас назвал их политикой «сфер влияния» и «баланса сил») не дадут желаемого результата, а сыграют в пользу, прежде всего, консервативных, «сталинистских» сил в СССР. Он видел неизбежность происходящего «постепенного, хотя и не безусловного» поворота и открытия не только стран Восточной Европы, но и Советского Союза по отношению к Западной Европе и США, полагая, что «от государства к государству это открытие будет, и уже является, различным и по форме, и по интенсивности». Джилас также подчеркивал, что СССР не может согласиться с изменением соотношения сил (как бы он ни проявлял толерантность к внутренним изменениям в союзных странах Восточной Европы и ни осознавал необходимость помощи им со стороны Запада) — «имперский дух и национальная гордость этого не допустят». По этим причинам Запад, прежде всего США, должен быть открытым для заключения самых разнообразных соглашений, но вместе с тем быть «всесторонне — духовно и дипломатически, экономически и в военном отношении — готовым к неожиданностям». Джилас напоминал, что «с началом перемен в Восточной Европе человечество входит в самый драматичный и решающий для современной демократии период»²².

²² *Djilas M. Socijalizam i "realni socijalizam" // Djilas M. Vernik i jeretik. Beograd: Akvarius, 1989. S. 370.*

К июлю 1989 г. относится статья Джиласа «Ленинистские иллюзии Горбачева», в которой, отдавая должное талантам и энергии советского лидера, автор тем не менее считает «слабостью и отсталостью» его стремление опереться на личную власть вместо государственных институтов. Он отмечал, что «советских руководителей изумляют происходящие в СССР события, но сам Горбачев по-прежнему еще верит в научную идеологию и надеется на личную власть, что является ошибкой, так как личная власть скомпрометирована и неэффективна, а распад системы прежде всего и самым острым образом выражается через отрицание и критику идеологии». Джилас обратил внимание, что Горбачев продолжает реагировать на текущие события, но «не замечает современные, а тем более не предвидит будущие национальные и социальные взрывы, из которых национальные — более опасны и безумны». Система и империя «оказались в неизлечимом кризисе», и автор вновь констатировал вступление всех коммунистических государств «независимо от того, реформируются ли они (Советский Союз, Польша, Венгрия, Югославия) либо реформам сопротивляются (Румыния, Китай и др.), в этот драматический период». Джилас выделил «случай Советского Союза как особый, со своей спецификой» из-за того, что устройство СССР самобытно и выросло из революции, оно оставалось, по существу, неизменным с 1917 г. СССР — «в политическом смысле многонациональная империя, по-прежнему более централизованная, чем при царях», по этой причине ее изменение «не может быть ни быстрым, ни безболезненным, и оно не станет необратимым без отказа от идеологической монополии партийного централизма и отмены партийной бюрократической монополии над экономикой». Происходящие изменения становились весомыми: в самой КПСС «звучат запросы о большей свободе в получении информации; прибалтийские республики требуют большей самостоятельности, а шахтеры в Кузбассе — фактической отмены партийно-государственной монополии над их шахтами». Джилас напомнил, что «коммунистические страны всегда были различными: унификация приводила к бунту и интервенции». Начав реформы, они «станут, и уже становятся все более непохожими друг на друга, а интервенции — все менее вероятными». Автор с удовлетворением отмечал, что «ленинизм как вдохновляющая сила и сам режим, им вдохновленный, приближаются к своему концу». Этот итог «не будет тяжелым и продолжительным: он будет зависеть от внутренней ситуации и международного положения каждой конкретной страны в отдельности». Роль СССР по-прежнему оставалась определяющей, успех скорейших реформ в нем, если они будут проходить в демократической форме, поможет переменам в остальных странах. Мыслитель полагал, что трансформации пройдут успешно, если СССР для других государств бывшего советского лагеря окажется «примером нескопированным, помощью ненавязанной»²³.

²³ *Билас М.* Пад нове класе. Повест о саморазарању комунизма. Београд, 1994. С. 288–290.

Осенью 1989 г. Джилас сохранил проявленный им в последние годы интерес «к русским темам». Но теперь на него самого и на его творчество обратили внимание и в Москве. Однако сделали это не популярнейшие в те годы «Огонек», «Московские новости» или славившийся миллионными тиражами еженедельник «Аргументы и факты». Материал Джиласа появился в разделе «В мире книг» одиннадцатого номера литературно-художественного журнала «Слово» (главный редактор А. В. Ларионов), издававшегося под эгидой Госкомпечати СССР и Госкомпечати РСФСР. Он вышел в рубрике «Взгляд теоретика» под заголовком «Новый класс» в виде небольшого отрывка из одноименной знаменитой работы. Опубликованный текст символично заканчивался словами: «Героическая эра коммунизма прошла. Эпоха великих вождей кончилась. Настала эпоха практиков. Новый класс создан. Сейчас он в зените своей власти и благосостояния, но никаких новых идей у него нет. Ему нечего больше сказать народу. Единственное, что остается сделать этой власти, это — оправдать себя»²⁴.

Почти весь ноябрь Джилас имел возможность наблюдать завершающую часть процесса дезинтеграции советского блока, получившего обвальный характер после падения Берлинской стены. В оценках Джилас был сдержан: «Такое развитие событий следовало ожидать». Он не стал скрывать, что оказался удивлен «скоростью происходивших процессов». А на вопрос «Какие признаки кризиса были заметны в советском лагере десять лет назад?» дал развернутый ответ на примере советских туристов, приехавших в Югославию. По его словам, «отобранные специальным образом, находящиеся под контролем, довольно неплохо информированные», эти люди, «подобно стаду баранов, шли за гидом». Однако Джилас не считал все население СССР таковым, напомнив, что «там были большие мятежи, большая дезорганизованность, большая неэффективность». Он предсказывал обострение кризиса в СССР, который «будет нарастать и будет страшнее» даже в том случае, если правительство «станет делать самые верные и самые точные ходы». Мыслитель обратил внимание, что советское руководство само инициировало этот процесс, но затем «выпустило из рук контроль за событиями и теперь само удивляется происходящему». При этом он заметил, что все это несколько не уменьшает заслуг Горбачева. В ответ на участвовавшие предостережения о появлении русского фашизма Джилас, отвергая такой вариант, с уверенностью заметил: «России соответствует не национализм фашистского типа, но великодержавный национализм, который находит свои корни в представлениях о силе и надежде на возможность спасения империи». Распространение подобных идей мыслитель связывал с чаяниями сторонников введения режима «твердой руки» среди консервативных течений в КПСС²⁵. Много проблем видел Джилас и в налаживании отношений между

²⁴ Джилас М. Новый класс // Слово. Литературно-художественный журнал Госкомпечати СССР и Госкомпечати РСФСР. Октябрь 1989 г. № 11. С. 68.

²⁵ Глигоревич М. Распад идеологии. Сведок времени Милован Ђилас // НИИ (Београд). 26.11.1989. С. 55.

СССР и западным миром. Он полагал, что Советский Союз «не сможет ничего сделать без сотрудничества с Западом», но не подготовлен к нему и не примет «помощь в сто миллиардов долларов, даже и если она ему будет предложена», так как СССР не в состоянии наладить необходимые действенные экономические связи и адаптировать помощь, но готов получать «лишь товары широкого потребления». «Формы собственности и бюрократический контроль над ними (в СССР — А.Е.) таковы, — считал Джилас, — что всякое сотрудничество становится невозможным. Поэтому вся сложность проблем открывается только сейчас и кризис еще не достиг своего дна»²⁶.

Непосредственной реакцией Джиласа на бурные события ноября 1989 г. — на падение Берлинской стены и молниеносный крах консервативных коммунистических режимов, резистентных в отношении даже осознания необходимости имитации косметических реформ, а также рекомендаций Москвы по поводу важности социальной мимикрии, — стало подписание им совместно с оппозиционными лидерами общественного мнения Сербии в самом начале декабря в Белграде документа, получившего название «Оповещение общественности». Составители текста потребовали прекращения монополии на власть как Союза коммунистов Югославии, так и его республиканских организаций, и высказались в пользу проведения демократических парламентских выборов. Джилас стал двенадцатым из трех десятков подписавших документ общественных деятелей. В этом списке перед Джиласом были Коста Чавошки, Слободан Инич, Леон Коен, а вслед за ним — Владимир Глигоров, Милош Арсениевич, Никола Барович, Коча Попович, Алеша Мимица, Миялко Тодорович, Загорка Голубович, Небойша Попов, Гойко Николич, Воислав Коштуница и другие. «В отличие от Восточной Европы, — отмечали авторы “Оповещения...”, — где после ускоренных преобразований одно государство за другим признает поражение основанного на монополии коммунистической партии государственного устройства, мы в Югославии являемся свидетелями совсем другого и во многом противоположного процесса». В тексте также прозвучало предостережение по поводу действий властей: «Во всех частях страны правящая партия, несмотря на ее внутренний раскол и отсутствие единства, признает совместный интерес, который заключается в сохранении монопольного положения, терпящего крах от Берлина до Софии. Не успевая должным образом решить ни одной жизненно важной проблемы страны, партийные власти прибегают к тактике раздувания национальных конфликтов и устрашениям, стремясь, каждая в своей резервации, занять и удержать роль национального защитника и спасителя, избежать установления демократического порядка и рисков потери власти на подлинно свободных выборах». Авторы «Оповещения...» обращали внимание на действия СКЮ, которая «демонстрирует, что она готова к тому, чтобы сравнить народы страны друг с другом и тем самым закрыть им дорогу к европейскому будущему, прервать естественное демократическое и экономическое

²⁶ Ibid.

преображение общества». Они считали, что «существующая партийная власть не имеет прав на эти действия ни в Сербии, ни в Словении, ни где-либо еще». «Начать успешно решать и национальные, и все остальные проблемы» являлось возможным только в том случае, «если будет отменена монополия этой власти и установлена парламентская демократия». Иначе, по мнению авторов, «эти проблемы будут продолжать накапливаться, обостряться, углубляться и вести... к катастрофе»²⁷.

В конце декабря, за несколько дней до отъезда в Москву для участия в совместно организованном белградским изданием «НИИ» и московской «Литературной газетой» круглом столе на тему «Советско-югославский конфликт 1948 г. и его последствия», Джилас дал развернутое интервью для еженедельника «Литературная Россия». Беседа Милована Джиласа с Е. А. Бондаревой позволяет составить представление о его отношении к событиям в советском блоке после жестокого и скоротечного финала режима Чаушеку в Румынии. Джилас заметил, что он по-прежнему сохраняет настороженное отношение к Горбачеву, сформировавшееся еще при избрании его Генеральным секретарем ЦК КПСС, когда новый советский лидер не произнес никаких вдохновляющих фраз и не выдвинул свежих идей. Последующее развитие событий, названное перестройкой, внушило Джиласу некоторые надежды, разрушенные, впрочем, событиями в Вильнюсе. Сложное отношение к Горбачеву сохранялось у него и впоследствии. С одной стороны, он одобрял его демократические устремления, а с другой, воспринимал советского руководителя «с долей критичности, хотя и не острой», считая его «недостаточно последовательным». Тем не менее события последних месяцев 1989 г. показали, что «позитивная сторона» в отношении Джиласа к Горбачеву была «выражена значительно больше, чем критическая». Он надеялся, что «перемены в Советском Союзе увенчаются успехом», несмотря на трудности, связанные с партийно-бюрократическим аппаратом, который «консервативен и в то же время все еще находится на ключевых позициях в государстве и экономике», а «со временем и при известных условиях может стать носителем великодержавного национализма». Мыслитель, сославшись на свою книгу «Несовершенное общество», напомнил, что «всегда верил в перемены, хотя не исключал возможных столкновений, государственных переворотов, забастовок, демонстраций», которые «неминуемо будут происходить». Но его оптимизм исходил из понимания, что «тот привилегированный слой, который создан в социалистических государствах, в сущности, не имеет глубоких корней в традиции, истории, образе мышления, жизни. По своей природе это — продукт неких исключительных революционных и социальных условий. Поэтому нет причин для долговременной гражданской войны. И это единственный случай в истории, когда какой-то порядок сменяется другим относительно спокойно». Джилас утверждал, что «этот процесс не может быть

²⁷ *Билас А.* Из емиграције. Изабрани есеји, чланци, интервјуи и документа 1980–1990. Београд: Службени гласник, 2009. С. 384–385.

остановлен, он будет идти до конца. От того, насколько вовремя это будет понято и оппозиционерами, которые против существующих властей, и представителями правящих партий, которые стремятся к демократическим решениям, настолько это будет легче и лучше и для народов, и для государственных организаций». В этой же беседе Джилас дал объяснение, почему и СССР, и Югославия несколько отставали от перемен, происходивших в Восточной Европе. Это было связано с «аутентичными революциями», имевшими место в обеих странах, а также с относительными успехами в реформах, проведенных «созданным революцией руководящим слоем» в двух государствах (имелись в виду индустриализация и коренные социальные преобразования).

Джилас полагал, что «вся Восточная Европа и Советский Союз идут к сближению с Западом не только в смысле нормального международного сотрудничества, но и в смысле сращивания систем», но при этом сохраняются индивидуальные особенности. Поэтому и Западной Европе, и США следует быть более открытыми в содействии преобразованиям в странах советского блока²⁸.

Во время пребывания в Москве в начале января 1990 г. Джилас имел достаточно возможностей для интервью в советских СМИ — популярных изданиях тех лет. В один из дней Джилас провел несколько часов в разговоре с политологом Е. А. Амбарцумовым, ярким разносторонним мыслителем последних лет советской эпохи, входившим тогда в число ведущих сотрудников ИЭМСС АН СССР, ярким публицистом, выделяющимся отточенным стилем и емкими формулировками. Беседа была опубликована в «Литературной газете» 30 января 1990 г.²⁹ Тогда же Джилас дал пространное интервью журналу «Рабочий класс и современный мир»³⁰.

Многочисленные беседы с ведущими советскими экспертами³¹ позволили Джиласу с большей степенью уверенности применять полученные свежие знания для описания и объяснения происходившего на его глазах крушения советского лагеря, однако он ошибся в своих предсказаниях в отношении КНР. В предисловии к новому изданию книги М. С. Восленского «Номенклатура»³² Джилас заметил: «Диктатура номенклатуры приблизилась к своему историческому краху. Этот крах уже произошел на наших глазах в ряде стран Восточной

²⁸ Подробнее см.: «XXI век не будет временем всеобщего благоденствия»: Интервью Милована Джиласа корреспонденту газеты «Литературная Россия». 1989 г. // Исторический архив: Научно-публикационный журнал. 2003. № 6. С. 3–12.

²⁹ Милован Джилас о времени и о себе. Беседовал Е. Амбарцумов // Литературная газета. 31 января 1990. № 5 (95 279). С. 14.

³⁰ Настоящее и будущее социалистической идеи // Рабочий класс и современный мир. Май — июнь 1990. № 3. С. 83–93. Тогда же о Джиласе узнали читатели других ведущих московских изданий: Джилас М. Новый класс // Огонек. 1990. № 9. С. 25; *Он же*. Разные плоды революции // Новое время. 1990. № 10. С. 16–17.

³¹ *Едемский А. Б.* Четыре визита Милована Джиласа в Москву // Черногорцы в России. М.: Индрик, 2011. С. 343–348.

³² *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Изд. 2-е, испр. и доп. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. P. 7–12.

Европы. Он свершился с поразительной легкостью. Дело в том, что развернулся объективный процесс разложения системы номенклатурного господства и протекает столь же объективный процесс демократизации общества. Мы наблюдаем его и в Советском Союзе, первые его признаки видны в Китае». Слабость номенклатуры заключалась в том, что «она сама отгородилась от общества, которым управляет, и оказалась верхушечной структурой без корней в народе». Как опытный наблюдатель, Джилас полагал, что «ее уход и в больших странах “реального социализма” произойдет мирно, без гражданской войны: просто не найдется достаточно граждан, готовых воевать за номенклатуру». Он согласился с мнением Восленского, что «советская система не располагает никакими сколько-нибудь значительными или обнадеживающими внутренними способностями к подлинно радикальной реформе этой системы»³³.

Как всегда, Джилас был последователен в намерениях и их реализации. В декабре в разговоре с Е. А. Бондаревой он остановился на ограничительных рамках своей будущей политической деятельности. Заметив, что здоровья у него не прибавляется, он обещал поддерживать любые демократические партии в Югославии, но не вступая ни в одну из них³⁴. В начале февраля 1990 г., вернувшись из Москвы, Джилас посетил учредительный съезд Демократической партии (ДП), проведенный в Белграде. Одно его присутствие уже много означало для участников съезда. Вместе с ним были приглашены известные деятели культуры, участники различных комитетов и организаций, которые боролись за права человека и политические свободы в годы титовского режима и последующее десятилетие, представители дружественных руководству ДП Сербии общественно-политических кругов из остальных югославских республик, а также их давнишние друзья и знакомые, проживавшие за границей. Известный в среде югославских эмигрантов историк Стеван К. Павлович, познакомившийся с Джиласом как раз на этом съезде, через несколько дней побывал в его квартире. Павлович был поражен широтой интересов хозяина, позволившей обсудить самые разнообразные вопросы, включая и события в СССР, и только что вышедшую из печати в Белграде книгу Милтона «Потерянный рай», переведенную Джиласом в тюремном застенке. Как писал Павлович, «в его квартире, окруженные книгами, иконами и работами друзей-художников, мы говорили обо всем, только не о нем самом. Слушая его, наслаждаясь быстротой его ума, культурой, внимательным отношением к собеседнику и готовностью к общению, я вспомнил, как более тридцати лет назад беседовал с Реймондом Ароном в его квартире в Париже»³⁵.

³³ Цит по: *Джилас М.* Предисловие // *Восленский М.* Номенклатура. С. 11.

³⁴ Подробнее см.: «XXI век не будет временем всеобщего благоденствия»... // Исторический архив. 2003. № 6. С. 11.

³⁵ *Павлови С. К.* Појединац између класе и нације // *Milovan Đilas (1911–1995), zbornik radova*, Beograd: GIP Kultura, 1996. S. 77. К этому же времени относятся опубликованные вне Югославии статьи Джиласа с оценками ситуации и дальнейших перспектив событий в Восточной Европе: *Eastern Europe After the Revolution* // *Current*. 1990. No 326. P. 34–39;

Одним из существенных результатов поездки в Москву стало согласие Джиласа с предложениями ряда советских издательств опубликовать его произведения в СССР³⁶. Большинству этих договоренностей так и не суждено было исполниться, но в августе 1990 г. Джилас написал краткое предисловие к запланированному «АПН» (Москва) изданию трех его произведений («Новый класс», «Несовершенное общество» и «Беседы со Сталиным»). В обращении к читателю автор сделал акцент на своих политических идеях, отметив, что если они «внесут хоть малую лепту в разъяснение нашей — русской и югославской — истории, отягощенной идеологическими схемами и конфликтами», то он воспримет это как «награду» и «доказательство того, что трудился и рисковал не напрасно»³⁷.

На произошедшие в Советском Союзе 19–21 августа 1991 г. события Джилас отозвался статьей «Дворцово-партийный путч Кремля»³⁸. Он считал, что случившееся стало иллюстрацией социально-политической ситуации в Советском Союзе: «Прежде всего, сами путчисты и организация путча подтвердили, что вышедшая из тоталитаризма система авторитарной власти сгнила до такой степени, что не в состоянии отыскать и предложить никакой свежей идеи или достаточно яркой личности». Автор также обратил внимание, что организаторами путча были члены ближнего круга Горбачева, который подбирал себе именно таких соратников для руководства страной. Джилас назвал заговорщиков «представителями изношенной партийно-бюрократической системы», имевшими поддержку властных элит, тогда как «аполитичный тыл путча составили консервативные верхние слои КПСС, которые уже длительное время открыто действовали против реформы в пользу обновления своей монополии над обществом и государством, над экономикой и СМИ». Джилас внес дополнительные штрихи в данную им ранее характеристику Горбачева, назвав его «авторитарным по менталитету и стилю, но в то же время толерантным вне своего круга, концепций и закрытой, нетерпеливой и подозрительной партийно-бюрократической среды, которая оказалась не в состоянии выдвинуть более умную, с необходимой широтой взглядов на мир, и способную к компромиссам личность. По этой причине он выбирал себе соратников послушных, готовых к выполнению его замыслов до тех пор, пока эти замыслы и действия оставались в рамках реформирования системы. Но как только изменение системы вошло в стадию

Eastern Europe: The Revolution and Its Future // Global Affairs. 1990. Vol. 5. No 2. P. 83–94; Eine revolutionäre demokratische Vision von Europa // Europa Archiv (Bonn). 1990. Vol. 45. Nr 7. S. 225–232; National and Democratic Inevitabilities in Eastern Europe // The Soviet Empire. The Challenge of National and Democratic Movements / ed. by Uri Ra'anan. Toronto: Lexington Books, 1990. P. 229–239; Communist Regimes Will Be Over-thrown by Revolution // Freedom on Ball. The Real Thinkers of the Twentieth Century / ed. by Guy Sorman. New Delhi: Vikas publishing house PVT Ltd, 1990. P. 181–188.

³⁶ Едемский А. Б. Четыре визита... С. 348.

³⁷ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. С. 8.

³⁸ Ђилас М. Пад нове класе... С. 291–293.

распада и саморазрушения, как только стала очевидной необходимость начать использовать новые демократические, национальные, антисемитские и антиимпериалистические методы управления, его помощники превратились в его оппонентов». По мнению автора, такому исходу способствовало и то, что окружение Горбачева «замечало колебания и недоумения своего шефа». Джилас образно подвел итог рассуждениям, отметив, что «закваска заговора вызревала в тесте идеологического беспамьятства и политически обезглавленной партийной бюрократии»³⁹.

События 1991–1993 гг. на просторах разваливающейся Югославии не помешали Джиласу по меньшей мере еще дважды высказаться по поводу краха коммунистических идеалов и системы реального социализма. Весной 1992 г. он написал краткое эссе «Об октябрьской революции», а через год, в мае — июне 1993 г. — пространную статью «Бедственный и постыдный конец». Оба текста стали завершающими материалами последней книги Джиласа под названием «Падение нового класса. Повествование о самоуничтожении коммунизма», которую он закончил в августе 1993 г.

Эта книга, последняя часть трилогии о «новом классе», стала логически непротиворечивым обобщением взглядов Джиласа на историю и крах коммунизма и реального социализма. Автор включил в нее некоторые опубликованные ранее работы и несколько специально подготовленных новых текстов. Предисловие, озаглавленное «Развитие моей политической мысли», Джилас написал в августе 1993 г.

На сербском языке книга увидела свет в Белграде в следующем году⁴⁰. Джилас разделил ее на двенадцать частей. В первых частях тексты были выстроены в хронологическом порядке: «Война, революция: Сутеска, Яйце, Сталин», «Первые расхождения с представителями страны из снов», «Расхождения с Советским Союзом», «Конфликт с Советским Союзом». В главу «Критика Советского Союза», открывающуюся пространном введением, из многочисленных материалов, относящихся к периоду югославско-советского конфликта 1948–1953 гг., Джилас включил только статьи «Сталин вращается по кругу»⁴¹ (октябрь 1952 г.) и «Выживаемость ленинизма» (декабрь 1952 г.). В раздел «Личное мнение в компартии опасно» автор добавил десять работ, опубликованных в последние месяцы 1953 г. и в начале января 1954 г. в газете «Борба», а также знаменитую статью «Анатомия морали» под ее первоначальным названием «Закрытый круг привилегированных». В следующие два раздела — «Новый класс» и «Вожди» — были помещены отрывки из книги «Новый класс» (1957 г.). В раздел «Власть и диссиденты» Джилас отнес статьи периода 1970-х — начала 1990-х гг. В отличие от предыдущих, расставлены они были не в хронологическом,

³⁹ *Билас М.* Пад нове класе... С. 291–292.

⁴⁰ *Ibid.* В конце 1990-х книга была издана и в США: *The Fall of the New Class. A History of Communism's Self-Destruction* / translated by John Loud. New York: Alfred A. Knopf, 1998.

⁴¹ При публикации текста статьи тезис «о государственном капитализме» Джилас заменил понятием «индустриальный феодализм», как это он неоднократно делал в 1980-е гг.

а в необходимом автору смысловом порядке: «Причины диссидентства в странах Восточной Европы» (февраль 1977 г.), «Креативность в догме» (август 1970 г.), «О новой левой» (июль — август 1969 г.), «Море и темницы» (сентябрь 1972 г.), «Бюрократический национализм» (октябрь 1971 г.), «Ленинистские иллюзии Горбачева» (июль 1989 г.), «Дворцово-партийный путч» (август 1991 г.). В последнюю часть книги — «Конец в постыдной беде» — вошли статьи, написанные как после событий 1989–1991 г., так и ранее: «Об октябрьской революции» (март — апрель 1992 г.), «Судьбы марксизма» (февраль 1970 г.), «Коммунизм и рабочий класс» (февраль 1972 г.), «Произошла ли эволюция коммунизма в демократию?» (март 1971 г.). В этот раздел был также включен специально написанный для него материал «Бедственный и постыдный конец» (май — июнь 1993 г.).

В событиях конца 1980-х гг. в Центральной и Юго-Восточной Европе для Джиласа не оказалось ничего неожиданного. Здесь проявляется целостность и последовательность его взглядов. Критику правящих коммунистических элит Джилас начал уже в середине 1950-х гг., наращивал ее в связи с кризисными событиями в Восточной Европе в 1956 и 1968 гг., вплоть до развала системы реального социализма и краха соответствующих идеологических установок в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Его подходы со временем последовательно эволюционировали от марксизма к критическому позитивизму. В эссе «Буря в Восточной Европе» (ноябрь 1956 г.) Джилас трассировал схему распада мировой системы социализма. Этот распад начался в результате советско-югославского конфликта 1948 г. и продолжился во время революционных событий в Польше и Венгрии в 1956 г. Данную цепь событий — распад советской системы и крах коммунистических режимов в странах региона в конце 1980-х гг. — Джилас воспринимал как обоснованную, но несколько затянувшуюся последовательность неизбежных процессов. В определенной мере его схема выдержала проверку временем: случились предсказанные падения режимов «реального социализма» в регионе «по принципу домино», имела место серия провалов каждый раз в новом качестве прогнивших правящих верхов, оказавшихся неспособными к трансформации в условиях развивающейся глобализации. С учетом устойчивой взаимозависимости СССР и восточноевропейских стран в последние десятилетия XX в., Милован Джилас в конце 1980-х — начале 1990-х гг. уделял значительное внимание феномену перестройки в Советском Союзе и, прежде всего, личности Горбачева, заявленному им курсу, практическим шагам и результатам.

Глава 19

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЛОВЕНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В 80-Е ГГ. XX В.: ОТ СОЦИАЛИЗМА К ДЕМОКРАТИИ*

В 1980-е гг., после смерти Тито, общество получило возможность сначала тихо, потом все громче и громче заявить о несостыковках в идеологии, экономике, общественной жизни. Раскачивание основ социалистического государства, по сути, не было спланированной акцией, а имело естественный, стихийный характер. Для Югославии, которая всегда больше ориентировалась на капиталистический Запад, нежели на социалистический Восток, стремление воспринять западные демократические ценности было вполне естественным. Югославия была творением Тито, его любимой игрушкой, которая позволяла ему чувствовать свою значимость, тешить свое тщеславие, получать царские блага. Скорее всего, он прекрасно видел и понимал, что после него Югославия вряд ли продолжит свое существование, и пытался этот процесс затормозить. Принятие конституции 1974 г., которая должна была успокоить республики, напротив, внесла немало раздора, обострив давно тлевшие костры межнациональных и экономических разногласий. Общество разделилось: кто-то требовал еще большей независимости, а кто-то выступал с критикой, что федерация слишком конфедеральна, что расшатываются основы Югославии, а новая конституция снижает самостоятельность федерации. Республика Словения в эти бурные годы избрала свой путь, за что, собственно, и получила ярлык главного виновника в неуспешных попытках разрешить кризис.

Новая конституция внесла серьезные изменения в политическую систему страны. Союзная скупщина была переименована в Скупщину Социалистической Федеративной Республики Югославия, тем самым словно подчеркивались новые функции федерации, а с этим и новое положение республик и краев. Сократилось количество палат, теперь их было только две: Союзное исполнительное вече (СИВ) (состояло из делегатов самоуправленческих организаций и общественно-политических организаций из республик и автономных краев) занималось утверждением внешней и внутренней политики, бюджета; Вече республик и краев (в него входили по 12 делегатов от скупщины каждой республики и по 8 делегатов от каждого автономного края) занималось

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163 «Историческая политика в странах бывшей Югославии».

основами экономической политики, согласованием позиций республик и краев по вопросам общественных планов. Был образован новый орган — Президиум СФРЮ, его задача заключалась в предложении Скупшине законов о внутренней и внешней политике, он имел право задержать выполнение постановлений СИВ, в его состав входило по одному представителю от республик и автономных краев, председателем являлся президент республики. Высшими органами власти на территориях краев и республик являлись республиканские и краевые скупщины, каждая из которых имела свои исполнительные органы — республиканское и краевое вече и секретариаты. С отказом от делегатского представительства и с введением делегаций, составленных из членов общественно-политических организаций, в политическую систему была внесена инновация — так называемое политическое представительство¹. Это привело к тому, что общество условно делилось на членов и не членов общественно-политических организаций.

Брожения связывались и с экономической ситуацией. Страна на протяжении многих лет существовала на иностранные кредиты, внешний долг оказался весьма внушительным. Рост инфляции в начале 1980-х гг. составлял 45 %, к середине 1980-х гг. — 800 %, а к началу 1990-х гг. страну поглотила гиперинфляция.

В 1982 г. была предпринята попытка стабилизировать ситуацию. Комиссию по подготовке экономических реформ возглавил словенец С. Крайгер. Однако предложенная им программа оказалась неэффективной, поскольку не предлагала инновационных схем решения проблем. Самым непопулярным стал закон о валюте, согласно которому предприятия, экспортирующие свою продукцию, должны были 76 % от заработанной валюты переводить на валютный счет Народного банка, который использовал его по своему усмотрению. В 1982 г. были введены талоны на бензин, частный владелец автомобиля мог приобрести только 40 л топлива в месяц². Вводились ограничения на пересечение границы с осени 1982 г. до конца 1984 г. Эти меры были весьма непопулярны, особенно в Словении. Конституция увеличила экономические свободы республик, что привело к распаду единого рынка страны. В 1983 г. Союзная скупщина приняла закон о социализации внешних долгов Югославии, теперь их должны были выплачивать все республики, вне зависимости от того, пользовались ли они этими средствами или нет.

Национализм в Словении имел весьма спокойную и, если так можно выразиться, «интеллигентную» форму. В декабре 1983 г. Франце Клопчич, один из старейших коммунистических деятелей, предупредил руководство СКС о необходимости разработать национальную стратегию. В первой половине 1984 г.

¹ *Rangus M.* Parlamentarne prakse socialistične Jugoslavije. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2016. S. 312.

² *Пилько Н. С.* Образование независимой Республики Словения // История Словении. СПб.: Алетейя, 2011. С. 407.

он написал проект программы, в которой отразил главные моменты недовольства словенцев положением в федерации. Программа строилась на социалистической базе, предусматривала увеличение роли республик в конфедеративном государстве. Он хотел сокращения союзного аппарата, восстановления суверенитета народов, в армии словенцам должно было быть позволено употреблять словенский язык, а в области экономики следовало уважать рыночные отношения и изменить основы фонда экономической помощи неразвитым республикам³. Тогда его предложения в партийном аппарате не получили отклика. Проект обсудили узким кругом, но все же обсудили.

В начале 1980-х гг. был поднят вопрос о чистоте словенского языка, поскольку, по мнению инициаторов, в повседневном употреблении появилось много иностранных слов, это явление объяснялось тем, что в Словению из центральной и западной частей страны переехало много инородцев. Не успели утихнуть лингвистические дебаты, как о себе заявили демографы. По их данным, в Словении значительно снизился уровень рождаемости, ускорилось старение общества и увеличилось количество самоубийств. При сохранении подобных тенденций численность словенского народа могла значительно сократиться⁴.

Был сделан и шаг в сторону пересмотра отношения к участникам Народно-освободительной войны. Социолог С. Хрибар в сборнике, посвященном памяти словенского писателя и поэта Э. Коцбека, выступила с идеей примирения враждовавших в годы войны партизан и домобранцев и за установку памятников всем павшим, независимо от того, на чьей стороне они воевали, поскольку и те и другие были словенцами⁵. Сборник запретили, его издали только в 1987 г.

Некоторые признаки проявления национализма можно было наблюдать в реализации школьной реформы. Она начала проводиться в конце 1970-х гг. Каждая республика несла ответственность за разработку определенного образовательного кластера. Словения отвечала за подготовку основ программы по математике и естественным наукам. Программа разрабатывалась Педагогическим институтом, Управлением школьного образования, Советом специалистов по воспитанию и образованию. Словенская сторона выражала недовольство подобным подходом и критически отнеслась к нему. Эту позицию поддержало Общество словенских писателей, которое в своем письме ЦК СКС 20 сентября 1983 г. потребовало широкого общественного обсуждения данной проблемы⁶. 10 ноября совещание по этой же теме было проведено в Словенской матице. Осенью того же года уже в Белграде словенские представители более решительно высказались против подобного подхода к школьной программе.

Как проявление национализма воспринималась словенская акция по популяризации туризма в Словении. Она проходила под слоганом «Словения — мой

³ *Gabrič A. Zaostrenost mednacionalnih odnosov // Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2005. S. 1166.*

⁴ *Пилько Н. С. Указ. соч. С. 410.*

⁵ Там же.

⁶ *Gabrič A. Zaostrenost mednacionalnih odnosov... S. 1167.*

край» (Slovenija moja dežela). Причем слово *dežela* имеет несколько значений: «край», «страна», «область». Подобная двусмысленность вызвала негативный отклик и критику как в словенской прессе, так и в югославской. Газета «Večernje novosti» посвятила этому прецеденту целую полосу под заголовком «От рекламы до провозглашения» (Od oglasa do proglaša)⁷. Авторы рекламы пытались оправдаться, отмечая, что это просто слоган, не имевший под собой никакой националистической подоплеки. На защиту встал и глава Центра туристической и экономической пропаганды при Торговой палате Словении Леопольд Перец, который также отверг обвинения в национализме. По его словам, эта рекламная кампания, напротив, была призвана служить интересам югославского туризма, поскольку Словения является специфичным регионом. Известная своим критическим отношением к подобного рода проявлениям словенская журналистка сербского происхождения Александра Плавева в газете «Politika expres» 4 июля опубликовала статью «Нигде нет Югославии». В ней она ссылаясь на читателей, которые спрашивали, не идет ли речь о создании «чистой Словении», она также отмечала, что три года назад словенский исполнительный комитет принял решение, что Словения не будет отделяться и самостоятельно рекламировать свой туризм отдельно от других республик. Словению обвинили в том, что она отдавала приоритет в туристическом бизнесе сотрудникам словенской национальности, полностью игнорируя тот факт, что в отрасли работали и представители других народов и народностей, проживающих в Республике⁸, что Словения разрушает единое понятие отдыха на Адриатике, вычлняя свой туристический кластер.

В это же время в Республике возникает большое количество различных общественно-политических обществ и групп, которых объединяло стремление создать и разработать национальную программу. Что касается отношения к ним словенских властей, то оно было своеобразным: их не поддерживали, но и особо не преследовали. А иногда и сами официальные власти выступали в качестве возмутителей спокойствия, но уже на федеральном уровне. Так они воспротивились единому монопольному государственному доходу, высказались против доминанты союзных законов над республиканскими, централизации судов.

Новые веяния первой подхватила молодежь. Зачатки субкультур, которые начали появляться в конце 1970-х гг., после смерти вождя расцвели ярким цветом. Первая панк-группа, которая появилась в 1977 г., носила название Pankrti. Ее основали два молодых человека Грегор Томц и Петер Ловшин. Молодежь попыталась создать альтернативу официальной идеологии, выразив ей недоверие. В 1980 г. в промышленном городе Трбовле возникла грув-рок-группа Laibach. Использование нацистской формы во время выступлений, провокационные тексты о насилии, все это подрывало идеологическую базу Югославии, которая в целом строилась на партизанском прошлом. Первое выступление

⁷ Večernje novosti. 04.07.1985.

⁸ Repe B., Kerec D. Slovenija moja dežela. Ljubljana: Cankarjeva Založba, 2017. S. 135.

состоялось в 1982 г. в Любляне, затем последовали концерты в Белграде и Загребе. На концерте в Загребе, который носил провокационный характер и во время которого транслировался неутвержденный заранее видеоряд со сценами насилия, основателю группы Томажу Хостнику была нанесена травма (кто-то бросил ему в голову бутылку и рассек подбородок). После этого происшествия лидер группы впал в депрессию и покончил жизнь самоубийством. Но группа продолжила свое существование. В 1983 г. ее пригласили для интервью на телевидение на передачу TV Tednik. Само интервью носило постановочный, театрализованный характер. Сейчас оно смотрится весьма странно, но для того времени это было нечто необычное, выходящее за рамки общепринятого. Участники группы, одетые в стилизованные под военную форму костюмы, напоминавшие униформу гитлерюгенда, сидели с непроницаемыми лицами, подсвеченными юпитерами снизу. Ответы на вопросы зачитывал один из участников ледяным, лишенным эмоций тоном. В целом интервью было малоинформативным. На вопрос ведущего, почему группа выбрала такое название и знают ли они, как словенцы в Австрии борются за каждое словенское слово и словенскую надпись, был зачитан ответ, что группа полностью аполитична, «конкретные политические проблемы ее не интересуют»⁹. На вопрос, что же такое счастье, был дан ответ, что «ни государство, ни партия, ни бог, ни дьявол не дадут человеку счастья. Счастье лежит в отречении от своей идентичности, в преднамеренном отказе от своих взглядов и веры, в деперсонализации, жертве, в идентификации с системой высшего уровня, с большинством, коллективом, идеологией»¹⁰. По словам Ивана Новака, одного из создателей группы, сказанным спустя много лет, Laibach стала основой для новой культуры, на ее базе формируется группа художников IRWIN (1982 г.) и течение Neue Slovenische Kunst (1984 г.). После интервью TV Tednik группа Laibach была запрещена.

Вслед за молодежной субкультурой стали появляться экологические, феминистские и другие общества. Широкое распространение получает движение за гражданские свободы. В это же время в Словении появляются первые в Югославии общества лесбиянок Lilith и гомосексуалистов Magnus (1984 г.).

В целом для начала 1980-х гг. характерно увлечение всем передовым и модерновым. Всего, что имело характер, диаметрально противоположный официальной идеологии. Театры начинают ставить странные, непривычные для широкой публики спектакли. Этим отличался театр Mladinsko gledališče. Особый размах он приобрел при авангардистском сценографе Матьяже Випотнике. Свое вдохновение он черпал в дадаизме. Возникшее в 1916 г., это направление базировалось на «бешеной ненависти» к агрессивной политике своих правительств. Подобные настроения были заимствованы современной молодежью и в 1980-е гг. Стремление выйти за рамки предлагаемого иногда принимало

⁹ Laibach: TV-Tednik interview – June'83 // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2ArtSJ1cQ-M> (accessed: 28.05.2020).

¹⁰ Там же.

уродливые, бессмысленные формы. Помимо сценографии, Випотник занимался созданием плакатов и афиш, которые в большинстве своем носили провокационный характер. Так, за афишу для спектакля «Пленники свободы» Эмиля Филипича в театре Mladinsko gledališče он попал под суд. Судебный процесс проходил в Загребе, поскольку афиша была там напечатана. В итоге художника обвинили в «подрыве братства и единства югославских народов». Причиной послужило изображение шести рук, сцепленных кандалами, что, по мнению суда, указывало на народы Югославии¹¹. Его авторству принадлежит и плакат для Молодежного театра, который представлял его на гастролях во Франции в 1983 г. На нем был изображен Карл Маркс на велосипеде с повязанным вокруг шеи красным шарфом с надписью «Что, будущее уже наступило?».

Значительный вклад в становление нового видения современности сделало Общество словенских писателей, которое сыграло немалую роль и в распаде Общества писателей Югославии (первые острые конфликты начались в декабре 1982 г. на съезде в Сомборе). В июне 1980 г. 60 словенских деятелей культуры, большинство из которых были профессорами Люблянского университета, приняли решение об издании журнала «Nova revija». В его редакционный совет вошли Н. Графенауэр, Т. Хрибар, А. Инкрет, С. Макарович, Б. Новак, Д. Рупел. Журнал должен был стать ареной для обсуждения общественно-политических проблем. В нем могли публиковать свои статьи не только словенские авторы, но и авторы из других республик, чьи статьи не принимались к печати по каким-либо соображениям. Показательно, что именно этот журнал появился в Словении. В январе 1985 г. в Любляне в Цанкарьевом доме состоялось общественное заседание «Словенский народ и словенская культура». На нем единым фронтом выступило Общество словенских писателей. В мероприятии приняли участие 1200 чел., словенские средства массовой информации широко освещали его, много докладов было опубликовано. Главная идея, которая объединяла докладчиков, сводилась к тому, что словенский народ должен трансформироваться в нацию, стремиться к собственной государственности, базирующейся на суверенитете. Говорилось о необходимости плюрализма и демократии. Все эти идеи позднее получили отражение в легендарном 57-м номере журнала «Nova revija», вышедшем из печати в феврале 1987 г. В нем было опубликовано 16 статей, авторы которых полемизировали о будущем словенского народа. Критике подвергалась главенствующая роль коммунистической партии, которая по-своему трактовала марксизм. Предлагалось избавиться от ее гегемонии и установить демократический порядок, который бы базировался на свободе личности и слова. Выдвигалось требование уважать права наций на самоопределение вплоть до создания ими независимых государств. Авторов статей провозгласили националистами и правыми. Журнал закрыли.

В это же время заметную роль начинает играть Союз социалистической молодежи Словении. Его деятельность выходит за принятые стандарты

¹¹ Repe B., Kerec D. Op. cit. S. 78.

и сопровождается весьма скандальными событиями. Так, например, в 1987 г. произошла скандальная история с плакатом ко Дню молодежи, который по традиции праздновался в мае. Авторы плаката объединили на нем нацистскую и коммунистическую символику, делая намек на тоталитарное родство двух идеологий. Основой плаката явилась нацистская иллюстрация под названием «Третий рейх», а вся нацистская символика была заменена на югославскую¹². Плакат напечатали и только спустя некоторое время, когда он был распространен, обратили внимание на его подоплеку. Его сразу же изъяли, но, как ни странно, разбирательства не последовало. Печатным органом Союза социалистической молодежи Словении стал журнал «Mladina», к середине 1980-х гг. он становится оппозиционным. Количество подписчиков из-за этого значительно возросло. В мае 1988 г. вокруг него разгорелся скандал. Его причиной явился оказавшийся в распоряжении журнала секретный документ, в котором командующий Люблянским военным округом Светозар Вишнйич рекомендовал держать армию наготове из-за ухудшившегося политического положения в Словении. Документ хотели обнародовать в статье под названием «Ночь длинных ножей». Под давлением службы безопасности статью изъяли, но неделю спустя была опубликована выжимка ее основных тезисов. 31 мая 1988 г. арестовали Янеза Яншу, журналиста издания и сотрудника фирмы Microada, в офисе которой нашли копию документа. В итоге дело передали в трибунал. Весной 1988 г. состоялся «суд над четырьмя». На скамье подсудимых оказались сотрудники журнала «Mladina» Тасич и Янша, редактор журнала Заврл и младший офицер Борштнер. Эти события всколыхнули общество, в июне 1988 г. на площади Конгресни трг в Любляне состоялся митинг в поддержку «четверки». Собрались более 30 тыс. чел.¹³ Все обернулось тем, что Югославскую народную армию обвиняли во вмешательстве в словенскую политическую жизнь. 3 июня 1988 г. был образован Комитет по защите прав Янеза Янши, который спустя несколько дней был преобразован в Комитет по защите прав человека. Словенские власти проявляли лояльность к сложившейся ситуации и сделали все возможное для смягчения приговоров.

В Словении в конце 1980-х гг. выражение «крамольных антиюгославских мыслей» стало обыденностью. Демократизация общества шла полным ходом и достигла того уровня, когда следующим шагом должно было стать провозглашение независимости. Это понимало и руководство Республики. Многие партийные функционеры уже открыто переходили на другую сторону. Это относится и к Горазду Древеншеку, председателю Союза социалистической молодежи Словении. Он оказывал посильную помощь в обеспечении техникой и помещениями новых политических образований, поскольку в его распоряжении (а точнее в распоряжении Союза) находились офисы, ксероксы, телефоны.

¹² *Gabrič A.* Zaostrenost mednacionalnih odnosov... S. 1174.

¹³ *Vodopivec P.* Zasuk v slovenski politiki — proces proti četverici // Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2005. S. 1189.

Кроме того, при его поддержке основные мероприятия Словенского демократического союза (СДС) получили лучшую площадку города — Цанкарьев дом. В ноябре 1988 г. на митинге на площади Революции он выступил с требованием проведения референдума о конституционных поправках, одной из которых была независимость словенцев.

В 1986 г. по всей стране проходили конгрессы республиканских и областных органов Союза коммунистов. На некоторых из них происходила смена руководства: место старых руководителей занимали представители нового поколения. В Словении в апреле на X Конгрессе Союза коммунистов председателем ЦК СКС был избран М. Кучан. Новый председатель отметил, что «государство переживает самый глубокий из пережитых ранее кризисов. И нет ни одного оправдания для сохранения сложившейся ситуации»¹⁴. Однако на этом этапе руководство партии демонстрировало определенную гибкость и нередко прибегало к компромиссным решениям, хотя и совершало время от времени «демарши»¹⁵.

Камнем преткновения в отношениях между Люблянкой и Центром стало обсуждение политической системы. Словенские коммунисты выступали против изменений федеральной конституции, предусматривавших сокращение прав республик, поскольку считали, что это ведет к воскрешению централизма. Споры и разногласия с Центром не оставили равнодушной общественность и ее интеллектуальную элиту¹⁶. Однако не все были готовы поддержать новые веяния. Так, в своих мемуарах Дмитрий Рупел приводит слова словенского философа и публициста Войана Руса, одного из противников лидера либерального течения Милана Кучана. В своем интервью газете «Delo» он сказал следующее: «Зачем разумному человеку, который владеет солидной собственной квартирой в многоквартирном доме, который имеет ключи от нее и ключи от входных дверей дома, разрушать этот дом. Ошибочно сравнивать 1941 г. и наше время, чтобы сейчас начинать все сначала, когда югославский дом уже построен. Его фундамент прочный, поскольку в последние годы выдержал все потрясения, всем народам Югославии гарантируется национальная независимость и культурная общность народов»¹⁷. Однако такая позиция находила все меньше и меньше сторонников.

В конце декабря 1987 г. Союзное вече Скупщины СФРЮ принимает проект по изменению конституции Югославии, который был представлен для всенародного обсуждения. Несмотря на недовольство некоторых республик, в ноябре 1988 г. Скупщина СФРЮ приняла 39 поправок к Основному закону. Большинство из них касалось хозяйственных аспектов. Центральное правительство получило право вмешиваться в деятельность республик и краев

¹⁴ *Gabrič A.* Na zahodu vzhodnega sveta // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2005. S. 164.

¹⁵ *Пилько Н. С.* Указ. соч. С. 411.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Rupel D.* Srečanja in razhajanja. Ljubljana: Nova revija, 2001. S. 23.

в случае невыполнения ими союзных законов, право создавать фонды товарных резервов, обеспечивать средства на содержание армии, выступать в качестве арбитра в разрешении противоречий между законами отдельных республик и краев. Одновременно сужалась компетенция краевых властей. Все это вызвало недовольство словенских политических кругов, которые полагали, что Республика достаточно развита, чтобы самой регулировать свои финансы и политические преобразования¹⁸.

В конце 1980-х гг. Словения вплотную подошла к идее о создании альтернативы Коммунистической партии. 13 мая 1988 г. был образован Словенский крестьянский союз. Однако Д. Рупел и его соратники считали, что упор нужно делать на словенскую интеллигенцию¹⁹. Летом 1988 г. Бавчар создал «Комитет по защите прав человека». В конце 1980-х гг. было очевидно, что страна катится к неминуемым переменам, все ощущали это. Вопрос был в том, кто удержится у власти. Одним из строителей словенской многопартийной системы стал Д. Рупел. Изначально он создал «Словенский демократический союз разума». По его словам, слово «разум» имело тактическое значение. Во-первых, оно должно было нейтрализовать предположения, что это партия, а во-вторых — сохранить связи со Съездом словенских культурных деятелей²⁰. Рупел пытался всех убедить, что это не партия, а движение за создание многопартийной системы. По его словам, это была тактика по привлечению людей, поскольку если бы он сказал, что это партия, то многие в то время испугались бы и отвернулись от него. Впоследствии слово «разум» вычеркнули, и осталось название партии «Словенский демократический союз». Социал-демократическую партию создали Францет Томшич и Андрей Магайно. Они вели переговоры об объединении их партии с СДС. Однако было принято решение создать две отдельные партии. Программа СДС сводилась к следующему: парламентская демократия и словенское государство. Партии, в первую очередь, формировались не по политическим взглядам и программным предложениям, а вокруг их лидеров, поскольку программы у всех были приблизительно схожи.

11 января 1989 г. состоялся учредительный Конгресс СДС в Цанкарьевом доме. Вот как его описал Д. Рупел: «Начало Конгресса было величественным. “Здравицу”²¹ спел Академический хор под управлением Фюрста. Зал трепетал от воодушевления и напряжения... Большой зал Цанкарьева дома был заполнен до предела. Когда я посмотрел вверх, мне перехватило горло»²². В своей вступительной речи он отметил: «Как мы знаем, сейчас социализм испытывает судороги от Балтики до Адриатики, от Эстонии до Словении. Социалистические граждане от Балтики до Адриатики посылают миру абсолютно понятное

¹⁸ Подробнее см: *Пилько Н. С.* Указ. соч. С. 414–415.

¹⁹ *Rupel D.* Op. cit. S. 24.

²⁰ *Ibid.* S. 26.

²¹ Стихотворение Ф. Прешерна, написанное в 1844 г. и ставшее впоследствии гимном Словении.

²² *Rupel D.* Op. cit. S. 31.

сообщение: мы хотим демократию!.. Эти массы нельзя удовлетворить аргументом, что их политическая конкуренция исторически скомпрометирована. Их нельзя удовлетворить ответом, что их притеснения совершаются во имя исторических интересов мирового пролетариата. Как известно, эти массы не мучают только социальные и классовые проблемы, они протестуют из-за угрозы национальностям. Ответ, что социалистическое устройство окончательно решило национальные проблемы, ложен»²³.

28 февраля 1989 г. состоялась встреча всех новоявленных групп и партий в Цанкаревом доме. В своей речи Рупел поддержал косовских албанцев, он сказал следующее: «Словенцы из своей собственной истории знают, что такое централизм и попрание национальных прав. Поэтому мы понимаем наших соотечественников из Косова как люди и как политики. Что мы можем сделать? Решительно и отчетливо мы должны отклонить политику вымысла, полицейского и военного командования, тайных военных приказов, насилия и жертвенности; политику убийств и самоубийств. Первое условие для этого — новая конституция. Это возможность, своего рода экзамен для наших представителей в Белграде: пусть потребуют, чтобы каждый народ написал конституцию сам, и албанский в том числе!»²⁴. Это был ответ на просьбу сербов и черногорцев, проживавших в Косово, провести «митинг правды», на котором они рассказали бы общественности о ситуации, сложившейся в Косово. Однако им отказали в этой просьбе, и в то же время косовским албанцам разрешили провести свой митинг. Далее была составлена декларация, в которой выражался протест против введения чрезвычайного положения в Косово. Все это привело к бойкоту Сербией товаров из Словении. С этого момента Словения взяла курс на отделение от Югославии. Естественно, Д. Рупел не принимал собственноручно решения, и от его мнения мало что зависело. Следовательно, за всеми его высказываниями стояло руководство Республики, в котором идеологические расхождения практически сошли на нет.

Свой взгляд оппозиционные слои выразили в так называемой Майской декларации (принята 8 мая 1989 г.). В ней говорилось следующее: «Непонимание, провокации, а также открытая враждебность, которые сейчас испытывают словенцы в Югославии, убеждают нас в том, что настал исторический переломный момент, который обязует нас ясно выразить свою волю... Подписавшие этот текст, мы заявляем и сообщаем: что хотим жить в суверенном государстве словенского народа; как суверенное государство мы будем самостоятельно принимать решения о связях с югославянскими и другими народами в рамках обновленной Европы; принимая во внимание исторические усилия словенского народа для достижения политической независимости, словенское государство должно строиться на уважении прав и свобод человека, демократии, которая включает в себя политический плюрализм, общественное устройство, которое

²³ Ibid. S. 34.

²⁴ Ibid. S. 37.

гарантирует духовное и материальное благосостояние в соответствии с естественными потребностями и человеческими возможностями граждан Словении»²⁵.

В сентябре 1989 г. Скупщина Республики Словения приняла ряд дополнений к словенской конституции. В них отмечалось, что Социалистическая Республика Словения находится в составе СФРЮ на основе постоянного, целостного и неотъемлемого права словенского народа на самоопределение вплоть до отделения и объединения. Оговаривалось, что государственные власти не имеют права вводить чрезвычайное положение в Республике или применять чрезвычайные меры без разрешения словенского парламента. Отмечалось, что Скупщина Республики будет сама определять курс международной политики Республики, регулировать вопросы и процедуры, связанные с реализацией права на самоопределение²⁶.

Хотелось бы отдельно сказать о словенской католической церкви, которая активизировалась в те годы. Причин этому было несколько: внешнеполитические события, изменение внутренней ситуации в Югославии, кадровые перестановки в словенских церковных кругах. К внешнеполитическим изменениям следует, в первую очередь, отнести избрание антикоммунистически настроенного папы Иоанна II, относившегося с симпатией к Югославии, которая проводила довольно мягкую политику по отношению к верующим. Первая энциклика папы 1979 г., помимо духовных изысков и поучений, содержала в себе политическую позицию церкви, которая предвосхитила события ближайшего будущего в странах социалистического лагеря: «Поистине, нарушение прав человека влечет нарушение прав той нации, с которой человек связан органическими узами, как с разросшейся семьей. Этот знаменательный факт неоднократно подтверждался историческим опытом человечества... Основная идея, основной смысл существования государства, рассматриваемого как политическое объединение, заключается в том, чтобы общество, народ, который его образует, были хозяевами своей судьбы. Но если власть осуществляется без морального участия общества, если какая-то определенная группа людей навязывает свое господство другим, когда основная идея государства так и остается идеей, не реализуясь на практике. Все это имеет исключительное значение в нашу эпоху, ибо теперь чрезвычайно возросло общественное сознание людей, и вместе с тем возросла потребность правильного участия граждан в политической жизни общества... Эти проблемы имеют первостепенное значение как для прогресса самого человека, так и для общего развития человечества»²⁷. Словенская католическая церковь не заставила себя ждать, начав действовать в духе папской энциклики, защищая права человека и свободу словенцев. В 1980 г. архиепископом

²⁵ Ibid. S. 39.

²⁶ Пилько Н. С. Указ. соч. С. 415.

²⁷ Энциклика папы Иоанна Павла II «Redemptor Hominis». URL: http://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_04031979_redemptor-hominis.html (дата обращения: 28.05.2020).

Любляны был назначен Алоизий Шуштар. Он оказался не только священником, но и талантливым политиком. Постепенно он стал озвучивать и реализовывать стремления словенской католической церкви, среди них были: возврат в общественную жизнь, средства массовой информации, благотворительность, воссоздание теологического факультета в Люблянском университете и т. д.

Власти не игнорировали подобные тенденции и стремились взять эти процессы под свой контроль, для этого было создано Словенское духовное общество (*Slovensko duhovniško društvo*), одним из деятелей которого стал мариборский епископ Векослав Грмич²⁸. Он симпатизировал идее сближения католических идей и марксистских. Власти лоббировали кандидатуру Грмича на пост епископа Марибора, но этого не произошло.

Отношения с религиозными группами в Словении регулировали два органа: Комиссия по отношениям с религиозными группами (*Komisija za odnose z verskimi skupnostmi*) и Координационный комитет для установления отношений между обществом самоуправления и религиозными группами Республиканского комитета Социалистического союза рабочего народа (*Koordinacijski odbor za urejenje odnosov med samoupravno društvo in verskimi skupnostimi pri RK SZDL*). В 1985 г. он трансформировался в Совет по отношениям с религиозными группами (*Svet za odnose z verskimi skupnostmi*)²⁹.

С приходом Шуштара отношения между церковью и государством существенно изменились. Немалую лепту в их улучшение внес Йюже Смоле, возглавивший Социалистический союз рабочего народа. Существенный прогресс наблюдался в 1986 г. Именно тогда церковь получила возможность заявлять о себе через средства массовой информации. В 1985 г. Шуштар дал обширное интервью журналисту газеты «*Dolenjski list*» Марьяну Бауэру. Власти сперва сочли его неуместным, но спустя некоторое время, в январе 1986 г., с небольшой правкой оно было издано. В 1986 г. архиепископ впервые поздравил всех верующих с Рождеством, а по телевидению это сделал Й. Смоле. В последующие годы епископ стал постоянным гостем на телевидении в канун Рождества. По мнению деятелей церкви, именно Рождество должно было пробудить веру в людях, так как этот праздник был семейным, народным, сопряженным с массой традиций и носил не только религиозный, но и светский характер. Была выдвинута идея сделать Рождество нерабочим днем. Однако статус выходного оно получило только в 1989 г. Выступления епископа перед праздником стали регулярными, снимались специальные телевизионные программы, в Цанкарьевом доме проводились праздничные концерты. Все это вызвало положительную реакцию людей и, исходя из этого, власти начали задумываться о переносе зимних каникул на Рождество. Вскоре был поднят вопрос о религиозной поддержке верующих в тюрьмах и больницах³⁰.

²⁸ *Repe B., Kerec D.* Op. cit. S. 94.

²⁹ *Ibid.* S. 100–101.

³⁰ *Bizilj L.* Cerkev v policijskih arhivih. Ljubljana: Cankarjeva Založba, 2001. S. 54–67.

Шуштар взялся за дело внедрения церкви во все сферы жизни с рвением политика. Так, им был создан Межепископский комитет для студентов (*Medškofijski odbor za študente*), Теологический совет (*Teološki svet*) в качестве совещательного органа Люблянского архиепископства. Его члены занимались анализом прессы, публикаций, позиции властей, и на базе собранной информации выстраивалась стратегия церкви³¹. В 1983 г. была создана Словенская епископская конференция в рамках Югославской епископской конференции. Ее главной функцией стала унификация политики во всех трех словенских епископствах. Немаловажным показателем сближения властей и церкви стало проведение в мае 1984 г. в Любляне коллоквиума «Наука и вера», который проходил при патронаже Словенской академии науки и искусства и Ватиканского секретариата для неверующих³².

Церковь всячески поддерживала демократизацию общества, поддерживала и идею многопартийности. Способствовала признанию Словении независимым государством.

Закон о новой системе выборов приняли 27 декабря 1989 г. Новая избирательная система предусматривала проведение непосредственных тайных выборов по пропорциональной системе. Первые многопартийные выборы состоялись в апреле 1990 г. В них приняло участие 34 партии. Победу одержал оппозиционный блок ДЕМОС. А уже 26 декабря в Словении были оглашены результаты всенародного плебисцита, на котором 93,2% граждан проголосовали за независимость Словении.

За десять лет, с 1980 по 1990 г., словенская политическая элита прошла серьезную трансформацию, приведя страну к независимости. Все описанные выше процессы, происходившие в Республике, недвусмысленно указывали на сепарацию Словении от СФРЮ. Возможно, процесс отделения произошел бы и раньше, если бы была уверенность в поддержке международного сообщества. Словенцы периода социализма демонстрировали независимость по отношению к центральной власти не только в последнее десятилетие существования СФРЮ. Подобная линия была не беспочвенна. Словенская политическая элита всегда позиционировала себя как наиболее продвинутую в Югославии. Подобные взгляды сложились исторически. Из поколения в поколение передавался миф о причастности словенцев к европейскому парламентаризму. Эти идеи восходят к тому периоду, когда словенские земли входили в состав Австро-Венгрии. Естественно, что парламентаризм империи Габсбургов не имел ничего общего с современным парламентаризмом. Но идея принадлежности к европейской демократической традиции прочно засела в умах словенских политиков. В 1980-е гг., после смерти Тито, словенцы скорректировали представление о своем будущем. Все более активно начинает транслироваться готовность перенять европейский стиль жизни и ценности, а это грозило низвергнуть югославскую идеологию, что в итоге и произошло.

³¹ *Repe B., Kerec D.* Op. cit. S. 104.

³² *Roter Z.* Padle maske. Ljubljana: Sever & Sever, 2013. S. 359.

Глава 20

ПОЛИТИКА ПРИМИРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ХОРВАТИИ: ОТ СИНКРЕТИЗМА К «ЛЕГИТИМНОМУ НАЦИОНАЛИЗМУ»

Актуальность проблемы «примирения» в Центральной и Юго-Восточной Европе

В мае 2015 г. Министерство иностранных дел России подготовило доклад «Неонацизм — опасный вызов правам человека, демократии и верховенству права», в котором перечислило ряд стран, вызывающих озабоченность с точки зрения возрождения ультраправой идеологии. Из 33 вошедших в список государств 14 представляли Центральную и Юго-Восточную Европу (ЦЮВЕ). Среди республик бывшей Югославии к числу наиболее «проблемных» стран была отнесена Хорватия. Помимо характерных и достаточно типичных проявлений¹, была отмечена тенденция активизации праворадикальных организаций, ведущих преемственность от организаций периода Второй мировой войны (Ассоциация хорватских националистов, отколовшаяся от Хорватской чистой партии права, Хорватский национальный фронт, Хорватская ассоциация участников Второй мировой войны и национального сопротивления) и выдвигающих требование о запрете красной звезды как символа партизанского движений Йосипа Броза Тито².

Приступая к рассмотрению данных проявлений, необходимо подчеркнуть, что феномен правого радикализма (восточноевропейского в целом и хорватского в частности) характерен не только для стран региона, наиболее «запятнавших» себя в период Второй мировой войны. Достаточно отметить, что авторы доклада отмечают праворадикальные тенденции не только в Венгрии, вошедшей в фашистскую орбиту уже в середине 1930-х гг., или Прибалтике, пошедшей по пути ревизионизма уже с начала 1990-х гг., но и в Чехии и Польше, которых традиционно (на уровне общего восприятия, закладывавшегося на уровне массовой культуры в СССР и России) принято относить к жертвам гитлеровской агрессии и участникам сопротивления германскому национал-социализму.

¹ Таких, как участие хорватских добровольцев в конфликте на юго-востоке Украины (в рядах батальона «Азов»), осквернение еврейского кладбища в г. Сплит в апреле 2014 г., многочисленные проявления нетолерантности в отношении сербского населения, творческая деятельность рок-музыканта Марко Перковича («Томпсона»).

² Неонацизм — опасный вызов правам человека, демократии и верховенству права. Доклад МИД России. М., 2015. С. 97. URL: <https://armenia.mid.ru/upload/iblock/b5a/b5a27c71fdc55e1d15ee5be24cd570f8.pdf> (дата обращения: 12.02.2020).

Практически все страны ЦЮВЕ пережили в ходе Второй мировой войны ту или иную форму общественного раскола, проходившего по линии отношения к оккупантам, местным коллаборационистским правительствам, коммунистической партии и довоенным правительствам, оказавшимся в изгнании после поражения своих стран на начальном этапе войны. В ряде стран (в частности, в Югославии) военное противостояние носило черты этнического и гражданского конфликта. Фактор профашистских организаций активно использовался Германией и Италией на этапе вторжения и создания оккупационных режимов на Балканах³. В свою очередь, коммунистическое сопротивление активно поддерживалось Советским Союзом, а некомунистическое — другими участниками антигитлеровской коалиции. После окончания Второй мировой войны оказались в эмиграции либо были репрессированы как сторонники коллаборационистов, так и силы, не поддержавшие оккупантов, но и не выступившие единым фронтом с коммунистическим партизанским движением⁴. В дальнейшем их ряды пополнились диссидентами, вступившими в конфликт с коммунистическими режимами. Руководящие же посты в освобожденных республиках ЦЮВЕ к концу 1940-х гг. заняли наиболее видные представители коммунистических партий. Как отмечает Т. В. Волокитина, «было положено начало постепенному складыванию социальной прослойки — своеобразной предтечи “нового класса”, по определению М. Джиласа»⁵.

В начале XX в. В. И. Ленин, рассуждая о национальном вопросе в Восточной Европе («в Австрии и России»), отмечал классовый характер националистической идеологии, противопоставляя ее интернациональной культуре эксплуатируемых слоев населения⁶. Спустя столетие после возникновения этой, весьма радикальной, констатации, следует отметить некоторую эволюцию состояния дел. «Эксплуатируемые слои» в 1990-е и 2000-е гг., пойдя на поводу у идеологов новой эпохи, безусловно, восприняли идеи национализма. Отвергнув лозунги пролетарского интернационализма, они поддержали создание этнократических государств, поставив во главу угла (особенно в бывшей Югославии) положение единоплеменников в других странах и на отторгнутых территориях и идею реванша по отношению к этническим и религиозным группам, определенным в качестве «исторических противников». При этом первые

³ Подробнее см.: *Гибанский Л. Я.* Катастрофа Югославии в апреле 1941 года // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М.: Индрик, 2011. С. 351–377.

⁴ Как, например, генерал югославской королевской армии Драголюб (Дража) Михайлович, репрессированный в июле 1946 г.

⁵ *Волокитина Т. В.* К проблеме «носителей власти» в послевоенной Восточной Европе // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. К 60-летию К. В. Никифорова. Сб. статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 226.

⁶ *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу // *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т. 24. С. 118–121.

устремления в сторону национализма возникли еще в 1970-е гг., то есть на пике господства интернациональной идеологии.

Правящий класс двигался в типичном для буржуазных государств направлении. Помимо национализма, служившего инструментом мобилизации народных масс, утверждалась идея перехода к капиталистическому экономическому укладу. Важной частью процесса в отдельных странах являлось стремление к воссоединению с представителями собственной этнической группы, оказавшимися «по ту сторону» межблокового противостояния — представителями диаспоры (западноевропейской, североамериканской, южноамериканской, австралийской), ставшими в конкретный исторический период конца 1980-х — начала 1990-х гг. символом демократизации, жизненного успеха и процветания. Одним из результатов этого процесса стало появление на политическом небосклоне выходцев из диаспоры (в том числе монархо-аристократического происхождения), некоторые из которых занимали государственные посты или внесли значительный вклад в процесс национального самоопределения на этапе разрушения социалистической системы⁷. В целом же процессы декоммунизации в странах бывшего соцлагеря открыли дорогу для возрождения во многих странах региона традиционалистской и националистической идеологии в новом стилистическом и риторическом оформлении.

Принципиально важно подчеркнуть, что ревизионизм и декоммунизация не означали полного устранения из политической жизни экс-коммунистической номенклатуры. Напротив, переродившись в облике социально-демократических партий, в 1990-е и 2000-е гг. экс-коммунисты стали представлять одну из четырех политических альтернатив (наряду с консервативной, либеральной и националистическо-клерикальной), существующих на пути к «настоящей» плюралистической европейской демократии⁸. Фактически же они стали занимать одно из двух основных мест в национальных политических системах. Сочетание в рамках единой политической системы двух и более конкурирующих идеологий требовало непротиворечивого объяснения для населения. Ответом стало появление набора солидаристических идеологов, выдержанных в национально-демократическом ключе и направленных на сглаживание

⁷ Среди наиболее ярких примеров можно вспомнить Симеона Саксен-Кобург-Готского (премьер-министр Болгарии в 2001–2005 гг.), Карела Шварценберга в Чехии (министр иностранных дел в 2007–2009, 2010–2013 гг.). В начале 1990-х гг. на небосклоне Союзной Республики Югославии возникла фигура кронпринца Александра II Карагеоргиевича и его трех сыновей (Петра, Филиппа и Александра). В республиках, не имевших монархическую традицию, на первый план вышли состоятельные представители диаспоры, внесшие определенный вклад в процесс национального самоопределения. Так, в современной Боснии и Герцеговине можно отметить фигуру Адила Зулфикарпашича, бизнесмена и мецената, сделавшего в 1960–1980-е гг. карьеру в Швейцарии, основавшего в Цюрихе Бошнякский институт, разрабатывавший теорию особой боснийской нации. В начале 1990-х гг. А. Зулфикарпашич вернулся в Боснию и Герцеговину, перенес структуру института в Сараево.

⁸ *Смертина К.В.* Демократический транзит и внутривнутриполитическое развитие в странах Вишеградской группы // *Власть*. 2018. № 5. С. 167.

объективных противоречий, существующих между двумя идеологиями. Новые доктринальные установки были закреплены на уровне символических актов и *исторической политики* — в наборе общепринятых установок, проводящих историческую преемственность, обращенную далеко в прошлое (вплоть до раннего Средневековья), разъясняющих с националистических позиций характер событий Второй мировой войны, периода социализма, по-новому объясняющих проблематику внешнеполитического окружения.

Именно на этой основе, на наш взгляд, и возникают проявления, определяющиеся как реабилитация нацизма или «пересмотр истории». Ряд исследователей видит в этом линейный процесс, обусловленный желанием государств затушевать «темные страницы» истории, повысить свой престиж, сменить статус побежденных на статус победителей⁹. Однако мы бы отметили, что вплоть до конца 2010-х гг. в большинстве стран по-прежнему находятся на заметных ролях последние поколения, воспитанные в социалистической парадигме и обеспечивавшие, пускай и по инерции, электоральную поддержку левоцентристским силам. Этот механизм, обеспечивавший левоцентристам заметное присутствие в парламентах (в том числе победы на выборах), несколько десятилетий обеспечивал сдерживание ревизионистских процессов. Иными словами, наблюдаемые тревожные тенденции являются результатом не столько ревизионизма в полном его проявлении (во всяком случае, не во всех странах), сколько результатом нарушения хрупкого компромисса, возникшего в 1990-е гг., существовавшего в 2000-е гг. и столкнувшегося с вызовами в 2010-е гг. в результате обострения диалектических противоречий в экономической и политической сфере. Так или иначе, проблема соотношения правых и левых сил в странах региона представляется все более актуальной, поскольку по мере углубления социально-экономического кризиса политические элиты все чаще начинают играть на правой повестке, эксплуатируя традиционалистские и националистические лозунги как во внешней, так и во внутренней политике.

Возникшие в 1990-е гг. государственные образования на пространстве от Эстонии до Албании представляют собой любопытное сочетание общего и особенного. При наличии общности в смысле экономического уклада, этнической структуры населения (национальные государства либо тяготеющие к моноэтнической структуре), политической системы, социальной структуры они значительно различаются в смысле национальной идеологии и исторической политики. Изучение этих особенностей как с исторической, так и с доктринальной точек зрения, их реваншистских компонентов может дать ценную

⁹ Гузенкова Т. С. У каждого своя война? (К проблеме интерпретации истории Второй мировой войны в школьных учебниках стран СНГ и ЦВЕ) // «Расскажу вам о войне...». Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках и сознании школьников славянских стран / отв. ред. Т. С. Гузенкова. М.: Российский институт стратегических исследований, 2012. С. 8.

информацию в области межгосударственных отношений в рамках региона, а также политических процессов внутри изучаемых стран.

В данной статье будут рассмотрены некоторые аспекты данного вопроса на примере Хорватии как страны, где проблема совмещения правой и левой идеологии и поиск новых, непротиворечивых идеологических концепций возникли в указанный период наиболее явно.

Предпосылки возникновения концепции «примирения». Фактор диаспоры

Военный конфликт 1991–1995 гг., экономические потрясения, а также наличие негативного исторического «багажа» периода Второй мировой войны предопределили то, что поиск компромиссной формулы сосуществования различных социальных и идеологических групп становился насущной задачей. Для ее решения руководством страны в 1990-е гг. проводилась линия, получившая название «политика примирения» (хорв. *romirba*) и претерпевшая определенную эволюцию в ходе дальнейшего общественно-политического процесса.

«Политика примирения» — это комплекс идеологических установок, внедрившихся первым президентом Хорватии Франьо Туджманом с целью примирить потомков двух категорий хорватского общества («хорватские левые», хорв. *hrvatska ljevica*, и «хорватские правые», хорв. *hrvatska desnica*), возникших на основе идеологических предпочтений, проявившихся в годы Второй мировой войны. Целью «примирения» стало обеспечение гармоничного сосуществования в условиях многопартийности в независимой Хорватии, курс на создание которой был взят в конце 1980-х гг.

Победа партии Хорватское демократическое содружество (ХДС) в апреле 1990 г. на первых многопартийных выборах открыла дорогу для возвращения на родину представителей хорватской диаспоры, оседавшей с 90-х гг. XIX в. в странах Западной Европы, Северной и Южной Америки, в Австралии.

На протяжении XX в. хорватская диаспора являлась заметным фактором, оказывавшим влияние на судьбу единого государства югославянских народов. В начале XX в. ее численность насчитывала, по разным данным, от 400 до 650 тыс. чел. По своей численности она значительно превосходила словенскую (200–250 тыс. чел., по разным данным) и сербскую (около 100 тыс. чел.).

Как отмечает Ю. В. Лобачева, до окончания Первой мировой войны среди причин оттока югославянского населения за рубеж преобладали в основном факторы экономического свойства (густота населения, недостаток пахотной земли, развитая система эксплуатации со стороны землевладельческого класса в Австро-Венгрии). При этом на относительно небольшие темпы оттока сербского населения мог влиять фактор наличия у Сербии с 1878 г. собственного государства (у Хорватии государства не было), более благоприятной

экономической ситуации в Сербии при ее удаленности от морских коммуникаций¹⁰. Таким образом, на непропорциональность национального представительства влияли как объективные, так и субъективные факторы. Следует добавить, что население хорватских земель Австро-Венгрии, находившейся в разгаре процесса национального «пробуждения» малых народов империи, с большой вероятностью было знакомо с комплексом идей, проповедовавшихся идеологами национального возрождения (А. Старчевич, Э. Кватерник, Й. Франк и др.).

Сложные события XX в. спровоцировали новые волны миграции. Вхождение хорватских земель в состав королевской Югославии, крах надежд на создание собственных элементов государственности (на что надеялись лидеры хорватского движения, принимая решение о вхождении в государство южных славян¹¹), периферийный характер в основном аграрной югославской экономики (переживавшей сложный процесс создания единого рынка), а также удар, вызванный мировым экономическим кризисом конца 1920-х гг. и введение режима военной диктатуры (6 января 1929 г.), несомненно, способствовали оттоку нелояльного населения за рубеж. Более чем вероятно, что очередная волна миграции, возникшая в 1945 г. после окончания Второй мировой войны и поражения коллаборационистского Независимого государства Хорватия (НГХ), была обусловлена политическими причинами.

Более чем 70 лет проживания в странах передового технологического уклада означали появление у хорватской диаспоры определенных материальных возможностей. Следует отметить и фактор институциональной вовлеченности. Во второй половине XX в. наиболее видные представители диаспоры получают высшее образование, встраиваются в общественно-политическую жизнь стран пребывания и оказываются близки к фигурам, оказывающим влияние на политическую повестку. Например, заслуживает внимания в этом отношении фигура Мате Мештровича (англ. Matthew Meštrović), председателя эмигрантского сообщества «Хорватское народное вече»¹², сына знаменитого в мировом масштабе скульптора Ивана Мештровича.

¹⁰ Лобачева Ю. В. Югославянское движение в Америке в годы Первой мировой войны. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 41–44.

¹¹ Югославия в XX веке... С. 227.

¹² Хорватское народное вече (хорв. Hrvatsko narodno vijeće, ХНВ) — эмигрантская организация, возникшая в 1973–1975 гг. в качестве конгломерата хорватских довоенных буржуазных партий, оказавшихся в изгнании после 1945 г. ХНВ объединяло в своем составе представителей диаспоры в Чикаго и Торонто, а также в Аргентине. Раз в два года проводились коллективные сессии, называемые заседанием хорватского парламента (1973 г. — Чикаго, 1975 г. — Торонто, 1980 г. — Лондон). В первые годы одним из лидеров ХНВ (и всего эмигрантского движения) был публицист Бруно Бушич. До эмиграции он являлся научным сотрудником в Институте истории рабочего движения (г. Загреб), председателем которого был Франьо Туджман. После эмиграции в 1975 г. Б. Бушич получил политическое убежище в Великобритании. Продолжив публикационную деятельность с диссидентских позиций, Бушич попал в поле зрения антитеррористических служб и был ликвидирован 16 октября 1978 г. сотрудником югославской УДБА.

С 1960-х гг. М. Мештрович печатался в таких престижных англоязычных изданиях, как «Time», «The New Leader»¹³, «The Economist». Он оказывался на одних полосах с такими деятелями периода холодной войны, как Дж. Кеннан, Г. Моргентгау, В. Брандт, Дж. Оруэлл, Б. Расселл, М. Джилас, И. Бродский, А. Солженицын и др. По утверждению хорватского исследователя Д. Гуделиста (лично знакомого с Мештровичем), М. Мештрович был знаком с З. Бжезинским (являвшимся советником по национальной безопасности в кабинете Дж. Картера), с которым познакомился в октябре 1968 г. через своего научного руководителя Филиппа Мосли (Philip E. Mosley), директора Института российских исследований (Russian Institute) Колумбийского университета, где работал Бжезинский¹⁴. Мате Мештрович содействовал публикации книги «Национализм в современной Европе» (издана в 1981 г. в Нью-Йорке) диссидента Франьо Туджмана, в 1990 г. ставшего первым президентом Хорватии.

Данный сюжет иллюстрирует то, что к началу 1980-х гг. хорватская диаспора являлась достаточно важным фактором, располагавшим определенными материальными и институционально-лоббистскими возможностями, способными в условиях изменения системы международных отношений оказывать влияние на будущее Югославии, вступавшей в кризисную фазу. Возможности диаспоры, несомненно, ясно осознавались представителями хорватского движения из собственно Хорватии, в частности, Ф. Туджманом, еще в 1960-е гг. совершившим первые поездки в Западную Европу и США (в качестве директора загребского Института истории рабочего движения) для участия в конференциях и чтения лекций. Важным с этой точки зрения является период 1987–1989 гг., когда после долгого перерыва Ф. Туджман снова (уже в статусе диссидента) получил возможность выезжать за рубеж и в ходе поездок 1987–1990 гг. установил контакты с представителем канадской диаспоры, бизнесменом Гойко Шушаком, ставшим впоследствии министром обороны Хорватии и непосредственно отвечавшим за поставки в страну вооружений в ходе военного конфликта 1991–1995 гг.¹⁵

Актуальность «примирения» в контексте Югославского кризиса

24–25 февраля 1990 г. в Загребе состоялся первый съезд партии Хорватское демократическое содружество. В концертном комплексе «Ватрослав Лисински» присутствовали 1760 членов партии, 297 наблюдателей, 320 гостей

¹³ «The New Leader» — Нью-Йоркское издание либерально-антикоммунистической направленности, издававшееся в печатной версии с 1924 г. по 2006 г. Известно тем, что первым в США опубликовало литературные произведения И. Бродского, А. Солженицына, а также «Письмо из Бирмингемской тюрьмы» Мартина Лютера Kinga.

¹⁴ Govor Zbigniewa Brzezinskog iz 1978. URL: <http://www.darkohudelist.eu/print.php?id=3> (accessed: 12.02.2020).

¹⁵ Подробнее см.: *Пивоваренко А.А.* Хорватия. История, политика, идеология. Конец XX — начало XXI вв. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 76–80.

(в том числе представители дипломатических миссий США, Франции, Италии и СССР) и 54 журналиста. Участие в съезде приняли представители хорватских сообществ из Венгрии, Австрии, Италии, а также хорваты из других югославских республик. Наиболее заметным представителем североамериканской диаспоры был Г. Шушак, расположившийся по левую руку от председателя партии Ф. Туджмана¹⁶. Прибытие гостей из-за рубежа стало возможным благодаря содействию государственных служб и деятельности организаторов съезда, в частности Стипе Месича, обеспечившего прохождение паспортного контроля, несмотря на отсутствие югославской визы, для видных деятелей диаспоры (Г. Шушак, И. Здунич)¹⁷. Следует отметить роль нового лидера Союза коммунистов И. Рачана, распорядившегося, чтобы в работу съезда не вмешивалась полиция и другие службы¹⁸.

Тем самым произошло вовлечение хорватской диаспоры в политическую проблематику хорватской республики. При этом из нее не были устранены представители «доморощенной» элиты, в частности Союза коммунистов Хорватии. Возникшую структуру власти можно условно отобразить следующим образом (таблица).

Элитные группы Хорватии в начале 1990-х гг.

Название	Состав	Видные персоналии
«Хорватские правые»	<ul style="list-style-type: none"> • представители националистической диаспоры (США, Канада, Австралия, Латинская Америка); • современные ультраправые партии; • «правое крыло» партии ХДС 	Г. Шушак (министр обороны), Д. И. Штир (совр. ХДС), представители «герцеговинских хорватов». <i>Имели наибольший уровень амбиций в независимой Хорватии</i>
Центристы	<ul style="list-style-type: none"> • представители интеллигенции, подвергшейся репрессиям в конце 1960-х — 1970-е гг. (в том числе бывшие члены Союза коммунистов) 	Ф. Туджман, С. Месич, Й. Больковац, В. Шекс, Д. Брозович, Й. Больковац, братья Веселица. <i>Имеют, скорее, правые, чем левые взгляды</i>
«Центристы-прагматики»	<ul style="list-style-type: none"> • номенклатура; • генералитет; • технократы 	Й. Манолич, Д. Биланджич, Н. Валентич, Ф. Грегурич, И. Санадер, С. Сокол. <i>Составили основу госаппарата</i>
«Хорватские левые»	<ul style="list-style-type: none"> • представители нового поколения Союза коммунистов Хорватии, пришедшие к власти в конце 1980-х гг. 	И. Рачан, З. Томац, Д. Плечаш. <i>Поддержали хорватский государственный проект, но оказались в оппозиции</i>

Возникающая структура власти, где присутствовали функционеры различного происхождения, политических взглядов, материальных возможностей, требовала соответствующего идеологического оформления, обосновывавшего

¹⁶ Latinica — Gojko Šušak lik i djelo (2008) // YouTube. См.: 1:02:30. URL: https://www.youtube.com/watch?v=An9w_nrpfw (accessed: 12.07.2016).

¹⁷ *Hudelist D. Tudman. Biografija. Zagreb: Profil, 2004. S. 660–661; Radoš I. Tudman izbliza. Zagreb: Profil, 2005. S. 26.*

¹⁸ *Manolić J. Politika i Domovina. Zagreb: Golden marketing-Tehnička knjiga, 2015. S. 137.*

необходимость совместных действий и показывавшего общность устремлений и объяснявшего их обществу.

Следует обратить внимание на непропорциональность политического представительства и общественной поддержки, возникшие по итогам многопартийных выборов 22 апреля 1990 г. Хотя победившая на выборах партия ХДС получила 68% мест в парламенте, за партию проголосовало всего лишь 42% избирателей, а отдельные регионы (Истрия, Риека, города Далмации) высказались в пользу Социал-демократической партии (35–36% голосов избирателей, 25–31% мест в двух палатах парламента)¹⁹. Как отметил политолог И. Грдешич, возникла «асимметричная биполярная картина избирательной системы, выраженная, скорее, распределением представителей Сабора, нежели процентом голосов, отданных за партию-победительницу, что являлось непосредственным эффектом принятого избирательного закона»²⁰. «Недопредставленность» мнения избирателей в условиях принятия судьбоносного решения о выходе Республики из состава Югославии означала появление угрозы возникновения принципиальных расхождений не только по национальному, но и по другим вопросам, что в перспективе могло означать раскол страны.

Проблема хорватской территориальной целостности

Другой немаловажной причиной является обоснование территориальных приобретений хорватской республики после Второй мировой войны. Показательно в этом отношении высказывание Мирослава Туджмана, сына Ф. Туджмана. Он отмечал: «Без антифашизма и Тито, несмотря на коммунистическую основу этого движения, возник бы вопрос, по какому праву Истрия и Далмация вошли в состав Хорватии»²¹. Напомним, что в результате решений АВНОЮ (Антифашистское вече народного освобождения Югославии) и ЗАВНОХ (Земельное антифашистское вече народного освобождения Хорватии) в 1944–1945 гг.²², создавших Югославию в виде федерации республик, в состав Хор-

¹⁹ См.: *Пивоваренко А. А.* Указ. соч. С. 119.

²⁰ *Grdešić I.* Izborni sistemi i izborne odluke // *Politička misao.* 1990. Vol. 27. № 2. S. 8. URL: [http://www.izbori.hr/izbori/ipFiles.nsf/0/29DB8E51DFB484C3C1257448003EB72E/\\$FILE/1990-2%20Grdesic%20-%20Izborne%20odrednice.pdf](http://www.izbori.hr/izbori/ipFiles.nsf/0/29DB8E51DFB484C3C1257448003EB72E/$FILE/1990-2%20Grdesic%20-%20Izborne%20odrednice.pdf) (accessed: 15.08.2015).

²¹ *Radoš I.* Op. cit. S. 38.

²² АВНОЮ — Антифашистское вече народного освобождения Югославии, высший орган югославского партизанского движения в годы Второй мировой войны. ЗАВНОХ — Земельное антифашистское вече народного освобождения Хорватии, руководящий комитет антифашистского партизанского движения Хорватии во Второй мировой войне. Образован 13 июля 1943 г. на третьем заседании вече (8–9 мая 1944 г.) в г. Топуско, на котором было провозглашено, что ЗАВНОХ является носителем суверенитета Хорватии. На четвертом заседании (21 августа 1945 г.) ЗАВНОХ был преобразован в Народный парламент Хорватии, став тем самым главным государствообразующим органом югославской хорватской социалистической республики.

ватии вошли территории, либо никогда не входившие в нее исторически (Истрия), либо имевшие этнически смешанный состав населения и тяготевшие к широкой автономии (Военная граница, Далмация). Следовательно, решения АВНОЮ и ЗАВНОХ являлись тем правовым основанием, которое обеспечивало нахождение этих территорий под единой государственной границей, обосновывая его идеологически.

Однако не все политики были согласны с данной оценкой. Наибольшее несогласие выражали представители «хорватских правых». Так, в конце 1989 г. у Ф. Туджмана возникли разногласия с Анте Параджиком, диссидентом радикально правого толка, входившим в инициативную группу партии ХДС. Параджик критиковал различные символические элементы, подчеркивавшие преемственность с социалистическим периодом. Он требовал от Ф. Туджмана отказа от особого упоминания роли ЗАВНОХ и АВНОЮ как одной из основ государственно-правового генезиса на пути к независимой Хорватии²³. В результате возникших разногласий Параджик покинул ХДС и создал собственную Хорватскую партию права (ХПП, ее другим лидером являлся Доброслав Парага), развивавшую идеи «великой Хорватии» и имевшую серьезные разногласия с ХДС, проявившиеся в ходе битвы у г. Вуковар (осень 1991 г.), на начальном этапе конфликта в Боснии и Герцеговине (весна — зима 1992 г.), а также по вопросу статуса миротворческой миссии ООН в самой Хорватии. По всем этим вопросам ХПП занимала более радикальные позиции.

Таким образом, уже в конце 1980-х гг. возникло некоторое различие между правым радикализмом, содержащим максималистские национальные идеи, и центристской позицией Ф. Туджмана. Однако существовала и примечательная схожесть. Так, впервые озвученное в 1990 г. лидерами ХПП утверждение, что «Независимое государство Хорватия являлось выражением стремления хорватского народа к самостоятельности»²⁴, значительно повторяло формулу, презентовавшуюся идеологами ХДС. Несмотря на конфликт, Ф. Туджман в 1995 г. наградил (посмертно) А. Параджика государственной наградой (орден имени Степана Радича), даровал ему статус защитника Родины, а представители ХПП и военизированного крыла ХОС были допущены к участию в военном параде в Риеке 30 июня 1999 г.²⁵ Следует отметить, что после 1993 г. ХПП существенно смягчила критику в адрес Ф. Туджмана. В итоге к концу 2010-х гг. для многих деятелей хорватских правых, не относившихся с осуждением к деятельности усташей, Ф. Туджман, сражавшийся в годы Второй мировой на стороне партизан, из спорной фигуры превратился в культовую личность²⁶. Амбивалентный характер отношений ХДС и ХПП также укладывается в логику

²³ *Veselinović V. Obnavljanje i djelovanje Hrvatske stranke prava, 1990–1992 // Politička misao. 2014. Vol. 51. № 2. S. 64.*

²⁴ *Ibid. S. 63.*

²⁵ *Veselinović V. Franjo Tuđman i pravaši. Franjo Tuđman i pravaši // Politička misao. 2016. Vol. 53. № 1. S. 76–79, 80–88, 94.*

²⁶ *Ibid. S. 71–102.*

концепции «примирения», означающую легитимизацию праворадикальных сил.

Идеологические противоречия приобретали доктринальный характер, когда речь заходила о вопросах практической политики. Весьма ярко они проявились в ходе определения политики Загреба по отношению к конфликту в Боснии и Герцеговине, когда столкнулись условно «максималистская» («великохорватская») и «минималистская» («республиканская») концепции. «Максималистская» концепция, поддерживавшаяся «хорватскими правыми», утверждала необходимость полной поддержки хорватского населения в БиГ (присоединение ряда территорий БиГ напрямую не провозглашалось, но подразумевалось). «Минималистская» концепция, к которой тяготели преимущественно «хорватские левые», отрицала возможность территориальных приобретений, провозглашая высшей ценностью республиканские «границы ЗАВНОХ», то есть границы Хорватии в современном виде. Данный вопрос требует отдельного рассмотрения, однако в конечном итоге столкновение двух концепций привело к возникновению в 1994–1995 гг. внутреннего кризиса и раскола в рядах партии ХДС, закончившегося выходом из ее рядов С. Месича и Й. Манолича, политиков прагматического толка, тяготевших к «минималистской» концепции. Территориальные притязания, по мнению сторонников этой концепции, могли привести к потере ряда территорий собственно Хорватии (например, к выходу из ее состава самоопределившихся территорий с сербским населением). По вопросу Боснии и Герцеговины возобладала «минималистская» концепция. Однако, по сути, отказ Загреба от поддержки хорватского движения в БиГ является, скорее, результатом международного давления. Следовательно, его сложно назвать политической победой «хорватских левых» и сторонников «минималистской» концепции.

Идеологическая сущность концепции «примирения», политический прагматизм Франьо Туджмана

Таким образом, возникновение идеологической «надстройки» в виде «примирения» было обусловлено соображениями нахождения взаимопонимания между различными категориями элит, вносящими свой вклад в дело государственного строительства. Несмотря на всплеск антикоммунистических и националистических настроений, руководство Хорватии не имело возможности отказаться от достижений социалистического периода, главным из которых стало возникновение хорватской республики в ее нынешних границах.

Практически все ведущие хорватские исследователи (Н. Барич, И. Голдштейн, С. Маткович, Т. Ципек и др.) говорят о синкретическом характере идей Ф. Туджмана, оспаривая тем самым сложившийся в нехорватской научной

и публицистической литературе стереотип о том, что он являлся главным проповедником этноцентристской политики периода 1990-х гг.²⁷ и, следовательно, главным воплощением радикального хорватского национализма. Исследователями выделяются следующие идеологические компоненты идеи примирения: государственнические идеи Анте Старчевича, социальные идеи Степана Радича, а также «позитивные черты идеологии хорватских левых», в частности А. Хебранга и движения ЗАВНОХ. Центральным элементом этой конструкции должна была стать партия Хорватское демократическое содружество, собравшая в себе, по выражению В. Веселиновича, «все самые лучшие ценности политических партий и отдельных политиков хорватской истории»²⁸.

Вероятно, по этой же причине хорватские исследователи склонны доказывать отсутствие прямой связи между идеями Ф. Туджмана и классическим идеологом хорватского национализма Анте Старчевичем. Как отмечает В. Веселинович, подробно изучавший библиографию Ф. Туджмана, лишь в одной из своих многочисленных работ (в статье 1997 г. «Идея Анте Старчевича о самостоятельном хорватском государстве») Туджман подробно обратился к правому комплексу идей в изложении А. Старчевича. Признавая значительный вклад А. Старчевича в развитие идеи борьбы за национальные права, Туджман (в изложении Веселиновича) отмечает, что Старчевич не являлся политическим практиком, а широкий размах его идей, сочетавших мотивы борьбы за национальные права и суверенитет с универсальными идеями свободы и равноправия, привел лишь к минимальным завоеваниям для хорватского народа во второй половине XIX в.²⁹ Несмотря на это, в конечном итоге фигура А. Старчевича оказалась канонизирована на национальном уровне посредством создания политических обществ его имени, открытия памятников, именованя улиц и площадей. Портрет А. Старчевича был увековечен на крупной денежной купюре в 1000 хорватских кун. Данные проявления являются реверансом в сторону правой традиции.

Исследователи, близкие левым идеям (например, Д. Йович), склонны считать, что, по крайней мере, в период 1990–1992 гг. политическое видение Ф. Туджмана формировалось под влиянием «его глубокой приверженности марксистскому и революционному концепту, собственной интерпретации истории “рабочего движения”, истории хорватской и югославской коммунистической партии». Объективные ирредентистские стремления Хорватии в начале 1990-х гг. Д. Йович объясняет тем, что идея создания независимого хорватского государства присутствовала и в рядах хорватских коммунистов. Таким образом, по мнению Д. Йовича, Ф. Туджман считал себя выразителем политических

²⁷ См., например: Пономарева Е. Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 199.

²⁸ Подробнее см.: Veseliновић V. Franjo Tuđman i pravaši... S. 72–74.

²⁹ Ibid.

устремлений целого класса хорватских общественно-политических деятелей левого толка³⁰.

Однако вряд ли это согласуется с видением нового поколения «хорватских правых» и «хорватских левых». В политической программе партии ХДС за 2016 г. к заслугам Ф. Туджмана авторы документа относят разрушение «социалистической диктатуры» и уничтожение плановой экономики. За этими строками, созданными идеологами современного поколения, скрывается истинное отношение к периоду социалистической Югославии. Признавая Ф. Туджмана создателем современной Хорватии, доктринеры крупнейшей политической партии страны сакрализируют фигуру первого президента и его антикоммунистическую деятельность, не допуская альтернативных трактовок. «Франьо Туджман был и остается символом успешной хорватской политики. Всякое опровержение его личности является опровержением основ хорватской государственности»³¹. Весьма характерно в этом контексте, что в программных документах Социал-демократической партии Хорватии фигура Ф. Туджмана не упоминается вовсе.

Таким образом, исследователи, публицисты и составители программных текстов как левого, так и правого толка склонны видеть в публицистическом наследии Ф. Туджмана что-то свое, относя его к «правому» или «левому» лагерям в зависимости от собственных субъективно-идеалистических трактовок его мыслей, действий и поступков. Линия на отделение Ф. Туджмана от лагеря «хорватских правых», обусловленная необходимостью «реабилитировать» хорватскую независимость, прослеживаемая в текстах представителей более старших поколений, сменяется курсом на включение наиболее значимой фигуры периода независимости в историческое наследие «хорватских правых» новыми поколениями хорватских идеологов.

Как же в таком случае оценить логику политики «примирения» Ф. Туджмана стороннему человеку? Рискнем предположить, что «примирение» вернее всего определить не как полномасштабный комплекс идеологических мероприятий, но как утилитарный набор идеологических аксиом, направленных на решение конкретных политических проблем, создание компромисса между разнородными политическими элитами с целью выполнения практических задач государственного строительства, возникших в начале 1990-х гг., — обретения независимости, восстановления территориальной целостности (нарушенной в результате сербо-хорватского военного конфликта), международного признания. Данная линия, заложенная первым президентом Хорватии, была продолжена его преемниками с различной степенью успеха. С этих позиций постараемся оценить наиболее яркие эпизоды политики «примирения».

³⁰ Jović D. Lenjinistički i staljinistički izvori Tuđmanove politike samoodređenja i odcjepljenja // Politička misao. 2015. Vol. 52. № 1. S. 16.

³¹ Gospodarski rast, nova radna mjesta i društvena pravednost. Hrvatska demokratska zajednica. Izborni program 2016. S. 95–96. URL: https://moj.hdz.hr/sites/default/files/hdz_program_gospodarski_rast_nova_radna_mjesta_i_drustvena_pravednost.pdf (accessed: 12.02.2020).

Историческая политика и оценка периода Второй мировой войны

Ключевым идеологическим компонентом политики «примирения», вероятно, явилась оценка периода Второй мировой войны и Независимого государства Хорватия (НГХ). Новая установка по этому основополагающему вопросу была весьма четко сформулирована в исторической преамбуле к конституции Хорватии (принята 22 декабря 1990 г.). Особо следует выделить фразу: «Установление, вопреки провозглашению Независимого государства Хорватия (1941 г.), основ государственного суверенитета в период Второй мировой войны решениями Земельного антифашистского веча народного освобождения Хорватии (1943 г.), а затем принятием Конституции Народной республики Хорватия (1947 г.) и конституций Социалистической республики Хорватия (1963–1990 гг.)»³².

Из данной формулировки следует, что редакционная коллегия, разрабатывавшая документ, отказалась от героизации НГХ, подчеркивая, что нынешняя Хорватия возникла в диалектическом противоречии коллаборационистскому государству и не тождественна ему. Следует отметить, что в группу разработчиков конституционного документа входили представители как правых, так и левых сил. В рабочую группу входили правовед С. Сокол, представитель Союза коммунистов З. Томац, представитель партии ХДС В. Шекс и дипломированный историк Ф. Туджман, президент Хорватии и председатель партии ХДС.

Однако на уровне публичного дискурса данная формула открывала возможности для различных трактовок в зависимости от требований ситуации. Например, 19 апреля 1993 г. Ф. Туджман отмечал в интервью белградскому изданию «Време»: «Прежде всего, я хочу сказать, что самостоятельную Хорватию можно создать только после примирения всех хорватов. Не все усташы в НГХ были фашистами, не все совершали преступления. Это же касается и сербского населения: не все сербы были четниками и преступниками»³³. Тем самым, сохраняя лояльность по отношению к «хорватским правым», Ф. Туджман отдавал должное процессу реабилитации антикоммунистических сил в Сербии, приступившей к собственной переоценке роли этнического движения в событиях Второй мировой войны.

Для хорватской традиционалистской аудитории формула открывала еще более широкие возможности. Например, С. Месич (в 1992 г. председатель парламента Хорватии) в выступлении в городе Нова-Градишка в начале 1990-х гг. оправдал стремление усташей создать независимое хорватское государство тем, что они лишь «использовали тот шанс, который им предоставили державы Оси». При этом шла война «всех против всех», и, очевидно, все стороны (не только усташы) совершали преступления³⁴.

³² Пивоваренко А. А. Указ. соч. С. 144.

³³ *Tudman F.* Intervju dat za Vreme. 19.04.1993. URL: <http://www.tudjman.hr/intervju-dat-za-vreme-19-travnja-1993> (accessed: 12.02.2016).

³⁴ MESICPONOVNOUSTASA. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qO-7R3zmWUs> (accessed: 12.02.2020).

На основании изучения ряда концептуальных и публицистических материалов попробуем сформулировать возникшие в русле концепции «примирения» оценки периода Второй мировой войны. Ниже мы лишь перечисляем нарративы, важные с точки зрения современной идеологической составляющей, отказываясь от их исторической, правовой и моральной оценки.

Образование в 1941 г. государства НГХ было лишь выражением стремления хорватов к самостоятельности. Усташи использовали тот шанс, который им предоставили исторические обстоятельства (державы Оси). Никто не мог предположить дальнейшего трагического развития событий³⁵.

Создание государства НГХ было трагической ошибкой, однако нужно понимать причины этой ошибки. Существовала необходимость в защите от «сербского национализма» в лице четнического движения Д. Михайловича и сербского государства во главе с М. Недичем³⁶.

С течением времени режим усташей пользовался все меньшей поддержкой населения: «К сожалению, образ НДХ... был фундаментально подорван в глазах хорватов территориальными уступками Павелича Италии, отношением к Германии как отношением вассала к господину и в особенности методами фашистского правления усташей...», — пишет Ф. Туджман в книге «Национализм в современной Европе» (1980 г.)³⁷.

Злодеяния, совершавшиеся усташами в концлагере Ясеновац, сопоставимы с действиями югославских партизан в районе местечка Блайбург (Австрия), где, как утверждает представители «хорватских правых», были убиты до 50 тыс. сторонников Независимого государства Хорватия³⁸.

Историческая «ошибка», приведшая к созданию НГХ, была исправлена самими же хорватами, широко поддержавшими партизанское движение. Благодаря этому хорватская государственность была обновлена решениями АВНОЮ и ЗАВНОХ, принятыми вопреки провозглашению Независимого государства Хорватия. Это утверждение присутствует в конституции и в той или иной форме повторяется всеми хорватскими лидерами, включая президента Колинду Грабар-Китарович, которая 10 апреля 2016 г. заявила, что Хорватия во Второй мировой войне «находилась на правильной стороне», поскольку многие хорваты в ходе войны присоединились к партизанам Йосипа Броз Тито³⁹.

³⁵ Лекция Ф. Туджмана в университете Торонто. 17.06.1987. См.: *Tudman F. S Vjerom u Samostalnu Hrvatsku.* Zagreb: Narodne Novine, 1995. S. 14.

³⁶ *Tudman F. Nationalism in Contemporary Europe.* New York: Columbia University Press, 1981. P. 105.

³⁷ *Ibid.* P. 105.

³⁸ *Goldstein I. Hrvatska 1918–2008.* Zagreb: Novi Liber, 2008. S. 360–368.

³⁹ См: *Грабар Китаровић К.* Постоје они који преувеличавају јасеновачке жртве и они који их умањују, Хрвати били на правој страни током Другог светског рата // Нова српска политичка мисао. 10.04.2016. URL: <http://www.nspm.rs/hronika/kolinda-grabar-kitarovic-postoje-oni-koji-preuvelicavaju-jasenovacke-zrtve-i-oni-koji-ih-umanuju-hrvati-bili-na-pravoju-strani-tokom-drugog-svetkog-rata.html> (accessed: 12.05.2018).

Усташество 1940-х гг. утратило свое значение в 1990-е гг. Вместо него возникла обычная политическая эмиграция, возвращение которой на родину является исторической миссией и естественным процессом.

Очевидно, что основой предложенных общественности идеологических формул является релятивизм и отказ от догматичных трактовок социалистического периода. Однако даже при этом предложенная новая трактовка событий не допускала значительных отклонений влево или вправо. Максимальный центризм доктринальных документов, конечно, не стал панацеей от пересмотра трактовок истории, сложившихся в социалистический период. Так, уже в середине 1990-х гг. появились школьные учебники и пособия, где минимизировалось (либо полностью снималось) упоминание о событиях в концлагере Ясеновац, в то время как «уравновешивающим» этот сюжет событиям в районе Блайбурга уделялось пристальное внимание. В целом, как отмечает А. Б. Едемский, подробно изучавший этот вопрос, в хорватской учебной литературе возникла достаточно пестрая картина, где сохранение общеевропейских установок (признание агрессивной политики стран Оси и умеренное признание положительной роли Советского Союза) соседствует с откровенным ревизионизмом (касающимся оценок королевской Югославии, Независимого государства Хорватия). По ряду ключевых вопросов (роль Советского Союза) чувствуется влияние польской и прибалтийской историографии⁴⁰.

Компромиссный символизм «примирения»

Уравновешивание коммунизма и нацизма привело к закреплению новых общественных норм во всем их многообразии и противоречии. 25 октября 1993 г. правительство обнародовало дополнения к пенсионному законодательству: вводилось пенсионное обеспечение для лиц, находившихся в составе хорватской армии, «действовавшей в период с 17 апреля 1941 г. по 15 апреля 1945 г.», то есть в вооруженных отрядах Независимого государства Хорватия⁴¹. Другая поправка вводила пенсионное довольствие для хорватских партизан и военнослужащих Югославской народной армии, проживавших на территории Республики и покинувших вооруженные силы до 31 декабря 1991 г.⁴²

Е. Ю. Гуськова констатирует, что в начале 1990-х гг. «в Республике фактически были реабилитированы усташеские традиции». С 1990 г. было разрушено

⁴⁰ *Едемский А. Б.* Хорватия. Между державами «Оси» и антифашистской коалицией // «Расскажу вам о войне...»... С. 278, 209–310.

⁴¹ *Zakon o dopunama Zakona o mirovinskom i invalidskom osiguranju.* 18.10.1993 // *Narodne novine.* 1993. №96. URL: http://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1993_10_96_1883.html (accessed: 12.02.2018).

⁴² *Zakon o ostvarivanju prava iz mirovinskog i invalidskog osiguranja pripadnika bivše JNA.* 18.10.1993 // *Narodne novine.* 1993. №96. URL: http://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1993_10_96_1885.html (accessed: 12.02.2018).

или осквернено 2964 памятника партизанской Народно-освободительной борьбе 1941–1945 гг. и жертвам преступлений усташей. Приобрели популярность усташеская символика, антисербские выражения и анекдоты. «Появились кафе и рестораны с литерой “U”, что означало “усташа”, во многих казармах и общественных местах были вывешены портреты поглавника (руководителя) НГХ А. Павелича. Еще здравствовавшим функционерам усташеского движения времен НГХ Ф. Туджман доверил высокие посты: Иво Ройница, награжденный А. Павеличем, стал послом в Аргентине... Винко Николич, идеолог усташеской молодежи, стал членом парламента»⁴³. Открылась дорога новым явлениям в культуре. Музыкальная группа «Томпсон», известная правыми взглядами, одну из своих песен посвятила военачальникам НГХ Ю. Францетичу и Р. Бобану⁴⁴. 12 апреля 1991 г., в дни 50-летия прихода усташей к власти, состоялась премьера театральной постановки по повести «Очаг», написанной в 1938 г. министром культуры НГХ М. Будаком. Демонстрация усташеской символики остается неотъемлемой частью сегодняшней общественной практики. Из проявлений, ставших известными широкой общественности, вспоминается публичная демонстрация лозунгов и характерных жестов футболистами хорватской сборной Йосипом Шимуничем и Марио Манджукичем⁴⁵. Их поступки были тепло встречены болельщиками и благоприятно оценены отдельными представителями хорватской общественности, но осуждены Международной федерацией футбола.

Однако дав определенную волю правым настроениям, власти пока не пришли к полному отождествлению с ними. Одной из наиболее почитаемых исторических фигур современной Хорватии является Андрия Хебранг⁴⁶, видный

⁴³ Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса. М.: Изд. А. Соловьев, 2001. С. 147–152.

⁴⁴ Thompson i Tiho — Evo zore, evo dana // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vZLHX01HxS0> (accessed: 10.07.2016).

⁴⁵ Отметим, что эти случаи имеют различную подоплеку. Шимунич в 2013 г., празднуя выход сборной Хорватии на чемпионат мира, выкрикнул в микрофон «*Za dom spremni!*» (рус. «За родину — готовы!»), лозунг хорватских усташей 1940-х гг. За этот поступок он получил десятиматчевую дисквалификацию на уровне сборных и пропустил турнир. В ноябре 2012 г. в ходе матча за мюнхенскую «Баварию» М. Манджукич вместе с игроком косовского-швейцарского происхождения Д. Шакири отпраздновали гол в ворота соперника воинским приветствием, в чем пресса усмотрела отсылку к освобождению из тюрьмы в Гааге генерала хорватской армии А. Готовины.

⁴⁶ Андрия Хебранг — старший (1899–1949 гг.) — хорватский и югославский коммунистический лидер. Член Коммунистической партии Югославии с момента ее основания в 1919 г. В годы Второй мировой войны занимал пост политического секретаря ЦК КП Хорватии, участвовал в организации Антифашистского вече народного освобождения Хорватии, решения которых основали послевоенную хорватскую социалистическую республику. В 1948 г. с позиций сталинизма выступил против Й. Броза Тито, попал в тюремное заключение, где умер (по одной версии — совершил самоубийство, по другой — погиб). В 1992 г. Сабор РХ реабилитировал А. Хебранга, признав его «жертвой коммунистического режима». С. А. Романенко считает, что И. В. Сталин рассматривал А. Хебранга одним из кандидатов на замену Тито в связи с советско-югославским конфликтом, начавшимся в 1948 г. (См.: Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». М.: НЛО, 2011. С. 444).

деятель коммунистической партии, впоследствии репрессированный и названный «жертвой коммунистического режима». Были сохранены некоторые югославские названия улиц хорватских городов. В 1990-е гг. Туджман активно использовал летнюю резиденцию Й. Броза Тито на Бриунских островах, демонстрируя церемониальную и персональную преемственность с лидером Югославии. Облачаясь в военную форму, Ф. Туджман подчеркивал свою связь с Югославской народной армией; ему приписываются и антиустьашские высказывания⁴⁷.

В 1998 г. состоялся открытый шестимесячный судебный процесс против Динко Шакича, коменданта лагеря Ясеновац в мае — октябре 1944 г. Ради слушаний 77-летнего Шакича специально экстрадировали из Аргентины. Хорватский суд признал его виновным в преступлениях против человечности и нарушении обычаев ведения войны и приговорил к 20 годам заключения⁴⁸. В 2008 г. заключенный скончался в тюремной больнице Загреба (хотя 2 ноября 1998 г., сразу же после экстрадиции из Аргентины, была отпущена на волю и получила определенные привилегии его жена Нада Любурич — сестра известного главаря усташей Векослава Любурича, ставшая в 16 лет палачом в женском концлагере Стара Градишка⁴⁹). Заигрывание с усташеством явилось обоюдоострым мечом для Стипе Месича: став президентом Хорватии, он в 2006 г. был вынужден в обращении к нации отречься от ряда заявлений, сделанных в начале 1990-х гг. и попавших на видеопленку⁵⁰.

Закреплению компромиссного нарратива должно было способствовать создание памятника примирению, получившего название Алтарь Отечества. Его открыли в предместье Загреба Медведграде, в праздник Дня государственности 30 мая 1994 г. По замыслу Туджмана, памятник со временем должен был приобрести такое же значение, как Алтарь Отечества в Италии, прославляющий эпоху Рисорджименто⁵¹. В 1994–2000 гг. Алтарь Отечества стал одним из центральных мест для праздничных и мемориальных церемоний⁵². Однако затем памятник утратил свое значение. В середине 2000-х гг. Алтарь несколько раз подвергся нападениям вандалов, а в 2010 г. был погашен вечный огонь⁵³. Стали преобладать критические оценки в отношении значения мемо-

⁴⁷ *Radoš I.* Op. cit. S. 22, 39, 41.

⁴⁸ *Melčić D.* Diskurs Hrvatske o prošlosti i neki problemi hrvatsko-bosanskog razumjevanja // Hrvatska od osamostaljenja. Rat, politika, društvo, vanjski odnosi. Zagreb: Golden marketing-Tehnička knjiga, 2013. S. 113.

⁴⁹ Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии в 1941–1945 гг. М.: ФИБ, 2011. С. 166–167.

⁵⁰ MESIC NISAM JA USTASA. 18.12.2006 // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IIDuzt2beWM> (accessed: 10.04.2016).

⁵¹ *Goldstein I.* Dvadeset godina samostalne Hrvatske. Zagreb: Novi Liber, 2010. S. 243.

⁵² HRT. 25.06.2011. URL: http://www.hrt.hr/index.php?id=vijesti-clanak&tx_ttnews%5Btt_news%5D=120980&cHash=8848de7d4a (accessed: 10.04.2016).

⁵³ Ugasio se «vječni plamen» na Oltaru domovine // Index.hr. 20.05.2010. URL: <http://www.index.hr/vijesti/clanak/ugasio-se-quotvjecni-plamenquot-na-oltaru-domovine/492326>.

риала. В 2005 г. С. Месич отметил, что создание памятника не имело смысла, так как «наше послевоенное поколение ни с кем не враждует, нас незачем мирить, мы живем в другом времени»⁵⁴. Оппозиция утверждала, что произошли «девальвация памятника национальной культуры» (Медведград является историческим предместьем) и «издевательство над свободой»⁵⁵. Таким образом, в начале 2000-х гг. компромиссные нарративы не пользовались полной поддержкой. С другой стороны, правые и «околоушастские» идеи нередко означали политические проблемы для публичных фигур хорватской политики.

Состояние «примирения» в современной Хорватии

Концепция «примирения» проложила дорогу к легитимизации альтернативных исторических понятий, таких как «миф о Ясеноваце». Понятие использовалось кандидатом экс-председателем Хорватской партии права Анте Джачичем в ходе президентских выборов в Хорватии 2019 г.⁵⁶

Попытка дать новое центристское осмысление событий Второй мировой войны была предпринята президентом К. Грабар-Китарович на 70-летнюю годовщину окончания войны. В мае 2015 г. она демонстративно посетила и Ясеновац, и Блайбург — памятники жертвам хорватских нацистов и коммунистов. Показательно заявление К. Грабар-Китарович в 2016 г.: «Хорватия возникла на ценностях Отечественной войны (1991–1995 гг.) и антифашизма, что заложено в нашей конституции. Нам нужно перестать спорить о прошлом и сосредоточиться на решении не идеологических, а практических вопросов, связанных с будущим»⁵⁷. Однако компромиссная позиция стала предметом критики со стороны правого издания «Хрватски тједник», заявившего, что у президента «отсутствует равнозначное отношение к двум тоталитарным режимам» на основании того, что в ходе отмечания одной из годовщин К. Грабар-Китарович уклонилась от посещения Блайбурга, хотя на церемонии собрались более 60 тыс. чел.⁵⁸

aspx (accessed: 11.04.2016).

⁵⁴ Radoš I. Op. cit. S. 41.

⁵⁵ Goldstein I. Dvadeset godina samostalne Hrvatske... S. 243.

⁵⁶ Anto Đapić: Tuđman je rekao da je NDH bila i izraz težnje hrvatskog naroda za slobodom (30.09.2019) // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pyHKEFEacLI> (accessed: 12.02.2020); Predsjednički izbori 2019 — sučeljavanje kandidata na HTV-u // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Omm6pbDAPk0> (accessed: 18.12.2019).

⁵⁷ Нова српска политичка мисао. 10.04.2016 [Official Site]. URL: <http://www.nspm.rs/hronika/kolinda-grabar-kitarovic-postoje-oni-koji-preuvelicavaju-jasenovacke-zrtve-i-oni-koji-ih-umanjuju-hrvati-bili-na-pravoj-strani-tokom-drugog-svetskog-rata.html> (accessed: 12.07.2016).

⁵⁸ Grabar Kitarović K. U prvome mandatu izvukla sam Hrvatsku iz tzv. regiona, a u drugome ju želim vratiti na put ponosa i dostojanstva koji je 90-ih zacrtao dr. Tuđman // Hrvatski Tjednik. 11.08.2019. URL: <https://www.hkv.hr/hrvatski-tjednik/32409-hrvatski-tjednik-ekskluzivni-razgovor-s-predsjednicom-rh-kolindom-grabar-kitarovic.html> (accessed: 12.02.2020).

Переименование в июле 2017 г. площади имени Маршала Тито в Загребе, новый дизайн футбольной формы сборной Хорватии с преобладанием темных цветов (дающих ассоциативную отсылку к униформе усташей), как и поражение социал-демократических сил на шести выборах подряд (президентские выборы 2014 г., парламентские выборы 2015 и 2016 гг., местные выборы 2013 и 2017 гг., выборы в Европарламент 2014 г.) дают основание говорить о преобладании правого комплекса идей в Хорватии в последние годы. С другой стороны, победа на президентских выборах 2019–2020 гг. кандидата от социал-демократов Зорана Милановича, обошедшего двух представителей правых сил (К. Грабар-Китарович и М. Шкоро), может свидетельствовать об обратном. Ценность победы Милановича заключается в том, что под влиянием неудач предыдущих лет лидер СДП публично заявлял об уходе из большой политики, а период его нахождения на посту премьер-министра (2015–2019 гг.) сложно назвать удачным. Неудача Мирослава Шкоро, популярного, наряду с Марко Перковичем «Томпсоном», исполнителя патриотических песен «околоусташского» содержания, считавшегося на каком-то этапе фаворитом гонки, показывает, что публичная демонстрация стандартного набора право-традиционалистских идей, связанных с «идеалами 1990-х», не ведет напрямую к политическому успеху.

Заслуживают внимания и отдельные эксцессы политической жизни. Появление символов «тоталитарного прошлого», серпа и молота, на памятнике создателю современной Хорватии Ф. Туджману спустя несколько дней после его торжественного открытия в Загребе⁵⁹ может указывать на то, что политическая проблематика современной Хорватии не исчерпывается институционально-конъюнктурным противостоянием «хорватских правых» и «хорватских левых» и перемещается в общественную плоскость.

* * *

Анализ проблематики «примирения» показывает, что вернее всего его можно определить как утилитарный набор идеологических аксиом, сформулированных в начале 1990-х гг. и направленных на решение конкретных задач государственного строительства. Важнейшей задачей было достижение компромисса между элитами, где просматривались две группировки («правая» и «левая»), обладавшие определенным политическим и финансовым ресурсом. Задача «центристского» курса (формулировавшегося Ф. Туджманом) заключалась в обеспечении компромисса между двумя сторонами с целью объединения усилий для решения проблем политического настоящего. Это подразумевало значительную степень лояльности по отношению к правому ревизионизму. Как следствие, наиболее радикальные проявления правого ревизионизма могли осуждаться первым президентом Хорватии, однако в целом

⁵⁹ Uhapšen mladić koji je nacrtao srp i čekić na Tuđmanovom spomeniku // N1 Srbija. 18.01.2019. URL: <http://rs.n1info.com/Region/a452958/Uhapšen-mladić-koji-je-nacrtao-srp-i-čekić-na-Tuđmanovom-spomeniku.html> (accessed: 14.02.2020).

к ним возобладало толерантное отношение. В результате произошло его укоренение в политической практике.

Сосредоточенность «примирения» на правящем классе, решении задач государственного уровня, но при этом оторванность его постулатов от проблем широких слоев населения (связанных с войной и экономической приватизацией, в широком смысле — с распадом Югославии) предопределила то, что концепция «примирения» не получила полного отклика среди народных масс на начальном этапе ее утверждения. Как следствие, она стала восприниматься как «зеленый свет» для реабилитации правого комплекса идей, о чем и свидетельствуют отдельные эксцессы последних лет.

Важным аспектом политики «примирения» является обоснование текущих границ современной Хорватии, включая территориальные приобретения, полученные в рамках социалистического периода. По этой причине полное исключение из политической жизни Социал-демократической партии как преемника Союза коммунистов представлялось невозможным. Однако политические неудачи СДП второй половины 2010-х гг. указывают на то, что положение этой партии в дальнейшие годы может стать более шатким.

Анализ конкретных политических инцидентов позволяет говорить о сохранении по этим вопросам общественного несогласия, а возможно, и напряженности. В последние годы наблюдается усиление правого нарратива, что можно объяснить как типичным политическим маневром правящих сил (эксплуатирующих националистический дискурс в период экономического кризиса), так и реальным смещением общественных настроений.

Наличие конфликтующих установок рождает интересные коллизии на межгосударственном уровне. Любопытный феномен в рамках региона заключается в том, что на международном уровне лидеры стран могут демонстрировать показную толерантность, но при этом подогревать националистические настроения на родине (Венгрия и Румыния, Сербия и Хорватия, Болгария и Македония и т. д.). Часто мы видим, что в науке и публицистике отсутствует взвешенный взгляд на соседа, который подменяется пропагандистским стереотипом, базирующимся на исторических фобиях. Данные коллизии могут породить принципиальные вопросы при реализации новых интеграционных проектов в рамках Центральной Европы и балканского Четырехморья.

Глава 21

Москва и Подгорица в 1997–1999 гг.:

ПОИСК ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

90-е гг. XX в. кардинально изменили расклад политических сил на мировой арене. Эти изменения обозначили и поворотный момент в истории развития балканских народов. Дейтонское соглашение 1995 г., подведя черту под первым этапом развала Югославии, во многом предопределило дальнейшее развитие всего региона. Ключевую роль здесь отныне играли Соединенные Штаты наряду с Европейским союзом. Тем не менее из региона не был окончательно исключен российский фактор. Как раз на вторую половину 1990-х гг. пришелся период некоторой активизации российской внешней политики на балканском направлении. Одним из значимых опорных пунктов для России здесь стала Черногория, которая в этот период переживала серьезный политический кризис.

Будучи отдельной государственной единицей в составе сначала Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), а затем и сменившей ее Союзной Республики Югославии (СРЮ), Черногория вплоть до 1997 г. на официальном уровне отождествляла себя в национальном плане с Сербией, и в идеологическом — с Югославией. Как и вся СРЮ, Черногория вплоть до 1996 г. находилась под санкциями международного сообщества из-за войны в Хорватии и Боснии и Герцеговине¹.

Руководство Черногории вплоть до второй половины 1990-х гг. находилось в фарватере политики союзного центра в Белграде. Несмотря на отдельные разногласия, президент республики М. Булатович в целом поддерживал политику президента Сербии и неформального лидера СРЮ С. Милошевича. Находясь во главе правящей Демократической партии социалистов (ДПС), Булатович вместе со своим окружением контролировал общественно-политическую жизнь в Республике. Статус-кво в Черногории сохранялся вплоть до конца 1996 г. Осенью ДПС одержала убедительную победу на парламентских выборах², и правительство вновь возглавил соратник действовавшего президен-

¹ Резолюция Совета Безопасности ООН №1074. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1074\(1996\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1074(1996)) (дата обращения: 10.04.2020).

² Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / отв. ред. К. В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 269.

та, крупный политик М. Джуканович. Бывший некогда лидером молодежного крыла Союза Коммунистов Черногории, молодой активист Мило Джуканович под патронажем Момира Булатовича впервые занял пост премьера еще в 1991 г., в возрасте 29 лет³. В течение первой половины 1990-х гг. он безоговорочно следовал политике правящей партии, публично поддерживая С. Милошевича и М. Булатовича. К 1996 г. он и сам обзавелся серьезным влиянием в Республике. Его соратники занимали ключевые посты в правительстве, что обеспечило его политический авторитет, а связи М. Джукановича с бизнесом и, по мнению его политических оппонентов, «теневым» сектором экономики гарантировали премьеру и определенную финансовую поддержку⁴.

На позитивном фоне черногорских парламентских выборов С. Милошевич потерпел довольно серьезное поражение на муниципальных выборах в Сербии: большинство во многих крупных городах и округах получили оппозиционные партии, а сам он из-за обвинений в подтасовках на выборах подвергся жесткой критике со стороны США и ЕС⁵. Эти события во многом стали своего рода сигналом для определенной части черногорской правящей элиты — сигналом о необходимости сменить сторону⁶.

В этот момент М. Джуканович вступает в открытый конфликт со своим покровителем, действующим президентом Черногории М. Булатовичем. Формальным предлогом тогда стали разногласия между М. Булатовичем и М. Джукановичем о назначении ключевых постов в правительстве⁷. Вместе с тем изменилась и риторика премьер-министра по отношению к властям в Белграде — посылались обвинения С. Милошевича в авторитаризме, призывы провести демократические перемены в стране⁸.

Поначалу на этом новом для премьер-министра Джукановича пути его активными союзниками стали США. Уже в июне 1997 г. в Лос-Анджелесе ему удалось встретиться с президентом США Б. Клинтон⁹. Запад видел в Джукановиче некий противовес, серьезную политическую фигуру, которая могла бы если не на федеральном, то на республиканском уровне составить серьезную конкуренцию непредсказуемому и неконтролируемому Милошевичу.

Получив одобрение своей политики с внешней стороны, Джуканович стремился завоевать доверие черногорской общественности на родине. В этом плане гораздо больший вес для черногорцев имела позиция России. Исторические российско-черногорские связи были не пустым звуком для местного электората. К тому же в последние годы экономические, а вместе с ними и личные контакты стали прочнее связывать Россию и Черногорию. Многие югославские

³ *Bulatović M. Pravila čutanja. Niš: Zograf, 2005. S. 233.*

⁴ *Ibid. S. 226.*

⁵ Центральная и Юго-Восточная Европа... С. 269.

⁶ *Bulatović M. Op. cit. S. 224.*

⁷ *Ibid. S. 233.*

⁸ *Ibid. S. 236.*

⁹ *Ibid. S. 222.*

фирмы, в частности строительные, были широко представлены в открывшейся рыночной экономике России.

Тем не менее в этом же для Джукановича крылась и некоторая опасность: югославский бизнес в Москве был в значительной степени лоялен именно Милошевичу. Россия на официальном уровне выступала за единство Югославии, и Джуканович, вступив в открытую конфронтацию с югославским лидером, рисковал стать в глазах Кремля сепаратистом из Черногории. Именно поэтому, в преддверии острой фазы конфликта с президентом Республики Булатовичем и президентом СРЮ Милошевичем, Джуканович в начале июля 1997 г. организовал свой визит в Москву.

Предлогом для этого стала встреча представителей бизнеса из России и Черногории, состоявшаяся в Гостином дворе. Встречу в соответствии с программой открывал как раз премьер-министр Республики. В ходе визита в Москву М. Джукановичу удалось встретиться с крупными деятелями российской политики того периода: зам. главы администрации президента Ельцина А. Лившицем, мэром Москвы Ю. Лужковым, патриархом Алексием и, что немаловажно, министром иностранных дел Е. Примаковым¹⁰. В ходе встречи с последним Джукановичу, несмотря на некоторую настороженность министра, удалось донести свою позицию: он не оспаривал единство Югославии и лишь выступал за обновление ее политического курса и кадрового состава¹¹. Примакова это, по всей видимости, удовлетворило. Позиция черногорского премьера, как минимум, не вступала в конфликт с текущей позицией России по Югославии, тем более что в данный момент ключевым интересом для Москвы было в первую очередь укрепление экономических связей с составлявшими ее республиками.

Все же было очевидно, что краткого визита в Москву Джукановичу будет недостаточно. Не надеясь на подконтрольное федеральным властям посольство Югославии, премьер-министр представителем своих интересов неофициально назначил Зорана Бечировича, директора крупной югославской строительной компании «Фарман». В свою очередь, одной из московских опор Бечировича стал корреспондент газеты «Коммерсант» Геннадий Сысоев, ставший рупором Джукановича в российских СМИ¹². Во многом благодаря посредничеству Бечировича и Сысоева, которые стали неофициальным «консульством» Черногории в России, Подгорице удалось организовать и будущие визиты Джукановича в Москву.

Тем временем черногорский премьер вернулся на родину. Встреча с Примаковым, несомненно, усилила позиции Джукановича на политическом поле. На руку Джукановичу сыграл и российский бизнес. Так, о своих бизнес-интересах заявил «Лукойл», начавший создавать в Черногории сеть АЗС,

¹⁰ Сысоев Г. Черногорская битва за Москву. М.: Вердана, 2012. С. 9.

¹¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 202. Оп. 58. Д. 5. Л. 42.

¹² Сысоев Г. Указ. соч. С. 11.

параллельно нацеливаясь на покупку которского «Югопетрола». Вместе с тем российские инвесторы вкладывались и в наиболее перспективную отрасль черногорской экономики — туризм. Так, в августе международная компания с участием российских инвесторов «Адриатический консорциум» подписала с правительством Черногории соглашение о покупке 18 отелей на адриатическом побережье Республики¹³. Фактически это тесно связало интересы крупного российского бизнеса и правительства Джукановича, что, в свою очередь, позволило ему привлечь на свою сторону местные бизнес-элиты и, что немаловажно, значительные финансовые ресурсы.

Укрепив тем самым позиции внутри страны, премьер активизировал политическую борьбу. Уже 11 июля в результате активного внутрипартийного противостояния М. Булатович был смещен с поста председателя ДПС, а премьер стал первой фигурой в партии¹⁴. Сложилась парадоксальная ситуация, при которой Главный комитет партии, состоявший в основном из сторонников действующего президента, поддерживал Булатовича, в то время как значительная часть депутатского корпуса партии контролировалась Джукановичем.

С приближением президентских выборов противостояние обострилось еще сильнее. После попытки соратников Джукановича не допустить участия Булатовича в президентской гонке путем принятия специальных поправок к закону о выборах через республиканскую Скупщину в развитие событий вмешались союзные власти¹⁵. Белград понимал, что рискует потерять лояльного себе лидера, и стал принимать меры. Конституционный суд СРЮ (КС СРЮ) признал поправки не соответствующими Конституции СРЮ¹⁶. Республиканская избирательная комиссия в этот момент еще не находилась под прямым контролем премьер-министра и зарегистрировала Булатовича в качестве кандидата¹⁷.

И все же Джукановичу в этот момент удалось разыграть внешнеполитическую карту, подчеркнув свою поддержку за рубежом. Содействие в этом ему оказали российские политические элиты, традиционно тесно связанные с крупным российским бизнесом. Так, председатель проправительственной фракции Государственной думы РФ «Наш дом — Россия» (НДР) Сергей Беляев в конце августа 1997 г. прибыл в Подгорицу на встречу с новым председателем ДПС, сторонницей Джукановича Милицей Пеянович-Джуришич. Итогом его визита стало установление сотрудничества между ДПС и НДР¹⁸. С учетом того, что НДР на тот момент возглавлял премьер-министр РФ Виктор Черномырдин, такое событие можно расценивать однозначно — Россия практически напрямую поддержала Джукановича.

¹³ Там же. С. 13–14.

¹⁴ *Bulatović M.* Op. cit. S. 242.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 202. Оп. 58. Д. 6. Л. 48.

¹⁶ Там же. Л. 53.

¹⁷ Там же. Л. 54.

¹⁸ Там же. Л. 52.

Наряду с политической из России предвыборной кампании черногорского премьера оказывалась также финансовая и информационная поддержка. По мнению уже упомянутого Г. Сысоева, некоторые представители крупного российского бизнеса спонсировали Джукановича в обмен на будущие преференции¹⁹. Особую роль здесь сыграло и российское телевидение. С участием Г. Сысоева РТР представило небольшой документальный фильм о Черногории, одним из главных действующих лиц которого стал весьма позитивно представленный черногорский премьер. В начале октября в преддверии выборов фильм прошел сначала в российском, а затем и в черногорском эфире²⁰.

Все это оказало серьезное влияние на популярность Джукановича. Молодой политик, всего несколько лет назад руководивший молодежной коммунистической организацией, предстал в глазах черногорской публики не только искренним сторонником демократических реформ, борцом за права человека и противником «авторитаризма» Милошевича, но и признанным лидером Черногории за рубежом, которого поддерживали как западные, так и российские политические элиты. Именно это легло в основу повестки политической пропаганды Джукановича²¹.

Прошедшие 5 октября 1997 г. выборы отразили успех предвыборной кампании М. Джукановича. Ему удалось набрать 46,7 % голосов, лишь на 0,7 % уступив М. Булатовичу²². К тому же такой небольшой разрыв между оппонентами давал возможность провести второй тур. В перерыве между голосованиями Джуканович усилил напор своей политической агитации, а также, по мнению М. Булатовича, применил административный ресурс и подтасовал списки избирателей, включив туда почти 8000 чел., которые якобы должны были достигнуть возраста совершеннолетия. В результате во втором туре выборов премьеру удалось одержать победу с результатом в 49,2 % голосов²³.

М. Булатович результаты выборов не признал и направил в Конституционный суд Черногории официальные жалобы с перечислением нарушений в ходе голосования и требованием признать их результаты недействительными²⁴. В Белграде тоже не торопились признавать М. Джукановича новоизбранным президентом. В этот момент Джуканович в очередной раз получил поддержку из России. Вслед за заявлением государственного секретаря США М. Олбрайт, которая призвала Милошевича не препятствовать вступлению в должность законно избранного президента, последовал визит в Подгорицу посла России в Югославии Юрия Котова²⁵. Он передал Джукановичу письмо от Примакова, в котором последний поздравлял его с победой на выборах и выражал поддержку

¹⁹ Сысоев Г. Указ. соч. С. 15.

²⁰ Там же.

²¹ *Bulatović M.* Op. cit. S. 222.

²² Центральная и Юго-Восточная Европа... С. 394.

²³ Там же.

²⁴ АВП РФ. Ф. 202. Оп. 58. Д. 6. Л. 61.

²⁵ Сысоев Г. Указ. соч. С. 26–27.

его начинаниям. Это, помимо всего прочего, повлияло на решение Белграда признать результаты выборов, хотя переоценивать роль России в этом событии, конечно, не стоит.

Именно в это время на фоне обострения обстановки вокруг Косово начинает формироваться критическая позиция Москвы по отношению к Милошевичу. В марте 1998 г. с визитом в Белград прибыл Евгений Примаков. Основная повестка заключалась в поиске решения косовской проблемы. Российский премьер привез в Белград уже неоднократно до того озвученный план по мирному урегулированию в Косово, который подразумевал прекращение огня, вмешательство международных посредников и начало переговоров с косовскими албанцами²⁶. Милошевич, однако, настаивал на том, что Косово — исключительно внутренняя проблема Сербии, по понятным причинам не желая допускать в эту сферу международное сообщество, ведь последний раз такое вмешательство усугубило развитие ситуации в Боснии и Герцеговине.

В Москве такую позицию восприняли с беспокойством. Однако еще большее раздражение Кремля вызвало согласие Милошевича на переговоры с лидером умеренного крыла косовских албанцев Ибрагимом Руговой при посредничестве американцев — именно с таким предложением в Белград в начале мая 1998 г. прибыл спецпредставитель США Ричард Холбрук²⁷. Разумеется, такое поведение югославского лидера отрицательно сказалось на двусторонних отношениях: Москва расценила это как игру Милошевича за своей спиной. Получалась ситуация, в которой Россия выступала с мирной инициативой, а лавры миротворца получали США.

На этом фоне вполне логичной кажется дальнейшая поддержка Москвой Джукановича перед майскими парламентскими выборами в Черногории. По инициативе Подгорицы в Москве состоялась встреча Примакова и Джукановича, а МИД России объявил об открытии Генерального консульства в Черногории²⁸. Вероятно, на Смоленской площади вслед за Западом основную ставку в Югославии стали делать на Джукановича: было очевидно, что над Милошевичем постепенно сгущаются тучи, в то время как Джуканович представлялся международному сообществу прогрессивным реформатором, выступавшим за демократические реформы и тесные экономические контакты. В этом плане концепция внешнеполитической линии России в этот период вполне согласовывалась с поддержкой Джукановича, тем более что во многом именно по инициативе последнего были налажены первичные тесные контакты Подгорицы и Москвы. В отличие от многих других демократов-реформаторов в постсоциалистических странах, и на Балканах в частности, черногорский лидер был показательно положительно настроен по отношению к Кремлю, что, возможно, тоже в некоторой степени подкупало российские власти.

²⁶ АВП РФ. Ф. 202. Оп. 59. Д. 7. Л. 19.

²⁷ Там же. Л. 31.

²⁸ Сысоев Г. Указ. соч. С. 52.

В Югославии тем временем раскол между двумя союзными республиками продолжал углубляться. Пытаясь дистанцироваться от косовского конфликта, руководство Черногории фактически полностью вывело свою политику в фарватер западных стран. Одновременно в конце 1998 г. — начале 1999 г. с активизацией переговоров по косовскому урегулированию и возможному появлению Косово как третьей федеральной единицы Подгорица стала выражать серьезную обеспокоенность в связи с возможным изменением расклада политических сил в Югославии. Джуканович заявил, что в случае нарушения интересов Черногории на ведущихся по Косово переговорах в Рамбуйе Республика будет рассматривать вопрос о выходе из состава Союзной республики²⁹.

Ситуация в некоторой степени изменилась с началом бомбардировок Югославии. Джуканович выступил с однозначным заявлением, призвав прекратить бомбардировки³⁰. В телефонном разговоре он сообщил президенту Франции Жаку Шираку, что бомбардировки подрывают его собственную политику в Черногории, а среди населения резко усилились антизападные настроения³¹.

Несмотря на публичное неприятие бомбардировок, руководство Черногории не отказалось от своего прежнего политического курса. Джуканович, даже в условиях военного положения не признавая союзные органы власти, отказался подчиниться требованию Генерального штаба армии Югославии о переподчинении полиции Черногории союзным вооруженным силам³². С окончанием военной кампании НАТО руководство Черногории возложило вину за произошедшее на Белград, обвиняя Милошевича в ведении необдуманной политики³³.

Промежуточным итогом такого обострения отношений между республиками стало принятие Подгорицей особого документа — платформы о пересмотре отношений между республиками в составе Федерации. Переговоры о принятии такой платформы даже были проведены в Белграде, однако результата не дали. Это позволило Джукановичу сделать довольно резкое заявление — в случае неприятия платформы Черногория оставляет за собой право на отделение³⁴.

Фактически это была заявка на очередную корректировку политической карты Балканского полуострова. Разумеется, выработка такой позиции не представляется возможной без определенной подготовки. Одним из ее этапов стал визит Джукановича в Москву в начале августа 1999 г. Основной повесткой как раз стало будущее Югославии³⁵. Россия тогда выработала довольно

²⁹ АВП РФ. Ф. 202. Оп. 60. Д. 8. Л. 9.

³⁰ Там же. Л. 25.

³¹ BBC (2001), *The Fall of Milosevic*, chapter 2: War [Интервью М. Джукановича] // YouTube. 5 октября 2015 г. URL: https://youtu.be/fj_U9m4qzcA (дата обращения: 28.11.2019).

³² АВП РФ. Ф. 202. Оп. 60. Д. 8. Л. 30.

³³ Сысоев Г. Указ. соч. С. 72.

³⁴ АВП РФ. Ф. 202. Оп. 60. Д. 8. Л. 58.

³⁵ Там же. Л. 70.

гибкую позицию: Степашин поддержал «борьбу Черногории» за равные права с Сербией³⁶. Между тем вариант распада Федерации или ее трансформации в конфедерацию Москва не прокомментировала.

В Кремле на этом этапе, действительно, не видели конкретных преимуществ для себя в образовании независимой Черногории, при этом сохраняли исключительно положительный настрой по отношению к Республике. Ситуация не изменилась и с образованием государственного сообщества Сербии и Черногории в 2003 г. В послании президента Джукановичу в марте 2004 г. российский лидер В. Путин отметил, что укрепление государственного сообщества Сербии и Черногории отвечает интересам составляющих его народов³⁷. Такая позиция, конечно, не вызвала энтузиазма в Подгорице. Лишь в ходе визита в Москву в сентябре 2004 г. Джуканович получил от Путина зеленый свет на дальнейшие шаги к независимости³⁸.

Подводя итоги, стоит выделить следующее. Углубление связей Москвы и Подгорицы во второй половине 1990-х гг. было в значительной степени обусловлено тремя факторами. Во-первых, текущей политической ситуацией в Республике. Дав дорогу российским инвесторам, Джуканович одновременно получил и свое лобби в Москве — ведь за крупным российским бизнесом традиционно идет и большая политика. Вторым фактором стало ослабление позиций Милошевича, на которого могла бы опираться Москва в самой Югославии. Влияние на позицию России оказало и его неоднозначное поведение по отношению к Кремлю. Одной рукой он просил Москву о помощи, а второй подписывал соглашения с Вашингтоном. Наконец, третьим фактором здесь является общая политическая конъюнктура, в которой находились Балканы в этот момент. В этом плане не стоит переоценивать роль России на черногорском направлении. Значимые события в Югославии в этот момент происходили в основном под руководством или с санкции Вашингтона. Именно там Джуканович получал зеленый свет перед своими ключевыми политическими шагами — будь то демарш против Милошевича, президентские выборы 1997 г. или парламентские выборы 1998 г., первые заявления о намерениях выходить из состава Югославии. Тем не менее для Подгорицы Москва стала определенной опорой — ведь поддержка Кремля, как уже упоминалось, играла серьезную роль для черногорского электората. В обмен на эту поддержку Россия получила так называемого надежного партнера, а российский бизнес — широкую площадку для своего масштабирования на всем балканском пространстве.

³⁶ Сысоев Г. Указ. соч. С. 78.

³⁷ Бычков Ю.Е. Черногория. От прошлого к настоящему. Страницы истории Черногории и российско-черногорских отношений. М.: Декоративное искусство, 2008. С. 282.

³⁸ Сысоев Г. Указ. соч. С. 104.

Глава 22

ИНТЕГРАЦИОННАЯ РОЛЬ ГРЕЦИИ НА БАЛКАНАХ: ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

На протяжении столетий Балканы оставались очень разнородным регионом. Однако, несмотря на множество межэтнических, культурных, религиозных, идеологических, политических и социальных различий и противоречий, страны полуострова продолжают существовать в соседстве друг с другом — хоть и далеко не всегда мирном. При этом сходные, а иногда и общие, внутренние проблемы и внешние угрозы всегда обуславливали потребность балканских государств в тех или иных формах интеграции. И здесь нельзя не отметить особую роль Греции, которая с давних времен выступала в качестве важной объединяющей силы в регионе и зачастую становилась главным носителем идей, способствующих его переходу на новые этапы развития.

В данной работе будет рассмотрена интеграционная роль Греции на Балканах в политическом и экономическом измерениях со второй половины XX в. по настоящее время. Этот период может быть разделен на три следующих этапа, которые в общих чертах соответствуют основным как политическим, так и экономическим изменениям в Греции и в целом на Балканах:

1) 1952–1991 гг.: период изоляции Греции на Балканах, когда ориентированная на Запад Греция оказалась в окружении коммунистических режимов и враждебно настроенной по отношению к ней Турции*;

2) 1991–2009 гг.: курс на евроинтеграцию Балкан, выстраивание новых отношений с соседями и усиление политического и экономического влияния Греции в странах региона после падения в них коммунистических режимов;

3) 2009–2018 гг.: финансово-экономический кризис в Греции и ослабление ее политического и экономического влияния на Балканах.

Период изоляции Греции на Балканах (1952–1991 гг.)

После окончания Второй мировой войны на Балканах установились коммунистические режимы, и только Греция и Турция оказались в сфере влияния западных стран. Ориентация Афин на Запад оставалась неизменной после

* В данной работе Турция рассматривается как часть Балканского региона (прим. авт.).

окончания Второй мировой войны, поражения коммунистов в гражданской войне (1946–1949 гг.) и вступления Греции в НАТО в 1952 г. После падения режима «Черных полковников» (1967–1974 гг.) страна начала курс на евроинтеграцию и уже в 1981 г. вступила в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). Таким образом, Греция на протяжении почти всей второй половины XX в. (кроме последнего десятилетия) оставалась фактически в изоляции на Балканах, будучи окруженной коммунистическими странами и Турцией, с которой у нее в этот период сложились напряженные отношения, остающиеся таковыми вплоть до настоящего времени.

Экономические связи Греции с северными соседями возобновились уже в 1950-е гг. и были нормализованы — в основном путем заключения двусторонних соглашений — к концу 1960-х гг. В 1980-е гг. между ними, опять-таки в двустороннем порядке, был подписан ряд договоров об упрощении процедур торговли. Их необходимость обуславливалась, в первую очередь, давлением со стороны греческого частного сектора, особенно в Северной Греции, которому требовался доступ к балканскому рынку. Экономические контакты Греции с Албанией были восстановлены несколько позже, в 1970 г., а их политические отношения нормализовались только в 1987 г., когда Греция официально объявила о том, что она больше не находится в состоянии войны с Албанией. Но в целом экономические отношения Греции с остальными странами полуострова в послевоенный период оставались ограниченными. Низкие объемы торговли объяснялись и курсом Греции на евроинтеграцию, уверенно взятом греческим правительством после свержения хунты, и изоляционистской политикой балканских коммунистических государств в конце в конце 1970-х и в 1980-е гг. Еще более незначительным оставался туристический поток между странами, а о трудовой миграции населения и взаимных иностранных инвестициях в данный период не было и речи из-за особенностей существовавших в регионе политических режимов. Предпринимались попытки международного сотрудничества на политическом уровне в сферах управления речными бассейнами, развития транспортных коридоров, а также при создании энергетических сетей, но они были спорадическими и в конечном итоге безуспешными¹.

Что касается взаимодействия Греции и Турции во второй половине XX в. в контексте интеграционных процессов, происходивших в регионе, здесь на первый план выходит проблема Кипра². Со временем она стала оказывать непосредственное влияние на характер отношений Турции с Европой. Греция,

¹ *Monastiriotis V., Tsamis A.* Greece's new Balkan Economic Relations: policy shifts but no structural change / GreeSE Paper N 1. April 2007. P. 5–8. URL: <http://www.lse.ac.uk/Hellenic-Observatory/Assets/Documents/Publications/GreeSE-Papers/GreeSE-No01.pdf> (accessed: 04.03.2020).

² *Михеева Н.М.* Проблема Кипра в отношениях Турции и Евросоюза: история и современное состояние // *Universum: общественные науки.* 2015. №4 (14). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/2105> (дата обращения: 04.03.2020).

ставшая членом ЕЭС еще в 1981 г., стремилась возложить инициативу по урегулированию конфликта на европейские институты, и этим стремлениям отвечал возникший в конце 1980-х гг. в Турции и Республике Кипр интерес к европейской интеграции. Еще с 1970-х гг. урегулирование конфликта на острове было основным условием развития сотрудничества Республики Кипр с ЕЭС, однако ситуация изменилась в 1992 г., когда потерпел неудачу предложенный ООН план создания на Кипре федеративного государства: после этого ответственность за сложившийся статус-кво фактически была возложена на Турцию³. В 1993 г. Греция и Республика Кипр подписали совместную оборонительную доктрину. В 1994 г. Евросоюз официально признал Республику Кипр как своего единственного торгового и экономического партнера на острове, после чего партнером Северного Кипра осталась только Турция. В 2000-е гг. ЕС неоднократно использовал проблему Кипра как инструмент давления на Турцию, которая в тот период по-прежнему проявляла заинтересованность в членстве в ЕС; однако в настоящее время такая мера воздействия перестала быть эффективной. В свою очередь, Республика Кипр вступила в Евросоюз в 2004 г.

Таким образом, послевоенный период характеризуется ограниченными и проблемными экономическими и политическими отношениями Греции с остальными странами региона. Несмотря на то, что Афины относительно быстро смогли начать двустороннее сотрудничество почти со всеми балканскими коммунистическими режимами, о развитии многосторонних отношений, а тем более о продвижении какой-либо модели региональной интеграции во второй половине XX в. говорить было нельзя. Изолированное положение Греции на Балканах усугублялось ее выраженной конфронтацией с Турцией — не в последнюю очередь из-за проблемы Кипра.

Усиление политического и экономического влияния Греции на Балканах (1991–2009 гг.)

Падение коммунистических режимов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы повлекло за собой целый ряд важных экономических и геополитических последствий для Греции. Поворот балканских государств к демократии и рыночной экономике означал окончание изоляции Афин, а следовательно, новые возможности для экономического развития страны и ее более глубокой интеграции в Евросоюз и евроатлантические структуры⁴. Участие Греции в ключевых международных организациях давало ей возможность

³ Резолюция СБ ООН № 789 (1992) // United Nations. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/789\(1992\)](https://undocs.org/ru/S/RES/789(1992)) (дата обращения: 04.03.2020).

⁴ См. также: *Monastiriotis V., Tsamis A.* Op. cit.; *Tsardanidis Ch., Stavridis S.* The Europeanisation of Greek foreign policy: a critical appraisal // *Journal of European Integration*. 2005. Vol. 27. N 2. P. 217–239. DOI: 10.1080/07036330500097856.

взять на себя ведущую роль в развитии переходного процесса на Балканах. С начала 1990-х гг. страна естественным образом воспринималась партнерами по ЕС и НАТО как ключевой игрок, способный распространить на регион свое политическое и экономическое влияние и стабильность.

В первые годы после падения коммунистических режимов греческие предприятия имели на международном уровне огромные преимущества в отношении доступа к балканскому рынку⁵. Стремительному проникновению греческого бизнеса в страны региона способствовали прежде «замороженные» историко-культурные связи, географическая близость, знание балканской деловой среды, а также боязнь иностранных инвесторов вкладывать средства в «бурлящие» Балканы, особенно при наличии более стабильных и развитых экономик Центральной и Юго-Восточной Европы. Помимо прочего, сказались возможности быстрого совершения сделок, фактическое отсутствие административно-регуляторных барьеров и дешевая рабочая сила — мигранты, поток которых захлестнул Грецию в начале 1990-х гг. Изначально греческие мелкие и средние предприятия закрепились на Балканах в текстильной и пищевой промышленности. Со временем, в течение 1990-х гг., греческий частный сектор занял выгоднейшие позиции в таких важнейших сферах, как телекоммуникации, строительство, энергетика, кораблестроение, добыча полезных ископаемых, транспорт, дистрибуция, розничная торговля и, прежде всего, банковский сектор⁶. Но, несмотря на то, что греческий бизнес стал движущей силой экономического развития Балкан, значительная часть соглашений, заключенных Грецией с вновь образованными государствами, по-прежнему носила двусторонний — а значит, фрагментированный — характер. Эти договоры предполагали развитие двусторонней торговли и обмен инвестициями в самых разных областях, однако никак не способствовали дальнейшей интеграции общепалканского экономического пространства⁷.

Но произошедшие на рубеже 1980-х — 1990-х гг. изменения поставили Грецию и перед новыми вызовами. Выгодное внешнеэкономическое и внешнеполитическое положение страны оказалось весьма шатким, что было связано со следующими проблемами⁸. Во-первых, сложная социально-экономическая ситуация в Албании в начале 1990-х гг. спровоцировала масштабные

⁵ *Koniari E.* Zones for Free Trade Between Balkan Countries and Europe in General During the Economic Crisis in Greece // *Entrepreneurship*. 2017. Vol. V. N 2. P. 128. URL: http://ep.swu.bg/images/pdfarticles/2017/ZONES_FOR_FREE_TRADE_BETWEEN_BALKAN_COUNTRIES.pdf (accessed: 04.03.2020).

⁶ *Koppa M.* The Greek Crisis and Its Repercussions on the Balkan Neighbourhood: The End of the Myth // *Uluslararası İlişkiler / International Relations*. 2018. Vol. 15. N 58. P. 58–59.

⁷ *Monastiriotis V., Tsamis A.* Op. cit. P. 12–13.

⁸ *Chryssogelos A.* Still Europeanised? Greek Foreign Policy During the Eurozone Crisis // *GreeSE Paper N 118*. November 2017. P. 8–9. URL: http://www.lse.ac.uk/Hellenic-Observatory/Assets/Documents/Publications/GreeSE-Papers/GreeSE-No118.pdf?from_serp=1 (accessed: 04.03.2020).

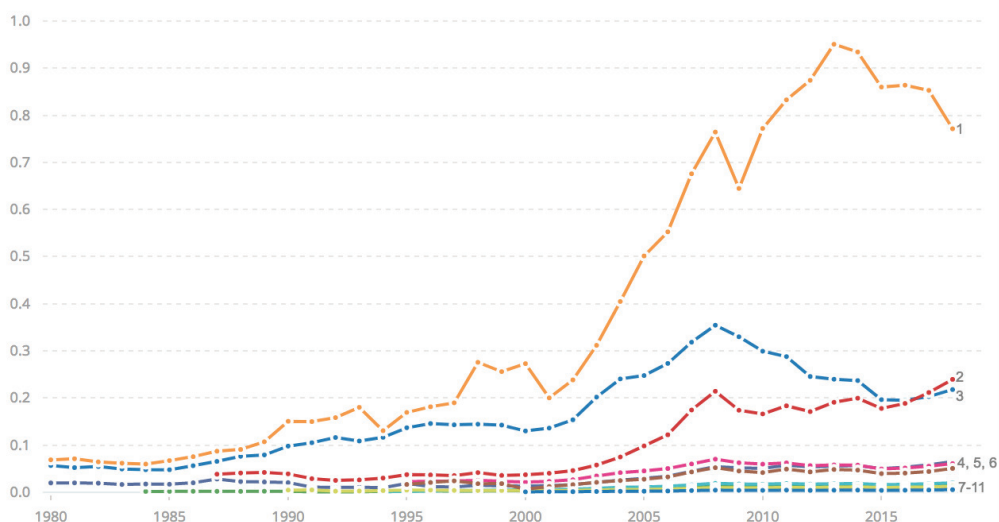
миграционные волны в Греции. На фоне ухудшения отношений между странами Греция начала массовые депортации мигрантов и даже блокировала оказание помощи Албании со стороны ЕС, что стало одной из причин изоляции Греции в 1990-е гг. Во-вторых, Греция воспринималась как «проблемный» член НАТО и Евросоюза из-за ее позиции в ходе югославских войн, когда она активно поддерживала Сербию. Третьей — но, возможно, самой важной — причиной стал спор об именовании бывшей югославской Республики Македония (нынешней Республики Северная Македония). Именно эта проблема стала фактором, по сути определявшим политику Греции на Балканах в 1990-е гг. и серьезно сдерживавшим интеграционные процессы в регионе на протяжении почти трех десятилетий.

Уже в 1993 г. БЮРМ (Бывшая югославская Республика Македония) вышла из международной изоляции, стала членом ООН (под новым названием) и получила признание игравших ключевую роль на международной арене государств. В ответ в феврале 1994 г. Греция в одностороннем порядке ввела эмбарго в отношении не имевшей собственного выхода к морю БЮРМ, закрыв для ее судов порт Салоники. Лишь в сентябре 1995 г. странами было подписано временное соглашение, в соответствии с которым БЮРМ изменила свой флаг и отменила статьи конституции, которые Афины рассматривали как территориальные претензии на греческую область Македония; взамен Греция отменила эмбарго, признала суверенитет и территориальную целостность БЮРМ. При этом вопрос об официальном названии государства оставался нерешенным вплоть до 2019 г.; таким образом, в течение почти 30 лет Греция блокировала вступление БЮРМ в ЕС и НАТО. Несмотря на это, двустороннее взаимодействие между странами последовательно развивалось: начиная с 1990-х гг. Греция оставалась одним из главных экономических партнеров и инвесторов БЮРМ и затем Северной Македонии⁹.

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. Афины не смогли справиться с ожидавшейся от них ролью гаранта политической стабильности и инициатора интеграционных процессов на Балканах¹⁰. Переоценка греческим правительством сложившейся ситуации произошла с середины 1990-х гг., когда ряд балканских государств стал проявлять четкую заинтересованность в сотрудничестве с Евросоюзом (как раз в 1995 г. Болгария и Румыния подали заявки на членство в ЕС, а в 2007 г. вступили в него). По отношению к ним Греция попыталась взять на себя функцию «моста в Европу», страны-«локомотива», готовой предложить опробованную на себе модель европейской интеграции

⁹ Власова К.В. Парадоксы балканской политики Европейского союза // Современная Европа. 2014. № 3 (59). С. 117–126; Квашин Ю.Д. Преспанское соглашение и перспективы урегулирования вопроса о названии Македонии // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. 2018. № 5. С. 47–53.

¹⁰ Корра М. Op. cit. P. 58.

Динамика роста ВВП стран Балканского региона, 1980–2018 гг. (трлн USD)

1 – Турция; 2 – Румыния; 3 – Греция; 4 – Болгария; 5 – Хорватия; 6 – Сербия; 7 – Босния и Герцеговина; 8 – БЮРМ / Северная Македония; 9 – Черногория; 10 – Албания; 11 – Косово. GDP (current US\$) – Greece, Albania, Bulgaria, Croatia, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, North Macedonia, Romania, Serbia, Turkey, Montenegro // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD?end=2018&locations=GR-AL-BG-HR-BA-XK-MK-RO-RS-TR-ME&start=1960&view=chart> (accessed: 04.03.2020).

всему региону¹¹. Данная модель казалась тем более заманчивой, поскольку именно в этот период в Греции начался бурный экономический рост, особенно заметный в сравнении с остальными странами Балкан (см. рисунок); кроме того, она была постоянным реципиентом структурных фондов ЕС, что также воспринималось ее соседями как несомненное преимущество участия в европейском интеграционном объединении. Одновременно Греция меняла и свой внутриевропейский статус: ранее она была «балканским государством в ЕС», а теперь становилась «европейским государством на Балканах»¹².

Афины начали продвигать региональное сотрудничество и поддерживать европейскую перспективу на Балканах с помощью различных международных проектов. Греция сыграла ключевую роль в запуске иницированного Болгарией в 1996 г. Процесса сотрудничества в Юго-Восточной Европе (ПСЮВЕ). В следующем, 1997 г. (это был год ее председательства в организации, сразу после Болгарии), она организовала саммиты в Салониках и на Крите. Важно, что ПСЮВЕ является формой сотрудничества, начатой по инициативе стран

¹¹ Ibid. P. 63; *Huliaras A., Tsardanidis Ch.* (Mis)understanding the Balkans: Greek Geopolitical Codes of the Post-Communist Era // *Geopolitics*. 2006. Vol. 11. N 3: Politics of Geopolitical Discourse. P. 465–483. DOI: 10.1080/14650040600767909.

¹² *Monastiriotis V., Tsamis A.* Op. cit. P. 2–3.

региона, а не какой-либо другой международной организации или государства. Однако ПСЮВЕ делает акцент в основном на решении существующих проблем безопасности, а не на развитии региональной экономической интеграции¹³.

Параллельно Афины стали развивать на Балканах некоторые проекты экономического сотрудничества. Греция начала на двухстороннем уровне предоставлять официальную международную экономическую помощь балканским странам, однако данные инициативы были, скорее, единичными случаями и отвечали конкретным проблемам: так, Греция в 1997 г. поддержала Албанию, оказавшуюся в тяжелом кризисе после краха сети финансовых пирамид¹⁴.

В 1999 г., после косовской войны, был разработан греческий План экономической реконструкции Балкан (HiPERB – Hellenic Plan for the Economic Reconstruction of the Balkans) – рассчитанная на пять лет инвестиционная программа, направленная на развитие инфраструктуры в регионе. В рамках HiPERB предполагалось подписание ряда двусторонних соглашений с Албанией, Болгарией, Боснией и Герцеговиной, Македонией и Румынией; выделяемые средства должно было распределять министерство экономики и финансов Греции. Реализация Плана могла бы содействовать формированию имиджа Греции как серьезного и даже необходимого партнера для переходных экономик балканских стран, гаранта их стабильности и роста; возможно, был бы даже частично компенсирован репутационный ущерб, который понесли Афины из-за спора о наименовании БЮРМ. Однако данный инвестиционный проект столкнулся с рядом бюрократических преград, кроме того, его осуществление сильно тормозилось из-за внутренних проблем стран-реципиентов. В результате HiPERB не запустили в установленный срок, он дважды пересматривался (в 2000 и затем в 2002 г.) и был окончательно отменен в 2013 г., будучи выполненным лишь на 10–15%¹⁵.

В целом к концу 1990-х гг. стало понятно, что интеграционные процессы на Балканах имеют тенденцию к «европеизации» — при, соответственно, отказе от узкого регионального сотрудничества. В 1999 г. был принят Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы, инициированный Евросоюзом¹⁶. Он предполагал создание системы соглашений, которые позволили бы странам Западных Балкан в будущем вступить в ЕС при условии выполнения Копенгагенских критериев; особенное значение придавалось заключению двусторонних и многосторонних договоров в регионе. В рамках реализации Пакта Греция добилась подписания нескольких многосторонних соглашений, в частности

¹³ Хартия добрососедских отношений, стабильности, безопасности и сотрудничества в Юго-Восточной Европе. Бухарест, 12 февраля 2000 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/see_charter.shtml (дата обращения: 28.02.2020).

¹⁴ *Monastriotis V., Tsamis A.* Op. cit. P. 14–15.

¹⁵ *Ibid.* P. 15–17.

¹⁶ *Максакова М.А.* Страны Западных Балкан на пути в Европейский союз: проблемы и перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 11. С. 44.

Меморандумов о взаимопонимании в области торговли (2001 г.), энергетики (2002 г.) и транспорта (2004 г.). Некоторые транспортные проекты стали вполне успешными — к примеру, Салоники были соединены с Панъевропейским транспортным коридором. В сфере энергетики речь шла о так называемом Афинском процессе¹⁷, который предполагал создание на Балканах регионального рынка электроэнергии и газа. Нужно отметить, что вплоть до настоящего времени Греция не отказывается от идеи превращения в энергетический узел Южной Европы и предпринимает определенные — хоть и не всегда успешные — шаги для достижения этой цели.

В декабре 1999 г. на заседании Европейского совета в Хельсинки¹⁸ Турция была признана в качестве кандидата в члены ЕС. В Афинах это решение было представлено как изощренный способ реализации национальных интересов, поскольку теперь Греция могла использовать ЕС как рычаг влияния на Турцию. Греческое общественное мнение выступало против такого решения, однако выгоды от членства в ЕС и — в ближайшем будущем, уже с 2001 г. — еврозоны выглядели столь заманчиво, что уступки во внешней политике были легко приняты¹⁹.

Начиная с 2003 г. Турция, Греция и Болгария начали совместные проекты трансграничного сотрудничества, в рамках которых приграничные районы этих соседствующих государств кооперировались для решения ряда общих политических, экономических, культурных и гуманитарных проблем. Проекты были инициированы и поддержаны Евросоюзом, а их задачи отвечали общему курсу подготовки к вступлению Болгарии и Турции в ЕС. В частности, в 2004 г. была разработана программа сотрудничества между Грецией и Турцией (Интеррег III А) с бюджетом 15 млн евро на 2004–2006 гг., которая предполагала развитие регионального сотрудничества в сферах инфраструктуры, укрепления экономических связей и повышения уровня жизни, защиты окружающей среды и культурного взаимодействия. Однако политические противоречия между странами и ряд институциональных трудностей предопределили неуспешность программы²⁰.

В 2003 г., во время председательства Греции в Совете ЕС, в Салониках состоялся саммит ЕС, на котором было заявлено о безальтернативности европейского будущего Западных Балкан. Опубликованный по итогам саммита документ «Салоникская повестка дня для Западных Балкан — движение к европейской

¹⁷ Буланникова Ю.А. Процесс интеграции стран Западных Балкан в Евросоюз // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 2. С. 311–318.

¹⁸ Helsinki European Council 10 and 11 December 1999. Presidency Conclusions // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/summits/hel1_en.htm (accessed: 28.02.2020).

¹⁹ Chrysogelos A. Op. cit. P. 8.

²⁰ Кузнецова А.М. Участие Турции в трансграничных проектах с Болгарией и Грецией как фактор становления региональной интеграции // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2011. № 1. С. 56–58.

интеграции»²¹ стал апогеем балканской политики Греции. После этого, однако, внутри Евросоюза возникли разногласия по проблеме Косово: Греция, Румыния, Словакия, Испания и Кипр не признали его независимость. Тем не менее спустя 15 лет, в 2018 г., в Софийской декларации²² сформулированные в Салониках тезисы были, по сути, повторены: необходимость вступления стран региона в ЕС по-прежнему объяснялась задачами сохранения стабильности на Балканах.

Одновременно в 2000-е гг. Греция закрепила на экономическом уровне позицию регионального лидера. К началу нового века объем ВВП Греции был больше, чем у всех посткоммунистических балканских стран вместе взятых (см. рисунок). Афины сохраняли роль важнейшего торгового партнера и инвестора на Балканах. Объем торговли Греции со странами региона неуклонно рос, превысив в 2008 г. 8 млрд евро. Наиболее важными торговыми партнерами Греции на Балканах являлись Болгария, Румыния и Турция (76 % от общего объема торговли между Грецией и странами региона). В этих же странах она была одним из крупнейших инвесторов, а также главным иностранным инвестором в Албании, БЮРМ и Сербии (табл. 1). В регионе действовало свыше 3500 греческих предприятий. В Болгарии их насчитывалось около 1500, в Румынии — 800, в Албании — 270, в БЮРМ — 250, в Сербии — 150 греко-сербских и 120 греческих компаний; в совокупности они создавали порядка 200 000 рабочих мест²³. Также огромную роль на Балканах играл греческий банковский сектор. К 2008 г. на долю греческих банков, капитал которых составлял около 70 млрд евро, приходилось до 30 % совокупного размера активов финансового сектора Болгарии и БЮРМ, 25 % — Албании, 17 % — Румынии и 15 % — Сербии²⁴.

Обобщая вышесказанное, отметим, что начиная с 1990-х гг. Греция стала играть ключевую роль в экономическом развитии Балкан, однако ей, вопреки ожиданиям ее партнеров по ЕС и НАТО, не удалось реализовать многосторонние инициативы, направленные на включение региона в европейский интеграционный процесс. Кроме того, Греция упустила историческую возможность стать лидером в сфере образования, научных исследований, развития технологий и управления человеческими ресурсами.

²¹ Thessaloniki Agenda for the Western Balkans: moving towards European integration // European Council. Council of the European Union. URL: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/en/gena/76201.pdf (accessed: 28.01.2020).

²² Sofia Declaration, 17 May 2018 // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/sofia-declaration_en.pdf (accessed: 28.02.2020).

²³ Σημεία από τον χαιρετισμό στο Δεΐπνο στο πλαίσιο του Συνεδρίου του Κέντρου Ερευνών και Πολιτικής με θέμα «Νοτιοανατολική ευρώπη: Κρίση και Προοπτικές» // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Ανάπτυξης και Ανταγωνιστικότητας. 12 Νοέμβριος 2009. URL: <http://www.mindev.gov.gr/el/index.php/%CE%B3%CF%81%CE%B1%CF%86%CE%B5%CE%B9%CE%BF-%CF%84%CF%85%CF%80%CE%BF%CF%85/%CE%B4%CE%B5%CE%BB%CF%84%CE%AF%CE%B1-%CF%84%CF%8D%CF%80%CE%BF%CF%85/9-> (accessed: 20.01.2015).

²⁴ Κορρα Μ. Ορ. cit. Ρ. 60.

Таблица 1

Прямые иностранные инвестиции из Греции в страны Балканского региона, 2002–2018 гг. (млн евро)

Страна/год	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Турция	4	3	4	12	2274	1875	29	3	480	377	669	536	764	714	2231	51	48
Румыния	7	212	42	240	78	9	48	110	37	262	269	78	181	94	48	1	300
Албания	1	31	5	3	69	94	44	135	55	14	11	1	26	28	25	54	144
Босния и Герцеговина	0	0	0	8	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	1	0
Болгария	43	51	43	91	120	116	122	131	67	19	58	727	517	499	235	484	36
Хорватия	0	0	0	1	1	1	2	1	0	0	0	1	0	0	2	0	0
Косово	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
БЮРМ / Северная Македония	13	9	36	4	1	20	11	7	8	19	26	30	105	37	46	47	42
Черногория	20	37	38	237	519	0	9	7	24	1	0	2	0	0	0	0	0
Сербия						96	121	6	2	16	16	1	2	43	27	100	61

Net foreign direct investment abroad by geographical allocation // Bank of Greece. URL: https://www.bankofgreece.gr/RelatedDocuments/BRM6_FDI_ABROAD_BY_COUNTRY.xls (accessed: 04.03.2020).

Финансово-экономический кризис в Греции и ослабление ее политического и экономического влияния на Балканах (2009–2018 гг.)

После начала в 2009 г. в Греции тяжелого финансово-экономического кризиса ее значение на Балканах радикально изменилось. Естественно, в условиях кризиса для Греции крайне важным было удержание своих лидирующих экономических и политических позиций на Балканском полуострове. Однако уже в 2010 г. стало очевидно, что стране не хватит для этого ресурсов: речь шла не о расширении, а хотя бы о сохранении влияния Греции в регионе, что тоже в целом не удалось.

В 2010-е гг. произошли значительные трансформации в направлении торгово-экономических связей на балканских рынках. Если ранее ключевые отрасли региона, такие как телекоммуникации или банковский сектор, контролировались, главным образом, Грецией и другими европейскими странами, после начала мирового финансово-экономического кризиса на первые позиции стали выходить Китай, продвигающий международную инициативу «Один пояс — один путь», а также Турция, Египет и страны Персидского залива. Нельзя не отметить попытки Москвы включить энергетику Балкан в свою зону влияния: несмотря на то, что ряд амбициозных проектов в начале 2010-х гг. был свернут под давлением ЕС, Россия по-прежнему сохраняет и развивает свое присутствие в энергетическом секторе региона. Изменения, произошедшие после того, как Балканы перестали быть сферой интересов исключительно Евросоюза, в немалой степени коснулись и Греции. В страну в последние годы все более активно проникает иностранный бизнес из стран Ближнего Востока, Северной Африки, Китая и США. При этом ослабленная кризисом Греция быстро утрачивает роль важнейшего регионального центра как для ЕС, так и для остальных ключевых торгово-экономических партнеров Балкан.

Мировой финансово-экономический кризис и последовавший за ним долговой кризис в Греции оказал существенное влияние на экономическую ситуацию на Балканах. Во всех странах региона началась рецессия, в 2009 г. их ВВП сократился в среднем на 5% (табл. 2). Ожидалось, что в течение двух лет большинство экономик Балкан выйдет на траекторию роста, но из-за греческого кризиса период спада затянулся еще на несколько лет²⁵. В результате этого замкнутого круга объем торговли и инвестиций между Грецией и странами региона в начале 2010-х гг. резко сократился (см. табл. 1)²⁶.

²⁵ *Koppa M.* Op. cit. P. 61.

²⁶ *Chisiridis K., Panagiotidis Th.* The Relationship Between Greek Exports and Foreign Regional Income / GreeSE Paper N 111. June 2017. P. 6–7. URL: <http://www.lse.ac.uk/Hellenic-Observatory/Assets/Documents/Publications/GreeSE-Papers/GreeSE-No111.pdf> (accessed: 04.03.2020).

Таблица 2

**Темпы роста ВВП стран Балканского региона, 2008–2018 гг.
(% к предыдущему году)**

Страна/год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Греция	-0,3	-4,3	-5,5	-9,1	-7,3	-3,2	0,7	-0,4	-0,2	1,5	1,9
Турция	0,8	-4,7	8,5	11,1	4,8	8,5	5,2	6,1	3,2	7,5	2,8
Болгария	6,1	-3,4	0,6	2,4	0,4	0,3	1,9	4	3,8	3,5	3,1
Хорватия	1,8	-7,4	-1,5	-0,3	-2,2	-0,5	-0,1	2,4	3,5	3,1	2,7
Румыния	9,3	-5,5	-3,9	2	2,1	3,5	3,4	3,9	4,8	7,1	4,4
Черногория	7,2	-5,8	2,7	3,2	-2,7	3,5	1,8	3,4	2,9	4,7	5,1
БЮРМ / Северная Македония	5,5	-0,4	3,4	2,3	-0,5	2,9	3,6	3,9	2,8	1,1	2,7
Албания	7,5	3,4	3,7	2,5	1,4	1	1,8	2,2	3,3	3,8	4,1
Сербия	5,7	-2,7	0,7	2	-0,7	2,9	-1,6	1,8	3,3	2	4,4
Босния и Герцего- вина	5,4	-3	0,9	1	-0,8	2,4	1,1	3,1	3,1	3,2	3,1
Косово	-	3,6	3,3	4,4	2,8	3,4	1,2	4,1	4,1	4,2	3,8

Real GDP growth rate – volume. Percentage change on previous year // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&plugin=1&language=en&pcode=tec00115> (accessed: 04.03.2020).

Еще одна тенденция последних лет, связанная с влиянием кризиса в Греции на Балканы, — это передислокация некоторых греческих компаний в соседние страны, в первую очередь в Болгарию и на Кипр²⁷. Предприниматели перебираются за рубеж с целью избежать непомерно высоких налогов и других негативных эффектов от проводимой в Греции политики бюджетной консолидации. С одной стороны, таким образом греческий бизнес наносит ущерб собственной стране, с другой — стимулирует экономики соседних государств. Однако в целом можно говорить о массовом уходе греческих предприятий из балканских стран, в основном по причине резкого сокращения объемов производства или даже банкротства.

В докризисный период число мигрантов, приезжавших в Грецию на заработки, ежегодно достигало 0,7–1 млн чел., из них около двух третей составляли албанцы. Значительная их часть была занята в строительном секторе, по которому в 2010-е гг. кризис ударил особенно сильно. В результате количество трудовых мигрантов в Греции существенно сократилось; некоторые из них переориентировались на другие страны, но многие были вынуждены вернуться на родину, гдеполнили ряды безработных — что, в свою очередь, не способствовало экономической стабилизации региона. Кроме того, некоторые балканские страны ощутили на себе заметное сокращение денежного потока, который обеспечивали приезжающие «домой» трудовые мигранты — в первую очередь, это касалось Албании, в меньшей степени — Болгарии и Румынии.

²⁷ Корра М. Op. cit. P. 63.

Характерным явлением 2010-х гг., связанным с финансово-экономическим кризисом, стало ограничение (до некоторой степени) внешнеполитической независимости и сокращение возможностей Афин влиять на принятие решений, касающихся дальнейшей судьбы Балканского региона.

В конце 2009 г. незадолго до того пришедшее к власти в Греции правительство Г. Папандреу сделало попытку добиться одобрения «Повестки-2014» — плана включения в Евросоюз всех стран Западных Балкан к 2014 г. Однако вскоре в Греции начался кризис, и инициатива была свернута уже в следующем году. В 2014 г., во время очередного председательства Греции в ЕС, страны Западных Балкан получили лишь новые подтверждения их возможного будущего включения в Евросоюз, в частности, Албании был предоставлен статус кандидата в члены ЕС. Тогда же начала вести переговоры о членстве в ЕС Сербия. По противоположному сценарию развиваются события в Турции, которая, несмотря на имеющийся статус кандидата в члены ЕС, к настоящему времени, по сути, отказалась от идеи вступления в Евросоюз.

Хотя общее для Балкан стремление к европейской интеграции в настоящее время, за некоторыми исключениями, сохраняется, финансово-экономический кризис стал катализатором роста евроскептических настроений не только в самой Греции, но и в остальных странах региона. Греция с ее тяжелым опытом многолетнего болезненного выхода из кризиса перестала быть ориентиром для стран Западных Балкан, имеющих и без того множество экономических и институциональных проблем. В свою очередь, и Афины стали в гораздо меньшем объеме играть роль посредника между ЕС и Балканами: с одной стороны, они вынуждены концентрироваться на собственных финансово-экономических трудностях, с другой, к мнению страны — фактического банкрота в 2010-е гг. стали гораздо меньше прислушиваться в Евросоюзе. Пересмотру подверглись и возможности расширения ЕС, столкнувшегося в последнее десятилетие с целой серией серьезных вызовов, в числе которых был и греческий кризис, поставивший под угрозу стабильность еврозоны.

Еще в начале 2010 г. — очевидно, на фоне внешнеполитической слабости Греции, обусловленной ее долговыми проблемами, — начались первые подвижки в вопросе о наименовании БЮРМ, которые в итоге привели к Преспанскому соглашению. ЕС и НАТО сумели оказать давление на находящуюся в преддефолтном состоянии и полностью зависящую от кредитных траншей Грецию и добиться разрешения спора о наименовании БЮРМ²⁸. При этом нужно отметить, что многие граждане как Греции, так и Македонии не были довольны принятым соглашением, видя в нем угрозу национальной идентичности. Также в годы финансово-экономического кризиса началось потепление отношений Греции с Косово. Первые шаги к началу сотрудничества с частично признанной республикой Греция сделала, когда стала признавать шенгенские визы в паспортах косоваров. В июле 2015 г. Никос Коциас стал первым министром

²⁸ *Chryssogelos A.* Op. cit. P. 10–11; *Квашнин Ю.Д.* Указ. соч. С. 47–53.

иностранных дел Греции, посетившим Приштину²⁹. Однако в Греции подобного рода внешнеполитические компромиссы зачастую расценивались не как подтверждение европейской ориентации страны, а как результат ее слабости и неспособности к самостоятельным шагам на международной арене.

Таким образом, финансово-экономический кризис в Греции подорвал ее политические и экономические позиции на Балканах. Прежде ключевая для ЕС и НАТО страна региона была отброшена на периферию, а на ее место лидера стали претендовать другие государства, такие как Румыния и Болгария.

* * *

Греция на протяжении почти всей второй половины XX в. занимала выраженную прозападную позицию, что обусловило ее изолированное положение в окружении Турции и коммунистических режимов балканских стран. После развала соцлагеря и перехода ее северных соседей к демократии и рыночной экономике Греция заняла лидирующую интеграционную позицию на Балканах — как в экономике, так и во внешней политике. В течение 1990-х — 2000-х гг. Афины проводили в регионе уверенный курс на интеграцию балканских стран в европейское пространство. Относительный успех этого курса был во многом обусловлен быстрым ростом греческой экономики, который, в свою очередь, в значительной мере объяснялся членством страны в ЕС. Тем не менее внешнеполитическая позиция Греции в некоторых аспектах противоречила идее скорейшего включения балканских стран в Евросоюз. Неизменной оставалась (и остается до сих пор) напряженность в отношениях Греции с Турцией, в том числе по вопросу урегулирования Кипрского конфликта. Сохранялся и комплекс проблем — пережитков трансформационных событий рубежа 1980-х — 1990-х гг. В течение почти тридцати лет Греция не могла решить спор о наименовании БЮРМ, что непосредственно препятствовало вступлению нынешней Республики Северной Македонии в ЕС и НАТО. Также Греция заняла противоречащую общей политике Евросоюза позицию, осудив бомбардировки Сербии в 1999 г. и позднее, в 2008 г., не признав независимость Косово. Таким образом, можно отметить определенную бессистемность и противоречивость интеграционных усилий Греции в 1990-е — 2000-е гг. — это касалось как попыток создать те или иные региональные объединения, так и политики продвижения балканских стран в Евросоюз.

Ситуация изменилась с началом финансово-экономического кризиса, когда Греция перестала играть главную роль в процессе экономической и политической интеграции Балкан. Однако именно в этот период Афины пошли на некоторые уступки в вопросах внешней политики, в частности, было заключено Преспанское соглашение. В настоящее время — во многом под влиянием греческого долгового кризиса — идея европейской интеграции не вызывает на Балканах прежней эйфории, однако общий курс балканских государств на укрепление связей с Евросоюзом сохраняется.

²⁹ *Chryssogelos A. Op. cit. P. 11–12.*

Глава 23

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ НА БАЛКАНАХ В СВЕТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО- ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Распад социалистического лагеря на рубеже 1980–1990-х гг. привел к тому, что бывшая коммунистическая часть Балкан стала открытой и доступной внешним влияниям, и для Турции открылись новые возможности в регионе. Вместе с тем война в Боснии и Герцеговине, затем косовский кризис поставили перед Турцией непростые вопросы, которые стали непосредственным поводом для вовлечения Анкары в разворачивавшиеся события. В статье рассматривается политика Турции на Балканах в 1990-е гг. в контексте происходивших в регионе стремительных и, главным образом, насильственных изменений, представлявших для нее непосредственный интерес.

Демонтаж социализма в Центральной Европе и распад федерализма в Юго-Восточной Европе в 1989–2001 гг.

Распад социалистической системы повлек за собой серьезные региональные трансформации. В результате так называемых бархатных революций в странах социализма в 1989–1990 гг. коммунистические партии утратили власть. К. В. Никифоров, характеризуя эти революции, писал, что регион Центральной и Юго-Восточной Европы «отнодье не однороден», и формы протестных выступлений масс, соединявших в своих требованиях «демократию и национализм», сильно различались от страны к стране¹. Соответственно, трансформации в странах Центральной Европы происходили относительно мирно, больше с акцентом на демократию. Полную противоположность положению в Центральной Европе составляла ситуация в Юго-Восточной Европе, на Балканах, где доминировал национализм. Распад Югославии сопровождался вооруженными действиями. Они включали в себя войны в Словении (1991 г.), Хорватии (1991–1995 гг.), Боснии и Герцеговине (1992–1995 гг.), Косово и Метохии (1998–1999 гг.), агрессию НАТО против Югославии (1999 г.), конфликты

¹ *Никифоров К. В.* Вводные замечания // Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI в. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 9.

в Прешевской долине Союзной Республики Югославии (1999–2001 гг.) и Македонии (2001 г.). После окончания войн в 2001 г. первый этап трансформаций, который включал в себя отстранение коммунистических партий от власти, разрушение социалистической системы хозяйствования и ликвидацию федерализма, можно было считать законченным.

Обычно эти вооруженные действия называют «югославскими войнами». Мы предпочли бы назвать их «новыми Балканскими войнами» или «Третьей балканской войной». Ключевыми элементами политики европейских держав в начале XX в. являлись вмешательство во внутренние дела и поддержка местных балканских сил с целью вытеснения Османской империи из Юго-Восточной Европы. Соответственно, в ходе Первой и Второй балканских войн народы региона отвоёвывали, а затем поделили османские территории. Вновь образовавшиеся государства имели внешних «покровителей», установивших таким образом свое влияние на Балканах. Похожая ситуация сложилась и в условиях недавних войн. В эти конфликты так или иначе были вовлечены не только республики Югославии, но и соседние страны, а также государства, находящиеся за пределами Балкан. В первую очередь, шла борьба за влияние как внутри СФРЮ, так и во всем регионе. СФРЮ являлась самой крупной страной на Балканах и занимала стратегически важную центральную, а также западную части полуострова. Если в конце XIX — начале XX в. европейские державы считали Османскую империю своим противником в регионе, то столетие спустя таковыми стали рассматривать Югославию. Как результат, сначала распалась СФРЮ, затем перестала существовать СРЮ и, наконец, была раздроблена и Сербия. Запад получил контроль над возникшими на руинах Югославии государствами.

Кроме того, в конце прошлого века начал выходить на передний план вопрос социально-политической и социально-культурной идентичности на Балканах. На это обратил внимание А. Давутоглу, напрямую связав данную тенденцию с событиями рубежа 1980-х — 1990-х гг. В начале XX в. после ликвидации Османского государства на Балканах образовался политический вакуум². Продолжая эту логику, можно заключить, что и после распада соцлагеря в целом и Югославии в частности баланс политических сил в регионе вновь нарушился, сменившись безвластием и хаосом. Таким образом, если рассматривать балканский вопрос под углом зрения административно-политического и культурно-исторического размежевания, а также обеспечения влияния внешних игроков, становится очевидно, что глубинные причины, вызвавшие Балканские войны в начале XX в., в конце столетия остались прежними.

В условиях новых Балканских войн Турции следовало пересмотреть свое международное положение и внешнюю политику. Часть территории Турции расположена на Балканах. Помимо этого, на полуострове присутствуют

² *Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. S. 122.*

общины мусульман и турок, родственники которых проживают в Турции. Происходящие на Балканах фундаментальные изменения не могут оставить Анкару безучастной. В конце 1989 г. президентом Турции стал Тургут Озал, с именем которого связывают внешнюю политику страны после окончания холодной войны. Завершение холодной войны Т. Озал рассматривал как возможность для Анкары следовать собственной независимой внешней политике, построенной на понимании общей культуры и истории в евразийском регионе, где Балканы занимали уникальное место³. Таким образом, внешнеполитическая линия Т. Озала была явным отходом от политики невмешательства Турции в региональные дела, в том числе на Балканах⁴.

Война в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг.

С распадом Югославии и последовавшими войнами баланс сил на Балканах начал меняться, а нестабильность и непредсказуемость, возникшие в результате этого процесса, достигли уровня, который турецкая политическая элита стала считать угрозой интересам страны. Поначалу Турция продолжала прежнюю политику невмешательства, следуя курсу своих западных партнеров. Турция признала независимость Словении и Хорватии только после того, как это сделали страны ЕС и США. Вместе с тем война в Боснии и Герцеговине в 1992–1995 гг. стала для Турции настоящим вызовом и заставила ее реагировать на события, исходя из собственных интересов. Босняки-мусульмане оказались в тяжелом положении, и общественность Турции требовала от властей решительных действий.

В этих условиях Анкара предприняла ряд самостоятельных политических шагов. В июле 1992 г. Турция разработала план урегулирования кризиса и выступила с соответствующей инициативой в Совете Безопасности ООН⁵. В Стамбуле 25 ноября 1993 г. состоялась конференция министров иностранных дел балканских стран. Между Турцией и Боснией 2 февраля 1994 г. было подписано межправительственное соглашение, а 10 августа 1995 г. — военное соглашение. Президент Турции Сулейман Демирель попытался посетить Сараево во время визита в бывшую Югославию 27 февраля 1995 г., однако миротворческие силы ООН запретили ему сделать это. Он стал вторым после папы римского Иоанна Павла II государственным деятелем, которому не удалось посетить Сараево. В связи с этим С. Демирель 1 марта 1995 г. направил письмо Генеральному

³ *Eralp D. U. Turkey and Bosnia-Herzegovina: A Future Reflecting on the Past / SETA Policy Brief No 46, August 2010. P. 4. URL: https://setadc.org/wp-content/uploads/2015/05/SETA_Policy_Brief_No_46_Turkey_Bosna_Herzegovina_Doga_Eralp.pdf (accessed: 13.04.2020).*

⁴ *Ekinci D. Turkish Decision Making and the Balkans: Implications of Role Theory // Turkish Foreign Policy in the New Millennium / ed. by H. İşiksal, O. Örneçi. Frankfurt am Main: Peter Lang Imprint, 2015. P. 373.*

⁵ *Кахидзе Н.Х. Внешняя политика Турции на Балканах и кризис в бывшей Югославии: дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 161.*

секретарю ООН Бутрасу Гали с протестом. «События в Боснии и Герцеговине, — отметил С. Демирель, — стали испытанием для международного сообщества, однако этот экзамен оно не выдержало, так как не остановило сербскую агрессию и не выполнило тем самым долг перед лицом грядущей трагедии»⁶.

В сентябре 1995 г. Анкара стала местом проведения мини-саммита по боснийскому урегулированию. Туда прибыли с рабочим визитом президент Боснии и Герцеговины Алия Изетбегович и министр иностранных дел Мухаммед Шачирбей для проведения переговоров за закрытыми дверями с президентом Турции С. Демирелем и премьер-министром Тансу Чиллер. Подводя их итоги, С. Демирель отметил, что Турция с самого начала поддерживала Боснию и Герцеговину и, придавая большое значение процессу мирного урегулирования, выступала за реализацию «плана из 12 пунктов» по Боснии и Герцеговине. Он заключил, что мир обеспечил бы суверенитет и территориальную целостность страны. По мнению А. Изетбеговича, существование в Боснии и Герцеговине Республики Сербской было неприемлемо. Вместе с тем он заметил, что не возражает против наличия в Боснии и Герцеговине самостоятельного района, поддерживающего особые отношения с Сербией⁷.

Действия Турции охватывали, правда, только избирательно, и военную сферу. Когда в феврале 1994 г. НАТО выдвинуло ультиматум Белграду, Анкара, хотя и поддержала это решение, но предложила свое участие только в тыловом обеспечении авиаударов. Турция, несмотря на эмбарго ООН, поставляла боснийским мусульманам оружие. В августе — сентябре 1995 г. авиация НАТО начала бомбардировку позиций боснийских сербов в ходе операции «Обдуманная сила». Турция не возражала против данных мер, но ее воздушные силы не участвовали в бомбардировках⁸.

После завершения бомбардировок 21 ноября 1995 г. на военной базе США в Дейтоне (штат Огайо) лидером боснийских мусульман Алией Изетбеговичем, президентом Сербии Слободаном Милошевичем, президентом Хорватии Франьо Туджманом, представителями Евросоюза и стран-гарантов — США, России, Германии, Великобритании и Франции — было парафировано Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине (Дейтонские соглашения), которое установило режим прекращения огня, разделило враждующие стороны и обособило занятые ими территории. Оно вступило в силу после подписания 14 декабря 1995 г. в Париже.

Одновременно Турция сотрудничала с США на Балканах. Так, Вашингтон и Анкара предприняли совместные усилия по перевооружению и обучению хорватско-мусульманской армии в рамках американской программы «Обучение и оснащение»⁹.

⁶ Там же. С. 114.

⁷ Там же. С. 121.

⁸ *Ganfloff S.* Turkish policy towards the conflict in Kosovo: the preeminence of national political interest // *Balkanologie*. 2004. Vol. 8. No 1. P. 107.

⁹ *Ibid.* P. 107.

Косовский кризис 1998–1999 гг.

Косовский кризис 1998–1999 гг. стал другим вызовом для Турции. Этот вопрос уже освещался нами детально ранее¹⁰, здесь же отметим следующее: как и во время войны в Боснии и Герцеговине, Турция осудила насилие в Косово, призывала стороны к конструктивному диалогу, а также оказывала гуманитарное содействие и участвовала в миротворческих операциях. Но, в отличие от своей реакции на события в Боснии и Герцеговине, односторонних действий Анкара не предпринимала, хотя и была вынуждена ограниченно участвовать в бомбардировках НАТО.

Участие Турции в миротворческих операциях

Международные организации, и прежде всего ООН, активно были вовлечены в Боснию и Герцеговину. Совет Безопасности (СБ) ООН 21 февраля 1992 г. своей Резолюцией 743 учредил миротворческую миссию на территории бывших югославских стран — Силы ООН по охране (СООНО). Первоначально их развернули в Хорватии. В июне 1992 г. мандат СООНО был распространен на Боснию и Герцеговину, где действовал до 20 декабря 1995 г., когда их заменили силы НАТО. По данным на 30 ноября 1994 г., Турция предоставила 1464 военнослужащих для СООНО¹¹. Резолюцией 1035 СБ ООН 21 декабря 1995 г. создал Миссию ООН в Боснии и Герцеговине, которая действовала до 31 декабря 2002 г. Представители Турции численностью более 2000 чел. входили в ее состав в качестве сотрудников гражданской полиции¹².

НАТО участвовало в урегулировании конфликта в Боснии и Герцеговине летом 1992 г. В июле 1992 г. Североатлантический альянс приступил к операциям по наблюдению в Адриатическом море в поддержку Резолюций СБ ООН 713 от 25 сентября 1991 г. и 757 от 13 мая 1992 г., вводящих эмбарго на поставки оружия и санкции в отношении бывшей Югославии. С октября 1992 г. самолеты НАТО начали контролировать выполнение Резолюции 781 СБ ООН от 9 октября 1992 г., устанавливая бесполетную зону над Боснией и Герцеговиной. В ноябре того же года НАТО и Западноевропейский союз применили санкции и эмбарго, предусмотренные Резолюцией 787 СБ ООН от 16 ноября 1992 г. К концу 1992 г. Альянс заявил о своей готовности поддержать миротворческие операции под эгидой ООН. После того, как ООН санкционировала

¹⁰ Mamedov I.M. The Balkan Policy of Turkey in Connection with the Kosovo Crisis in 1998–1999 // Istorija XX veka. 2020. No 1. P. 185–202.

¹¹ United Nations Protection Force // United Nations. Peace-Keeping [Official Site]. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/past/unprof_b.htm (accessed: 07.02.2020).

¹² United Nations Mission in Bosnia and Herzegovina // United Nations. Peace-Keeping [Official Site]. URL: <https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/past/unmibh/index.html> (accessed: 07.02.2020).

введение бесполетной зоны над Боснией и Герцеговиной, в апреле 1993 г. он инициировал операцию «Запрет полетов». НАТО оказывало непосредственную воздушную поддержку СООНО и наносило удары по таким целям, как танки, склады боеприпасов и радары ПВО.

Для обеспечения выполнения Дейтонских мирных соглашений в декабре 1995 г. под руководством НАТО была развернута миротворческая миссия IFOR (Implementation Force) в составе 60 000 военнослужащих, которая год спустя сменилась миссией SFOR (Stabilization Force), присутствовавшей в регионе до конца 2004 г. IFOR действовала в соответствии с главой VII Устава ООН на основе Резолюции 1031 СБ ООН от 15 декабря 1995 г., что давало ей мандат не только на поддержание мира, но и в случае необходимости на принуждение к нему. SFOR также получила полномочия в соответствии с главой VII Устава ООН (Резолюция 1088 СБ ООН от 12 декабря 1996 г.). Как и в случае с IFOR, это была операция по принуждению к миру. Первоначально силы SFOR насчитывали 31 000 военнослужащих. К началу 2001 г. их численность сократилась до 19 000, к концу 2002 г. — до 12 000, к 2004 г. — до 7000 чел. Миссия SFOR была официально завершена 2 декабря 2004 г. Впоследствии контроль за соблюдением условий Дейтонских мирных соглашений осуществлял Евросоюз, начавший операцию «ALTHEA». НАТО сохраняет военный штаб в Сараево, который дополняет работу миссии ЕС, обеспечивая планирование, материально-техническую и командную поддержку в рамках пакета соглашений, известного как «Берлин плюс». Эти соглашения составляют основу для сотрудничества между НАТО и ЕС¹³.

Турция принимала участие в реализации Дейтонских соглашений. Так, 4 января 1997 г. с базы Гельджюк (Измит) для участия в деятельности натовских сил отправились два турецких фрегата — «Адатепе» и «Оручreis»¹⁴.

Согласно Резолюции 1244 СБ ООН от 10 июня 1999 г., НАТО возглавляет операцию по поддержанию мира в Косово. Первоначально в состав миссии KFOR (Kosovo Force) входили 50 000 военнослужащих. К началу 2002 г. их численность сократилась примерно до 39 000 чел. Улучшение обстановки в регионе позволило НАТО уменьшить количество миротворцев до 26 000 чел. к июню 2003 г., затем до 17 500 чел. к концу 2003 г. Сегодня 3526 военнослужащих предоставлены 28 странами, в том числе 246 — Турцией¹⁵.

По мнению Анкары, международное присутствие в Косово и Боснии и Герцеговине важно и необходимо как для укрепления государственных структур в этих странах, так и для региональной стабильности. Поэтому Турция вносит свой вклад в миротворческие инициативы на Балканах. Она участвовала

¹³ Peace support operations in Bosnia and Herzegovina // NATO [Official Site]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52122.htm? (accessed: 07.02.2020).

¹⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 194. Оп. 77. П. 238. Д. 6. Л. 2.

¹⁵ About KFOR // NATO [Official Site]. URL: <https://jfcnaples.nato.int/kfor/about-us> (accessed: 06.02.2020).

во всех операциях под руководством НАТО на полуострове с 1995 г. Турецкий контингент входил в состав вооруженных сил НАТО, обеспечивавших безопасность в Боснии и Герцеговине. Турция поддержала военную кампанию НАТО против Югославии в 1999 г., а затем участвовала в миротворческой миссии в Косово. Кроме того, она некоторое время возглавляла многонациональную целевую группу «Юг». Анкара имела самое непосредственное отношение к операциям НАТО «Насущный урожай», «Янтарная лиса» и «Союзническая гармония» в Македонии, а также всесторонне сотрудничала с ЕС в деятельности по поддержанию мира на Балканах, например, в операции «ALTHEA», Полицейской миссии ЕС в Боснии и Герцеговине и миссии ЕС по верховенству закона в Косово¹⁶.

* * *

Непосредственным поводом для усиления присутствия Турции в регионе стали страдания боснийских и косовских мусульман в новой Балканской войне, включавшей в себя такие трагические эпизоды, как война в Боснии и Герцеговине, конфликт в Косово, последовавшая агрессия НАТО против Югославии. Осуждение насилия, призывы к политическому урегулированию проблем и диалогу, мирные инициативы, гуманитарные акции, участие в операциях по поддержанию мира стали средствами балканской политики Анкары.

В Боснийской и Косовской войнах США, занимая пристрастную политическую позицию, выступили против сербов. При этом участие Соединенных Штатов в Третьей балканской войне определило ее итоги и новое территориальное размежевание региона. НАТО во главе с США было главным внешним игроком на полуострове в 1990-е гг. Соответственно, свою политику Турция реализовывала посредством и в рамках НАТО. Но Анкара следовала ей в половинчатой, избирательной форме, поскольку ее интересы не полностью совпадали с западными в целом и американскими в частности. Турция больше реагировала, чем активно влияла на события. Наряду с этим Турция предпринимала и самостоятельные действия. Таковы основные характеристики балканской политики Турции в 1990-е гг. с учетом происходивших в регионе насильственных трансформаций. После начала мирного восстановления в 2000-е гг. изменилась и политика Турции, но это уже другая тема, выходящая за рамки наших задач, определенных для данного исследования.

¹⁶ Turkey's International Security Initiatives and Contributions to NATO and EU Operations // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs [Official Site]. URL: http://www.mfa.gov.tr/iv_-european-security-and-defence-identity_policy_-esdi_p_.en.mfa (accessed: 02.06.2018).

РЕЗЮМЕ ГЛАВ

Раздел I

Трансформационные революции в странах Центральной Европы: модели и их реализация

Глава 1. Особенности трансформации на востоке Европы — демократия или национализм (К. В. Никифоров)

Трансформация на востоке Европы началась после «бархатных» и продолжилась после «цветных» революций. Между двумя типами трансформационных революций — много общего, но прежде всего это протестное выступление масс на основе соединения демократии и национализма. Но национализм проявляет себя не сразу после краха коммунизма, а после первых демократических изменений, пусть еще робких и неудачных. То есть националисты перехватывают инициативу не у коммунистов, а у демократов.

Ключевые слова: национализм, демократия, трансформационные революции

Глава 2. Феномен вишеградского взаимодействия в контексте трансформации Центральной Европы (Л. Н. Шишелина)

В главе анализируется эволюция центральноевропейской/вишеградской идеи, ее роль в становлении духовной оппозиции, последующем осуществлении реформ и нынешнем авторитете Вишеградской четверки в рамках Европейского союза и за его пределами. Прошедшие со времени революций 30 лет показали, что Вишеградская группа оказалась наиболее успешным проектом центральноевропейских трансформаций. Большую роль в этом сыграло почти полное взаимопонимание между политиками первой волны трансформаций, которые находились во главе Венгрии, Польши, Словакии и Чехии на самых важных этапах становления этой структуры. Способствовала этому в определенной мере и «дорожная карта» преобразований, разработанная Евросоюзом. Таким образом, Вишеградская группа не без проблем, но выполнила свою историческую миссию. Она сумела сделать то, чего не удавалось до этого за всю столетнюю историю региона: воплотила в жизнь миф о равноправной и равносправедливой Центральной Европе.

Ключевые слова: Вишеградская группа, Центральная Европа, трансформации, «бархатные» революции, реформы

Глава 3. Будапешт и миграционная политика Брюсселя (2014–2019 гг.) (Б. Й. Желли)

Вслед за краткой характеристикой небывало мощной миграционной волны, хлынувшей на Европу из регионов Ближнего Востока и Субсахарской Африки, автор анализирует миграционную политику Евросоюза и отношение к ней со стороны Венгрии в 2014–2019 гг. В центре исследования — позиции и взгляды, конкретные поступки и реальные действия руководства Еврокомиссии и политического класса Венгрии, вопросы взаимоотношений между ними. Показаны основные подходы сторон к решению проблем миграционного кризиса, расхождения между ними в ключевых вопросах миграционной политики, временами

переросшие в противостояние между Будапештом и Брюсселем. Уделено внимание обстоятельствам, которые привели к миграционному кризису ЕС.

Ключевые слова: Венгрия, Евросоюз, Еврокомиссия, Меркель, Орбан, Юнкер, беженцы, миграция, миграционная политика, Дублинская система, миграционный кризис

Глава 4. Венгрия: политика лавирования между ЕС, США, Китаем и Россией (О. Г. Вологов, С. О. Вологов)

Венгрия в последнее время все чаще заявляет о своей особой позиции, отличной от мнения Брюсселя, который, в свою очередь, критикует ее за ограничение политических прав граждан, усиление роли государства в социально-экономическом развитии страны, упорное нежелание согласиться на квоты по приему беженцев, конфликт с Украиной и даже за якобы имеющий место антисемитизм. Недовольство Брюсселя политикой венгерского правительства нашло свое отражение в Докладе Саргентини, что послужило основанием для начала процедуры применения в отношении Венгрии статьи 7 Лиссабонского договора, лишаящей ее права голоса и дотаций. Несмотря на существующие разногласия, Венгрия весьма дорожит своим членством в ЕС и НАТО, начавшимся улучшением отношений с США, хотя по-прежнему продолжает стремиться к определенной независимости, отстаивая свой суверенитет. Одним из инструментов проведения внешней политики явился поворот Венгрии к Востоку, прежде всего к Китаю и России, что позволяет ей более успешно лавировать между сложившимися в мире центрами силы.

Ключевые слова: евроскептицизм, миграционный кризис, Доклад Саргентини, суверенитет, санкционная политика, Северный поток — 2, НАТО, Украина

Глава 5. Венгрия спустя тридцать лет после «смены системы». Венгерский НЭП Виктора Орбана (Ф. Е. Лукьянов)

Придя к власти в результате парламентских выборов в 2010 г., демохристианское правительство Виктора Орбана кардинально изменило экономический курс страны, ранее фактически приведший Венгрию на грань банкротства. Новое правительство провело частичную национализацию системообразующих отраслей экономики — газовой, нефтяной и банковской сферы. Была сделана ставка на максимальное развитие и привлечение в страну действующего промышленного капитала, при этом снижены налоги на прибыль компаний и доходы физических лиц. Односторонняя ориентация на рынок ЕС сменилась политикой «Открытия на Восток». Результатом венгерского НЭПа стало ускоренное развитие экономики. После рецессии 2009 г. темпы роста ВВП Венгрии в последние годы составляют 4–5%. Венгрия стала крупнейшим производителем автомобилей в Центральной и Юго-Восточной Европе. Стране удалось заметно сократить свой госдолг и нарастить золотовалютные резервы. Резко сократилась безработица. Активная демографическая политика позволила повысить индекс рождаемости.

Ключевые слова: Европейский союз, Центральная и Юго-Восточная Европа, Венгрия, парламентские выборы, Виктор Орбан, экономический курс, рецессия, рынок ЕС

Глава 6. От ГДР к восточным федеральным землям Германии: особенности экономической и политической трансформации (1989–2019 гг.) (Л. Н. Шаншиева)

В главе рассматриваются основные этапы общественной трансформации в Восточной Германии после 1989 г. Показаны причины мирной революции, раскол политической элиты, попытка объединения левых партий и движений вокруг идеи принятия новой конституции и отказ от государственности ГДР. Анализируются причины краха ГДР, особенности институциональных изменений в восточных землях после 1990 г. и затяжного характера трансформации. Содержатся данные о затратах на восстановление экономики в восточных федеральных землях и основных социально-экономических показателях развития на востоке и западе Германии. Уделяется внимание ментальным различиям восточных и западных

немцев, причинам ностальгических настроений у населения восточных земель. Рассматривается вопрос о современной проработке истории ГДР. Сделаны выводы об особенностях модели общественной трансформации в Восточной Германии.

Ключевые слова: ГДР, ФРГ, Берлинская стена, мирная революция, трансформация, объединение Германии, восточные земли, Пакт солидарности, «остальгия», проработка истории

Глава 7. Интересы Польши и будущее Европы во взглядах польских крайне правых политиков (О. Б. Неменский)

Анализируются взгляды о будущем Европы и месте в ней Польши, декларируемые польскими крайне правыми организациями. Дается типологизация общественно-политических движений и партий, выступающих с более правыми позициями, чем правящая партия «Право и справедливость». Особое внимание уделяется региональному и общеевропейскому контексту развития их идей и роста их популярности.

Ключевые слова: Европейский союз, Центральная Европа, Польша, крайне правые, ультраправые, националисты, национализм, национал-радикалы, народовцы

Глава 8. Партия «Право и справедливость» о европейской политике Польши (О. Ю. Михалев)

В главе прослеживается эволюция взглядов находящейся с 2015 г. у власти в Польше партии «Право и справедливость» (ПиС) на роль и место страны в Евросоюзе. С момента образования в 2001 г. ПиС позиционировала себя как «еврореалистическая» партия, ставящая во главу угла сохранение суверенитета и отстаивание национальных интересов Польши. Отражено отношение ПиС к таким ключевым вопросам, как вступление Польши в ЕС, разработка Конституционного и Лиссабонского договоров. Основное внимание уделяется проблемам в отношениях с ЕС, с которыми ПиС столкнулась в период пребывания у власти после 2015 г. Автор приходит к выводу, что оппозиция ПиС Евросоюзу носит ценностный характер, вытекающий из разного подхода в Варшаве и Брюсселе к таким установкам, как государственный суверенитет, семейные ценности, отношение к религии и пр. Но в утилитарном плане ПиС готова к сотрудничеству с ЕС и использованию вытекающих из членства в нем возможностей для повышения конкурентоспособности польской экономики и поднятия уровня жизни в стране.

Ключевые слова: Польша, партия «Право и справедливость», евроскептицизм, Европейский союз, внешняя политика Польши

Глава 9. Римско-католическая церковь в политической жизни современной Польши (В. В. Волобуев)

Глава посвящена влиянию римско-католической церкви на внутреннюю и внешнюю политику Польши, начиная с майского договора 1989 г., заключенного правительством и епископатом, и заканчивая парламентскими выборами 2019 г. Раскрывается взаимодействие католического духовенства и партий, опирающихся на социальное учение церкви (в особенности «Права и справедливости»), значение личности и взглядов Иоанна Павла II для текущей политики Польши, а также дается представление о спорах и конфликтах внутри польского католицизма.

Ключевые слова: Польша, римско-католическая церковь, Иоанн Павел II, «Право и справедливость», Гражданская платформа, аборт, педофилия

Глава 10. Левый спектр чехословацкой политической оппозиции в поисках новых решений. Конец 80-х — начало 90-х гг. XX в. (Э. Ворачек)

В главе исследуется история формирования и деятельности в конце 1980-х — начале 1990-х гг. структур левого спектра чехословацкой политической оппозиции, которую

составляли течения как внутри, так и вне рядов Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ). Рассмотрены попытки выработки ими альтернативных программ и сценариев общественно-политических и социально-экономических преобразований в стране. Проанализированы сложности их адаптации в условиях ориентации лидера революции — Гражданского форума — на разработанную в его недрах либеральную трансформационную модель и форсированную ее реализацию. В целом в заявленный в главе период левым силам по разным причинам не удалось воплотить в жизнь свое видение будущего развития государства.

Ключевые слова: Чехословакия, СССР, институциональный кризис, оппозиция, «бархатная» революция, политический ландшафт, системная трансформация, парламентские выборы, антикоммунистический референдум

Глава 11. Дилеммы чешской политической жизни и их прагматичные решения. 1998–2002 гг. (Э. Г. Задорожнюк)

В 1998 г. в политической истории Чешской Республики был зафиксирован переход от сложившегося в стране в первой половине 1990-х гг. конфронтационно-конфликтного стиля политики к прагматично-консенсусному его варианту. Лидеры двух крупнейших политических партий — левоцентристская Чешская социал-демократическая партия и правоцентристская Гражданская демократическая партия — подписали Оппозиционный договор. Именно с момента его подписания и можно говорить о введении в действие в Чехии нового политического механизма, переформатировавшего рамки сотрудничества между социал-демократами и гражданскими демократами. Эти приемы проявились снова, причем в модифицированном варианте, на новом витке чешской политической истории, когда движение «Акция недовольных граждан — 2011», ориентируясь на прагматичные решения, пошло на компромиссное соглашение с КПЧМ. Отмеченному стилю политических решений можно придать и более расширительное толкование: его следует трактовать как специфическую черту политической истории государства, расположенного в самом центре Европы, — экономически благополучного и крайне турбулентного политически.

Ключевые слова: Чешская Республика, политическая история, турбулентность, конфронтационно-конфликтный и прагматично-консенсусный стили политики, Оппозиционный договор, политические конфликты, парламентские дебаты

Глава 12. Памятник маршалу Коневу как жертва чешских противоречий по России (В. В. Трухачев)

Власти района Прага 6 снесли памятник маршалу Коневу, освободившему чешскую столицу в мае 1945 г. Россия не могла этому помешать, ибо памятник не подпадает под действие межправительственных соглашений. А законы Чехии позволяют муниципальным властям решать судьбу монументов, стоящих на их территории. Но, учитывая то, что военачальник освобождал Прагу, действия политиков районного масштаба в глазах многих чехов выглядят как черная неблагодарность. По теме высказались представители большинства политических сил, представленных в парламенте Чехии, а также президент страны Милош Земан. В итоге «бронзовый маршал» стал жертвой чешских внутриполитических споров по поводу отношений с Россией. В целом нельзя сказать, что на уровне государства в Чехии идет война с памятниками воинам-красноармейцам, освобождавшим чешскую землю в 1945 г., однако на местном уровне подобное несколько раз случалось.

Ключевые слова: Конев, памятник, Чехия, Прага, Вторая мировая война, Земан

Глава 13. Чехословацкая правящая элита в преддверии «бархатной» революции. 1985 г. — ноябрь 1989 г. (В. В. Никитин)

В главе рассматриваются процессы, приведшие к «бархатной» революции в Чехословакии; на основе архивных документов анализируются предпосылки «перестроечной»

экономики в СССР и ее влияние на экономику стран Центральной и Юго-Восточной Европы, включая ЧССР. Характеризуется дифференциация в рамках правящей КПЧ, исследуется отношение членов федерального и национальных правительств, а также депутатов федерального парламента к «бархатной» революции; особо подчеркивается роль словацких политиков в поисках путей преобразования страны.

Ключевые слова: СССР, перестройка, гласность, М.С. Горбачев, ЧССР, политические элиты, «бархатная» революция

Раздел II. Трансформационные революции в странах Юго-Восточной Европы: ожидания и итоги

Глава 14. Венгерский фактор и региональные особенности политических процессов в Трансильвании (1989–2000 гг.) (И. С. Путинцев)

В настоящей работе исследуются особенности политических процессов в Трансильвании — регионе, отличающемся этническим, культурным и религиозным многообразием. Анализируется влияние, которое в 1990-е гг. оказывали на политическую жизнь региона венгерское меньшинство и румынские националисты. Рассматривается также роль ведущих партий и блоков Румынии в региональной политике. Описывается эволюция позиции Демократического союза венгров Румынии по вопросу об автономии и те сложности, которые были вызваны попытками поднять данный вопрос.

Ключевые слова: Румыния, Трансильвания, национальные меньшинства, венгерское меньшинство, национализм, Демократический союз венгров Румынии, Партия национального единства румын, партия «Великая Румыния»

Глава 15. Особенности внешнеполитического курса Румынии (Т. Г. Биткова)

Основная часть главы посвящена рассмотрению евроатлантического направления внешней политики Румынии. Дается краткий обзор ее особенностей при администрациях четырех президентов. Выделяется мысль, что, несмотря на некоторые нюансы внешнеполитических предпочтений различных президентских команд, Румыния на протяжении всего посткоммунистического периода твердо придерживалась курса на участие в евроатлантических структурах. Затрагиваются важные аспекты регионального взаимодействия с точки зрения геополитических амбиций Румынии: отношения с Республикой Молдова, Украиной, Венгрией. Внешнеполитические приоритеты страны определяются с учетом ее активного «проамериканизма» и сложных отношений с Россией, негативного восприятия внешней политики последней. Основные контуры внешней политики Румынии рассматриваются также через призму общественного мнения, в том числе отмечаются выступления представителей националистических формирований, негативно оценивающих евроатлантические приоритеты внешней политики страны.

Ключевые слова: Румыния, внешняя политика, Евросоюз, НАТО, военные базы, украинский кризис, Россия

Глава 16. Румыния 30 лет спустя: от тоталитарной диктатуры к параллельному государству? (Н. Н. Морозов)

В главе, сочетающей в себе анализ партийно-политической системы посткоммунистической Румынии с изложением впечатлений непосредственного свидетеля важнейших для страны исторических событий, прослеживается политическая эволюция Румынии за последние 30 лет — после декабрьской революции 1989 г., приведшей к свержению тоталитарного режима Чаушеску. Проведен обзор политических партий и альянсов, который может иметь практическую пользу для исследователей, занимающихся этим периодом в истории

Румынии. На основе многочисленных источников и непосредственных бесед с румынскими политиками выявляются некоторые специфические характеристики политического процесса в стране. Предпринята попытка показать механизм политической власти, сформировавшийся после обвала прежней тоталитарной системы.

Ключевые слова: Румыния, декабрьская революция 1989 г., крах коммунизма в Восточной Европе, Европейский союз, Н. Чаушеску, И. Илиеску, Т. Бэеску, К. Йоханнис

Глава 17. Проблемы и болевые точки венгеро-румынских отношений в условиях «смены систем» и последующего посткоммунистического развития (А. С. Стыкалин)

В конституции, принятой после падения режима Чаушеску, Румыния была объявлена унитарным национальным государством, что создает препятствия для предоставления автономии двум уездам Восточной Трансильвании, где подавляющее большинство населения составляют этнические венгры. Тем не менее этот вопрос продолжает присутствовать в политической жизни Румынии, периодически усиливая напряженность в отношениях официального Бухареста не только с венгерскими партиями Румынии, но и с патронирующим им правительством Венгрии. Принципиальные различия в подходах к проблеме статуса венгерского национального меньшинства в Трансильвании не стали, однако, препятствием на пути поступательного развития взаимовыгодного многостороннего сотрудничества двух соседних стран, с начала 1990-х гг. взявших курс на интеграцию в европейские и евроатлантические структуры. В силу того, что венгерское национальное сознание продолжает и сегодня болезненно воспринимать утрату Трансильвании, между Румынией и Венгрией время от времени вспыхивают «войны» исторической памяти. Однако прагматичные моменты и, прежде всего, взаимная заинтересованность в экономическом сотрудничестве способствуют преодолению возникающих конфликтов.

Ключевые слова: Румыния, Венгрия, Трансильвания, венгерское национальное меньшинство, автономия, Европейский союз, НАТО, румынско-венгерские отношения

Глава 18. Милован Джилас о «саморазрушении коммунизма» (А. Б. Едемский)

В главе рассмотрено отношение Милована Джиласа (1911–1995 гг.), наиболее известного в мире в эпоху холодной войны оппонента коммунистической власти и системы, к событиям 1989–1991 гг. — бесславному краху советского блока. В неизбежности такого финала Джилас был убежден со второй половины 1950-х гг., описав в статье «Буря в Восточной Европе» схему начавшейся дезинтеграции соцлагеря. Верность этой схемы и охранительная реакция СССР были подтверждены в 1968 г. на чехословацком примере. Гипотезы Джиласа о стадийности изменений в странах Восточной Европы, взаимовлиянии политических процессов в СССР и странах региона, сталинизме как логическом продолжении ленинизма, бесперспективности возврата к идеям Ленина вместе с представлением о гниении и разложении управляющего слоя коммунистической бюрократии как естественном результате эволюции «нового класса» послужили основой для оценок им событий в советском лагере в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Комплексный характер идей Джиласа и их последовательная эволюция от марксизма к критическому позитивизму подтверждаются и в подготовленной им в начале 1990-х гг. последней книге трилогии о «новом классе» как проигравшем руководящем слое коммунистов и крушении системы.

Ключевые слова: Милован Джилас, крах коммунизма, Михаил Горбачев, новый класс, стадии дезинтеграции

Глава 19. Трансформация словенской культурной и политической элиты в 80-е гг. XX в.: от социализма к демократии (Н. С. Пилько)

Уход из жизни Йосипа Броза Тито стал переломным событием в истории Социалистической Федеративной Республики Югославия. Начался новый период истории Республики

встали на путь к независимости. На начальном этапе это стремление было неявным, завуалированным демагогией о демократизации общества, однако с каждым годом оно набирало все больше и больше оборотов. Словения была в этом процессе лидером — возможно, оттого, что официальные власти во многом разделяли демократические настроения общественности и ее передовых слоев.

Ключевые слова: СФРЮ, Республика Словения, независимость, демократия, Laibach, католическая церковь, Кучан, Рупел, Янша

Глава 20. Политика примирения в современной Хорватии: от синкретизма к «легитимному национализму» (А. А. Пивоваренко)

Процессы декоммунизации в Центральной Европе, а также на Балканах открыли дорогу для утверждения в странах региона новых версий традиционалистской и националистической идеологии. Особенностью «новой версии» национализма, возникшей в регионе в 1990-е гг., является сочетание радикального национализма с солидаризмом — набором принципиальных установок, обосновывавших бесконфликтное существование правых и левых сил в рамках политической системы отдельных стран. Показательным в этом отношении примером является Хорватия, столкнувшаяся на этапе оформления государственности с необходимостью поиска компромисса между различными элитными группами, видевшими друг в друге политических и идеологических противников до середины — конца 1980-х гг. и имевшими различающиеся взгляды на выработку государственной политики в первые годы независимости. Возникшая в 1990-е гг. компромиссная формула получила название «политика примирения». Ее результатом стало закрепление в современной Хорватии дискурсов и практик, табуированных в период социализма, с некоторым сохранением элементов левой традиции, которые не были полностью исключены. В главе раскрываются идеологические компоненты хорватской концепции «примирения», приводятся примеры ее внедрения в общественной жизни, дается характеристика состояния правого и левого дискурса в 2010-е гг.

Ключевые слова: Хорватия, примирение, Туджман, Колинда Грабар-Китарович

Глава 21. Москва и Подгорица в 1997–1999 гг.: поиск взаимопонимания (Я. Н. Смирнов)

Глава освещает процесс взаимодействия Российской Федерации и Черногории, находившейся в составе СРЮ, в 1997–1999 гг. В этот период Россия активизировала свою политику на балканском направлении, в частности в Югославии. Одним из опорных пунктов для Москвы стала именно Черногория. Сама Республика в это время проходила через период внутривнутриполитической нестабильности, и к концу 1997 г. к власти в стране пришла противоречивая фигура, один из представителей местной политической элиты, — бывший премьер-министр Мило Джуканович. Российские правящие круги и крупный бизнес оказывали ему серьезную политическую и финансовую поддержку в обмен на будущие преференции в ходе приватизации, а также надеясь заполучить в лице Черногории более надежного партнера, чем президент СРЮ С. Милошевич. Для М. Джукановича такая поддержка сыграла значимую роль для наращивания своего влияния и авторитета внутри страны.

Ключевые слова: Югославия, СРЮ, Черногория, Слободан Милошевич, Мило Джуканович, Момир Булатович, НАТО, Демократическая партия социалистов Черногории

Глава 22. Интеграционная роль Греции на Балканах: политика и экономика (А. К. Александрова)

Со второй половины XX в. и вплоть до настоящего времени Греция с переменным успехом пытается выступать на Балканах в роли объединяющей силы. Политические и экономические изменения в регионе и в самой Греции позволяют условно разделить этот

интеграционный процесс на три этапа. Первый этап, начавшийся после окончания Второй мировой войны и завершившийся распадом соцлагеря, можно охарактеризовать как период фактической изоляции Греции на Балканах. Поворот в начале 1990-х гг. стран региона к демократии и рыночной экономике обусловил усиление политического и экономического влияния Греции: она стала на данном этапе форпостом ЕС на Балканах, страной, продвигающей в регионе успешную модель европейской интеграции. Ситуация резко изменилась с началом в 2009 г. финансово-экономического кризиса в Греции. Долговые проблемы Афин, повлиявшие и на экономики стран региона, стали катализатором роста евроскептических настроений на Балканах. В главе рассматривается интеграционная роль Греции на Балканах на каждом из обозначенных этапов.

Ключевые слова: Греция, Балканы, ЕС, интеграция, спор об именовании БЮРМ, греко-турецкие отношения, проблема Кипра, финансово-экономический кризис

Глава 23. Политика Турции на Балканах в свете трансформаций в Центральной и Юго-Восточной Европе на рубеже XX–XXI вв. (И. М. Мамедов)

Забота о политических правах и сохранение культурных ценностей мусульманского и турецкого населения Балкан стали главными причинами вовлеченности Турции в регион в 1990-е гг. Анкара обеспечивала свое присутствие на Балканах в основном в рамках и посредством НАТО, но предпринимала и самостоятельные шаги. Основные средства политики Турции включали осуждение насилия, призывы к диалогу, мирные инициативы, гуманитарные акции, участие в операциях по поддержанию мира.

Ключевые слова: Балканы, Босния и Герцеговина, изменения, Косово, миротворческие операции, НАТО, ООН

CHAPTER ABSTRACTS

Section I. Transformational revolutions in Central Europe: models and implementations

Chapter 1. Transformation in Eastern Europe – democracy or nationalism (*Konstantin V. Nikiforov*)

The transformation process began in Eastern Europe with the “velvet” revolutions and continued after the “color” revolutions. There is much in common between these two types of transformational revolutions, starting with the fact that both are mass protest movements based on the mixing of ideological elements of democracy and nationalism. However, elements of nationalism usually emerge not immediately after the collapse of communism, but after the first democratic changes, even if these nationalist movements are still timid and unsuccessful. That is, nationalists are taking the initiative not from communists, but from democrats.

Keywords: nationalism, democracy, transformational revolutions

Chapter 2. The phenomenon of Visegrad Interaction in the context of Central European transformation (*Liubov N. Shishelina*)

In this chapter, the author analyzes the evolution of the Central European / Visegrad idea, its role in the formation of an intellectual opposition, the implementation of reforms, and the current authority of the Visegrad Group within the European Union and beyond. Three decades after the “Velvet” revolutions, the Visegrad Group has proven itself the most successful project of Central European transformation. An important role in this was played by the almost complete mutual understanding between the politicians behind the first wave of transformations, who were leading Hungary, Poland, Slovakia, and the Czech Republic at the most important stages of the formation of the Visegrad Group. The European Union’s road map for transformation has also contributed to this. The Visegrad Group, while not without problems, has fulfilled its historical mission. It has managed to realise the centuries-long dream of the region: it has brought to life the myth of an equal and just Central Europe.

Keywords: Visegrad group, Central Europe, transformations, “velvet” revolutions, reforms

Chapter 3. Budapest and Brussels’ migration policy (2014–2019) (*Bela Y. Zhelitski*)

Following a brief description of the unprecedented waves of migration flowing into Europe from the Middle East and Africa, the author analyses the migration policy of the European Union and Hungary’s attitude towards this policy between 2014 and 2019. The study centers on the positions, views, and specific actions of the leadership of the European Commission and the political class of Hungary, as well as the relations between them. The main approaches of the parties towards solving the problems of the migration crisis and the differences between them on key issues of migration policy, which at times turned into confrontations between Budapest and Brussels, are shown. Particular attention is given to the circumstances that led to the EU migration crisis.

Keywords: Hungary, European Union, European Commission, Merkel, Orban, Juncker, refugees, migration, migration policy, Dublin system, migration crisis

Chapter 4. Hungary: the policy of maneuvering between the EU, USA, China, and Russia
(*Oleg G. Volotov, Sergei O. Volotov*)

In recent years, Hungary has frequently declared its special position on various issues, which differs from the point of view represented by Brussels. Brussels has, in return, criticized the Hungarian administration for restricting political rights, the growing role of state in the country's social and economic development, its persistent refusal to accept compulsory migrant quotas, its confrontation with Ukraine, and even its alleged anti-Semitism. The disaffection of Brussels with Hungarian Government policies was reflected in the Sargentini Report, which led to the threat of launching a procedure under Article 7 of the Treaty of Lisbon, which would have potentially suspended Hungary's voting rights in the EU and cut off its EU funding. Despite the existing divisions, Hungary values its EU and NATO memberships, as well as the improvements in relations with the US, although it still strives for independence while standing up for its own sovereignty. One of the tools of Hungarian foreign policy is the turn to the East, first and foremost to China and Russia, that allows Hungary to maneuver in a more effective way between the contemporary centers of power.

Keywords: euroscepticism, migration crisis, Sargentini Report, sovereignty, sanction policy, Nord Stream-2, NATO, Ukraine

Chapter 5. Hungary thirty years after the “change of system”. Hungarian “New Economic Policy” of Viktor Orbán (*Fedor Y. Lukyanov*)

Having come to power after the parliamentary elections of 2010, Victor Orbán's Christian-Democratic government has radically changed the country's economic course; the previous government's economic policy nearly brought Hungary to the brink of bankruptcy. The new government has partially nationalized the backbone sectors of the economy – gas, oil, and banking. This measure was aimed at maximizing the development possibilities and attracting investors to the country, while reducing corporate and personal income taxes. The unilateral orientation to the EU market has been replaced by the policy of “Opening East”. The Hungarian NEP resulted in accelerated development of the economy. After the 2009 recession, Hungary's GDP growth rate has consistently reached 4–5%. Hungary has become the largest car manufacturer in Central and Eastern Europe. The country has managed to reduce its public debt significantly and to increase its foreign exchange reserves. Unemployment has fallen sharply. Active demographic policy has increased the birth rate.

Keywords: European union, Central and Eastern Europe, Hungary, parliamentary elections, Victor Orban, economic course, recession, EU market

Chapter 6. From the GDR to Eastern Federal Lands of Germany: features of economic and political transformation (1989–2019) (*Larisa N. Shanshieva*)

This chapter discusses the main stages of social transformation in East Germany since 1989. The author explores the reasons for the peaceful revolution, the split of the political elite, the attempts to unite left-leaning parties, and movements around the idea of adopting a new constitution and rejecting the statehood of the GDR. The causes of the collapse of the GDR, the features of institutional changes in the eastern lands after 1990, and the protracted nature of the transformation are analyzed. The chapter also presents the data on the costs of economic recovery in the eastern federal states and the main socio-economic indicators of development in East and West Germany. Specific attention is paid to the mental differences between East and West Germans and the causes of nostalgic sentiments among the population of the Eastern lands. The question of the modern perception and study of the history of the GDR is also considered. Conclusions are drawn about the specific features of the model of social transformation in East Germany.

Keywords: GDR, Germany, Berlin Wall, peaceful revolution, transformation, reunification of Germany, eastern lands, Pact of solidarity, “ostalgia”, elaboration of history

Chapter 7. The interests of Poland and the future of Europe in the views of radical right-wing Polish politicians (Oleg B. Nemensky)

This chapter analyzes the views of Polish far-right politicians on the future of Europe and Poland's place in the European Union. The author offers a typology of organizations with more pronounced right-wing tendencies than the ruling "Law and Justice" party. Particular attention is paid to the regional and Pan-European ideological contexts.

Keywords: European Union, Central Europe, Poland, extreme right, ultra-right, nationalists, nationalism, national radicals, narodowcy

Chapter 8. Law and Justice Party on Poland's European policy (Oleg Y. Michalev)

The chapter traces the evolution of the views of the Law and Justice Party (PiS), which has been in power in Poland since 2015, on the role and position of the country in the European Union. Since its formation in 2001, PiS has positioned itself as a "Eurorealist" party, focusing on preserving sovereignty and defending Poland's national interests. The attitude of PiS towards such key issues as Poland's accession to the EU and the drafting of the Constitutional and Lisbon Treaties is examined. The main focus of the chapter is on the problems in EU relations faced by PiS during its time in power. The author concludes that the opposition of PiS to the European Union is of a value nature, resulting from different approaches in Warsaw and Brussels to such principles as state sovereignty, family values, attitude towards religion, etc. However, in utilitarian terms PiS is ready to cooperate with the EU and take advantage of the opportunities arising from its membership to increase the competitiveness of the Polish Economy and raise the standard of living in the country.

Keywords: Poland, Law and Justice Party, Euroscepticism, European Union, Polish foreign policy

Chapter 9. Roman Catholic Church in the political life of modern Poland (Vadim V. Volobuev)

The chapter describes the influence of the Roman Catholic Church on the domestic and foreign policies of Poland from the signing of the Treaty of May 1989 between the government and episcopate to the parliamentary elections of 2019. The author shows the interaction of the clergy and parties sharing the social doctrine of the church, in particular the Law and Justice Party, and the role of the personality and views of John Paul II in current Polish politics. Finally, the author considers the disputes and conflicts within Polish Catholicism.

Keywords: Poland, Roman Catholic Church, John Paul II, Law and Justice, Civic Platform, abortion, pedophilia

Chapter 10. Left-wing spectrum of the Czechoslovak political opposition in search of new solutions. The late 1980s to early 1990s (Emil Vorachek)

The chapter is devoted to the history of the formation and activity of left-wing organizations in the Czechoslovak political opposition from the late 1980s to early 1990s. Those organizations were made up of diverse ideological currents from both inside and outside the ranks of the Communist Party of Czechoslovakia (CPCz). Attempts to develop alternative scenarios of social, political, and socio-economic changes in the country are examined. The left-wing had difficulties adapting to the changing conditions provided by the leader of the revolution — the Civil Forum — towards the liberal transformational model. In general, during the period examined in the chapter, the forces of the left, for various reasons, failed to realize their vision for future development.

Keywords: Czechoslovakia, USSR, institutional crisis, opposition, "velvet" revolution, political landscape, systemic transformation, parliamentary elections, anti-communist referendum

Chapter 11. The dilemmas of Czech political life and their pragmatic solutions. 1998–2002
(*Ella G. Zadorozhnyuk*)

In 1998, the Czech Republic underwent a radical shift from the confrontational/conflict-ed political style of the first half of the 1990s to a pragmatic/consensual style. The leaders of the two largest political parties – the center-left Czech Social Democratic Party and the center-right Civic Democratic Party – signed the Opposition Treaty. From that point, it is possible to describe a new political mechanism that reformed the framework of cooperation between the Social Democrats and the Civil Democrats. These techniques of negotiation appeared again, and in a modified version, after another turning point in Czech political history, when the Action movement of disaffected citizens focusing on pragmatic solutions, made a compromise agreement with the CPCzM in 2011. This style of political decision-making can also be given a more expansive interpretation: it can be seen as a specific feature of the political history of a state located in the heart of Europe, economically prosperous and politically extremely turbulent.

Keywords: Czech Republic, political history, turbulence, confrontational/conflict and pragmatic/consensus politics styles, Opposition treaty, political conflicts, parliamentary debates

Chapter 12. Monument to Marshal Konev as a victim of Czech contradictions on Russia
(*Vadim V. Trukhachev*)

The authorities of the Prague 6 district took down the monument to Marshal Konev, who liberated the Czech capital in May 1945. Russia could not prevent this, because the monument was not subject to an intergovernmental agreement. The laws of the Czech Republic allow municipal authorities to decide the fate of monuments standing on their territory. The actions of Czech politicians on a regional level appeared to demonstrate profound ingratitude in the eyes of many people – some condemned the politicians in the sharpest possible terms, but others supported and praised the decision. Representatives of the majority of political parties represented in the Czech Parliament, as well as the country’s President Miloš Zeman, spoke on the topic. The “bronze Marshal” became a victim of Czech internal political disputes over relations with Russia. There is no state-level “war” against monuments to Red Army soldiers in the Czech Republic. However, decisions to remove them have been taken several times at local level.

Keywords: Konev, monument, Czech Republic, Prague, World War II, Zeman

Chapter 13. Czechoslovakian elites before the “velvet” revolution (1985–1989) (*Viktor V. Nikitin*)

The processes leading to the “velvet” revolution in Czechoslovakia are examined in this chapter; using archival documents, the preconditions of the “perestroika” economy in the USSR and its impact on the economies of Central and Southeast European countries, including Czechoslovakia, are analyzed. Differentiation within the framework of the ruling CPCz is characterized; the attitudes of members of the federal and national governments, as well as those of deputies of the federal parliament, to the “velvet” revolution are examined; and the role of Slovak politicians in the search for ways to transform the country is emphasized.

Keywords: USSR, perestroika, glasnost, M. S. Gorbachev, Czechoslovakia, political elite, “velvet” revolution

Section II. Transformational revolutions in South-Eastern Europe: expectations and outcomes

Chapter 14. The Hungarian factor and the specific features of Transylvanian politics (1989–2000) (*Igor S. Putintsev*)

This study examines the specific features of Transylvanian politics, which is influenced by its ethnic, cultural, and confessional diversity. The political role of the Hungarian minority and Romanian nationalists in the 1990s is analyzed. The study also focuses on how the main Romanian parties and political blocs influenced regional politics. The changing views of the Democratic Alliance of the Hungarians in Romania on the autonomy issue and the problems that resulted from its attempts to raise this issue are also examined.

Keywords: Romania, Transylvania, national minorities, Hungarian minority, nationalism, the Democratic Alliance of the Hungarians in Romania, the Romanian National Unity Party, the “Greater Romania” party

Chapter 15. Features of the foreign policy of Romania (*Tatiana N. Bitkova*)

The main part of this chapter is devoted to the consideration of the Euro-Atlantic direction of Romanian foreign policy. A brief overview of foreign policy under the administrations of the four presidents is given. The core idea that stands out is that, despite some nuances of foreign policy preferences of various presidential teams, Romania throughout the post-communist period firmly adhered to the course of participation in Euro-Atlantic structures. The chapter touches on important aspects of regional cooperation from the point of view of Romania’s geopolitical ambitions: relations with the Republic of Moldova, Ukraine, and Hungary. The country’s foreign policy priorities are determined by taking into account its active “pro-Americanism” and complicated relations with Russia, which have resulted from negative perception of the latter’s foreign policy. The main contours of Romania’s foreign policy are also examined through the prism of public opinion, including statements by representatives of nationalist groups that negatively assess the Euro-Atlantic priorities of Romanian foreign policy.

Keywords: Romania, foreign policy, European Union, NATO, military bases, Ukrainian crisis, Russia

Chapter 16. Romania thirty years later: from a totalitarian dictatorship to a deep state? (*Nikolai N. Morozov*)

This chapter combines an analysis of the party-political system of post-communist Romania with the impressions of a direct witness to the most important historical events in the country, tracing the political evolution of Romania over the 30 years after the December revolution of 1989, which led to the overthrow of the totalitarian regime of Ceaușescu. A review of political parties and alliances is presented, which may be of practical benefit to researchers working on this period in Romanian history. On the basis of numerous sources and direct interviews with Romanian politicians, some specific characteristics of the political process in the country are identified. An attempt has been made to show the mechanisms of political power that have emerged since the collapse of the former totalitarian system.

Keywords: Romania, December 1989 revolution, collapse of communism in Eastern Europe, European Union, N. Ceaușescu, I. Iliescu, T. Basescu, K. Iohannis

Chapter 17. Problems and pressure points in Hungarian-Romanian relations in the context of a “change of systems” and subsequent post-communist development (*Aleksandr S. Stykalin*)

In the constitution adopted after the fall of the Ceaușescu regime, Romania was declared a unitary nation-state, which was an obstacle to granting autonomy to two counties of Eastern Transylvania where ethnic Hungarians make up the vast majority of the population. Nevertheless, this issue continues to be part of the political life of Romania, periodically increasing the tension in

relations between Bucharest not only with the Hungarian parties of Romania, but also with the Hungarian government that supports these parties. The fundamental differences in approach to the problem of the status of the Hungarian minority in Transylvania did not, however, become an obstacle to the progressive development of mutually beneficial bilateral cooperation between the two neighboring countries. Owing to the fact that the Hungarian national consciousness continues to perceive the loss of Transylvania as painful, “wars” of historical memory flare up from time to time between Romania and Hungary. However, pragmatic considerations, and, above all, mutual interest in economic cooperation, contribute to overcoming any conflicts that emerge.

Keywords: Romania, Hungary, Transylvania, Hungarian national minority, autonomy, European Union, NATO, Romanian-Hungarian relations

Chapter 18. Milovan Djilas on the self-destruction of Communism (Andrei B. Edemsky)

The chapter presents the results of an examination of the attitude of Milovan Djilas (1911–1995), the world’s most famous opponent of Communist power and the Communist system during the Cold War, who was removed from the ranks of the political elite in the early 1950s for his critique which predicted the collapse of the Soviet bloc and the monopoly of Communist power. Djilas was convinced of the inevitability of such a finale from the second half of the 1950s, describing in his article “Storm in Eastern Europe” the theoretical beginning of the disintegration of the Soviet bloc. The validity of the three stages and the protective reaction of the USSR he predicted was confirmed in 1968 in Czechoslovakia. His hypotheses about the process of changes in Eastern Europe, the mutual influence of processes in the USSR and Eastern Europe, Stalinism as a logical continuation of Leninism, the futility of returning to Lenin’s practice, and the idea of the rotting and decomposition of the governing stratum of the Communist bureaucracy (the “New Class”) as a natural result of its evolution formed the basis for his assessments of processes in the Soviet camp in the late 1980s and early 1990s, when Djilas focused in his writing mainly on the activities and personality of the Soviet leader Mikhail Gorbachev. The complex nature of Djilas’s ideas and their evolution from Marxism to critical positivism are also confirmed in the third book of his trilogy *Managers and the Collapse of Communism*, written in the early 1990s, about the “new class” as the losing stratum of Communists.

Keywords: Milovan Djilas, collapse of communism, Mikhail Gorbachev, “new class”, stages of disintegration

Chapter 19. Transformation of the Slovenian cultural and political elite in the 1980s: from socialism to democracy (Nadezhda S. Pilko)

The death of Josip Broz Tito was a turning point in the history of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. A new period had begun. The republics began to declare their desire for independence. Initially, this desire was not explicit, covered as it was by demagoguery about the democratization of society, but with every passing year it grew stronger. Slovenia was a leader in this independence process because Slovenian official authorities largely shared the democratic attitudes of both the intellectuals and society as a whole.

Keywords: SFRY, Republic of Slovenia, independence, democracy, Laibach, Catholic Church, Kuchan, Rupel, Jansha

Chapter 20. The politics of reconciliation in contemporary Croatia: from syncretism to “legitimate nationalism” (Aleksandr A. Pivovarenko)

The process of decommunisation in Central Europe and the Balkans paved the way for new versions of traditionalist and nationalist ideologies. The specific feature of the “new” nationalism which emerged in the 1990s is a combination of radical nationalism with solidarity, which might be defined as a set of doctrinal ideas to provide for the conflict-free existence of right and left political forces within the political system of a country. A remarkable example in this regard is Croatia, which, during the stage of statehood formation in the 1990s, faced the necessity of consolidating and integrating

various elite groups who had seen themselves as opponents until the mid-1980s and who had differing concepts of state formation. The emerging ideological formula was called “the politics of reconciliation”. It led to the anchoring in contemporary Croatia of discourses and patterns that were taboo in the communist period, while some significant elements of the leftist tradition were not totally dismantled. This chapter characterizes the ideological aspects of the reconciliation in Croatia, analyzes the most remarkable examples of its implementation in the first 20 years of modern Croatia’s history, and analyzes the differences between right and left discourse in 2010s.

Keywords: Croatia, reconciliation Tudjman, Kolinda Grabar-Kitarovic

Chapter 21. Moscow and Podgorica in 1997–1999: in search of common interests (Yakov N. Smirnov)

The chapter highlights the process of interaction between the Russian Federation and Montenegro, which was part of the FRY, from 1997 to 1999. During this period, Russia stepped up its policy in the Balkans, particularly in Yugoslavia. Montenegro became a stronghold for Moscow. The republic itself during this time was going through a period of domestic political instability, and by the end of 1997 a controversial figure came to power in the country, one of the representatives of the local political elite – former Prime Minister Milo Djukanovic. Russian ruling circles and big business provided him with serious political and financial support in exchange for future preferences during privatisation, as well as hoping to make Montenegro a more reliable partner than it had been under the president of the FRY, Slobodan Milosevic. For Djukanovic, such support played a significant role in building up his influence and authority within the country.

Keywords: Yugoslavia, FRY, Montenegro, Slobodan Milosevic, Milo Djukanovic, Momir Bulatovic, NATO, The Democratic Party of Socialists of Montenegro

Chapter 22. The integration role of Greece in the Balkans: politics and economics (Anna K. Aleksandrova)

Since the mid-twentieth century, Greece has been trying, with varying degrees of success in different periods, to act as a primary agent of unification for the Balkan region. Political and economic shifts in the Balkans and in Greece itself allow us to divide the Balkan integration process into three stages. During the first stage, from the end of World War Two to the collapse of the Eastern bloc, Greece was for the most part isolated from the rest of the Balkans. The shift towards democracy and a market economy in the early 1990s marked the second stage, and this determined the growing political and economic influence of Greece in the Balkans. Greece became the primary outpost of European integration among the Balkan countries. The situation changed dramatically in 2009, after the onset of the financial and economic crisis, and represents the beginning of the third stage. The debt issues Greece faced adversely impacted the other countries and caused euro-skeptic ideas to spread throughout the Balkans. The chapter thoroughly examines the integrative role of Greece in the Balkan region in each of the aforementioned stages.

Keywords: Greece, Balkans, EU, integration, FYROM naming dispute, Greek-Turkish relations, Cyprus problem, financial and economic crisis

Chapter 23. Turkey’s policy in the Balkans in the light of transformations in South-Eastern Europe in the late twentieth and early twenty-first centuries (Ilgar M. Mamedov)

Concern for the political and cultural rights of the Muslim and Turkish population of the Balkans became the main reason for Turkish involvement in the region in the 1990s. Turkey secured its presence in the Balkans mainly within and through NATO. However, Turkey also took independent steps. The main means of Turkey’s policy included condemnation of violence, calls for dialogue, peace initiatives, humanitarian actions, and participation in peacekeeping operations.

Keywords: Balkans, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, peace operations, NATO, transformations, United Nations

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСАНДРОВА Анна Константиновна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ.

БИТКОВА Татьяна Георгиевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, РФ.

ВОЛОБУЕВ Вадим Вадимович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ.

ВОЛОТОВ Олег Григорьевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований, Институт экономики РАН, Москва, РФ.

ВОЛОТОВ Сергей Олегович — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований, Институт экономики РАН, Москва, РФ.

ВОРАЧЕК Эмил — доктор исторических наук, научный сотрудник Отдела истории XX в., Институт истории Академии наук Чешской Республики, Прага, Чехия.

ЕДЕМСКИЙ Андрей Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ.

ЖЕЛИЦКИ Бела Йожефович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ.

ЗАДОРЖНЮК Элла Григорьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ.

ЛУКЪЯНОВ Фёдор Егорович — независимый исследователь, журналист, Будапешт, Венгрия.

МАМЕДОВ Ильгар Махалович — кандидат исторических наук, член Консультативного совета Международного института мира, Вена, Австрия; старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ.

МИХАЛЕВ Олег Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и мировой политики факультета международных отношений, Воронежский государственный университет, Воронеж, РФ.

МОРОЗОВ Николай Николаевич — кандидат филологических наук, корреспондент ТАСС в Румынии.

НЕМЕНСКИЙ Олег Борисович — научный сотрудник Отдела истории средних веков, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ.

НИКИТИН Виктор Викторович — младший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ.

НИКИФОРОВ Константин Владимирович — доктор исторических наук, профессор, директор Института славяноведения РАН, член бюро Национального комитета российских историков, вице-президент Международной ассоциации и председатель Национальной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, Москва, РФ.

ПИВОВАРЕНКО Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ.

ПИЛЬКО Надежда Сергеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ.

ПУТИНЦЕВ Игорь Сергеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и политики стран Европы и Америки, МГИМО МИД России, Москва, РФ.

СМИРНОВ Яков Николаевич — младший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ.

СТЫКАЛИН Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн, Институт славяноведения РАН, Москва, РФ.

ТРУХАЧЕВ Вадим Вадимович — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, РФ.

ШАНШИЕВА Лариса Николаевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, РФ.

ШИШЕЛИНА Любовь Николаевна — доктор исторических наук, заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы и Вишеградским центром, Институт Европы РАН, Москва, РФ.

TRANSFORMATIONAL REVOLUTIONS IN THE COUNTRIES OF CENTRAL AND SOUTH-EASTERN EUROPE ON THEIR THIRTIETH ANNIVERSARY. 1989–2019

Summary

This collective monograph validates the relevance of the complex concept of “Transformational Revolutions” introduced here for the first time in academic circulation, which essentially expands the perspective of revolutionary origins and outcomes in Central and South-Eastern Europe. The authors analyze the prerequisites, course, and results of transformational revolutions in the countries of the region during the thirty-year period of their modern history. The studies describe the features of post-socialist modernization and the domestic and foreign political crises inherent in each country, the pros and cons of their involvement in the processes of European integration, and the benefits of joining NATO. The previously used term, “Velvet” revolution, does not cover the entire set of fundamental transformations in these countries in domestic and foreign policy. The researchers underline the specifics of a democratic political structure combined with a market economy for the countries in the region, with particular emphasis on ideological and political confrontation between the forces of the left and right in the framework of a multiparty system, and characterize the mechanism of changes in power during elections. They portray the correlation of euro-optimism and euro-scepticism in different countries, and their opposition to the dictates of Brussels. The authors emphasize that not only the Soviet perestroika, but also the various versions of revolution in the countries of the region led to the reformatting of the European and even global civilizational space. They reveal that many events of 30 years ago still determine the course of current events in the countries of the region and these countries may have incomplete transformation processes. The authors for the first time conduct a comparative analysis of the inclusion of the former GDR as part of a single German state in the EU and the divergent processes in the former socialist federations of Czechoslovakia and Yugoslavia. They pay special attention to the relationship between European, regional, and national components in the course of the revolutions and also the resulting conflicts. The authors also examine the specifics of the entry of Central European countries and later the Balkan subregions into NATO and the EU, and the role played by religious-cultural factors in individual countries. This monograph examines the lessons of Greece’s recovery from the financial and economic crisis, as well as on

Turkey's special Balkan interest in a larger Euro-Asian context. These revolutions are investigated from a comparative historical point of view with the reasons, processes, and results of the deep changes in the countries of Central and South-Eastern Europe during their 30-year modern history analyzed. In addition, their experiences of post-socialist modernization, which includes their search and elaboration of optimal models for interaction among themselves as well as with the countries of the East, particularly Russia, and West, is described, and hindering factors are identified.

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 4 заседания Ученого совета ФГБУН
Института славяноведения РАН от 29.09.2020)

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
К 30-летию событий
1989–2019

Корректор *Е. Г. Закревская*
Оригинал-макет *Л. Е. Голд*
Дизайн обложки *П. К. Донской*

Подписано в печать 00.00.2021. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 32,25. Тираж 500 экз. Заказ № 2425

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86